

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ

АЛЕКСАНДРА СЕРГЬЕВИЧА

ПУШКИНА.

Владимир Г. Герасимов

СОЧИНЕНІЯ

ПУШКИНА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ
ПОРТРЕТА, СНИМКОВЪ СЪ ЕГО ПОЧЕРКА И СЪ ЕГО РИСУНКОВЪ, И ПРОЧ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ П. В. АННЕНКОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1855

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 22-го Октября 1854 года.

Ценсоръ *А. Фрейгангъ.*

ВЪ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

АЛЕКСАНДРА СЕРГЪЕВИЧА

ПУШКИНА (*).

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ, въ 1799 году, Мая 26, въ четвергъ, въ день Вознесенія Господня, на Молчановкѣ.

Мать его, какъ извѣстно, была изъ фамиліи Ганнибаловыхъ. Общія черты родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ переданы

(*) Матеріалы, представляемые теперь публикѣ, преимущественно извлечены изъ бумагъ поэта, а за сообщеніе нѣкоторыхъ подробностей о жизни его, которыя вообще такъ трудно добываются у насъ, приносимъ здѣсь искреннюю благодарность родственникамъ, друзьямъ и знакомымъ поэта, благоволившимъ передать намъ свои воспоминанія. При самомъ началѣ труда нашего покойный Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, Н. И. Павлицевъ и покойный Павелъ Александровичъ Катенинъ, составили для настоящаго изданія, и по нашей просьбѣ, три записки: первый о жизни поэта до пріѣзда его въ Москву въ 1826 г., второй о дѣтствѣ Пушкина (со словъ родной сестры его О. С. Павлицевой), третій вообще о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Записки эти, писанныя собственной рукой авторовъ, находятся у составителя матеріаловъ и многочисленные отрывки изъ нихъ приведены имъ въ текстъ. Двѣ изъ этихъ записокъ отчасти уже знакомы читателямъ: первая была опубликована вполнѣ, а вторая въ отрывкахъ, вѣроятно съ копій, предоставленныхъ авторами лицамъ, сообщившимъ ихъ публикѣ.

были самимъ Александромъ Сергѣевичемъ въ его «Запискахъ.» Къ нимъ можно только прибавить нѣсколько замѣтокъ. Изъ всѣхъ своихъ предковъ, Пушкиныхъ, Александръ Сергѣевичъ особенно уважалъ Боярина Григорія Гавриловича Пушкина, служившаго при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ въ Польшу, съ титуломъ Нижегородскаго Намѣстника, и скончавшагося въ 1656 году. Александръ Сергѣевичъ происходилъ отъ него по прямой линіи и въ честь его далъ меньшому своему сыну имя Григорія. Изъ предковъ своихъ, Ганнибаловыхъ, А. С. Пушкинъ часто упоминаетъ о родоначальникѣ этой фамиліи, негрѣ Абрамѣ Петровичѣ. Мы увидимъ также, что Пушкинъ посвятилъ нѣсколько превосходныхъ лирическихъ строчъ памяти его знаменитаго сына, Генераль-Поручика Ивана Абрамовича Ганнибала, славнаго основаніемъ Херсона, гдѣ ему воздвигнуть и памятникъ и первую Наваринскую битвою, въ которой онъ былъ участникомъ и героемъ. Этотъ Ганнибалъ, умершій въ С.-Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, игралъ важную роль въ своемъ семействѣ. Онъ былъ благодѣтелемъ бабушки Александра Сергѣевича, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, урожденной Пушкиной, въ ту тяжелую и романтическую эпоху ея жизни, когда мужъ ея, Осипъ Абрамовичъ Ганнибалъ еще при жизни ея женился на Устинѣ Ермолаевнѣ Т — ой, поддѣлавъ фальшивое свидѣтельство о смерти законной жены своей (*). Марья Алексѣевна нашла себѣ защитника въ братѣ своего мужа, Иванѣ Абрамовичѣ. Его вліяніемъ расторгнуть былъ незаконный бракъ, отдана ей малолѣтняя дочь, Надежда Осиповна, мать нашего поэта и предоставлено во владѣніе одно изъ родовыхъ селъ мужа — Кобринно, (***) въ 60

(*) Показаніе это, взятое изъ записки, сообщенной намъ сестрой поэта, черезъ посредство супруга ея П. И. Павлицева, противорѣчитъ со статьей о дѣтствѣ Пушкина, напечатанной въ Журналѣ Москвитянинъ 1852, № 24, гдѣ сказано было, что Осипъ Абрамовичъ только намѣревался жениться на Устинѣ Ермолаевнѣ.

(**) Оба брата, Осипъ и Иванъ Абрамовичи, были сосѣди по деревнямъ. Помѣстье втораго — Суйды, находилось только въ 5-ти верстахъ отъ Кобрина, гдѣ тогда числилось 100 душъ. Третій братъ Петръ Абрамовичъ, пережившій всѣхъ ихъ и умершій слишкомъ девяноста лѣтъ отъ роду — уже былъ лично извѣстенъ Пушкину, какъ увидимъ ниже.

верстахъ отъ Петербурга. То самое село Михайловское, гдѣ и Александръ Сергѣевичъ провелъ два года уединенной жизни, назначено было постояннымъ мѣстопробываніемъ его дѣду — Осипу Абрамовичу. Онъ умеръ тамъ въ 1806 году. Смерть соединила враждующихъ супруговъ на кладбищѣ Святогорскаго Успенскаго монастыря, лежащаго не-подалеку отъ Михайловскаго, гдѣ также похороненъ, какъ извѣстно, и внукъ ихъ. По близкому сосѣдству съ Петербургомъ, Марья Алексѣевна Ганнпбаль, вмѣстѣ съ дочерью своею, часто посѣщала столицу. Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, служилъ тогда въ Измайловскомъ полку. Свадьба его и Надежды Осиповны, вѣроятно, происходила въ Петербургѣ, потому-что первенецъ ихъ — дочь Ольга Сергѣевна родилась въ 1798 году, именно въ то время, какъ Сергѣй Львовичъ состоялъ еще на службѣ въ Петербургѣ. Благодѣтель семьи и опекунъ Надежды Осиповны, Генераль-Поручикъ Иванъ Абрамовичъ Ганнпбаль былъ тогда воспріемникомъ младенца. Онъ еще дожилъ до рожденія Александра Сергѣевича (смерть этого знаменитаго моряка относится къ 1800 году), но уже не видѣлъ его. Въ 1798 Сергѣй Львовичъ вышелъ въ отставку; въ слѣдующемъ 1799 Марья Алексѣевна продала село Кобринно, и все семейство Пушкиныхъ переѣхало въ Москву, гдѣ на деньги, вырученныя отъ продажи имѣнія, Марья Алексѣевна приобрѣла сельцо Захарьино, верстахъ въ сорока отъ Москвы. 26 Мая, какъ мы сказали, родился тамъ поэтъ нашъ и воспріемникомъ его былъ Графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ. При продажѣ Петербургскаго имѣнія, общая няня всѣхъ молодыхъ Пушкиныхъ, знаменитая Арина Родіоновна, записанная по Кобрину, получила отпускную, вмѣстѣ съ двумя сыновьями и двумя дочерьми, но никакъ не хотѣла воспользоваться вольною. При продажѣ Захарьино или Захарова, какъ называлъ его просто самъ Александръ Сергѣевичъ (1811 года), она отклонила предложеніе выкупить семейство одной изъ дочерей своихъ, Марьи, въшедшей за мужъ за крестьянина въ Захаровѣ, сказавъ: «Я сама была крестьянка, на что вольная!» Приставленная сперва къ сестрѣ поэта, потомъ къ нему и, наконецъ, къ брату его, Родіоновна вынырнула все новое поколѣніе этой семьи. Въ какихъ

*

трогательныхъ отношеніяхъ съ нею находился второй изъ ея питомцевъ, прославившій ея имя на Руси — извѣстно всякому.

Родіоновна принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ Русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія къ молодости съ притворной строгостію, — оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и, въ годы возмужалости и славы, бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется еще и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ, какъ нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно-оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны. Можно сказать съ увѣренностію, что онъ обязанъ своей нянѣ первымъ знакомствомъ съ источниками народной поэзіи и впечатлѣніями ея, которыя, однако жъ, какъ это вскорѣ увидимъ, были замѣтно ослаблены послѣдующимъ воспитаніемъ.

Въ числѣ писемъ къ Пушкину, почти отъ всѣхъ знаменитостей Русскаго общества, находятся и записки отъ старой няни, которыя онъ берегъ наравнѣ съ первыми. Вотъ что писала она около 1826 года. Мысль и самая форма мысли видимо принадлежатъ Аринѣ Родіоновнѣ, хотя она и позаимствовала руку для ихъ изложенія.

«Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ — я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна — вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ и только когда засну, забуду васъ. Пріѣзжай, мой Ангелъ, къ намъ въ Михайловское — всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы Онъ далъ намъ свидѣться. Прощай мой батюшко Александръ Сергѣевичъ. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебень отслужила — *поживи, дружики, хорошенько, — самому слюбится*. Я слава Богу здорова — цалую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родіоновна. (Тригорское, Марта 6.)»

Какимъ чуднымъ отвѣтомъ на это письмо служить неизданный отрывокъ Пушкина, который мы здѣсь приведемъ:

«Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытые ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь,
То чудится тебѣ

Почтенная старушка умерла въ 1828 году, 70 лѣтъ, въ дому питомицы своей, Ольги Сергѣевны Павлицевой.

Другимъ путемъ къ раннему сближенію съ народными обычаями и приемами могло служить само сельцо Захарово, проданное въ 1811 году, когда молодой Пушкинъ увезенъ былъ въ С.-Петербургъ для опредѣленія въ Лицей. Семейство его, постоянно жившее въ Москвѣ съ 1798, проводило лѣто въ новой деревнѣ Марьи Алексѣевны. Зажиточные крестьяне Захарова не боялись веселиться; пѣсни, хороводы и пляски пѣлись и плясались тамъ часто. Въ двухъ верстахъ отъ Захарова находится богатое село Вязѣмо. По неимѣнію церкви, жители Захарова считаются прихожанами села Вязѣмо, гдѣ похороненъ братъ Пушкина, Николай, умершій въ 1807 году (род. въ 1802) и куда Александръ Сергѣевичъ самъ часто ѣздилъ къ обѣднѣ. Село Вязѣмо принадлежало Борису Годунову и сохраняетъ доселѣ память о немъ. Тамъ указываютъ еще на пруды, будтобы вырытые по его повелѣнію — и на церковную колокольню, имъ построенную. Вѣроятно молодому Пушкину часто говорили о прежнемъ Царѣ — владѣтелѣ села. Такимъ образомъ мы встречаемся, еще въ дѣтствѣ Пушкина, съ предметами, которые въ послѣдствіи оживлены были его гениемъ. Пушкинъ вспоминалъ

о Захаровѣ на скамьяхъ Лицея, и въ одномъ изъ многочисленныхъ легкихъ посланій, тамъ написанныхъ, говорить:

«Мнѣ видится мое селенье,
 Мое Захарово; оно
 Съ заборами, въ рѣкѣ волнистой
 Съ мостомъ и роцею тѣнистой,
 Зерцаломъ водъ отражено.
 На холмѣ домикъ мой; съ балкона
 Могу сойти въ веселый садъ,
 Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
 Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
 Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
 Возносится до небосклона,
 И глухо тополи шумятъ.

(Неизданное стихотвореніе.)

Гораздо позднѣе, въ 1831 году, передъ женитьбою своею, Александръ Сергѣевичъ побывалъ въ Захаровѣ, и покуда Марья, дочь пани его, готовила ему сельскій завтракъ изъ яичницы, онъ объжалъ рощицу возлѣ дома и всѣ мѣста, напоминавшія ему дѣтство его: «Все наше рушилось, Марья, сказалъ онъ по возвращеніи: все поломали, все заросло . . .» Черезъ два часа онъ уѣхалъ. Дѣйствительно, флигель, гдѣ жили дѣти прежняго помѣщика, уже былъ тогда за ветхостію разобранъ и оставался одинъ большой домъ. Многія березки на берегу пруда порублены. Впрочемъ еще недавно одинъ путешественникъ (*) видѣлъ тамъ старую липу Пушкина; съ этого пункта можно было наслаждаться прекраснымъ видомъ на прудъ и на противоположный берегъ его, покрытый зеленымъ еловымъ лѣсомъ. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что всѣ русскія надписи на деревьяхъ Захарова принадлежатъ старымъ или новымъ гостямъ его, но совсѣмъ не Александру Пушкину, по весьма простой причинѣ: въ ранней молодости онъ писалъ одишъ Французскіе стихи, по примѣру своего родителя и по духу самаго воспитанія.

Отецъ его, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, былъ человекъ отъ природы добрый, но вспльчивый. При малѣйшей жалобѣ гувер-

(*) Г. Макаровъ. См. Москвитянинъ 1851 года №№ 9 и 10-й.

нёровъ или гувернантокъ онъ сердился, выходилъ изъ себя, но гнѣвъ его проистекалъ отъ врожденнаго отвращенія ко всему, что нарушало его спокойствіе, и скоро проходилъ. Вообще, Сергій Львовичъ не любилъ заниматься серьёзными дѣлами по дому, воспитанію и хозяйству, предоставивъ все это супругѣ своей Надеждѣ Осиповнѣ; никогда не бывалъ онъ въ дальнихъ своихъ деревняхъ, какъ напримѣръ въ Болдинѣ (Нижегородской губерніи), предоставивъ имѣніе это въ полное распоряженіе управляющему, своему крѣпостному человѣку, и отдавалъ все свое время только удовольствіямъ общества и наслажденіямъ городской жизни.

Нѣкоторыя черты врожденной его безопасности сохранены въ семействѣ и переданы намъ Н. И. Павлицевымъ. Записанный съ малолѣтства въ Измайловскій полкъ, Сергій Львовичъ былъ переведенъ потомъ, при Государѣ Павлѣ Петровичѣ, въ Гвардейскій Егерскій. Сергій Львовичъ не могъ отстать въ службѣ отъ нѣкоторыхъ привычекъ, къ числу которыхъ принадлежала привычка сидѣть у камелька съ пріятелями и мѣшать въ немъ огонь, — причеиъ, разъ, Сергій Львовичъ употребилъ на это собственную свою офицерскую трость и съ ней же явился потомъ къ должности. Начальникъ, замѣтивъ обгорѣлую трость, подошелъ къ нему и сказалъ: «Ужъ вамъ бы, Г. Поручикъ, лучше явиться съ кочергою на ученье!» Огорченннй Сергій Львовичъ жаловался потомъ супругѣ своей на тяжесть военной службы. Между прочимъ онъ питалъ какое-то отвращеніе къ перчаткамъ и почти всегда терялъ ихъ или забывалъ дома; будучи однажды приглашенъ съ другими товарищами своими на балъ къ Высочайшему Двору, онъ по обыкновенію, не позаботился объ этой части своего туалета и оробѣлъ порядкомъ, когда Государь Павелъ Петровичъ, подойдя къ нему, изволилъ спросить по-французски: «отчего вы не танцуете?» «Я потерялъ перчатки, Ваше Величество», отвѣчалъ въ смущеніи молодой офицеръ. Государь поспѣшно снялъ перчатки съ своихъ собственныхъ рукъ и, подавая ихъ, сказалъ съ улыбкою: «вотъ вамъ мои!» потомъ взялъ его подъ руку съ ободрительнымъ видомъ и, подводя къ дамѣ, прибавилъ: «а вотъ вамъ и дама!»

Оставивъ военную службу въ 1798 году, Сергѣй Львовичъ переселился въ Москву и жилъ долгое время близъ Нѣмецкой слободы, у самой Яузы, не переходя моста. Послѣ Отечественной кампаніи, онъ снова опредѣлился на службу и въ 1814 г. начальствовалъ Коммиссаріатскою Коммиссіею Резервной Арміи, въ Варшавѣ. Г-нъ Б***, назначенный на его мѣсто, рассказывалъ, что, принимая отъ него сложную должность, онъ засталъ Сергѣя Львовича въ присутственномъ мѣстѣ за Французскимъ романомъ, вмѣсто счетовъ и бумагъ. Сергѣй Львовичъ вышелъ въ отставку съ чиномъ V класса.

Съ другой стороны, Сергѣй Львовичъ, какъ и братъ его, поэтъ Василій Львовичъ, были душою общества, неистощимы въ каламбурахъ, острогахъ и тонкихъ шуткахъ. Онъ любилъ многолюдныя собранія, а братъ его даже славился по Москвѣ своимъ поваромъ, Власіемъ, котораго онъ называлъ Blaise, и который въ первую холеру умеръ въ Охотномъ ряду, торговцемъ. Связи Сергѣя Львовича были довольно обширны. Черезъ Пушкиныхъ онъ былъ въ родствѣ со всею этою фамиліею, а черезъ Ганнибаловыхъ съ Ржевскими и ихъ свойственниками—Бутурлиными, Черкасскими и проч. Онъ даже жилъ домъ-объ домъ съ Графомъ Дмитріемъ Петровичемъ Бутурлинымъ и гости послѣдняго были его гостями. Въ числѣ посѣтителей его были: Карамзинъ, Батюшковъ, Дмитріевъ и молодой Пушкинъ, который всегда внимательно прислушивался къ ихъ сужденіямъ и разговорамъ, — зналъ корифеевъ нашей словесности не по однимъ произведеніямъ ихъ, но и по живому слову, выражающему характеръ чловѣка и западающему часто въ юный умъ невольно и неизгладимо.

Вмѣстѣ со всѣмъ лучшимъ обществомъ Москвы, домъ Сергѣя Львовича, какъ всѣ избранные дома тогдашняго времени, былъ открытъ для Французскихъ эмигрантовъ: новое средство развлечения, котораго всѣ искали. Между этими эмигрантами отличалось лицо Графа Ксавье де-Мэстра. Онъ уже напечаталъ тогда свое «*Voyage autour de ma chambre*, и, въ промежуткахъ между литературными занятіями, любилъ посвящать свои досуги портретной живописи и откровенной бесѣдѣ съ друзьями. Портретъ

матери Пушкина, Надежды Осиповны, работы Мэстра, находился долгое время у Льва Сергѣевича Пушкина. Самъ Сергѣй Львовичъ былъ извѣстенъ, какъ острякъ и человѣкъ необыкновенно находчивый въ разговорахъ. Владѣя въ совершенствѣ Французскимъ языкомъ, онъ писалъ на немъ стихи такъ легко, какъ Французъ и дорожилъ этою способностію. Много альбомовъ, вѣроятно, сохранили его произведенія; и есть слухи, что въ это время онъ написалъ даже цѣлую книжку, въ которой рассуждалъ по-Французски, — стихами и прозой — о современной ему Русской литературѣ. Чрезвычайно любезный въ обществѣ, онъ торжествовалъ особенно въ играхъ (*jeux de société*), требующихъ бѣглости ума и остроты, и былъ необходимымъ человѣкомъ при устройствѣ праздниковъ, собраній и, особенно, домашнихъ театровъ, на которыхъ, какъ онъ, такъ и братья, Василій Львовичъ, отличались искусствомъ игры и декламациа (*). Въ обществѣ Сергѣя Львовича находились также и двѣ извѣстныя піанистки, блиставшія вмѣстѣ съ тѣмъ и талантомъ остроумной бесѣды: Дѣвица Першонъ-де-Муши и Г-жа Шимановская. Первая вышла замужъ за Фильда, вторая, впоследствии, сдѣлалась тещей поэта М—ча.

Памятникомъ веселости, оживлявшей это общество, осталась даже печатная книжка. Извѣстно, что когда дядя нашего поэта, Василій Львовичъ Пушкинъ, собирался ѣхать за границу, то И. И. Дмитриевъ предупредилъ, такъ сказать, весь будущій рассказъ путешественника въ стихотворной шуткѣ, подъ названіемъ: «Путешествіе N N въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія». Книжка эта, напечатанная только для друзей, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, сдѣлалась теперь библиографическою

(*) Н. И. Павлицевъ передалъ намъ нѣсколько образчиковъ его находчивости. «Quelle ressemblance ya-t-il entre le soleil et vous M-r Pouchkine? спросили его разъ. C'est qu'on ne saurait fixer l'un et l'autre sans faire la grimace» — Отвѣчалъ онъ тотчасъ же. Многія изъ его возраженій имѣли большой успѣхъ въ обществѣ, какъ напр. отвѣтъ дорожной Польской дамѣ, спрашивавшей его: «Est-ce vrai, M-r Pouchkine, que vous autres Russes, vous êtes des antropophages: vous mangez de l'ours?» — Non, M-me, отвѣчалъ онъ: nous mangeons de la vache, comme vous» и проч.

рѣдкостію. — Шутка И. И. Дмитріева особенно поражаетъ соединеніемъ веселости, мѣткости и вмѣстѣ благородства, что очень рѣдко встрѣчаемъ въ нашихъ печатныхъ произведеніяхъ этого рода. За три дня до отъѣзда своего за границу, Васисій Львовичъ общалъ, на дружескомъ ужинѣ, вѣрно передать свои впечатлѣнія пріятелямъ. И. И. Дмитріевъ возразилъ, что письма ёго всегда будутъ драгоцѣнны для нихъ, но что содерженіе корреспонденціи почти уже извѣстно. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ сочинилъ: «Путешествіе», къ которому приложилъ еще картинку, изображавшую будущаго туриста въ Парижѣ, за урокомъ декламациі у Тальмы. Чрезвычайно остроумно и вѣрно изображенъ тамъ авторъ «Опаснаго сосѣда», съ его жаждой новостей, слѣпымъ поклоненіемъ иностраннымъ диковинкамъ, усвоеніемъ всѣхъ возможныхъ модъ и вмѣстѣ неизмѣннымъ добродушіемъ и прямою сердцемъ. Вотъ начало этой книжки, которая можетъ дать понятіе о всемъ ея тонѣ:

Друзья! сестрицы! я въ Парижѣ,
 Я началъ жить; а не дышать!
 Садитесь вы другъ къ другу ближе
 Мой маленькій журналъ читать.
 Я былъ въ Музеѣ, въ Пантеонѣ,
 У Бонапарте на поклонѣ,
 Стоялъ близехонько къ нему,
 Не вѣря счастью своему.
 Вчера меня Князь Долгоруковъ
 Представилъ милой Рекамье,
 Я видѣлъ корпусъ Мамелюковъ
 Сіеса, Вестриса, Мерсье (*), и т. д.

(*) Вотъ какъ А. С. Пушкинъ отзывался въ 1834 году объ этомъ мало-извѣстномъ произведеніи И. И. Дмитріева. Выписываемъ изъ его тетрадей: «Путешествіе etc. Картинка изображаетъ etc. Эта книжка никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были пріятелямъ автора, отъ котораго имѣлъ я счастье получить и свой — чуть ли не послѣдній. Я храню его какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоцѣнной.

Путешествіе etc. есть веселая, незлобная шутка надъ однимъ изъ пріятелей автора. Покойный В. Л. П. отправился въ Парижъ и его младенческій во-

Воспитаніе дѣтей въ семействѣ Пушкиныхъ ни чѣмъ не отличалось отъ общепринятой тогда системы. Какъ во всѣхъ хорошихъ домахъ того времени, имъ наняли гувернеровъ, гувернантокъ, учителей, и подчинили ихъ совершенно этимъ воспитателямъ съ разныхъ концовъ свѣта.

До семилѣтняго возраста Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ не предвѣщалъ ничего особеннаго; напротивъ, своєю неповоротливостію, своєю тучностію, робостію и отвращеніемъ къ движенію, онъ приводилъ въ отчаяніе Надежду Осиповну, женщипу умную, прекрасную собой, страстную къ удовольствіямъ и разсѣяніямъ общества, какъ и всѣ окружающіе ее, но имѣющую въ характерѣ тѣ черты, которыя заставляютъ дѣтей повиноваться и вѣрнѣе дѣйствуютъ на нихъ, чѣмъ мгновенный гнѣвъ и вспышки. Впрочемъ, она не могла скрыть предпочтительной любви сперва къ дочери, а потомъ къ меньшому сыну, да и на самое воспитаніе дѣтей, кромѣ ея, гувернеровъ и гувернантокъ, имѣли вліяніе еще и двѣ тетки Александра Сергѣевича — Анна Львовна Пушкина и Елисавета Львовна, по мужѣ Солнцева. Анна Львовна собирала въ дому своемъ часто всѣхъ родныхъ и умѣла вселять искреннія привязанности къ себѣ.

Мужъ Елисаветы Львовны, Матвѣй Михайловичъ Солнцевъ былъ искреннимъ другомъ Сергѣя Львовича, съ которымъ могли состязаться въ любезности, тонкихъ шуткахъ и французскихъ каламбурахъ. Правильной системы воспитанія тутъ уже не могло быть, и если существовало какое-либо единство, то развѣ въ общемъ недовѣрїи къ характеру и способностямъ молодого Але-

сторгъ подалъ поводъ къ сочиненію маленькой поэмки, въ которой съ удивительною точностію изображенъ весь В. Л. Это образецъ игривой легкости и живой шутки.

«Искренность драгоцѣнна въ поэтѣ. Намъ прїятно видѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ, измѣненіяхъ его живой и творческой души, и въ печали, и въ радости, и въ пареніяхъ восторга, и въ отдохновеніи чувствъ, и въ Ювенальскомъ негодованіи, и въ маленькой досадѣ на скучнаго сосѣда.

Виновать: я бы отдалъ все, что было написано у насъ въ подражаніе Лорду Байрону за слѣдующіе, задумчивые и неосторженные стихи, въ которыхъ поэтъ заставляетъ героя своего восклицать къ друзьямъ: . . . »

Стихи не были приложены къ отзыву Пушкина.

ксандра Пушкина. Это обстоятельство, однако жъ, имѣло въ послѣдствіи благодѣтельное вліяніе на послѣдняго. Не избалованный въ дѣтствѣ излишними угожденіями, онъ легко переносилъ лишенія и рано привыкъ къ мысли—искать опоры въ самомъ себѣ. Надежда Осиповна заставляла маленькаго Пушкина бѣгать и играть съ сверстниками, съ трудомъ побѣждая и лѣность его и молчаливость. Разъ на прогулкѣ онъ, незамѣченный ни кѣмъ, отсталъ отъ общества и преспокойно усѣлся посреди улицы. Сидѣлъ онъ такъ до тѣхъ-поръ, пока не замѣтилъ, что изъ одного дома кто-то смотритъ на него и смѣется. «Ну, нечего скалить зубы!»—сказалъ онъ съ досадою и отправился домой. Когда настойчивыя требованія быть по-живѣ превосходили мѣру терпѣнія ребенка, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, залѣзалъ въ ея корзинку и долго смотрѣлъ на ея работу. Въ этомъ убѣжищѣ уже никто не тревожилъ его. Марья Алексѣевна была женщина замѣчательная, столько же по приключеніямъ своей жизни, сколько по здравому смыслу и опытности. Она была первой наставницей Пушкина въ Русскомъ языкѣ. Баронъ Дельвигъ еще въ Лицеѣ приходилъ въ восторгъ отъ ея письменнаго слога, отъ ея сильной, простой русской рѣчи. Къ-несчастію, мы не могли отыскать ни малѣйшаго образчика того безыскусственнаго и мужественнаго выраженія, которымъ отличались ея письма и разговоры. Вторымъ русскимъ учителемъ Пушкина, нѣсколько позднѣе, былъ, по странному случаю, нѣкто *Г. Шиллеръ*. Впрочемъ, труды Г. Шиллера не могли принести особенныхъ плодовъ въ это время, потому-что маленькій Пушкинъ и сестра его, воспитавшіеся вмѣстѣ, говорили, писали и твердили уроки изъ всѣхъ предметовъ по - Французски.

Главнымъ руководителемъ дѣтей былъ сперва Графъ Монфоръ, образованный эмигрантъ, бывшій въ то же время музыкантомъ и живописцемъ; за нимъ Г. Русло, писавшій Французскіе стихи; потомъ Г. Шедель, и другіе. Настоящимъ, дѣльнымъ наставникомъ въ Русскомъ языкѣ, Ариѳметикѣ и въ Законѣ Божіемъ былъ у нихъ почтенный священникъ Маріинскаго Института, Александръ Ивановичъ Бѣликовъ, извѣстный своими проповѣдями и изданіемъ: «Духа Массильона (1808)». Когда наняли Англичанку

(Миссъ Белли) для Ольги Сергѣевны, Пушкинъ учился по-Англійски, но плохо, а по-Нѣмецки и вовсе не учился. Была у нихъ гувернантка Нѣмка, да и та почти никогда не говорила на своемъ родномъ языкѣ. Вообще ученье подвигалось медленно.

Возлагая всѣ свои надежды на память, молодой Пушкинъ повторялъ уроки за сестрой, когда ее спрашивали; ничего не зналъ, когда начинали экзамень съ него; заливался слезами надъ четырьмя правилами Ариѣметики, которую вообще плохо понималъ. Особенно дѣленіе, говорятъ, стоило ему многихъ слезъ и трудовъ.

Но съ 9 года начала развиваться у него страсть къ чтенію, которая и не покидала его во всю жизнь. Онъ прочелъ, какъ водится, сперва Плутарха, потомъ Иліаду и Одиссею, въ переводѣ Битобе, потомъ приступилъ къ библіотекѣ своего отца, которая наполнена была Французскими классиками XVII вѣка и произведеніями философовъ послѣдующаго столѣтія. Сергѣй Львовичъ поддерживалъ въ дѣтяхъ это расположеніе къ чтенію и вмѣстѣ съ ними читывалъ избранныя сочиненія. Говорятъ, онъ особенно мастерски передавалъ Мольера, котораго зналъ почти наизусть, но еще и этого было недостаточно для Александра Пушкина. Онъ проводилъ безсонныя ночи, тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и безъ разбора *пожиралъ* всѣ книги, попадавшіяся ему подъ-руку. Вотъ почему замѣчаніе Льва Сергѣевича, что на 11-мъ году, при необычайной памяти своей, Пушкинъ уже зналъ наизусть — всю Французскую литературу, можетъ быть принято съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Первыя попытки авторства, вообще рано проявляющіяся у дѣтей, пристрастившихся къ чтенію, обнаружилась у Пушкина, разумѣется, на Французскомъ языкѣ и отзывались вліяніемъ знаменитаго комическаго писателя Франціи. Пушкинъ любилъ импровизировать комедійки и, по общему согласію съ сестрой, устроилъ нѣчто въ родѣ театра, гдѣ авторомъ и актеромъ былъ братъ, а публикой — сестра. Разъ какъ-то публика освистала его пьесу *L'Escamoteur*. Авторъ отдѣлался отъ оскорбленія эпиграммой, сохранившейся доселѣ въ памяти тогдашняго судьи:

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
 Est-il sifflé par le parterre?
 Hélas—c'est que le pauvre auteur
 L'escamota de Molière (*).

Стишки гладенькіе и легкіе. Они были предшественниками такихъ же русскихъ стиховъ, которые Пушкинъ началъ писать уже въ Лицеѣ. Авторство шло параллельно съ его чтеніемъ. Ознакомившись съ Лафонтеномъ, Пушкинъ сталъ писать бѣсны. Начитавшись Генриады, онъ задумалъ поэму въ 6 пѣсняхъ, но здѣсь останавливаетъ насъ одна характеристическая особенность. Это была не героическая поэма, какъ слѣдовало бы ожидать, а шуточная. Содержаніемъ послужила война между карлами и карлицами во времена Дагоберта. Карло послѣдняго, по имени *Toly*, былъ героемъ ея, почему и вся поэма называется *La Tolyade*. Стихотворная шутка начиналась такъ:

«Je chante ce combat, que Toly remporta,
 Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
 Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
 Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche (**).

Все это было во вкусъ того, что слышалъ Пушкинъ вокругъ себя и чему онъ довольно долго подражалъ, какъ увидимъ послѣ. Гувернантка похитила тетрадку поэта и отдала Г. Шеделю, жалуясь, что *M-r Alexandre* за подобными вздорами забываетъ о своихъ урокахъ. Шедель расхохотался при первыхъ стихахъ. Раздраженный авторъ тутъ же бросилъ въ печку свое произведение.

(*) «Скажи, за что партеръ освисталъ моего *«Похитителя»*? Увы! За то, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера.» За эти драгоценныя подробности мы еще разъ повторяемъ благодарность нашу Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлицевой, и особенно теперь, когда указанія ея почти уже всѣ исчерпаны нами. Сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Нельзя ручаться, чтобы стихи, приводимые здѣсь, не были невольнo измѣнены и отчасти исправлены при передачѣ ихъ послѣ столь долгаго времени.

(**) Пою сраженіе, выигранное Толл, гдѣ пало много ратниковъ, гдѣ Павелъ отличился, а съ нимъ Николай Матуринъ и прекрасная Нитушъ, рука которой была наградой за эту страшную схватку.

Г. Макаровъ разсказываетъ стыдъ и замѣшательство молодаго Пушкина, когда въ домѣ Графа Бутурлина, по разнесшейся молвѣ о поэтическихъ его дарованіяхъ, къ нему приступили всѣ жившія тамъ дѣвушки съ альбомами и просьбами написать что-нибудь. Какой-то господинъ прочелъ русское четверостишіе Пушкина и, для большей торжественности, ударялъ на о (*). Мальчикъ только успѣлъ сказать: «Ah, mon Dieu!» — и убѣжалъ безъ памяти въ библіотеку Графа, гдѣ долго еще не могъ прійти въ себя. Эта сцена повторилась въ жизни Пушкина, но судьей былъ тогда Державинъ, слушателями всѣ наставники Лицея и публика, собравшаяся на экзамень, а читанное произведение (*Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*) носило уже всѣ признаки заражающагося таланта.

Между-тѣмъ приблизилось время общественнаго образованія для Пушкина. Глаза всѣхъ родителей обращены были тогда на Іезуитскій Коллегіумъ, существовавшій въ Петербургѣ и пріобрѣтшій извѣстность въ дѣлѣ воспитанія. Пушкины нарочно ѣздили въ Петербургъ для устройства этого дѣла и переговоровъ съ директорами заведенія, когда положеніе объ открытіи Царскосельскаго Лицея совершенно измѣнило планы ихъ. Директоромъ Лицея былъ назначенъ Василій Ѳеодоровичъ Малиновскій, съ которымъ, какъ и съ братьями его, Сергѣй Львовичъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ. При помощи его, а особенно при содѣйствіи А. И. Тургенева, горячо принявшагося за это дѣло, двѣнадцатилѣтній Пушкинъ былъ принятъ въ счетъ тѣхъ 30-ти воспитанниковъ, изъ которыхъ, по положенію, долженъ былъ состоять весь Лицей. Василій Львовичъ привезъ племянника въ Петербургъ и держалъ его у себя въ домѣ все время, покуда онъ приготавлился къ экзамену. 12-го Августа 1811 года Пушкинъ, вмѣстѣ съ Дельвигомъ, выдержалъ пріемный экзамень и поступилъ въ Лицей. Извѣстно, что мѣсяць и число открытія

(*) Это противорѣчитъ другому показанію, что Пушкинъ не писалъ Русскихъ стиховъ въ малолѣтствѣ, но мы оставляемъ здѣсь слова Г. Макарова. При томъ же тутъ совершенной исключительности допустить нельзя. Пушкинъ могъ погрѣшнить и русскимъ четверостишіемъ въ это время.

Лицея (19-го Октября) часто встрѣчаются въ стихотвореніяхъ Пушкина, посвященныхъ воспоминанію о товарищахъ и своемъ пребываніи между ними.

Вскорѣ Лицейская семья умножилась. Одинъ изъ профессоровъ (Г. Гауеншльдь) завелъ пансіонъ для приготовленія молодыхъ людей ко вступленію въ Лицей, а такихъ было много. Пансіонъ, съ Высочайшаго соизволенія, причисленъ къ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ подъ именемъ Лицейскаго Пансіона и сравненъ въ служебныхъ правахъ съ гимназіями. Въ пансіонѣ, какъ и въ самомъ Лицеѣ, Пушкинъ нашелъ дружескія привязанности, которыми оставался вѣренъ въ продолженіе цѣлой жизни. Вообще, привязанность воспитанниковъ Лицея къ мѣсту первоначальнаго своего образованія составляетъ ихъ общую черту. Дельвигъ то-сковалъ объ Лицеѣ на другой же день послѣ своего выхода. Извѣстно, что онъ писалъ почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ:

«Не мило мнѣ на новосельѣ:
Здѣсь все увяло, тамъ цвѣло;
Одно и есть мое веселье —
Увидѣть Царское Село.»

Учебная жизнь молодого Пушкина не была блестяща. При обширной, почти изумительной памяти, ему не доставало продолжительныхъ, ровныхъ усилій вниманія. Къ тому же въ характерѣ его было какое-то нежеланіе выказывать и тѣ познанія, которыя онъ приобрѣлъ. Вѣроятно по этой причинѣ аттестатъ, выданный Пушкину по окончаніи курса, свидѣтельствовалъ, какъ сообщаетъ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, о посредственныхъ успѣхахъ даже въ русскомъ языкѣ (*).

(*) Въ Архивахъ Лицея, по свидѣтельству г. Гаевского (см. Современникъ 1853 г. № II.), сохранены вѣдомости о дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Лицея: съ 1-го Ноября 1812 по 1-е Января 1814 и съ 19-го Ноября 1812 по 1-е Февраля 1814 г.

Въ первой, за Географію, Всеобщую и Россійскую Исторію, профессоръ Байдаковъ аттестовалъ Пушкина такъ: «при маломъ прилежаніи, оказываетъ очень хорошіе успѣхи и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менте противу прежняго.» Во вто-

Не входя здѣсь въ подробности преподаванія, для чего не имѣемъ мы и достаточныхъ матеріаловъ, ограничимся при описаніи Лицея тѣмъ, что ближайшимъ образомъ касалось Пушкина. Каждый изъ учениковъ Лицея имѣлъ свою отдѣльную комнату подъ надзоромъ общаго гувернера, С. Л. Ч., почтеннаго человѣка, посвятившаго болѣе тридцати лѣтъ жизни исполненію скромной своей должности и дозволялось по праздникамъ посѣщеніе извѣстныхъ лицъ, жившихъ въ Царскомъ Селѣ; для прогулокъ открыты были воспитанникамъ сады дворца, а для занятій свободный входъ въ довольно — богатую бібліотеку Лицея.

Замѣчательно, что въ Лицеѣ основныя черты характера Пушкина развернулись очень скоро, какъ будто здѣсь предоставленъ имъ былъ просторъ и сняты были съ нихъ досадныя помѣхи: съ одной стороны обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце, съ другой расположеніе къ насмѣшкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Товарищи называли его Французомъ, вѣроятно, за превосходное знаніе Французскаго языка, но эпитетъ этотъ скрывалъ также и нерасположеніе ихъ къ живому и задорному мальчику, и выводилъ иногда самага Пушкина изъ терпѣнья. Только немногіе знали — и въ томъ числѣ Дельвигъ — его душу, сильно расположенную къ пріязни и откровенности. Дельвигъ былъ идеалистъ въ жизни, если не въ сочиненіяхъ. Онъ еще въ Лицеѣ побудилъ Пушкина заниматься Нѣмецкой литературой и читать Германскихъ поэтовъ; но Пушкинъ, кажется, оставилъ своего товарища на первыхъ попыткахъ ознакомиться съ Клопштокомъ. Смутное предчувствіе жизни, неясная потребность существенности, держали его постоянно въ кругу Французскихъ поэтовъ, съ которыми онъ и знакомъ былъ хорошо. Тогда еще не только Пушкинъ, но и почти никто у насъ не видалъ какъ была бѣдна эта поэзія чувствомъ и истиной. Гораздо лучше этого питалъ

рой, составленной Профессоромъ Логикѣ и нравственныхъ наукъ А. П. Буницкимъ, Пушкинъ аттестуется: «весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень не велики, особенно по части Логикѣ.»

раннія умственныя наклонности Пушкина другой предметъ — исторія. Мы находимъ по единогласному свидѣтельству самихъ товарищей Пушкина, что, вмѣстѣ съ Французскою и Отечественною Словесностію, онъ преимущественно занимался Исторіею, и между этими предметами дѣлилъ все свое время и всѣ свои чтенія.

Такимъ-образомъ очень естественно, что Пушкинъ продолжалъ писать французскіе стихи и въ Лицеѣ. У насъ есть цѣлое стихотвореніе его, писанное на заданную тему: *jusqu'au plaisir de nous revoir*. Приводимъ два первые куплета этой пьесы, вызванной соревнованіемъ въ одномъ изъ Царскосельскихъ обществъ, гдѣ, въ числѣ занятій, были и литературныя состязанія.

С О У П Л Е Т Ы .

Quand un poëte en son extase
 Vous lit son ode ou son bouquet,
 Quand un conteur traine sa phrase,
 Quand on écoute un perroquet, —
 Ne trouvant pas le mot pour rire,
 On dort, on baille en son mouchoir,
 On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

* *
 * *

Mais tête-à-tête avec sa belle,
 Ou bien avec des gens d'esprit,
 Le vrai bonheur se renouvelle, —
 On est content, l'on chante, on rit:
 Prolongez vos paisibles veilles,
 Et chantez vers la fin du soir
 A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir (*). и т. д.

(*) Прилагаемъ переводъ куплетовъ: «Когда восторженный поэтъ читаетъ вамъ свою оду или свое приношеніе, когда вѣдлый рассказчикъ тянетъ слова, когда наконецъ слушаете попутяя, — не находи ни одного забавнаго слова, вы смѣете, вы зѣваете въ платокъ вашъ, вы ждете нетерпѣливо минуты сказать: «до свиданія! до свиданія!» Но съ глазу на глазъ со своей милой или съ умными людьми — наступаютъ минуты истиннаго блаженства. Вы довольны, вы поете и смѣетесь. Старайтесь тогда продолжить мирную бесѣду вашу и къ концу вечера, прощаясь съ друзьями и бутылками, пойте: до свиданія! до свиданія!

Когда наконецъ принялся онъ за русскіе стихи, движимый постояннымъ и неопредѣленнымъ желаніемъ авторской славы, то съ перваго раза встрѣтилъ весьма строгаго цѣнителя въ профессорѣ Россійской и Латинской Словесности, Н. Θ. Кошанскомъ, который старался даже отвратить его отъ попытокъ сочинительства и только позднѣе, убѣдившись въ талантѣ своего ученика, съ жаромъ принялся знакомить его съ теоріей Словесности и съ классическими произведеніями древности; но разсѣянность ученика и болѣзнь учителя, продолжавшаяся три года, много помѣшали успѣху этого дѣла. Эпиграммы Пушкина, начинавшія ходить по рукамъ, доставляли ему ту дешевую извѣстность, которую онъ предпочиталъ болѣе дѣльному отличію на поприщѣ науки: каждый хотѣлъ знать эпиграмму его на другаго. Люди по старше сверстниковъ и боялись его ударовъ, и направляли ихъ въ тайнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ написалъ нѣсколько легкихъ посланій, нѣсколько подражаній Французскимъ поэтамъ, которыя помѣщены были въ рукописныхъ журналахъ, издававшихся въ самомъ Лицеѣ. Журналы эти совершенно утеряны и только названія ихъ сохранились въ памяти старыхъ Лицейскихъ воспитанниковъ;—это были: Лицейскій мудрецъ, Дя Удовольствія и Пользы, Неопытное Перо, Пловцы. . .

Вообще, склонность къ литературѣ составляла характеристическую черту Лицейскаго воспитанія. Между прочимъ, воспитанники выдумали довольно замысловатую игру. Составивъ одинъ общій кружокъ, они обязывали каждаго или рассказать повѣсть, или по крайней мѣрѣ начать ее. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдующій за разскащикомъ принималъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась, другою развивалъ ее далѣе, третій вводилъ новыя подробности и такъ до окончанія, которое иногда не скоро являлось. Дельвигъ первенствовалъ на этой, такъ сказать, гимнастикѣ воображенія; его никогда нельзя было застать въ распλοхъ: интриги, завязки и развязки были у него всегда готовы. Пушкинъ уступалъ ему въ способности придумывать на-скоро происшествія и часто прибѣгалъ къ хитрости. Помнятъ, что онъ разъ изложилъ изумленнымъ и восхищеннымъ своимъ слушателямъ исторію 12-ти спящихъ Дѣвъ, умолчавъ объ источникѣ, откуда почерпнулъ ее.

*

Между-тѣмъ, при такомъ же случаѣ, онъ еще въ грубыхъ чертахъ, разумѣется, передалъ и двѣ повѣсти, имъ самимъ придуманныя: *Мятедь* и *Выстрѣлъ*, которыя позднѣе явились въ повѣстяхъ Бѣлкина.

Въ бумагахъ Пушкина сохраняется драгоценная записка, принадлежащая къ плану автобіографіи, какую замыслилъ онъ написать уже въ эпоху своей извѣстности и славы. Документъ этотъ, составляющій программу будущаго разсказа о самомъ себѣ, содержитъ и перечень всего сказаннаго нами и нѣсколько новыхъ дополнительныхъ подробностей, изъ которыхъ многія требуютъ поясненій, какихъ мы уже дать не можемъ. Для будущаго біографа Пушкина записка поэта—драгоценнѣйшій очеркъ, достойный развитія и тщательнаго изслѣдованія.

«Семья моего отца, его воспитаніе, Французы — учителя: Воит. . . , Mr. Martin. Отецъ и дядя въ Гвардіи. Ихъ литературныя знакомства. Бабушка и ея мать — ихъ бѣдность. Иванъ Абрамовичъ. Свадьба отца. Смерть Императрицы Екатерины — рожденіе Ольги. Отецъ выходитъ въ отставку и ѣдетъ въ Москву. Рожденіе мое.

«Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ, землетрясеніе, няня. Отъѣздъ матери въ деревню. Первыя непріятности—гувернантки. Рожденіе Льва. Непріятныя воспоминанія. Смерть Николая. Монфоръ, Русло, Кат. П. и Ан. Ив. Нестерпимое состояніе. Охота къ чтенію. Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей.

«1811, 1812, 1813.

«Дядя Василій Львовичъ. Дм. Дм., война съ Ан. Ник. Свѣтская жизнь. Лицей, открытіе. Куницынъ. Гр. Аракчеевъ. Начальники наши. Мое положеніе. Чечневъ, Фроловъ.

«1814.

«Смерть Малиновскаго. Пріѣздъ Карамзина. Пріѣздъ матери, пріѣздъ отца, стихи etc. Мое тщеславіе. 15 лѣтъ.

«1815.

Извѣстіе о взятіи Парижа. Экзамень, Державинъ.»

Никто не усомнится, что подъ рукой Пушкина программа эта могла бы развиваться въ удивительную картину нравовъ и въ мастерское изображеніе лицъ и происшествій. Только послѣднюю

часть ея — свою встрѣчу съ Державинимъ — разсказалъ намъ поэтъ, унеся все остальное съ собой. Если можно выбирать въ литературномъ дѣлѣ, которое, вѣроятно, было бы равно замѣчательно, то особенно достойно сожалѣнія, что первыя впечатлѣнія молодости нашего поэта — Юсуповъ садъ, Землетрясеніе, Няня, — потеряны на всегда для читателей (*).

Вслѣдъ за этимъ прилагаемъ второй документъ, но это уже отрывокъ изъ подлинныхъ записокъ Пушкина, веденныхъ имъ во время пребыванія своего въ Лицеѣ. Онъ принадлежитъ, по всѣмъ признакамъ, къ 1815 году и писанъ еще юношескимъ почеркомъ Александра Сергѣевича, на синей бумагѣ въ четвертку. Около тридцатыхъ годовъ, Александръ Сергѣевичъ произвелъ нѣчто въ родѣ ауто-да-фе, изъ всѣхъ лицейскихъ писемъ и записокъ, какія только могъ найти подъ рукою. Нашъ отрывокъ, уцѣлѣлъ вѣроятно, потому, что затерялся въ его тетрадахъ. Самый поверхностный разборъ укажетъ сколько еще въ немъ заключено любопытныхъ данныхъ, освѣщающихъ лице поэта въ ту эпоху, которая больше другихъ отошла въ тѣнь и мракъ прошедшаго.

Лицейскія записки Пушкина открываются второй половиной анекдота, который былъ впоследствии разсказанъ Пушкинымъ

(*) Немногіе помнятъ теперь землетрясеніе, бывшее въ Москвѣ въ 1802 году. Вотъ начало статьи, помѣщенной тогда въ Вѣстникѣ Европы, изд. Н. М. Барамзина (Вѣс. Евр. 1802. часть VI, № 21, стр. 69. Москва). «14 Октября, въ исходѣ втораго часа по полудни, мы чувствовали легкое землетрясеніе, которое продолжалось секундъ двадцать и состояло въ двухъ ударахъ или движеніяхъ. Оно шло отъ востока къ западу, и въ нѣкоторыхъ частяхъ города было сильнѣе, нежели въ другихъ: на примѣръ (сколько можно судить по разсказамъ) на Трубѣ, Рожественкѣ и за Язую. Оно не сдѣлало ни малѣйшаго вреда и не оставило никакихъ слѣдовъ, кромѣ того, что въ стѣнѣ одного погреба (въ городской части) оказались трещины, а въ другомъ отверстіе въ землѣ, на аршинъ въ окружности. . . . Удары были чувствительны въ высокихъ домахъ; почти во всѣхъ качались люстры, въ иныхъ столы и стулья. Многіе люди, не вѣря глазамъ, вообразили, что у нихъ кружится голова. Работники, бывшіе на Спасской башнѣ, увѣряютъ, что стѣны ея тряслися. Тѣ, которые шли по улицѣ или ѣхали, ничего не чувствовали, и большая часть жителей только на другой день узнала, что въ Москвѣ было землетрясеніе. . . .» А. С. Пушкинъ былъ еще очень молодъ въ то время, не болѣе трехъ съ половиною лѣтъ. Со всѣмъ тѣмъ любопытно было бы видѣть Пушкинское изложеніе, вѣроятно нянинныхъ разсказовъ о необыкновенномъ феноменѣ.

иначе, но здѣсь анекдотъ сопровождается еще замѣчательной припиской.

«. большой Грузинскій носъ, а Партизанъ почти во-все былъ безъ носу. Д* является къ Б—ену: «Князь Б—онъ, говоритъ, прислалъ меня доложить Вашему Высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу» «На чьемъ носу, Д. В.? отвѣчаетъ Генераль, ежели на вашемъ, такъ онъ ужъ близко, если же на носу Князя Б—она, то мы успѣемъ еще отобѣдать.

«Жуковский даритъ мнѣ свои стихотворенія.»

Такимъ образомъ Жуковскій еще въ 1815 году обратилъ вниманіе и поощрительный взглядъ свой на юнаго поэта. Далѣе слѣдуютъ строки:

«8 Ноября.

Ш—овъ и Г-жа Б—на увѣнчали недавно Кн. Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ»

Отсюда начинается посланіе къ извѣстному драматическому писателю нашему, которое не приводимъ и за слабостію стиховъ и за рѣзкость нѣкоторыхъ упрековъ (*). Поводомъ къ негодованію Пушкина и многихъ другихъ на Кн. Шаховскаго были

(*) Вотъ нѣсколько выписокъ:

«Вчера, въ торжественномъ вѣнчаньи
Творца Затѣй,
Мы зрѣли полное собранье
Бесѣды всей.
И всѣ въ одинъ кричали строй
Хвала, хвала тебѣ о Ш—ой!

* *
*

«Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза Балладъ,
Въ *Бесѣдѣ* бодрый усыпитель,
Хлыстову братъ,
И врагъ талантовъ записной
Хвала, хвала тебѣ о Ш—ой!» и проч.

Здѣсь уже является враждебное отношеніе молодыхъ писателей тогдашняго времени къ литературному обществу, извѣстному подъ названіемъ: «Бесѣды любителей Русскаго слова», о чемъ будетъ еще сказано въ продолженіи нашего труда подробнѣе.

его комедіи: «Липецкія воды» и «Новый Стернь», гдѣ въ первой видѣли пародію на баллады Жуковского, а во второй — на сантиментальность Карамзина. Эпитетъ «Записнаго гонителя талантовъ» данъ былъ Кн. Шаховскому, какъ за эти пьесы, такъ еще и по неоправданному подозрѣнію въ недоброежелательствѣ къ успѣхамъ Озерова. Теперь несомнѣнно, что все это было дѣломъ увлеченія, за которымъ слѣпо шелъ и Пушкинъ; но надо сказать, что онъ первый и отсталъ отъ толпы, какъ скоро увидимъ. Молодой сатирикъ обращается, однакожь, отъ стиховъ къ критическому разбору самихъ произведеній даровитаго писателя. Это первый примѣръ литературнаго сужденія въ Пушкинѣ, а потому выписываемъ его:

«Мои мысли о Шаховскомъ.

«Шах — никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственной стихотворецъ. Шах — не имѣетъ большого вкуса: онъ худой писатель. Что же онъ такой? Не глупой чело-вѣкъ, который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ, пришедъ домой, все записываетъ и потомъ, какъ ни-попало, вклеиваетъ въ свои комедіи.»

Особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто въ запискахъ:

«10 Декабря.

«Вчера написалъ я третью главу: *Фатама* или *разумъ чело-вѣскій*, читалъ ее С. С. и вечеромъ съ товарищами тушили свѣчки и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! По утру читалъ жизнь Вольтера.»

«Началъ я комедію — не знаю кончу ли ее. Третьяго дня хотѣлъ я написать Ироическую поэму: *Игорь* и *Ольга*

«Лѣтомъ напишу я *Картину Царскаго Села*.

1. Картина сада.
2. Дворецъ. День въ Ц. С.
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. Жители Сарскаго Села.

«Вотъ главные предметы всѣдневныхъ моихъ записокъ — но это еще будущее.»

Эти главные предметы записокъ обнаруживаютъ постоянное стремленіе къ литературной дѣятельности въ молодомъ ученикѣ. Нѣкоторые изъ его товарищей еще помнятъ содержаніе романа: «Фатама», написаннаго по образцу сказокъ Вольтера. Дѣло въ немъ шло о двухъ старикахъ, молившихъ Небо даровать имъ сына, жизнь котораго была бы исполнена всѣхъ возможныхъ благъ. Добрая Фея возвѣщаетъ имъ, что у нихъ родится сынъ, который въ самый день рожденія достигнетъ возмужалости, и вслѣдъ за этимъ, почестей, богатства и славы. Старики радуются, но Фея полагаетъ условіе, говоря, что естественный порядокъ вещей можетъ быть нарушенъ, но не уничтоженъ совершенно: волшебный сынъ ихъ съ годами будетъ терять свои блага и нисходитъ къ прежнему своему состоянію, переживая вмѣстѣ съ тѣмъ года юношества, отрочества и младенчества до-тѣхъ-поръ, пока снова очутится въ рукахъ ихъ безпомощнымъ ребенкомъ. Моральная сторона сказки состояла въ томъ, что измѣненіе натурального хода вещей никогда не можетъ быть къ лучшему. О комедіи Пушкина, вскорѣ уничтоженной и объ героической поэмѣ почти ничего не могли мы собрать (*), но картина Царскаго Села могла служить продолженіемъ другой пьесы: *Воспоминанія въ Царскомъ Сельѣ*, которая была въ 1815 году прочитана на публичномъ экзаменѣ Лицея въ присутствіи Державина, и породила сцену, такъ живо разсказанную впоследствии самимъ Пушкинымъ. Не мѣшаетъ прибавить, что отецъ нашего поэта, дополнилъ ее еще одной чертой. Послѣ экзамена былъ торжественный обѣдъ у г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа А. К. Разумовскаго, на который и Сергій Львовичъ получилъ приглашеніе. Державинъ находился тутъ же. За

(*) Есть положительное извѣстіе, что В. А. Жуковский, въ то же самое время, намѣревался написать поэму или стихотвореніе: *Ольга*, на подобіе Вальтер-Скоттовой поэмы: *Дѣва Озера*. Въ Легендѣ объ Ольгѣ также говорится, что она первоначально была *первозицей*. Бунтъ Вадима въ Новгородѣ долженъ былъ составлять эпизодъ въ поэмѣ, но В. А. Жуковский оставилъ намѣреніе безъ исполненія. Не передалъ ли онъ плана стихотворенія молодому своему другу начинающему обращать тогда его вниманіе на себя? Мы знаемъ, что еще въ 1821 г. Пушкинъ думалъ о Сѣверной поэмѣ: *Вадимъ*, и бросилъ ее, послѣ нѣсколькихъ попытокъ.

обѣдомъ Графъ Алексѣй Кирилловичъ, обращаясь къ Пушкину, замѣтилъ: «я бы желалъ однакоже образовать сына вашего къ прозѣ». «Оставьте его поэтомъ!» пророчески и съ необыкновеннымъ жаромъ возразилъ Державинъ.

Нѣсколько листовъ записокъ заняты ученическими, безсвязными куплетами, въ которыхъ повторяются слова, части рѣчи и любимыя фразы людей, окружавшихъ Пушкина, не представляя почти никакого смысла сами по себѣ. Какъ значеніе, такъ и соль куплетовъ совершенно пропали (*). Гораздо важнѣе ихъ одно мѣсто въ запискахъ, гдѣ мечтательность юнаго поэта, питаемая самыми незначительными обстоятельствами, начинаетъ наполнять его ученическую компану вымыслами, фантастическими образами и предположеніями. Отрывокъ начинается стихами:

«29-го.

И такъ я щастливъ былъ и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!....

И гдѣ веселья быстрой день?

Промчались лѣтомъ сновидѣнья,

Увяла прелесть наслажденья,

И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь!....

(*) Вотъ нѣсколько примѣровъ на выдержку:

На Ш.

«Скажите мнѣ шатицы,
Какъ напримѣръ: Wenn so,
Geweniger und desto —
Die Sonne scheint also.

На Л.

Bonjour, Messieurs — потише —
Поводѣмъ не играй:
Ужъ я тебя потѣшу!
A quand l'Equitation?

На К.

А что читаетъ Пушкинъ?
Подайте - ка сюды:
Ступай изъ класса съ Богомъ,
Назадъ не приходи.» и проч.

«Я щастливъ былъ! нѣтъ я вчера не былъ щастливъ; по утру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу — ее не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.

Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку.

Жуковскій.

«Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Б. . . .

«Я былъ щастливъ 5 минутъ!»

Лицейскія элегіи Пушкина: *Мгъсяцъ*, *Окно*, *Сну* и проч., оставили намъ еще другое напоминовеніе о всѣхъ волненіяхъ воображаемой страсти, которая была только едва-мерцающей зарей сердечнаго чувства, такъ сильно развитаго впоследствии у Пушкина; но онъ вспоминалъ объ ней позднѣе съ умиленіемъ. Прибавимъ, что онъ совершенно забылъ впечатлѣнія, высказанныя имъ въ стихотвореніяхъ: *Къ Наташъ*, *Къ молодой актрисѣ* и проч., которыя связывались съ домашнимъ театромъ одного изъ жителей Царскосельскаго Села, и сберегъ въ памяти на всегда только одно: впечатлѣніе чистой, дѣтской красоты, случайно встрѣченной имъ въ годину ученической жизни. . . .

Наконецъ, заключаемъ разборъ Лицейскихъ записокъ выпиской цѣлаго портрета. Это первый полный опытъ Пушкина въ созданіи лица, характера—первое чисто-литературное его произведеніе. Полагаемъ, что эти качества сообщать ему особенную занимательность.

«17.

Вчера провелъ я вечеръ съ Ик.

Хотите ли вы видѣть страннаго человѣка, чудака, — посмотрите на Ик. Поступки его — поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату: видите высокаго, худаго человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шейю, окутанной чернымъ, изорваннымъ платкомъ. Лице блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаетъ табакъ изъ коро-

бочки—онъ дико смотритъ на васъ. Вы ему близкой знакомый, вы ему родственникъ или другъ — онъ васъ не узнаетъ. Вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушевнымъ голосомъ, кланяется, садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ. Передъ нимъ карафинъ воды; онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый — спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ положеніи. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства; ходитъ пѣшкомъ изъ П—га въ Ц. С., чтобы освѣдомиться о какомъ-то мѣстѣ, которое обѣщаль ему какой-то шарлатанъ. Онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ; разсыпается въ благодареньяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодарѣнье, ему оказанное, — легкомысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолюбивъ. Ик. имѣетъ дарованія, пишетъ изрядно стихи и любитъ поэзію.— Вы читаете ему свою пьесу — на отрѣзъ говоритъ онъ: такое то мѣсто глупо, безъ смысла, низко; — за то за самыя посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ геніемъ. Иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо. Его любятъ иногда, смѣшитъ онъ часто, а жалокъ почти всегда.»

Здѣсь кончаются записки Пушкина и мы теперь же переходимъ къ подробному разбору такъ-называемыхъ Лицейскихъ его стихотвореній, которыя составляютъ довольно многочисленную семью, заслуживающую вниманіе по многимъ обстоятельствамъ. Не говоря уже объ интересѣ, который связывается даже съ незрѣлыми произведеніями истиннаго художника, они способствуютъ еще къ уразумѣнію нравственной его фязіогноміи въ извѣстную эпоху жизни. За неимѣніемъ ближайшихъ свѣдѣній, погибающихъ вмѣстѣ съ людьми и даже прежде людей — эти данныя имѣютъ сами по себѣ не маловажное достоинство.

Первыми Русскими стихотвореніями Пушкина, написанными въ Лицеѣ, должны считаться его *Посланіе къ сестрѣ*, не бывшее въ печати, и слѣдующія стихотворенія, помѣщенные въ

Вѣстникъ Европы 1814 года, издававшемся Владиміромъ Васильевичемъ Измайловымъ: 1. *Къ другу стихотворцу*, 2. *Кольна*, 3. *Венеръ отъ Лансы, при посвященіи ей зеркала*, 4. *Опытность* и 5. *Блаженство*. За указаніе этихъ стихотвореній мы обязаны глубокою благодарностію, вѣсть съ читателями нашими, Барону М. А. Корфу, сообщившему намъ тетрадь стихотвореній, гдѣ собраны Лицейскія произведенія его бывшихъ товарищей. Безъ нея, можетъ быть, никогда бы и нельзя было съ надлежащей достовѣрностію разъяснить вопросъ о первыхъ произведеніяхъ Пушкина. Послѣднія два изъ приведенныхъ стихотвореній очень любопытны, какъ раннее подражаніе Батюшкову (*). Къ 1814 году принадлежатъ также стихотворенія: *Красавиць, которая нюхала табакъ*; *Пирующіе друзья*, пьеса *Путешественнику*, настоящее заглавіе которой было: *Къ Н. Г. Л—ову*, романсъ: *Подъ вечеръ осенью ненастной* — и можетъ быть *Посланіе къ Батюшкову (Философъ рѣзвый и пѣтъ)*.

(*) Первымъ напечатаннымъ стихотвореніемъ Пушкина было посланіе къ *Другу - Стихотворцу*, Вѣстникъ Европы 1814, № 13, подпись Александръ Н. Б. ш. п. Извѣстный бібліографъ нашъ, С. Д. Полторацкій сообщаетъ даже подробности о днѣ появленія перваго произведенія Пушкина въ печати. Вотъ слова, извлеченныя изъ тетрадей его, наполненныхъ любопытными замѣтками и свѣдѣніями.

«Сколько мнѣ извѣстно, говоритъ онъ, это (*къ Другу-Стихотворцу*) первое напечатанное стихотвореніе Пушкина. Оно появилось въ свѣтъ въ *Субботу 4 Юля 1814 г.*, потому что 13-я книжка Вѣстника Европы, въ которой оно напечатано, вышла въ свѣтъ и раздавалась подписчикамъ въ этотъ день, что видно изъ Московскихъ вѣдомостей (№ 53, Суббота, 4-го Юля 1814, стр. 1320, столбецъ 2-й.) Измайловъ (Владиміръ Васильевичъ), издававшій въ 1814 году Вѣстникъ Европы, получилъ это стихотвореніе еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, но не хотѣлъ его печатать, не узнавъ прежде имени сочинителя.

Это видно изъ слѣдующаго объясненія, напечатаннаго въ 8 № Вѣстника Европы 1814, часть 74, стр. 324.

О т ь и з д а т е л я :

Просимъ сочинителя присланной въ Вѣстникъ Европы пьесы, подъ названіемъ: *Къ Другу-Стихотворцу*, какъ всѣхъ другихъ сочинителей, объявить намъ свое имя, ибо мы поставили себѣ закономъ не печатать тѣхъ сочиненій, которыхъ авторы не сообщили намъ своего имени и адреса. Но смѣемъ увѣрить, что мы не употребимъ во зло право издателя, и не откроемъ тайны имени, когда автору угодно скрыть его отъ публики.»

Ранѣе этихъ первыхъ опытовъ трудно, кажется, сыскать что-либо. По указанію Кн. Вяземскаго, стихотвореніе: *На смерть Кутузова* (Отечество въ слезахъ познало вѣсть ужасну), приписанное однимъ журналомъ Александру Пушкину и помѣщенное въ Вѣстникъ Европы 1813 года, принадлежитъ родственнику нашего поэта, Алексѣю Михайловичу Пушкину.

Въ 1815 году дѣятельность молодого поэта расширяется. Кромѣ двухъ пьесъ: *Наполеонъ на Эльбѣ*, помѣщенной въ Сынъ Отечества на 1815 годъ, (№ xxv и xxvi) и *На возвращеніе Императора Александра изъ Париза*, напечатанной въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1817 г. (часть ix), уже 18 пьесъ Пушкина является въ «Россійскомъ Музеумѣ или Журналѣ Европейскихъ Новостей на 1815 годъ», изданія того же В. В. Измайлова, который былъ воспріимникомъ первыхъ произведеній почти всѣхъ Лицейскихъ поэтовъ. Дельвигъ помѣстилъ въ обоихъ его журналахъ (1814 и 1815 годовъ,) до 15 пьесъ. Илличевскій 9 и проч. Должно замѣтить, что А. Д. Илличевскій своими эпиграммами и шутками, передѣланными съ Французскаго, пользовался у товарищей высокимъ уваженіемъ, какъ авторъ, и оспаривалъ у Пушкина честь первенства до тѣхъ поръ, пока Державинъ своимъ одобреніемъ не рѣшилъ, кому отдать преимущество.

Изъ 18 пьесъ Пушкина, помѣщенныхъ въ «Россійскомъ Музеумѣ» только 9 вошли въ посмертное изданіе его сочиненій (1838—41 г.) а 9 выпущены. Подписаны они были въ журналѣ разными цифрами, буквами и анаграмой, что все указано въ примѣчаніяхъ нашихъ къ стихотвореніямъ, нынѣ вполне собраннымъ.

Далѣе, въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности при Имп. Моск. Университетѣ 1818 года, часть X, помѣщены были двѣ пьесы Пушкина, написанныя имъ одна въ 1815 году, а другая въ 1817: 1. *Безвѣріе* (1817), 2. *Гробница Анакреона* (1815), а въ журналѣ П. Корсакова «Сѣверный Наблюдатель 1817 года» 5 слѣдующихъ: 1. *Плвецъ* (1816), 2. *Къ Ней* (*Эльвина, милый другъ.* 1816), 3. *Посланіе къ*

Лидь (*Тель, наперсница Венеры*. 1816), 4. *Пробужденіе* (*Мехты, мечты*. 1816), 5. *Эпиграмма* (*Покойникъ Клитъ*. 1816).

Изъ нихъ только *Посланіе къ Лидь* пропущено было посмертнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина 1838—41 г.

Къ Лицейскимъ же (въ точномъ смыслѣ слова), должна принадлежать и пьеса: *Разлука*, напечатанная въ «Невскомъ Зритель» 1820 года (часть II) подъ заглавіемъ *К — у* и пять пьесъ, напечатанныхъ въ Альманахѣ: «Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1827», именно: *Романсъ* (1814), *Желаніе* (1816), *Фавнь и Пастушка* (1816), *Заздравный кубокъ* (1816). *Къ Живописцу* (1815), и наконецъ семнадцать, впервые помѣщенныхъ въ изданіи стихотвореній Пушкина 1826, именно: *Друзьямъ* (1816), *Амуръ и Гилленей* (1816), *Роза* (1816), *Ш—ову* (1816), *Пушкину* (1817), *Дельвигу* (1817), *Къ ** (*Не спрашивай закъмъ унылой думой*. 1817), *Торжество Вакха* и 9 мелкихъ пьесъ (эпиграммъ и надписей).

Всего же напечатанныхъ при жизни поэта Лицейскихъ стихотвореній, если включить сюда и *Посланіе къ Каверину* (Московский Вѣстникъ 1828. № XVII) считаемъ мы пятьдесятъ шесть, между тѣмъ какъ полное число произведеній, обозначаемыхъ «Лицейскими» и собранныхъ въ настоящемъ изданіи, восходитъ до 120, да и то еще нельзя ручаться, чтобъ тутъ не было пропусковъ.

Лицейскія стихотворенія не могутъ быть ограничены Іюнемъ мѣсяцемъ 1817 года, т. е. мѣсяцемъ выпуска воспитанниковъ, потому что одинаковый тонъ, сходство стиха и направленія, связываютъ съ ними неразрывно и произведенія нашего поэта второй половины того же самаго года. Вотъ почему какъ въ нашемъ изданіи, такъ и при исчисленіи его произведеній, мы отнесли къ «Лицейскимъ» всѣ пьесы до 1818 и только съ этого года начинаемъ другой отдѣлъ. Правда, названіе становится не совсѣмъ точно, но будучи принято, по общему соглашенію, для обозначенія духа извѣстной цѣпи произведеній, оно не теряетъ своей вѣрности и въ настоящемъ случаѣ. Пушкинъ сдѣлался весьма строгъ къ *грѣхамъ отрочества*, какъ онъ называлъ

стихи своей молодости. Изъ всей кипы ихъ (120), онъ выбралъ въ 1826 году, для перваго собранія своихъ стихотвореній, только 14 значительныхъ пьесъ: (*Пробужденіе, Друзьямъ, Гробъ Анакреона, Торжество Вакха, Пѣвецъ, Амуръ и Гименей, Разлука, Лицнїю, П — ну, Ш — ву, Дельвигу, Роза, Старику, Къ* *) и 9 эпиграммъ и надписей; всего 23 пьесы. Большая часть ихъ была еще, въ добавокъ, вся пересмотрѣна и исправлена противъ прежнихъ редакцій и рукописей, такъ что врядъ ли можетъ и дать настоящую идею о Лицейскихъ произведеніяхъ. Мы имѣли случай видѣть тетрадь, съ которой печаталось это собраніе стихотвореній: тамъ девять пьесъ, уже одобренныя цензоромъ, зачеркнуты рукою самаго автора. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ-то: *Нальзникъ, Уныніе, Романсъ*, попали въ посмертное изданіе его стихотвореній 1838—41 г., въ отдѣлѣ Лицейскихъ произведеній, однако же совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели въ тетради, о которой говоримъ. Причина ясна: изданіе это въ дополнительномъ 9-мъ томѣ своемъ печатало всѣ Лицейскія стихотворенія, или съ черновыхъ рукописей Пушкина, или съ грубыхъ снимковъ,—что еще хуже. Самъ Пушкинъ печаталъ ихъ уже въ обдѣланномъ видѣ. Причина эта понудила насъ, въ настоящемъ изданіи, подвергнуть всѣ Лицейскія стихотворенія тщательной провѣркѣ и показать въ примѣчаніяхъ, разницу между испорченнымъ спискомъ и настоящимъ текстомъ, гдѣ это возможно, а гдѣ нѣтъ—то сберечь поправки, сохранившіяся въ черновыхъ рукописяхъ на стихотвореніяхъ Пушкина, который одно время (1817 г.) хотѣлъ привести ихъ въ порядокъ, какъ свидѣтельствуя надписи его на многихъ пьесахъ: *передѣлать, не надо, переписать* (*).

(*) Книжка: «Стихотворенія Александра Пушкина. 1826 г. С.-Пб. типографія Департамента Народнаго Просвѣщенія, страницъ XI, и 192» весьма любопытна. Она издана была, когда самъ поэтъ находился въ деревнѣ своей, Михайловскомъ, послѣ службы въ Кишиневѣ и Одессѣ, снабжена эпиграфомъ изъ Проперція и небольшимъ вступленіемъ, отъ имени издателя, которое выпишемъ:

«Собранныя здѣсь стихотворенія не составляютъ полнаго изданія всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина. Его поэмы помѣщены будутъ современемъ, въ особенной книжкѣ. Мы теперь предлагаемъ только то, что не могло войти въ собраніе собственно-называемыхъ поэмъ.

Таже самая строгость выбора присутствовала и при вторичномъ изданіи стихотвореній его въ 1829 году въ двухъ томахъ. Въ немъ повторены только Лицейскія стихотворенія изданія 1826 г., и не прибавлено къ нимъ ни одной новой пьесы изъ этого времени. Все это показываетъ значительную осторожность Пушкина въ отношеніи первыхъ своихъ произведеній. Онъ даже отказывался отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ въ Альманахѣ Б. М. Федорова: «Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1827» напечатано было, съ согласія самаго автора, нѣсколько Лицейскихъ его опытовъ. Между ними находился *Романсъ (Подъ вечеръ осенью ненастной)*, о которомъ Пушкинъ совершенно забылъ, хотя и вписалъ его въ тетрадь, приготовленную для печати стихотвореній его въ 1826. Въ 1830 году онъ уже не признавалъ этого стихотворенія своимъ, говоря: «По-крайней-мѣрѣ не

«Въ короткое время авторъ нашъ успѣлъ соединить голоса читателей въ пользу своихъ поэтическихъ дарованій. Мы считаемъ себя въ правѣ ожидать особеннаго вниманія и снисхожденія публики къ нынѣшнему изданію его стихотвореній. Любопытно, даже поучительно будетъ для занимающихся Словесностію, сравнить четырнадцати-лѣтнаго Пушкина съ авторомъ Руслана и Людмилы и другихъ поэмъ. Мы желаемъ, чтобы на собраніе наше смотрѣли, какъ на исторію поэтическихъ его досуговъ въ первое десятилѣтіе авторской жизни.

«Многія изъ сихъ стихотвореній напечатаны были прежде въ періодическихъ изданіяхъ. Иныя, можетъ быть, нами и пропущены. При всемъ томъ, это первое, въ нѣкоторомъ порядкѣ, собраніе небольшихъ стихотвореній такого автора, котораго всѣ читаютъ съ удовольствіемъ. Какъ издатели, мы передъ нимъ и передъ публикою извиняемся особенно въ томъ, что, по недосмотрѣнію корректора, остались въ нашей книжкѣ значительныя типографическія ошибки».

Слѣдуя своему правилу, издатели раздѣлили стихотворенія по родамъ, но къ каждой пьесѣ приложили годъ ея сочиненія, чѣмъ значительно облегчили хронологическое распредѣленіе пьесъ, которое нами принято за основаніе изданія. Второе изданіе стихотвореній Пушкина (Стихотворенія Александра Пушкина 2 части. 1829 г. С.-Пб. въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія, стр. 224, 176. Въмѣсто цензурнаго одобренія, на обѣихъ частяхъ: «съ дозволенія Правительства») уже совсѣмъ откинуло методу разбора пьесъ по содержанію и слѣдовало одному чисто-хронологическому порядку, что повторяется и въ настоящемъ, предлагаемомъ публикѣ изданіи. Къстати мы увидимъ позднѣе, что предисловіе къ первому изданію 1826, которое приведено выше, было написано по плану и указанію самаго Пушкина.

долженъ я отвѣчать за чужія проказы.» (*) Мы знаемъ также, что онъ глубоко былъ оскорбленъ, когда, по возвращеніи въ Петербургъ изъ путешествія въ Арзрумъ, въ 1829 году, нашель въ Альманахѣ: «Сѣверная Звѣзда», Г. Михаила Бестужева - Рюмина (а не Марлинскаго, какъ напечатано, по странной ошибкѣ, въ смѣси посмертнаго изданія), 7 своихъ Лицейскихъ стихотвореній, напечатанныхъ безъ спроса и дозволенія. Издатель Альманаха поставилъ подъ ними буквы *Ап.* и почель еще за нужное, въ предисловіи, сдѣлать оговорку: «Издатель, благодаря г. *Ап.*, доставившаго къ нему тринадцать пьесъ (**) (изъ которыхъ нѣсколько помѣщены въ сей книжкѣ), должнымъ находить просить гг. Неизвѣстныхъ объ объявленіи впредь именъ своихъ издателю, ибо если они желаютъ скрыть ихъ отъ публики, то въ семъ отношеніи совершенно могутъ быть увѣрены въ скромности издателя, а сему послѣднему необходимо должны быть извѣстны имена особъ, доставляющихъ къ нему для напечатанія свои пьесы». Подъ буквами *Ап.* издатель видимо подразумѣвалъ Пушкина, и поэтъ, раздосадованный столько же нарушеніемъ своей собственности, сколько и неблаговиднымъ изъясненіемъ издателя, хотѣлъ даже обратиться къ посредничеству ближайшаго начальства, но ограничился только замѣткой въ своихъ запискахъ 1830 года: «Г. Бестужевъ, въ предисловіи какого-то альманаха, благодаритъ какого-то г. *Ап.* за доставленіе стихотвореній, объявляя, что не всѣ удостоились печатанія Г. *Ап.* не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, *поправлять ихъ по своему* и отсылать ихъ въ аль-

(*) Тоже самое повторилось и въ отношеніи пьесы: *Фавнъ и Пастушка*, напечатанной въ томъ же альманахѣ. Мы находимъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 годъ, въ статьѣ: «Обзоръ Россійской Словесности за 1828 г.» слѣдующія слова, въ видѣ упрёка. «Такъ еще въ Памятникъ Музъ въ 1827 годъ напечатаны были отрывки изъ стихотворенія Пушкина: *Фавнъ и Пастушка*, стихотворенія, отъ котораго поэтъ нашъ самъ отказывается и поручилъ намъ свидѣтельствовать сіе передъ публикой.» Обзоръ подписанъ О. Сомовымъ. Но стихотвореніе сбережено тетрадю барона М. А. Корфа, о которой мы говорили, и такимъ образомъ принадлежность его Пушкину несомнѣнна.

(**) Въ Альманахѣ было всего 7 пьесъ Пушкина: это тоже уловка издателя альманаха для затемненія дѣла.

манахъ Г. Б., вмѣстѣ съ собственными произведеніями» и проч. Вообще обнародованіе того, что онъ самъ считалъ недостойнымъ извѣстности, приводило его въ немалый гнѣвъ, какъ увидимъ впослѣдствіи еще нѣсколько примѣровъ. Теперь же, когда слава его упрочена и первыя упражненія въ поэзіи не могутъ бросить на нее ни малѣйшей тѣни, возможно-полное собраніе Лицейскихъ стихотвореній должно служить весьма поучительнымъ вступленіемъ къ исторіи литературной дѣятельности Пушкина вообще и отчасти необходимымъ къ ней поясненіемъ.

Всѣмъ извѣстно, что первые опыты Пушкина возбудили толки и раннія надежды современниковъ. Г. Макаровъ въ статьѣ: «О дѣтствѣ Пушкина» (Современникъ 1843, № 3), собралъ весьма любопытныя свидѣтельства о мнѣніяхъ по этому поводу, ходившихъ въ обществѣ. «Кто не помнитъ тамъ (въ Россійскомъ Музеумѣ), говоритъ онъ: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, Посланіе къ Батюшкову, Къ* *** и проч. Тутъ свѣтились дарованія Пушкина ясно и проч.» Тогда уже знаменитый Дмитріевъ, сравнивая ихъ съ обыкновеннымъ родомъ поэзіи, господствовавшей у насъ, говорилъ: «Классическая такта и въ стихахъ и въ прозѣ лишаетъ насъ много хорошаго; мы какъ-то не смѣемъ не придерживаться къ краткому руководству къ Ораторіи Россійскій!» Василій Львовичъ Пушкинъ, долго не соглашавшійся признать поэтическій талантъ въ племянникѣ, радовался однакожъ, что «Александровы стихи не пахнутъ Латынью и не носятъ на себѣ ни одного пятнышка семинарскаго.» Необычайную прозорливость оказалъ другой пѣвецъ, Графъ Д. Ш. Хвостовъ. Въ раннихъ опытахъ Пушкина онъ почувствовалъ *переломъ классицизму*. Восторгъ Державина при слушаніи строфъ изъ *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* уже извѣстенъ.

Всѣ похвалы эти имѣли основаніе. Тѣмъ людямъ, которые застали Пушкина въ полномъ могуществѣ его творческой дѣятельности, трудно и представить себѣ надежды и степень удовольствія, какія возбуждены были въ публикѣ его первыми опытами; но внимательное чтеніе ихъ и особенно сравненіе съ тѣмъ, что дѣлалось вокругъ, достаточно объясняютъ причину ихъ успѣха. Стихъ Пушкина, уже подготовленный Жуковскимъ и Батюшко-

вымъ, былъ въ то время еще очень неправиленъ, очень небреженъ, но лился изъ-подъ пера автора, по видимому, безъ малѣйшаго труда, хотя, какъ вскорѣ увидимъ, отдѣлка пьесъ стоила ему немалыхъ усилій. Казалось, языкъ поэзіи былъ его природный языкъ, данный ему вмѣстѣ съ жизнію. Самъ Пушкинъ какъ будто вѣрилъ въ эту мысль, и въ превосходномъ стихотвореніи, вновь отысканномъ, могъ по справедливости сказать про свою Музу:

Ты, дѣтскую качая колыбель,
 Мой юный умъ напѣвами плѣнила
 И межъ пеленъ оставила свирѣль,
 Которую сама заворожила!

Часто посреди простыхъ ученическихъ упражненій, стихотворныхъ нецеремонныхъ бесѣдъ съ друзьями, и въ подражаніяхъ Державину, Карамзину и Жуковскому — неожиданно встрѣчаешься у Пушкина съ оригинальными образами, съ приемами, уже предвѣщающими позднѣйшую эпоху его развитія. Такъ въ стихотвореніи 1815 года: *Мечтатель*, есть строфа, которая можетъ вообще считаться естественной предшественницей антологическихъ его стихотвореній:

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
 Пѣвца ты (*) осѣнила,
 Выкопчъ изъ миртовъ молодыхъ
 Чело его покрыла,
 И горнищъ свѣтомъ озарясь,
 Влетала въ скромну келью,
 И чуть дышала преклонясь
 Надъ дѣтской колыбелью.

Въ стихотвореніи 1816 года: *Друзьямъ*, есть уже первыя черты той тихой и свѣтлой грусти, которая составляла впоследствии отличительную черту его элегій:

Къ чему, веселье друзья,
 Мое тревожить васъ молчанье?
 Запѣвъ последнее прощанье,
 Ужь муза смолкнула моя.

(*) Муза.

Напрасно лиру взялъ я въ руки
 Бряцать веселье на пирахъ,
 И на ослабленныхъ сгрунахъ
 Искать потерянные звуки.
 Богами вамъ еще даны
 Златые дни, златая ночь,
 И на любовь устремлены
 Огнемъ исполненные очи!
 Играйте, пойте, о друзья!
 Утратьте вечеръ скоротечной; —
 И вашей радости безпечной
 Сквозь слезы улыбнуся я.

Пьеса эта, переделанная Пушкинымъ нѣсколько позднѣе, приобрѣла удивительную круглоту; и въ этомъ видѣ врядъ-ли чѣмъ отличается отъ лучшихъ его произведеній. Въ стихотвореніи 1817 года: *Къ молодой вдовѣ*, кто, хотя немного знакомый съ манерой Пушкина, не узнастъ его руки?

Вѣчно ль слезы проливать?
 Вѣчно ль мертвого супруга
 Изъ могилы вызывать?
 Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
 Тамъ объемятъ вѣчный сонъ,
 Имъ не миль ужъ голосъ мильный,
 Не прискорбень скорби стонъ.
 Не для нихъ весенни розы,
 Сладость утра, шумъ пировъ,
 Откровенной дружбы слезы
 И любовницъ робкій зовъ.

При нѣкоторомъ стараніи, можно было бы увеличить число такихъ примѣровъ, но и этихъ достаточно для оправданія нашей мысли. Лицейскія стихотворенія полны намековъ, бѣглыхъ линій, тѣней, которыя впоследствии самимъ Пушкинымъ обращены въ ясныя, полныя и живые образы. Очень многіе изъ этихъ раннихъ замѣтокъ, совершенно преобразованныхъ поэтомъ въ эпоху его самобытнаго развитія, нашли себѣ мѣсто въ разныхъ его произведеніяхъ. Лицейскія стихотворенія походятъ на памятную книжку, гдѣ записано многое слишкомъ коротко и бѣгло, многое

слишкомъ пространно и слабо. Пушкинъ перѣдко черпалъ матеріалы изъ своего стараго запаса, чему нѣсколько примѣровъ собрано нами въ примѣчаніяхъ къ его лирическимъ пьесамъ.

Основной характеръ юношеской поэзіи Пушкина составляетъ веселый взглядъ на жизнь и стремленіе къ беззаботному наслажденію ею, что и доставило ей успѣхъ въ публикѣ и между товарищами. Если разобрать стихотворенія трехъ годовъ, съ 1815 по 1818, и отдѣлить отъ нихъ подражанія Пушкина всѣмъ предшественникамъ, — Державину, Карамзину и Жуковскому, — остается еще большой отдѣлъ легкихъ, игривыхъ посланій, застольныхъ, вакхическихъ пѣсней, которыя видимо обязаны существованіемъ своимъ вліянію Французскихъ, такъ называемыхъ, анакреонтическихъ писателей. Еще на скамьяхъ Лицея, Пушкинъ прочелъ всѣхъ корифеевъ этой поэзіи: Шолье, Шапеля, Берши, Грессе, Грекура и Парни — и первые его опыты связаны съ этими именами и съ тѣмъ родомъ произведеній, которымъ занимался отецъ его, Сергѣй Львовичъ. Стихотворенія 15 и 16-ти-лѣтняго Пушкина были только продолженіемъ того рода домашней поэзіи, съ которымъ онъ познакомился у себя въ семействѣ. Не нужно пересчитывать многочисленныхъ произведеній этого отдѣла: они легко узнаются по притязаніямъ на остроуміе, по небрежности картиць и самаго хода ихъ. Между ними есть даже Русская сказка: *Бова*, которая, не смотря на простонародное свое названіе и на подражаніе Карамзину, сильно походитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на сказочку Вуазенона. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ уже выступаютъ изъ ряда холодныхъ, вышине-эффектныхъ и остроумныхъ произведеній Французской поэзіи — именно тѣ, гдѣ особенно чувствуется вліяніе Батюшкова, какъ на примѣръ въ пьесахъ: *Гробъ Анакреона*, *Метатель (По небу крадется луна)* и во всѣхъ элегіяхъ Пушкина. Батюшковъ былъ первымъ учителемъ Пушкина въ томъ, эстетическомъ вкусѣ, въ искусствѣ облекать самыя смѣлые порывы фантазіи въ граціозные образы и совершенствомъ формы смягчать рѣзкость представленія. Пушкинъ признавалъ себя ученикомъ Жуковского, но общесъ впечатлѣніе, производимое его юношескими опытами, заставляетъ перенести это званіе и эту

честь скорѣе на Батюшкова, чѣмъ на автора Людмиллы. Пушкинъ высоко цѣнилъ даже сходство, какое могутъ представлять нѣкоторые изъ собственныхъ его стиховъ съ манерой Батюшкова. Рассказываютъ, что въ 1828 году онъ, по просьбѣ одного литератора въ Москвѣ, написалъ ему въ альбомѣ извѣстное свое стихотвореніе: *Муза (Въ младенчествѣ моемъ она меня любила)*. На вопросъ литератора, почему пришло ему на умъ именно это стихотвореніе, Пушкинъ отвѣчалъ: «Я люблю его; — оно отзывается стихами Батюшкова.»

Мы упомянули объ элегіяхъ Пушкина 1816 года, каковы: *Мясяцъ, Осеннее утро, Окно, Сну* и проч. Нельзя пройти ихъ безъ вниманія. Они, по нашему мнѣнію, составляютъ переходъ къ болѣе самостоятельнымъ его произведеніямъ, которыя появились спустя три года. Напрасно стали бы искать въ нихъ глубокаго чувства позднѣйшихъ его произведеній: это были первыя тревоги поэтической души, первое пробужденіе чувства. Отсюда истекалъ въ послѣдствіи тотъ чудный родникъ лирическихъ пѣсней, который такъ освѣжительно дѣйствуетъ доселѣ на сердце и воображеніе читателя! Безъ труда можно видѣть, что въ основаніи его элегической задумчивости, нѣтъ никакого дѣйствительнаго событія, еще менѣе настоящей страсти; но эти неясныя и неопредѣленныя жалобы, опережающія жизнь, истинны сами по себѣ. Лице, возбудившее ихъ, упоминается въ Лицейскихъ запискахъ Пушкина, какъ мы видѣли. Къ тому же лицу относится и стихотвореніе: *Къ Живописцу*, которое, будучи положено на музыку однимъ изъ товарищей Пушкина часто распѣвалось въ Лицеѣ хоромъ, хотя пьеса эта есть только переводъ извѣстнаго стихотворенія *Парни*: «Peintre! Qu'Nébé soi ton modèle.»

Къ концу своего пребыванія въ Лицеѣ, Пушкинъ уже обращалъ на себя вниманіе и надежды не только сотоварищей и родныхъ своихъ, подозрительно смотрѣвшихъ до того на его обыкновенныя занятія (*), — но и представителей Русской лите-

(*) Примиреніе и одобрителный вызовъ на продолженіе поэтическихъ упражненій послѣдовалъ, кажется за пьесой: *Лициній*. До тѣхъ поръ поэзія молодого Пушкина казалась шалостью въ глазахъ близкихъ ему людей и встрѣчала постоянное осужденіе.

ратуры: Державина, Карамзина и Жуковского. Слава доставалась ему легко, какъ челоуѣку, predetermined на это, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая жизнь начинала опредѣляться въ тѣхъ самыхъ чертахъ, какія видимъ и впоследствии. Къ концу Лицейскаго поприща онъ предается вполне міру фантазіи, какъ говоритъ одинъ изъ его соучениковъ, почти непрерывно задуываясь и сочиняя въ классахъ, въ играхъ, на прогулкахъ: порывы пылкихъ страстей, которыя были въ крови его и такъ сильно ознаменовали его существованіе, становятся виднѣе и чаще. Къ этому падо прибавить, что и воображеніе молодого Пушкина развилось съ необычайной силой въ нѣсколько годовъ пребыванія въ Лицеѣ. Онъ даже во снѣ видѣлъ стихи и самъ рассказывалъ, что ему приснилось разъ двоестипше:

Пускай Глицерія, красавица младая....
:.....

къ которому онъ и придѣлалъ потомъ цѣлое стихотвореніе, *Лицинію*, долго носившее обманчивую ссылку на Латинскую Словесность, откуда будто-бы оно почерпнуто.

Съ глубокимъ чувствомъ вспоминалъ поэтъ первыя бесѣды свои со вдохновеніемъ въ стѣнахъ Лицея и оставилъ чудное описаніе ихъ въ Онѣгинѣ:

Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
 Весной при кликахъ лебединыхъ,
 Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
 Являются Муза стала мнѣ.... и проч.

Въ дополненіе къ этимъ строкамъ, приводимъ неизданный отрывокъ Онѣгина, гдѣ Пушкинъ еще подробнѣе, и съ такимъ же поэтическимъ одушевленіемъ, рисуетъ свое собственное лице въ стѣнахъ Лицея. Кромѣ автобіографическаго значенія, отрывокъ нашъ имѣетъ еще и другаго рода занимательность: въ немъ читатели встрѣчаются впервые съ черновымъ оригиналомъ вдохновенныхъ строфъ VIII главы Онѣгина о Лицеѣ, столь извѣстныхъ публикѣ.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
 Я безмятежно разцвѣталъ,
 Читалъ охотно Елисея,
 А Цицерона проклиналъ.
 Въ тѣ дни, какъ я поэмъ рѣдкой
 Не предпочелъ бы мяшкъ мѣткой,
 Считалъ схоластику за вздоръ
 И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
 Когда порой бывалъ прилежень,
 Порой лъшивъ, порой упрямъ,
 Порой лукавъ, порою прямъ,
 Порой смиренъ, порой мятеженъ,
 Порой печаленъ, молчаливъ,
 Порой сердечно говорливъ.

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
 Порой терялъ я взоръ и слухъ,
 И говорить старался басомъ,
 И стригъ надъ губой первый пухъ,
 Въ тѣ дни . . . въ тѣ дни, когда впервые
 Замѣтилъ я черты живыя
 Прелестной дѣвы, и любовь
 Младую взволновала кровь,
 И я, тоскуя безнадежно,
 Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
 Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
 Объ ней задумывался нѣжно,
 Весь день минутной встрѣчи ждалъ
 И счастье тайныхъ мукъ узналъ. . . .

И часто потомъ возвращался Пушкинъ къ сладкимъ воспоминаніямъ о первыхъ годахъ своей молодости, а въ неизданномъ стихотвореніи: *Наперсница волшебной старины*, соединилъ даже въ одной, удивительно - изящной рамѣ, Лицейскія воспоминашя съ воспоминашями своего младенчества, видѣнія семнадцатаго года съ портретомъ бабушки, Марьи Алексѣевны, занимавшей его ребячскія лета. Вотъ оно:

Наперсница волшебной старины,
 Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ—
 Тебя я зналъ во дни моей весны,
 Во дни угѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
 Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
 Являлась ты веселою старушкой,
 И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
 Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
 Ты, дѣтскую качая колыбель,
 Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
 И межъ пеленъ оставила свирѣль,
 Которую сама заворожла!
 Младенчество прошло какъ легкій сонъ;
 Ты отрока безпечнаго любила—
 Среди важныхъ Музъ тебя лишь помнилъ онъ
 И ты его тихонько посѣтила.
 Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
 Какъ мило ты, какъ быстро изменилась!
 Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
 Какимъ огнемъ блеснулъ прिवѣтный взоръ!
 Покровъ, клубясь волною непослушной,
 Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной.
 Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ
 Прелестная глава благоухала,
 Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
 Румянилась и тихо трепетала...

Выпускъ воспитанниковъ назначенъ былъ тремя мѣсяцами
 ранѣе опредѣленнаго срока и происходилъ 9-го Юня 1817
 года, вмѣсто 19-го Октября. На публичномъ экзаменѣ изъ
 Русской словесности Пушкинъ прочелъ свое стихотвореніе: *Без-
 вѣріе*. Въ журналахъ того времени осталось трогательное опи-
 саніе торжества выпуска воспитанниковъ, описаніе, которое, въ
 простой своей формѣ, весьма много говоритъ сердцу читателя
 (см. Сынъ Отечества 1817, № xxvi).

Государь Императоръ удостоилъ торжественный актъ Своимъ
 присутствіемъ и повелѣлъ представить Себѣ всѣхъ выпускаемыхъ
 учениковъ. Съ отеческою пѣжностію увѣщевалъ Онъ ихъ о испол-
 неніи священныхъ обязанностей къ Монарху и Отчеству и

преподавъ нѣсколько совѣтовъ, долженствовавшихъ руководить ихъ на пути жизни. За тѣмъ представлены были Ему всѣ профессора и начальники Лицея. Осмотрѣвъ съ величайшею подробностію устройство Лицея, Государь Императоръ возвратился къ ожидавшимъ Его воспитанникамъ съ новыми милостями. Онъ награждалъ каждого изъ нихъ жалованьемъ, до полученія штатнаго мѣста на предстоящей службѣ, смотря по разряду, къ которому принадлежитъ каждый. Выходившіе съ чиномъ 9-го класса имѣли право на 800 руб. асс., а получившіе 10 классъ на 700 руб. Съ глубокимъ умиленіемъ и благословеніями проводили профессора и начальники Лицея Монарха своего и ни одинъ изъ нихъ не былъ забытъ въ наградахъ, щедро излившихся на нихъ вслѣдъ за симъ.

Пушкинъ, 19-й воспитанникъ по выпуску, принадлежалъ ко второму разряду и 13-го Іюня 1817 опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, съ чиномъ Коллежскаго Секретаря. Напрасно прежде этого добивался онъ у отца позволенія вступить въ военную службу, въ Гусарскій полкъ, гдѣ уже было у него много друзей и почитателей. Начать службу кавалерійскимъ офицеромъ была его ученическая мечта, сохранившаяся въ нѣкоторыхъ его посланіяхъ изъ Лицея. Сергій Львовичъ отговаривался недостаткомъ состоянія и соглашался только на поступленіе сына въ одинъ изъ пѣхотныхъ Гвардейскихъ полковъ.

Кстати будетъ сказать здѣсь, что физическая организація молодого Пушкина, крѣпкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражненіями. Онъ славился какъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ, страстный охотникъ до купанья, ѣзды верхомъ, и отлично дрался на эскадронахъ, считаясь чуть ли не первымъ ученикомъ у извѣстнаго фехтовальнаго учителя Вальвиля. Все это однакожь не помѣшало Пушкину, нѣсколько позднѣе, предполагать въ себѣ расположеніе къ чахоткѣ и даже чувствовать, по собственнымъ словамъ его, признаки аневризма въ сердцѣ.

По выходѣ изъ Лицея, А. С. Пушкинъ отправился тотчасъ же въ Михайловское, деревню Псковской губерніи, состоявшую тогда изъ 80 душъ и барскаго дома съ красивымъ и довольно

большимъ садомъ. Одинъ уцѣлѣвшій клочекъ его записокъ 1824 года, теперь несуществующихъ, сохранилъ слѣдующія строки: «1824 года Ноября 19-го, Михайловское. Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ Псковскую деревню моей матери. Помню какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч., но все это нравилось мнѣ недолго. Я любилъ и донинѣ люблю шумъ и толпу». Семейство его уже покинуло Москву и жило постоянно въ Петербургѣ, уѣзжая на лѣто въ Михайловское. Въ деревнѣ молодой Пушкинъ съ перваго раза очутился въ средѣ многочисленной дальней своей родчи—Ганнибаловыхъ, разсѣянныхъ и бѣдныхъ потомковъ знаменитаго негра, Абрама Петровича, награжденнаго Петромъ Великимъ обширными помѣстьями въ тѣхъ мѣстахъ. На оборотѣ того же клочка потерянныхъ записокъ, о которыхъ мы упомянули, есть слова: «... попросилъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился—и тѣмъ казалось чрезвычайно одолжилъ стараго Арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки и повторилъ это разъ 5 или 6 до обѣда» Старый Арапъ, угощавшій молодаго Пушкина, есть, по всѣмъ вѣроятіямъ, Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, послѣдній сынъ родоначальника этой фамиліи, пережившій всѣхъ своихъ братьевъ. Много оригинальныхъ и живыхъ лицъ долженъ былъ встрѣтить Пушкинъ тотчасъ же за порогомъ Лицея. Каждое лѣто возвращался онъ въ Михайловское. Имя этой деревни, доставшейся Надеждѣ Осиповнѣ Пушкиной послѣ смерти ея отца, уже извѣстнаго намъ Осипа Абрамовича Ганнибала, начинало связываться нераздѣльно съ его собственнымъ именемъ. Кругъ знакомства у Пушкина долженъ былъ однакоже охватить всѣ слои Русскаго общества. Какъ литераторъ и свѣтской человѣкъ, будущій авторъ Евгенія Онѣгина, уже поставленъ былъ, съ начала зимы 1817 года, въ благопріятное положеніе, рѣдкое вообще у насъ, видѣть вблизи разные классы общества; но выгода этого положенія еще не могла принести тогда всей своей пользы: порывы молодости затемняли дѣло и мѣшали какому бы то ни было отчетливому сознанию своего пріимущества и своей обязанности какъ писателя.

Съ неутомимой жаждой наслажденій бросился молодой Пушкинъ на удовольствія столичной жизни. Съ самыхъ раннихъ поръ замѣтно въ немъ было постоянное усиленіе ничѣмъ не отличаться отъ окружающихъ людей и идти рядомъ съ ними. Запасъ страстей, еще не растрченныхъ и не успокоившихся отъ годовъ, долженъ былъ, разумѣется, увлечь его за общимъ потокомъ еще болѣе, чѣмъ какое-либо правило, напередъ составленное для дѣйствій. Господствующій тонъ въ обществѣ тоже совпадалъ съ его наклонностями. Предпримчивое удалство и молодечество, необыкновенная раздражительность, происходившая отъ ложнаго пониманія своего достоинства и бывшая источникомъ многихъ ссоръ; беззаботная растрата ума, времени и жизни на знакомства, походы и связи всѣхъ родовъ, — вотъ что составляло основной характеръ жизни Пушкина, какъ и многихъ его современниковъ. Онъ былъ въ это время по плечу каждому — вотъ почему до-сихъ-поръ можно еще встрѣтить людей, которые сами себя называютъ друзьями Пушкина, отыскивая права свои на это званіе въ общихъ забавахъ и разсѣяностяхъ эпохи. Для шумныхъ похвалъ ихъ писалъ онъ тѣ легкія замѣтки, которыми оправдывалъ недолгое броженіе юности, и воспѣвалъ всендневные предметы и образы. Съ людьми, понимавшими достоинство искусства, Пушкинъ молчалъ о нихъ или старался отвратить отъ нихъ вниманіе. Такъ, при первомъ знакомствѣ своемъ съ П. А. Катенинымъ, выпытывая его мнѣніе о себѣ, онъ упорно отказывался прочесть что-нибудь изъ своихъ рукописныхъ произведеній, говоря: «показать ихъ знающему стыдно: они не при немъ писаны». Но жизнь шла своимъ чередомъ и по заведенному порядку. Водоворотъ ея, постоянно шумный, постоянно державшій его въ раздраженіи, долженъ былъ имѣть вліяніе столько же на нравственное состояніе его, сколько и на физическую организацію. Спустя 8 мѣсяцевъ послѣ выхода своего изъ Лицея, Пушкинъ лежалъ въ горячкѣ, почти безъ надежды и, приговоренный къ смерти докторами. Это было въ Февралѣ 1818 года (*).

(*) А не въ Февралѣ 1821 года, какъ сказано, по ошибкѣ, въ запискахъ его. приложенныхъ къ послѣдному изданію (1838 — 41 г.). «1818» годъ весьма четко

Геній молодого поэта однакожь возрасталъ и крѣпъ даже въ этой сѣрѣ и въ 1819 году достигъ той степени самостоятельности, когда уже можно ясно различить чистое творчество и твердые его приемы. Предшественниками стихотвореній 1819 — были только доровитыя попытки, но и въ нихъ раннія черты бодрости и свѣжести таланта изумляли опытныхъ и зоркихъ людей, слѣдившихъ за его развитіемъ. Что касается до публики, то авторъ нашъ былъ упоенъ ся похвалами за всѣ свои произведенія безразлично. Онъ усвоилъ себѣ въ это время четырехъ-стопный ямбъ съ рифмами и сообщилъ ему гибкость, мпожество отгѣнковъ и разнообразіе, которыхъ онъ дотолѣ никогда не имѣлъ. Рѣдко прибѣгалъ онъ къ другому размѣру, а бѣлыхъ стиховъ и вовсе не понималъ, хотя и написалъ ими еще въ Лицеѣ двѣ пьесы: *Бова* и *Фіаль Анакреона*. По прочтеніи стихотворенія В. А. Жуковскаго: «Тлѣнность», начинающагося, какъ извѣстно, стихами:

«Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ
Приходить въ мысль: что если тожь случится
И съ нашей хижинной?»

выставленъ на рукописи, съ которой взять отрывокъ, тамъ напечатанный. Кстати напомнить здѣсь одинъ анекдотъ изъ этого времени, заслуживающій вниманія. Пушкинъ отъ природы былъ суевѣренъ и весьма расположенъ къ объясненію частныхъ событій, таинственными, невѣдомыми причинами, что, можетъ быть, составляетъ необходимое условіе поэтическихъ, воспримчивыхъ организацій. Однажды онъ зашелъ къ извѣстной тогда гадальщицѣ на кофе, г-жѣ Биргофъ, которая предсказала ему встрѣчу съ другомъ и весь разговоръ съ нимъ, потомъ неожиданное полученіе денегъ и, наконецъ, преждевременную смерть. Скорое исполненіе двухъ первыхъ предсказаній оставило на всегда въ Пушкинѣ убѣжденіе, что и послѣднее должно сбыться непременно... Вотъ какъ онъ самъ рассказывалъ объ этомъ въ 1833 году въ Казани г-жѣ А. А. Фуксъ, изъ статьи которой (Казанскія губернскія вѣдомости 1844 года, № 2) заимствуемъ эти строки.

«Вамъ, можетъ быть, покажется удивительнымъ, началъ опять говорить Пушкинъ, что я вѣрю многому невѣроятному и непостижимому; быть такъ суевѣрнымъ заставилъ меня одинъ случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. В. ходить по Невскому Проспекту, и, изъ проказъ, зашли къ кофейной гадальщицѣ. Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее. «Вы, сказала она мнѣ: на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ

Пушкинъ набросалъ слѣдующую пародію:

«Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
 Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ
 Приходитъ въ мысль: что если это проза,
 Да и дурная? . . .»

В. А. Жуковскій отъ души смѣялся надъ пародіей молодого человѣка, но предрекалъ ему время, когда онъ перемѣнитъ мнѣніе свое о бѣломъ стихѣ.

Мѣриломъ, такъ сказать, всего нравственнаго бытія нашего поэта остались его тетради: они указываютъ намъ почти безостановочно состояніе его духа и путь, который онъ избиралъ. Этотъ поэтический рассказъ начинается, однакожь, только съ выѣзда Пушкина изъ столицы. До появленія его въ Крыму, страницы его тетрадей бѣлы и представляютъ мало пищи изыскателю. Съ Крыма открывается эта длинная повѣсть внутренняго хода его мысли; она, какъ постоянный указатель нравственнаго его развитія, преимущественно взята нами въ руководители при настоящемъ нашемъ трудѣ. Друзья Пушкина единогласно свидѣтельствуютъ, что, за исключеніемъ двухъ первыхъ годовъ его жизни въ свѣтѣ, никто такъ не трудился надъ даль-

знакомымъ, который вамъ будетъ предлагать лучшее по службѣ мѣсто; потомъ, въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданныя деньги; а третье, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертію».

«Безъ сомнѣнія, я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи и о гадальщицѣ. Но, спустя недѣли двѣ послѣ этаго предсказанія, и опять на Невскомъ Проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ; онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ, занять его мѣсто въ Варшавѣ. Вотъ первый разъ послѣ гаданія, когда я вспомнилъ о гадальщицѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами, и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты и я его обыгралъ. Онъ, получивъ послѣ умершаго отца наследство, прислалъ мнѣ долгъ, который я не только не ожидалъ, но и забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, и я въ этомъ совершенно увѣренъ. . . .» Такъ передала Г. Фуксъ слова Пушкина. Братъ поэта, Сергѣй Львовичъ, сообщаетъ подробности анекдота, не совсѣмъ сходныя съ этимъ рассказомъ, — но сущность его остается одна и таже.

нѣйшимъ своимъ образованіемъ, какъ Пушкинъ. Онъ самъ, нѣсколько позднѣе, съ упрекомъ говорилъ о современныхъ ему литераторахъ: «Мало у насъ писателей, которые бы учились; бѣольшая часть только развѣучиваются.» Если бы намъ не передали люди, коротко знавшіе Пушкина, его обычной дѣятельности мысли, его многообразныхъ чтеній и всегдашнихъ умственныхъ занятій, то черповыя тетради поэта открыли бы намъ тайну и по-мимо ихъ свидѣтельства. Исполненные замѣтокъ, мыслей, выписокъ изъ иностранныхъ писателей, онѣ представляютъ самую вѣрную картину его уединеннаго, кабинетнаго труда. Рядомъ съ строками для памяти и будущихъ соображеній, стоятъ въ нихъ начатыя стихотворенія, конченныя въ другомъ мѣстѣ, перерванные отрывками изъ поэмъ и черновыми письмами къ друзьямъ. Съ перваго раза останавливаютъ тутъ вниманіе сильныя помарки въ стихахъ, даже такихъ, которые, въ окончательномъ своемъ видѣ, походятъ на живую импровизацію поэта. Почти на каждой страницѣ ихъ присутствуешь, такъ сказать, въ серединѣ самаго процесса творчества, и видишь, какъ долго, неослабно держалось поэтическое вдохновеніе, однажды возбужденное въ душѣ художника; оно нисколько не охладѣвало, не разсѣявалось и не слабѣло въ частомъ осмотрѣ и поправкѣ произведенія. Прибавьте къ этому еще рисунки перомъ, которые обыкновенно повторяютъ содержаніе написанной пьесы, воспроизводя ее, такимъ образомъ, вдвойнѣ. Вообще, тетради Пушкина составляютъ драгоценный матеріалъ для исторіи происхожденія его поэмъ и стихотвореній, и мы часто будемъ обращаться къ нимъ въ продолженіе нашего труда. Поэтъ нашъ самъ представилъ вѣрную картину ихъ, при описаніи альбома Онѣгина:

Въ сафьянѣ, по краямъ окованъ,
Замкнутъ серебрянымъ замкомъ,
Онъ былъ исписанъ, изрисованъ
Рукой Онѣгина кругомъ.
Среди безсвязнаго маранья
Мелькали мысли, примѣчанья,
Портреты, буквы, имена
И думы тайной письмена.

(Изъ неизданныхъ отрывковъ Онѣгина.)

Но до 1820 года мы почти лишены указанія тетрадей Пушкина, и этого одного достаточно для опредѣленія характера всей эпохи. Мы думаемъ, что въ одномъ небольшомъ посланіи *Къ К* — ну, написанномъ около 1817, выражается лучше и настоящій взглядъ автора на самого себя и вся незатѣйливая философская система, принятая имъ въ то время.

Все чередой идетъ опредѣленною,
 Всему пора, всему свой мигъ:
 Смѣшенъ и вѣтренный старикъ
 Смѣшенъ и юноша смиренный;
 Пока живется намъ — живи

.....

И черни призрай роптанье:
 Она не вѣдасть, что дружно можно жить
 Съ Клѣерой, съ портникомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;
 Что умъ высокій можно скрыть
 Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Съ перваго шага своего въ свѣтъ, Пушкинъ очутился въ обществѣ тогдашнихъ литераторовъ, какъ извѣстный и заслуженный его членъ. Онъ почти совсѣмъ не былъ въ положеніи начинающаго. Въ дѣтствѣ его, В. А. Жуковский нарочно ѣздилъ въ Царское Село осведомляться о занятіяхъ даровитаго питомца Лицея и прочитывать ему свои стихотворенія. Пушкинъ обладалъ необычайной памятью: цѣлыя строчки, переданныя ему В. А. Жуковскимъ, онъ удерживалъ на - долго въ головѣ и повторялъ ихъ безъ остановки. Жуковский имѣлъ привычку исправлять стихъ, забытый Пушкинымъ; каждый такой стихъ считался дурнымъ по одному этому признаку (*).

(*) Самъ незабвенный Н. М. Карамзинъ, принимавшій Пушкина часто въ кабинетъ своего Царскосельскаго дома, прочитывалъ ему страницы своего труда, бесѣдовалъ съ нимъ объ отечественной исторіи и выслушивалъ мнѣнія юноши, съ снисхожденіемъ и свойственнымъ ему добродушіемъ. Такъ какъ записки Пушкина остались только въ отрывкахъ и клочкахъ, разсыянныхъ по разнымъ тетрадямъ, то мы имѣемъ еще клочекъ о П. М. Карамзинѣ, полный глубокаго уваженія и любви къ Исторіографу. Въ немъ Пушкинъ рассказываетъ, какъ

По первымъ своимъ произведеніямъ, Пушкинъ записанъ былъ также въ списокъ *Арзамасцевъ*. Извѣстно, что литературное общество, носившее названіе *Арзамаса*, составилось изъ нѣкотораго противодѣйствія къ торжественности и отчасти къ неподвижности другаго литературнаго общества, имѣвшаго названіе: *Бесѣды Любителей Россійскаго слова*. Важность обстановки, похожей на засѣданіе, чѣмъ вообще отличалась *Бесѣда Любителей*, замѣнена была въ *Арзамасѣ* тономъ дружества и шутки. Нерасположеніе *Любителей Россійскаго слова* къ новымъ явленіямъ въ нашей литературѣ, подало мысль *Арзамасцамъ* назвать своихъ участниковъ именами и словами, встрѣчающимися въ балладахъ Жуковского, которыя особенно не нравились тогда защитникамъ *серьёзной* поэзіи и старыхъ формъ стихотворства. Такимъ образомъ усвоены были имена: *Старушки*, *Громобоя* и друг., многими извѣстными лицами въ обществѣ. В. Л. Пушкинъ получилъ односложное: *Вотъ!* въ названіе, а Александру Сергѣевичу Пушкину дано имя: *Сверчокъ*. Подъ этимъ именемъ напечаталъ онъ свою превосходную пьесу: *Мехтателю* (*), гдѣ очеркъ истинной страсти такъ далеко оставляетъ за собой прежнія легкія, веселыя ея опредѣленія. Это уже ступень къ мужеству таланта и, какъ бѣольшая часть стихотвореній Пушкина, пьеса связывается съ дѣйствительнымъ лицомъ и дѣйствительнымъ событіемъ. Нѣсколько другихъ подробностей объ *Арзамасѣ* тѣмъ болѣе необходимы здѣсь, что безъ нихъ трудно понять какъ дѣятельность нашей полемики между 1815 и 1825 годами, такъ и многое во взглядѣ, привязанностяхъ и убѣжденіяхъ самого Пушкина.

Всякій, кто изучалъ отечественную литературу первой четверти нашего столѣтія, вѣроятно, чувствовалъ, что ему недостасть

однимъ опрометчивымъ сужденіемъ, привелъ онъ въ гнѣвъ всегда яснаго, всегда спокойнаго историка, и какъ въ самой благородной горячности еще выказалась его прекрасная душа. Вообще В. А. Жуковский, Н. М. Карамзинъ и А. И. Тургеневъ всегда стояли къ Пушкину въ тѣхъ постоянно-нѣжныхъ дружескихъ отношеніяхъ, которыхъ не могъ измѣнить онъ самъ, а тѣмъ менѣе посторонніе люди или обстоятельства.

(*) Въ Сынѣ Отечества 1818 года, № LI. Подпись была: Св . . ч . к .

ключа для пониманія многихъ намековъ тогдашней критики и, особенно, для уясненія отношеній между литературными партіями. Статьи филологическаго и эстетическаго содержанія этой эпохи и даже стихотворенія, посланія и эпиграммы покрыты легкой тѣнью, которая мѣшаетъ видѣть сущность дѣла. Ключъ для разбора недосказанныхъ словъ и мыслей можетъ подать только изученіе существовавшихъ у насъ литературныхъ обществъ. Въ 1815 году еще продолжалась борьба, возникшая по поводу нововведеній Карамзина, и противники его направленія сосредоточились въ обществѣ: Бесѣда Любителей Русскаго слова, къ членамъ которой принадлежали многіе даровитые люди: въ числѣ ихъ былъ и Кн. Шаховской. Все молодое, желавшее новыхъ формъ для поэзіи и языка и свѣжихъ источниковъ для искусства вообще, пристроилось къ другому обществу, Арзамасу. Арзамасъ порожденъ былъ шуткой и сохранялъ основной характеръ свой до конца. Одинъ веселый и остроумный рассказъ подъ названіемъ: *Видѣніе во градѣ* — вызвалъ его на свѣтъ. Въ рассказѣ переданъ былъ анекдотъ о нѣкоторыхъ скромныхъ людяхъ, собравшихся разъ на обѣдъ въ бѣдный Арзамасскій трактиръ. Столъ ихъ былъ покрытъ скатертью, бѣлизны не совсемъ безпорочной и нисколько не былъ отягощенъ изобиліемъ брашенъ. Въ срединѣ бесѣды прислужникъ возвѣстилъ имъ, что какой-то проѣзжій остановился въ трактирѣ и, по видимому, находится въ магнетическомъ снѣ. Хотя любопытство и приписывается исключительно прекрасному полу, но друзья Арзамаса доказали противное. Они отправились наблюдать поваго ясновидящаго у дверей и увидѣли высокаго, толстаго челоуѣка, который ходилъ безпрестанно по комнатамъ, произнося непонятныя тирады и афоризмы. Последніе они тутъ же записали, но скрыли всѣ собственныя имена, потому что незлобивость и добродушіе составляли и составляютъ отличительную черту Арзамаса. Едва разнеслась эта шутка, въ которой не трудно было отгадать всѣ тонкіе намеки ея, какъ авторъ получилъ приглашеніе отъ одного изъ своихъ друзей на первый *Арзамасскій вечеръ*. Продолжая шутку, лица Арзамасскаго вечера назвались именами изъ балладъ В. А. Жуковскаго и, на подобіе Французской Академіи, поло-

жили правило: всякій новоизбранный членъ обязанъ былъ сказать похвальное слово не умершему своему предшественнику, потому что такихъ не было, а какому либо члену Бесѣды Любителей Русскаго слова или другому извѣстному литератору. Такъ произнесены были похвальные слова Г. Захарову, переводчику Авеловой смерти Геснера, Велисарія Г-жи Жанлисъ и Странствованій Телемака Фенелона, Г. А. Волкову—автору Арфы стихогласной и мног. др. Секретарь общества, В. А. Жуковский, велъ журналъ засѣданій, и протоколы его представляютъ автора Людмилы съ другой стороны, еще не уловленной біографами—со стороны вообще веселаго характера. Это образцы самой забавной и, вмѣстѣ, самой приличной шутки. Намъ неизвѣстно, кому произнесъ похвальное слово Александръ Сергѣевичъ при вступленіи своемъ, но ему дозволено было сказать первую рѣчь свою стихами. Стихи эти, къ сожалѣнію, тоже утрачены. Не должно забывать, что веселое направленіе Арзамаса не мѣшало ему весьма строго цѣнить произведенія въ отношеніи правильности выраженія, вѣрности образовъ и выбора предметовъ. Орудіемъ насмѣшки и остроумія Арзамасъ поражалъ ложныя или неудачно изложенныя мысли и Пушкинъ, въ стихотворной рѣчи своей, не даромъ упоминалъ о лозѣ Арзамаса, которая достигаетъ провинившихся писателей, не смотря на то—зачислены ли они въ списокъ Арзамасцевъ или нѣтъ.

Отношенія Арзамаса къ другимъ обществамъ должны были отразиться на всемъ литературномъ движеніи; но здѣсь первый поводъ, а съ нимъ и настоящее значеніе явленій были уже потеряны для большинства публики; такъ продолжается и доселѣ. Напримѣръ, появленіе комедій Кн. Шаховскаго: Липецкія воды—сатиры на произведенія В. А. Жуковскаго и Новый Стернь—сатиры на произведенія Н. М. Карамзина—только теперь нѣсколько объясняется въ глазахъ изслѣдователя. Съ нихъ началась жаркая полемика, въ которой особенно отдѣляется отъ всѣхъ бойкостію и мѣткостію своихъ замѣтокъ Кн. П. А. Вяземскій, стоявшій, разумѣется, на сторонѣ авторитетовъ, обиженныхъ нашимъ комикомъ. Еще въ Сынѣ Отечества 1815 года (№ 146), является его статья: *Мнѣніе посторонняго*, гдѣ, не принимал

*

попытокъ примиренія, сдѣланныхъ М. Н. Загоскинымъ въ комедіи своей: *Комедія противъ Комедіи*, онъ горячо высчитываетъ рядъ оскорбленій, нанесенныхъ лилипутами Словесности лицамъ и именамъ истинныхъ писателей. Самъ В. А. Жуковскій, въ посланіи своемъ къ Вяземскому и Пушкину (Василью), напечатанномъ въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 года № 6 — и не попавшемъ въ послѣднее собраніе его сочиненій 1848 года — глубоко жалуется на завистниковъ, омрачающихъ благородное поприще литератора, и даетъ совѣты друзьямъ, какъ сберечь свое призваніе и творческія идеи въ шумъ людей, непонимающихъ ни того, ни другаго. Въ извѣстномъ отвѣтѣ своемъ на это посланіе (*Къ Жуковскому: Благослови поэтъ*), А. С. Пушкинъ рисуеъ картину враждебныхъ личностей и направленій, уже вызвавшихъ столько жалобъ и возраженій. Наконецъ даже Батюшковъ, въ первой рукописной редакціи своего стихотворенія: «*Видѣніе на берегахъ Леты,*» ходившей по рукамъ и измѣненной въ послѣдствіи, обрекалъ Лету и забвенію тѣ лица, которыя упорно держались старыхъ формъ и смотрѣли недоброжелательно на попытки разработывать новыя стороны искусства. Не говоримъ уже о многихъ мелкихъ статьяхъ, эпиграммахъ, басняхъ и посланіяхъ.

Когда, въ двадцатыхъ годахъ, стали обнаруживаться въ литературѣ нашей идеи романтизма, въ противоположность идеямъ классицизма, то Арзамасъ и враждебное ему направленіе отдѣлились еще рѣзче и явственнѣе. Можно сказать, что идеи романтизма находились уже въ Арзамасѣ прежде появленія ихъ въ нашей литературѣ.

Сторона противудѣйствующая нашла тогда представителя въ Вѣстникѣ Европы, М. Т. Каченовскаго и въ столкovenіяхъ ея съ новыми теоріями искусства обнаружила послѣдовательность, какой не было прежде. Споры происходили теперь уже преимущественно по поводу произведеній Александра Сергѣевича, какъ прежде предметомъ ихъ были Карамзинъ и Жуковскій; но пріемы, направленіе и мысли почти одинаковы у почитателей новаго дѣятеля. Князь П. А. Вяземскій является и здѣсь первымъ защитникомъ его. Въ 1821 году онъ напечаталъ въ

Сынъ Отечества № II, свое ѣдкое посланіе къ Качеповскому, которое, во многихъ мѣстахъ, было буквальнымъ переводомъ Вольтерова стихотворенія: *De l'Envie*. Къ 1824 принадлежитъ его жаркая полемика съ Вѣстникомъ Европы по поводу *Бахчисарайскаго Фонтана* и *Разговора*, приложеннаго къ нему, и наконецъ, только въ 1825 году слѣды борьбы Арзамаса съ старой партіей защитниковъ прежнихъ формъ искусства пропадаютъ совсѣмъ или принимаютъ другой видъ. Такъ важно было вліяніе Арзамаса на литературу нашу и, надо прибавить къ этому, что Пушкинъ уже сохранилъ навсегда уваженіе, какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами въ средѣ его, такъ и къ самому способу дѣйствованія во имя идей, обсужденныхъ цѣлымъ обществомъ. Онъ сильно порицалъ у друзей своихъ попытки разъединенія, проявившіяся одно время въ видѣ нападковъ на произведенія Жуковскаго и вообще всѣ такого же рода попытки, да и къ одному личному мнѣнію, становившемуся наперекоръ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія.

Много и другихъ литературныхъ обществъ существовало тогда въ обѣихъ столицахъ; такъ, въ Москвѣ было Общество любителей Словесности, въ Петербургѣ — Общество любителей Словесности, Наукъ и Художествъ и Общество Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія (*). Последнее издавало журналъ, а второе печатало свои труды по большей части въ журналѣ: *Благонамѣренный*. Московское Общество держалось весьма долго; оно также издавало журналъ подъ названіемъ: «Труды Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ», въ которомъ, какъ мы видѣли, печатались первые опыты Пушкина. Журналъ этотъ прекратился въ 1827 году. Кромѣ самихъ обществъ были еще кружки, составлявшіе, такъ сказать, повтореніе ихъ, но въ уменьшенномъ видѣ; таковъ былъ

(*). Общество это носило еще названіе: Высочайше утвержденнаго Вольнаго общества любителей Русской Словесности. Журналъ его «Соревнователь» снабжался особенной оберткой по окончаніи каждой части, съ заглавіемъ: «Труды Высочайше утвержденнаго, и проч.» Пушкинъ помѣстилъ въ немъ съ 1819 года 5 пьесъ: Эпиграмму (Мараеть онъ единымъ духомъ), Дѣва (Я говорилъ тебѣ страшна), Мила красавица, Желаніе славы, Елизаветъ.

незабвенный кругъ А. Н. Оленина, имѣвшій, какъ извѣстно, важную долю вліянія на современную литературу. Вечера В. А. Жуковскаго также принадлежать къ этой цѣпи небольшихъ частныхъ Академій, гдѣ молодые писатели получали и первую оцѣнку и первые уроки вкуса. Вліяніе всѣхъ этихъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ собраній на просвѣщеніе вообще, еще не нашло у насъ оцѣнки, даже и приближительной. Хотя Пушкинъ не принадлежалъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, однакоже слѣдилъ равно внимательно за ихъ занятіями. Надо прибавить, что они уничтожены были столько же временемъ, сколько и распространеніемъ круга писателей, вслѣдствіе общаго разлива свѣдѣній и грамотности. Съ увеличеніемъ класса авторовъ, сдѣлались невозможны и тѣ труды сообщая, та взаимная передача замысловъ и плановъ литературныхъ, обсужденіе начатыхъ произведеній всѣми голосами, единство направленія, словомъ, всѣ тѣ особенности, которыя заставляютъ старожилловъ, по справедливости, вспоминать съ удивленіемъ объ этой эпохѣ нашего литературнаго образованія. Самъ Пушкинъ, создавшій такъ много новыхъ читателей на Руси и не менѣе того стихотворцевъ, сильно способствовалъ уничтоженію дружескихъ литературныхъ круговъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохранилъ до конца своей жизни, какъ уже мы сказали, существенныя, характеристическія черты члена старыхъ литературныхъ обществъ, и уже не имѣлъ симпатій къ произволу журнальныхъ сужденій, вскорѣ замѣстившему ихъ и захватившему довольно обширный кругъ дѣйствія.

Батюшковъ, проѣздомъ въ Неаполь, гдѣ суждено ему было испытать первые симптомы бодѣзни, отнявшей его еще за живо отъ свѣта и Русской поэзіи, находился въ Петербургѣ и слышалъ первыя пѣснѣи *Руслана* и *Людмилы* на вечерахъ у Жуковскаго, гдѣ онъ обыкновенно прочитывались. Извѣстно, что послѣ чтенія послѣдней изъ нихъ, Жуковскій подарилъ автору свой портретъ, украшенный надписью: «ученику отъ побѣжденнаго учителя». Батюшковъ, съ своей стороны, перѣдко съ изумленіемъ смотрѣлъ, какъ антологическій родъ поэзіи, созданный имъ на Руси, легко и непринужденно подчиняется перу моло-

даго человѣка, занятого, по видимому, только удовольствіями и разсѣяніями свѣта. Тогда уже были написаны тѣ замѣчательныя стихотворенія Пушкина, для которыхъ содержаніемъ послужилъ древній, язычскій міръ: *Торжество Вакха*, *Кривоцову* и проч. Рассказываютъ, что Батюшковъ судорожно сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги, на которомъ читалъ *Посланіе къ Ю — ву* (*Поклонникъ вѣтренныхъ Лаисъ*, 1818 г.) и проговорилъ: «О! какъ сталъ писать этотъ злодѣй!» И дѣйствительно, во многихъ стихотвореніяхъ этой эпохи врожденная сила таланта проявлялась у Пушкина сама собой, замѣняя, при случаѣ, гениальной отгадкой то, чего не могъ еще дать жизненный опытъ начинающему поэту.

Пушкинъ легко подчинялся вліянію всякой благородной личности. Въ эту эпоху жизни мы встрѣчаемъ вліяніе на него замѣчательнаго человѣка и короткаго его пріятеля, П. А. Катенина. Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 году къ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: «я пришелъ къ вамъ какъ Діогенъ къ Антистену: побей — по выучи!» «Ученаго учить — портить!» — отвѣчалъ авторъ Ольги. Съ тѣхъ-поръ дружескія связи ихъ уже не прерывались. П. А. Катенинъ былъ знатокъ языковъ и Европейскихъ литературъ вообще. Можно основательно сказать, что Пушкинъ обязанъ отчасти Катенину осторожностію въ оцѣнкѣ иностранныхъ поэтовъ, литературнымъ эклектизмомъ и особенно хладнокровіемъ при жаркихъ спорахъ, скоро возникшихъ у насъ по поводу Классицизма и Романтизма. Стойкость сужденія Катенина научила его видѣть достоинства тамъ, гдѣ, увлекаемые споромъ, уже ничего не находили журналы наши. Независимость убѣжденій П. А. Катенина простиралась до того, что, сдѣлавъ нѣсколько опытовъ въ романтической поэзіи, онъ тотчасъ же перешелъ къ противной сторонѣ, какъ только число снодвижниковъ новаго рода произведеній достаточно расплодилось. Катенинъ, между прочимъ, помирилъ Пушкина съ Кн. Шаховскимъ въ 1818 г. Онъ самъ привезъ его къ извѣстному комику, и радушнѣйшій пріемъ, сдѣланный поэту, связалъ дружескія отношенія между ними, несколько, впрочемъ, не замѣтивши основныхъ убѣжденій послѣдняго. Тогдашній посредникъ ихъ

записалъ слово въ слово любопытный разговоръ, бывший у него съ Пушкинымъ, когда оба они возвращались ночью въ саняхъ отъ Кн. Шаховскаго. — Savez-vous, сказалъ Пушкинъ, qu'il est très bon homme au fond? Jamais je ne croirai qu'il ait voulu nuire sérieusement à Ozerow, ni à qui que ce soit.—Vous l'avez cru pourtant, отвѣчалъ Катенинъ, vous l'avez écrit et publié; voila le mal.— Heureusement, возразилъ Пушкинъ, personne n'a lu ce barbouillage d'écolier; pensez-vous qu'il en sache quelque chose?—Non; car il ne m'en a jamais parlé.—Tant mieux, faisons comme lui, et n'en parlons jamais.—Такъ точно П. А. Катенинъ помирилъ Александра Сергѣевича и съ А. М. Колосовой, дебюты которой поэтъ нашъ встрѣтилъ довольно злой эпиграммой. Извѣстно его поэтическое раскаяніе въ грѣхъ, заключающееся въ небольшомъ стихотвореніи: *Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ?* Вообще, П. А. Катенинъ замѣтилъ въ эту эпоху характеристическую черту Пушкина, сохранившуюся и впоследствии: осторожность въ обхожденіи съ людьми, мнѣніе которыхъ уважалъ, ловкій обходъ спорныхъ вопросовъ, если они поставлялись слишкомъ рѣшительно. Александръ Сергѣевичъ былъ весьма доволенъ эпитетомъ: *Le jeune M-r Arouet*, данный ему за это качество пріятелемъ его, и хохоталъ до упада надъ каламбуромъ, въ немъ заключавшимся. Можетъ быть это качество входило у Пушкина отчасти и въ оцѣнку самихъ произведеній Катенина. Извѣстно, что вмѣстѣ съ достоинствомъ хладнокровнаго критика, Пушкинъ признавалъ въ немъ и замѣчательныя творческія способности. Онъ даже сердился на Московскихъ литераторовъ, не понимавшихъ поэтической важности балладъ и переводовъ его друга, раздѣляя, впрочемъ, благоприятное мнѣніе о произведеніяхъ П. А. Катенина со многими изъ извѣстныхъ своихъ современниковъ. Такъ Грибоѣдовъ предпочиталъ *Ольгу Катенина Людмиллѣ Жуковскаго*, съ которой она имѣла одинаковое содержаніе — и которую превосходила, по мнѣнію автора *Горе отъ ума*, цвѣтомъ народности и планомъ. Пушкинъ написалъ цѣлую статью о сочиненіяхъ его (Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду 1833 г., № 26), сохраненную въ нашемъ изданіи и прежде того еще сдѣлавъ лестную замѣтку въ Сѣвер-

ныхъ Цвѣтахъ 1829 г., посылая туда одно изъ его стихотвореній (*).

Въ дополненіе къ этому мы прибавимъ, что несмотря на пріятельскія отношенія нашихъ авторовъ, была въ жизни ихъ минута недоразумѣнія, которая особенно заслуживаетъ упоминенія по благородству, съ какимъ обѣ стороны отстранили ее почти тотчасъ же. Пушкинъ находился уже въ Кишиневѣ, когда въ Петербургѣ давали переводную комедію Катенина: Сплетни, гдѣ, какъ утверждали, заключался намекъ на отсутствующаго поэта (**). П. А. Катенинъ, жившій въ деревнѣ, нашелъ съ своей

(*) Это былъ разсказъ П. А. Катенина, подъ названіемъ: *Русская Быль*, напечатанный въ альманахѣ съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «За стихотвореніе сіе обязаны мы А. С. Пушкину, который доставилъ намъ оное при слѣдующемъ письмѣ:» П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ «стихотвореніемъ. Я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши «Сѣверные Цвѣты». Пусть вспомнятъ читатели, что въ разсказѣ П. А. Катенина, Бнязь Владиміръ присутствуетъ на состязаніи пѣвцовъ и присуждаетъ женоподобному Греку-пѣвцу коня и латы, а Русскому его сопернику завѣтный кубокъ, данный Святославу Императоромъ Цимисхіемъ. «Старая Быль» П. А. Катенина, посвященная Пушкину, еще сопровождалась стихотворнымъ посланіемъ къ Александру Сергѣевичу, въ которомъ авторъ разсказа, невинно и тонко пошмѣявшись надъ романтиками и археологами, т. е. надъ двумя литературными кругами нашими, говоритъ, что завѣтный кубокъ не потерянъ и находится теперь въ рукахъ автора Онѣгина. Пушкинъ не рѣшился напечатать это посланіе вмѣстѣ съ разсказомъ; оно явилось только въ 1832 году въ сочиненіяхъ Катенина (часть 1-я стр. 98). Пушкинъ помѣстилъ одинъ свой отвѣтъ на него въ тѣхъ же Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829. Это извѣстная пьеса, подъ названіемъ: *Отвѣтъ Катенину*, которая начинается стихами:

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь —
И выпить на здоровье просишь:
Не пью любезный мой сосѣдъ!

и которая безъ поясненія остается какимъ-то темнымъ намекомъ. Всего любопытнѣе, что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Катенинъ спрашивалъ у него: почему не приложилъ онъ къ «Старой Были» и посланія, то въ отвѣтахъ Пушкина ясно увидѣлъ, что намеки на собратію были истинными причинами исключенія этой пьесы. Такъ вообще былъ остороженъ Пушкинъ въ спокойномъ состояніи духа!

(**) «Сплетни, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Павла Катенина, подражаніе Грессетовой комеди: *Le méchant* (С.-Пб. 1821)» — представлена была

стороны намекъ на самаго себя въ Пушкинскомъ посланіи къ Ч—ву, написанномъ въ 1821 году и именно въ одномъ стихѣ его:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

Но первое объясненіе уничтожило всѣ недоразумѣнія. Вотъ письмо Пушкина по этому поводу:

«Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый: воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты конечно въ этомъ числѣ, но дружба не Итальянской глаголь *riombare*, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

«Это простиительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ (покрайней-мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ ли меня Зельской. Можетъ быть да, вѣроятнѣе-нѣтъ. Во всякомъ случаѣ не могу сердиться. Еслибъ я имѣлъ что нибудь на сердцѣ, сталь-ли бы я говорить о тебѣ на ряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Лица и отношенія слишкомъ различны. Еслибъ ужъ на то рѣшился, написалъ-ли стихъ столь слабый и неясный, выбралъ-ли предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводаемою? Какъ дѣло ни верти, ты все меня обижаешь. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты

въ Петербургѣ 31 Декабря 1820. Блеонъ Гресета переродился у П. А. Катенина въ Зельскаго, но мы никакъ не могли угадать въ тирадахъ послѣдняго какого-либо намека на Пушкина. Слѣдуетъ сказать, между прочимъ, что выходки Зельскаго противъ современныхъ странностей и обычаевъ были предтечами, а можетъ быть и родоначальниками сатирическихъ вспышекъ Чацкаго . . . Кто знаетъ связь идей, которая существуетъ въ известныя эпохи между писателями, тотъ пойметъ наше предположеніе. Мы имѣли, напримѣръ, въ рукахъ неизданную рукописную комедію въ прозѣ: «Студентъ» соч. Катенина и Грибавдова. Дѣйствіе въ ней очень просто. Взаблмашный и упрямый Звонозъ хочетъ выдать воспитанницу свою за студента, который говоритъ не иначе, какъ тирадами изъ *модныхъ* писателей. Дѣло кончается женитьбой молодого, умнаго человѣка на воспитанницѣ. Комедія осталась подъ спудомъ, но мысль ея одинакова съ Новымъ Стернемъ Князя Шаховскаго. Все это было только косвеннымъ отвѣтомъ Арзамасцамъ.

любишь меня. И такъ оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сидя; поздравляю тебя и стараго моего Корнели. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: имѣлъ-ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ, на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слыхаль, что она неприлична, смѣшна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою Гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимой, покрайней-мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесеніе, знаю что долгъ платежемъ красенъ, но non erat his locus. . . . Прощай Эсхилъ, обнимаю тебя какъ поэта и друга. . . . 19 Юля.»

Прилагаемъ нѣсколько другихъ писемъ Пушкина къ Катенину, которыя чрезвычайно много способствуютъ къ объясненію нравственной фізіономіи перваго. Всѣ они принадлежатъ 1825 году и писаны уже изъ Михайловскаго. Кромѣ прямаго свидѣтельства о вліяніи Катенина на поэта нашего, они еще служатъ примѣромъ его уклончивости съ людьми, происходившей отъ тонины чувства и деликатности сердца. Будучи *Арзамасцемъ* по направленію своему, Пушкинъ находилъ одобрительныя слова для добросовѣстнаго труда во всѣхъ литературныхъ партіяхъ. Истинную мысль свою берегъ онъ только для себя и для немногихъ, какъ увидимъ послѣ.

1) «Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣнившейся твоей дружбы. . . . Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію — общую нашу любовницу. Если это правда, чтожь утѣшаетъ тебя, кто утѣшитъ ее? . . . Я думалъ, что въ своей глуши — ты созидашь; нѣтъ — ты хлопочешь и тягаешься — а между тѣмъ годы бѣгутъ.

Neu fugant Posthume, Posthume labuntur anni (*).

(*). Настоящій стихъ Горациа въ его одѣ къ Постуму (книга II, ода XIV) таковъ:

Neu heu fugaces, Postume, Postume,

Labuntur anni.

(Увы! Постумъ утекають бѣгушіе годы)

«А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти и воображеніе. Послушайся, милый, запришь, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софіи Алексѣвны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей Словесности и никто болѣе тебя того не достоинъ. Прочель въ Булг. (*) твое 3-е дѣйствіе, прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь? . . . На чердакѣ К. Шаховскаго.

«Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно-хорошо (**). Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-Гишпански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія?

«Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи пока-мѣстъ я бросилъ и пишу свои *memoires*, то-есть, переписываю на бѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь; 4 пѣсни Опѣгина у меня готовы, и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по нраву — я самъ ее люблю; впрочемъ на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ К. . . , съ театральнымъ Маіоромъ и проч: больше не буду! — Addio, Poëta, a rivederla, ma quando? . . .» На адресъ штемпель: Опочка, 1825, Сентября 14.

2) «Письмо твое обрадовало меня по многимъ причинамъ: 1) что оно писано изъ П. Б., 2) что Андромаха наконецъ отдана на театръ, 3) что ты собираешься издать свои стихотворенія, 4) (и что должно было бы стоять первымъ) что ты любишь меня по старому Какъ бы хорошо было если нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества! Участникомъ — ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ. Мнѣ право совѣстно, что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ надѣюсь я представить что нибудь болѣе достойное твоего вниманія. — Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ я его не

(*) Въ альманахѣ русская Талія, изд. Г. Булгарина (1825), гдѣ было помѣщено нѣсколько явленій 3 дѣйствія Андромахи г. Катенина.

(**) Въ томъ же альманахѣ г. Булгарина было напечатано нѣсколько сценъ изъ трагедіи Венцеславъ, соч. Ротру, передѣланной А. А. Жандромъ.

бросилъ. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина, и поздравляю его съ твоимъ одобреніемъ. Признаюсь — мочи нѣтъ хочется къ вамъ. Прощай милый и почтенный — вспомни меня во время перваго представленія Андромахи. 4 Декабря».

Гораздо яснѣе и рѣшительнѣе высказываетъ Пушкинъ свои чувства въ третьемъ, прилагаемомъ здѣсь письмѣ.

5) «Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полного твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою, показалось бы немного страннымъ.

Будущій альманахъ (*) радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? вмѣсто альманаха, не затѣять-ли намъ журнала въ родѣ Edimburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же какъ не тебѣ забрать въ руки общее мнѣніе, и дать нашей Словесности новое, истинное направленіе? Пока мѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отъучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Еслибъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты Русской Словесности: какъ думаешь? Да что Андромаха и собраніе твоихъ стиховъ?»

Нельзя пропустить въ этомъ перечетѣ людей, окружавшихъ Пушкина, друга его — Дельвига. Дельвигъ былъ истинный поэтъ, но поэтъ въ душѣ, лишенный способности воспроизведенія своихъ созданий. Отъ него чрезвычайно много ожидали и, какъ кажется, особенно за способность развивать планы новыхъ произведеній и вообще придумывать содержаніе поэмъ. Строгость идеи, глубина чувства, значеніе лицъ и происшествій въ его неосуществленныхъ фантазіяхъ были таковы, что разъ В. А. Жуковский, при разсказѣ объ одной изъ замышляемыхъ имъ поэмъ, сказалъ, обнимая будущаго ея творца: «Берегите это сокровище въ себѣ до дня

(*) Невскій Альманахъ г. Аладына, въ судьбѣ котораго П. А. Катенинъ принималъ участіе.

его рожденія», — но день рожденія не наступилъ. Извѣстно, что Пушкинъ съ негодованіемъ говорилъ о невниманіи, съ какими встрѣтила публика произведенія вдохновеннаго юноши Дельвига, между — тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, имѣвшіе, можетъ быть, одно достоинство — гладкость, замѣчаетъ Пушкинъ, принимались, какъ нѣкое диво. Съ юга Россіи онъ умолялъ Дельвига написать поэму и говорилъ: «поэма мрачная, богатѣйшая, сильная, байроническая — твой истинный удѣлъ». Таковъ былъ первый взглядъ Пушкина на характеръ поэзіи, доступный его Лицейскому товарищу, съ которымъ онъ дѣлилъ еще на ученической скамьѣ свои авторскія тайны и стремленія. Впослѣдствіи взглядъ Пушкина на поэтическую способность Дельвига значительно измѣнился, что можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка: «Идилліи Дельвига, писалъ Пушкинъ уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти его, для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19 столѣтія въ золотой вѣкъ и какое необыкновенное *чутье* изящнаго, дабы такъ угадать Греческую поэзію сквозь Латинскія подражанія или Нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть, болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ.» Въ постоянныхъ разговорахъ съ Дельвигомъ объ искусствѣ и въ обществѣ его, Александръ Сергѣевичъ достигъ замѣчательнаго 1819 года.

1819 годъ весьма важенъ въ біографіи и жизни Пушкина. Можно считать его эпохою появленія настоящей Пушкинской поэзіи, проблески которой старались мы уловить и прежде. Въ этотъ замѣчательный годъ обнаруживается впервые настоящая манера поэта и самъ онъ видимо сознаетъ качества своего таланта. 1819 годъ открывается стихотвореніемъ: *Увы! за чѣмъ она блистаетъ*, гдѣ глубокое чувство облечено въ такое простое, трогательное и вмѣстѣ мелодическое выраженіе, что пѣса можетъ назваться родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ лирическихъ пѣсень его въ этомъ родѣ. Тогда же начинается сильно выказываться другое замѣчательное качество Пушкина — разно-

образіе его впечатлѣній, безпрестанная дѣятельность, такъ сказать, вдохновенія, поражаемаго самыми противоположными предметами. Стихотворенія: *Уединеніе*, *Домовому*, рядомъ съ упомянутой элегіей доказываютъ это какъ нельзя лучше. Наконецъ, въ концѣ года, является и задушевная исповѣдь Пушкина — это драгоценное достояніе Русской поэзіи, доказывающее одинаково и силу его генія и глубину его сердца. Задушевною исповѣдью онъ и замыкается:

Художникъ—варваръ кистью сонной
 Картину генія чернить,
 И свой рисунокъ беззаконной
 Надъ ней бессмысленно чертить.

* *
 *

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
 Спадаютъ ветхой чешуей;
 Созданье генія предъ нами
 Выходитъ съ прежней красотой.

* *
 *

Такъ исчезаютъ заблужденья
 Съ измученной души моей,
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Въ томъ же году кончена была и поэма: *Русланъ и Людмила*, напечатанная только въ слѣдующемъ 1820 году, но она принадлежитъ еще къ первому отдѣлу поэтической дѣятельности Пушкина. Задуманная на скамьяхъ Лицея, продолжаемая въ лѣтнія его поѣздки въ село Михайловское, она совершенно была окончена только на Кавказѣ, откуда (1820 г.) присланъ былъ извѣстный ея эпилогъ. По мѣрѣ того какъ она создавалась, ее обсуживали, какъ мы видѣли, голосами извѣстныхъ литераторовъ на вечерахъ Жуковскаго и она составляла, вмѣстѣ съ другими предметами, содержаніе долгихъ бесѣдъ Пушкина съ Дельвигомъ и друзьями. Пушкинъ жилъ въ это время съ семействомъ своимъ на Фонтанкѣ у Калинкина моста, въ домѣ бывшемъ Кло-

качева, и часто провожалъ Дельвига на квартиру его отъ себя и отъ Жуковскаго, ко Владимірской, толкуя обо всемъ, что читали и говорили у послѣдняго. Считаемою обязанностію сохранить одинъ анекдотъ, показывающій его уваженіе къ пѣвцу Людмилы. В. А. Жуковскій часто, вмѣсто переписки стиха, которымъ былъ недоволенъ, заклеивалъ его бумажкой съ другимъ новымъ. Разъ на вечерѣ у Д. Н. Б., одинъ изъ чтецовъ новаго произведенія Жуковскаго, вѣроятно недовольный переменой, сорвалъ такую бумажку и бросилъ на полъ. Пушкинъ тотчасъ же поднялъ ее и спряталъ въ карманъ, сказавъ весьма важно: «Намъ не мѣшаетъ подбирать то, что бросаетъ Жуковскій».

Появленіе *Руслана и Людмилы* встрѣчено было съ восторгомъ публикой и съ недоумѣніемъ тѣми людьми, которые видѣли въ ней униженіе поэзіи и, вообще, достоинства литературы, въ чемъ упрекали, какъ извѣстно и преобразованія Н. М. Карамзина, совершенныя имъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Русскомъ языкѣ и въ Русской Словесности. Къ числу недовольныхъ принадлежалъ и Дмитріевъ, питавшій, впрочемъ, несомнѣнное уваженіе къ таланту Пушкина. Дѣло шло собственно о Русской сказкѣ, какъ о предметѣ для эпоса. Теперь всякому ясно, что поэма *Русланъ и Людмила* весьма далеко отстоитъ — по духу, выраженію и облику самихъ героев — отъ народной сказки; но тогда разница не вполне понималась и подала поводъ къ весьма любопытнымъ спорамъ.

Когда появился въ Сынѣ Отечества 1820 года (№№ xv и xvi) первый отрывокъ изъ *Руслана и Людмилы*, Вѣстникъ Европы сдѣлался эхомъ ужаса, возбужденнаго въ нѣкоторыхъ людяхъ этимъ вводомъ сказочнаго Русскаго міра въ область поэзіи: «Обратите ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, говорилъ онъ, возникающій посреди океана Россійской Словесности. . . . Наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова. . . . Просвѣщеннымъ людямъ предлагаютъ поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу». Критикъ Вѣстника Европы еще допускаетъ собраніе Русскихъ сказокъ, какъ собираютъ и *безобразныя старыя монеты*, но уваженія къ нимъ не понимаетъ. Выписавъ сцену Руслана съ головой, критикъ восклицаетъ: «Но

увольте меня отъ подробнаго описанія и позвольте спросить: если бы въ Московское Благородное собраніе, какъ илбудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ зычнымъ голосомъ: здорово ребята? неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? . . . Зачѣмъ допускать, чтобъ плоскія шутки старины снова появились между нами?» (Вѣстникъ Европы 1820 г., № XL.)

Вопросъ о народной поэзіи былъ поставленъ очень рѣзко какъ видимъ. Журналъ, поднявшій его, имѣлъ явныя и тайныя симпатіи даже и такихъ людей, которымъ знакомы были Италіянскія и Нѣмецкія волшебныя поэмы, но которымъ фантастическій міръ Русскихъ народныхъ сказаній казался дикимъ и неблагороднымъ.

Въ Русланѣ и Людмилѣ заключалось и другое зерно вражды, именно тайная насмѣшка поэмы надъ чопорностію прежнихъ, такъ называемыхъ Русскихъ пѣсень и разсказовъ изъ народной жизни. Холодная эпическая торжественность не была и въ то время рѣдкостію, но она имѣла соперницу въ элегической и нѣсколько жеманной поддѣлкѣ сказочныхъ лицъ и простонародныхъ пѣсень. Ничего подобнаго не было въ поэмѣ: Русланъ и Людмила. Она отличалась безпрестанными отступленіями, неожиданными обращеніями къ разнымъ постороннимъ предметамъ, свободнымъ теченіемъ разсказа и насмѣшливостію. Самъ авторъ какъ-будто шутитъ надъ сказочными мотивами, которые употребляетъ въ дѣло, надъ собственными приемами и образами. При нѣкоторомъ вниманіи, легко можно замѣтить сатирическое направленіе поэмы, которое вышло разъ наружу само собой и весьма ярко — именно въ 4 главѣ, гдѣ помѣщена пародія на «Двѣнадцать спящихъ Дѣвъ» Жуковскаго. Все это, вмѣстѣ взятое, казалось многимъ не только дерзкимъ нововведеніемъ, но почти разрывомъ со всѣми преданіями искусства.

Поклонники Пушкина особенно были затронуты послѣднимъ обвиненіемъ. Имъ нельзя было оставить первое произведеніе любимаго поэта бобылемъ въ Русской Словесности. Они постарались приискать ему знаменитыхъ предковъ у себя и на сторонѣ: «Душеньку» Богдановича, «Оберона» Вилянда, «Неистоваго

Орландо» Аріоста. Мнѣніе о сходствѣ Руслана и Людмилы съ Нейстовымъ Орландомъ особенно долго держалось, хотя и оно столь же мало можетъ устоять при повѣркѣ, какъ и предполагаемое сходство поэмы съ Русскими сказками. Внѣшней своей формой, оставленіемъ героевъ своихъ посреди дѣйствія и возвращеніемъ къ нимъ послѣ долгаго обхода, Русланъ приближается къ манерѣ Феррарскаго поэта, но въ немъ нѣтъ и признака той долгой, постоянной страсти, перемѣшанной съ ироніей, какими отличается Орландъ. Въ Русской поэмѣ все молодо, свѣжо, исполнено порывовъ чувства, а не страсти, игривой насмѣшливости, а не ироніи. Это былъ, по нашему мнѣнію, послѣдній блестящій метеоръ того же Французскаго вліянія, подъ которымъ Пушкинъ находился такъ долго.

Пушкинъ удивлялся впоследствии, что не замѣтили *холодности* его поэмы, по этому была весьма основательная причина: прелесть картинъ, свѣжесть всѣхъ молодыхъ ощущеній отводили глаза и мѣшали видѣть, что за всѣмъ этимъ нѣтъ истиннаго чувства. Необычайно тщательная отдѣлка лишила ее, можетъ быть, и послѣднихъ его проблесковъ. Отдѣлка эта выказалась еще строже во второмъ изданіи 1828 года, съ котораго печатались всѣ послѣдующія; тамъ было пропущено и передѣлано болѣе 12 мѣстъ, но за то присоединено было вступленіе, которое, по сказочному духу и народнымъ краскамъ, превосходитъ всю поэму. Благодаря такому упорному труду, стихъ поэмы сохраняетъ постоянно хрустальную прозрачность и плавность изумительную, но лишенъ точности, поэтическаго лаконизма и долго извивается вокругъ предмета граціозными кругами, прежде чѣмъ успѣетъ охватить его со всѣхъ сторонъ. Все это могли мы замѣтить, благодаря самому Пушкину, научившему насъ понимать своими послѣдующими произведеніями настоящее достоинство и стиха и созданія. Позднѣе, Пушкинъ замѣтилъ еще, что кромѣ Вѣстника Европы и *весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобилующихъ слабостью созданія поэмы*, поэма Русланъ и Людмила принята была благосклонно. Эти вопросы, напечатанные въ Сынѣ Отечества (1820, часть LXIV), принадлежали перу одного молодого человѣка, диллетанта въ нашей литературѣ,

рано похищеннаго смертію (*). Они составляютъ родъ лаконическаго вопроса, гдѣ истинно-дѣльное переищивается, иногда, съ весьма капризными и произвольными требованіями, какъ это можно видѣть изъ начала ихъ, здѣсь приводимаго:

«За чѣмъ Финнъ дожидался Руслана?»

«За чѣмъ рассказываетъ Руслану свою исторію и какъ можетъ Русланъ въ такомъ несчастномъ положеніи съ жадностію *внимать рассказы* (или по Русски *рассказамъ*) старца?»

«За чѣмъ Русланъ присвистываетъ, отправляясь въ путь: показываетъ ли это огорченнаго человѣка? За чѣмъ Фарлафъ съ своей трусостью поѣхалъ искать Людмилы? Намъ скажутъ: за тѣмъ, чтобъ упасть въ грязный ровъ: *et puis on en rit et cela fait toujours plaisir . . .*» и проч.

Младенческое состояніе тогдашней критики особенно проявилось въ разборѣ поэмы при выходѣ ея вполне (Сынъ Отечества, часть lxxv, 1820 года), подписанномъ буквою В. Уже съ этой ранней эпохи, всѣ рецензіи на Пушкина были ниле его и онъ имѣлъ полное право говорить впоследствии, что ничему отъ нихъ не выучился. Вѣрное эстетическое чувство въ оцѣнкѣ его произведеній явилось не за долго до его смерти и было имъ же

(* Гвардейскому офицеру Дм. Петр. Зыкову, умершему 30 лѣтъ отъ роду, по указанію П. А. Катенина.

Вотъ какъ описываетъ онъ молодаго автора «Сочинителя статьи открытъя нѣсколько недѣль спустя въ Дм Петр Зыковѣ. Этотъ умный молодой человѣкъ, страстный къ учению, не смотря на военнаго ремесла заботы, успѣлъ ознакомиться почти со всѣми древними и новыми Европейскими языками, извѣстными по изящнымъ произведеніямъ. Онъ былъ нѣтолько скромнъ, но даже стыдливъ, и не довѣряя еще себѣ, таилъ свои занятія отъ всѣхъ. Ранняя смерть на 30 году не позволила ему сотворить имя свое общезвѣстнымъ и уничтожила надежды его пріятелей» Любопытно однакожъ, что Пушкинъ приписалъ *Вопросы* Катенину и при первомъ свиданіи съ нимъ въ театрѣ, сказалъ «Критика твоя немножко колетса, но такъ умна и мила, что за нее не только нельзя сердиться, но даже . . .» П. А. перебилъ его, отказываясь отъ незаслуженной чести и даже устроилъ очную ставку съ первымъ распускателемъ ложнаго слуха, но кажется это не помогло Пушкинъ притворился, что вѣрить отрѣченію, но черезъ годъ писалъ опять изъ Ышинева къ брату своему, остававшемуся тогда въ Петербургѣ «Что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ Воейкову вопросы въ Сынъ Отечества прошлаго года? Ыто на ны?»

★

воспитано и приготовлено. Рецензентъ Сына Отечества рассказываетъ содержаніе поэмы собственною своею прозою, опредѣляетъ характеры героевъ общими чертами, въ родѣ слѣдующихъ: «Русланъ великодушень, храбръ, чувствителень, ретивъ, . . . но вспыльчивъ и нетерпѣливъ. Онъ напоминаетъ Ахиллеса . . . Людмила веселоправна, рѣзва, вѣрна любви своей, нѣжна и сильна душа ея, непорочно сердце . . .» и проч., пересчитываетъ описательныя мѣста и шуточные стихи, прибавляя: «нынѣ сей родъ поэзіи называется романтическимъ.» Не забыть, разумѣется, и упрекъ въ излишней вольности фантазіи, который сдѣлался потомъ избитымъ орудіемъ литературнаго спора. Критикъ заключаетъ свою статью, по обыкновенію, разборомъ выраженій, находитъ непонятнымъ между прочимъ *логильный голосъ* («не голосъ ли это какого нибудь неизвѣстнаго намъ музыкальнаго орудія?» говоритъ онъ) и останавливается съ изумленіемъ передъ выраженіемъ: *нѣмой мракъ*. «Смѣло до непонятности, замѣчаетъ онъ, и если допустить сіе выраженіе, то можно будетъ напечатать: говорящій мракъ, болтающій мракъ, болтунъ-мракъ . . .» и проч.

И. А. Крыловъ, часто умалчивавшій о странностяхъ въ людяхъ и въ обществѣ, но всегда понимавшій ихъ, написалъ эпиграмму, ходившую тогда по рукамъ:

«Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка! (*)»

(*) Эпиграмма эта, вмѣстѣ съ другою, тогда же была напечатана въ Сынѣ Отечества 1820, № XXXVIII Бстати о журнальныхъ толкахъ. Прилагаемъ еще первыя строки рецензіи на поэму, какія находимъ въ журналѣ «Невскій Зритель» 1820 г., (часть третья, Іюль). Онъ особенно замѣчательны тѣмъ, что составляютъ отголосокъ мнѣнія даже друзей Пушкина. Извѣстно, что въ числѣ редакторовъ журнала были многіе короткіе пріатели поэта: «Чрезвычайная легкость и плавность стиховъ, отмѣнная версификація составляли бы существенное достоинство сего произведенія, если бы поэтическія красоты, въ немъ заключающіяся, не были перемѣшаны съ низкими сравненіями, безобразнымъ волшебствомъ, сладострастными картинками и такими выраженіями, которыя оскорбляютъ хорошій вкусъ.»

Восторгъ публики и особенно той части ея, которая увлеклась нѣжными или роскошными описаніями, заключающимися въ поэмѣ, долженъ былъ съ избыткомъ вознаградить автора за нѣсколько придирчивыхъ замѣчаній. Публика готова была всюду слѣдовать за пѣвцомъ своимъ по этой легкой и цвѣтистой дорогѣ; но поэтъ, которому суждено было сдѣлаться воспитателемъ эстетическаго чувства въ нашемъ отечествѣ, вскорѣ избралъ другой путь. Можно сказать безъ преувеличенія, что учитель изящнаго, данный въ немъ публикѣ, былъ не ниже своихъ обязанностей. Его неистощимая сила, разнообразіе его таланта, овладѣвшаго образами, какъ своей народной, такъ и чужестранной поэзіи съ одинаковой мощью, наконецъ, истина и глубина чувства — давали призванію его видъ законности, которую тщетно хотѣли оспорить его противники. Заслуги Пушкина, какъ воспитателя художественнаго чувства въ обществѣ, еще не оцѣнены вполнѣ, но съ этой точки зрѣнія литературное его поприще пріобрѣтаетъ особенную важность.

Одно событіе въ жизни, удалившее Пушкина изъ Петербурга на другой конецъ Имперіи, ускорило развитіе его, какъ поэта. Въ промежутокъ времени съ 1820 по 1826 годъ, проведенный имъ сперва въ Килшиневѣ, потомъ въ Одессѣ и наконецъ въ Псковской своей деревнѣ, онъ понялъ, какъ важность своего призванія, такъ и размѣры собственнаго таланта. Въ это время положено было основаніе многимъ произведеніямъ творческаго его гения, которыя и доселѣ еще не оцѣнены вполнѣ отечественной нашей критикой. Поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга были его собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣніяхъ и поступкахъ, которыя вовсе не лежали въ сущности его характера, но привились къ нему по легкомыслию молодости, и потому, что проходили тогда почти безъ осужденія. Этотъ недостатокъ общества, намъ уже, къ счастью, неизвѣстный, долженъ былъ проявиться сильнѣе въ натурѣ воспріимчивой и пламенной, какова была Пушкина. Не разъ переступалъ онъ черту, у которой остановился бы всякій, болѣе разсудительный человѣкъ, и скоро дошелъ до края той про-

пасти, въ которую бы упалъ непременно елибѣ его не удержали снисходительность и попечительность самаго начальства. Говорятъ, что наказаніе, ожидавшее Пушкина за грѣхи его молодости, было смягчено ходатайствомъ и порукой Н. М. Карамзина. Пушкинъ былъ переведенъ на службу изъ Министерства Иностраннѣхъ Дѣлъ въ Канцелярію Главнаго Попечителя колонистовъ Южнаго края, Генераль-Лейтенанта Ивана Никитича Инзова, благороднѣйшаго старца, прямодушіе, честность и доброта котораго остались въ памяти всѣхъ его знавшихъ. 5-го Мая 1820 года Пушкинъ получилъ изъ мѣста своего прежняго служенія видъ для свободнаго проѣзда къ новой должности, и отправился вслѣдъ за симъ. Попечительный Комитетъ о колонистахъ Южнаго края Россіи находился тогда въ Екатеринославѣ. Почти въ одно время съ прибытіемъ Пушкина, Генераль Инзовъ назначенъ былъ исправляющимъ должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области, при чемъ и самый Комитетъ о колонистахъ переведенъ въ Кишиневъ — главный городъ Области. Генераль Инзовъ говорилъ, что и новое назначеніе и вновь опредѣленный чиновникъ равно озаботили его и заставили не разъ призадуматься о своихъ обязанностяхъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Екатеринославъ, Пушкинъ заболѣлъ лихорадкой, можетъ быть предшественницей той болѣзни, которая уже посѣтила его разъ въ Петербургѣ, за два года предъ тѣмъ, но тогда онъ лежалъ въ недугѣ, окруженный своимъ семействомъ и даже утѣшаемый шалостями своихъ друзей, вмѣстѣ съ ихъ заботами (см. стихотвореніе: *Выздоровленіе*); теперь было со всѣмъ другое дѣло. Оставшись единственно на попеченіи добраго своего начальника, занятаго дѣлами службы, отнимавшими все его время и лишенный, по условіямъ самаго края, хорошихъ медицинскихъ пособій, Пушкинъ боролся съ недугомъ почти одинокій. Къ счастью, въ то же время проѣзжалъ черезъ Екатеринославъ, по дорогѣ къ Кавказу, Генераль Р. . . , одинъ изъ геросвъ 12-го года, съ двумя сыновьями своими и—принялъ больнаго на свое попеченіе. Крѣпкая организація Пушкина быстро возвращала утерянныя силы, какъ только ослабляли

вліяніе на нее, душевной или тѣлесной болѣзни (*). Онъ вскорѣ могъ слѣдовать за Генераломъ Р. . . на Кавказскія минеральныя воды, на что, по ходатайству послѣдняго, согласился и начальникъ Пушкина. Семейство Р. . . избрало путь черезъ Землю Донскихъ казаковъ, и благодаря дѣятельной жизни, дружбѣ и правдивному довольству, съ ней неразлучному, Пушкинъ быстро поправился. Въ Іюнѣ того же года, онъ послалъ въ Пестербургъ

(*) Выписываемъ здѣсь изъ журнала: Русской Вѣстникъ 1841, № 1-й, любопытную статью доктора Рудыковскаго, встрѣтившаго Пушкина въ Екатеринославѣ.

Встрѣга съ Пушкинскими.

(Изъ записокъ медика).

Оставивъ Кіевъ 19-го Мая 1820 года, я, въ качествѣ доктора, отправился съ Генераломъ Р. на Кавказъ. Съ нимъ ѣхали двѣ дочери и два сына, одинъ — Полковникъ Гвардіи, другой — Капитанъ. Едва я, по пріѣздѣ въ Екатеринославъ, расположился, послѣ дурной дороги на отдыхъ, ко мнѣ, захихавшись, въбѣгаетъ младшій сынъ Генерала: — «Докторъ! Я нашель здѣсь моего друга; онъ болѣнь, ему нужна скорая помощь — поспѣшите со мною!»

Нечего дѣлать — пошли. Приходимъ въ гадкую избенку, и тамъ, на досчатомъ диванѣ, сидитъ молодой человѣкъ — небритый, блѣдный и худой.

«Вы нездоровы?» спросилъ я незнакомца.

— «Да, докторъ, немножко пошалилъ, купался: кажется, простудился.» Осмотрѣвши тщательно больного, я нашель, что у него была лихорадка. На столѣ предъ нимъ лежала бумага.

— «Чѣмъ вы тутъ занимаетесь?»

— «Пишу стихи»

Нашель, думалъ я, и время, и мѣсто. Посоветовавши ему на ночь напиться чего-нибудь теплаго, я оставилъ его до другаго дни.

Мы остановились въ домѣ Губернатора Е. По утру гляжу — больной ужъ у насъ: говорить, что онъ ѣдетъ на Кавказъ вмѣстѣ съ нами. За обѣдомъ нашъ гость весель и безъ умолку говорить съ младшимъ Р. по-Французски.

Послѣ обѣда у него ознобъ, жаръ и всѣ признаки пароксизма.

Пишу рецептъ.

— «Докторъ, дайте что-нибудь получше, — дряни въ ротъ не возьму.»

Что будешь дѣлать? Прописалъ слабую микстуру. На рецептъ нужно написать, кому. Спрашиваю: Пушкинъ. Фамилія незнакомая, по крайній мѣртъ, мнѣ. Лечу какъ самаго простаго смертнаго и на другой день закатилъ ему хины. Пушкинъ морщится. Мы поѣхали далѣе. На Дону мы обѣдали у Атамана Денисова. Пушкинъ меня не послушался: покушалъ бланманже и снова заболѣлъ.

— «Докторъ, помогите!»

— «Пушкинъ, слушайте!»

— «Буду, буду!»

известный эпизодъ Руслана и Людмилы (*)⁵ единственнымъ при знакомъ тяжелой болѣзни поэта осталась только бритая голова. Онъ долго ходилъ потомъ въ молдаванской фескѣ или красной ермолкѣ, что, между прочимъ, позднѣе, въ Кишиневѣ принято было за уловку суетнаго желанія казаться оригинальнымъ и поставлялось ему въ упрекъ, подобно тому, какъ и Опѣгинъ не избѣгъ осужденія за свой паридъ. Вотъ одна неизданная строфа романа:

Опять микстура, опять пароксизмы и гримасы.

— «Не ходите, не ѣдите безъ шинели.»

— «Жарко, мои нѣтъ.»

— «Лучше жарко, чѣмъ лихорадка.»

— «Нѣтъ, лучше ужъ лихорадка.»

Опять сильные пароксизмы.

— «Докторъ, я болѣнъ.»

— «Потому что упрямъ. Слушайтесь!»

— «Буду, буду!»

И Пушкинъ выздоровѣлъ. Въ Горячеводскѣ мы пріѣхали всѣ здоровы и веселы. По прибытіи Генерала въ городъ, тамошній Комендантъ къ нему явился, и скорѣ прислалъ книгу, въ которую вписывались имена посѣтителей водъ. Всѣ читали, любопытствовали. Послѣ нужно было книгу возвратить и вмѣстѣ съ тѣмъ послать списокъ свиты Генерала. За исполненіе этого взялся Пушкинъ. Я видѣлъ, какъ онъ, сидя на кучѣ бревенъ на дворѣ, съ хохотомъ что-то писалъ, но ничего и не подозрѣвалъ. Книгу и списокъ отослали къ Коменданту.

На другой день, во всей формѣ, отправляюсь къ Доктору Ц. . . , который былъ при минеральныхъ водахъ.

— «Вы Лейбъ-Медикъ? пріѣхали съ Генераломъ Р. . . ?»

— «Послѣднее справедливо, но я не Лейбъ-Медикъ.»

— «Какъ не Лейбъ-Медикъ? Вы такъ записаны въ книгѣ Коменданта; — бѣгите къ нему, изъ этаго могутъ выдти дурныя послѣдствія.»

Бѣгу къ Коменданту, спрашиваю книгу, смотрю: тамъ въ свитѣ Генерала вписаны — двѣ его дочери, два сына, Лейбъ-Медикъ Рудыковскій и недоросль Пушкинъ.

На силу я убѣдилъ Коменданта все это исправить, доказывая, что я не Лейбъ-Медикъ и что Пушкинъ не недоросль, а Титулярный Совѣтникъ, выпущенный съ эгимъ чиномъ изъ Царскосельскаго Лицея. Генералъ порядочно пожурилъ Пушкина за эту шутку. Пушкинъ немного на меня подулся, а скорѣ мы разстались. Возвратясь въ Кіевъ, я прочиталъ Руслана и Людмилу, — и охотно простилъ Пушкину его шалость.»

Рудыковскій.

(*) Эпизодъ Руслана вмѣстѣ съ добавленіями къ шестой его пѣсни напечатаны въ Сынѣ Отечества 1820 года, № XXXVIII. Первый, послѣ имени Пушкина, имѣлъ еще пометку: «26-го Іюня 1820. Кавказъ.»

Носилъ онъ Русскую рубашку,
 Платокъ шелковый кушакомъ,
 Армякъ Татарскій на-распашку
 И шапку съ бѣлымъ козырькомъ; —
 Но только симъ уборомъ чуднымъ,
 Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
 Была весьма огорчена
 Его сосѣдка Дурина,
 А съ ней Мизинчиковъ. Евгенийъ,
 Быть можетъ, толки презиралъ,
 Быть можетъ, и про нихъ не зналъ;
 Но всѣхъ своихъ обыкновеній
 Не измѣнялъ въ угоду имъ:
 За то былъ ближнимъ нестершимъ.

Кавказъ поразилъ пламенное воображеніе Пушкина. Вотъ что писалъ онъ 9 лѣтъ спустя, при вторичномъ посѣщеніи Георгіевска и Горячихъ водъ:

«Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ: это снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

«Изъ Георгіевска заѣхалъ я на Горячія воды. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, на-скоро построенныхъ. Источники большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направлѣніямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. . . .

«Признаюсь: Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды, и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усыялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною А. Р., прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ

отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ. . . .»

Съ Кавказскихъ водъ, Пушкинъ отправился Землею Черноморскихъ казаковъ въ Крымъ. Онъ ѣхалъ по Кубани, о-бокъ съ воинственными и всегда опасными племенами Черкесовъ. Устьлабинская крѣпость, столица Черноморцевъ Екатеринодаръ,— были наполнены свѣжими воспоминаніями ихъ набѣговъ и геройскихъ подвиговъ казаковъ. Путешественниковъ нашихъ во многихъ мѣстахъ сопровождалъ конвой съ заряженной пушкой, и Пушкинъ радовался военной обстановкѣ своего вояжа, любовался казаками, шумомъ и говоромъ, сопровождавшимъ переездъ его. Поэма, связанная съ Казказомъ и бытомъ его обитателей, уже тогда представлялась его воображенію, но онъ кончилъ ее только въ Февралѣ слѣдующаго 1821 года и уже въ Кіевской губерніи, какъ увидимъ послѣ. Онъ успѣвалъ только наслаждаться приливомъ новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ ему чувствъ. Въ Тамани, онъ увидѣлъ впервые Южное море, а вскорѣ и роскошные берега Крыма, о которыхъ такъ часто и въ такихъ чудныхъ стихахъ вспоминалъ потомъ. Разница между обычными впечатлѣніями городской жизни и впечатлѣніями пребыванія на Кавказѣ и самаго путешествія была неизмѣрима. Вседневныя удовольствія столицы не имѣли ничего общаго со всѣмъ этимъ движеніемъ, съ разнообразіемъ картинъ, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу, съ трудами дня, крѣпящими тѣло и отдыхами, еще исполненными поэтическихъ впечатлѣній. Съ измѣненіемъ природы и внѣшней обстановки измѣнилось въ немъ и теченіе мыслей. Самъ Пушкинъ оставилъ намъ драгоценную замѣтку о внутреннемъ своемъ переломѣ въ стихотвореніи: *«Погасло дневное свѣтло»*, которымъ онъ привѣтствовалъ Черное Море. Пьеса эта, написанная въ Сентябрѣ 1820 года, названа была имъ впоследствии: *Подражаніе Байрону* (*).

Холодные, хотя и блестящіе, образы обычныхъ спутницъ всякой молодости, которыми занималась Муза Пушкина до 1819

(*) Въ тетради, съ которой печатались стихотворенія 1826, и о которой мы уже говорили, пьеса названа была просто: *Черное Море*. Пушкинъ зачеркнулъ заглавіе и написалъ вмѣсто его: *Подражаніе Байрону*.

года, теперь совсѣмъ пропадаютъ и мѣсто ихъ заступаютъ образы Антологическихъ его стихотвореній, полные жизни и чувства. Нельзя не согласиться, что большая часть ихъ навѣяна чтеніемъ Андрея Шенье, но есть между обоими поэтами и существенная разниа. Пушкинъ сокращаетъ представленія Шенье, когда беретъ его за образецъ и даетъ своимъ передѣлкамъ мѣру и изящество, не всегда сохраняемые подлинникомъ. Качества эти еще сильнѣе выступаютъ въ собственныхъ его созданіяхъ и тогда къ аттической граціи очертаній присоединяется у него тонкій психологическій анализъ. Таковы стихотворенія: *Нереида*, *Дорида*, *Доридъ* и проч., написанныя въ это время. Мы имѣемъ полное право сказать, что красота формы, гармонія внѣшнихъ линій, были первымъ навѣяніемъ классической Тавриды, первымъ ея подаркомъ поэту — странствователю.

Переѣхавъ проливъ, Пушкинъ очутился въ Керчи. Извѣстно его письмо, заключающее въ себѣ бѣглое описаніе путешествія по Южному берегу Крыма. Оно помѣщено теперь въ примѣчаніяхъ къ *Бахчисарайскому Фонтану*, но прежде напечатано было отдѣльно въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ на 1826», подъ заглавіемъ: *Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ Д**. Письмо было вызвано появленіемъ въ 1823 году новой книги (*), но начало его, по желанію самаго Пушкина, не попало въ печать. Прилагаемъ его здѣсь, вмѣстѣ съ разборомъ самаго документа, который можетъ подать поводъ къ любопытнымъ соображеніямъ.

«*Путешествіе по Тавридѣ* прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и И. М. (**). Очень сожалѣю, что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣдѣнія самаго автора. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній — посуди самъ».

(*) *Путешествіе по Тавридѣ* въ 1820 г., соч. Муравьева - Апостола, 1823 года. С. П. Б.

(**) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ.

За тѣмъ Пушкинъ излагаетъ довольно равнодушно впечатлѣнія, доставленныя ему видомъ Митридатовой гробницы, гдѣ онъ сорвалъ цвѣтокъ и потерялъ его безъ всякаго сожалѣнія на другой день; упоминаетъ о развалинахъ Пантикапеи, какъ о грудѣ кирпичей со слѣдами улицъ и бывшаго рва. Изъ Теодосіи онъ ѣхалъ моремъ до Юрзуфа, бѣдной Татарской деревни. Картина ночнаго моря не дала ему спать до разсвѣта. На Чатырь-Дагъ, показываемый ему Капитаномъ, онъ взглянулъ равнодушно, но когда, проснувшись подъ самымъ Юрзуфомъ, увидѣлъ берегъ съ его зеленью, тополями, разноцвѣтными горами, огромнымъ Аю-Дагомъ — равнодушіе поэта пропало и нѣсколько жаркихъ строкъ письма оканчиваютъ параграфъ, начатый совсемъ въ другомъ тонѣ.

Въ Юрзуфѣ онъ объѣдался виноградомъ; ухаживалъ съ любовью за кипарисомъ, который росъ въ двухъ шагахъ отъ его дома; прислушивался къ шуму моря по цѣлымъ часамъ и все это, прибавляетъ онъ, съ равнодушіемъ и безпечностію Неаполитанскаго Lazzaroni.

Но есть другое письмо Пушкина, которое излагаетъ впечатлѣнія тогдашней жизни живѣе и, можетъ быть, откровеннѣе.

«Корабль плылъ, говоритъ Пушкинъ, передъ горами, покрытыми тополями, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали Татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа, гдѣ находилось семейство Р. Тамъ прожилъ я три недѣли. Счастливейшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства Р. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу Русскаго войска; я въ немъ любилъ челоувѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душой, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, челоувѣкъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. . . . Суди, былъ ли я счастливъ? Свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, которую я такъ люблю и которою никогда не наслаждался; счастливое полудешное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады,

море . . . Другъ мой! Любимая моя мечта — увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Р.» (*)

Какъ превосходно отразилась въ этомъ задушевномъ письмѣ натура Пушкина, всегда жаждавшая привязанности и наслажденій дружбы! Но будемъ слѣдить далѣе за напечатаннымъ письмомъ. Отъ Юрзуфа Пушкинъ начинаетъ объѣздъ Южнаго берега Крыма и передаетъ его подробности въ томъ же полуравнодушномъ, полудовольномъ духѣ. Переходъ по скаламъ Кикениса оставилъ въ немъ только забавное воспоминаніе о подъемѣ на гору, при чемъ путешественники держались за хвосты Татарскихъ лошадей. Георгіевской монастырь съ его крутой лѣстницей къ морю произвелъ въ немъ однако же сильное впечатлѣніе, а баснословныя развалины храма Діаны переродили его даже

(*) Матеріалы наши для біографіи Пушкина были уже окончательно составлены, когда мы получили это письмо Пушкина вполнѣ. Изъ него оказывается, что оно писано было къ Льву Сергѣевичу Пушкину изъ Бишкенева, отъ 24 Сентября 1820 года. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ оно содержитъ автобіографическое подтвержденіе всего сказаннаго нами о пребываніи поэта на Кавказѣ и въ Крыму, то и прилагаемъ его цѣликомъ:

«Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою. Постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ и подробными разсказами. Начинаю съ ящца Леды. Приѣхавъ въ Екатеринославъ, я соскучился, поѣхалъ покататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенію. Ген. Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ Жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь; я легъ въ коляску большой, чрезъ недѣлю вылечился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды были мнѣ очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія; впрочемъ купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебныя ключи находятся не въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали на ясной зарѣ кажутся странными облаками, разноцвѣтными и неподвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятиколпака Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Зминой. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Дикіе Черкесы напуганы, древняя дѣрзость ихъ исчезаетъ; дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленныя конвои излишними. Должно надѣяться, что эта

въ слѣпаго почитателя народныхъ преданій. Они вызвали извѣстные стихи:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымилась жертвоприношенья, и проч.

«Видно, замѣчаетъ Пушкинъ, мистологическія преданія счастливыя для меня воспоминаній историческихъ.» Бахчисарай былъ особенно несчастливъ. Пушкинъ прибылъ туда опять больной лихорадкой и едва посмотрѣлъ на ржавую трубку знаменитаго фонтана, изъ которой капала вода. Въ развалины гарема и на Ханское кладбище его повели уже почти насильно; но вскорѣ послѣ этого осмотра, онъ написалъ увлекательное стихотвореніе, гдѣ тѣже предметы являются совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ.

завоеванная страна, до сихъ поръ не приносившая никакой пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіанами безопасною торговлею. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы; любовался нашими казаками. За нами тащила заряженная пушка съ заженнымъ фителемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смиренны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа, они готовы напасть на извѣстнаго Русскаго Генерала . . . Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ Черноморскихъ и Донскихъ казакахъ; теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Тамани, древняго Тмутараканскаго Княжества открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я. На ближней горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я груды камней, утесовъ, грубо высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣла рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнія ли основанія башни — не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на Золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ, почти сравнившійся съ землею — вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоценнаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками. Какой-то Французъ пріѣхалъ для розысканій, но ему не достаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній. Изъ Керчи пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневского, человека почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Онъ подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города: виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ имѣетъ большія свѣдѣнія о Крымѣ, странѣ важной и запущенной. Отсюда отправились мы моремъ, мимо полуденныхъ береговъ Тавриды, въ Юзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевского. Ночью на корабль написалъ я Элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ея къ Греку безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисомъ; вездѣ мелькали Татарскія селенья; онъ остано-

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
 Принеси я въ даръ тебѣ двѣ розы.
 Люблю немолчный говоръ твой
 И поэтическія слезы! и проч.

Окончаніе письма, непопавшее въ печать, какъ и начало его, по требованію — какъ мы уже сказали — самого Пушкина, содержитъ въ себѣ неожиданное опроверженіе всѣхъ предшествующихъ увѣреній въ равнодушіи. Вотъ оно:

«Разтолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему. . . . и проч.»

Такимъ образомъ Пушкинъ выказывается здѣсь со всѣмъ жаромъ своей души, со всею своею впечатлительностію и, вмѣстѣ, съ какой-то осторожностью въ передачѣ чувства. Онъ, вообще,

видя въ виду Юрзуфа; тамъ прожилъ я три недѣли, мой другъ. Счастливейшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского. Я въ немъ любилъ челоуѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, челоуѣкъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть; старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безопасная жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо, прелестный край, природа удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море! Другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского. Будешь ли ты со мной? Скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайней-мѣрѣ пиши ко мнѣ. Благодарю тебя за стихи, болѣе благодарилъ бы за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобы забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаніемъ и сказками, но влюбиться въ нее — безразсудно. . . .

Прости, мой другъ, обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ; все ли они еще въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! Прости. Обними же за меня Б. и Дельвига. Видишь ли ты иногда молодаго Молчанова? Пиши же мнѣ обо всей братіи.»

Элегія, написанная Пушкинымъ на кораблѣ есть, по всѣмъ вѣроятіямъ, стихотвореніе: *Погасло дневное светило*, о которомъ уже упоминали.

любилъ закрывать себя и мысль свою шуткой, или такимъ оборотомъ рѣчи, который еще оставляетъ возможность сомнѣнія для слушателей: вотъ почему весьма мало людей знали Пушкина, что называется, лицомъ къ лицу.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1820 г. Александръ Сергѣевичъ является впервые въ Кишиневѣ, но въ концѣ того же года мы находимъ его въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, гдѣ написана была пьеса: *Рядълетъ облаковъ летукая гряда*, съ помѣткою: «Каменка.» Онъ уже собиралъ тамъ свои воспоминанія и писалъ поэму: *Кавказскій Пльнникъ*, въ которой сохранилъ живыя впечатлѣнія недавно совершеннаго имъ объѣзда. Начало 1821 года застало его уже въ самомъ Кіевѣ, какъ свидѣтельствуемъ стихотвореніе: *Морской берегъ*, подъ которымъ выставлено въ оригиналѣ: «8 Февраля 1821. Кіевъ.» Мы знаемъ, что въ это время Генералъ Р., подъ покровительствомъ котораго состоялъ Пушкинъ, праздновалъ въ Кіевѣ семейную свою радость. Пушкинъ скоро возвращается опять въ поименованную нами деревню и, 20 Февраля, кончаетъ тамъ *Кавказскаго Пльнника*. Посвященіе поэмы Н. Н. Р. и эпилогъ къ ней написаны гораздо позднѣе (въ Маѣ мѣсяцѣ) и уже въ Одессѣ. Въ 1822 году поэма явилась въ печати. Петербургскіе книгопродавцы предлагали весьма скудную сумму за право изданія ея, которое окончательное было пріобрѣтено переводчикомъ Иліады, Н. И. Гнѣдичемъ. Пушкинъ получилъ одинъ печатный экземпляръ поэмы и 500 руб. ассиг. Онъ былъ весьма недоволенъ такимъ скуднымъ вознагражденіемъ за поэтическій трудъ свой и долго вспоминалъ объ этомъ съ досадою (*). О

(*) *Русланъ и Людмила* тоже не принесли автору почти ничего, но второе изданіе двухъ первыхъ поэмъ его, уже куплено Смирдинымъ за 7 тысячъ рублей ассигнаціями. Бстати будетъ сообщить здѣсь анекдотъ о Н. И. Гнѣдичѣ, который былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ жаркихъ поклонниковъ зарождающейся славы Пушкина. По прочтеніи стиховъ *Бахчисарайскаго фонтана*:

Твои плѣнительныя очи
Ясныя дня, черныя ночи,

будущій переводчикъ Иліады, одинъ глазъ котораго, какъ извѣстно, былъ пораженъ давней болѣзнію, говорилъ шутя, что готовъ за нихъ отдать и послѣднее свое око.

впечатлѣніи, которое произвела поэма на читающую публику, будемъ говорить впоследствии.

Въ началѣ весны 1821 года, Пушкинъ снова является въ Кишиневѣ, вмѣстѣ съ однимъ изъ высшихъ военныхъ чиновниковъ, М. Ѡ. Ѡ., прибывшимъ къ мѣсту своего служебнаго назначенія въ Бессарабію, тоже изъ Кіева. Генералъ Иванъ Никитичъ Инзовъ принялъ Пушкина въ собственный свой домъ, гдѣ послѣдній и оставался до 1822 года. Пушкинъ переѣхалъ послѣ того въ домъ одного изъ своихъ друзей, Н. С. Алексѣева, и жилъ тамъ до самаго отправленія своего въ Одессу. Вотъ что писалъ Пушкинъ отъ 23 Марта 1821 года къ Дельвигу, въ Петербургъ, вскорѣ послѣ своего новоселья, но уже собираясь опять на временную поѣздку, въ Одессу, куда черезъ два мѣсяца и прибылъ дѣйствительно, какъ мы видѣли:

«Другъ Дельвигъ, мой Парнасскій братъ,
 Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
 Но признаюсь, Баронъ, я грѣшенъ:
 Стихамъ я больше былъ бы радъ...
 Ты знаешь: я въ минувши годы,
 У береговъ Кастальскихъ водъ,
 Любилъ марать поэмы, оды;
 Ревнивый зрѣлъ меня народъ
 На кукольномъ театрѣ моды;
 Поклонникъ правды и . . . ,
 Бывало, что ни напишу,
 Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
 Теперь я, право, чуть дышу,
 Отъ воздержанья муза чахнетъ,
 И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
 Къ молвъ болтливой я хладѣю
 И изъ учтивости одной
 Донинѣ волочусь за пеою,
 Какъ мужъ лѣнивый за женою.
 Наскуча музъ безплодной службой,
 Другой богиней, тихой дружбой
 Я славы замѣнилъ кумиръ.

Но все люблю, мои поэты,
 Фантазіи волшебный міръ,
 И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
 Внимаю звуки вашихъ миръ...

«Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнѣдичемъ вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и объ друзьяхъ нашихъ. О путешествіяхъ К. слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Въ твоёмъ отсутствіи — сердце напоминало о тебѣ; объ твоей музѣ — журналы. Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить; долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки. Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года — напиши своего Монаха. Поэзія мрачная, богатырская, сильная, Байроническая — твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго человѣка — не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму *Кавказскій Пльщикъ*, которую надѣюсь скоро вамъ прислать, — ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы — но что теперь ничего не пишу; я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?

«Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ, и скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе. Празднѣйшій міръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ (*). Самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; по разнообразіи спасительно для души.

«Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни

(*) См. Вольтера: *Histoire des voyages de Scarmantado.*

и имъ самимъ: другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душею. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца. Въ этомъ найдутъ выгоду; но я чувствую, что мы будемъ друзьями и братьями—не только по африканской нашей крови. Прощай.»

Съ этого письма начинается литературная переписка Пушкина съ друзьями, оставленными имъ въ Петербургѣ, продолжавшаяся вплоть до 1826 года — времени появленія поэта нашего въ Москвѣ. Дельвигъ, братъ Пушкина Левъ Сергѣевичъ, П. А. Плетневъ и нѣсколько другихъ лицъ были повѣренными какъ его дѣлъ, такъ и его мыслей и сужденій объ отечественной и иностранныхъ литературахъ. Изъ этого источника, на сколько онъ намъ доступенъ, будемъ мы впоследствии приводить, черты наиболѣе яркія; теперь же скажемъ, что судя даже по немногимъ образцамъ, какіе находятся въ рукахъ нашихъ, переписка Пушкина съ друзьями своими обнимала почти всѣ почему-либо замѣчательныя явленія Русской жизни и Русской словесности.

Городъ Кишиневъ представлялъ, въ ту эпоху, картину чрезвычайно оживленную. Нѣкоторое время по присоединеніи къ Имперіи Бессарабской Области, послѣдняя была, по замѣчанію старожиловъ, сборищемъ самыхъ разнородныхъ національностей, театромъ удивительнаго смѣшенія костюмовъ, языковъ, нравовъ и физиогномій. Возстаніе Грековъ наполнило городъ значительнымъ количествомъ Греческихъ и Молдаванскихъ семействъ, искавшихъ убѣжища отъ Турокъ или просто отъ политическихъ смуть своей родины. Присутствіе ихъ сообщило сильный восточный оттѣнокъ Кишиневу и придало сношеніямъ между туземцами и новыми обладателями страны особенный характеръ, въ которомъ Европейская образованность и чуждыя ей привычки смѣшивались весьма оригинально и живописно. Вмѣстѣ съ тѣмъ таможенная и карантинная линіи, находившіяся тогда еще по Днѣстру, не защищали Бессарабію и отъ искателей приключеній всѣхъ странъ — отъ выходцевъ Французскихъ, Итальянскихъ и проч. Значительное число офицеровъ Генеральнаго Штаба, людей вообще умныхъ и образованныхъ, занимавшихся съемкою

*

плановъ ново-пріобрѣтенной мѣстности, увеличивало интересъ общей картины, въ которой немаловажную часть долженъ еще занимать Штабъ 16-й Пѣхотной дивизіи, постоянно пребывавшій въ Кишиневѣ. Пушкинъ жилъ въ обществѣ своихъ военныхъ соотечественниковъ и, говорятъ, довольно забавно сердился на ихъ военную прислугу, плохо слушающую его приказанія и обносившую его за обѣдами. Пестрота, шумъ, разнообразіе тогдашняго Кишинева произвели довольно сильное впечатлѣніе на Пушкина: онъ полюбилъ городъ.

Частыя отлучки Пушкина изъ Кишинева еще освѣжали для него удовольствія полу-Азіатскаго и полу-Европейскаго общества. Въ этихъ отлучкахъ, а можетъ быть и въ сношеніяхъ своихъ съ пестрымъ и разнохарактернымъ населеніемъ его, Пушкинъ встрѣтилъ то загадочное для насъ лицо, или тѣ загадочныя лица, къ которымъ, въ разныя эпохи своей жизни, обращалъ пѣсни, исполненныя нѣжнаго воспоминанія, ослабѣвшаго потомъ, но сохранившаго способность возставать, при случаѣ, съ новой и бѣльшей силой. Ктѣ не знаетъ этихъ чистыхъ созданій его лиры: *Подъ небомъ голубымъ страны своей родной* (1825), *О, если правда, что въ ночи* (1828), *Для береговъ отъизны дальней* (1830) (*). Мы еще возвратимся къ нимъ, а

(*) Спѣшимъ сказать, что со всѣми этими стихотвореніями не имѣетъ ничего общаго одно стихотвореніе Пушкина, гдѣ тоже говорится о Югѣ Европы, объ Италіи, и всѣмъ ея чудесамъ противопоставляется вдохновенный образъ женщины, любующейся ими. Стихотвореніе это, начинающееся стихами: *Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ*, написано въ 1827 году, а сдѣлалось извѣстно только въ 1838-мъ, уже послѣ смерти автора. Въ рукописи оно носитъ двойной эпиграфъ, въ слѣдующемъ видѣ. Сперва написано Пушкинымъ: «*Könnst du das Land... Vllh. Meist.*», а вслѣдъ затѣмъ прибавлено:

«По клюкву, по клюкву,
По ягоду, по клюкву.»

Эпиграфъ, кажется, объясняется извѣстнымъ въ свое время анекдотомъ: одна молодая Русская путешественница, послѣ долгаго пребыванія за-границей, сказала, что, по возвращеніи на родину, весьма обрадовалась *клюквѣ*. Пушкинъ намѣревался выразить въ стихотвореніи капризъ красавицы, но отдѣлалъ только поэтическую часть пьесы, соответствующую эпиграфу изъ В. Мейстера и не приступилъ даже ко второй ея половинѣ... Пародія, мы увидимъ, не была въ его талантѣ и часто принимала у него серьезныя, вполноценныя звуки, ей несвойственныя.

здѣсь замѣтимъ, что отъ пребыванія его въ Кишиневѣ осталось еще воспоминаніе въ двухъ стихотвореніяхъ: *Гречанкѣ* (*Ты рождена воспламенять*) и *Иностранкѣ* (*На языкъ тебѣ невнятнономъ*). О первой Пушкинъ сберегъ замѣтку въ запискахъ своихъ, гдѣ назвалъ ее: «преlestной Гречанкой». Иностранка, имя которой тоже не сохранилось у насъ на Руси, замѣчательна еще особенной характеристической подробностью, касающеюся Пушкина. Послѣ двухъ-лѣтняго знакомства, она узнала, что Пушкинъ — поэтъ только по стихотворенію: *На языкъ тебѣ не внятнономъ*, вписанному въ ея альбомъ уже при разставаніи. — Чтò это значитъ? спросила она у Пушкина. «Покажите это заграницей любому Русскому и онъ вамъ скажетъ!» отвѣчалъ Пушкинъ.

Дѣйствительно, пикто такъ не боялся, особенно въ обществѣ, своего званія поэта, какъ Пушкинъ, о чемъ мы будемъ еще говорить подробнѣе. Онъ искалъ въ немъ успѣховъ совѣмъ другаго рода. По мѣткому выраженію одного изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, «предметы его увлеченія могли мѣняться, но страсть оставалась при немъ одна и та же.» И онъ вносилъ страсть во всѣ свои привязанности и почти во всѣ сношенія съ людьми. Самый разговоръ его, въ спокойномъ состояніи духа, ничѣмъ не отличался отъ разговора всякаго образованнаго человѣка, но дѣлался блестящимъ и неудержимымъ потокомъ, какъ только прикасался къ какой-нибудь струнѣ его сердца или къ мысли, глубоко его занимавшей. Братъ Пушкина утверждаетъ, что бесѣда его въ подобныхъ случаяхъ была замѣчательна почти не менѣе его поэзіи. Особенно передъ слушательницами любилъ онъ расточать всю гибкость своего ума, все богатство своей природы. Онъ называлъ это, на обыкновенномъ насмѣшливомъ языкѣ своемъ «кокетничаньемъ съ женщинами». Вотъ почему, не смотря на извѣстную небрежность его костюма, на неправильныя, хотя и энергическія черты лица, Пушкинъ вселялъ такъ много привязанности въ сердцахъ, оставялъ такъ много неизгладимыхъ воспоминаній въ душѣ. . . .

Но тамъ, гдѣ дѣло шло о литературѣ и въ сношеніяхъ съ литераторами, не было человѣка строже и възыскательнѣе Пушкина. Онъ со вниманіемъ прочитывалъ все, что писали объ

немъ свои и иностранныя журналы. Надо видѣть изъ его переписки степень негодованія, какое испыталъ онъ, когда извѣстная его пьеса: *Рядьеть облаковъ летучая гряда* напечатана была въ «Полярной Звѣздѣ 1824 года» съ тремя послѣдними стихами, исключенными авторомъ въ рукописи своей. Онъ просто говоритъ, что его осрамили и прибавляетъ: «Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами и мнѣ грустно, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважал ни моей воли, ни бѣдной собственности». Несправедливо было и увѣреніе, что онъ не сердится за опечатки. Въ 1825 году писалъ онъ въ Петербургъ: «Надоѣла мнѣ печать опечатками, критиками, защищеніями etc. Однако поэмы мои скоро выдутъ. И онъ мнѣ надоѣли. *Русланъ*—молокосось; *Пльиникъ*—зеленъ и предъ поэзіей Кавказской природы, поэма моя — Голыковская проза». (*) Еще сильнѣйшій примѣръ оскорбленнаго авторскаго чувства подалъ Пушкинъ, когда въ той же «Полярной звѣздѣ 1824 года» въ стихотвореніи: *Неренда*, вмѣсто стиха:

«Надъ ясной влагою полубогиня грудь,»

было напечатано:

«Какъ яеной влагою полубогиня грудь,»

а въ стихотвореніи: *Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты*, стихъ, начинающійся: «Съ боязнию и мольбой. . .» былъ замѣненъ: «Съ болззною и мольбой. . .» Пушкинъ тотчасъ же переслалъ обѣ пьесы въ другой журналъ (Литературные листки 1824, № IV), прося редактора о перепечатаніи: «Вы очень меня обяжете, говоритъ онъ, если помѣстите въ своихъ листкахъ здѣсь прилагаемыя

(*) Продолженіе этой выдержки изъ письма отъ 3 Декабря 1825 тоже прилагаемъ здѣсь. «Кстати: кто писалъ о Горцахъ въ Печелѣ. Какая поэзія! Я. . . ли, герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ *былъ* на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметьева. Въ немъ много, въ самомъ дѣлѣ, романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ — поэма моя была бы еще лучше. Важная вещь! Я написалъ трагедію и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумють Ламартина. Сколько я не читалъ о романтизмѣ — все не то.» Послѣднія слова Пушкина мы объясняемъ далѣе въ нашихъ матеріалахъ.

двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звздѣ, отъ чего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе. Одесса. 1-го Февраля 1824». Замѣчательно, что Пушкинъ не достигъ своей цѣли. Въ Литературныхъ листкахъ послѣдняя пьеса помѣщена была съ пропусками противъ редакціи альманаха, но такова была взыскательность поэта въ отношеніи своихъ произведеній и такъ онъ дорожилъ ими вообще.

Шумная жизнь Кишинева не могла обойтись безъ хлопотъ. Природная живость Пушкина, быстрота и ѣдкость его отвѣтовъ, откровенное удалство нажили ему много враговъ и иногда, посправедливости, возбуждали жалобы. Генераль Иванъ Никитичъ Инзовъ отрывался отъ важныхъ своихъ запятій, чтобъ устраивать дѣла вѣтреннаго своего чиновника. Онъ разбиралъ его ссоры съ Молдаванами; взыскивалъ за излишне-рѣзвые продѣлки; наказывалъ домашнимъ арестомъ; приставлялъ часовыхъ къ его комнатѣ и посылалъ пѣвнику книги и журналы, для развлеченія. Пушкинъ любилъ Инзова, какъ отца. О тогдашнихъ шалостяхъ Кишиневской молодежи сохранилось въ городѣ нѣкоторое воспоминаніе и до-сихъ-поръ (*). Замѣтимъ, что остроумная проказа всегда имѣла особенную прелесть для Пушкина, даже и въ позднѣйшіе года жизни. Объ этой склонности къ замысловатой шуткѣ упоминаетъ и онъ самъ въ неизданныхъ строфахъ *Домлика въ Коломнѣ*.

Но одни увлеченія страсти, одни выходки живаго ума, даже одни вспышки поэтическаго генія, не смотря на все ихъ значеніе, еще не могли составить окончательную форму жизни для чловека, столь надѣленнаго природой, какъ Пушкинъ. Не для того готовился онъ самъ, не того хотѣли почитатели его таланта,

(*) Такъ, братъ поэта рассказываетъ въ своей запискѣ, что, однажды, оскорблясь замѣчаніемъ одной женщины, онъ потребовалъ отчета у мужа ея и на немъ вымѣстилъ обиду. Много и другихъ анекдотовъ отъ этой эпохи можно было бы собрать. Разъ, замѣтивъ привычку одной дамы сбрасывать съ ногъ башмаки за столомъ, онъ осторожно похитилъ ихъ и принесть въ большое замѣшательство красивую владѣлицу ихъ, которая выпуталась изъ дѣла, однакожъ, съ великимъ присутствіемъ духа, и проч. и проч.

безпрестанно требовавшие отъ него дѣятельности и предрекавшие ему славную будущность въ отечествѣ. Такіе вызовы сопровождали всѣ молодые его года. Изъ этихъ заботливыхъ напоминовеній, которыя Пушкинъ получалъ со всѣхъ сторонъ, вплоть до 1830 года, самое замѣчательное намъ кажется то, выписку котораго приводимъ здѣсь въ переводѣ. Оно написано было по Французски и уцѣлѣло въ его бумагахъ. Только къ Пушкину можно было обращаться съ подобными требованіями, только съ Пушкинымъ можно было такъ говорить. Вотъ этотъ отрывокъ:

«Когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующаго передъ обычаями и привычками толпы, чело-вѣкъ останавливается посреди пути и спрашиваетъ самого себя: почему преграждаетъ мнѣ дорогу тотъ, который впереди меня и которому слѣдовало бы сдѣлаться моимъ вожатаемъ. Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю объ васъ, а думаю я объ васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ итти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша (*).»

Поэма *Бахчисарайскій Фонтанъ*, задуманная въ 1821, конченная въ слѣдующемъ и напечатанная въ Москвѣ въ 1824 году, связана еще съ Тавридой по своимъ воспоминаніямъ. О происхожденіи ея мы будемъ говорить послѣ. Обращаясь къ стихо-

(*) Можетъ быть, на это письмо Пушкинъ отвѣчалъ стихами, первый оригиналъ которыхъ, весьма несовершенный, разумеется, остался въ его бумагахъ:

«Ты правъ, мой другъ — напрасно я презрѣлъ
Дары природы благосклонной;
Я зналъ досугъ, безпечныхъ Музъ удѣлъ
И наслажденье лѣнью сонной.

* *
*

Я дружбу зналъ и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтренные годы,
Я вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веселій и свободы.

* *
*

твореніямъ, написаннымъ въ Бессарабіи, мы легко увидимъ, какъ быстро росъ поэтическій геній Пушкина. 6-го Апрѣля 1821 года написано было посланіе къ Ч — у («*Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ*»), которое по твердости кисти, мѣткости эпитетовъ и простотѣ поэтическаго языка есть первообразъ знаменитаго посланія *Вельможѣ* («*Отъ сѣверныхъ оковъ освобождаѣ миръ*»). 18 Юля 1821 получено было въ Клишневѣ извѣстіе о смерти Наполеона и породило ту превосходную лирическую пѣснь, которая посвящена его имени. Декабря 26 1821 создано было стихотвореніе, порожденное другимъ именемъ — «*Овидіемъ.*» Пушкинъ считалъ его лучшимъ своимъ произведеніемъ въ то время и предпочиталъ «*Наполеону*». Небольшое предисловіе къ нему и историческія замѣтки свидѣтельствуютъ, что Пушкинъ приготовлялся къ нему чтеніемъ Римскаго поэта. Между тѣмъ одинъ за другимъ слѣдовали тѣ художественно-спокойные образы, въ которыхъ уже очень полно отражается артистическая натура Пушкина: *Діонея*, *Дѣва*, *Муза* (*Въ младенчества моемъ она меня любила*), *Желаніе* (*Кто видѣлъ край*), *Умолкну скоро я, М. А. Г.* Въ послѣднихъ двухъ глубокое чувство выразилось въ удивительно-величавой и спокойной формѣ, которая такъ поражаетъ и въ пьесѣ: *Примѣты* (*Старайся наблюдать различныя примѣты*), этомъ образцѣ сельской картины, гдѣ впервые проявилось чувство природы, такъ сильно развитое у него впоследствии. Въ 1822 году написана была: *Пѣснь о вѣщемъ Олгѣ*, которая, при появленіи своемъ, не-

Младыѣхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
 Я зналъ и трудъ и вдохновенье
 И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
 Уединенное волненье!

* *
 *

Но все пропало! . . . рѣзвый нравъ . . .
 Душа часъ отъ часу нѣмѣеть.
 Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листь дубравъ
 Въ ключахъ Кавказскихъ каменѣтъ.

Пьеса еще продолжается у Пушкина, но разборъ становится невозможенъ. Замѣчательно, что послѣднее четверостишіе попало въ «*Альбомъ Овѣгина.*»

многими была оценена по достоинству. Ея летописная простота, ея безыскусственный рассказъ, такъ свойственный легендѣ, были новостію и слишкомъ рѣзко отличались отъ кудрявыхъ и замысловатыхъ историческихъ стихотвореній эпохи, которыя не всегда отличались и историческою вѣрностію. (*) Въ томъ же году Пушкинъ на нѣсколько дней пропалъ изъ Кишинева. Онъ отправился въ Измаилъ и на пути присталъ къ цыганскому табору, ночевалъ въ шатрахъ его и жилъ дикою жизнью кочеваго племени. Онъ сохранилъ воспоминаніе объ этомъ путешествіи въ слѣдующей строфѣ эпилога къ Цыганамъ, не попавшей въ печать:

За ихъ лѣнивыми толпами
 Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
 Простую пищу ихъ дѣлилъ,
 И засыпалъ предъ ихъ огнями . . .
 Въ походахъ медленныхъ любилъ
 Ихъ пѣсней радостные гулы,
 И долго мнѣй Мариулы
 Я имя нѣжное твердилъ.

Пушкинъ доходилъ тогда до самыхъ границъ Имперіи. У насъ есть одинъ стихотворный отрывокъ, свидѣтельствующій это несомнѣнно и потому драгоцѣнный:

(*) Такъ, напримѣръ, въ одной современной думѣ, Олеговъ щитъ имѣть гербъ Россіи. Пушкинъ замѣтилъ несообразность и писалъ: «Древній гербъ Св. Георгій не могъ находиться на щитѣ язычника Олега. Новѣйшій двуглавый орелъ есть гербъ Византійской и принятъ у насъ во время Иоанна III, не прежде. Летопись просто говоритъ: «тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды.» Онъ вообще отзывался объ историческихъ стихотвореніяхъ той эпохи довольно строго: «Вообще всѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ на одинъ покрой (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго Русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ имени» . . . «Милый мой, пишете Пушкинъ къ брату изъ Кишинева по поводу тѣхъ же стихотвореній — у васъ пишутъ, что «лучъ денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго». Это не Х — ѣ написалъ — вотъ что меня огорчило. Что дѣлаетъ Дельвигъ? Чего онъ смотритъ?» Черезъ нѣсколько времени Пушкинъ возвращается еще на свои замѣтки въ новомъ письмѣ къ брату: «Душа моя, говоритъ онъ, какъ перевести по Русски бѣвнес. Должно бы издавать у насъ журналъ: *Revue des bѣvnes*. Мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ В — ва, полудневную денницу, гербъ Россійской на вратахъ Византійскихъ

Вспоминаньемъ увоенный,
 Съ благоговѣньемъ и тоской
 Объемлю грозный мраморъ твой,
 Кагула памятникъ надменный!
 Не смѣлый подвигъ Россіянъ
 Не слава, даръ Екатерины,
 Не Задунайскій великанъ
 Меня воспаменяютъ нынѣ....

Отлучки Пушкина изъ Кишинева не только не мѣшали вдохновенію и занятіямъ поэзіей, а напротивъ только возбуждали и множили ихъ. Въ Бессарабіи же написаны были: *Братья Разбойники* и набросаны первыя строфы *Евгенія Онегина*.... Если представимъ себѣ картину литературной дѣятельности этой въ полномъ ея объемѣ, то разнообразіе ея частей, особенный характеръ каждой подробности и самобытность нѣкоторыхъ изъ нихъ, приведутъ невольно въ изумленіе, какъ приводили они и современниковъ Пушкина.

28 Іюля 1823 года Генераль Иванъ Никитичъ Инзовъ сдалъ должность Новороссійскаго Генераль-Губернатора, которую исправлялъ съ Іюля 1822 года, новому Начальнику Графу М. С. Воронцову, уже славному подвигами въ Отечественную и Французскую компаніи и который долженъ былъ дать новую жизнь краю, ввѣренному его управленію. Тогда же соединено было въ одной власти и управление Бессарабіей. Центромъ правительства сдѣлалась Одесса, куда переѣхалъ и Пушкинъ, зачисленный въ Канцелярію Генераль-Губернатора. Нѣкоторое время

(во время Олега герба Русскаго не было: двухглавый орелъ есть гербъ Византійской и означаетъ раздѣленіе Имперіи на Восточную и Западную....) Попробуй, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ бѣдъ. Поговори объ этомъ съ нашими, да похлопочи о книгахъ.... Въ другой разъ онъ останавливается на стихотвореніи «Олимпійскія игры,» напечатанномъ въ Мнемозинѣ 1825. Т. IV и снова пишетъ къ брату: «Читалъ стихи и прозы К — что за чудакъ! Только въ его голову могла войти мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ мнелогіей и героизмомъ — Славяно-Русскими стихами.... Чтобы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ? Но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій?» Мы видимъ, что близкое знакомство не мѣшало Пушкину замѣчать погрѣшности пріятелей, но онъ не всегда ихъ высказывалъ на-чисто.

онъ скучалъ по Кишиневу, но пестрое, разноплеменное народонаселеніе Одессы, ея театры, Французскія рестораціи, море, ея омывающее и приносящее толпы иностранцевъ вмѣстѣ съ товарами и съ извѣстіями изъ Европы, вскорѣ помптрили его съ новымъ мѣстопребываніемъ. Впрочемъ, усложнившаяся администрація края требовала особенной дѣятельности чиновниковъ, въ ней числившихся, а Пушкинъ, по роду своихъ занятій, мало былъ способенъ къ ней. Почти ровно черезъ годъ, 8 Іюля 1824 года уволенъ онъ былъ вовсе отъ службы, а 11-го того же Іюля переведенъ на жительство въ Псковскую губернію, въ имѣніе своей матери, извѣстное Михайловское.

Мы имѣемъ письмо Пушкина изъ Одессы къ брату отъ 25 Августа 1823 года. Изъ содержанія его видно, что Пушкинъ былъ въ Одессѣ еще тремя мѣсяцами ранѣе своего перечисленія на службу въ этотъ городъ, подобно тому, какъ онъ посѣтилъ его два года тому назадъ. Въ послѣдній разъ, однакоже, онъ узналъ о новомъ своемъ назначеніи, вернулся на нѣсколько дней въ Кишиневъ простится съ особами, дорогими его сердцу и затѣмъ уже покинулъ его совсѣмъ. «Мнѣ хочется, душа моя, говоритъ онъ, написать тебѣ цѣлый романъ — три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло. Здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ. Я на силу упросилъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Ресторація и Итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ. . . перехожу на службу и остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо, да новая печаль сжала мнѣ грудь. Мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ. . . Приѣхалъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически — и выѣхалъ оттуда навсегда. О Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ Европейскому образу жизни. Впрочемъ я нигдѣ не бываю, кромѣ театра.» Письмо это кончается требованіемъ денегъ отъ брата, въ которыхъ поэтъ нуждался почти весь вѣкъ свой. Весьма оригинально объясняетъ онъ причины скудости: «Жить перомъ мнѣ невозможно. . . Ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу итти, хотя я знаю законъ и четыре

первыя правила...» Онъ заключаетъ его словами: «Прощай, душа моя, у меня хандра и это письмо не развеселило меня.»

22 Октября 1823 кончена была въ Одессѣ первая глава *Онгина*, начатая въ Бессарабіи, въ Маѣ. Осенній мѣсяць тутъ имѣетъ свое значеніе. Извѣстно, что осень была временемъ особеннаго развитія его творческой дѣятельности вообще. Она приносила ему нравственное спокойствіе, равновѣсіе всѣхъ силъ, необыкновенную бодрость мысли. На Сѣверѣ онъ радовался туманной и дождливой осени и боялся сухой и свѣтлой, какъ предательницы, которая влечетъ къ прогулкамъ и разбѣянности. Южная осень съ ея чистымъ небомъ и освѣжительно-теплымъ воздухомъ заставляла его прибѣгать къ хитрости. Онъ вставалъ рано и, не покидая постели, писалъ нѣсколько часовъ безъ отдыха. Пріятели заставляли его часто или въ задумчивости или помирающаго со смѣха надъ строками *Евгенія Онгина*. Такъ написаны были три главы этаго романа и зимой 1824 г. начаты *Цыганы*.

Лирическія стихотворенія, писанныя въ Одессѣ, пріобрѣтаютъ новый оттѣнокъ. Въмѣсто прежнихъ обдуманыхъ и, потому, спокойныхъ созданій, являются такія, какъ: *Ненастный день потухъ*, *Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты*, *Коварность*, исполненныя бурь сердца, сомнѣній страсти и сильнаго драматическаго движенія. Они вылились изъ подъ пера того человѣка, который въ мученіяхъ ревности и досады могъ пробѣжать пять верстъ безъ шляпы, по палящему жару въ 35°, какъ это разъ случилось съ Пушкинымъ въ Одессѣ. Но мы обязаны сдѣлать замѣтку, весьма важную для опредѣленія общаго характера его. Какъ ни великолѣпенъ еще этотъ ураганъ уязвленнаго сердца въ поэтическомъ своемъ проявленіи, но здѣсь, какъ и всегда у Пушкина, порывы его умѣряются требованіями искусства и выраженіе его столь же изящно, какъ и выраженіе задумчивости и граціозныхъ образовъ въ другихъ произведеніяхъ поэта. Вообще поэтическое творчество было у Пушкина какъ-будто поправкой волненій жизни. Оно сглаживало рѣзкія ея проявленія, смягчало и облагороживало все, что было въ нихъ случайно-грубаго, неправильнаго и жесткаго. По неизмѣнному закону отраженія

творческаго произведенія на самомъ художникѣ, умѣрялся и въ послѣднемъ пылъ увлеченія и замолкали струны, которыя звучали бы безъ того тревожно и несогласно, можетъ быть, еще долгое время. Вотъ почему Пушкинъ могъ выходить изъ всѣхъ порывовъ еще свѣжѣе прежняго и вотъ почему въ теченіе всей его жизни мы не видимъ, чтобы онъ остановился на какомъ-нибудь исключительномъ направленіи и окаменѣлъ въ какомъ-нибудь любимомъ представленіи. Въ Одессѣ, напримѣръ, написалъ онъ своего *Демона*, — этотъ неопредѣленный образъ существа, произвольно и безъ права старающагося заслонить Божій свѣтъ отъ другихъ. При появленіи своемъ въ 1823 году, пьеса породила живѣйшій восторгъ. Одинъ журналъ, въ Москвѣ, хотѣлъ посвятить ей цѣлую статью, но не сдержалъ обѣщанія; другой, въ Петербургѣ, называя произведеніе гениальнымъ, искалъ объясненія ему въ дѣйствительномъ существованіи подобнаго характера. Но всего замѣчательнѣе, что Пушкинъ истощилъ всю идею въ одномъ произведеніи — и болѣе къ ней уже не возвращался, не смотря на общія похвалы (*). Такъ изъ произведенія, относительно-превосходнаго, вышелъ онъ не въ подчиненности къ нему, а напротивъ съ другимъ и болѣе обширнымъ взглядомъ на міръ — процессъ безпрестанно повторявшійся съ нимъ и оправдывающій мнѣніе тѣхъ людей, которые поэзію Пушкина

(*) Можно замѣтить послѣдній отголосокъ идеи, породившей *Демона* въ стихотвореніи, принадлежащемъ къ 1827 г.: *Ангель*. (*Во дворяхъ Эдема Ангель нльжнгий*); но здѣсь уже представленіе смягчается подъ дѣйствіемъ жизни и, можетъ быть, личнаго опыта. Бстати прилагаемъ письмо Пушкина изъ Одессы къ Дельвигу, замѣчательное, между прочимъ, и тѣмъ, что тутъ впервые упоминаетъ онъ о *Ее. Опыиинъ*: «Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнью лицейскою — слава и благодареніе за то тебѣ и моему П.! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайней-мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ я живу по-Азіятски, нечитаю вашихъ журналовъ. На дняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты, прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго. Жду и не дождусь вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца и украсу цвѣтами свой шалашъ, хоть Б. находить это слишкомъ сладострастнымъ. . . Ты просишь *Бахчисрайскаго Фонтана*. Онъ на дняхъ отосланъ Вяземскому: это безсвязные отрывки, за

считаютъ, по преимуществу, существенною, реальною, приносящею съ собою бодрость для духа и свѣжесть для мысли.

Къ этой же эпохѣ относится возникшее стремленіе Пушкина собирать книги, которое заставило его сказать такъ живописно, что онъ походитъ на стекольщика, разоряющагося на покупку необходимыхъ ему алмазовъ. Большая часть его денегъ уходила этимъ путемъ и превосходная библіотека, оставленная имъ послѣ смерти, свидѣтельствуетъ теперь о разнообразіи и основательности его чтенія. Пушкинъ успѣлъ выучиться на Югѣ по-Англійски и по-Итальянски — и много читалъ на обоихъ языкахъ. *Кавказскій Пльнникъ* украшенъ въ рукописи эпиграфомъ изъ Пиндемонте (*) и Нѣмецкимъ: *Gieb meine Jugend mir zurück*, изъ Гёте. Кромѣ своихъ обычныхъ занятій, онъ еще слѣдилъ за ходомъ Греческаго возрожденія, которому велъ журналъ, и мысль его была въ постоянной дѣятельности, даже и тогда, какъ жаркія лирическія произведенія свидѣтельствовали о самомъ возбужденномъ состояніи его духа. Къ концу пребыванія поэта въ Одессѣ, знакомые его замѣтили нѣкоторую осторожность въ сужденіяхъ, осмотрительность въ принятіи мнѣній. Первый пылъ молодости пропалъ: Пушкину было уже 25 лѣтъ.

Въ началѣ осени 1824 года, Пушкинъ простился съ Южнымъ краемъ Россіи чуднымъ своимъ стихотвореніемъ *Къ морю*:

которые ты меня пожуришь и все таки похвалишь. *Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до нелзя.* Б. ее не увидишь за то, что онъ фи—дитя, блажное дитя. Богъ знаетъ, когда и мы прочтемъ ее вмѣстѣ. Скучно, моя радость. Если бъ хоть братъ, Левъ, прискакалъ ко мнѣ въ Одессу. Гдѣ онъ? Что онъ? Ничего не знаю... Правда ли, что къ вамъ ѣдетъ Россини и Итальянская опера? Боже мой! Умру съ тоски и зависти. 16-го Ноября. Вели прислать мнѣ Нѣмецкаго *Пльнника*.

(*) Oh felice que mai non pose il piede
Fuori della natia sua dolce terre:
Egli il cor non lascio fitto in oggetti,
Che di più riveder non ha speranza, etc.

«О, счастливъ, кто никогда не преступалъ за границу священной земли собственнаго отечества: сердце его не привязано къ предметамъ, которыхъ нѣтъ ему надежды увидѣть снова».

Отецъ поэта, Сергій Львовичъ Пушкинъ замѣчаетъ, что вмѣстѣ съ Итальянскимъ языкомъ, сынъ его учился и по-Испански.

Прощай, свободная стихія!
 Въ послѣдній разъ передо мной
 Ты каташь волны голубыя
 И блещешь гордою красой (*).

Этимъ же стихотвореніемъ прощался онъ и съ *властителями своихъ думъ* — Байрономъ, посвящая ему, на разставаньи, послѣднюю дань удивленія, послѣднюю свою пѣснь. Другое направленіе, другое развитіе ожидали его въ Михайловскомъ.

Остановимся здѣсь на минуту — и сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ на всѣ поэмы, созданныя Пушкинымъ въ этотъ четырехлѣтній промежутокъ времени, столь обильный разнообразными впечатлѣніями, столь плодovitый въ литературномъ отношеніи. Любопытно видѣть тайну ихъ происхожденія, значеніе, которое придавала имъ публика, и критическія убѣжденія самого автора, вызванныя толками и сужденіями объ нихъ.

Поэма: *Кавказскій Пльщикъ* была первымъ опытомъ Пушкина создать характеръ и опытомъ, какъ извѣстно, не вполне удачнымъ. Замѣчательно, что первый, открывшій это, былъ самъ Пушкинъ. Вотъ что писалъ онъ издателю поэмы, въ то время, какъ едва успѣли остыть чернила на его рукописи: «Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно — такъ

(*) Стихотвореніе: *Къ морю* напечатано было впервые въ альманахъ: «Мнемозина» 1824 г., Москва, часть IV и сопровождалось любопытнымъ примѣчаніемъ издателей. При стихѣ: «Миръ опустѣлъ», который въ альманахъ не имѣлъ окончанія, сдѣлана выноска: «Въ семь мѣстъ авторъ поставилъ три съ половиною строки точекъ. Издателю сие стихотвореніе доставлено Кн. П. А. Вяземскимъ и здѣсь отпечатано точно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ-подъ пера самого Пушкина. Нѣкоторые списки онаго, ходящіе по городу, искажены нелѣпыми прибавленіями. Изд.» Видно, что и эта пьеса не избѣгла участи многихъ другихъ стихотвореній поэта. Между прочимъ, она вошла въ составъ изданій 1826 г. и 1829, съ нѣкоторыми измѣненіями, не смотря на то, что въ альманахъ печаталось съ Пушкинскаго подлинника (См. примѣчанія наши къ стихотворенію). Кстати скажемъ, что въ томъ же альманахѣ — журналѣ Мнемозина, только въ III части (1824 г.) помѣщено было и стихотвореніе: Демонъ, но съ такими ошибками, что Пушкинъ перепечаталъ его въ Сѣверныхъ прѣтахъ 1825 года и писалъ къ брату изъ деревни: Нестыдно ли Б — * напечатать ошибочно моего Демона! Моего Демона!... Не давать ему за то ни *Моря*, ни *капли* стиховъ отъ меня...» Однако же Море было дано: поэтъ, видно, умилился надъ пріятелемъ.

явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ Черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего - то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости Горцевъ и къ прелестямъ Кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить рассказъ происшествіями, которыя сами собою истекали бы изъ предметовъ. Черкесь, плѣннвшій моего Русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ—всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во первыхъ, отъ лѣни; во вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, какъ обѣ части поэмы были уже кончены, а съ-изнова начинать не имѣлъ я духа. . . . Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня на счетъ *Кавказскаго Плѣнника*, но, признаюсь, люблю его, самъ не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца. . . .» (*).

Другое письмо Пушкина о томъ же предметѣ къ одному изъ друзей, В. П. Г — ву, не менѣе замѣчательно въ своей простодушной откровенности:

«Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. За чѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за Черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благо-разумно, но въ героѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ Плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что *я не гоже въ героѣ романтическаго стихотворенія*. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отлич-

(*) Съ черноваго письма къ Н. И. Гнѣдичу, оставшагося въ бумагахъ Пушкина.

тельными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать *Черкешенкой* — я объ этомъ не подумалъ.

«Черкесы, плъ обычаи и нравы занимають бѣольшую и лучшую часть моей повѣсти; но все это ни съ чѣмъ несвязано и есть истинный *hors d'oeuvre*. Вообще, я своей поэмой очень доволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана — хоть стихи въ ней зрѣлѣе. Прощай моя радость (*)».

Любопытно слѣдить за самыми усилями Пушкина пояснить характеръ, еще смутно представлявшійся его воображенію. Эти слѣды работающей фантазіи, эта борьба съ образомъ, безпрестанно исчезающимъ подъ рукой, особенно поучительны въ будущемъ образцовомъ писателѣ. Надо сказать, что само посвященіе поэмы еще составляетъ какъ-будто ея продолженіе по тону и разработкѣ своей. Въ немъ таже мысль и тотъ же образъ, только приложенный къ самому автору. Вотъ стихи изъ посвященія, не попавшіе въ печать, но порожденные именно стремленіемъ автора овладѣть поэтическимъ призракомъ и дать ему жизнь и форму. Они приложены были самимъ Пушкинымъ въ письмѣ къ Г — ву, приведенномъ выше:

«Когда я погибалъ безвинный, безотрадный
И шопоть клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны кладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили, —
Я близъ тебя. . . .

* * *

Я рано скорбь узналъ, постигнуть былъ гоненьемъ,
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
Но сердце укрьпивъ надеждой и терпѣньемъ. . . .

(*) Есть еще и третья замѣтка Пушкина о Кавказскомъ Пльнникѣ въ письмѣ его къ брату изъ Бишинева, отъ 6 Октября 1823 года. «Скажи мнѣ, милый мой, шумить-ли мой Пльнникъ? Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера Пльнника: онъ для нихъ созданъ. Душа моя! я журналовъ не получаю; — такъ потрудись, напиши ихъ толки, не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей. . . .»

Переходя къ рукописи, мы видимъ тоже самое усиліе овладѣть характеромъ Пльнника. Послѣ стиха: *Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ*, Пушкинъ начинаетъ ближе всматриваться въ физиогномію героя, но бросаетъ трудъ на четвертомъ стихѣ. . . . Четверостишіе это, разумѣется и не попало въ печать:

Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ —
И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ;

далѣе, послѣ стиха: *И упоительнымъ мечтамъ*, является новая попытка въ томъ же родѣ и опять бросается авторомъ на первыхъ четырехъ стихахъ:

Въ тѣ дни, когда луна, дубравы
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ. . . .

Не нужно и прибавлять, что это четверостишіе составило, въ превосходномъ измѣненіи, начальные стихи пьесы: *Демонъ*, которая, слѣдовательно, уже является намъ осколкомъ неудавшагося образа. Замѣчательно, что даже извѣстная пьеса:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты —
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты и проч.

принадлежала цѣликомъ поэмѣ, назначаясь, какъ и всѣ прежнія черты, для портрета главнаго дѣйствующаго лица. Даже отягтая отъ нее, она еще носитъ въ рукописи заглавіе: «Элегія, (изъ поэмы: *Кавказъ*).» Столькихъ напряженій, пробъ кисти, попытокъ стоилъ Пушкину первый серьезный характеръ, на которомъ онъ остановилъ свое вниманіе.

Недостатки поэмы были такъ зорко опредѣлены самимъ авторомъ, что критикъ оставалось только развивать его собственныя указанія. Это было сдѣлано рецензентомъ Сына Отечества (часть lxxxii, 1823), по видимому весьма хорошо знавшимъ мнѣніе Пушкина о своемъ произведеніи. Въ разборѣ

довольно важно для біографіи извѣстіе, что Пушкинъ, кромѣ стихотворенія: *Мстислава древній поединокъ*, обѣщаннаго въ эпилогѣ самаго Кавказскаго Плънника, пишетъ еще поэму: *Владиміръ*. Посѣщеніе Кіева должно было оставить свою поэтическую замѣтку въ жизни Пушкина; но онъ обманулъ ожиданія. вмѣсто «Мстиславова поединка», онъ написалъ *Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ* и, вмѣсто «Владиміра», началъ драматическую хронику— *Борисъ Годуновъ*.

Величавая картина Кавказа, переданная Пушкинымъ съ такой поэтической вѣрностью и вмѣстѣ съ такой простотой, изумила самихъ противниковъ его. Они отозвались умеренно о новомъ произведеніи. . Героизмъ Черкешенки, не шумный, но удивительно-благородный и нѣжный, привелъ публику въ восторгъ. Подъ вліяніемъ всеобщаго увлеченія, критика молчала. Дѣло ограничилось нѣсколькими совѣтами, какъ измѣнить характеръ Плънника для вѣщей его пользы и потомъ указаніями на неправильныя выраженія. Этотъ послѣдній отдѣлъ критики всегда обращалъ на себя вниманіе Пушкина. Онъ собиралъ грамматическія и синтаксическія замѣтки и часто удостоивалъ ихъ опроверженій, даже въ примѣчаніяхъ къ своимъ поэмамъ при вторичныхъ изданіяхъ. До 1830 года Пушкинъ постоянно умалчивалъ о всѣхъ другихъ требованіяхъ критики. Происходило ли это отъ его непрерывнаго изученія Русской рѣчи, или отъ лукаваго желанія показать степень вкуса и познаній у рецензентовъ — только онъ составлялъ для себя коллекцію филологическихъ странностей нашей критики весьма тщательно, хотя далеко не исчерпалъ своего предмета. Многое было имъ забыто, многое онъ оставилъ безъ вниманія. Такъ пропущены были и слѣдующія поправки одного журнала при стихахъ:

Предъ нимъ пустынный равнины
Лежать зеленой пеленой.

«Пелена употребляется болѣе въ отношеніи къ тому, что подъ нею находится.»

Тамъ холмовъ таятся грядой
Однообразныя вершины.

«Слова разставлены, кажется, не ясно.»

Одѣлись пеленою тучь
Кавказа спящія вершины,

«Не лучше ли покрылись? Иначе горъ не будетъ видно...» и проч. (Вѣстникъ Европы 1823, № 1).

Семь лѣтъ спустя послѣ перваго появленія Кавказскаго Пльнника, Пушкинъ сказалъ про него: «Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно.» Это было повтореніемъ того, что онъ говорилъ о немъ на другой день, такъ сказать, его рожденія.

При разборѣ *Бахчисарайскаго Фонтана*, къ которому теперь переходимъ, уже много было толковъ о вліяніи Байрона на нашего поэта. Дѣйствительно, лице Гирея, какъ и лице Кавказскаго Пльнника, носятъ признаки родства съ обычными героями Байрона, хотя при нѣкоторомъ вниманіи, можно легко замѣтить, какъ проглядываетъ сквозь подражаніе собственная, творческая способность нашего автора, со всѣми условіями жизни и мѣстныхъ требованій, въ которыхъ заключалась. Чуждый обликъ, невольно положенный на оба характера, объясняется постояннымъ чтеніемъ Байрона, которому преданъ Пушкинъ въ это время.

Люди, слѣдившіе вблизи за постепеннымъ освобожденіемъ природнаго генія въ Пушкинѣ, очень хорошо знаютъ, почему такъ охотно и съ такой радостью преклонился онъ предъ Британскимъ поэтомъ. Байронъ былъ указателемъ пути, открывавшимъ ему весьма дальнюю дорогу и выведшимъ его изъ того Французскаго направленія, подъ которымъ онъ находился въ первые года своей дѣятельности. Разумѣется, все, что впоследствии говорено было объ общей настроенности вѣка, о духѣ Европейскихъ литературъ, имѣло свою долю истины; но ближайшая причина Байроповскаго вліянія на Пушкина состояла въ томъ, что онъ одинъ могъ ему представить современный образецъ творчества. По-Нѣмецки Пушкинъ не читалъ, или читалъ тяжело; перевѣсъ оставался на сторонѣ Британскаго лирика. Въ немъ почерпнулъ онъ уваженіе къ образамъ собственной фантазіи, на которые прежде смотрѣлъ легко и

поверхностно; въ немъ научился художественному труду и пониманію себя. Байронъ вложилъ могущественный инструментъ въ его руки: Пушкинъ извлекъ имъ въ послѣдствіи изъ міра поэзіи образы, ни сколько не похожіе на любимыя представленія учителя. Послѣ трехъ лѣтъ родственнаго знакомства, направленіе и приемы Байрона совсѣмъ пропадаютъ въ Пушкинѣ; остается одна крѣпость развившагося таланта: обыкновенный результатъ сношеній между истинными поэтами! Нельзя сказать даже, чтобы одинъ Байронъ исключительно присутствовалъ при этомъ процессѣ развитія художественныхъ силъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ, въ эту эпоху, А. Шенье, которымъ Пушкинъ восхищался почти столько же, сколько и первымъ. Пушкинъ прежде всѣхъ въ Россіи заговорилъ объ А. Шенье, и, конечно, одинъ изъ первыхъ въ Европѣ, вполне угадалъ прелесть его нѣжныхъ произведеній, особенно антологическихъ, гдѣ обычное щегольство его замѣнено истиннымъ изяществомъ. Слѣдуетъ вспомнить, что въ шумѣ, который производили тогда элегіи Ламартина, одно это обстоятельство показываетъ, какъ мало подчинялся Пушкинъ вообще шуму, хотя бы онъ шелъ издалека. Нѣкоторые изъ пріятелей его печатали и писали ему о Ламартинѣ съ жаромъ убѣжденія, не находя въ немъ, однакожь, ни малѣйшаго отголоска на все ихъ увлеченіе. Можно сказать съ достовѣрностію, что очень долгое время Пушкинъ восхищался у насъ произведеніями А. Шенье совершенно уединенно. Совсѣмъ тѣмъ, и Байронъ, и Шенье играли одинаковую роль въ жизни нашего поэта: это были помѣтки его собственнаго, прибывающаго таланта; ступени, по которымъ онъ восходилъ къ полному проявленію своего генія.

Всѣ оттѣнки мнѣній, раздѣлявшихъ литературу нашу, слились при появленіи Бахчисарайскаго Фонтана въ одну похвалу неслыханной еще дотолѣ гармоніи языка, небывалой у насъ роскоши стиховъ и описаній, какими отличалась поэма. Въ ней видѣли торжество Русскаго языка, и только дальнѣйшее развитіе автора показало, что Русскій стихъ еще болѣе можетъ быть усовершенствованъ. Критика ограшчилась робкой замѣткою о недостаткѣ движенія, хода въ новомъ созданіи. (Сынъ Отечества

1824, часть хсп). Происхожденіе поэмы достаточно объяснить ея сжатость и почти анекдотическую форму. Пушкинъ просто переложилъ въ стихи рассказъ одной прелестной женщины. Въ извѣстномъ письмѣ своемъ изъ Тавриды, онъ говоритъ при первомъ посѣщеніи Бахчисарая. «Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Позднѣе, онъ писалъ изъ Одессы: «Радуюсь, что мой фонтанъ шумить. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи рассказъ молодой женщины:

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naive.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги нужны (*).» Деньги пришли къ Пушкину. Поэма напечатана была въ Москвѣ, въ 1824 году, Княземъ Вяземскимъ

(*) Последнія строки Пушкина извлечены изъ журнала Ф. В. Булгарина «Литературные листки» (1824, № IV), гдѣ они помѣщены были въ объявленіи о скоромъ выходѣ поэмы. Они составляли часть большого письма Пушкина къ одному изъ своихъ друзей, которое здѣсь приводитъ вполнѣ.

Письмо было получено въ Петербургѣ вскорѣ послѣ выхода альманаха Полярная Звѣзда 1824 и содержитъ еще бѣглую оцѣнку произведеній, тамъ напечатанныхъ, именно повѣсти: «Замокъ Нейгаузенъ», статьи Корниловича: «Объ увеселеніяхъ Русскаго Двора при Петрѣ I-мъ» статьи: «Объ удовольствіяхъ на морѣ», Арабской сказки г. Сенковского: «Витязь буланнаго коня», мадригала Родзянки: «Къ милой», гдѣ были стихи:

*Вчера, сегодня, безпрестанно
Люблю — и мыслю о тебѣ,*

и наконецъ стихотворенія Плетнева: Родина. Въ этомъ же письмѣ есть въ концѣ намекъ о новой поэмѣ Пушкина, именно о Ев. Онѣгинѣ.

«Ты не получилъ видно письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти въ «Полярной Звѣздѣ» скажу, что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ, которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ, et c'est beaucoup dire. Корниловичъ славный малый и много обѣщаетъ; но зачѣмъ пишеть онъ «для снисходительнаго вниманія», Милостивый Государь NN», и ожидаетъ «одобрительной улыбки прекраснаго пола» для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ. Все это старо, ненужно, и слишкомъ пахнетъ Шаликовскою невинностію. Булгаринъ говоритъ, что Н. Б. отличается новостію мыслей; можно бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово *мысли*. Арабская сказка — прелесть. Между поэтами не вижу Гнѣдича, — это досадно; нѣтъ и Лыжкова — и его жаль. «Вчера люблю и мыслю» помѣстять совремensemъ въ грамматику, для примѣра безсмыслицы. Плетнева «Родина»

и все издание куплено потомъ обществомъ книгопродавцевъ за 3000 рублей ассиг.

Въ бумагахъ Пушкина есть неизданное стихотвореніе, которое сперва назначено было служить вступленіемъ къ поэмѣ. Откинутое при окончательной переправкѣ и совсѣмъ забытое впоследствии, оно подтверждаетъ свидѣтельство письма о происхожденіи поэмы.

Печалень будетъ мой разсказъ!
 Давно, когда мнѣ въ первый разъ
 Любви повѣдали преданье,
 Я въ шумъ радостномъ уныль —
 И на минуту позабыль
 Роскошныхъ оргій ликованье.
 Но быстрой, быстрой чередой
 Тогда смѣнялись впечатлѣнья!
 Веселье — тихую тоской,
 Печаль — восторгомъ упоенья.

хороша, Баратынскій — чудо, мои пьесы плохи. Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

*Aux douces lois des vers je pliais les accents
 De sa bouche aimable et naïve . . .*

«Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги нужны.

«Третій пунктъ и самый нужный съ эпиграфомъ безъ церемоніи. Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва ли наберу ихъ и пятокъ, да и то забудь моихъ отношеній съ ***. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому же я обьщаль Б., которому вѣрно мои стихи нужнѣе, нежели тебѣ. Обь моей поэмѣ нечего и думать. Если когда нибудь она будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ. Прощай, поклонъ Р., обними Дельвига, брата и братью».

Кстати сказать: чувствительныя сроки, какъ называлъ Пушкинъ отрывокъ изъ этого письма, напечатанный въ Литературныхъ Листкахъ, также точно огорчили Пушкина, при видѣ ихъ въ печати, какъ прежде опубликованіе трехъ стиховъ въ элегіи: Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда. «Вообрази мое отчаяніе, писалъ онъ по этому поводу, когда увидѣлъ ихъ напечатанными, — журналъ можетъ попасть въ ея руки. Чтожъ она подумаетъ, видя съ какой охотой я бесѣдую объ ней съ однимъ изъ Петербургскихъ моихъ пріятелей. . . . Признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ. . . .» Въ первое время онъ готовъ былъ требовать объясненія, но вскорѣ предалъ забвенію всю эту нескромность журналистики и даже прибавлялъ въ письмѣ къ брату изъ Одессы, отъ 13-го Іюня 1824 года, чтобъ онъ оставилъ все дѣло безъ вниманія, изъ уваженія къ самому себѣ.

Поэтическая передача разсказа должна была, какъ легко понять, упустить изъ вида развитіе драмы и только сохранить тонъ и живость впечатлѣнія, которыми пораженъ былъ самъ поэтъ — слушатель. И дѣйствительно, въ поэмѣ существенное одно: стихи и благоуханіе женскаго чувства, которымъ она проникнута отъ начала до конца. Кстати замѣтить, что поэма сперва называлась *Гаремомъ*, но «меланхолическій эпиграфъ (который конечно лучше всей поэмы), говоритъ авторъ въ запискахъ своихъ, соблазнилъ меня». Этотъ эпиграфъ, еще находившійся при второмъ изданіи поэмы въ 1827 году, былъ изъ Сади: «Многіе, также какъ и я, посѣщали сей фонтанъ, но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече (*).»

По поводу Бахчисарайскаго Фонтана остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Пушкинъ былъ мужественъ во всѣхъ чувствахъ своихъ. Онъ также мало способенъ былъ къ нѣжничанью и къ игрѣ съ ощущеніями, какъ, наоборотъ, легко подчинялся настоящей страсти. Мы знаемъ, что онъ совѣтовалъ людямъ, близкимъ его сердцу, скорѣе отдѣлываться отъ неопредѣленныхъ томленій души, выходить на прямую дорогу и назначать цѣль своимъ стремленіямъ. Тоже требованіе бодрости и силы, которое присуще ему было по натурѣ, перенесъ онъ и на самый языкъ въ послѣдствіи. Всякій согласится, что въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ, не смотря на всю его нѣгу, нѣтъ ничего изнѣженнаго, вымученнаго и слабосильнаго. По случаю переменъ одного прилагательнаго въ стихѣ, казавшагося слишкомъ смѣлымъ —

(*) *Кавказскій Пльнникъ*, появившійся въ 1822 году, издавался потомъ 4 раза: въ 1824, 28, 36 гг. и въ полномъ посмертномъ собраніи сочиненій въ 1838 году. *Бахчисарайскій Фонтанъ* имѣлъ тоже 4 изданія, кромѣ перваго, именно: въ 1827, 30, 35 гг. и въ полномъ посмертномъ собраніи. Въ 1824 году появился, между прочимъ, Нѣмецкій переводъ Кавказскаго Пльнника, къ которому, для сличенія, приложенъ былъ весь Русскій подлинникъ *цѣликомъ*. Библиографы (См. Роспись книгамъ изъ Библиотеки Смирдина) считаютъ этотъ переводъ новымъ изданіемъ Кавказскаго Пльнника, хотя настоящаго изданія его отъ автора въ 1824 году и не было. Нѣтъ сомнѣнія, что Нѣмецкій переводъ съ его *приложеніями* сдѣлалъ невозможнымъ всякую попытку такого рода. Пушкинъ былъ огорченъ, жаловался на нарушеніе авторскихъ правъ своихъ и переписывался объ этомъ съ друзьями въ весьма сердитомъ расположеніи духа. Настоящее 2-е изд. поэмы напечатано только въ 1828.

Пушкинъ писалъ къ издателю: «Я не люблю видѣть въ гордомъ первобытномъ языкѣ слѣды Европейскаго жеманства и Французской утонченности; сила и простота болѣе пристали ему: проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, а по привычкѣ — пишу иначе (*).» Впослѣдствіи, онъ совѣтовалъ учиться Русскому языку у старыхъ Московскихъ барынь, которыя никогда не замѣняютъ энергическихъ фразъ: я была въ дѣвкахъ, лечилась и т. п. жеманными фразами: я была въ дѣвицахъ, меня пользовалъ и проч. Въ запискахъ своихъ онъ насмѣшливо совѣтуетъ Русскимъ литераторамъ прислушиваться даже къ разговору Московскихъ просвирень: Пушкинъ не замедлилъ самъ представить образцы сжатаго и сильнаго Русскаго слова, котораго искалъ уже съ начала своего поприща.

Нельзя пройти молчаніемъ полемики, возбужденной предисловіемъ Кн. Вяземскаго къ поэмѣ. Статья Кн. Вяземскаго подъ названіемъ: «*Вмѣсто предисловія. Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова*», — помѣщенная передъ поэмой, заключала какъ бы напередъ опроверженіе всѣхъ критикъ классической партіи, имѣвшей тогда еще у насъ сильныхъ представителей (**). Будто предугадывая возраженія ихъ, авторъ статьи говорилъ, что настоящее *движеніе* поэмы — находится въ рѣчи, въ теченіи ея разсказа; что въ описаніяхъ ея есть поэтическая ясность и опредѣленность и что довольно видѣть красивое зданіе, а не разбирать его остовъ. Существеннѣйшій отдѣлъ статьи, однако, состоялъ въ ея взглядѣ на романтизмъ. Авторъ видимо полагалъ его въ соблюденіи *мѣстныхъ красокъ, couleur locale*, тогда сильно прославляемомъ современными Французскими эстетиками.

(*) Въ первомъ изданіи поэмы стихъ: «*Тебѣхъ язвительныхъ лобзаній*» былъ замѣненъ стихомъ: *Тебѣхъ пронзительныхъ лобзаній.*

(**) Въ самомъ заглавіи статьи, написанной вообще очень остроумно, заключался «колкій» намекъ. Чтобы понять его, надо вспомнить о многочисленныхъ псевдонимахъ во вкусѣ Жуи, появлявшихся тогда безпрестанно въ журналахъ. Критики, болѣею частію, скрывались подъ фирмами: жителей Бутырской слободы, Тентелевой деревни, Галерной гавани, Лужницкихъ старцевъ и проч. Страницы повременныхъ изданій испещрены именами: Вередиковыхъ, Ферулиныхъ, Аристотелидовыхъ и проч. Это былъ вѣкъ псевдонимовъ, ни кого впрочемъ не скрывавшихъ.

«Отпечатокъ народности, мѣстности, говорилъ издатель поэмы отъ своего лица въ статьѣ, — вотъ что составляетъ, можетъ быть, главное, существеннѣйшее достоинство древнихъ и утверждаетъ ихъ права на вниманіе потомства. Глубокомысленный Миллеръ не даромъ во Всеобщей Исторіи своей указалъ на Катулла въ числѣ источниковъ и упомянулъ о немъ въ характеристикѣ того времени.» Выслушавъ замѣчаніе антиромантика, что такимъ образомъ, пожалуй и Омеръ съ Виргиліемъ попадутъ въ романтики, издатель поэмы отвѣчаетъ еще рѣшительнѣе. «Назовите ихъ какъ хотите, но нѣтъ сомнѣній, что Омеръ, Горацій, Эсхилъ имѣютъ гораздо болѣе сходства и соотношеній съ главами романтической школы, нежели съ своими холодными рабскими послѣдователями, кои силятся быть Греками и Римлянами заднимъ шагомъ.» Нѣсколько сжатое изложеніе сообщило этой мысли, въ сущности справедливой, видъ софизма, но уже дѣйствительный софизмъ представляло другое положеніе автора, особенно возбуждавшее распрю. Онъ говорилъ именно, что появленіе романтизма въ нашей литературѣ связывается съ Ломоносовымъ, который бралъ свои образцы у Германцевъ, отъ чего поэзія романтическая намъ должна быть также сродна, какъ поэзія Ломоносова или Хераскова. По поводу всѣхъ этихъ положеній, выраженныхъ весьма остроумно и отчасти рѣзко, возгорѣлся сильный споръ. Вѣстникъ Европы (1824, № 4 и 8) напечаталъ другой разговоръ, уже между Классикомъ и Издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана, гдѣ сильно опровергалъ теоретическіе афоризмы послѣдняго, а авторъ разбираемой статьи возражалъ ему въ «Дамскомъ Журналѣ» съ энергіей и ловкостію, которыя еще у многихъ свѣжи въ памяти. Границы нашей біографіи не позволяютъ рассказать весь ходъ этой борьбы, весьма любопытной, которая держала въ напряженномъ вниманіи всю публику, еще занимающуюся тогда явленіями отечественной словесности и вовлекла наконецъ въ полемику самого Пушкина (*).

(*). Кстати сказать, что смѣлость произвольныхъ, хотя иногда и блестящихъ положеній была тогда въ модѣ, какъ убѣдится всякій, кто прослѣдитъ за лучшими обозрѣніями литературы, писанными въ ту эпоху, и за возбужденной ими полемикой. Мы представили одинъ, довольно рѣзкій образецъ ея въ

Вотъ что писалъ онъ изъ Одессы въ журналъ Сынъ Отечества (1824 г. № XVIII), откуда извлекаемъ прилагаемый документъ:

«Въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливья, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшею благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и одобренія, чувствуя, что не одно довольно слабое достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

«Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ, изъ дружбы ко мнѣ, изданіе Бахчисарайскаго Фонтана, присоединилъ къ оному «Разговоръ между Издателемъ и Антиромантикомъ,» разговоръ, вѣроятно, вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными Классиками многіе силою своихъ сужденій сходятся съ Классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротою и свѣтскою вѣжливостію.

«Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей словесности. Онъ напечаталъ въ 5 № Вѣстника Европы второй

мнѣніи Вѣстника Европы о Русланѣ и Людмилѣ. Изъ того же журнала выбираемъ и другой. Въ 1823 году, *Черная шаль* Пушкина, первоначально названная имъ *Молдавской пльсю*, положена была на музыку и, подъ именемъ кантаты, исполнялась на Московскомъ театрѣ. Журналъ, отдавая отчетъ о новомъ произведеніи, сильно упрекалъ композитора (Г-на Верстовскаго) за то, что онъ расточилъ такъ много музыкальнаго таланта на темное злодѣяніе какихъ-то неизвѣстныхъ людей, Молдаванъ, Армянъ. *Достойно ли это тому, спрашиваетъ критикъ, чтобы искусный композиторъ изыскивалъ средства потрясать сердца слушателей,* и что онъ будетъ дѣлать, когда представится ему изображеніе *историческихъ и мифологическихъ лицъ, занимательныхъ для каждою?* (Вѣст. Евр. № 1, 1823) Критикъ смѣшалъ важность историческаго лица съ важностію лица въ поэтическомъ отношеніи, но этому мнѣнію суждено было возрождаться еще не разъ по поводу различныхъ произведеній Пушкина.

разговоръ между Издателемъ и Классиковъ, гдѣ, между прочимъ, прочель я слѣдующее:

«*Издатель*: И такъ разговоръ мой вамъ не нравится? *Класс.*: Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина? Думаю и самъ авторъ объ этомъ пожалѣтъ.»

«Авторъ очень радъ, что имѣеть случай благодарить Кн. Вяз. за прекрасный его подарокъ. *Разговоръ между Издателемъ и Классиковъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевскаго Острова*, писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

«Не хочу, или не имѣю права, жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы извѣстнаго критика»

Александръ Пушкинъ.

Одесса.

Споръ о Классицизмѣ и Романтизмѣ занесенъ къ намъ былъ изъ Франціи и, кажется, потерялъ на пути свою серьезную и ученую сторону. Извѣстно, что первое основаніе для послѣдующихъ преній положили Нѣмцы еще въ прошломъ столѣтіи, сравнительной критикой различныхъ литературъ: Древнихъ, Восточныхъ и старо-Европейскихъ. Критика эта уже очистила путь двумъ самостоятельнымъ поэтамъ Германіи — Шиллеру и Гёте; но въ другихъ странахъ, неполнѣ переданная и оцѣненная, породила ту литературу *поддѣлокъ*, которая еще недавно казалась высшею ступенью искусства. Къ намъ перешли только одни опредѣленія романтизма изъ вторыхъ рукъ, изъ Франціи, а первоначальная работа науки, которая одна и могла объяснить сущность самаго дѣла — была пренебрежена. Отсюда тотъ недостатокъ почвы, дѣльнаго содержанія, какія чувствуются у насъ въ большей части статей этой эпохи по предмету, раздѣлившему литературу на двѣ враждебныя партіи. Всего чаще, на примѣръ вопросъ о романтизмѣ представляется критикамъ чѣмъ-то въ родѣ любопытной новости, почти какъ извѣстіе о неожиданномъ случаѣ, и такъ ими и обсуживается. Произвольное пониманіе его, смотря по случайностямъ личныхъ впечатлѣній каждаго ав-

тора или критика, было уже въ порядкѣ вещей. Такимъ образомъ иные объясняли его своенравіемъ мысли, скучающей положительными законами искусства, а сущность его опредѣляли смѣсью *мрачности съ сладострастіемъ, быстроты разсказа съ неподвижностію дѣйствія, пылкости страстей съ холодностію характеровъ* (Вѣст. Евр. 1824, № 4). Другіе отстаивали право гения и таланта творить на-перекорь теоріямъ, и поясняли новое направленіе тѣмъ высокимъ наслажденіемъ, «въ которомъ человекъ, упоенный очаровательнымъ восторгомъ, не можетъ, не смѣетъ дать отчета самому себѣ въ своихъ чувствахъ,» и прибавляли: «въ неопредѣленномъ, неизъяснимомъ состояніи сердца человѣческаго заключена и тайна и причина такъ называемой романтической поэзіи» (Моск. Телегр. 1825, № 5). Иные еще полагали, какъ мы уже видѣли, истинное содержаніе романтизма въ мѣстныхъ краскахъ и народности, о которой однако никто особенно не распространялся, по неимѣнію яснаго понятія о самомъ словѣ. Мы могли бы представить еще болѣе выписокъ для подтвержденія нашего мнѣнія, но ограничиваемся тѣми, которыя приведены здѣсь. Текуція явленія словесности, требовавшія немедленной оцѣнки, еще болѣе затемняли дѣло. Были у насъ романтики, восхищавшіеся эпопеями Хераскова и его подражателей, составившіе особій отдѣлъ классическихъ романтиковъ, представителемъ которыхъ сдѣлался Журналъ Кн. В. Одоевскаго: «Мнемозина», и были такіе романтики, которые упрекали В. А. Жуковскаго за склонность его къ повѣрьямъ, за мечтательность, неопредѣленность и туманность его поэзіи (*). Пушкинъ весьма остроумно и колко сравнивалъ послѣднихъ съ

(*) Въ Журналъ Мнемозина 1824 г., напримѣръ, была статья, на которую Пушкинъ писалъ свои замѣтки, какъ увидимъ послѣ, и о которой упомянулъ даже въ IV главѣ своего Онегина.

Но тише! слышишь? Бритикъ строгой
 Повелѣваетъ сбросить намъ
 Элегіи вънокъ убогой, и проч.

Статья называлась: «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилетіе.» Сочинитель ея принадлежалъ къ романтикамъ и осуждалъ элегіи вообще и элегіи Пушкина въ особенности, какъ мелочной родъ поэзіи, не выдерживающей сравненія съ пареніемъ оды. Мѣриломъ художественнаго до-

ребенкомъ, кусающимъ грудь своей кормилицы, потому только, что у него зубки прорѣзались. Онъ самъ не могъ избавиться отъ прихотливыхъ толкованій собственныхъ друзей, и принужденъ былъ объяснять смыслъ своихъ стихотвореній обычнымъ своимъ поклонникамъ, приходившимъ въ тупикъ отъ неожиданности какъ содержанія, такъ и приемовъ ихъ. Подобными объясненіями сопровождались: *Письмо О Вѣщемъ Олегѣ, 1-я глава Онегина и Цыганы*. О послѣднихъ мы будемъ говорить пространнѣе въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь только приводимъ отрывокъ изъ письма его, касающійся до Пѣсни, въ которомъ Пушкинъ принужденъ былъ растолковать ея значеніе: «Тебѣ, кажется, Олегъ не нравится — напрасно. Товарищеская любовь стараго Князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ, есть черта трогательнаго простодушія, да и происшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.» Къ такимъ комментаріямъ еще долженъ былъ прибѣгать поэтъ инакъ даже передъ судьями, наиболѣе шумѣвшими о романтизмѣ.

Любопытно знать, въ какомъ отношеніи стоялъ Пушкинъ къ обоимъ враждующимъ сторонамъ и какъ понималъ литературный споръ въ глубинѣ собственной мысли. Никто тогда еще и не подозрѣвалъ, что его произведенія вскорѣ сдѣлаютъ споръ этотъ анахронизмомъ, и замѣнятъ оба понятія, соединенныя съ именами Классицизма и Романтизма, новымъ и гораздо высшимъ понятіемъ творчества и художественности, отыскивающихъ законы для себя, въ самихъ себѣ. Онъ понималъ сущность дѣла весьма просто, полагая разницу между обоими родами произведеній только въ *формѣ ихъ* и говоря, что если различать ихъ

стоинства обоихъ родовъ онъ взялъ—восторгъ, и пришелъ къ заключенію, что въ одѣ заключается гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ элегіи.

Къ тому же разряду запутанныхъ мыслей объ искусствѣ принадлежитъ и та, о которой упоминаетъ въ 1825 г. Пушкинъ въ письмѣ къ брату изъ деревни: «У васъ ересь. Говорятъ, что въ стихахъ — стихи не главное. Что же главное? Проза? Должно заранѣе истребить это гонимое, колыма, пѣснями на голосъ: *Одинъ сижу я во компаніи* и тому подоб...» О Жуковскомъ тогда же замѣчаетъ Пушкинъ въ письмѣ къ тому же лицу: «Письмо Жуковскаго наконецъ я разобралъ. Что за прелесть.... его небесная душа. Онъ святой, хотя родился романтикомъ и не Грекомъ, а человекомъ, да какииъ еще!»

по духу, то нельзя будетъ выпутаться изъ противорѣчій и насильственныхъ толкованій. Вотъ что писалъ онъ для самого себя о вопросѣ, занимавшемъ тогда литературу нашу: «Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами Классическимъ и Романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы Французскимъ журналистамъ, которые, обыкновенно, относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и Германскаго идеологизма или основаннымъ на предрасудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ *формы* извѣстны были Грекамъ и Римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Если же, вмѣсто формы стихотворенія, будемъ брать за основаніе только *духъ*, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ конечно отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горация, Освобожденный Иерусалимъ отъ Энеиды — всѣ они однакожь принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзій романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.»

Это простое, не хитрое опредѣленіе обнаруживаетъ вообще малую способность Пушкина къ теоретическимъ тонкостямъ, что доказалъ онъ многими примѣрами и впоследствии. Чрезвычайно мѣткій въ оцѣнкѣ всякаго произведенія, даже и своего собственнаго, онъ былъ чуждъ, по природѣ, той тяжелой работы мысли, какую требуетъ отвлеченная теорія искусства. Часто не хотѣлъ онъ доискиваться значенія идеи, вѣрность которой только чувствовалъ, и отрывочно бросалъ ее на бумагу въ своихъ тетрадяхъ. И вотъ примѣръ:

Пушкина называли романтикомъ и онъ самъ себя называлъ романтикомъ, но подъ этимъ словомъ въ умѣ его таилось совсѣмъ другое пониманіе. Такъ, онъ постоянно употребляетъ въ письмахъ къ друзьямъ выраженіе: *романтическое произведеніе*,

но видимо соединяетъ съ нимъ значеніе творческаго созданія, не принадлежащаго къ какой-либо системѣ или одностороннему воззрѣнію. Другаго выраженія для истинной своей мысли онъ не находилъ, да, вѣроятно, и не искалъ. Всѣмъ извѣстное и принятое слово обозначило у него понятіе, о которомъ еще немногіе тогда думали. Мы увидимъ, въ письмахъ его о *Борисѣ Годуновѣ*, что подъ именемъ романтической трагедіи онъ разумѣлъ совершенно-свободное проявленіе творящаго духа въ области искусства. Такъ, онъ безпрестанно пишетъ: «Я хотѣлъ бы написать что-нибудь истинно *романтическое*.» Въ другой разъ, мы уже видѣли, онъ говоритъ: «Важная вещь! я написалъ трагедію и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать — робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго *романтизма*. . . . Сколько я не читалъ о романтизмѣ — все не то.» За этими простыми замѣтками можно различить мысль о художническомъ произведеніи; но онъ никогда не разбиралъ ея, предоставляя выразить вполне только своимъ созданіямъ. Дѣйствительно, они ясно указали законы, на которыхъ должна основываться истинная теорія искусства и сдѣлали изъ Пушкина, какъ уже замѣчено, настоящаго учителя изящнаго и воспитателя эстетическаго вкуса въ обществѣ.

Мы видѣли прежде, что Пушкинъ въ перепискѣ своей съ П. А. Катенинымъ отзывался снисходительно, какъ о переводахъ своего друга, такъ и объ классической трагедіи вообще. Совсѣмъ тѣмъ это была съ его стороны только уступка, вызванная расположеніемъ къ переводчику и мягкостью его сужденій передъ всякимъ дѣльнымъ трудомъ. Въ эпоху пребыванія поэта нашего на Югѣ, если идеи его о романтизмѣ выходили уже изъ разряда существовавшихъ тогда идей, то въ замѣнъ классическая трагедія все еще оставалась для него явленіемъ, какъ бы незаконнымъ и необъяснимымъ. Только въ 1825 году въ деревнѣ своей, въ Михайловскомъ, за строгимъ трудомъ созданія хроники — Борисъ Годуновъ и за мыслями, вызванными сю, нашелъ онъ, какъ увидимъ, настоящее мѣсто и классической трагедіи въ ряду произведеній искусства. Годомъ ранѣе онъ еще находился подъ неотразимымъ вліяніемъ Байрона

и вотъ что писалъ брату изъ Одессы (1824), по поводу новаго перевода Федры, тогда явившагося.

«... Читаль *Федору* Л—ва. Хотѣлъ писать на нее критику, не ради Л—ва, а ради Маркиза Расина. Перо вывалилось изъ руки. И объ этомъ у васъ шумять, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи г. Расина!

Croyez-vous découvrir la trace de ses pas.

..... Надѣшься найти

Тезея жаркій слѣдъ изъ темные пути...

«Вотъ какъ все переведено. А чѣмъ же и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры Федры верхъ глупости и ничтожности въ изобрѣтеніи. Тезей ничто иное какъ первый Мольеровъ рогачъ; Ипполитъ — *le superbe, le fier Hippolyte et même un peu farouche* — Ипполитъ, суровый Скифъ... ничто иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный.

D'un mensonge si noir etc.

«Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣрился, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица. Сравни его съ рѣчью молодаго любовника Паризины Байроновой: увидишь разницу умовъ. А Терамень? Аббатъ и...

Vous même—où seriez-vous etc.

Вотъ глубина глупости!...»

Остается сказать о *Братьяхъ-разбойникахъ*, рассказъ, основанномъ на истинномъ происшествіи, случившемся въ Екатеринославѣ въ 1820 году. Онъ составлялъ отрывокъ изъ поэмы, которую Пушкинъ началъ писать въ 1822 году и сжегъ почти тотчасъ же какъ написалъ, но планъ которой сохранился въ бумагахъ его, въ слѣдующей короткой замѣткѣ: «Разбойники, исторія двухъ братьевъ, Атаманъ на Волгѣ, купеческое судно, дочь купца.» Чуткому слуху Пушкина сейчасъ открылось, что сознаніе душегубца слишкомъ сложно, эффектно и потому не въ Русскомъ духѣ, хотя картина разбойничьяго стана и лицо рассказчика, выступающаго изъ нея, написаны были мастерскою кистью. При пересылкѣ отрывка въ Петербургъ для напечатанія, Пушкинъ замѣчалъ: «Разбойниковъ я сжегъ — и по дѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣ-

лѣлъ въ рукахъ у Н. Р. Если звуки *харчевня, острогъ*. . . не испугаютъ пѣжныхъ ушей читательницъ, то напечатай его. Впрочемъ, чего бояться читательницъ? Ихъ пѣтъ и не будетъ на Русской землѣ, да и жалѣтъ не о чемъ.» Можно полагать съ достовѣрностію, что изъ матеріаловъ, заготовленныхъ для *Разбойниковъ*, вышла впоследствии, въ 1825 году, пьеса: *Женихъ*, первый образецъ простонародной Русской сказки, написанный уже въ Михайловскомъ, куда теперь, вслѣдъ за поэтомъ, и переходимъ (*).

Пушкинъ пріѣхалъ въ Михайловское въ тревожномъ состояніи духа. Легко угадать причину нравственнаго безпокойства его, если вспомнимъ, что четверть жизни прошла для Пушкина и должна была переставить точку зрѣнія на людей и разъяснить взглядъ на самого себя. Нравственный переворотъ, неизбѣжный въ такихъ случаяхъ, оставляетъ по себѣ грусть, чувство раскаянія и тоски; но въ сильныхъ и благородныхъ натурахъ, какова была натура Пушкина, это есть только новое побужденіе къ дѣятельности и преобразованію себя. Въ неизданномъ отрывкѣ извѣстнаго стихотворенія: *Опять на родинѣ* — Пушкинъ оставилъ намъ замѣтку о душевной настроенности своей въ эпоху прибытія его въ Михайловское. Разъ навсегда скажемъ здѣсь, что Пушкинъ постоянно откидывалъ изъ поэмъ и стихотвореній своихъ все, что прямо, безъ покрова искусства и художественнаго обмана, папоминало его собственную личность. Предлагаемый отрывокъ, въ своей необдѣланной формѣ, трогателенъ, какъ истина:

(*) Кромѣ разобранныхъ нами произведеній, къ эпохѣ Бессарабско-Одесской жизни Пушкина принадлежатъ еще планъ поэмъ: *Вадимъ* — скорѣ уничтоженной, но изъ которой извѣстны два отрывка: *Сонъ* (отрывокъ изъ Новгородской повѣсти: Вадимъ) и *Два Путника*. Въ дополненіе къ картинѣ литературной дѣятельности Пушкина, прилагаемъ еще числовыя помѣтки, сохранившіяся въ тетрадахъ его на поэммахъ. Первая глава Онѣгина кончена 23 Октября 1823 года, въ Одессѣ; вторая 8 Декабря того же года и тамъ же; третья начата въ Одессѣ же, 8 Февраля 1824. Въ Сентябрь 1824 года Пушкинъ находился въ Михайловскомъ, и въ слѣдующемъ мѣсцѣ *Цыганъ*, еще начатыя въ Одессѣ, получили окончательную отдѣлку, которая уже совпадаетъ съ первыми сценами *Бориса Годунова*.

Въ разны годы
 Подъ вашу сѣнь Михайловскія рощи,
 Являлся я! Когда вы въ первый разъ
 Увидѣли меня, тогда я былъ
 Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
 Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
 Промчались — и вы во мнѣ пріяли
 Усталого пришельца! Я еще
 Былъ молодъ, но уже судьба
 Меня борьбой неровной истомила;
 Я былъ ожесточенъ! Въ уныныи часто
 Я помышлялъ о юности моей,
 Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
 О строгости заслуженныхъ упрековъ,
 О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
 За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
 И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства!

Дальнѣйшее пребываніе въ деревнѣ сгладило рѣзкость ощущенія: тамъ онъ нашелъ и теплую дружбу, и гармонию душевныхъ силъ, и главное: наслажденія творчества, сбереженного цѣликомъ, благодаря тишинѣ, окружавшей поэта. Одно это обстоятельство примирило бы всякаго другаго съ однообразіемъ деревенской жизни; но какъ челоуѣкъ, привыкшій къ движенію городского и свѣтскаго быта, отъ котораго, между прочимъ, онъ во всю жизнь свою отстать не могъ, чувство недовольства проглядываетъ въ описаніяхъ этого времени, оставленныхъ имъ въ письмахъ и въ произведеніяхъ своихъ, какъ напримѣръ: въ IV главѣ Онѣгина, тогда же начатой. Другая сторона его деревенской жизни, украшенная привязанностію окружающихъ людей и всѣми утѣхами творчества, сознающаго свою силу, была и осталась немногимъ извѣстна.

Пушкинъ вызвалъ изъ Дерпта Н. М. Языкова, тогда еще студента, извѣстнымъ своимъ стихотвореніемъ: *Издревле сладостный союзъ*. Языковъ, пріѣхавшій въ Михайловское вмѣстѣ съ молодымъ В., сосѣдомъ Александра Сергѣевича по деревнѣ, только въ 1826 г., оставилъ намъ любопытное описаніе самой комнаты, гдѣ няня, Арина Родіоновна, накрывала имъ на столъ обыкновенно.

Вотъ тамъ: обоями худыми
Гдѣ — гдѣ прикрытая стѣна,
Поль нечищенный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними;
Диванъ предъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столъ украшень
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашень
И ты пришедшая къ столу!

Вообще Пушкинъ былъ очень простъ во всемъ, что касалось собственно до внѣшней обстановки. Одѣвался онъ довольно небрежно, заботясь преимущественно только о красотѣ длинныхъ своихъ ногтей. Имѣть простую комнату для литературныхъ занятій было у него даже потребностью таланта и условіемъ производительности. Онъ не любилъ картинъ въ своемъ кабинетѣ и голая сѣренькая комната давала ему болѣе вдохновенія, чѣмъ роскошный кабинетъ съ эстампами, статуями и богатой мебелью, которые обыкновенно развлекали его. Онъ довольствовался незатѣйливымъ помѣщеніемъ въ Демутовомъ трактирѣ, гдѣ обыкновенно останавливался въ пріѣздахъ своихъ въ Петербургъ. Вообще, привычки его были просты, но вкусы и наклонности уже не походили на нихъ. Такъ, поздніе обѣды въ Михайловскомъ были довольно прихотливы, по собственному его свидѣтельству (IV глава *Ев. Онѣгина*, стр. 28 — 29), и кромѣ книгъ, куда уходили его деньги, былъ имъ еще другой пстокъ: это страсть къ игрѣ, которой предавался онъ иногда съ необычайнымъ жаромъ. Карты поглотили много трудовъ его, унесли добрую часть доходовъ, полученныхъ имъ съ сочиненій, и, случалось, даже брали въ залогъ будущія, еще не родившіяся произведенія. Въ одномъ отрывкѣ изъ своихъ записокъ, онъ простодушно рассказываетъ довольно забавный анекдотъ изъ своей жизни: «15 Октября 1827. Вчерашній день былъ для меня замѣчательнъ. Пріѣхавъ въ Боровичи, въ 12 часовъ утра, засталъ я проѣзжающаго въ постелѣ. Онъ металъ банкъ Гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ не достало мнѣ 5 рублей. Я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1600 рублей. Я расплатился довольно сердито, взялъ въ займы 200 рублей и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой.»

Образъ его жизни въ деревнѣ, чрезвычайно напоминаетъ жизнь Онѣгина (IV глава Ев. Онѣгина, стр: 37, 38, 39, 44). Онъ также вставалъ очень рано и тотчасъ же отправлялся *на легкѣ* къ бѣгущей *подъ горой рѣккѣ* и купался (*). Зимой онъ, какъ и Онѣгинъ, садился въ ванну со льдомъ передъ своимъ завтракомъ. Разница состояла въ томъ, что вездѣ Пушкинъ посвящалъ утро литературнымъ занятіямъ: созданію и пріуготовительнымъ его трудамъ, чтенію, выпискамъ, планамъ. Осенью — эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности, онъ принималъ чрезвычайныя мѣры противъ разсѣянности и вообще красныхъ дней: онъ или не покидалъ постели, или не одѣвался вовсе до обѣда. По замѣчанію одного изъ его друзей, онъ и въ столицахъ оставлялъ до осенней деревенской жизни исполненіе всѣхъ творческихъ своихъ замысловъ и, въ нѣсколько мѣсяцевъ сырой погоды, приводилъ ихъ къ окончанію. Пушкинъ былъ, между прочимъ, неутомимый ходокъ пѣшкомъ и много ѣздилъ верхомъ, но во всѣхъ его прогулкахъ, поэзія неразлучно сопутствовала ему. Самъ онъ рассказываетъ, что, бродя надъ озеромъ, тѣшился тѣмъ, что пугалъ дикихъ утокъ сладковучными строфами своими, а разъ, возвращаясь изъ сосѣдней деревни верхомъ, обдумалъ всю превосходную сцену свиданія Димитрія съ Мариной въ *Годуновѣ*. Какое-то обстоятельство помѣшало ему положить ее на бумагу тотчасъ же по пріѣздѣ, а когда онъ принялся за нее черезъ двѣ недѣли, многія черты прежней сцены уже изгладились изъ памяти его. Онъ говорилъ потомъ друзьямъ своимъ, восхищавшимся этой встрѣчей страстнаго Самозванца съ хитрой и гордой Мариной, что первоначальная сцена, совершенно оконченная въ умѣ его, была несравненно выше, несравненно превосходнѣе той, какую онъ написалъ. Такъ оправдываются стихи его:

(*) Деревянный домъ Михайловскаго съ однимъ этажемъ, стоитъ на небольшомъ косогорѣ, внизу котораго, съ одной стороны, течетъ рѣка *Сороть*, впадающая въ Великую. Фасадъ дома обращенъ задомъ къ рѣкѣ и лицомъ къ небольшому скверу, сады котораго тянутся, почти на версту, густой паркъ, съ цѣтниками и дорожками.

На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою
И тайные стихи обдулывать люблю.

Если случалось оставаться ему одному дома безъ дѣла и гостей, Пушкинъ игралъ двумя шарами на билиярдѣ самъ съ собой, а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней Ариной Родіоновной. Онъ посвящалъ почтенную старушку во всѣ тайны своего генія. Къ несчастію, мы ничего не знаемъ, что думала няня о стихотворныхъ забавахъ своего питомца.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй,
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей.

(Глава IV, Ев. Очѣг.)

Арина Родіоновна была посредницей, какъ извѣстно, въ его сношеніяхъ съ Русскимъ сказочнымъ міромъ, руководительницей его въ узнаніи повѣрій, обычаевъ и самыхъ пріемовъ народа, съ какими подходитъ онъ къ вымыслу и поэзіи. Александръ Сергѣевичъ отзывался о нянѣ, какъ о послѣднемъ своемъ наставникѣ, и говорилъ, что этому учителю онъ много обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего первоначальнаго, Французскаго воспитанія. Простонародный разсказъ: *Женихъ*, остается блестящимъ результатомъ этихъ сношеній между поэтомъ и бывалой старушкой. Въ тетрадахъ Пушкина находится семь сказокъ, бѣгло записанныхъ со словъ няни. Изъ нихъ три послужили основой для извѣстныхъ сказокъ Пушкина, писанныхъ имъ съ 1831 года, именно: для сказки *О Царѣ Салтанѣ, О Мертвой Царевнѣ и семи богатыряхъ, О купцѣ Остолопѣ и работникѣ его, Балдѣ*, да вѣроятно, и остальные простонародные разсказы Пушкина вышли изъ того же источника, хотя оригиналовъ ихъ мы и не находимъ въ его тетрадяхъ (*). Для примѣра, какимъ образомъ Пушкинъ передѣлывалъ полученные имъ матеріалы, пропуская нѣкоторыя подробности, измѣняя другія и придумывая совсѣмъ новыя, укажемъ на *Царя Салта-*

(*) См. сказки Арины Родіоновны въ Приложеніи II къ матеріаламъ.

на. Въ немъ сохранено, напимѣръ, извѣстiе о рожденiи Царевича (Гвидона) и при томъ съ небольшимъ измѣненiемъ словами самой пѣни:

Родилъ Царица въ ночь
 Не то сына, не то дочь,
 Не мышенка, не лягушку,
 А невѣдому звѣрюшку,

но выпущены 33 брата его и введено новое лицо — Царевна Лебедь, совершенно необходимое для красоты и граціи разсказа. «Мачиха» Арипы Родіоновны замѣнена Бабой Бабарихой и самыя чуды, разведенныя Царевичемъ на своемъ островѣ, благодаря Лебеди, расходятся у Пушкина во многомъ съ разсказомъ няни. Такъ у ней былъ котъ: «У моря — лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, а по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ: вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ». Этотъ котъ замѣненъ у Пушкина бѣлкой, грызущей золотыя орѣшки и выбрасывающей изумруды вмѣсто зерна, но котъ не пропалъ: онъ очутился при изданiи Руслана и Людмилы въ 1828 году въ прологѣ поэмы:

У Лукоморья дубъ зеленый;
 Златая цѣпь на дубѣ томъ:
 И днемъ, и ночью котъ ученый
 Все ходитъ по цѣпи кругомъ:
 Идетъ на право — пѣснь заводитъ,
 На лѣво — сказку говоритъ.

Вмѣстѣ съ отсутствiемъ 33-хъ братьевъ Царевича, брошенныхъ въ море, какъ и онъ, — пропали и всѣ подробности, до нихъ касающiяся, между прочимъ, и способъ, какимъ Царевичъ узнаетъ, послѣ ихъ чуднаго спасенiя, что они—его братья. Онъ проситъ мать свою напечь лепешекъ изъ молока ея груди: первый братъ, отвѣдавшій лепешку, тотчасъ же воскликнулъ: «Ахъ, братцы, до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока» — и открылъ себя. Много еще и другихъ выдумокъ, созданныхъ или полученныхъ народомъ, со всей ихъ затѣйливостью, съ признаками особенной дѣятельности воображенiя, тщательно занесено Пушкинымъ въ свои тетради. Къ нѣкоторымъ онъ сдѣлалъ поясненiя. Въ

одной сказкѣ, баснословнаго Царевича ведутъ на казнь по проискамъ мачихи; онъ хохочетъ. А чему? Да тому, что переднія колеса ѣдутъ за лошадыю, а заднія-то за чѣмъ? Когда потомъ этотъ же Царевичъ вѣшаетъ купца Шелковникова на шелковой висѣлицѣ, Пушкинъ приписываетъ: «Вотъ куда каламбуры зашли». Трогательное впечатлѣніе производятъ эти рассказы няни, записанные въ той же самой тетради, гдѣ и начало романа: Арабъ Петра Великаго, и Евгений Онегинъ, и Цыганы, и много отдѣльных мыслей, блестящихъ умомъ и проникательностію. (*)

Въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго лежитъ село Тригорское, извѣстное публикѣ по стихамъ Н. М. Языкова. Тамъ жило доброе, благородное семейство П. А. О—й, съ которымъ Пушкинъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, любя его образованную и вмѣстѣ сельски-простую жизнь. Онъ часто тамъ обѣдывалъ, часто туда заходилъ въ своихъ прогулкахъ и проводилъ тамъ цѣлые дни, довольный откровенной дружбой, съ какой его встрѣчали и привязанностью всѣхъ членовъ его. Онъ посвятилъ П. А. О—й, свои чудныя подражанія Корану, написанныя,

(*) Вотъ что писалъ самъ Пушкинъ осенью 1824 года изъ деревни къ брату: «Знаешь ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма. Ахъ, Боже мой! Чуть было не забылъ. Вотъ тебѣ задача: — историческое, сухое извѣстіе о Разинѣ У насъ есть еще весьма любопытный документъ о хозяйственныхъ хлопотахъ Пушкина, когда въ 1825 году, по отъѣздѣ отца и матери изъ деревни, онъ остался одинъ въ Михайловскомъ. Документъ содержитъ трогательную черту въ отношеніи Арины Родіоновны: «У меня произошла переѣвна въ управленіи. Розу Григ. я принужденъ былъ выслать за поведеніе и слова, которыхъ не долженъ я былъ вынести. *А то бы она уморила няню, которая начала отъ нея худѣть.* Я велѣлъ Розѣ подать мнѣ счеты. Она показала мнѣ, что за 2 года (1824 и 25) ей ничего не платили и считаетъ по 200 р. на годъ — итого 400 р. По моему счету ей слѣдуетъ наличныхъ денегъ 300 р. Изъ оныхъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ С.-Петербургъ. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно положено ей благодѣтели и заплачено ли что нибудь въ эти два года. Я нарядилъ Комитетъ изъ Василья Архипова и старосты, велѣлъ переѣрнуть хлѣбъ и открылъ нѣкоторые злоупотребленія, т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей покаместъ я принялъ бразды правленія.»

Въ приложеніяхъ къ біографическимъ матеріаламъ, читатель увидитъ нѣсколь-

можно сказать, передъ ея глазами, и вообще семейство это дѣйствовало успокоительно на Пушкина. Онъ встрѣчалъ въ немъ и строгій умъ, и расцвѣтающую молодость, и рѣзвость дѣтскаго возраста. Усталый отъ увлеченій первой эпохи своей жизни, Пушкинъ находилъ удовольствіе въ тихомъ чувствѣ и родственной веселости: граціозная гримаса, дѣтская шалость нравились ему и заимали его. Если около этой поры еще встрѣчаются восторженные стансы, какъ напримѣръ: *Я помню чудное мгновенье*, — то болѣе въ видѣ мгновеннаго порыва, чѣмъ постояннаго душевнаго настроенія. Погруженный въ свои воспоминанія, Пушкинъ думалъ о славѣ и въ ней искалъ успокоенія для своего сердца и отмищенія за всѣ волненія и утраты его:

..... И нынѣ
 Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
 Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
 Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
 Окружена была; чтобъ громкою молвою
 Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ. . . .

Съ тѣхъ поръ дѣйствительно началось его постоянное служеніе славѣ, хотя цѣль, выраженная въ стихахъ, давно была утрачена.

ко рассказовъ Арины Родіоновны. Они поражаютъ вообще хитростію и запутанностію содержанія, которое иногда трудно и разобрать. Тутъ есть и Иванъ Царевичъ, отправляющійся за смертію Кошца Безсмертнаго, которая живетъ на морѣ, на Окіянѣ, на островѣ Буянѣ, и при томъ въ дубѣ, а въ дубѣ — душло, а въ душлѣ — сундукъ, а въ сундукѣ — заяць, а въ зайцѣ — утка, а въ уткѣ — яйцо. Иванъ Царевичъ голоденъ, но не трогаеъ ни собаки, ни ястреба, ни волка, ни барана, ни рака, встрѣтившихся ему, а тѣ служатъ ему за то вѣрную службу: волкъ перевозитъ его черезъ море, баранъ рогами сваливаетъ дубъ, собака ловитъ зайца, ястребъ ловитъ утку, ракъ приноситъ яйцо со дна морскаго. Такъ еще подмѣненный Царевичъ дѣлается сыномъ кузнеца, удивляетъ народъ раннимъ умомъ, разгадываетъ всѣ загадки и выпутываетъ изъ бѣды названнаго своего отца, когда Царь наказываетъ ему пріѣхать къ себѣ ни верхомъ, ни пѣшкомъ, показать ему друга и недруга, и поднести даръ, котораго бы онъ не взялъ. Кузнецъ пріѣзжаетъ на козлѣ, приводитъ недруга — жену, которая отъ побой бранится и убѣгаетъ, друга — собаку, которая отъ побой визжитъ и ласкается, въ даръ приноситъ ястреба подъ блюдомъ, и проч. Изложеніе Пушкина, однакоже, чрезвычайно бѣгло и едва даетъ понятіе о самомъ цвѣтѣ и фізіономіи, такъ сказать, ялиныхъ рассказовъ.

Непрерывная литературная переписка съ друзьями принадлежала къ числу любимыхъ и немаловажныхъ занятій Пушкина въ это время. Переписка Пушкина особенно драгоценна тѣмъ, что ставитъ, такъ сказать, читателя лицомъ къ лицу съ его мыслию и выказываетъ всю ея глбкость, оригинальность и блескъ, ей свойственный. Эти качества сохраняетъ она даже и тогда, когда теряетъ достоинство непреложной истины или возбуждаетъ сомнительный вопросъ. Мы имѣемъ только весьма малую часть переписки Пушкина, но и та принадлежитъ къ важнымъ біографическимъ матеріаламъ.

Первая глава Онѣгина появилась въ печати въ теченіи 1825 года, предшествуемая извѣстнымъ прологомъ: *Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ*, который былъ оконченъ въ Михайловскомъ, 26 Сентября 1824 года, и о значеніи котораго весьма мало говорили: такъ затемненъ онъ былъ романомъ, поглотившимъ все вниманіе публики и журналистовъ. А между тѣмъ въ прологѣ глубоко и поэтически выражено состояніе художника, уединенно творящаго свои образы, посреди шума и внѣшнихъ волненій, какъ вообще любилъ себѣ представлять художника самъ Пушкинъ. Вскорѣ мы увидимъ, что онъ усвоилъ себѣ теорію творчества, которая проводила рѣзкую черту между художникомъ и бытомъ, его окружающимъ. Стихи, которыми онъ очертилъ свой идеалъ поэта, весьма основательно прилагались у насъ къ самому автору ихъ:

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шепоть рѣчки тихоструйной.

Толки о новомъ романѣ не замедлили показаться. Журналъ, только-что основанный тогда въ Москвѣ, встрѣтилъ его похвалами, весьма искренними, но которыя не вполне шли къ Онѣгину (Московский Телеграфъ № 5. 1825) — по весьма простой причинѣ: угадать въ первыхъ чертахъ Онѣгина всю его физиогномію, какъ она выразилась въослѣдствіи, было бы дѣломъ сверхъ-естественной прозорливости. Предоставляя классикамъ

отыскивать, къ какому отдѣлу піитики принадлежитъ новый романъ Пушкина, рецензентъ журнала удерживаетъ за собой только право наслаждаться *новымъ торжествомъ ума человека*. Что же касается до опредѣленія его, то рецензентъ причисляетъ романъ къ тѣмъ истинно-шуточнымъ поэмамъ, гдѣ *веселость сливается съ уныніемъ, описаніе смѣшиного идетъ рядомъ съ рѣзкой строфой, обнаруживающей сердце человека*. Образцы такихъ поэмъ представлены были, по его мнѣнію, Байрономъ и Гёте и они ничего не имѣютъ общаго съ легкими поэмами Буало и Попе, которыя только смѣшатъ. Легко замѣтить, что и похвальная статья о Пушкинѣ была въ сущности, хотя и косвенно, только полемической статьёй. Это составляло основной характеръ журнала. . . . Онѣгина онъ понималъ очень просто: «шалунъ съ умомъ, вѣтренникъ съ сердцемъ — онъ знакомъ намъ, мы любимъ его» — и хотя называлъ произведеніе Пушкина національнымъ, но потому, что въ немъ «видимъ свое, слышимъ свои родныя поговорки, смотримъ на свои причуды, *которыя всѣ мы не чужды были нѣкогда*». Противники Пушкина отнесли, на-оборотъ, всю главу къ чистому подражанію и притомъ съ оговоркой, которая вообще ставила неизмѣримое пространство между способомъ представлять свои мысли у оригинала и у подражателя его. «Цѣль Байрона, говорили они съ ироніей (Сынъ Отечества 1825 г., часть с) *не разказъ*, характеръ его героевъ *не связь описаній*, онъ описываетъ предметы не для предметовъ самихъ, не для того, чтобы представить рядъ картинъ, но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣнія ихъ на лицо, выставленное имъ на сцену. Мысль истинно піитическая, творческая. . . .» Онѣгину критикъ отказывалъ въ народности, слѣдующими рѣзкими словами: «Я не знаю, что тутъ народнаго, кромѣ именъ Петербургскихъ улицъ и ресторацій. И во Франціи и въ Англіи пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театры и на балы». Но въ-замѣвъ находилъ ее въ Русланѣ и Людмилѣ: «Приписывать Пушкину лишнее, значитъ отнимать у него то, что истинно ему принадлежитъ. Въ Русланѣ и Людмилѣ онъ доказалъ намъ, что можетъ быть поэтомъ національнымъ.»

Оставляя въ сторонѣ мнѣнія журналовъ, должно сказать, что самые друзья Пушкина, которымъ было знакомо свойство его останавливаться преимущественно на творческихъ идеяхъ, находили содержаніе Онѣгина едва-едва достойнымъ поэтическаго дарованія. Подобно нѣкоторымъ журналамъ, глава новаго романа казалась имъ только ошибкой гениальнаго человѣка, увлеченнаго чтеніемъ Байрона. Они видѣли въ его произведеніи «чертовское», по ихъ словамъ, дарованіе, способное сообщить увлекательность и предмету ничтожному въ самомъ себѣ. Упорно держались они мнѣнія, что Онѣгинъ ниже и Кавказскаго Плѣнника и Бахчисарайскаго Фонтана и готовы были, какъ сами утверждали, отстаивать свое мнѣніе, хоть до свѣтопреставленія. Съ какой-то недовѣрчивостью смотрѣли они на шутку романа и на веселость, разлитую въ немъ, въ которой не замѣчали ни малѣйшей примѣси сатиры. Длинные письма размѣнены были по этому поводу: Пушкинъ защищался съ жаромъ. «Мнѣ пишутъ много объ Онѣгинѣ, сообщалъ онъ одному изъ своихъ друзей, скажи имъ, что они неправы. Уже ли хотятъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраса, и Веръ-Вера, и Рейнеке, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова, и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи, но довольно. . . .» Особенно затрудняло почитателей Пушкина отсутствіе всякой торжественности въ новомъ романѣ, или вдохновеніи, какъ говорили они. Въ немъ видѣли они одну побѣду искусства и споръ перешелъ къ вопросу: что выше? Вдохновеніе или искусство? Пушкинъ запутался въ этомъ спорѣ, какъ и слѣдовало ожидать. Онъ приводилъ мнѣніе Байрона въ извѣстномъ спорѣ его съ Боульсомъ (Bowles), что человѣкъ, мастерски описавшій колоду картъ, какъ художникъ, выше человѣка, посредственно описывающаго деревья, хотя бы ихъ была цѣлая роща, но вскорѣ почувствовалъ неловкость примѣра (*). По

(*) Остроумная и довольно странная полемика Байрона съ посредственнымъ поэтомъ и лицепріятнымъ биографомъ Попе, Боульсомъ происходила немного

первому замѣчанію пріятелей онъ отступилъ отъ своего мнѣнія и добродушно признался, что онъ былъ увлеченъ въ жару полемики. Пушкинъ, какъ видно, самъ предпочиталъ вдохновеніе искусству: «Я было хотѣлъ покривить душой, писалъ онъ, да не удалось. И Bowles и Байронъ въ моемъ спорѣ заврались. У меня есть на то очень дѣльное опроверженіе, переписывать скучно. . . .» Въ другомъ отрывкѣ письма, который прилагаемъ, Пушкинъ уже находится въ полномъ обладаніи идеей собственнаго произведенія. Если съ одной стороны правда, что онъ въ первой главѣ Онѣгина еще *не ясно разграничалъ* даль своего романа, то съ другой не менѣе истинно, что онъ покрайней мѣрѣ, предчувствовалъ его развитіе. Это оказывается изъ отрывка нашего:

ранѣе Пушкинскаго спора съ пріятелями, именно въ 1821 году, но тамъ дѣло шло о вопросѣ: что выше, изображенія ли Природы или изображенія тѣлннхъ, и искусственныхъ вещей? Байронъ держался послѣдняго мнѣнія и отъ этого произвольнаго раздѣленія двухъ необходимыхъ элементовъ каждаго созданія, произошелъ споръ, удивляющій теперь богатствомъ ловкихъ и блестящихъ парадоксовъ. Боульсъ говорилъ, напримѣръ, что *корабль* заимствуетъ всю свою поэзію отъ волнъ, вѣтра, солнца и проч., а самъ по себѣ ничего не значить. Байронъ, не терпѣвшій поэзіи Лакитовъ, на сторону которыхъ склонялся его противникъ, утверждалъ, что волны и вѣтры сами по себѣ, безъ поэзіи искусственныхъ предметовъ, еще не могутъ составить картины. Воду, говорилъ онъ, можно видѣть и въ лужѣ, вѣтеръ едышатъ и въ трещинахъ хлѣва, а солнцемъ любоваться и въ мѣдной посудинѣ — отъ этого еще ни вода, ни вѣтеръ, ни солнце не сдѣлаются предметами поэтическими. Споръ этотъ можно назвать истиннымъ предшественникомъ того, о которомъ говоримъ теперь въ біографіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Байронъ выдерживалъ его съ удивительнымъ мастерствомъ, изворотливостію и остроуміемъ. Между прочимъ онъ говорилъ, что много есть морей величественнѣе Архипелага, скалъ выше, красивѣе Акрополиса и мыса Суніума, мѣстъ живописнѣе Аттики, но болѣе поэтическихъ предметовъ, благодаря памятникамъ искусства, возвышающимъ ихъ достоинство, нѣтъ на свѣтѣ. Онъ спрашивалъ потомъ: «Отыщите Римъ, оставьте только Тибръ и семь холмовъ его и заставте Лакитовъ нашихъ описывать красоту мѣста, спрашиваю: что будетъ сильнѣе исполнено поэзіи — картина ли ихъ произведенія или первый указатель предметовъ, первый Indicateur d'objets, попавшійся вамъ подъ руку? (Смотри письмо Байрона къ Мурраю изъ Равенны, отъ 7-го Февраля 1821). Перехода къ возраженію Боульса, который утверждалъ, что описать деревья достопочтеннѣе, чѣмъ употребить талантъ на изображеніе *колоды картъ*, Байронъ замѣчалъ, что тутъ есть смѣшеніе предметовъ, но что писатель, умѣвшій сдѣлать поэтическій предметъ изъ колоды картъ,

«Твое письмо очень умно, но все таки ты не правъ, все таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки, все таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Д. Жуаномъ. Никто болѣе меня не уважаетъ Д. Жуана (первыя пять пѣсней; другихъ не читалъ), но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ Англичанина Байрона, и сравниваешь ее съ моею, и требуешь отъ меня таковой же. Нѣтъ, моя душа, многого хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помину нѣтъ въ Ев. Онѣгинѣ. . . . Самое слово *сатирический* не должно бы находиться въ предисловіи (*). Дождись другихъ пѣсень. . . . Ты увидишь, что если ужъ и сравнивать Онѣгина съ Д. Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (*gracieuse*), Татьяна или Юлія?

конечно, выше того, кто вяло описываетъ деревья, соблюдая, напримѣръ, только вѣрность и сходство съ ихъ внѣшними признаками. Пушкинъ обрадовался этой мысли Байрона, какъ благодѣтельному союзнику въ его собственномъ спорѣ; однакожъ она нашла сильный отпоръ въ его пріятеляхъ: «Мнѣніе Байрона, писали они, тобою приведенное, несправедливо. Поэтъ, описавшій колоду жартъ лучше, нежели другой деревья, не всегда выше своего соперника. У каждаго свой даръ, своя Муза. Майкова «Елисей» прекрасенъ, но былъ ли онъ такимъ у Державина — не думаю, не смотря на превосходство таланта его передъ талантомъ Майкова. Державина Маріамна ни куда не годится. Слѣдуетъ ли изъ того, что онъ ниже Озерова. Не согласенъ и на то, что Онѣгинъ выше Бахчисарайскаго Фонтана и Бавказскаго Плѣнника, какъ твореніе искусства. Сдѣлай милость не оправдывай софизмовъ В: имъ только дозвоительно ставить искусство выше вдохновенія. Ты на себя клепнешь и выводишь Богъ знаетъ что. . . .»

(*) Первая глава Ев. Онѣгина сопровождалась, кромѣ «Разговора Книгопродавца съ Поэтомъ» еще вступленіемъ. (О немъ и о нѣкоторыхъ приложеніяхъ, подробнѣе сказано въ примѣчаніяхъ нашихъ къ роману). Небольшое вступленіе это, неимѣвшее никакого оглавленія и писанное самимъ Пушкинымъ, заключало слова: «Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателя на достоинства, рѣдкия въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.» Въ томъ же письмѣ Пушкина, первая половина котораго будетъ нами приведена впоследствии, заключаются еще эти замѣчательныя слова: «Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію. Безкорыстное признаніе въ этомъ требуетъ душевной силы.» Это относилось къ критику Полярной Звѣзды.

Первая пѣснь просто быстрое введеніе, и я имъ доволенъ (что очень рѣдко со мною случается). Слмъ заключаю полемику нашу. . . . 12 Марта. Михайловское.»

Такія-то бури окружали рожденіе этого дѣтища, которому суждено было пройти, такъ сказать, рядомъ съ Пушкинымъ почти черезъ все существованіе его и выразить взглядъ его на современное общество. Основательно сказано было, что романъ этотъ столько же принадлежитъ поэзіи, сколько и исторіи нашей, какъ драгоценное свидѣтельство о нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ извѣстной эпохи.

При появленіи Онѣгина вниманіе публики было раздѣлено между нимъ и комедіей: *Горе отъ ума*, съ которой она тогда ознакомила. Это произведеніе, одно во всей нашей литературѣ, соперничало, по успѣху своему, съ романомъ Пушкина и имѣло одинаковую съ нимъ участь. Оба разошлись по лицу Россіи въ безчисленныхъ примѣненіяхъ къ ежедневнымъ случаямъ, сдѣлались родникомъ пословицъ, нравственныхъ сентенцій, и проч. Сужденіе Пушкина о комедіи Грибоѣдова чрезвычайно замѣчательно. Оно опередило нѣсколькими годами всю послѣдующую, весьма основательную критику, какой подвергнута была комедія, и рѣдко случается, какъ сейчасъ увидимъ, встрѣтить въ немногихъ простыхъ словахъ такъ много существеннаго и вызывающаго на размышленіе: . . .

«N N доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ: пожери моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего слова: я не хотѣлъ, чтобъ эта поэма была извѣстна прежде врмени; теперь нечего дѣлать — принужденъ ее напечатать, пока не растаскаютъ ее по клочкамъ. Слушалъ Чацкаго, по только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ — слѣдственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его — характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана неясно. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ: не пужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина, по штатской трусь

въ большомъ свѣтѣ, между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, рассказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый — вотъ черты истинно комическаго генія. Теперь вопросъ: въ комедіи «Горе отъ Ума» кто умное дѣйствующее лице? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малой, проведеній нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напывавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все это говоритъ онъ очень умно, но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ Московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка, съ перваго раза звать съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10 характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Его смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ; хоть кому изъ насъ не случилось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся... Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна. И какъ естественно! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія, но Грибоѣдовъ вѣрно не захотѣлъ: его воля! О стихахъ я не говорю — половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову: можетъ быть я въ иномъ ошибся. Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. По крайней мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.»

«Цыганы,» о которыхъ упомянулъ Пушкинъ въ началѣ своего письма, впервые являются между второй и третьей главой Онѣгина, какъ уже знаемъ, но кончены въ Михайловскомъ, откуда и письмо, приложенное нами, написано. Кажется, то же самое мѣсто должны они сохранять и въ критической оцѣнкѣ литературной дѣятельности Пушкина. Подобно тому какъ Онѣгинъ въ первой главѣ романа еще сохраняетъ какую-то дальнюю, ве-

опредѣленную родственную черту съ типами британскаго поэта (слѣдующія главы романа уже вступаютъ въ самое сердце Русской жизни); такъ и на физиономіи Алеко, въ *Цыганахъ*, еще волнуется тѣнь Байроновскихъ героевъ. За то картина цыганскаго табора и характеръ Земѣиры отличаются самостоятельностью и выраженіемъ строгой красоты, свойственной послѣдному періоду Пушкинскаго развитія. Эти качества не утерали и доселѣ своей цѣны. По прошествіи 25-ти лѣтъ со времени появленія *Цыганъ*, они еще производятъ обаятельное впечатлѣніе на читателя по свѣжести и теплотѣ красокъ, разлитыхъ въ нихъ. Не будемъ говорить о главномъ дѣйствующемъ лицѣ. Хотя оно и навѣяно Байрономъ, но трагическаго величія героевъ его въ немъ нѣтъ нисколько. Философствующій эгоистъ, съ сердцемъ испорченнымъ, постоянно мысля о самомъ себѣ, онъ гораздо яснѣ Кавказскаго Пльнника и гораздо лучше очерченъ Пушкинымъ, чѣмъ прежніе характеры, имъ созданные. Поэтъ весьма ловко противопоставилъ этотъ образъ существа, не отыскавшаго истока чувству гордости и тщеславія — быту простаго, дикаго племени, котораго онъ, по грубости сердца, еще и недостойнъ. Скажемъ только, что ни одно произведеніе поэта, ни прежде, ни послѣ, не производило такого впечатлѣнія на публику, какъ *Цыганы*. Еще ранѣ печати (1827 г.), они въ безчисленныхъ копіяхъ разошлись по всему читающему міру нашему, что, между прочимъ, отняло у автора много денежныхъ выгодъ. Мы видѣли уже, какъ безпокоился онъ преждевременной извѣстностью поэмы. Въ томъ же 1824 году, Пушкинъ писалъ къ Дельвигу: «Знаешь ли? Ужъ если печатать что, такъ возьмемся за *Цыгановъ*. Надѣюсь, что братъ ихъ переписать, а ты пришли рукопись ко мнѣ, я доставлю предисловіе и, можетъ быть, примѣчанія — и съ рукъ долой. А то всякій разъ, какъ я объ нихъ подумаю, или прочту слово въ журналъ — у меня кровь портится. Въ собраніи же моихъ поэмъ, для новинки помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ *Верро*, которая у меня въ запасѣ. Жду отвѣта (*).»

(*) Переписку поэта съ братомъ своимъ вообще, мы изложимъ позднѣе, при описаніи отношеній между ними.

Эта повѣсть въ родѣ Беппо былъ именно Ев. Олѣгичъ, съ которымъ ознакомились Петербургскіе литераторы впервые по отрывкамъ, напечатаннымъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 годъ. Тогда и возгорѣлась полемика, изложенная нами нѣсколько прежде. Что касается до предисловія къ Цыганамъ, то въ рукописяхъ автора сохраняется, дѣйствительно, что-то похожее на предисловіе (см. примѣчанія къ поэмѣ). Ни одно изъ предположеній Пушкина, однако же, не состоялось. Поэма: *Цыганы* явилась только три года спустя послѣ письма, и ей предшествовало еще собраніе стихотвореній Александра Пушкина, изданное въ 1826 году, а изданіе всѣхъ поэмъ вмѣстѣ приведено въ исполненіе весьма поздно — въ 1835 году.

Не можемъ пропустить безъ вниманія и страшныхъ требованій, возникшихъ по поводу «Цыганъ.» Они чрезвычайно хорошо опредѣляютъ одностороннее воззрѣніе на искусство, нисколько непоколебимое введомъ романтизма въ нашу литературу. Одинъ изъ приверженцевъ новой школы возмущался тѣмъ, что Алеско водитъ медвѣдя, собираетъ деньги etc., и сожалѣлъ, что авторъ не сдѣлалъ изъ него — хоть кузнеца. Это черта характеристическая!

Безъ всякаго посредствующаго звена, мы переносимся къ *Борису Годунову* и, конечно, подобный скачокъ былъ бы совершенно невѣроятенъ, если бы несомнѣнная хронологическая цѣпь произведеній Пушкина положительно не указывала на него и не приводила къ нему. Борисъ Годуновъ началъ и конченъ въ Михайловскомъ. Слѣдуя нашей системѣ, прежде всего мы соберемъ вокругъ «Бориса Годунова» все, что думалъ и писалъ о немъ самъ авторъ.

Начнемъ съ того, что это любимое произведеніе поэта составляло, такъ сказать, часть его самого, зерно, изъ котораго выросли почти всѣ его историческія и большая часть литературныхъ убѣжденій. Не безъ волненія отдавалъ онъ его въ свѣтъ, не безъ волненія знакомилъ съ нимъ друзей своихъ, и холодный пріемъ, сдѣланный Борису Годунову публикой и журналистами, не смотря на то, что онъ ожидалъ его, оставилъ въ авторѣ надолго глубокое огорченіе. . . . Только позднѣе помирился онъ съ критикой, откровенно и благородно, по обыкновенію своему,

*

предоставляя другому времени поправить ошибки настоящего. Въ бумагахъ Пушкина есть черновое письмо, неизвѣстно къ кому, гдѣ мы читаемъ: . . . «съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтанъ я могу сказать о моемъ сочиненіи: «c'est une oeuvre de bonne foi.» Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслию моею трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда (*).»

Такъ много соединилось для Пушкина въ Борисѣ Годуновѣ воспоминаній сердца; такими тонкими нитями связанъ онъ былъ съ душой самого поэта! Мало того: онъ собралъ вокругъ трагедіи мысли о драматическомъ искусствѣ, рожденныя чтеніемъ и собственными размышленіями и оперся на нее въ окончательной установкѣ своего взгляда на этотъ предметъ. Мы имѣемъ нѣсколько черновыхъ писемъ его къ разнымъ лицамъ, которыми и воспользуемся, въ ожиданіи того, когда владѣтелямъ ихъ угодно будетъ ознакомить публику съ настоящими, исправленными подлинниками. Цѣль біографіи — уловить мысль Пушкина, и для того она можетъ употребить въ дѣло даже первые, еще блѣдныя ея очерки.

Мы принуждены, однакоже, начать съ двухъ Французскихъ писемъ Пушкина о трагедіи: они, можетъ быть, замѣчательнѣе всѣхъ, писанныхъ имъ по этому случаю. Всякій, кто потрудится

(*) Это воспоминаніе о Карамзинѣ показываетъ, что самыя строки написаны гораздо позднѣе 1825 г.

сличить переводъ нашъ съ оригиналами, отнесенными нами въ Приложенія, конечно увидить, какъ много потеряли они здѣсь въ энергіи выраженія и въ колоритъ вообще (*).

«Вотъ моя Трагедія, — если ужъ вы настоятельно того хотите, но прежде всего требую, чтобъ вы пробѣжали послѣдній томъ Карамзина Она исполнена шутокъ и топкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени. Надо умѣть понимать ихъ — *sine qua non*.

«По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ, не гоняся за сценическими эффектами, романическими вспышками и проч. Стилъ ея вышелъ смѣшанный. Онъ пошлъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица. Не обращайтесь вниманія на злоупотребленія этого рода — все это писалось очень бѣгло и можетъ быть исправлено при первой перепискѣ. Не безъ удовольствія думалъ я сперва о трагедіи *безъ любви*; но кромѣ того, что любовь составляла существенную часть романическаго и страстнаго характера моего пройдохи, но Лже - Димитрій еще влюбляется у меня въ Марину; я принужденъ былъ допустить это изъ желанія выказать сильнѣе странный характеръ послѣдней. Карамзинъ собственно только дотронулся до нея. Конечно, это была изъ хорошенькихъ женщинъ — самая странная. Въ жизнь свою она имѣла одну страсть — честолюбіе, но въ степени энергіи, бѣшенства, какую трудно и представить себѣ. Посмотрите, какъ она борется съ войной, нищетой, позоромъ и, въ то же время, сносится съ Польскимъ Королемъ, какъ будто равная съ рав-

(*) Первое письмо, которое теперь приводимъ, писано Пушкинымъ въ 1829 году. Оно носитъ пометку: «1829 S. P. b.» и при ней число 30-е, но съ не разборчивымъ обозначеніемъ мѣсяца, которое можно читать одинаково: Juin и Janvier. Слова «S. P. b.» къ удивленію тоже зачеркнуты, такъ, что мы теперь имѣемъ одно только несомнѣнное указаніе года, а указанія мѣста и числа не достаетъ. Съ равной основательностію можно думать, что Пушкинъ написалъ его до отпавленія въ Арзрумъ, когда онъ былъ въ Петербургѣ, или въ самомъ Арзрумѣ, гдѣ онъ находился въ Іюнь мѣсяцѣ 1829. Какъ бы то ни было, но оба письма принадлежатъ къ плану составить предисловіе для Бориса Годунова, явившагося въ свѣтъ, какъ извѣстно, въ 1831 году. Копія съ оригиналовъ находятся въ Приложеніи III къ нашимъ матеріаламъ.

нымъ и, наконецъ, постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе. Она является только два раза у меня; но я возвращусь къ ней, если продлятся дни мои. Она возмущаетъ меня какъ страсть.

«Гаврила Пушкинъ — мой предокъ. Я изобразилъ его какъ нашелъ въ исторіи и въ бумагахъ моей фамиліи. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ военнымъ и придворнымъ человекомъ. вмѣстѣ съ Плещеевымъ онъ былъ первый, очистившій путь Самозванцу своей неслыханной дерзостью. Мы находимъ его потомъ въ Москвѣ въ числѣ 7-ми пачальниковъ, защищавшихъ ее въ 1612 году; въ 1616, въ Думѣ, рядомъ съ Козьмой Мининымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, наконецъ посланникомъ. Онъ былъ всѣмъ. Онъ выжегъ одинъ городъ въ видѣ наказанія за какой-то проступокъ, какъ я это нашелъ въ одной грамотѣ «Погорѣлаго Городища.»

«Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ переходитъ на сторону Димитрія, первый начинаетъ заговоръ и, замѣьте — онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцемъ. Онъ уже близокъ къ казни, но Димитрій даетъ ему помилованіе, изгоняетъ его и снова возвращаетъ ко двору своему, осыпая честью и щедротами. И что же дѣлаетъ Шуйскій, уже стоявшій разъ подъ топоромъ? Тотчасъ же принимается за новый заговоръ, успѣваетъ, захватываетъ престолъ, падаетъ и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни.

«Грибоѣдовъ недоволенъ былъ Ювомъ. . . .

«При сочиненіи Годунова, я думалъ вообще о трагедіи — и если бы захотѣлъ я написать къ нему предисловіе — не обошлось бы безъ шума. Родъ этотъ не изслѣдованъ. Законы его стараются вывести изъ правдоподобія, а по существу своему, драма исключаетъ правдоподобіе. Не говоря уже о единствѣ времени и мѣста, да какое же, чортъ возьми, правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, одна половинка которой наполнена 2000

человѣкъ, а другая людьми, которые стараются показать, что не замѣчаютъ первыя. 2, *Языкъ*. Напримѣръ: Филоктеть у Лагарпа чистымъ Французскимъ языкомъ отвѣчаетъ Пирру, выслушавъ его тираду: *Увы! Я слышу сладкіе звуки Еллинской рыли!* Все это только условное неправдоподобіе. Истинные гени трагедіи понимали иначе: они старались достигнуть только правдоподобія характеровъ и положеній. Посмотрите, какъ Корнель за-просто поступилъ съ своимъ Сидомъ. Вамъ непремѣнно нуженъ законъ 24 часовъ. Извольте. И въ 24 часа онъ нагромождаетъ событій на 4 мѣсяца. А какъ смѣшны маленькія поправки въ принятыхъ уже законахъ. Алфіери глубоко чувствуетъ смѣшную сторону *a parte*, уничтожаетъ эту уловку, но вмѣстѣ съ тѣмъ растягиваетъ до-нельзя *монологъ*. Какое ребячество!

«Длино мое письмо, болѣе чѣмъ я хотѣлъ, но сберегите его. Можетъ быть, оно мнѣ понадобится, если придетъ на умъ сочинить предисловіе.»

Второе Французское письмо Пушкина написано уже въ 1825 году и содержитъ первую мысль того, которое нами приведено. Такимъ образомъ Пушкинъ думалъ о предисловіи къ Борису Годунову почти въ одно время съ его созданиемъ. Это письмо особенно дорого тѣмъ, что выражаетъ уже измѣнившійся взглядъ Пушкина на Байрона и сближеніе нашего поэта съ Шекспиромъ.

«Правдоподобіе положеній, истина разговора — вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вегу, но что за человѣкъ Шекспиръ? Я не могу притти въ себя отъ изумленія. Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ — трагикъ, Байронъ, во всю свою жизнь понявшій только одинъ характеръ — именно свой собственный (женщины не имѣютъ характера, они имѣютъ страсти въ молодости — отъ того не трудно и вывести ихъ). И вотъ Байронъ одному лицу далъ свою гордость, другому ненависть, третьему меланхолическую настроенность; такимъ образомъ изъ одного полного, мрачнаго и энергическаго характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ. Развѣ это трагедія?

«Существуетъ и еще заблужденіе. Придумавъ разъ какой нибудь характеръ, писатель старается высказать его и въ самыхъ

обыкновенныхъ вещахъ, на подобіе моряковъ и педантовъ въ старыхъ романахъ Фильдинга. Злодѣй говоритъ: *дайте мнѣ пить*, какъ злодѣй, — а это смѣшно. Вспомните Байронова Озобленнаго: На pagato! (Онъ заплатилъ!). Это однообразіе, этотъ придуманный лаконизмъ и непрерывная ярость — все это далеко отъ природы. Отсюда неловкость разговора и бѣдность его. Но разверните Шекспира. Никогда не выдастъ онъ своего дѣйствующаго лица преждевременно. Оно говоритъ у него со всею беззаботливостію жизни, потому что въ данную минуту, въ настоящее время, поэтъ уже знаетъ какъ заставить его говорить, сообразно характеру, имъ выражаемому.

«Вы спросите еще: трагедія ли это только съ характерами, или трагедія съ исторической вѣрностію (*de costume*). Я избралъ легчайшій путь, но старался соединить оба эти рода. Я пишу и вмѣстѣ думаю. Большая часть сценъ требовала только обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или переживалъ, или просто пересказывалъ черезъ нее. Этотъ способъ работать для меня совершенно новъ. — Я знаю, что силы мои развились совершенно и чувствую, что могу творить. . . .»

Невольно останавливаешься на этихъ строкахъ, столь исполненныхъ мысли и по которымъ пробѣгаетъ электрическая искра живаго ума. Строки эти были исходнымъ пунктомъ всѣхъ послѣдующихъ статей Пушкина о драматическомъ искусствѣ. Положенія, въ нихъ заключающіяся, онъ развивалъ въ письмахъ къ другимъ лицамъ, въ проектахъ статей, въ отдѣльныхъ замѣткахъ, а нѣкоторыя изъ нихъ даже перенесъ съ Байрона на Мольера: «У Мольера, говоритъ онъ, лицемѣръ волочится за женой своего благодѣтеля, лицемѣръ, принимаетъ имѣніе лицемѣря, спрашиваетъ стаканъ воды лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо и проч. . . .» (См. записки Пушкина). И въ обоихъ случаяхъ Пушкинъ былъ правъ, потому-что и Байронъ - трагикъ и Мольеръ сходствуютъ въ манерѣ творчества, заботясь преимущественно о томъ, чтобы лицо ни на минуту не потеряло идеи и характера, которые призвано выражать. Неоконченная, едва набросанная статья его о *Драмѣ*, которая по-

мѣщена была въ послѣднемъ изданіи и исправлена нами по рукописи, есть также развитіе основной мысли писемъ о невозможности полной истины на театрѣ, замѣненной и древними трагиками, и новыми подражателями ихъ, и романтическими писателями — только *условной* правдоподобностью. Нить, связывающая всѣ виды драмы, по мнѣнію Пушкина, есть правдоподобіе характеровъ, истина чувствъ и это мнѣніе далеко оставляло за собой тогдашніе споры, указывая почетное мѣсто въ области Изъящнаго Расину, Корнелю наравнѣ съ Шекспиромъ, Кальдерономъ и друг. Каждая строка послѣдующихъ его изысканій есть только повтореніе и распространеніе этихъ коренныхъ, такъ сказать, убѣжденій. Переходимъ къ Русскому черновому отрывку. Онъ едва набросанъ у Пушкина, съ трудомъ разобранъ нами, но крайне любопытенъ: онъ тоже принадлежитъ къ цѣпи предварительныхъ замѣтокъ, какіе составлялъ около 1830 г. Пушкинъ, имѣя въ виду предисловіе къ Борису Годунову.

... «Царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны.

«Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критика, понять въ чемъ именно состоятъ его обвиненія и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы *il est indifférent*, что такая

то глава Онѣгина выше или ниже другой (*). Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народныя законы драмы Шекспировой, а не свѣтскій обычай трагедіи Расина, и что всякой неудачный опытъ можетъ замедлить преобразование нашей сцены.»

Такъ предпочтеніе Шекспира всѣмъ другимъ образцамъ не было у Пушкина дѣломъ увлеченія, а результатомъ обдуманнаго намѣренія, и связывалось съ довольно трудной задачей, которую онъ впослѣдствіи, однакожъ, совсѣмъ отбросилъ и на которую смотрѣлъ даже насмѣшливо, какъ увидимъ вскорѣ. Слѣдующіе за тѣмъ отрывки не менѣе любопытны:

1) «Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопный ямбъ), принятъ обыкновенно

(*) Эта полу-Русская, полу-Французская фраза принадлежитъ тоже къ особенностямъ Пушкинскаго таланта. Удивительно развитое чувство Русскаго языка нисколько ни портилось и нисколько не потемнилось въ немъ тѣмъ, что онъ мыслилъ иногда на чужомъ языкѣ. Въ бѣглыхъ замѣткахъ, писанныхъ для себя на-скоро, чудно мѣшаются у него оба языка, смотря по тому, какой пришелъ первый на мысль. Пушкинъ, по произволу, сбрасывалъ, когда хотѣлъ, всякую чуждую примѣсь и допускалъ ее потомъ безъ малѣйшаго ущерба для своей народной, Русской рѣчи. Почти нѣтъ замѣтки въ его бумагахъ безъ галицизмовъ и Французскихъ фразъ. Вотъ, напримѣръ, замѣчательный образецъ этого смѣшенія: «Главная прелесть романовъ W. Scot состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ *enflure* фр. трагедіи, не съ чопорностію чувствительныхъ романовъ, не съ *dignité* исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои Французскіе) на холопей, передразнивающихъ *la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral, même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières.*»

Вѣроятно, эта замѣтка приготовлялась для какой либо критической статьи и была бы изложена тѣмъ простымъ и легкимъ Русскимъ словомъ, какимъ обладалъ авторъ ея въ высшей степени. Не надо выпускать изъ вида, однакоже, другаго обстоятельства. Пушкинъ сознавался, что писать по русски все-таки трудъ. «У насъ нѣтъ, говорилъ онъ, готоваго оборота для самаго обыкновеннаго понятія, а все надо создавать» (См. статью о предисловіи Лемонте). Французскій языкъ былъ, въ этомъ случаѣ, уже важнымъ облегченіемъ, особенно для письма, записки, отдѣльной мысли, на которыя нельзя было терять много времени.

Англичанами и Нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ *Аргивнахъ*. А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезурку Французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственного ему разнообразія.»

2) «Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать; еслижъ нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ нибудь инымъ.»

3) «Нашедъ въ исторіи — одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, *con amore.*» и проч.

Не одиѣ основныя положенія Французскихъ писемъ развивалъ Пушкинъ въ своихъ статьяxъ, перепискѣ и даже въ разговорѣ съ друзьями, но и многія подробности ихъ. Такъ, обѣщаніе возвратиться къ Шуйскому и къ Маринѣ подтверждается свидѣтельствомъ короткихъ знакомыхъ его, что онъ имѣлъ намѣреніе написать хронику изъ жизни Шуйскаго, Лже-Димитрія, и нѣскольکو сценъ изъ Междоусарствія, что составило бы полную картину избранной имъ эпохи. Такъ еще собственное его указаніе о способѣ работы при созданіи Годунова, можетъ быть распространено на всѣ его произведенія, и мы приводимъ здѣсь поучительныя примѣры тому глубокому сочетанію размышленія и вдохновенія, о которомъ онъ говорить въ нихъ.

Почти каждая строка его стиховъ свидѣтельствуесть объ этой особенноти его удивительно-мужественнаго таланта. Поучительно видѣть, какъ изъ страницы, кругомъ исчерченной и, можно сказать, обращенной въ самую мелкую сѣтку помарокъ, вытекаетъ стихотвореніе чистое какъ алмазь, съ роскошной игрой свѣта и въ изумительной обдѣлкѣ. Мы вправѣ думать, что пьесы, написанныя Пушкинымъ съ-разу, прошли чрезъ тоже горнило художественнаго труда, но только въ головѣ его; по крайней мѣрѣ такъ слѣдуетъ заключать изъ обыкновенной его методы созданія. Блестящая память Пушкина, на которую онъ рассчитывалъ съ основательностію, унесла съ собой много его стихотвореній. Въ

бумагахъ остались отъ этихъ произведеній—вѣроятно, совершенно конченныхъ въ умѣ поэта—одни только послѣднiя слова каждаго стиха, однѣ только рифмы. Въ концѣ біографіи нашей собрана большая часть этихъ слѣдовъ утерянной мысли поэта, если не всѣ они. Часто даже онъ излагалъ основную мысль стихотворенія, строфы или монолога въ прозѣ, въ предварительныхъ, бѣглыхъ замѣткахъ; они служили ему расчитанными ступенями, по которымъ восходило его поэтическое одушевленіе тихо, ровно, но вмѣстѣ свободно и легко. Письму Татьяны къ Онѣгину предшествовали, напримѣръ, слѣдующія, едва разбираемья теперь строки: «Я знаю, что вы презираете. . . я долго хотѣла молчать. . . я думала, что васъ увижу. . . я ничего не хочу—хочу васъ видѣть. . . Придите. . . Вы должны быть—и то, и то, . . . Если нѣтъ — меня обмануль. . .» И вслѣдъ за этимъ Пушкинъ перелагаетъ эту бѣдную програмку на тѣ чудные стихи, которые, вѣроятно, живутъ въ памяти всѣхъ нашихъ читателей:

Сначала я молчать хотѣла;
 Повѣрьте: моего стыда
 Вы не узнали бѣ никогда,
 Когда бѣ надежду я имѣла,
 Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
 Въ деревнѣ нашей видѣть васъ, и проч. (*)

Все письмо, до самаго конца, идетъ, не отступая отъ первоначальныхъ замѣтокъ и развивая только въ превосходной картинѣ ихъ сухія указанія. Еще поразительнѣе этотъ способъ творчества въ сценѣ встрѣчи Онѣгина съ Татьяной и его холодныхъ совѣтовъ. Содержаніе всей сцены изображено въ слѣдующихъ безсвязныхъ словахъ: «Когда бѣ я думалъ о бракѣ, когда бы мирная семейственная жизнь нравилась моему воображенію, то я бы васъ выбралъ—никого другаго. . . я бы въ васъ на-

(*) Мы забыли сказать, что первый образецъ программы для стихотвореній мы встрѣтили еще въ Кишиневской тетради поэта, передъ лирической пѣснью: *Наполеонъ*. Вотъ ея содержаніе: «Народы спрашиваютъ: Тотъ ли, который. . . Гдѣ онъ? . . . Угасъ тотъ, который *то и то* — и Россію. . . . Но да не упрекать его Русской. . . . Россія славна — бѣдная Франція въ униженіи. . . . Онъ объ ней мыслить. . . . Островъ Елены — тамъ онъ думалъ объ Россіи. . . .»

шелъ . . . но я не созданъ для блаженства etc. . . . (недостойнъ) . . .
 Мнѣ ли соединить мою судьбу съ вашей? . . . Вы меня избрали:
 вѣроятно я первая ваша passion—но увѣрены ли. . . . Позвольте
 вамъ совѣтъ дать». Здѣсь мы уже видимъ, что поэту даже пред-
 ставлялась, въ ту минуту, какъ онъ писалъ свою программу—
 самая поэтическия форма будущаго монолога. Въ ней встрѣчаете
 вы уже одинъ полный стихъ его, и словомъ «недостойнъ» въ
 скобкахъ обозначено три слѣдующихъ за нимъ:

«Но я не созданъ для блаженства:

Ему чужда душа моя;

Напрасны ваши совершенства:

Ихъ вовсе недостойнъ я.»

Несмотря на это, поэтъ не бросилъ своей программы, увѣренный,
 что найдетъ свое добро тотчасъ какъ захочетъ. Спокойно до-
 писалъ онъ свои замѣтки и вслѣдъ за ними началъ:

Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ

Я ограничить захотѣлъ;

Когда бъ мнѣ быть отцемъ, супругомъ

Пріятный жребій повелѣлъ; . . .

и такъ, не отступая отъ значковъ, поставленныхъ на пути сво-
 емъ, дописалъ онъ весь превосходный монологъ Онѣгина
 Все это принадлежитъ къ сокровеннымъ тайнамъ творчества,
 заслуживающимъ изученія.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ полной черновой рукописи *Бо-
 риса Годунова*. Въ тетрадахъ Пушкина остались только четыре
 первыя сцены, начиная съ разговора Шуйскаго и Воротынскаго
 въ Кремлевскихъ Палатахъ до сцены лѣтописца Пимена въ Чу-
 довомъ Монастырѣ включительно; но и это принадлежитъ къ
 драгоценнымъ остаткамъ для тѣхъ, кто понимаетъ значеніе пер-
 выхъ плановъ, по которымъ выстроились великія произведенія.
 Борисъ Годуновъ писался вмѣстѣ съ Цыганами, вмѣстѣ съ IV и
 другими главами Онѣгина, которыя перерѣзываютъ его, такъ
 сказать, во многихъ мѣстахъ. Въ добавокъ еще, между первой
 и второй сценой его, находится черновая записка, касающаяся
 лично до Пушкина и написанная, какъ будто, отъ бездѣля.

Всего замѣчательнѣе, что сцена лѣтописца Пимена, проникнутая съ начала до конца поэтическимъ вдохновеніемъ, прерывается нѣсколько разъ, подтверждая несомнѣннымъ образомъ свидѣтельство автора, что онъ поджидалъ вдохновенія, когда необходимо было его участіе въ созданіи. Съ перваго монолога Пимена, со стиха: «Немного словъ доходитъ до меня,» Пушкинъ покидаетъ лѣтописца, набрасываетъ строфу изъ Цыганъ, стихотвореніе: *Сожженное письмо*, XVII и XXIII строфы Евгенія (IV главы) и возвращается къ нему съ пророческимъ сномъ Григорія, столь удивительно просто изложеннымъ и столь зловѣщимъ въ устахъ молодаго послушника:

«Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мучилъ . . . и проч.

Между прочимъ эти три превосходные стиха находятся еще въ видѣ одного, не вполне развитаго въ рукописи. Тамъ вмѣсто ихъ еще читается только: «*Три раза въ ночь злой врагъ будилъ меня.*» Разсказъ Григорія написанъ въ первыхъ числахъ Января 1825. Онъ при самомъ началѣ оставляется Пушкинымъ для XXIV строфы Онѣгина (IV главы) и многихъ другихъ строфъ, попавшихъ въ слѣдующія главы романа. Поэтъ нашъ возвращается къ Григорію послѣ нихъ и приноситъ описаніе его томленій въ кельѣ благочестиваго отшельника, его мыслей о старцѣ, трудящемся за лѣтописью:

«Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ. . . .»

Вотъ начинаются тоскливые, мятежные распросы его о быломъ, о дворѣ Іоанна, его роскоши, о битвахъ и раздаются величавый голосъ инока — этотъ голосъ, который въ тишинѣ отшельнической кельи, ночью, звучитъ какъ умиротворяющій благовѣстъ и какъ живое слово изъ дальнихъ вѣковъ.

«Не сѣлуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. . . .»

И тутъ-то невольно поражены вы прозаической строкой, предшествующей всему этому монологу, въ которомъ древняя наша исторія облачилась въ одежду чудной поэзіи. Строка эта говоритъ: «Приближаюсь къ тому времени, когда перестало земное быть для меня занимательнымъ.» Достаточно было этихъ бѣдныхъ словъ, чтобъ настроить духъ поэта и держать предъ мысленными его очами и лицо старца, назамѣчающаго преступныхъ волненій послушника и лицо послѣдняго, страстно слѣдящаго за рассказомъ инока, гдѣ уже смутно предчувствуется ему возможность дерзкаго замысла и преступленія. Къ несчастію повѣствованіе лѣтописца прерывается въ рукописи на 8 стихѣ, за нимъ слѣдуютъ нѣкоторыя стихотворныя фразы Онѣгина (строфы xxv, iv-й главы):

«Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой. . .» и проч.

съ воображаемымъ портретомъ Ольги, тутъ же нарисованнымъ перомъ, и т. д., но Бориса Годунова мы уже болѣе не находимъ.

Не смотря на свою первоначальную форму, по видимому непогрѣзительную, сцена эта, при окончательной отдѣлкѣ, получила еще бѣльшую полноту, развитіе и устройство. Многіе ея стихи добавлены и исполнены содержанія, какъ мы уже видѣли въ одномъ примѣрѣ. Произошла удивительная перестановка монолога; такъ монологъ Григорія:

«Борись! Борись! все предъ тобой трепещеть. . . ,»

который въ печати превосходно замыкаетъ все явленіе, стоялъ прежде въ началѣ его, тотчасъ послѣ размышленія Пимена: «Еще одно послѣднее сказанье. . . .» вмѣстѣ съ тѣмъ выпущено было и много поэтическихъ фразъ, которыя современной своей живостью противорѣчили торжественному и спокойному выраженію, какое прилично исторической картинѣ. Два удивительные стиха, напримѣръ, замыкающіе раздумье Пимена надъ лѣтописью своею:

«Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходить до меня

въ рукописи еще выражаются десятью стихами. Это ихъ первоначальная форма, которую здѣсь и приводимъ:

«Передо мной опять выходятъ люди,
 Уже давно покинувшіе міръ,
 Властители, которымъ былъ покоренъ,
 И недруги и старые друзья—
 Товарищи моей цвѣтущей жизни. . .
 Какъ ласки ихъ мнѣ радостны бывали,
 Какъ живо жгли мнѣ сердце ихъ обиды!
 Но гдѣ же ихъ знакомый ликъ и страсти?
 Чуть-чуть ихъ слѣдъ ложится легкой тѣнью —
 И мнѣ давно, давно пора за ними! . . .

Такъ создавалась эта гениальная сцена, плодъ глубокаго размышленія и неослабнаго поэтическаго вдохновенія, которая по силѣ творчества, въ ней проявившагося, есть столько же наше достояніе, сколько и достояніе литературъ всѣхъ образованныхъ народовъ.

Самъ авторъ любилъ ее и предназначилъ ей роль весьма важную. Онъ помѣстилъ сцену лѣтописца въ первомъ номерѣ журнала, только что появившагося (Московскій Вѣстникъ 1827), съ цѣлію испробовать на ней вкусъ публики и узнать впечатлѣніе, какое произведетъ первый опытъ драмы, основа которой вращается на историческомъ изученіи и на теоріи творчества, еще не имѣвшей у насъ приложенія. Кажется, что опытъ былъ неудаченъ. Общее мнѣніе поражено было новымъ направленіемъ, какое принялъ поэтъ, но не увлечено имъ. Весьма немногіе угадали въ отрывкѣ поэтическое откровеніе одной народнои эпохи. Наибольше расположенные къ поэту еще признавали достоинство стиха, но другіе, числительно сильнѣйшіе—не видѣли уже прежняго сладкозвучнаго пѣвца своего за этимъ бѣлымъ стихомъ, и сожалѣли о юношескихъ, блестящихъ его произведеніяхъ, гдѣ рифма заканчивала образъ, всѣмъ понятный и увлекательный. Толки, возбужденные отрывкомъ, привели Пушкина къ мысли, что весь споръ о Классицизмѣ и Романтизмѣ былъ оптическій обманъ, созданный журналами, которому и онъ самъ поддался, и что необходимость преобразованія литературныхъ формъ не лежала въ общихъ потребностяхъ, въ дѣйствительно возмужаломъ и измѣнившемся вкусѣ публики. Почти съ той же минуты сталъ Пушкинъ считать трагедію свою анахронизмомъ

и смотрѣть съ ироніей на предположеніе свое создать народную драму. Какъ ни горекъ былъ опытъ, но авторъ нашель ему оправданіе въ общемъ Французско-классическомъ воспитаніи, какое получило все современное поколѣніе. Мы уже знаемъ, что Пушкину всегда казались смѣшными маленькія попытки преобразования, а несвоевременность бѣльшого преобразования сама собой привела его къ заключенію, что авторъ долженъ подчиняться литературнымъ законамъ, уже признаннымъ всѣми и всѣхъ удовлетворяющимъ. Онъ началъ развивать эту мысль въ длинномъ письмѣ, одна часть котораго была уже совсѣмъ обдѣлана. Прилагаемъ ее здѣсь — и если въ строкахъ этихъ скорѣе проглядываетъ иронія и чувство огорченія, чѣмъ истинное убѣжденіе, то мы поймемъ, какъ тяжело долженъ былъ по-дѣйствовать на Пушкина неуспѣхъ его любимой и знаменитой сцены:

«Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ судьбѣ *Годунова*. Ваше нетерпѣніе видѣть его очень лестно для моего самолюбія; но теперь, когда, по стеченію благоприятныхъ обстоятельствъ, открылась мнѣ возможность его напечатать, предвижу новыя затрудненія, мною прежде не подозрѣваемыя (*).

«Съ 1820 года, будучи удаленъ отъ Московскихъ и Петербургскихъ обществъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей Словесности. Читая жаркіе споры о Романтизмѣ, я вообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучили правильность и совершенство классической древности и блѣдныя, однообразныя списки ея подражателей; что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ новой, народной поэзіи. Мнѣ казалось однако довольно страннымъ, что младенческая наша Словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, Французская Словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно причиною сего явленія. Искренно признаюсь, что я воспитаю»

(*) Строки эти вписаны, по всѣмъ вѣроятіямъ, тоже въ 1829 году.

въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, какою, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно поработать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, не смотря на грамматическія оковы.»

За тѣмъ слѣдуетъ необдѣланная, разбросанная часть письма, изъ которой и приводимъ слѣдующіе отрывки, съ трудомъ прочтенные, но списанные уже со всевозможною точностью.

1) «Между тѣмъ, читая мелкія стихотворенія, величаемыя романтическими, я въ нихъ не видѣлъ и слѣдовъ искренняго и свободнаго хода романтической поэзіи, но жеманство лже-классицизма Французскаго.»

2) «Все это сильно поколебало мою авторскую увѣренность: я началъ подозрѣвать, что трагедія моя есть анахронизмъ.»

3) «Скоро я въ томъ удостовѣрился. Вы читали въ 1-й книжкѣ Московскаго Вѣстника отрывокъ изъ Бориса Годунова, сцену лѣтописца. Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти Царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности, дышать въ сихъ драгоценныхъ памятникахъ временъ давно-минувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись Кн. Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ.»

4) «Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для Русскаго сердца; что трогательное добродушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь постигнутое Карамзиннымъ и отразившееся въ его безсмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ

стиховъ и заслужить снисходительную улыбку читателей. Чтожь вышло? Обратили вниманіе на политическія мнѣнія Пимена и пашли ихъ запоздалыми; другіе сомнѣвались, могутъ ли стихи безъ рифмъ назваться стихами. Г-нъ З. предложилъ промѣнять сцену Бориса Годунова на картинку Дамскаго Журнала. Тѣмъ и кончился строгій судъ почтеннѣйшей публики.»

5) «Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что Г-нъ З. и публика правы, но что Гг. журналисты виноваты ошибочными извѣстіями, введенными меня въ искушеніе. Воспитанные подъ влияніемъ Французской критики, Русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея законы. *Нововведенія опасны и, кажется, не нужны.*»

Не надо и прибавлять, что это заключеніе, свидѣтельствующее такъ положительно о глубокой ранѣ, нанесенной холодною публики надеждамъ и ожиданіямъ поэта, было только дѣломъ минуты, перваго впечатлѣнія. Пушкинъ не могъ остановиться на немъ уже и по силѣ таланта, безпрестанно понуждавашаго его къ новой дѣятельности, къ новымъ попыткамъ и, еще болѣе, по характеру, который не выносилъ рѣзкихъ опредѣленій и неспособенъ былъ къ долгому упорству въ ложной рѣшимости. Онъ возвратился къ драмѣ «романтической,» какъ онъ называлъ художественныя драматическія произведенія вообще, уже не рассчитывая на успѣхъ и не думая о немъ, движимый единственно потребностью творчества и создалъ тѣ гениальныя сцены, которыя стоятъ въ Русской литературѣ до-сихъ-поръ въ удивительномъ величіи.

Переходя отъ литературныхъ убѣжденій, порожденныхъ или укрѣпленныхъ Борисомъ Годуновымъ, къ историческому созерцанію, которое Пушкинъ почерпнулъ въ немъ же, легко замѣтить, что оно состояло преимущественно въ спокойномъ, безкорыстно-благородномъ уваженіи къ прошлымъ дѣятелямъ на исторической сценѣ нашего отечества. Еще въ Одессѣ думалъ онъ о важности обязанностей, лежащихъ вообще на человѣкѣ и, особенно, на писателѣ, который своимъ происхожденіемъ связанъ съ сословіемъ, наиболѣе участвовавшимъ въ общемъ пре-

*

успѣяніи нашего отечества. Съ жаромъ объяснял онъ свою мысль, которая предписывала не Байроновскую спѣсь, а строгое, благородное пониманіе своего призванія. Работы, предшествовавшія Годунову, отдѣлили все случайное, личное, наносное въ этомъ взглядѣ и превратили его въ сочувствіе къ давно-прошедшимъ лицамъ, къ пониманію ихъ трудовъ, ошибокъ и успѣховъ въ дѣлѣ прославленія и нравственнаго развитія отчизны. Эта отвлеченная, кабинетная, такъ сказать, любовь къ прошедшему, не связанная ни съ какой посторонней, корыстной мыслию, составила основаніе его сужденій объ историческихъ лицахъ и эпохахъ и сообщила имъ теплоту и чувство. Онъ выразилъ ее превосходно въ одной замѣткѣ, помѣщенной, со многими другими, въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ: «Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда нашего сердца?» Другая рукописная замѣтка тоже объясняетъ ее: «Образованный Французъ или Англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни Исторіи. Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго...» Чѣмъ глубже проникали его историческія изысканія, тѣмъ болѣе очищалась и свѣтлѣла эта симпатія къ отечественнымъ дѣятелямъ и эпохамъ, которая не исключала сочувствія къ достоинству и благородству на всѣхъ ступеняхъ общества, а напротивъ вызывала и укрѣпляла его. Въ той же, послѣдней замѣткѣ онъ прибавляетъ, что потомство Мининыхъ и Ломоносовыхъ, по справедливости, можетъ гордиться сими именами, какъ лучшимъ своимъ достояніемъ. Съ уваженіемъ смотрѣлъ онъ и на собственныхъ предковъ, говорилъ объ нихъ съ любовью и часто возвышался до поэтическаго представленія эпохи, видѣвшей ихъ дѣятельность. Такъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1846 года (Апрѣль, томъ 45) приведено пять строфъ неизданнаго стихотворенія, посвященнаго памяти предковъ его; объ этомъ произведеніи мы скажемъ еще нѣсколько словъ впоследствии.

Вообще, взглядъ глубокаго сочувствія и глубокаго уваженія

къ сошедшимъ въ вѣчность историческимъ лицамъ сдѣлался въ Пушкинѣ даже мѣриломъ, по которому онъ судилъ степень способностей въ другихъ людяхъ къ полезному историческому труду вообще.

Собравъ такимъ - образомъ почти всѣ свидѣтельства, какія нужны были для полного уразумѣнія важности этого произведенія въ жизни Пушкина и въ отечественной Словесности, мы удерживаемся отъ оцѣнки его, предоставляя это специальному труду критиковъ. Много и много слѣдуетъ говорить объ этихъ сценахъ, рисующихъ намъ столкновение двухъ различныхъ, хотя и одноплеменныхъ народовъ, сценахъ, принадлежащихъ къ рѣдкимъ памятникамъ, гдѣ исторія, оживленная поэтическимъ вдохновеніемъ, проходитъ передъ глазами нашими во всей своей яркости, пестротѣ и жизни. Начиная съ Русскаго величаваго пониманія властительныхъ обязанностей, до блестящаго хвастовства Самозванца; съ начальнаго, ученическаго труда Θεодора Годунова, до Латинскихъ стихотворцевъ, сопровождающихъ станы Литовскихъ вельможъ; съ затворнической любви Ксеніи, до хитраго кокетства Марины; начиная со способа выражать мысли, столь различнаго въ двухъ партіяхъ, до ихъ пониманія своихъ обязанностей и своего достоинства — все это представляетъ удивительно-яркую картину двухъ противоположныхъ цивилизацій, поставленныхъ лицомъ другъ къ другу и на минуту смѣшавшихся въ общемъ хаосѣ, порожденномъ обстоятельствами. Конечно, всякій, кто прочтетъ Бориса Годунова, съ глубокимъ сожалѣніемъ подумаетъ о продолженіи хроники, которое замышлялъ Пушкинъ и, можетъ быть, остановился по неуспѣху перваго опыта. Въ этомъ продолженіи Словесность наша потеряла новое, рѣдкое вообще поясненіе исторіи — поэзіей. Съ Бориса Годунова, Пушкинъ ушелъ въ самого себя, распростился на время съ прихотливымъ вкусомъ публики и ея требованіями, сдѣлался художникомъ про себя, творящимъ уединенно свои образы, какъ онъ вообще любилъ представлять художника. Слѣдующія задумчивыя и трогательныя Французскія строки, найденныя нами въ двухъ отрывкахъ, свидѣлствуютъ это несомнѣннымъ образомъ. Ими и заключаемъ всѣ свѣдѣнія, собранныя нами вокругъ

трагедіи, составляющей первое звено самобытныхъ произведеній нашего поэта. Скажемъ только, что и они готовились для предисловія къ Борису Бодунову.

Первый отрывокъ:

«Pour une préface. Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence passionnée mes premiers essais et dans un tems, où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quitte envers moi — leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux.»

Второй отрывокъ:

«Je me présente ayant renoncé a ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur, avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie (*).»

Такъ прощался Пушкинъ съ публикой, и не на однихъ словахъ, какъ увидимъ.

Въ 1825 году Пушкинъ былъ обрадованъ посѣщеніемъ нѣкоторыхъ друзей своихъ, а въ томъ числѣ и Дельвига. Поэтъ нашъ выразилъ благодарность свою за это вниманіе дружбы въ нѣкоторыхъ стихотворныхъ посланіяхъ къ гостямъ своимъ, но къ-сожалѣнію мы весьма мало имѣемъ свѣдѣній о времяпровожденіи и вообще объ образѣ жизни ихъ въ Михайловскомъ. Каса-

(*) *Первый отрывокъ:* «Для предисловія. Публика и критика, принявшія мои первые опыты съ живымъ снисхожденіемъ и притомъ въ такое время, когда строгость и недоброжелательство отвратили бы меня, вѣроятно, навсегда отъ поприща, мною избираемаго, заслуживаютъ полной моею признательности: они расплатились со мной совершенно. Съ этой минуты ихъ строгость или равнодушіе уже не могутъ имѣть вліянія на труды мои.»

Второй отрывокъ: «Представляюсь съ новыми пріемами въ созданіи. Не имѣя болѣе надобности заботиться о прославленіи неизвѣстнаго имени и первой своей молодости, я уже не смѣю надѣяться на снисхожденіе, съ которымъ былъ принять доселѣ. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я изъ ряда ея любимцевъ, принося ей глубокую мою благодарность за все то расположеніе, съ которымъ принимала она слабые мои опыты въ про-
дложеніи 10 лѣтъ моей жизни.»

тельно Дельвига сохранился только намекъ въ письмѣ Пушкина къ брату въ Петербургъ: «Какъ я былъ радъ Баронову прїѣзду. Онъ очень милъ! Наши въ него влюбились, а онъ равнодушенъ, какъ колода, любить лежать на постелѣ, восхищаясь Чигринскимъ старостою; приказываетъ тебѣ кланяться; мысленно цѣлуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей, напримѣръ устриць» Въ томъ же году и семейство поэта, отецъ и мать его, покинули деревню. Съ отъѣздомъ семейства и друзей, вокругъ Пушкина образовалось полное уединеніе, такъ много способствовавшее развитію его идей и таланта. Единственная деревенская сосѣдка его, въ семействѣ которой любилъ онъ отдыхать отъ трудовъ и мыслей, волновавшихъ его, тоже покидала Тригорское. Пушкинъ оставался въ деревнѣ совершенно одинъ съ няней своей и трагедіей, какъ самъ писалъ. Впрочемъ онъ еще проводилъ сосѣдей до Пскова, извѣщая при томъ друзей, что ѣдетъ совѣтоваться съ докторами объ аневризмѣ гдѣ сердца, который предполагалъ въ себѣ. Время пребыванія въ Псковѣ онъ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли — изученію народной жизни. Онъ изыскивалъ средства для отысканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ Пскова.

Не удивительно послѣ того, что П. В. Кирѣевскій, въ предисловіи къ своему «Собранію народныхъ Пѣсень», напечатанныхъ въ Читеніяхъ Общества любителей Исторіи 1848, Москва. № 9, говоритъ слѣдующее: «А. С. Пушкинъ еще въ самомъ началѣ моего предпріятія доставилъ мнѣ замѣчательную тетрадь пѣсень, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи.» Если не ошибаемся, начало предпріятія П. В. Кирѣевского должно отнести къ 1830 году. Пушкинъ въ это время уже владѣлъ значительнымъ количествомъ памятниковъ народнаго языка, добытыхъ собственнымъ трудомъ.

Въ бумагахъ Пушкина сохранилась любопытная записка, писанная карандашемъ. Это заглавіе разныхъ стихотвореній, со-

зданныхъ до 1826 года включительно. Нѣкоторыя изъ этихъ заглавій, измѣненныя или выпущенныя въ изданіяхъ его сочиненій, состоятъ изъ собственныхъ именъ, и такимъ образомъ знакомятъ съ лицами, внушившими ему поэтическіе образы или направившими его вдохновеніе. Такъ извѣстная пьеса: *Я помню чудное мгновеніе* носить у Пушкина заглавіе: «Къ А. П. К.»; другое стихотвореніе обозначено словами: «Къ Кн. Гол.» (это извѣстная его пьеса: «*Давно объ ней воспоминанье*»); третье, тоже весьма извѣстное стихотвореніе, озаглавлено просто: «Къ Зинѣ.»

Но для насъ всего важнѣе въ этой запискѣ перечетъ утерянныхъ или, по крайней мѣрѣ, еще скрывающихся его стихотвореній, которыя и въ бумагахъ его не находятся. Таковы посланія: къ *Гр. О**, къ *Р** и, наконецъ, коллекція пѣсень о С. Разинѣ, обозначенная въ запискѣ просто: *Пѣсни о С. Разинѣ*. Вѣроятно, что она принадлежала къ тому собранію пѣсень, часть которыхъ послана была П. В. Кирѣевскому.

По поводу пѣсень и вообще народныхъ произведеній слѣдуетъ, однакожъ, сдѣлать необходимое замѣчаніе. Между сборникомъ этихъ памятниковъ и попытками художественнаго воспроизведенія, ихъ манеры и содержанія въ сказкахъ и въ разныхъ другихъ формахъ поэзіи, былъ еще у Пушкина третій отдѣлъ народныхъ произведеній, болѣею частію неизвѣстный публикѣ. По сущности своей, отдѣлъ этотъ принадлежитъ отчасти простому, вѣрному сборнику, а отчасти переходитъ въ область подражанія и искусственныхъ соображеній своими поддѣлками, украшеніями и исправкой подробностей. Эти полу-народныя, полу-выдуманныя произведенія сохраняются у Пушкина въ первомъ, еще необдѣланномъ видѣ и, вѣроятно, такъ остались бы и при болѣе долгой жизни поэта. Онъ забылъ объ нихъ и, можетъ быть, потому, что самъ былъ недоволенъ смѣшеніемъ творчества личнаго и условнаго съ общенароднымъ и непосредственнымъ творчествомъ, какое въ нихъ уже неизбежно. Можетъ статься, онъ былъ правъ, но надо сказать, сила Пушкина и близкое знакомство съ духомъ Русской поэзіи выступаютъ тутъ особенно ясно. Складъ и теченіе рѣчи удивительно близко подходятъ къ обыкновеннымъ приемамъ народноі фантазіи, и только по особенной полнотѣ и граціи

подробностей видите, что тутъ прошла творческая рука поэта. Они кажутся деревенской пѣсней, пропѣтой великимъ мастеромъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается и тайна особеннаго наслажденія, доставляемаго ими. Для образца выписываемъ пѣсню или, лучше, рассказъ о Медвѣдѣ, созданный по этому способу, который такъ рѣдко удается писателямъ менѣе гениальнымъ, менѣе проникнутымъ духомъ народныхъ созданий.

Какъ весенней теплою порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Чго изъ лѣсу, лѣсу дремучаго —
Выходила медвѣдица,
Съ малыми дѣтушками-медвѣжатами,
Поиграть, погулять, себя показать.
Сѣла медвѣдица подъ березкой;
Стали медвѣжата про межъ собой играть,
Обниматися, боротися,
Боротися, да кувыркатися.
Отколь ни возмись мужикъ идетъ:
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечами.
Какъ завидѣла медвѣдица
Мужика съ рогатиной,
Заревѣла медвѣдица,
Стала кликать дѣтушекъ,
Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
«Ахъ, вы дѣтушки, медвѣжатушки!
«Перестаньте валятися,
«Обниматися, кувыркатися!
«Становитесь, хоронитесь за меня.
«Ужь я васъ мужику не выдамъ,
«Я сама мужику брюхо выѣмъ!»
Медвѣжатушки испужалися,
За медвѣдику побросалися,
А медвѣдица осержалася —
На дыбы подымалася.
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдику,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,

Что по выше пупа, пониже печени.
 Грянулась медвѣдиха о сыру землю;
 А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
 Брюхо поролъ, да шкуру снималъ,
 Мальхъ медвѣжатъ въ мѣшки поклалъ,
 А поклавши-то домой пополъ:
 «Вотъ тебѣ жена подарочекъ
 Что медвѣжья шуба въ 50 рублейъ,
 А что вотъ тебѣ подарочекъ
 Трои медвѣжатъ по 5 рублейъ.»

* *
* *
* *

Не звоны пошли по городу,
 Пошли вѣсти по всему по лѣсу.
 Дошли вѣсти до медвѣда чернобурова,
 Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
 Распоролъ ей брюхо бѣлое,
 Медвѣжатушокъ въ мѣшокъ поклалъ.
 Въ ту-пору медвѣдъ запечалился,
 Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ
 По свою ли сударушку,
 Чернобурюю медвѣдиху:
 «Ахъ ты свѣтъ моя медвѣдиха!
 «На кого меня покинула . . . ?
 «Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярней,
 «Веселой игры не итывати,
 «Милыхъ дѣтушекъ не рожати,
 «Медвѣжатушекъ не качати,
 «Не качати, не баюкати!»
 Въ ту пору звѣри собиралися
 Ко тому ли медвѣдю—ко боярину:
 Прибѣгали звѣри большіе,
 Прибѣгали тутъ звѣришки мѣньшіе
 Прибѣгалъ тутъ волкъ
 У него-то зубы закусливые,
 У него-то глаза завистливые!
 Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость,
 У него-то бобра жирный хвостъ!
 Приходила ласточка-дворяночка,
 Приходила бѣлочка-княгиничка,
 Приходила лисица-подъячиха —

Подъячиха, казначейка!
 Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
 Прибѣгалъ тутъ зайка — смердъ,
 Зайка бѣдненькой, зайка сѣренькой!
 Приходилъ цѣловальникъ — ёжъ:
 Все-то онъ ёжъ ёжится,
 Все-то онъ щетинится!

.....

Гораздо позднѣе Пушкинъ написалъ шутку въ этомъ же родѣ: *монологъ пьянаго мужика*, къ которому приложилъ даже и картинку отъ руки, собственнаго издѣлія, изображающую веселаго разскащика за стаканомъ вина, въ послѣдней степени вакхическаго одушевленія. Кстати прилагаемъ здѣсь и этотъ отрывокъ:

Свагъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
 Непремѣнно ужъ помянемъ
 Трехъ Матреть, Луку съ Петромъ,
 Да Пахомовну потомъ.
 Мы живали съ ними дружно;
 Ужъ какъ хочешь-будь что будь —
 Этихъ надо помянуть,
 Помянуть намъ этихъ нужно.
 Поминать такъ поминать,
 Начинать, такъ начинать,
 Лить такъ лить, разливъ разливомъ.
 Начинай же сватъ, пора!
 Трехъ Матрень, Луку съ Петромъ
 Мы помянемъ пивомъ,
 А Пахомовну потомъ
 Пирогамъ, да виномъ,
 Да еще ее помянемъ —
 Сказки сказывать мы станемъ.
 Мастерца вѣдь была!
 И откуда что брала?
 А куда разумны шутки,
 Приговорки, прибаутки,
 Небылицы, былины
 Православной старины!
 Слушать-такъ душѣ отрадно;
 Кто придумалъ ихъ такъ складно?

И не шль бы, и не ѣль
 Все бы слушаль, да глядѣль.
 Стариковъ когда-нибудь
 (Жаль, теперъ намъ недосужно)
 Надо будетъ помянуть.
 Помянуть и этихъ нужно
 Слушай свать: начну первой
 Сказка будетъ за тобой

Отсюда снова возвращаемся къ перепискѣ Пушкина. За скудостію подробностей о жизни поэта, она, по крайней-мѣрѣ, довольно ясно рисуетъ нравственную его фizioномію. Мы начнемъ прямо съ одного письма (къ Дельвигу), которое, можетъ стать, болѣе всѣхъ другихъ вводитъ насъ прямо во всѣ литературныя, задушевные убѣжденія человѣка, написавшаго его. Оно носитъ почтовый штемпель гор. Опочки, съ числомъ: 8 Іюня 1825 г.

«Жду, жду писемъ отъ тебя — и не дождусь. Не принялъ ли ты опять въ услуженіе покойнаго Никиту, или ждешь оказія? Проклятая оказія! Ради Бога, напиши мнѣ чтонибудь: ты знаешь, что я имѣлъ несчастіе потерять бабушку Ч. и дядю Петр. Льв. Получилъ эти извѣстія безъ пріготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи. Утѣшь меня: это священной долгъ дружбы (сего священнаго чувства)!

«Что дѣлаютъ мои *Разн. стих.*? Отъ Плетнева не получилъ ни одной строчки; что мой Онѣгинъ? Продается ли? По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего—и вотъ мое окончательное мнѣніе. Эготъ чудакъ не зналъ ни Русской грамоты, ни духа Русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ *Оды*, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что же въ немъ? *Мысли, картины и движенія истинно поэтическія.* Читая его, кажется, читаешь дурной, вольпой персводъ съ какого-то чудеснаго подлинника Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не

скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ. У Державина должно сохранить будетъ одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ С***. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно объ Державинѣ. (*) Что дѣлаеть Жуковскій? Передай мнѣ его мнѣніе о 2-й главѣ *Опъгина*, да о томъ, что у меня въ пальцахъ. Какую Крыловъ выдержалъ операцію! Дай Богъ ему многія лѣта! Его *Мѣльникъ* хорошъ какъ *Демьянъ и Шока*. Видѣлъ ли ты Н. М.? Идетъ ли впередъ исторія? гдѣ онъ остановился? . . .»

Письмо это само собою приводитъ насъ къ попыткѣ опредѣлить вообще взглядъ Пушкина на Русскую литературу прошлаго столѣтія. Большимъ пособіемъ для такого труда можетъ служить статья Пушкина: «О предисловіи Г. Лемонте къ баснямъ Крылова,» изданнымъ во Французскомъ и Итальянскомъ переводахъ, въ Парижѣ, при помощи 89 Французскихъ и Итальянскихъ писателей, собранныхъ усиліями соотечественника нашего, Графа Г. Г. Орлова, напечатавшаго потомъ труды ихъ въ двухъ томахъ. Статья Пушкина, по поводу предисловія Лемонте, написана была въ 1825 году и тогда же напечатана въ Московскомъ Телеграфѣ (1825; часть v, № xvii), съ подписью: Н. К.; но въ посмертное изданіе его сочиненій не попала. Въ ней опредѣляетъ онъ значеніе поэта этими превосходными словами:

«Поэзія бываетъ исключительною страстію не многихъ; она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни» и проч.

По этому опредѣленію, отдавая справедливость заслугамъ Ломоносова въ отношеніи перваго созданія стихотворной формы и, особенно, въ отношеніи ввода въ языкъ величавыхъ оборотовъ церковнаго стила, Пушкинъ не признаетъ его поэтомъ. Самъ

(*) Приведенное здѣсь сужденіе Пушкина о Державинѣ относится къ 1825 г., какъ видимъ. Далѣе читатель убѣдится, что съ теченіемъ времени, накопленіемъ опытности, идей и развитіемъ мыслящей способности, Пушкинъ измѣнилъ свои сужденія какъ о Державинѣ, такъ и о другихъ старыхъ писателяхъ нашихъ къ лучшему. Такимъ образомъ отрывки Пушкина дѣлаются поучительнымъ примѣромъ, какъ истинно замѣчательный писатель поправляетъ свои сужденія и предостерегаетъ тѣмъ другихъ отъ раннихъ увлеченій, кончающихся неизбѣжно раскаяніемъ.

Ломоносовъ, по другой замѣткѣ нашего поэта, немного дорожилъ славой стихотворца, отвращенный отъ нея успѣхами Сумарокова, «бездарнѣйшаго изъ подражателей», по мнѣнію Пушкина. «Стихотворство для Ломоносова, говоритъ Пушкинъ, было иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ». Мысль о невозможности предписывать нынѣ чтеніе Ломоносова въ видахъ эстетическаго наслажденія, Пушкинъ выразилъ чрезвычайно-осторожно слѣдующими словами: . . . «Но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ, умершій 70 лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мелочныя почести моднаго писателя!» Со всѣмъ тѣмъ, какъ велико было уваженіе Пушкина къ Ломоносову, свидѣтельствуешь довольно большая и превосходная статья, посвященная исключительно характеристикѣ знаменитаго академика нашего — какъ ученаго, писателя и челоуѣка, и сохраненная настоящимъ изданіемъ. Нельзя пройти здѣсь молчаніемъ, что вѣчный труженикъ, Тредьяковскій, нашель въ Пушкинѣ цѣнителя чрезвычайно снисходительнаго, разумѣется, не въ отношеніи своихъ произведеній, а за свои намѣренія и взглядъ на Словесность. Изъ программы, набросанной Пушкинымъ для статьи о Русской литературѣ, извлекаемъ слѣдующій параграфъ: «Начало Русской Словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, переводитъ Горация, умираетъ 28 лѣтъ. Ломоносовъ, плѣненный гармоніею рима, пишетъ, въ первой своей молодости, оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, *de goûté* славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковскій — одинъ, понимающій свое дѣло . . .»

Конецъ восемнадцатаго столѣтія и начало текущаго находятъ въ Пушкинѣ судью весьма строгаго: «Ничтожество общее, пишетъ онъ въ той же программѣ, Французская обмельчавшая Словесность *envahit tout*. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, М-ме Жанлисъ овладѣвають Русской Словесностію.» Здѣсь еще прибавить слѣдуетъ, что, по отрывкамъ черновыхъ писемъ

къ друзьямъ, можемъ заключить еще объ одной замѣчательной чертѣ, отличавшей сужденіе Пушкина въ эту эпоху его развитія: онъ не признавалъ сильнаго поэтическаго таланта ни въ И. И. Дмитріевѣ, ни въ Богдановичѣ, объясняя ихъ славу, какъ поэтовъ, общимъ, отчасти слѣпымъ соглашеніемъ и подтверждая свое мнѣніе соображеніями, основанными на отсутствіи поэтическихъ образовъ, истинной теплоты и одушевленія.

Дальнѣйшій ходъ жизни, умѣривъ въ Пушкинѣ первый пылъ, какъ самой мысли, такъ и слова, измѣнилъ отчасти и взглядъ его на своихъ предшественниковъ. Сохранивъ многое изъ прежнихъ убѣжденій, онъ, однакожь, смягчилъ большую часть своихъ приговоровъ, а въ отношеніи нѣкоторыхъ писателей открылъ стороны, упущенныя изъ вида при первоначальной оцѣнкѣ. Это могло казаться противорѣчіемъ, хотя въ сущности такіе переходы скорѣе свидѣтельствуютъ о бодрости мысли, чѣмъ о слабости ея. Можетъ быть, рѣдкій человекъ представлялъ столько измѣненій во взглядѣ на искусство, какъ Пушкинъ; но эти-то измѣненія и привели его къ *Борису Годунову*, *Мгдному Всаднику*, и проч. Съ мужествомъ таланта перемѣщалась и точка его зрѣнія на предметы. Прежде своихъ судей понялъ Пушкинъ, что оцѣнка старыхъ писателей, чисто отвлеченная, не заботящаяся объ условіяхъ времени, положенія автора и его отношеній къ общему развитію эпохи — можетъ быть справедлива, но окончательный приговоръ ея рѣдко бываетъ основателенъ. Для достиженія извѣстной степени истины, критику необходимо еще перейти къ исторической точкѣ зрѣнія, при которой всѣ предметы находятъ свои настоящія мѣста и ровно освѣщаются въ глазахъ его, при чемъ даже тѣни и полутѣни приобрѣтаютъ важное значеніе и, по большей части, оправданіе свое. Противорѣчія Пушкина основывались именно на ближайшемъ знакомствѣ съ существомъ дѣла и были признаками его развитія. Онъ самъ понималъ это. Кажется, за годъ до кончины своей, онъ говорилъ одному изъ друзей своихъ: «Меня упрекаютъ въ измѣнчивости мнѣній. Можетъ быть: вѣдь одни глупцы не перемѣняются.»

Пояснивъ такимъ образомъ истинный смыслъ направленія, въ которомъ Пушкинъ находился нѣкогда, намъ уже легко приве-

сти большое полемическое письмо его, написанное противъ одного Обозрѣнія Русской Литературы, въ которомъ заключалось нѣсколько парадоксальныхъ мыслей. Обозрѣніе носило заглавіе: «Взглядъ на Русскую Словесность въ теченіи 1824 и въ началѣ 1825.» Письмо Пушкина служитъ ему отвѣтомъ и писано изъ Михайловскаго, 12 Марта 1825 г.

«Отвѣчаю на первый параграфъ твоего: «Взгляда» У Римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку Геніевъ. Грѣхъ отнять это титло у такихъ людей, каковы: Виргилій, Гораций, Тибулъ, Овидій и Лукрецій, хотя они, кромѣ двухъ послѣднихъ, шли столбовой дорогою подражанія (*). Критики Греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту; сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У Англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Аддисона и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, W. Scott, Moog и Bayron. Изъ этого мудрено вывести какое-нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполне можно примѣнить къ одной Французской литературѣ.

«У насъ есть критика и нѣтъ литературы. Гдѣ же ты это нашелъ? Именно критики у насъ и недостаетъ. Отселъ репутация Ломоносова (уважаю въ немъ великаго челоуѣка, но конечно не великаго поэта: онъ понялъ истинный источникъ Русскаго языка и красоты онаго: вотъ его главная услуга) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно уже не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Державина $\frac{1}{2}$ золотой, $\frac{1}{4}$ свинцовой, до-нынѣ еще не оцѣненъ. Ода «Къ Фелицѣ» стоитъ на ряду съ «Вельможей», ода «Богъ» съ одой «На смерть Мещерскаго», ода «Къ Зубову» недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою. Богдановичъ причисленъ къ великимъ поэтамъ, Дмитріевъ также. Мы не имѣемъ ни сдинаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ, Крыловъ, который стоитъ выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо! Что же ты называешь критикою? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библиографическія извѣ-

(*) «Виновать! Гораций не подражатель.» *Пр. Пушкин.*

стія Греча и Булгарина? . . . Но признайся, что это все не можетъ установить какого-нибудь мнѣнія въ публикѣ, не можетъ почесться уложеніемъ вкуса (*). . . . Но гдѣ же критика? Нѣтъ, фразу твою можешь сказать наоборотъ: Литература кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ. Впрочемъ, ты самъ немного позже съ этимъ соглашаешься.

«Отчего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ? Во-первыхъ у насъ Державинъ и Крыловъ; во-вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ?

«Ободренія у насъ нѣтъ, и Слава Богу. Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніи. . . Вѣкъ Екатерины — вѣкъ ободреній. . . Карамзинъ, кажется, ободренъ. Жуковскій не можетъ жаловаться. Крыловъ также. Гнѣдичъ въ типинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ: посмотримъ когда появится его Гомеръ. . . .

«Ободреніе можетъ оперить только обыкновенныя дарованія. Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елисаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика. Безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха. . . Державину покровительствовали три Царя. Ты не то сказалъ, что хотѣлъ. Я буду за тебя говорить (**).»

(*) «У одного только народа критика предшествовала литературѣ — у Германцевъ.» Прим. Пушкина.

(**) Вотъ еще дополненіе къ этому письму, гдѣ есть нѣсколько замѣтокъ, касающихся того же взгляда и повѣсти: Ревельскій турниръ. «Все, что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междоусобныхъ (прелесть!) подражаніяхъ — прекрасно, выражено сильно и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ. Вообще мысли въ тебѣ кипятъ. Объ Онегинѣ ты не высказалъ всего, что имѣлъ на сердцѣ — чувствую почему и благодарю, но зачѣмъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? Покажеть мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ, а ты достоинъ создать ее.

«Твой турниръ напоминаетъ турниръ Walt. Scott-а. Брось Нѣмцевъ и оборотись къ намъ православнымъ. Да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами. Это хорошо для поэмы Байроновской. Романъ требуетъ *болтовни*: высказывай все на-чисто. Твой Владиміръ говоритъ языкомъ

Но если Пушкинъ былъ строгъ къ прошлымъ дѣтелямъ на литературномъ поприщѣ, то къ современнымъ ему писателямъ сохранялъ уже, безъ измѣненій и безъ ограниченій, удивительное добродушіе и снисходительность. Черта эта уже не можетъ быть пояснена одной извѣстной его осторожностію въ обхожденіи съ людьми. Если послѣднее качество сопутствуетъ ему неразлучно повсюду, то, съ другой стороны, выступаетъ при этомъ новое и гораздо важнѣйшее—желаніе пособить всякому труду, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается благородный характеръ, во всю жизнь не знавшій зависти, можетъ быть, отчасти и потому, что во всю свою жизнь не зналъ соперничества. Не говоря о Жуковскомъ и Батюшковѣ, нападки на которыхъ способны были раздражать Пушкина, но онъ ободрялъ всѣхъ дѣтелей на литературномъ поприщѣ, съ безкорыстіемъ, готовностію на совѣтъ и услугу, которыя не имѣютъ уже другихъ причинъ, кромѣ расположенія къ добру. Многіе изъ нашихъ заслуженныхъ писателей, тогда еще молодые люди и товарищи Пушкина, должны помнить его простое, прямодушное участіе, возбуждавшее силы и нравственную бодрость. Даже нѣкоторая запутанность личныхъ сношеній съ людьми, не имѣла никакого вліянія на это расположеніе цѣнить высоко всякій трудъ и увеличивать его достоинство, изъ опасенія не вполнѣ отдать должное ему. Онъ строго наблюдалъ за собой и преимущественно за своей врожденной склонностію къ шуткѣ и веселости, боясь

Нѣмецкой драмы, смотреть на солнце въ полночь (стр. 330) etc, но описаніе стана Литовскаго, разговоръ плотника съ часовымъ — прелесть. Конечъ также. Впрочемъ вездѣ твоя необыкновенная живость. . . .» Мы уже видѣли письменную полемику между литераторами по поводу Онѣгина, о которой намекаетъ Пушкинъ и въ этомъ письмѣ. Замѣчательно особенно то обстоятельство, что поэтъ предавался полемикѣ только на письмѣ въ это время, а печатной избѣгалъ, полагая, что вѣкъ наступилъ не полемическій. Вотъ что замѣтилъ онъ вскорѣ послѣ своего вмѣшательства въ преніе между Кн. Вяземскимъ и Вѣстникомъ Европы. «Если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойнымъ Гете, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобъ ихъ стравить, поддразнить или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого же занимательно мнѣніе Д. . . ва о мнѣніи Кн. Вяземскаго или мнѣніи П. . . ва о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели, но больше не буду. . . 24 Іюня 1824. Одесса.» Однакоже онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на предметы, лѣтъ шесть спустя, какъ увидимъ.

измѣнить чѣмъ бы то ни было основному правилу списхожденія къ людямъ. Такъ, онъ тщательно избѣгалъ разговора о стихахъ одного изъ своихъ знакомыхъ, потому что они имѣли силу иногда возбуждать въ немъ неудержимый смѣхъ, который старался онъ истощить въ уединеніи своего кабинета. Нѣсколько эпиграммъ, въ которыхъ Пушкинъ долго раскаявался, показали ему необходимость подобной предосторожности съ самимъ собою. Вообще же надо было много самонадѣянности, дерзости и непризнанія чужихъ заслугъ (послѣдняго Пушкинъ не могъ выносить, если относилось оно даже и къ лицамъ, совершенно неизвѣстнымъ ему), надо было много оскорбленій для нравственнаго чувства и нападокъ на собственное его призваніе, чтобъ сдѣлать его литературнымъ врагомъ; но тогда, по другому закону своей природы, онъ уже слѣпо и неудержимо предавался негодованію. . . .

Три поэта составляли для него плеяду, поставленную имъ почти внѣ всякой возможности суда, а еще менѣе, какого-либо осужденія: Дельвигъ, Баратынскій и Языковъ. На Баратынскаго Пушкинъ излил, можно сказать, всю нѣжность сердца, какъ на брата своего по музѣ. Почти нельзя было сдѣлать при немъ ни малѣйшаго замѣчанія о стихахъ Баратынскаго и авторы критикъ самыхъ снисходительныхъ на пѣвца Эды, принуждены были оправдываться предъ Пушкинымъ, и словесно, и письменно. Еще изъ Одессы въ 1824 году (отъ 12 Января) писалъ онъ по прочтеніи элегіи Баратынскаго: *Признаніе*. «Баратынскій прелесть и чудо. *Признаніе*— совершенство. Послѣ него—никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся поступать со мною милостивѣе.» Въ самую эпоху, гдѣ мы находимся, онъ увѣдомлялъ Дельвига о томъ, что остался совершенно одинокимъ въ деревнѣ и прибавлялъ: «Праск. Алек. уѣхала въ Тверь. Сейчас пишу къ ней и отсылаю «Эду.» Что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ, но какое разнообразіе! . . . Гусарь, Эда и самъ поэтъ—всякой говорить по своему. А описанія Финляндской природы! А утро послѣ ночи! А сцена съ отцемъ! Чудо! Видѣлъ я и Слѣпушкина. Неужто никто ему не поправилъ *Святки, Масляницу и Избу?* У него ис-

тинный *свой* талантъ; пожалуйста пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стихотвореній, съ тѣмъ, чтобъ онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своей дорогой. Жду отвѣта.» Съ годами наслажденіе Баратынскимъ только росло въ Пушкинѣ, но имя Слѣпушкина, поставленное вслѣдъ за именемъ любимаго имъ поэта и сопровождаемое такимъ добродушнымъ изъясненіемъ удивленія—опять возвращаетъ насъ къ его готовности на поддержаніе всякаго усилія. Нигдѣ не выразилось это качество благороднаго характера съ такой теплотой; съ такимъ жаромъ какъ при встрѣчѣ первыхъ произведеній Н. В. Гоголя. Въ одномъ старомъ журналѣ, въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду (№ 79, 1831), сохранилось письмо Пушкина къ издателямъ его, тотчасъ по выходѣ: «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки.» Приводимъ его.

«Сейчасъ прочелъ *Вечера близъ Диканьки*. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами, какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались *Вечера*, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

«Ради Бога возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападуть на *неприличіе* его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять *les précieuses ridicules* нашей Словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго (*).»

(*) Изъ многихъ примѣровъ вниманія Пушкина къ талантамъ и вообще готовности на ободрительное понужденіе и совѣтъ, выбираемъ слѣдующіе, первые попавшіеся намъ на память. Въ 1827 году онъ встрѣтилъ С. П. Шевырева

Подъ дѣйствиємъ этого снисходительнаго взгляда на людей, и внѣшнія формы жизни должны были пріобрѣсть и особенное достоинство, и особенную прелесть. Въ обхожденіи Пушкина была какая то удивительная простота, выпрямлявшая человѣка, и съ перваго раза устанавливавшая самыя благородныя отношенія между собесѣдниками. Поэтъ Кольцовъ, введенный въ общество Петербургскихъ литераторовъ, былъ пораженъ дружелюбною откровенностію пріема, сдѣланнаго ему Пушкинымъ. Съ робостію явился онъ къ знаменитому поэту и не встрѣтилъ ни тѣни величаваго благоволенія, ни тѣни покровительственнаго тона, которые тутъ еще могли бы имѣть причину и достаточный поводъ. Пушкинъ крѣпко жмалъ руку Кольцова въ своей рукѣ и заговорилъ съ нимъ какъ съ давнимъ знакомымъ, какъ съ равнымъ себѣ. . . . Черта эта проявляется, такъ сказать, нагляднымъ образомъ въ замѣчательномъ письмѣ Пушкина къ Шишкову 2-му, письмѣ, которымъ онъ связываетъ удивительно просто и благородно, дружескія сношенія, прерванныя временемъ, и которое, по этому, и прилагаемъ здѣсь:

«Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: *Милостивый Государь, лестное*

похвалою его стихотворнымъ произведеніямъ и тутъ же, по изумительной памяти, прочелъ ему на-изусть нѣсколько стиховъ изъ его стихотворенія: «Я есмь. . . .» только-что напечатаннаго. Въ послѣдующихъ годахъ, онъ безпрестанно понуждалъ извѣстнаго нашего артиста, М. С. Щепкина, къ начатію записокъ о своей жизни и сценическомъ поприщѣ своемъ и однажды, раскрывъ бѣлую тетрадь, самъ написалъ ему первую строку будущаго его труда. Одинъ изъ Лицейскихъ его товарищей, занимающій нынѣ почетное мѣсто въ морской службѣ, получилъ отъ Пушкина, при первомъ своемъ отправленіи вокругъ свѣта, длинныя наставленія, какъ вести журналъ путешествія. Онъ рассказывалъ намъ, что Пушкинъ долго изъяснялъ ему настоящую манеру записокъ, предостерегая отъ излишняго разбора впечатлѣній и совѣтуя только не забывать всѣхъ подробностей жизни, всѣхъ обстоятельствъ встрѣчи съ разными племенами и характерныхъ особенностей природы. Баронъ Розенъ, однимъ усиліемъ своимъ выучился Русскому языку до возможной степени совершенства, уже обратилъ на себя его вниманіе, а когда первыя стихотворныя произведенія Барона Розена показали и присутствіе нѣкоторой поэтической способности— Пушкинъ сдѣлался его покровителемъ и наставникомъ. Признавая въ немъ и драматическій талантъ, даже въ большей степени, чѣмъ у Гг. Хомякова и Букольника (какъ это видно изъ небольшой замѣтки, сохранившейся въ запискѣхъ его), Пушкинъ особенно направлялъ его вдохновеніе на лирическій родъ поэ-

ваше знакомство, честь имѣю, покорнѣйшій слуга, такъ - что я не узналъ моего Царскосельскаго товарища. Если заблаго-разсудишь писать ко мнѣ впредь, прошу тебя быть со мною на старой ногѣ; не то, мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись на Кавказѣ: могли бы и стариной трихнууть, и поповѣсничать, и въ язычки постучать. Впрочемъ судьба наша, кажется, одинакова и родились мы видно подъ однимъ созвѣздіемъ. . . . Что стихи? Куда зарылъ ты свой золотой талантъ? Подъ снѣгами Эльбруса, подъ Тифлисскими виноградниками? Если у тебя есть что-нибудь, пришли мнѣ; право сердцу хочется. Обнимаю тебя. Письмо мое безтолково, да некогда мнѣ быть толковѣе.»

Самъ Пушкинъ вѣрилъ въ *простодушіе геніевъ* и часто объяснялъ ею самыя хитрыя изрѣченія, приписываемыя имъ. Онъ могъ дойти до этого вѣрованія и по личному опыту.

Наконецъ въ Михайловскомъ написаны были Пушкинымъ шесть главъ *Онѣгина* и *Графъ Нулинъ*. О лирическихъ его произведеніяхъ и вообще, такъ-называемыхъ, мелкихъ стихотвореніяхъ не упоминаемъ: хронологическій порядокъ, въ которомъ помѣщены они въ нашемъ изданіи, легко укажетъ читателю поэтическую дѣятельность двухъ годовъ его деревенской жизни. Нѣ-

зні, говоря: «Помните, что лирическимъ поэтомъ можно быть только до 35 лѣтъ, а драмы писать до 70 и далѣе.» Въ апогеѣ своей славы, Пушкинъ съ живымъ одобреніемъ встрѣтилъ извѣстную Русскую сказку Г-на Ершова: «Жюнекъ - горбунокъ,» теперь забытую. Первые четыре стиха этой сказки, по свидѣтельству Г-на Смирдина, принадлежатъ Пушкину, удостоившему ее тщательнаго пересмотра. — Такъ точно переводъ Фауста въ стихахъ, сдѣланный Г-мъ Губеромъ, нашелъ въ немъ восторженнаго цѣнителя — и нѣсколько часовъ утра въ продолженіи нѣсколькихъ дней посвящены были провѣркѣ этого перевода, вмѣстѣ съ молодымъ его авторомъ. Мы уже не говоримъ о письмахъ Пушкина, которыми старался онъ утѣшить самую посредственность, обращавшуюся къ нему за совѣтами, и направить ея вниманіе въ другую сторону. Вообще, ни одного призыва къ себѣ не оставлялъ онъ въ пренебреженіи и безъ отвѣта. Въ эпоху всеобщей страсти къ альманахамъ, одинъ молодой человекъ, еще и не окончившій курса воспитанія, обратился къ нему за стихами въ собственный альманахъ, для котораго приготовлено было только одно заглавіе. Пушкинъ тотчасъ же послалъ ему антологическое свое стихотвореніе: *Трудъ* (Мигъ вожделѣнный насталъ) при учтивомъ письмѣ, въ которомъ сожалѣлъ, что ничего болѣе-важнаго въ эту минуту дать не можетъ Альманахъ, разумѣется, никогда и не выходилъ.

сколько только словъ о Графѣ Нулинѣ. Сказочка эта, возбуждавшая такъ много толковъ въ послѣдствіи, обязана происхожденіемъ забавной мысли, которую самъ авторъ рассказываетъ на одномъ клочкѣ бумажки, принадлежащемъ тоже къ разрозненнымъ и въ половину утеряннымъ его запискамъ:

«Въ концѣ 1825 находился я въ деревнѣ, пишетъ Пушкинъ, и, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что еслибъ Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило бъ его предпріимчивость и онъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился бы — и міръ и исторія міра, были бы не тѣ. Мысль пародировать Исторію и Шекспира мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть.» Такъ справедливо, что противъ шутки Пушкинъ не могъ устоять (*).

Не все, однакожъ, чѣмъ ознаменовалось въ поэтическомъ отношеніи деревенское пребываніе Пушкина, отдано было имъ публикѣ. Такъ, между прочимъ, позабылъ онъ въ тетрадахъ своихъ переводъ XXIII пѣсни Аріостова Орlando. Онъ передалъ двѣнадцать октавъ пѣсни, начиная съ половины сотой до 112 включительно, именно то мѣсто, которое въ программѣ ея обозначается словами: *Principio della pazzia di Orlando*, (начало сумасшествія Орlando). Переводъ сдѣланъ весьма небрежно; видно, что для Пушкина это было скорѣе упражненіемъ въ Итальянскомъ языкѣ, чѣмъ настоящимъ творчествомъ: такъ 101 октава имъ не додѣлана, а 110 сокращена въ 4 стиха, впрочемъ полнѣ сохраняющіе содержаніе подлинника. Любопытно, что одинъ стихъ Аріосто въ 103 октавъ затруднилъ Пушкина, который послѣ двухъ приемовъ и оставилъ его не побѣжденнымъ. Стихъ этотъ у Аріоста читается:

Va col pensier cercando in mille modi,
Non creder quel che al suo dispetto crede.

(*) Это уже было почти семейнымъ качествомъ. Самъ Александръ Сергѣевичъ рассказывалъ анекдотъ изъ дѣтства своего. Меньшой братъ его, Николинъка, лежалъ при- смерти. Александра Сергѣевича ввели въ комнату больного; умирающій ребенокъ распозналъ брата, успѣлъ показать ему языкъ и умеръ.

(Мысленно изыскиваетъ тысячи способовъ не вѣрить тому, чему однако же вѣрить на бѣду свою). Пушкинъ сперва перевелъ: «Еще онъ силится не вѣрить,» потомъ зачеркнулъ стихъ и написалъ: «Не вѣрить хочеть онъ, хотъ вѣрить,» а потомъ замаралъ и это! Со всѣмъ тѣмъ поэтическій колоритъ Аріостовой кисти сохраненъ вполне въ этомъ, едва набросанномъ переводѣ и былъ бы истиннымъ подаркомъ публикѣ въ то время. Вспомнимъ, что большинству ея, поэма Аріоста казалась или сухой волшебной сказкой, благодаря Французскимъ переложеніямъ, или напыщенной небылицей — по милости русскихъ переводовъ; поэтического оттѣнка ея оно не знало (*).

Къ этому же времени принадлежитъ и первая мысль о *Египетскихъ ночахъ*. Стихотвореніе: «Чертогъ сіялъ...» было написано въ 1825 году, и если можно удивляться, что Борисъ Годуновъ пролежалъ 6 лѣтъ въ портфель автора, прежде чѣмъ явился въ свѣтъ, то еще болѣе заслуживаетъ изумленія долгій искусть, какому подвержена была эта пьеса, явившаяся въ печати уже по смерти Пушкина. Правда, въ тетради его, она исполнена такихъ помарокъ, что едва можно разобрать нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ. Только съ боку весьма четко написано: «*Aurelius Victor*,» Римскій писатель IV вѣка, который однимъ замѣчаніемъ своимъ о Клеопатрѣ, подаль Пушкину первую мысль стихотворенія. Къ этой пьесѣ поэтъ нашъ возвращался уже потомъ нѣсколько разъ, но здѣсь мы остановимся. Исторія созданія Египетскихъ ночей до такой степени любопытна, по отношенію къ способу творчества у Пушкина, что мы будемъ излагать ее въ своемъ мѣстѣ, съ нѣкоторой подробностію. Имя *Aurelius Victor* указываетъ намъ, покаместъ, на разнообразнѣйшее чтеніе Пушкина въ ту же эпоху. Библиотека его уже росла по часамъ: каждую почту присылали ему книги изъ Петербурга. Надо замѣтить, что Пушкинъ читалъ почти всегда съ перомъ въ рукахъ: страницы Русскихъ альманаховъ и разныхъ другихъ брошюръ были покрыты его замѣтками, теперь, къ сожалѣнію, не существующими. Болѣе важнымъ созданіямъ посвящалъ онъ

(*) Переводъ изъ Аріоста находится у насъ въ Приложеніи VI къ матеріаламъ.

извлеченія и замѣтки на особыхъ листахъ; такимъ образомъ прочелъ онъ въ деревнѣ всего Шекспира и Римскую Исторію Тацита. Письма Пушкина о Годуновѣ, приведенныя нами, достаточно показываютъ его глубокое пониманіе произведеній великаго драматурга, но собственно работы надъ Шекспиромъ теперь не существуетъ. Блестящимъ остаткомъ ея могутъ служить два отрывка: одинъ съ разборомъ Фальстафа, напечатаннымъ посмертнымъ изданіемъ въ «Запискахъ Пушкина», а другой, касающійся драмы Ромео и Юліи и посмертнымъ изданіемъ пропущенный. Онъ приложенъ былъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г. къ переводу одной части Шекспировой Трагедіи (Ромео и Юлія, дѣйствіе III, явленіе 1-е) неизвѣстнаго автора (*). Отрывокъ этотъ сопровождался въ альманахѣ припиской на концѣ: «Извлечено изъ *рукописнаго сочиненія* А. С. Пушкина.» Этого рукописнаго сочиненія, однако, нѣтъ въ бумагахъ поэта и мы принуждены ограничиться сбереженіемъ только самого отрывка, единственнаго его остатка:

«Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ поправлены. Трагедія *Ромео и Джульета*, хотя слогомъ своимъ и совершенно отдѣляется отъ извѣстныхъ его пріемовъ, но она такъ ясно входитъ въ его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ много слѣдовъ вольной и широкой его кисти, что ее должно почестъ сочиненіемъ Шекспира. Въ ней отразилась Италия, современная поэту, съ ея климатомъ, страстями, праздниками, нѣгой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ блеска и *concelli*. Такъ понималъ Шекспиръ драматическую мѣстность. Послѣ *Джюльеты*, послѣ *Ромео*, сихъ двухъ очаровательныхъ созданій Шекспировской граціи, Меркутіо, образецъ молодаго кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутіо, есть замѣчательнѣйшее лицо изъ всей трагедіи. Поэтъ избралъ его въ представители Итальянцевъ, бывшихъ моднымъ народомъ Европы, Французами XVI вѣка.»

Обращаясь къ Римской Исторіи мы можемъ сказать, что

(*) Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 годъ изъ той же трагедіи Шекспира помѣщенъ былъ отрывокъ (лучшее мѣсто всего сочиненія), по переводу П. А. Плетнева. Не знаемъ, ему ли принадлежитъ и тотъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Пушкинъ нашелъ въ ней одно величавое лице, приковавшее все вниманіе его, именно Тиберія: «Чѣмъ болѣе читаю Тацита, пишеть онъ, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ умовъ древности.» Въ другой разъ, въ своемъ *трактатѣ о воспитаніи*, о которомъ скоро будемъ говорить, онъ прибавляетъ: «Тацитъ есть великій сатирическій писатель, впрочемъ исполненный политическихъ предразсудковъ.» По обыкновенію своему, Пушкинъ сталъ писать замѣтки о Тиберіи, слѣдя за мыслями кесаря по разсказу знаменитаго Римскаго историка и выводя изъ сжатыхъ его опредѣленій тѣ поясненія, образцы которыхъ находятся у Макиавеля въ его разсужденіяхъ о книгахъ Тита Ливія. Какъ примѣръ этой борьбы съ Тацитомъ и самаго способа веденія исторической полемики, прилагаемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ толкованій Пушкина:

I.

«Тиберій не могъ быть доволенъ Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ погашеніи бунта легионовъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ время службы, допускаетъ самовольныя казни, даже междоусобную битву. Блестящія пораженія непріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столь явныхъ ошибокъ. Тиберій въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями; меньше хвалилъ онъ Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Счастливыя обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей сказалъ и много благоразумія: не склонился на требованія мятежниковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворилъ порядокъ.»

II.

«Германикъ, тщетно стараясь усмирить бунтъ легионовъ, хотѣлъ заколотся въ глазахъ воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ свой мечъ, говоря: «Онъ вострѣе.» Это показалось, говоритъ Тацитъ, слишкомъ злобно и жестоко самимъ яростнымъ мятежникамъ.

«Самоубійство было обыкновенно въ древности. Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди, и мать ея не остана-

вливаешь. Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ послѣдовать за нимъ и проч. Предложеніе война есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.»

III.

«Юлія, дочь Августа, извѣстная ссылкой Овидія, умираетъ въ изгнаніи и въ нищеть, но не отъ нищенства и голода, какъ пишетъ Тацитъ. Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ . . .»

IV.

«Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ Римскимъ Сенатомъ къ заключенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова, достойныя ума свѣтлаго и челоувѣколюбиваго!»

Такъ проводилъ время Пушкинъ въ непрерывныхъ занятіяхъ, въ непрерывномъ творествѣ, въ непрерывной бесѣдѣ съ друзьями и въ отдохновеніяхъ дружбы, которую нашелъ близъ себя. Замыслы на будущее не были пренебрежены имъ: въ это время уже онъ думалъ объ основаніи журнала, который могъ бы служить выраженіемъ какъ его литературной дѣятельности, такъ и взгляда на искусство и на текуція явленія отечественной и иностранной словесности. Онъ поручалъ Кн. В-му, находившемуся тогда въ Москвѣ, устройство этого дѣла, но дѣло устроилось только въ 1827 году, основаніемъ Московскаго Вѣстника и личнымъ его участіемъ.

Лѣто 1826 года было знойно въ Псковской губерніи. Недѣли проходили безъ облачка на небѣ, безъ освѣжительнаго дождя и вѣтра. Пушкинъ почти бросилъ всѣ занятія свои, ища прохлады въ садахъ Тригорскаго и Михайловскаго и дожидаясь осени, которая приносила ему, какъ извѣстно, бодрость и веселье.

10 Августа дописалъ онъ шестую главу Онѣгина, гдѣ такъ трогательно прощается со своей молодостью:

Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милья мученья,
За шумъ, за бури, за пиры
За всѣ, за всѣ твои дары.

Благодарю тебя. Тобою,
 Среди тревогъ и въ тишинѣ,
 Я наслаждался и вполнѣ.
 Довольно! Съ ясною душою
 Пускаюсь нынѣ въ новый путь
 Отъ жизни прошлой отдохнуть

Такъ оканчивалась шестая глава Онѣгина съ замѣткой: «10 Августа.» Двѣ дополнительные строфы ея съ описаніемъ свѣтскаго общества принадлежатъ уже къ пребыванію поэта въ Москвѣ. . . .

3 Сентября получено было во Псковѣ Всемиловѣйшее разрѣшеніе на просьбу Пушкина о дозволеніи ему пользоваться совѣтами столичныхъ докторовъ. Державная Рука, снисходя на его прошеніе, вызвала его въ Москву, возвратила его городской жизни, которую онъ такъ любилъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указала ему обязанности, лежавшія на немъ, какъ на гражданинѣ и писателѣ, который долженъ употребить отличныя свои способности на преданіе потомству славы нашего отечества. Тотчасъ по прибытіи въ Москву, Пушкинъ имѣлъ счастье быть представленъ Государю Императору. Скажемъ здѣсь, что впослѣдствіи, во всѣхъ случаяхъ жизни своей, Пушкинъ вспоминалъ о наставленіяхъ, преподанныхъ ему въ это время отеческою снисходительностію Монарха, не иначе, какъ съ чувствомъ благоговѣнія и умиленіемъ.

Москва приняла его съ восторгомъ и, долго лишенный удовольствій столицы, онъ предался имъ съ энергіей, которая было заснула въ деревнѣ. Всю зиму онъ почти не брался за перо, наслаждаясь и славой, которая всюду встрѣчала его, и замкивающимъ вниманіемъ окружающихъ. Успѣхи въ обществѣ снова стояли на первомъ планѣ въ его жизни и снова овладѣла имъ та жажда переменъ мѣстъ, то исканіе впечатлѣній, встрѣчъ и происшествій, какими отличалась его первая молодость и, преимущественно, Одесская и Кишиневская жизнь. Утомленіе явилось и тутъ въ свою очередь, въ концѣ 1829 года, какъ прежде мы видѣли въ Михайловскомъ, пять лѣтъ тому назадъ.

Едва осмотрѣвшись въ Москвѣ, Пушкинъ уѣхалъ снова въ

деревню, для приведенія въ порядокъ дѣлъ, и преимущественно для разбора и укладки книгъ своихъ, которыя намѣревался отправить въ одну изъ столицъ (*). Въ Ноябрь онъ уже писалъ изъ Пскова, собираясь снова на возвратный путь въ Москву, посланіе къ *Н. С. А. . . . ву*, товарищу своего Бессарабскаго житія-бытїа:

«Приди о другъ, дай прежнихъ вдохновеній
Минувшаго мнѣ жизнию повѣй.

«Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма. . . Кишиневскіе звуки, берегъ Быка. . . милый мой: ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ твоихъ развалинахъ въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ или у тебя, мой милый, въ свѣтлой чистой избушкѣ. . . Какъ ты умень, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ бы эта счастливая мысль никогда въ голову не пришла, хотя и часто о тебѣ вспоминаю. . . Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось Богъ милостивъ, увижу гдѣ нибудь чинно-сидящаго моего друга или въ креслахъ театральныхъ, или въ рестораціи за обѣдомъ. Нѣтъ — такъ и уѣхалъ въ Псковъ. Такъ и теперь опять ѣду въ бѣлокаменную. Надежды нѣтъ или очень мало. По крайней мѣрѣ пиши же мнѣ почаще, а я за новости Кишинева стану тебя подчивать новостями Московскими.

Прощай, отшельникъ Бессарабской,
Лукавый другъ души моей,
Порадуй же меня не сказочкой Арабской
Но Русской правдою твоей.»

По прибытіи въ Москву, онъ опять пишетъ нѣсколько строкъ къ Языкову, но въ этихъ строкахъ — отъ 21 Ноября 1826 — уже заключается любопытное свидѣтельство, что изданіе журнала, о которомъ Пушкинъ думалъ еще въ деревнѣ, тогда было рѣшено.

(*) Въ деревнѣ онъ нашелъ посланіе Н. М. Языкова, извѣстное *Тригорское* и съ восторгомъ писалъ ему: «Милый Н. М.! Сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше Тригорское. Спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. Дай вамъ Богъ здоровья, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житїа!».

«Письмо ваше получилъ я въ Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новограда—вамъ, достойному пѣвцу того и другаго. Пишу однакожь изъ Москвы, куда вчера привезъ я ваше Тригорское. Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ *Моск. Вѣстникѣ*, слѣдственно и вы также. Адресуйте же ваши стихи въ Москву на Молчановку, въ домъ Ренкевичевой, откуда передамъ ихъ во храмъ безсмертія. Непремѣнно будьте же нашъ. По-годинъ вамъ убѣдительно кланяется.

«Я усталъ и боленъ — потому вамъ и не пишу болѣе. В. . . кланяюсь, обѣщая мое высокое покровительство. — 21 Ноября. Тригорское ваше съ вашего позволенія напечатано будетъ во 2 № *Моск. Вѣстн.*

«Рады ли вы Журналу? Пора задушить Альманахи. Дельви-гъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ Телеграфу — жаль, но что же дѣлать?»

И такъ Пушкинъ возвратился въ Москву 20 Ноября, и 22 Декабря уже писалъ въ домъ Зуб., своихъ знакомыхъ, извѣстные и превосходные стансы: *Въ надеждѣ славы и добра.* Тогда же представилъ онъ свое разсужденіе о воспитаніи юношества, составленное имъ по порученію высшаго Начальства. Небольшое разсужденіе это было единственнымъ трудомъ Пушкина, шумной зимой 1826 — 1827 года, если исключимъ всегдашнія его занятія своимъ Онѣгинымъ. Нѣсколько черновыхъ безсвязныхъ отрывковъ трактата о воспитаніи, сохранившихся въ его бумагахъ, не даютъ никакой ясной идеи о сочиненіи; но изъ отзыва, воспослѣдовавшаго на разсужденіе, можно заключить объ односторонности основной мысли автора. Изъявляя ему признательность за нѣкоторыя отдѣльныя истины, высшее Начальство поставило ему на видъ, что правило, принятое сочинителемъ, будто просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило невѣрное; ибо при семъ упущены изъ виду нравственныя качества и, наконецъ, примѣрное служеніе, усердіе, которыя должно предпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному. Самъ Пушкинъ сознавалъ недостатки своего труда, извиняя ихъ малымъ знакомствомъ съ предметомъ, который долѣе никогда не

занималъ его мыслей, и прося позволенія заняться чѣмъ либо, болѣе ему близкимъ и извѣстнымъ.

Всю зиму и почти всю весну Пушкинъ пробылъ въ Москвѣ: въ началѣ Мая мѣсяца 1827 г. онъ получилъ дозволеніе на пребываніе и въ Петербургѣ. Въ Іюнѣ онъ уже былъ на берегахъ Невы и 14-го Іюля написалъ тамъ посланіе къ Языкову (*Къ тебѣ сбирался я давно*), а 27 Іюля стихотвореніе: *Три ключа*.

Московская его жизнь, какъ мы уже сказали, была рядомъ забавъ и вмѣстѣ рядомъ торжествъ. Впервые ознакомилъ онъ тутъ друзей съ своей комедіей о Борисѣ Годуновѣ: удивленіе и похвалы были общія. Пушкинъ еще не пришелъ къ тому сомнѣнію о возможности ея успѣха, въ которомъ находился послѣ и не безъ основанія, какъ извѣстно. Вечеръ 1826 года, когда въ первый разъ прочелъ онъ свое произведеніе въ домѣ Вен. . . , если не ошибаемся, доселѣ воспоминается многими съ восторгомъ. Неожиданность появленія этой народной драмы, не имѣвшей связи ни съ настоящими, ни съ прошедшими явленіями Русской Словесности, да и оставшейся безъ послѣдователей и продолженія; самъ чтецъ, получившій какую-то удивительно смѣлую и оригинальную красоту въ собственномъ вдохновеніи—все это осталось неизгладимо въ памяти свидѣтелей. Въ первое время Пушкинъ жилъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей на Собачьей площадкѣ, въ домѣ, кажется, принадлежащемъ теперь Г-ну Левентало. Послѣ кратковременной отлучки, онъ уже поселился, какъ мы видѣли, на Молчановкѣ, въ домѣ Ренкевичевой. Онъ вставалъ поздно послѣ баловъ и, вообще, долгихъ вечеровъ, проводимыхъ наканунѣ. Приемная его уже была полна знакомыхъ и посѣтителей, между которыми находился одинъ пожилой человекъ, не принадлежавшій къ обществу Пушкина, но любимый имъ за прибаутки, при сказки, народныя шутки. Онъ имѣлъ право входа къ Пушкину во всякое время и платилъ ему своимъ добромъ за гостепріимство. Въ городской жизни, въ ея шумѣ и волненіи, Пушкинъ былъ въ настоящей своей сферѣ. Это можно видѣть даже изъ нѣсколькихъ строкъ, начертанныхъ карандашомъ на перебѣленной копіи Бориса Годунова: «Voici ma tragedie. Je voulais vous l'apporter moi-même, mais tous ces jours—j'ai fait le jeune homme. . . »

Только неожиданные удары и неразрѣшимыя противорѣчія, въ которыхъ онъ самъ запутывался, возвращали его отъ времени до времени къ самому себѣ. Въ непрерывной цѣпи удовольствій, которыя подѣ-часъ имѣють свои тяжелыя обязанности, а иногда понуждаютъ къ тѣмъ опрометчивымъ шагамъ, для исправленія которыхъ нужно такъ много энергіи, пролетѣла зима 1827 г. для Пушкина, оставивъ ему нѣсколько сладкихъ воспоминаній и много горечи на душѣ. Онъ уѣхалъ изъ Москвы весной, сперва въ Петербургъ, потомъ въ деревню, но недовольный собой и недовольный другими. Свѣтлый взглядъ на себя и внутренняя тишина возвращались къ Пушкину почти тотчасъ, какъ онъ сходилъ съ почвы, на которой страсти его пріобрѣтали всегда особенную силу. Примѣровъ этому много въ жизни его. Прибывъ въ Михайловское, онъ писалъ оттуда М. П. П-у, посылая нѣсколько стихотвореній въ журналъ Московскій Вѣстникъ:

«Что вы дѣлаете? Что нашъ Вѣстникъ? Посылаю вамъ лоскутокъ Онѣгина ему на шапку. Фаустъ и другіе стихи не вышли еще изъ цензуры. Я убѣжалъ въ деревню, почувъ рѣшмы.»

И вслѣдъ за этими словами, Пушкинъ начинаетъ свое превосходное стихотвореніе:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ,

которое въ одно время представляетъ и общій поэтический образъ и частное изображеніе его нравственнаго состоянія въ то время.

Скажемъ нѣсколько словъ о новомъ журналѣ, существованіе котораго Пушкинъ признавалъ одно время совершенно необходимымъ какъ для себя, такъ и для литературы. Особенно важно для біографіи его то обстоятельство, что направленіе журнала укрѣпилось и развилось въ немъ тотъ взглядъ на художника и искусство, который онъ выразилъ въ извѣстныхъ своихъ стихотвореніяхъ: *Чернь*, *Поэтъ*, *Эхо*, *Поэтъ, не дорожи любовію народной*, и который заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія.

Вѣроятно, еще многіе помнятъ усилія Московскаго Вѣстника ознакомить публику прямо съ Нѣмецкими теоріями Мизацнаго,

по-мимо толкованій и измѣненій Французскихъ критиковъ. Такія же попытки альманаха «Мнемозина» остались безуспѣшны, особенно за туманность языка, еще необразованнаго тогда для логическихъ тонкостей и отвлеченій. Московскій Вѣстникъ открылъ другой путь: онъ обратилъ преимущественно вниманіе на осязательную сторону Нѣмецкихъ теорій, ихъ страстную любовь къ предмету и романтическое одушевленіе. Безъ всякой послѣдовательности и строгой системы, журналъ прилагалъ отрывки изъ Жанъ-Поля, Тика и Шеллинга. Правда, что отрывочность эту тогда же ставили въ упрекъ журналу, даже его приверженцы, какъ мы имѣли случай видѣть въ неизданной перепискѣ Туманскаго съ Пушкинымъ. Статьи сотрудниковъ перерабатывали только положенія Нѣмецкихъ писателей, облекавъ ихъ въ ту восторженную, и отчасти, сентиментальную форму, которая составила цвѣтъ журнала и тайну его вліянія на молодыхъ людей. Лирическій языкъ, какимъ писались эти, вообще короткія статьи, былъ, можетъ-статься, тогда способнѣе, чѣмъ всякое другое изложеніе — держать въ напряженіи пробуждающея эстетическое чувство и порождать стремленіе къ изящному, въ чемъ и состояла цѣль журнала. Пушкинъ принялъ дѣятельное участіе въ судьбѣ его, посвятилъ ему много своихъ произведеній и какъ человѣкъ, понимавшій практическую сторону всякаго дѣла, рассчитывалъ на 10 тысячъ дохода за свое сотрудничество. Коммерческія его соображенія удалась только въ половину, но важнѣе всего этого то обстоятельство, что изъ круга молодыхъ людей, содѣйствовавшихъ успѣху журнала, вынесъ онъ свой полный, установившійся взглядъ на художника и искусство. Тѣмъ быстрѣе усвоилъ онъ себѣ ихъ теорію творчества, что она только развила и дополнила собственное его пониманіе предмета, уже высказанное имъ въ извѣстномъ «Разговорѣ Книгопродавца съ Поэтомъ,» появившемся за три года до основанія журнала.

Сущность теоріи состояла въ весьма строгомъ взглядѣ, какъ на призваніе художника, такъ и на задачу самаго искусства, Последнее опредѣляла она проявленіемъ *безконечнаго* въ ограниченныхъ или *конечныхъ* формахъ и создавала ему такимъ-

образомъ цѣль высокую, независимую отъ требованій современности. Идеальное пониманіе искусства само-собою приводило къ мысли объ исключительномъ и важномъ значеніи художника, посвятившаго ему жизнь свою. Какъ служитель изящнаго, онъ не принадлежалъ толпѣ, не раздѣлялъ ея стремленій и не признавалъ ея нуждъ. Подъ дѣйствіемъ этой теоріи, имѣвшей на Пушкина сильное вліяніе, написалъ онъ свое стихотвореніе: *Чернь*, названное имъ въ рукописи: «*Амбъ.*» Заключительные стихи его превосходно выражаютъ сущность всего воззрѣнія:

Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ —
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, ученіе ставило художника и единственнымъ вѣрнымъ цѣнителемъ своего произведенія. По сущности теоріи, художникъ не нуждался въ сочувствіи окружающихъ, не имѣлъ надобности отдавать отчета въ своихъ сношеніяхъ съ идеаломъ и одинъ зналъ первую причину и настоящую цѣль своихъ произведеній. Въ превосходномъ стихотвореніи: *Поэтъ, не дорожи любовію народной*, Пушкинъ отвергалъ всякое постороннее вмѣшательство этими гордыми словами, обращенными къ художнику:

. . . . Живи одинъ. Дорогою свободной
 Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
 Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
 Не требуя награды за подвигъ благородной.
 Онъ въ самомъ себѣ. Ты самъ — свой высшій судъ.

Условія самаго таланта и внѣшнія обстоятельства еще болѣе укрѣпили въ поэтѣ нашемъ этотъ взглядъ на художника и, по отраженію идеи, на собственное призваніе. Талантъ Пушкина былъ тайною для него самого, которую онъ не могъ объяснить иначе, какъ сравненіемъ съ явленіями физической природы, дѣйствующими по законамъ, имъ невѣдомымъ. Вспомнимъ его описаніе поэта въ «Разговорѣ Книгопродавца съ Поэтомъ»:

Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ, плъ вихорь буйной и проч.,

вспомнимъ еще его сравненіе поэта съ эхомъ въ извѣстной пьесѣ: *Эхо*:

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поеть ли дѣва за холмомъ —
На всякой звукъ —
Свой откликъ въ воздухъ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Таковъ и ты поэтъ! восклицаетъ Пушкинъ въ концѣ стихотворенія. Дѣйствительно, его поэтическая способность должна была ему самому казаться неизъяснимымъ предопредѣленіемъ, потому что если обширное чтеніе, образованность, размышленіе давали ей матеріалы и пищу, то породить ее были не въ силахъ. Онъ такъ хорошо чувствовалъ это, что, по извѣстной склонности своей къ суевѣрію, соединялъ даже талантъ свой съ участію перстня, испещреннаго какими-то кабалистическими знаками и бережно хранимаго имъ. Перстень этотъ находится теперь во владѣніи В. И. Дая. Не менѣе высоко долженъ онъ былъ цѣнить и искусство вообще въ приложеніи къ самому себѣ. Кромѣ славы и обширныхъ средствъ существованія, какія были ему всегда потребны, только въ искусствѣ находилъ онъ благотворное разрѣшеніе противорѣчій собственнаго своего существованія, только въ немъ примирялся онъ съ самимъ собой и сознавалъ себя въ высокомъ нравственномъ значеніи. Такъ теорія искусства сходилась здѣсь съ самою жизнью. Впослѣдствіи холодность публики и невниманіе ея къ лучшимъ, зрѣлымъ его произведеніямъ, еще глубже погрузили его въ художническое уединеніе, которое онъ воспѣвалъ. Дѣйствительно, Пушкинъ сдѣлался и творцемъ независимымъ отъ вкуса и расположенія публики, и единственнымъ, вѣрнымъ судьей своихъ произведеній. Обстоятельства много способствовали къ оправданію и укорененію въ немъ отвлеченной теоріи, которая получила впослѣдствіи еще сильнѣйшее развитіе. Къ концу своего поприща, Пушкинъ пришелъ къ мысли и убѣжденію, что самый трудъ, какъ предметъ, назначенный для общаго достоянія всѣхъ — ничего не значитъ въ глазахъ истиннаго поэта, а важны для послѣдняго только высокія

наслаждения, доставленныя течениемъ труда. Мы находимъ уже эту мысль въ антологическомъ стихотвореніи: *Мигъ вождельный насталь*, но ярче выразилась она въ одномъ неизданномъ стихотвореніи, которое прилагаемъ здѣсь въ точности:

Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
 Ни удивленья, ни нагѣва,
 Ни нужды, ни смѣха, ни труда.
 Глупецъ кричитъ: «*Куда, куда?*
Дорога здѣсь» — но ты не слышишь.
 Идешь, куда тебя влекутъ
 Мечты невольныя. Твой трудъ
 Тебѣ награда — имъ ты дышешь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ — рабынь суеты . . .

Воззрѣніе это принесло существенную пользу въ жизни Пушкина. Оно отчасти успокоило его въ виду кривыхъ толковъ, скоро возбужденныхъ его произведеніями. Не надо забывать, однакожъ, что все отвлеченное и неприменимое къ жизни въ теоріи, исправлено было практическимъ смысломъ самого поэта, который никогда не могъ отдѣлиться отъ историческаго и дѣйствительнаго быта родины, отъ окружающихъ явленій природы, и никогда не могъ уйти въ самого себя до того, чтобъ случайныя, мѣстныя явленія не тревожили его сердца и не пробуждали его вдохновенія (*).

(*) Есть и еще неизданное стихотвореніе Пушкина, въ которомъ выражается его воззрѣніе на поэта, но оно особенно важно для исторіи, такъ сказать, его стихотвореній. Кому не извѣстна превосходная его пѣса: *Къ Н. (Съ Гомеромъ долго ты бесподовалъ одинъ)?* Извѣстно также, что ея величавый и суровый тонъ переходитъ въ концѣ къ тихому, граціозному образу, сообщающему всей пѣсѣ неуволнимую прелесть.

Нѣтъ! Ты не проклялъ насъ. Ты любишь съ высоты
 Скрываться въ тѣнь долины малой;
 Ты любишь громъ небесъ, а также внемлешь ты
 Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Но здѣсь еще пѣса не кончается у Пушкина. На другой страницѣ онъ продолжаетъ ее, но какъ-будто уже для самого себя, какъ-будто для того, чтобъ не потерять случая дополнить свое воззрѣніе на поэта новой чертой. Онъ продолжаетъ:

И надо видѣть въ перепискѣ его съ издателемъ Московскаго Вѣстника, напечатанной въ Москвитянинѣ 1842, № 10 — сколько усилій, поощренія, заботливости и увѣщаній истощилъ Пушкинъ на поддержаніе бодрости въ редакціи и на утвержденіе журнала. Когда издатель его, вѣроятно, по недостаточности средствъ, доставляемыхъ Вѣстникомъ, хотѣлъ опять приступить къ альманаху: Уранія, уже изданному имъ разъ въ 1826 г., Пушкинъ пришелъ почти въ ужасъ. Цѣль журнала была именно уничтожить бесплодные сборники, такъ сильно размножившіеся въ это время. Пропускаемъ начало письма и приводимъ существенную часть его:

« . . . Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ; но какихъ же? *Quod licet Uraniae, licet* тѣмъ паче Вѣстнику; не только *licet*, но *decet*. *И другія приими.* Какія? Деньги. Деньги будутъ, будутъ. Ради Бога не покидайте Вѣстника; на будущій годъ обещаюсь вамъ безусловно дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непременно всѣ связи съ альманашниками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная, проза, можетъ быть, еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи? Давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непременно существенной частью журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ — повѣсти въ диковинку. Онѣ составили перво-

Такоєъ прямой поэтъ. Онъ сѣгуетъ душой
 На пышныхъ играхъ Мельпомены —
 И улыбается забавъ площадной,
 И вольности лубочной сцены.

* * *

То Римъ его зоветъ, те гордый Иліонъ,
 То скалы старца Фосіана,
 И съ дѣтской легкостью, межъ-тѣмъ, летаетъ онъ
 Во слѣдъ Бовы иль Еруслана.

Слѣдуетъ помнить, что эти строфы были и зачеркнуты самимъ авторомъ, какъ портящія стихотвореніе, но онѣ принадлежать къ его любимому представленію о той свободѣ вдохновенія, какая прилична поэту.

начальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкують. Ваша Индѣйская сказка: *Переправа* (*) въ Европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? М. Вѣстникъ, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію — лучший изъ Русскихъ журналовъ. Въ Телеграфѣ похвально ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью В. въ Телеграфѣ отдамъ 3 дѣльныхъ статьи Московскаго Вѣстника. Его критика, положимъ, несправедлива, по образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія — рѣзко оригинальны: опъ мыслить, сердить и заставляеть мыслить и смѣяться. Важное достоинство, особенно для журналиста! . . . 31-е Августа. Михайловское.» Письмо писано въ 1827 году, стало быть шесть мѣсяцевъ послѣ основанія журнала (**).

Нельзя оставить безъ упоминованія другой журналъ, Московскій Телеграфъ, который такъ часто приходитъ на умъ и на языкъ Пушкина въ его перепискѣ съ друзьями. Въ холодности поэта къ этому изданію открываются, между прочимъ, черты характера, не лишеныя своего значенія и занимательности. Пушкинъ находилъ въ немъ болѣе хлопотливости вокругъ современной науки, чѣмъ изученія какой-либо части ея и не одобрялъ хвастовства всякой чужой системой при первомъ ея

(*) Индѣйская сказка, переведенная, кажется, съ Нѣмецкаго Г-мъ Титовымъ.

(**) Такъ точно и другое письмо Пушкина къ Издателю, написанное двумя мѣсяцами ранѣе, и еще изъ Петербурга (1-го Іюля), отличается тѣмъ же характеромъ. Пушкинъ старается поддержать въ сотрудникахъ силы и добрыя намѣренія всѣми средствами: обѣщаніями, похвалою, рѣзкимъ приговоромъ общимъ противникамъ. «Простите мнѣ долгое мое молчаніе, любезный М. П.; право всякой день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякой день собирался къ вамъ писать и все не собрался. По сему самому и не посылаю вамъ ничего въ М. В. Правда, что и посылатъ было нечего: но дайте сроку, осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна. Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на Русѣ: должно терпѣніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и, особенно, настойчивостію оправдать ожиданія извѣстныхъ друзей Словесности и одобреніе великаго Гете. Честь и слава милому нашему * . . . у. Вы прекрасно сдѣлали, что нанесли письмо нашего

появленіи, не дозволявшемъ еще зрѣлаго обсужденія. По существу своему, журналъ вообще представляетъ болѣе наружный видъ всякаго дѣла, чѣмъ настоящій, истинный его смыслъ и преслѣдовать это — значило именно отвергать жизненное условіе журнала. Всего же болѣе оскорбляло Пушкина то уничтоженіе авторитетовъ и литературныхъ репутаций, которое происходило отъ немедленнаго приложенія вычитанныхъ идей къ явленіямъ отечественной Словесности. Не смотря на ловкость и остроуміе, съ какими иногда производились эти опыты, Пушкинъ не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. При томъ не должно упускать изъ вида и весьма важнаго обстоятельства. Журналъ, Московскій Телеграфъ, былъ совершенною противоположностію духу, господствовавшему у насъ въ эпоху литературныхъ обществъ; онъ ихъ замѣстилъ, образовавъ новое направленіе въ Словесности и критикѣ. Съ его появленія, журналъ вообще приобрѣлъ свой голосъ въ дѣлѣ литературы, вмѣсто прежняго назначенія: быть открытой ареной для всѣхъ писателей, поприщемъ для людей съ самыми различными мнѣніями объ искусствѣ. Расположеніе литературныхъ обществъ къ своимъ сочленамъ, прямое участіе, такъ сказать, въ ихъ замыслахъ, близкое знакомство съ существенными качествами и недостатками ихъ таланта, отъ чего похвала и осужденіе принимаемы были добродушно и покорно самими подсудимыми — все это уже сдѣлалось тогда достояніемъ Исторіи нашей литературы. Пушкинъ, можно сказать,

Германскаго Патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ *... у болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ.... За разборъ *Мысли*, одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей Словесности, уже досталось нашимъ сѣвернымъ шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ каждаго по достоинству. Впередъ! И да здравствуетъ М. В.! Изъ словъ «оправдать одобреніе великаго Гете,» можно заключить, что Гете зналъ не одинъ только разборъ Елены (изъ 2 части Фауста), сдѣланный С. П. Шевревымъ, но отчасти знакомъ былъ и съ журналомъ вообще, а слѣд. и съ нѣкоторыми произведеніями Пушкина. Кстати, приводимъ еще приписку Пушкина. «На дняхъ пришлю вамъ прозу, да Христа-ради, не обижайте моихъ сиротъ — стишонковъ опечатками и т. п. *... у пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья!» Мы не знаемъ прозы Пушкина въ Моск. Вѣстникѣ, а что касается до стиховъ, то съ 1827 по 1830 годъ, включительно, Пушкинъ помѣстилъ въ журналъ 33 стихотворенія, включая сюда отрывокъ изъ Бориса Годунова, отрывокъ изъ Нулина и два изъ Е. Онѣгина.

сохранялъ, долѣе многихъ своихъ товарищей, основныя убѣжденія стараго члена литературныхъ обществъ. Къ новому порядку вещей, гдѣ личное мнѣніе играло такую роль, онъ уже не могъ привыкнуть всю свою жизнь. Съ первыхъ же признаковъ его появленія, онъ началъ свою систему расчитаннаго противодѣйствія, забывая иногда и то, что высказывалось по временамъ дѣльнаго и существеннаго противниками и постоянно имѣя въ виду только одно: возвратить критику въ руки малаго, избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностію публики (*).

Въ Мартѣ 1827 года, умеръ въ Петербургѣ Д. В. Веневитиновъ. Опъ именно принадлежалъ къ тому кругу молодыхъ людей, которые искали въ наукѣ и въ строгихъ занятіяхъ удовлетворенія своему благородному стремленію къ идеалу, добру и красотѣ. Вся его литературная дѣятельность проникнута этимъ стремленіемъ, и онъ имѣлъ свою долю вліянія на Пушкина, какъ почти каждая замѣчательная личность, встрѣчавшаяся ему на пути. Въ порывахъ Веневитинова къ истинѣ, въ его томительномъ желаніи полноты знанія, даже въ нравственномъ упадкѣ силъ, слѣдующемъ за напряженіемъ мысли и чувства, лежало много залоговъ будущности и развитія. . . . За нѣсколько времени до смерти своей, Веневитиновъ написалъ «Посланіе Пушкину», въ которомъ призывалъ пѣвца Байрона и Шенье—воспѣть великаго Германскаго старца, Гете. Пушкинъ въ превосходной сценѣ,

(*) Въ первое время появленія Московскаго Телеграфа, Пушкинъ еще не раздѣлялъ тѣхъ убѣжденій, которыя заставили его пережѣнить отношенія свои къ журналу. С. Д. Полторацкій привелъ въ статьѣ своей (Иллюстрація 1846, № 9) учтивое письмо его къ издателю журнала, отъ 2-го Августа 1825, когда поэтъ жилъ еще постоянно въ Михайловскомъ: «Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу (конечно лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ). Я писалъ Бн. В., чтобъ онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней. Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобъ онѣ понравились публикѣ.» Дѣйствительно, въ 1825 году, въ Московскомъ Телеграфѣ были помѣщены двѣ эпиграммы Пушкина, отрывокъ изъ Цыганъ, стихотворенія: *Теллга жизни* и *Въ Альбомѣ* (Если жизнь тебя обманетъ). Въ 1826 г. только одно стихотвореніе Пушкина находилось въ журналѣ: *Элеил* (Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный), а за тѣмъ онъ уже помѣщалъ въ немъ однѣ эпиграммы на Вѣстникъ Европы. Вліяніе Д. В. Веневитинова сильно способствовало направленію его мыслей и предпочтеній въ другую сторону.

созданной въ это же время и названной имъ: *Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ*, измѣнилъ, отчасти, образы Германскаго поэта, но съ замѣчательной силой, энергіей поэзіи. Есть предположеніе, что Гете зналъ объ этой сценѣ. Рассказываютъ, что онъ послалъ Пушкину поклонъ чрезъ одного Русскаго путешественника и препроводилъ съ нимъ, въ подарокъ, собственное свое перо, которое, какъ мы слышали, многіе видѣли въ кабинетѣ Пушкина, въ богатомъ футлярѣ, имѣвшемъ надпись: «подарокъ Гете.»

Между тѣмъ, съ 1826 по 1829 годъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, Пушкинъ выдавалъ одно за другимъ новыя свои произведенія и перепечатывалъ старыя. Въ 1826 изданы были: стихотворенія его въ одной книжкѣ, о которыхъ мы уже говорили и II глава Онѣгина (первая появилась въ 1825 году); въ слѣдующемъ 1827 г. изданы III глава Онѣгина и Цыгане; затѣмъ 1828 г. видѣлъ появленіе IV, V и VI главъ Онѣгина, и новое изданіе Руслана и Людмилы съ прологомъ и предисловіемъ; наконецъ, въ 1829 году, перепечатанъ, изъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ, *Графъ Нулинъ* въ одной книжкѣ съ повѣстью Е. Баратынскаго: *Балъ*, явилась—Полтава, сдѣлано второе изданіе первой главы Онѣгина и выдано новое собраніе стихотвореній въ двухъ книжкахъ. Все это, при сотрудничествѣ въ Московскомъ Вѣстникѣ и Сѣверныхъ Цвѣтахъ, приносило Пушкину способы на роскошное существованіе, но деньги исчезали въ рукахъ его прежде, чѣмъ онъ могъ сдѣлать изъ нихъ употребленіе. . . . Первое появившееся собраніе его стихотвореній 1826 г. перешло черезъ нѣсколько рукъ, проданное или уступленное имъ, пока не возвратилось опять къ одному изъ друзей поэта, преимущественно занимавшемуся его интересами.

Нѣсколько подробностей объ этомъ изданіи покажутъ убѣдительнымъ образомъ, что добродушная вѣтренность его не разъ вредила всѣмъ его расчетамъ и надеждамъ на несомнѣнныя выгоды.

Прежде чѣмъ П. А. Плетневъ и отчасти братъ поэта Л. С. Пушкинъ приступили въ 1825 году къ собранію стихотвореній, долженствовавшихъ войти въ новое изданіе, оно уже напередъ и въ разныя времена обѣщано было тремъ лицамъ, именно: Н. И. Г—чу, Я. Н. Т—ому и Н. В. Все—ому. Всѣхъ больше правъ, ка-

жется, имѣлъ послѣдній, выдавшій Пушкину еще въ 1820 году 1000 руб. впередъ за изданіе, до будущихъ окончательныхъ расчетовъ. Требования перваго кандидата на изданіе Пушкинъ отстранилъ очень рѣшительно въ письмѣ изъ Одессы, отъ 12 Января 1824, къ Б. «Гнѣдичъ, говоритъ онъ въ немъ, шутить со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто-бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Т — му, проданы уже ему, Г — чу. Т — й написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ, и мнѣ объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ «Сынъ Отечества»: напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ. Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обнимаю тебя *sans rancune* и съ благодарностью за все остальное. . . .» Мы видимъ, что Я. Н. Т — ому были обѣщаны всѣ новые стихи, но изъ другаго письма Пушкина къ тому же лицу (Кишиневъ 1823) оказывается, что въ это же время настоящій покушникъ, Н. В. Всеволожскій сохранялъ всѣ свои права, да была еще, кромѣ того, отдѣльная подписка на нихъ, что уже требовало двухъ разныхъ изданій. Путаница еще увеличивается, когда изъ того же письма видимъ, что Т — ой предлагалъ четвертаго или пятаго покушника Князя Л — ва, которому Пушкинъ то же не вполне отказываетъ. Вотъ это любопытное письмо: «Милый Яковъ Николаевичъ! Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе Князя Л — ва льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже 30 билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Все — му и самому отступить отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить и это первое условіе. Во вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній инныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я все переслалъ Князю Александру, но. . . милый другъ! Подождемъ

еще два, три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть къ новому году мы свидимся и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покамѣстъ, прими мои сердечныя благодаренья: ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной младости, вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не кстати, два года и шесть мѣсяцевъ, никто ни строки, ни слова:

Горишь-ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь-ли ты золотая чаша
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣже-ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
Попрежнему-ль летать на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ каждый часъ,
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, приютъ гостепріимной,
.....
Гдѣ своенравный произволь
Мѣнялъ бутылки, разговоры
Разказы, пѣсни шалуна,
И разгарались наши споры
Отъ искръ и шутокъ и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ....
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія, Калмыкъ!*

Послѣ этого уклончиваго письма въ прозѣ и стихахъ, обстоятельства перемѣнились. Н. И. Г — чѣ былъ отстраненъ отъ изданія, Я. Н. Т — ои самъ отказался отъ него: оставался Н. В. Всеволожской и 30 подписчиковъ. Въ отношеніи перваго Пушкинъ опять пишетъ къ Б. изъ Одессы, отъ 24 Іюня 1824. «... Кончу дружеской комиссіей. Постарайся видѣть Н. Все—го, лучшаго изъ минувшихъ друзей моей минутной молодости. Напомни этому милому.... эгоисту, что существуетъ нѣкто

А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и пріятный стихотворецъ. Оный Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 руб. ассигнаціями. Нынѣ за ту же цѣну хочетъ у него купить ихъ. Согласится ли Аристипъ В? Я бы въ придачу предложилъ ему дружбу, *mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs cela ne fait que 1000 roubles.* Покажи ему мое письмо.» Совѣсьмъ другой тонъ является въ письмѣ Пушкина къ брату изъ Кишинева, отъ 4-го Сентября 1823 г., о томъ же предметѣ. Вотъ съ какой заботливостію выражается онъ, когда говоритъ отъ сердца и что называется съ - глазу на - глазъ: . . . «Теперь, моя радость, поговорю о себѣ. Явись отъ меня къ Н. Все — му и скажи ему, чтобъ онъ ради - Христа погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы. Само по-себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. Въ посланіи къ Овидію, перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной,
Ты съ юныхъ лѣтъ, презрѣвъ волненья жизни ратной,
Привыкнулъ и проч.

«Кстати объ стихахъ. То, что я читалъ изъ *Шильонскаго узника*—преlestь. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха *Орлеанской Дѣвы*. Но актеры, актеры! Пятистопные стихи безъ рифмы требуютъ совершенно новой декламации. . . . Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена. . . . Боюсь! Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковскаго билетъ для перваго представленія, на мое имя. . . .» Наконецъ только 14 Марта 1825 года пришло извѣстіе въ Михайловское, гдѣ тогда жилъ поэтъ, о томъ, что рукопись наконецъ вручена и надо видѣть при этомъ восторгъ Пушкина. Вотъ въ какомъ духѣ отвѣчаетъ онъ брату своему: «Братъ! Обнимаю тебя и падаю до ногъ. Обнимаю также и Александра Все — го. Перецли же мнѣ проклятую мою рукопись и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! Дѣло бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду, хоть онъ и не помо-

жетъ: у него твой вкусъ, да не твой почеркъ. Элегиі мои переписаны, потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ благословясь. . . .

«Душа моя! Горчицы, рому; что нибудь въ укусѣ, да книгъ: *Conversations de Byron, Mémoires de Fouché*, Талию, Старину, да *Sismondi (Littérature)* да *Schlegel (dramaturgie)* если есть у St. Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть новое изданіе: Собраніе Русскихъ стихотвореній—да дорого, 75 р. . . . Посмотри однакожь.

«Каченовскій возсталъ на меня. Напиши мнѣ, благопрістоенъ ли тонъ его критикъ. Если нѣтъ — пришлю эпиграмму. . . . Тригорское. 14 Марта. Достань. . . . мои мелкія стихотворенія и переши мнѣ скорѣе. Что же ты обѣщаль мнѣ прислать Парни?» Черезъ четыре дня послѣ этого письма Пушкинъ, получившій между тѣмъ рукопись, возвращаетъ ее назадъ въ Петербургъ, уже въ исправленномъ видѣ и съ приложеніемъ новыхъ стихотвореній. Письмо его по этому поводу чрезвычайно оригинально и, какъ видно изъ приписки, составлено тотчасъ послѣ веселой и обильной трапезы, что не мѣшаетъ ему отличиться остроуміемъ, живостію и здравомысліемъ: «Братъ Левъ, братъ Пл—въ; третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я вытиралъ черное бѣлье на скоро, а новое сшилъ на живую цитку. Но съ вашей помощью надѣюсь, барыня публика не прибѣдетъ меня. . . . какъ прачку. Ошибки правописанія, знаки препинанія, описки, безсмыслицы прошу самимъ исправить. У меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ піесъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія, только не подражайте изданію Батюшкова. Исключайте, марайте съ плеча. Позволяю, прошу даже, но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковского, не во гнѣвъ Бул—ну, и Гнѣдича, не во гнѣвъ Гри — ву. Эпиграфа или не надо или изъ А. Шенье. Виньетку бы не худо, даже можно, даже должно, даже ради неба; сдѣлайте именно: *Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ* (кстати: что прелестнѣе строфы Жук.: «*Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородны*» и слѣдующей; конца не люблю *).) Что еслибъ волшебная кисть Ѳ. Толстова?

(*) Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 годъ напечатано было стихотвореніе Жуковского: «Мотылекъ и Цвѣты» съ такими объясненіемъ: Стихи, написанные

Нѣтъ, слишкомъ дорога!

А ужасъ какъ мила!...

«Къ тому же, кромѣ Уткина, ни чей рѣзецъ не достоинъ его карандаша. Впрочемъ это все наружность. *Иною прелестью плъняется*. . . .»

«Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піесу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣднее изданіе Жук. и пожалуйста безъ—и безъ—и безъ—(*). Вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавія крупными буквами и *à la ligne*, но каждую штуку особенно, хоть бы изъ четырехъ стиховъ состоящую (развѣ изъ двухъ, такъ можно *à la ligne* и другую). 60 піесъ? Довольно ли будетъ для 1-го тома? . . .»

Книжка стихотвореній вышла въ 1826 дѣйствительно безъ типографской пестроты и безъ сбивки многихъ піесъ на одномъ листѣ, но эпиграфъ къ ней взятъ изъ Проперція, а желаемой виньетки совсѣмъ не было приложено. Такимъ образомъ наконецъ разрѣшилось дѣло, продолжавшееся не менѣе шести лѣтъ и которое замѣчательно тѣмъ, что показывавъ въ Пушкинѣ соединеніе необычайной заботливости къ своимъ выгодамъ, съ такой же точно непредусмотрительностію и растратой своего добра. Въ этомъ заключается и весь характеръ его.

въ Альбомѣ Н. И. И., на рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую на букетѣ изъ рензеевъ и незабудокъ. Въ третьей строфѣ піесы говорится о мотылькѣ, слетѣвшемъ съ высоты и прельщенномъ цвѣтами:

Онъ жмилъ, то вы съ нимъ однородны

Переселенцы съ вышины,

Что вамъ какъ и ему, свободные

И крылья и душа даны

Въ четвертой строфѣ—ошибка мотылька:

Не рождены вы для вниманья,

Вамъ не понятенъ чувства глазъ и проч.

и приговоръ поэта цвѣтамъ:

Пускай же къ вамъ, рѣзвась, ласкается

Какъ вы минутной вѣтерокъ:

Иною прелестью плъняется

Безсмертѣя вѣстникъ, мотылекъ»

Предпослѣдній стихъ опять приводится Пушкинскимъ немного далѣе

(*) Здѣсь изображены разныя типографскія украшенія, бывшія тогда въ модѣ.

Въ дополненіе къ этой исторіи одного изданія, открывающей любопытныя черты изъ самой жизни поэта, приводимъ еще одно письмо, которое заканчиваетъ ее весьма живымъ и оригинальнымъ образомъ. Мы уже видѣли, что собраніе стихотвореній 1826 года снабжено было предисловіемъ отъ издателей, гдѣ объ авторѣ говорится какъ о третьемъ, постороннемъ лицѣ, но это предисловіе составлено по указаніямъ самого Пушкина и въ добавокъ еще, имъ же и исправлено. Вотъ что писалъ онъ брату изъ Михайловскаго, въ томъ же 1825 г. «Получилъ ли ты мои стихотворенія? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: «Многія изъ сихъ стихотвореній дрянь и недостойны вниманія Россійской публики, но какъ они часто бывали печатаны Богъ-вѣсть кѣмъ, Богъ-знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя, такъ вотъ онѣ, извольте кушать-съ, хоть это-съ дрянь» (сказать это помягче). 2, «Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы показаться темными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ, или мало занимательныхъ для почтеннѣйшей публики (Россійской), или могущіе быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, или слишкомъ не зрѣлыя, ибо Г. Пушкинъ изволилъ печатать свои стихи въ 1814 г. (т. е. 14 лѣтъ)» 3., Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ. Это непристойность и въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ я забылъ замѣтить это Вяземскому. 4., Все это должно быть выражено романтически, безъ буфонства—напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Пл—ва. Если я скажу, что проза его лучше моей—вѣдь онъ не повѣритъ. Ну по-крайнѣй мѣрѣ столь же хороша: доволенъ ли онъ? Да перецли на всякой случай это предисловіе ко мнѣ, а я пришлю вамъ замѣчанія свои. . . . ». Предисловіе дѣйствительно написано было въ томъ смыслѣ, какъ указалъ поэтъ нашъ и первое изданіе его стихотвореній наконецъ принадлежало ему одному безраздѣльно. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній для исторіи другихъ его изданій, а она могла бы представить много любопытнаго и важнаго въ біографическомъ отношеніи.

Пушкинъ самъ гордился тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ развилъ у насъ книжную торговлю, что было совершенно справедли-

во. Еще въ 1825 году писали ему изъ Москвы, въ Михайловское, что за право вторичнаго изданія трехъ, тогда уже вышедшихъ, поэмъ его, Г. Селивановскій предлагаетъ 12 тысячъ руб. ассигнаціями. Сдѣлка, кажется, не состоялась и право изданія перешло къ Г. Смирдину, который перекупилъ изданіе Бахчисарайскаго Фонтана за 3 тысячи руб. ассиг. и заплатилъ 7 тысячъ за право перепечатанія двухъ другихъ поэмъ. Мы не знаемъ, сколько автору принесли остальные его произведенія; но первое, полное изданіе Евгенія Онѣгина куплено у него было за 12 тысячъ руб. асс. и вѣроятно вдвое, если не болѣе, доставила ему отдѣльная продажа главъ. Въ 1828 году уже самъ Пушкинъ писалъ изъ Петербурга. «Здѣсь мнѣ дають (*à la lettre*) по 10 руб. за стихъ.» Вообще торговая сторона нашей литературы, еще весьма мало извѣстная, могла бы сообщить цифры, весьма любопытныя и привести къ немаловажнымъ заключеніямъ. Статистическія данныя книжной торговли, изложенныя съ нѣкоторымъ знаніемъ дѣла, объяснили бы исторію нашей письменности въ такихъ наклонностяхъ, которыя или мало, или совсѣмъ незамѣчены журнальной оцѣнкой. Книжная торговля была важнымъ дѣломъ для Пушкина: онъ никогда не упускалъ ея изъ вида и съ нее начиналъ даже многія литературныя свои предпріятія. Кто нѣсколько ближе могъ вникнуть въ характеръ Пушкина, того не удивитъ мнѣніе, которое съ особенною настойчивостію долго старался онъ укоренить въ друзьяхъ и знакомыхъ, что онъ пишетъ и печатаетъ *единственно* для денегъ. Это увѣреніе, расточаемое упорно и съ какой-то претензіей, уже показывало тѣмъ самымъ нетвердость своего основанія. Дѣло въ томъ, что оно поясняется, съ одной стороны — теоріей творчества про самого себя, о которой недавно говорили, а съ другой — жизненнымъ противорѣчіемъ, въ которомъ долго находился нашъ поэтъ. Извѣстно, что онъ всего болѣе опасался, въ виду свѣта, своего настоящаго призванія и титла поэта. Обязанный лучшими минутами жизни уединенному, кабинетному труду, онъ искалъ успѣховъ и торжествъ на другомъ поприщѣ и считалъ помѣхой все, что къ нему собственно не относилось. Увѣреніемъ, что онъ пишетъ изъ расчета, какъ

другой заводитъ фабрику или занимается агрономіей, старался онъ передъ свѣтомъ закрыть свое достоинство писателя, въ которомъ никакъ не хотѣлъ явиться передъ нимъ, хотя доброй частью своихъ успѣховъ обязанъ былъ именно блеску, сопровождающему необыкновенный талантъ. Только въ послѣднихъ годахъ своей жизни теряетъ онъ ложный стыдъ этотъ и является въ свѣтъ уже какъ писатель. Важные труды, принятые имъ на себя, и знаменитость самаго имени, освобождаютъ его отъ предубѣжденія, отличавшаго его молодые года. Въ эпоху, которой занимаемся, всякое смѣшеніе свѣтскаго челоуѣка съ писателемъ наносило ему глубокое оскорбленіе. Съ одушевленіемъ читалъ онъ свои произведенія людямъ, занимающимся литературою, но когда въ одномъ, и весьма любимомъ имъ, домѣ высшаго круга, просили его прочесть что-нибудь, онъ съ жаромъ и негодованіемъ прочелъ только - что написанное стихотвореніе: *Чернь* и говорилъ потомъ: «въ другой разъ не будутъ просить у меня стишковъ.» Это двойственное положеніе въ обществѣ превосходно выражено имъ самимъ въ томъ отрывкѣ, который, со многими другими, предшествовалъ созданію «Египетскихъ ночей.» Художественно передана тамъ, въ лицѣ Чарскаго, борьба различныхъ направленій въ одномъ челоуѣкѣ и образъ Чарскаго, какъ произведеніе искусства, гораздо лучше объяснить читателю лице поэта, чѣмъ всѣ наши разборы и описанія. Такое значеніе имѣютъ постоянныя увѣренія Пушкина, что онъ пишетъ для себя, печатаетъ для денегъ и не думаетъ о славѣ или извѣстности. У насъ есть продолженіе неизданнаго и утеряннаго стихотворенія поэта, написанное имъ на одной сторонѣ печатнаго объявленія, оторваннаго, вѣроятно, отъ какого - нибудь Французскаго романа.

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
— «Смотрите! Вы поэтъ; уклонкой лицемѣрной
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна:
Смѣшной и суетной вамъ кажется она,
Зачѣмъ же пишете? — Я? Для себя! — «За что же
Печатаете вы?» — Для денегъ! — «Ахъ мой Боже!
Какъ стыдно!» — Почему жъ?

На другой сторонѣ листка, гдѣ набросаны эти стихи, не лишены, какъ кажется, нѣкотораго ироническаго оттѣнка, напечатано объявленіе Французскаго книгопродавца: *Ouvrages sous presse. Contes Noires, 1 Volume in 8°. — Aloise ou le testament de Robert*, и проч. и проч. (*)

Вмѣстѣ съ письмами къ Погодину, мы имѣемъ еще изъ Михайловскаго и одно любопытное письмо Пушкина къ Дельвигу (отъ 31-го Іюля 1827 г.). Посылая ему пьесу: *Подъ небомъ голубымъ страны своей родной*, для Сѣверныхъ Цвѣтовъ, Пушкинъ писалъ:

«Вотъ тебѣ обѣщанная Элегія, душа моя. Теперь у тебя отрывокъ изъ Онѣгина, отрывокъ изъ Бориса, да эта пьеса — стараюсь прислать еще что нибудь. Вспомни, что у меня на рукахъ Московскій Вѣстникъ и что я не могу его оставить на произволь судьбы. Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ. Я въ деревнѣ и надѣюсь много писать; къ концу осени буду у васъ — вдохновенія еще нѣтъ; покамѣстъ принялся за прозу. Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что твоя проза и что твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную Музу? Кстати: С. говорилъ мнѣ о «Вечерѣ у Карамзина»... Не печатай его въ своихъ Цвѣтахъ... Наше

(*) Въ 1824 году, въ то время, какъ книгопродавецъ Смирдинъ только что купилъ за 3000 р. ас. все изданіе Бахчисарайскаго Фонтана, напечатаннаго Кн. Вяземскимъ, Пушкинъ получаетъ извѣстіе въ Одессѣ, что поэма его уже читается въ рукописяхъ почти всѣмъ Петербургомъ. Пушкинъ пришелъ въ неопределенное волненіе и начертилъ два сильныхъ выговора брату и друзьямъ своимъ. Вотъ первый: «Вотъ что пишеть ко мнѣ Вяз — їй:

«Въ *Благонамеренномъ* читалъ я, что въ какомъ-то учебномъ обществѣ читали твой Фонтанъ еще до напечатанія (на что это похоже?) и что въ Петербургѣ ходять тысячи списковъ съ него. Кътожъ послѣ будетъ покупать? Я на совѣсти грѣха не имѣю и проч.»

«Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 р., а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-Европейски, обернутся и останутся въ накладѣ; да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ обязавъ я про все, *друзьямъ моей славы* — ч... ихъ возьми и съ нею! Тутъ смотри какъ бы..., а они кричатъ *слава!* Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно. Требую отъ тебя одного — напиши мнѣ какъ Фонтанъ рас-

молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично: не *** прерывать его. Это было бы неприличноѣ. Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цалуетъ; а я ей кланяюсь. Пиши же. 31-го Юля. Михайловское.»

Стихотвореніе, приложенное къ этому письму, наводитъ мысль нашу на два другія стихотворенія Пушкина, именно на пьесу: *Для береговъ отчизны дальней* и на *Заклинаніе*, которыя, будучи взяты всѣ вмѣстѣ, представляютъ одну трехчленную лирическую пѣснь, обращенную къ какому-то неизвѣстному лицу, или, можетъ быть, къ двумъ неизвѣстнымъ лицамъ, умершимъ за границей. Это однѣ изъ всѣхъ пѣсень Пушкина, жизненнаго источника которыхъ отыскать весьма трудно, но что опѣ не принадлежать къ области чистаго вымысла, свидѣлствуютъ его рукописи. Тамъ, надъ первою изъ нихъ: «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной,» поставлено было у Пушкина число: «29 Юля 1826 года,» а внизу ея начертаны слѣдующія загадочныя слова:

«Усл. . . . о. см. 25.

У. о. с. Р. И. М. К. Б.: 24.»

Въ обѣихъ строчкахъ первыя слова мы читаемъ: «услышалъ о смерти,» но буквы Р. И. М. К. Б. и цифры остаются тай-

ходится или запишусь въ Гр. X — ы и самъ раскуплю половину изданія» — Вотъ второй выговоръ:... «были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ея мудроно довольствоваться Слава льститъ можетъ какому-нибудь В. К — ву, которому льстить и Петербургскія знакомства, а человекъ немного корягодный, презираетъ и тѣхъ, и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu? На сей вопросъ Ламаргина, отвѣчаю: я пѣлъ какъ булочникъ печь, портной шить, Б — въ пишеть, лекаръ морить — за деньги! П — въ пишеть мнѣ, что Бахчисарайскій Фонтанъ у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей славі! Остается узнать, раскушится-ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи, но это бездѣлица. Поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Бор — чь, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола! . . .» Та же, впрочемъ, исторія повторилась съ Цыганами, со II-й главой Овѣгина и со многими другими произведеніями поэта и опять вызвала словесныя и письменныя укоры его. Пушкинъ никакъ не могъ понять, что мудроно было удержать въ секретѣ новинку, вышедшую изъ — подъ пера его, какъ только попалась она въ чьи-либо руки.

ной, которую объяснить теперь съ достовѣрностью весьма затруднительно (*). Пьеса замѣчательна и тѣмъ, что первый стихъ ея читается въ рукописи: «Подъ небомъ *сладостнымъ Италин своей.*» Эго былъ, такъ сказать, настоящій стихъ, ближе выразившій самую мысль поэта, но онъ не имѣлъ риѣмы въ соотвѣтствующемъ ему третьемъ стихѣ, почему и перемѣненъ на тотъ, который теперь стоитъ въ началѣ пьесы. Гораздо труднѣе объяснить перемѣну, сдѣланную Пушкинымъ во второмъ стихотвореніи. Онъ начиналъ его такъ:

Для береговъ *ужбины* дальней
Ты покидала край *родной*,

и почти тотчасъ же сдѣлалъ поправку на рукописи:

Для береговъ *отизны* дальней
Ты покидала край *ужой*,

сохранившуюся въ печати. Трудно теперь рѣшить, которая изъ двухъ редакцій ближе къ исторической истинѣ. Всего болѣе свидѣтельствуетъ, что стихотворенія эти связаны какой-либо стороной съ дѣйствительностію, одна поправка въ третьемъ изъ нихъ: *Заклинаніе*. Тамъ Пушкинъ просто зачеркнулъ всю вторую превосходную строфу, начиная со стиха: «*Явись возлюбленная твоя.*» Подобнымъ уничтоженіямъ подвергались у Пушкина, или дѣйствительно слабыя мѣста пьесъ, или такія, которыя содержаніемъ своимъ уже слишкомъ рѣзко и очевидно выражали задушевныя мысли его самого. Къ счастью зачеркнутое мѣсто восстановлено было издателями Пушкина. Для образца, какъ лирической поэтъ нашъ умѣлъ соединять и необычайную искренность и необычайную осторожность въ своихъ произведеніяхъ,

(* Темный намекъ на нее заключаетъ одно стихотвореніе В. Туманскаго, которое мы нашли въ Альманахѣ: Сѣверная Лира на 1827, изд. Гг. Раича и Ознобищина. Стихотвореніе имѣетъ такое оглавленіе: «На кончину Р. . . . Сонетъ. Посвящ. А. С. Пушкину.» Выписываемъ первые стихи сонета:

Ты на землѣ была любви подруга:
Твои уста дышали слаще розъ,
Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ
Горѣла страсть, блистало небо Юга.

Въ концѣ сонета является помѣтка: «Одесса, Іюль, 1825.»

можемъ разсказать исторію созданія чудной пьесы его: *Воспоминаніе (Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день)* Кто не помнитъ ея?

Эта уединенная исповѣдь, открывающая читателю, по-видимому, всѣ душевныя тайны поэта, останавливается тамъ, гдѣ вмѣсто общаго выраженія чувства человѣческаго, должно явиться выраженіе чувства отдѣльнаго лица. Пьеса принадлежитъ къ 1828 году. Сѣмена, брошенныя суетой свѣта и собственными погрѣшностями — вырастаютъ часами томительнаго бдѣнія въ ночи, муками и слезами раскаянія. Съ чуднымъ двоеетишіемъ:

И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю,

кончается исповѣдь для свѣта, но Пушкинъ еще продолжаетъ ее, уже не изъ потребности творчества, а изъ потребности высказаться и полнѣе опредѣлить себя. Нѣсколько замѣчательныхъ строфъ посвящаетъ онъ еще разбору своей жизни, но эти строфы, какъ представляющія частныя подробности, уже выпускаются изъ печати.

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
Встаютъ два призрака молодые,
Двѣ тѣни милыя — два данныя судьбой
Мнѣ Ангела, во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ.
И стерегутъ. . . и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!

19 Мая 1828.

Такъ пьеса эта представляетъ намъ образецъ художническаго очищенія произведеній и вмѣстѣ ихъ родства съ душой поэта,

чѣмъ и объясняется тайна ихъ теплоты и неотразимаго вліянія на читателя.

Возвращаясь къ письму, остановимся на словахъ автора: «вдохновенія еще нѣтъ; покамѣстъ принялся за прозу.» Онъ точно принялся за прозу и это была первая проза, выражаясь его словами, которую представилъ онъ публикѣ на другой годъ въ формѣ *Мыслей и Замѣчаній*, напечатанныхъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ. Отрывочныя замѣтки эти пройдены были публикой безъ особеннаго вниманія; но сколько въ нихъ живаго ума и способности брать новую сторону всякаго предмета, теперь не трудно замѣтить. Довольно странно, что бѣглыя мысли Пушкина, набросанныя съ твердостью руки, обличающей мастера, и драгоценныя по отношенію къ нему самому, пропущены были послѣднимъ, посмертнымъ изданіемъ его сочиненій, которое не обратило даже вниманія на стихи его, помѣщенные между ними. Въ то же лѣто и началомъ осени 1827 года, Пушкинъ написалъ уже большую часть исторической повѣсти: *Арапъ Петра Великаго*, которая задумана была еще въ 1826 году. Романомъ этимъ Пушкинъ положилъ основаніе простому, безыскусственному, но точному и живописному языку, который остался его достояніемъ и не имѣлъ подражателей. Должно сознаться, что самъ поэтъ нашъ виноватъ нѣсколько въ тѣхъ смутныхъ мысляхъ, которыя рождались въ публикѣ при каждомъ новомъ его произведеніи. Онъ выдавалъ ихъ не послѣдовательно, съ перескоками, скрывавшими связь и зависимость ихъ одинъ отъ другаго. Такъ, *Полтава* двумя годами явилась ранѣе Бориса Годунова, между-тѣмъ, какъ она написана три года спустя послѣ хроники. Стихъ Полтавы, доведенный до изумительной простоты и выразительности, можетъ быть, скорѣе нашелъ бы сочувствіе въ читателяхъ, если бы они были приготовлены хроникой къ его появленію. Добродушный и тонкій юморъ *Повѣстей Бѣлкина*, написанныхъ два года спустя послѣ Арапа, можетъ-статься, былъ бы замѣченъ ранѣе, если бы читатели могли сперва познакомиться вообще со слогомъ автора посредствомъ романа: *Арапъ Петра Великаго*. Одинъ отрывокъ его помѣщенъ былъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 г., а другой въ Литературной газетѣ

1830, № 13. Первый носилъ заглавіе: «IV глава изъ историческаго романа,» второй: «Ассамблея при Петрѣ Первомъ», и содержаль указаніе на источники—Голикова и Русскую Старину. По бумагамъ видно, что романъ писался съ строфами VII главы Онѣгина, который еще прежде въ III главѣ содержаль извѣстное предвѣщаніе:

... Быть можетъ, волею небесъ,
 Я перестану быть поэтомъ,
 Въ меня вселится новыи бѣсъ,
 И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
 Унижусь до смиренной прозы:
 Тогда романъ на старыи ладъ
 Займетъ веселыи мой закатъ.
 Не муки тайныи злодѣйства
 Я грозно въ немъ изображу,
 Но просто вамъ перескажу
 Преданья Русскаго семейства,
 Любви плѣнительныи сны,
 Да нравы нашей старины...

Пушкинъ не пересталъ быть поэтомъ и еще далеко ему было до заката, но мысль о романѣ, которымъ хотѣлъ онъ завершить свою литературную дѣятельность, уже не оставляла его съ 1827 года. Много начатковъ повѣстей и рассказовъ осталось въ его бумагахъ, но историческій романъ изъ Русской жизни былъ въ это время его любимымъ предположеніемъ. Онъ говорилъ друзьямъ: «Богъ дастъ, мы напишемъ историческій романъ, на который и чужіе полюбуются.» И никто болѣе его не былъ способенъ къ созданію такого романа: его ровный, невозмутимоспокойный рассказъ, въ которомъ безъ всякаго усилія являются на сцену лица и происшествія, вполне живыя и dokonченныя; твердыя стопы, какими ведетъ онъ происшествіе, не замазывая пустыихъ мѣстъ, не изукрашая и не пестря подробностей, что уже стало нынѣ необходимымъ условіемъ успѣха, все это упрочивало за Пушкинымъ возможность полнаго достиженія задуманной имъ цѣли. Даже теперь, послѣ мощныхъ произведеній Гоголя, рассказъ Пушкина, свѣтлый и мѣрно-люющійся, какъ прозрачная струя, имѣетъ

обаятельную прелесть для чувства, эстетически развитого. Поэтъ любилъ преданія родной старины съ дѣтской любовью: извѣстно, что онъ заслушивался разсказовъ о старомъ житьѣ-бытьѣ, о нравахъ ближайшихъ къ Петру Первому и появившихся за нимъ. Однажды, со словъ пріятеля своего, передававшего ему преданія собственнаго своего семейства, составилъ онъ записку, помѣщенную въ посмертномъ изданіи и у насъ, подъ названіемъ: *Отрывки изъ біографіи Н. Несомнѣнно, что, по тону разсказа, Аранъ Петра Великаго и Капитанская дочка, такъ схожи, какъ будто написаны вмѣстѣ, хотя ихъ раздѣляютъ цѣлыя 9 лѣтъ. Такъ, съ перваго раза, нашелъ Пушкинъ свой оригинальный стиль, чего другіе не находятъ всю жизнь, не смотря на множество усилій. Однакожъ, если мы имѣемъ право заключить, что послѣдній періодъ жизни Пушкинской по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ бы занятъ романомъ, то съ другой стороны, уже нельзя утвердительно сказать какого рода могъ быть романъ. Наравнѣ съ историческимъ и романъ современный съ яркими, характерными чертами общества имѣлъ въ немъ, какъ и во всемъ другомъ, мощнаго представителя. Образецъ послѣдняго, такъ много общающій, данъ былъ Пушкинымъ въ 1832 году — извѣстной повѣстью: *Дубровский*.*

Въ началѣ зимы, Александръ Сергѣевичъ покинулъ Михайловское, но мы уже лишены данныхъ, чтобы хронологически слѣдить за его переездами изъ столицы въ столицу, въ концѣ 1827 и зимой 1828 г.: слѣды людей пропадаютъ скоро, если не помѣчены особенными обстоятельствами. По бумагамъ Пушкина и, преимущественно, по собственноручнымъ числовымъ замѣткамъ его на стихотвореніяхъ, которыя намъ служатъ руководящею нитью, мы знаемъ только съ достовѣрностью, что въ Маѣ мѣсяцѣ 1828 года былъ онъ въ Петербургѣ и провожалъ тогда одного изъ своихъ пріятелей за границу. На самомъ пароходѣ написано было стихотвореніе: *To Dawe Esqr и въ тетрадахъ Пушкина помѣчено: «9-го Мая 1828 года. Море.»* Въ это время существованіе Пушкина дѣлается порывистымъ и безпокойнымъ. Мѣсяцъ тому назадъ, Пушкинъ, вѣроятно, утомленный столичной жизнью, просилъ позволенія участвовать въ открывшейся тогда кампаніи

противъ Турокъ, но, разумѣется, желаніе его не могло исполниться. Безъ свѣдѣній и необходимаго приготовленія къ военному поприщу, нельзя было раздѣлять и славу войны. Мысли его становятся тревожны и смутны въ это время, и часто возвращается онъ къ самому себѣ, съ грустью, упрекомъ и мрачнымъ настроеніемъ духа. Стихотворенія: *Воспоминаніе* написано 19 Мая, *Даръ напрасный* 26 Мая, а за ними слѣдовало: *Снова туки надо мною*. . . .

На лѣто онъ, по обыкновенію, уѣзжаетъ въ Михайловское, но, противъ всѣхъ привычекъ, мы его снова уже находимъ въ Петербургѣ, въ первыхъ числахъ Октября. Этотъ мѣсяць всегда ставалъ его въ деревнѣ; теперь было на-оборотъ: Пушкинъ является въ Петербургъ и, въ шумѣ дѣлъ, съ неописаннымъ жаромъ принимается за созданіе новой поэмы. Въ одинъ Октябрь мѣсяць оканчиваетъ онъ ее, не выѣзжая изъ города. Поэма эта была *Полтава*.

Чрезвычайно быстро писалось новое творческое произведеніе подѣ дѣйствіемъ постоянного, неизмѣннаго вдохновенія, въ которомъ Пушкинъ нашель, какъ и всегда, отдохновеніе и цѣлительную силу для нравственнаго своего существа. Какъ велико было напряженіе его поэтическаго генія при созданіи *Полтавы*, можно судить по цифрамъ, выставленнымъ въ концѣ каждой изъ пѣсень ея и сохранившимся на клочкахъ черновой рукописи. Тамъ мы видимъ, что первая пѣснь кончена 3-го Октября, вторая 9-го, третья—16-го; другими словами. двѣ пѣсни *Полтавы* написаны были въ 13 дней, исполненныхъ еще, какъ видно по тѣмъ же бумажкамъ, обычныхъ дѣлъ для Пушкина: посѣщенія гостей и пріемовъ. Со всѣмъ тѣмъ другой черновой оригиналъ ея, находящійся въ тетрадахъ Пушкина, опять обнаруживаетъ всегдашній упорный трудъ поэта и намъ уже извѣстную манеру его: ставить указательные знаки своему вдохновенію. Такъ въ первой пѣсни, передъ изображеніемъ Мазепы, мы встрѣчаемъ коротенькія строчки: «портретъ Мазепы, его ненависть, его замыслы, его сношенія съ П. и К. (съ Петромъ и Карломъ), пиры, ночи» и слѣдъ за ними стихи:

Кто сидеть въ глубину морскую,
 Покрытую недвижно льдомъ?
 Кто испытующимъ умомъ
 Проникнетъ бездну роковую
 Души коварной? и проч.

Въ той же пѣсни, послѣднимъ ея страницамъ, именно: путешествію козака съ доносомъ на Мазепу (козакъ называется, въ замѣткахъ Пушкина, по имени: Зуйкевичъ), описанію переговоровъ Мазепы съ Іезуитомъ и наконецъ первой вѣсти о доносѣ (*) — всему этому предшествуютъ строки: «Зуйкевичъ ѣдетъ, между тѣмъ сношенія съ Іезуитомъ, извѣстіе о доносѣ.» Такая же программа является у Пушкина и для Маріи, и для подробностей, предшествующихъ Полтавской битвѣ: «Марія, Зуйкевичъ, доносъ, ночь передъ казнью, мать Маріи, казнь, сумасшедшая, измѣна, Полтава.» Тутъ обозначенъ весь ходъ поэмы, котораго авторъ держался уже неизмѣнно, со строгостію и властію надъ собственной фантазіей, свойственными ему. Чрезвычайно любопытно слѣдующее обстоятельство. Въ самомъ началѣ поэмы, описаніе красоты Маріи стоило, какъ видно, нѣкоторыхъ усилій Пушкину. Надо было обрисовать личность и поэтическій образъ Маріи съ простотою народнаго разсказа, но не входя въ поддѣлку сказочной рѣчи. Пушкинъ мараль свои стихи, возвращался къ нимъ и снова замѣнялъ ихъ другими. Какъ будто удивленный этой досадной остановкой на одномъ лицѣ, онъ вдругъ покидаетъ его и, подѣ стихами о Маріи, начинаетъ писать совсѣмъ другое:

Рифма — звучная подруга
 Вдохновеннаго досуга,
 Вдохновеннаго труда,
 Ты умолкла, улетѣла,
 Измѣнила навсегда!

Твой привычный, звучный лепетъ
 Усмирялъ сердечный трепетъ,

(*) Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспринялъ,
 Когда предъ нимъ незанно грянулъ
 Упавшій громъ! и проч.

Усылила мою печаль!
 Ты ласкалась, ты манила
 И отъ міра уводила
 Въ очарованную даль!

Ты, бывало, мнѣ внимала
 За мечтой моей бѣжала
 Какъ послушное дитя;
 То — свободна и ревнива,
 Своенравна и лѣнива,
 Съ нею спорила шутя.

..... (*)
 Сколько разъ повиновался
 Рѣзвой прихопѣ твоей,
 Какъ любовникъ добродушной,
 Снисходительно послушной

О, когда бы ты явилась
 Въ дни, какъ еще топилась
 Олимпійская семья!
 Ты бы съ ними обитала,
 И какъ пышно бы блистала
 Родословная твоя!

Взявъ божественную лиру,
 Такъ повѣдали бы міру
 Гезіодъ или Омиръ:
 «Тебѣ однажды у Адмета,
 Близъ гѣнистаго Тайгета,
 Стадо пась, утрюмъ и сирь.»

«Онъ бродилъ во мракѣ лѣса
 И никто, страшась Зевеса,
 Изъ богинь или боговъ,
 Навѣщать его не смѣли —
 Бога лиры и свирѣли,
 Бога свѣта и стиховъ!»

(*) Точки замѣняютъ и недописанные Пушкинымъ, и неразобранные нами стихи.

«Помня первыя свиданья
 Утолить его страданья
 Мнемозина лишь одна
 притекла
 »

Далѣе слѣдуютъ безсвязныя строчки, которыя, вѣроятно, хорошо понималъ авторъ ихъ, но изъ которыхъ теперь мы можемъ только извлечь приблизительную догадку о концѣ стихотворенія: Діана сокрыла отъ гнѣвнаго Зевеса, ночью и въ чащѣ лѣса, дочь, рожденную Мнемозиной отъ Аполлона: дочь эта и была Рифма (*). Набросавъ свое стихотвореніе, Пушкинъ возвращается къ Маріи и продолжаетъ ее портретъ:

Но не единая краса
 (Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
 Въ молодой Маріи почтена. . . . и проч.

Такъ-то, по богатству фантазіи, съ перваго стиха, написаннаго почти изъ шалости, представилась автору полная пьеса, которую онъ и докончилъ, и такъ-то справедливы были его жалобы на непокорность рифмы!

Критическій осмотръ произведенія, неразлучный у Пушкина съ самимъ созданіемъ, выразился въ двухъ замѣчательныхъ пропускахъ тогда, какъ уже поэма, переписанная на-бѣло, готова была поступить въ типографію. Къ характеристикѣ козака, тайно любившаго Марію (первая пѣснь), принадлежали еще слѣдующіе стихи, которые сообщали ему романическій, нѣсколько ложный оттѣнокъ, замѣченный проницательнымъ взглядомъ автора.

Убитый ею, къ ней одной
 Стремилъ онъ страстныя желанья,
 И горькой ропотъ и мечтанья
 Души кипящей и больной.
 Еще хоть разъ ее увидѣтъ
 Безумной жадой онъ горѣлъ:
 Ни презирать, ни ненавидѣтъ
 Ее не могъ и не хотѣлъ.

(*) Мысль этого стихотворенія воспроизведена была потомъ въ антологической пьесѣ: *Рифма*, принадлежащей уже къ 1830 году.

Второе выпущенное мѣсто принадлежитъ къ сценѣ сумасшествія Маріи, т. е. концу третьей пѣсни. Послѣ стиховъ:

Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокой,
Но вихрю мыслей предана. . . .

слѣдовалъ монологъ Маріи, здѣсь прилагаемый:

•Ей-Богу, говорить она,
Старуха жеть. Съдой проказникъ,
Тамъ въ башнѣ спрятался. Пойдемъ,
Не будемъ горевать о немъ,
Пойдемъ. . . . Какой сегодня праздникъ?
Народъ бѣжитъ, народъ поеть —
Пойду за ними; я на волю,
Меня никто не стережетъ. . . .
Алтарь готовъ; въ веселомъ полѣ
Не кровь. . . . О нѣтъ, вино течеть!
Сегодня праздникъ. Разрѣшили. . . .
Женихъ не крестный мой отецъ,
Отецъ и мать меня простили:
Идетъ невѣста подъ вѣнецъ!»
Но вдругъ, потуша взоръ безумный,
Видѣнья страшнаго полна:
Однакожь, говорить она. . . .

Далѣе сохранено все окончаніе пѣсни, но это мѣсто четырежды зачеркнуто Пушкинымъ и собственной рукой своей написалъ онъ съ боку его, для типографіи: «не набирать этого.» Чуткій слухъ его, вѣроятно, былъ пораженъ театральнымъ, отчасти мелодраматическимъ тономъ монолога и тотчасъ же отсѣкъ онъ неправильный наростъ, случайно, въ недосмотрѣ созданія, привившійся къ произведенію. Такъ внимательно долженъ слѣдить за собой всякій писатель. Самъ Пушкинъ иногда не могъ избѣгнуть, при всей своей зоркости, уклоненій отъ прямого пути, нечаянныхъ пятенъ въ созданіи!

Поэма явилась въ 1829 году, и мы скажемъ правду, если скажемъ, что за ней послѣдовало всеобщее недоумѣніе: почти никто не узналъ въ ней Пушкина! Блестящій, огненный стихъ

его, который такъ справедливо сравнивали съ красавицей, уступилъ мѣсто сжатому и многовѣсному стиху, поражавшему своей опредѣленностию. Трудно было осмотрѣться и проникнуться величіемъ этихъ стиховъ, послѣ сладкихъ и задушевныхъ строчекъ Бахчисарайскаго Фонтана и Цыганъ.

Какъ барельефъ великолѣпнаго памятника, создана была вся историческая часть поэмы и непривычному глазу трудно было объять его содержаніе, насладиться его спокойствіемъ, его художническимъ распредѣленіемъ частей, особливо, если еще вспомнимъ, что въ большинствѣ публики съ названіемъ «поэма» связывалось понятіе о страсти, движеніи, живописи сердца.

Складъ поэтической рѣчи, употребленный для описанія и связи историческихъ событій, былъ тоже непонятнымъ явленіемъ. Сильно окрашенный эпическимъ тономъ народнаго разсказа, онъ былъ новъ не только для массы читателей, но и для критиковъ. Такъ, самые яростные противники Пушкина находили въ отвѣтъ Кочубея передъ пыткой:

Такъ, не ошиблись вы: три клада

Въ сей жизни были мнѣ отрада... и проч.

проблескъ самостоятельнаго вдохновенія (См. Вѣстникъ Европы 1829, № 9, стр. 30, Изящн. Словес.), между-тѣмъ какъ одинъ изъ приверженцевъ его осуждалъ это мѣсто подъ предлогомъ, что Кочубей въ страшную минуту жизни не могъ говорить каламбурами и загадками (См. Сѣверные Цвѣты на 1830, Обзор. Словес.). Но отвѣтъ Кочубея, какъ и другія мѣста, идутъ параллельно съ фигуральнымъ выраженіемъ народныхъ эпоей и порождены ихъ духомъ и приемами. Правда, одинъ журналъ (Московскій Телеграфъ, часть xxvii, стр. 219) утверждалъ за поэмой качество Русской поэмы по преимуществу, но до такой степени неопредѣленно, что изъ словъ его замѣтно скорѣе предчувствіе дѣла, чѣмъ настоящее пониманіе его. «Въ Полтавѣ, говоритъ онъ, господствуетъ спокойствіе совершенно Шекспировское и, сквозь мѣрное теченіе всей поэмы, чувствуется только *невидимая сила духа Русскаго*, которою поэтъ оживилъ каждое положеніе, каждую рѣчь дѣйствующихъ лицъ.» Такъ, по этому опредѣленію, и Карлъ XII и Мазепа награждены сплюю духа Русскаго, которая дѣйстви-

тельно еще могла назваться невидимкой какъ въ отношеніи этихъ лицъ, такъ и въ отношеніи многихъ рецензентовъ поэмы.

Но полный образецъ той чудной и весьма обыкновенной, къ сожалѣнію, критической слѣпоты, какаѣ часто отличаетъ современниковъ, можно представить статью о Полтавѣ, напечатанную въ Вѣстникѣ Европы (1829, № 8 и 9), и тѣмъ болѣе заслуживающую упоминенія, что она имѣла силу волновать Пушкина, возражавшаго на многія изъ ея обвиненій. Вѣстникъ Европы, умершій въ 1830 г., какъ будто собралъ къ концу своего поприща все негодованіе, накопленное въ немъ долгими годами насмѣшекъ и оскорбленій, нанесенныхъ ему тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ писателей, и отвѣчалъ имъ въ послѣдній разъ съ удвоеннымъ жаромъ и энергіей. . . . Прежде всего слѣдуетъ здѣсь отстранить лице редактора, о которомъ мы можемъ судить теперь безпристрастно и находить, преимущественно въ ученыхъ его трудахъ, многія права на уваженіе и почетное мѣсто въ исторіи литературы (*). Съ 1828 года является другой дѣятельный сотрудникъ на помощь журналу и даетъ старымъ жалобамъ его на легкость современной литературы, на самонадѣянность ея, неу-

(*) Известны эпиграммы Пушкина на Вѣстникъ Европы, которыми утѣшалъ онъ самого себя и людей, задѣтыхъ сужденіемъ журнала, но это еще не полный примѣръ страстнаго увлеченія въ спорѣ. Самъ Вѣстникъ Европы, великодушно перепечаталъ изъ Сына Отечества (1820, № 2) посланіе къ себѣ, гдѣ первые два стиха содержатъ рѣзкое обращеніе къ лицу, едва прикрытое литературнымъ оборотомъ. Посланіе принадлежало перу одного изъ почетнѣйшихъ нашихъ писателей и остается примѣромъ полемическихъ уклоненій. Мы уже объ немъ упоминали. Кромѣ стиховъ, Пушкинъ написалъ еще цѣлую, довольно большую статью въ прозѣ противъ направленія журнала, напечатанную въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 годъ, подъ названіемъ: *Отрывокъ изъ литературныхъ мѣтописей*. Она не вошла въ послѣднее посмертное собраніе его сочиненій 1838—41, по правилу, принятому тогда, исключать всѣ полемическія статьи, рожденныя современными спорами, правилу, котораго и настоящее изданіе придерживается. Замѣчательно однакожъ, что посмертное изданіе, собравъ эпиграммы Пушкина, касавшіяся Вѣстника Европы, откинуло всѣ, къ нему не относившіяся, каковы двѣ напечатанныя въ альманахѣ «Денница», (1831), одна въ журн. Московскій Наблюдатель (1836, томъ VII) подъ названіемъ: «Синокили: Гостинкал, Салонъ», одна въ Антологіи М. Яковлева, 1828 года подъ названіемъ: «Русскому Икарю» и проч. Этими нарушалась вѣрность принятой системѣ.

важеніе къ старымъ образцамъ, на безначаліе и отсутствіе торжественности въ ея произведеніяхъ, новую силу, ѣдкость и перемѣняютъ оборонительное положеніе журнала на смѣлое, наступательное движеніе. Онъ пишетъ не замѣтки, а большія статьи въ странной драматической формѣ, гдѣ одно лице обязано говорить вздоръ, а другое быть постоянно умникомъ. Мѣсто дѣйствія этихъ критическихъ пословицъ происходитъ въ каморкахъ, косморамахъ, на буйныхъ вечерахъ, на прогулкахъ. Все это обличало отсутствіе вкуса въ авторѣ, который, съ другой стороны, владѣлъ несомнѣнными признаками критической способности, мыслящаго ума, начитанности и ловкаго анализа. Одинъ только существенный недостатокъ для критика изящныхъ произведеній, недостатокъ эстетическаго чувства, уничтожалъ всѣ его качества и приводилъ къ неимовѣрнымъ странностямъ какъ въ формѣ статей, такъ и въ содержаніи ихъ. Всю дѣятельность молодыхъ писателей, подъ которыми всегда подразумѣвался только Пушкинъ, опредѣлялъ онъ этими бойкими словами, показывавшими заносчивость безъ-оглядки: «Главнѣйшими изъ пружинъ, приводящими въ движеніе весь шитическій машинизмъ ихъ (новѣйшихъ поэтовъ), обыкновенно бываютъ: пуншъ, ай, бордо, дамскія ножки, будуарное удалство, площадное подвижничество. Самую любимую сцену дѣйствія составляютъ Муромскіе лѣса, подвижные Бессарабскіе наметы, магическое уединеніе овинновъ и бань, спаленные закоулки и Чермопилы. Оригинальные костюмы ихъ:

Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавыя языки
Рога и пальцы костяные!

(IV глава Онегина, стр. XIX.)

Торжественный оркестръ ихъ:

Визгъ, хохоть, свистъ и хлопъ
Людская моль и конскій топъ . . . »

(IV Глава Онегина, стр. XVIII)

(Вѣстникъ Европы 1828, № 21 и 22, статья: *Литературныя опасенія за будущій годъ*).

Не продолжаемъ выписокъ, но таковъ былъ взглядъ критика на Пушкина, и когда послѣ вздоровъ Тлѣнскаго (лица, обязаннаго говорить вздоръ), онъ пишетъ нѣсколько дѣльныхъ страницъ о необходимости изученія какъ самой природы, такъ и великихъ произведеній духа человѣческаго, для укрѣпленія и развитія творческой способности въ себѣ, то совсѣмъ и не предполагаетъ, что Пушкинъ посвящалъ имъ многіе и лучшіе часы своей жизни.

Извѣстенъ разборъ того же критика повѣстей: *Балъ и Графъ Нулимъ* (Вѣстникъ Европы № № 2 и 3, 1829). Шутка нашего поэта, само собою разумѣется, не могла найти пощады у строгаго судьбы, который и вообще въ поэзіи искалъ, кажется, громкихъ словъ и внѣшняго эффекта, но разборъ написанъ былъ чрезвычайно живо и до-сихъ-поръ вызываетъ улыбку, если не остроуміемъ, то ловкой пародіей содержанія и стиховъ пьесы. Это самая удачная вещь критика. Но разборъ *Полтавы*, явившійся въ томъ же 1829 году (№ № 8 и 9), лишень уже и послѣдняго качества—веселости: онъ сухо-странень, чтобъ не сказать болѣе. Дѣйствіе его происходитъ въ косморамѣ, гдѣ мужичекъ показываетъ народу самыя лучшія Фонтаны Бахчисарайскіе, а фигуру мудрости представляетъ отставной корректоръ Университетской типографіи, Пахомъ Сильгчъ Правдинъ. На вопросъ: что Полтава? Пахомъ отвѣчаетъ: «И ничего!» За тѣмъ сравниваетъ онъ Мазепу Байрона — *«лицетворенный идеаль буйной независимости, пошмѣвающейя встѣмъ ударамъ и кознямъ враждебной жизни»* съ Мазепой Пушкина, который *«есть ни что иное, какъ лицемерный, бездушный старичишка»*, ни сколько не схожій съ извѣстнымъ историческимъ лицомъ. Матрена Кочубей также искажена въ характерѣ, какъ и въ имени, по мнѣнію критика. Любовь ея къ Мазепѣ — старику — невозможность, любовь старика Мазепы — фарсъ. Происхожденіе Полтавской битвы объяснено въ поэмѣ, по словамъ Правдина, только пострадавшими усами Мазепы. «Ай да усы! Это былъ бы кладъ для покойнаго выворачивателя Энеиды на-изнанку», прибавляетъ Пахомъ Сильгчъ. Казнь Кочубей написана съ хладнокровнымъ самоуслажденіемъ, по толкованію Правдина; Карлъ

неприлично названъ бойкимъ мальчишкой и притомъ онъ еще побурлачки кричить надъ ухомъ Гетмана:

.... ого! Пора
Вставай Мазепа,

сумасшествіе Маріи и визгъ ея непристойны: «эдакъ говорятъ только объ обваренныхъ собакахъ» и въ заключеніе Пахомъ Сильчъ опредѣляетъ музу Пушкина (*): «Ето есть, по моему мнѣнію, рѣзвая шалуныя, для которой весь міръ ни въ копѣйку; ея стихиа пересмѣхатъ все худое и хорошее.... не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ охоты позубоскалить. Ето то сообщаетъ особую фізіономію поэтическому направленію Пушкина, отличающему оное рѣшительно отъ Байроповой мизантроеи и отъ Жанъ-Полева юморизма. Поэзія Пушкина есть просто *пародія*....» и проч. и проч. Какъ-будто устыдясь приговора своего, критикъ на слѣдующій годъ, при разборѣ 7 главы Онѣгина (Вѣстникъ Европы 1830, № 7) смягчаетъ его, удѣляя Пушкину славу Скаррона, Пиррона, Берни, Аретина, и находя, что *изъ подъ его кисти выпадаютъ не рѣдко если не картины, то картинки, на которыя нельзя не насмотрѣться*. Онъ съ-изнова передѣлываетъ мнѣніе о музѣ Пушкина и переходитъ только къ другой странности: «Въ одномъ Онѣгинѣ только, говоритъ онъ, послѣ Руслана и Людмилы, вижу я талантъ Пушкина на своемъ мѣстѣ.... въ своей тарелкѣ. Ему не дано видѣть и изображать природу поэтически, съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрѣнія: онъ можетъ только мастерски выворачивать ее на-изнанку. Слѣдовательно, онъ не можетъ нигдѣ блистать, какъ только въ *арабескахъ*. Русланъ и Людмила представляетъ прекрасную галерею физическихъ *арабесковъ*; Е. Онѣгинъ есть *арабескъ* міра нравственнаго.» И вся эта непрерывная цѣпь заблуждений, все это изворотливое, хотя и не совсѣмъ ловкое исканіе дѣла, произошло отъ недостатка художческаго чувства и отъ мысли замѣнить живую поэзію представленіями философско-эстетическаго рода!

(*) Правописаніе журнала сохраниено въ выпискахъ нашихъ.

Таковы были статьи Вѣс. Европы, рѣзкій тонъ которыхъ былъ новъ для слуха и оскорбителенъ вообще для поэта. Вскорѣ нашлись и подражатели молодому критику. Спустя нѣсколько времени, одна газета представила разборъ VII главы Онегина, написанный какъ-будто подъ вліяніемъ рѣшимости, оказанной Вѣстникомъ Европы. Разборъ (Сѣверная Пчела 1830, № № 35 и 39) объявлялъ совершенное паденіе творца Руслана, новую главу романа — пустословіемъ, предметы описаній — низкими, стихи — прозаическими и непонятно-модными, но этотъ разборъ уже не заслуживаетъ подробнаго изложенія. Образецъ его выражалъ литературное мнѣніе и ошибочную теорію творчества (вотъ почему мы и остановились на немъ); подражаніе выражаетъ только произволь и уже не имѣетъ корня ни въ какомъ вопросѣ науки или искусства. Долго не могъ Пушкинъ вполне постигнуть свое положеніе въ литературномъ мірѣ. Какъ человекъ, открывавшій новыи и обширный горизонтъ искусства на Руси, онъ долженъ былъ поднять противъ себя много возраженій и вражды, и считать ихъ естественнымъ слѣдствіемъ, необходимостію своего призванія; но они волновали и сердили его. Только съ 1832 года, видитъ онъ свое мѣсто и назначеніе, умолкаетъ для всѣхъ толковъ и распрей; но уже отъ горькаго чувства, оставленнаго ему журналистикой и пересудами публики, избавиться не можетъ. Чувство это таится въ немъ, не смотря на молчаніе и наружное спокойствіе, которымъ онъ обрѣкъ себя. Часто является оно невольно въ дружеской перепискѣ. Такъ, въ 1831 году, на увѣдомленіе одного изъ своихъ пріятелей о новомъ появившемся разборѣ его Годунова, онъ отвѣчаетъ: «Ты пишешь мнѣ о какомъ-то критическомъ разговорѣ, котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы что все, что называется у насъ критикой, одинаково. . . смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно не возможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. . . 21 Іюля 1831.» Три года спустя, именно въ Апрѣль 1834, онъ повторяетъ ту же мысль въ другомъ письмѣ: «Вообще пишу много про себя, а печатаю по неволѣ и единственно для денегъ: охота является передъ людьми, которые васъ не понимаютъ, чтобы. . .

ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ журналахъ. Было время— литература была благородное, аристократическое поприще. Нынче это *иначе*. Быть такъ».

При выходѣ въ свѣтъ, *Полтава* снабжена была замѣчательнымъ предисловіемъ, сохраненнымъ въ нашемъ изданіи, и красовалась эпиграфомъ изъ Байрона, напечатаннымъ, однакожь, съ ошибкой во второмъ стихѣ, что лишило его смысла. (См. Примѣчанія къ *Полтавѣ*) (*).

Окончивъ *Полтаву*, Пушкинъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Петербурга и притомъ въ ясномъ состояніи духа, а 27 Октября былъ уже въ Тверской губерніи, въ деревнѣ Маленники, принадлежавшей сосѣдямъ Пушкина по Михайловскому — владѣтелямъ Тригорскаго. Въ этотъ день написано тамъ посвященіе поэмы:

Тебѣ . . . но голосъ Музы тайной
Коснется ль слуха твоего? и проч.,

съ эпиграфомъ: I love this sweet name (люблю это нѣжное имя)**). 4 Ноября 1828 г. окончена тамъ же послѣдняя шуточная строфа въ главы Онѣгина; 9 Ноября написанъ *Анжаръ*; за нимъ (10

(*) Настоящій недостатокъ поэмы состоялъ въ двойственности ея плана и это было замѣчено тогда же критикомъ, написавшимъ Обзоріе Литературы въ альманахѣ: «Денница» на 1831 годъ. Всю исторію любви Марин считалъ онъ отдѣльной поэмой, которая вредитъ впечатлѣнію, оставляемому настоящей исторической поэмой. Къ этому можно прибавить, что въ подобныхъ случаяхъ, недостатокъ чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ярче и превосходнѣе краски эпизода, поднятаго на высоту, ему несвойственную. Пушкинъ самъ показалъ, въ *Мѣдномъ Всадникѣ*, примѣръ, какъ должно вводить въ историческую раму частное лице и событіе.

(**) Можетъ быть къ этому времени относится слѣдующее, неизданное восьмистишіе Пушкина:

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорилъ: «тому, что было
Ужъ не бывать, ужъ не бывать!

* *
* *

Прошли любовныя печали,
Смирнились легкія мечты . . .
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты! . . .

Ноября) *Отвѣтъ Катенину*, о которомъ уже говорили; потомъ *Отвѣтъ Готовцевой*, въ весьма милыхъ стихахъ упрекавшей Пушкина (см. Сѣверные Цвѣты на 1829 г.) въ непониманіи женскаго достоинства, поводомъ къ чему послужилъ, вѣроятно, отрывокъ изъ Ев. Онѣгина, напечатанный въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827, № хх, подъ названіемъ: *Женщины*, а можетъ быть, и нѣсколько строкъ въ *Мысляхъ и Замѣткахъ* Пушкина 1828 г. Ранѣе Отвѣта Катенину написано и веселое *Посланіе къ В***, сочинителю сатиры на игроковъ, посланіе, непопавшее въ полное собраніе сочиненій нашего автора, но напечатанное въ Сѣверной Пчелѣ 1828 г., № 9, съ выноскою издателей: «имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ex ungue leonem (*).»

Въ поименованныхъ произведеніяхъ нѣтъ и слѣдовъ нравственнаго безпокойства, какія отличаютъ его произведенія, писанныя весной и лѣтомъ: они ясны и спокойны. Въ дружеской перепискѣ съ Дельвигомъ, посылая ему свои стихотворенія, Пушкинъ без-

(*) Выписываемъ здѣсь эту шутку, которая, впрочемъ, относится къ началу 1828 г., а не къ концу его, въ которомъ мы находимся. Любопытно, какъ добродушно высказывалось веселое расположеніе духа въ поэтѣ.

Посланіе къ В. . . . , сочинителю «Сатиры на игроковъ».

Такъ элегическую лиру
 Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
 На благочинную сатиру?
 Хвалю поэта — дѣльно міру!
 Ему полезень розги свистъ.
 Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ.
 Съ какимъ усердьемъ онъ
 И какъ несчастливо игралъ!
 Вотъ молодежь: погорячился,
 Продулся весь, и такъ пропалъ!
 Дамонъ твой, человѣкъ ужасной.
 Забудь его опасной домъ,
 Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
 Мой другъ, ты вель себя прекрасно:
 Ты никому тамъ не мѣшалъ,
 Эраста нѣжно утѣшалъ,
 Давалъ полезные совѣты
 И ни рубля не проигралъ.
 Люблю: вотъ каковы Поэты!

заботно шутить и рассказываетъ дѣтскій анекдотъ съ удовольствіемъ челоуѣка, готоваго веселиться при малѣйшемъ поводѣ: «Вотъ тебѣ въ «Двѣты» отвѣтъ Катенину, вмѣсто отвѣта Готовцевой, который *не готовъ*. Я совершенно разучился любезничать. Не знаю долго ли останусь въ здѣшнемъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ Новому году, вѣроятно, явлюсь къ вамъ, въ Чухляндію. Здѣсь мнѣ очень весело. П. А. я люблю душевно — жаль, что она хвораетъ и не беспокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито — скажи это Графу Х.** П. М. здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда, я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непременно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться, но П. М. ихъ взбудоражилъ. Онъ къ нимъ прибѣжалъ: дѣти, дѣти! мать васъ обманываетъ; не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею. Тамъ будетъ Пушкинъ—онъ весь сахарный...: его разрѣжутъ и

А то, уча безумный свѣтъ,
 Порой грѣшить и проповѣдникъ.
 Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
 Разказъ мой:

Нѣкто мой сосѣдъ,
 Въ томленьяхъ благородной жажды,
 Хлѣбнувъ Кастальскихъ водъ бокалъ,
 На игроковъ, какъ ты, однажды
 Сатиру злую написалъ,
 И другу съ жаромъ прочиталъ.
 Ему въ отвѣтъ, его пріятель
 Взялъ карты, молча стасовалъ,
 Далъ снять, и нравственный писатель
 Всю ночь, увы, понтировалъ!
 Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?
 Но встрѣча съ нимъ была бѣ мнѣ праздникъ:
 Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
 И до полуденнаго снѣнья
 Читатъ моральныя посланья
 И проигрышь его писать.

Посланіе относилось къ Г. Великопольскому, издавшему въ Москвѣ, въ 1828 году, книжку: «Бѣ Эрасту, сатира на игроковъ.»

всѣмъ вамъ будетъ по кусочку. Дѣти разревѣлись: не хотимъ чернослива, хотимъ Пушкина. Нечего дѣлать, ихъ повезли и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, — совсѣмъ опѣшили. . . . Я толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьи. . . . и проч.»

Въ другомъ письмѣ, слѣдовавшемъ скорѣ за этимъ, онъ повторяетъ, что ему весело и даже, противорѣча прежнимъ своимъ признаніямъ, прибавляетъ, что душевно любить деревенскую жизнь. «Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцевой. . . Какъ ты находишь *ces petits vers froids et coulants*? . . . Правда ли, что ты ѣдешь зарыгаться въ Смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу наварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла. Что мнѣ съ тобой дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ «Онѣгина» и страшатъ мною ребятъ, какъ букою. А я ѣзжу на паромѣ и играю въ вистъ по 8 гривенъ роберъ. . . Скажи это нашимъ. . . я пріѣду къ нимъ. Полно. Я что-то сегодня съ тобою разоврался. 26 Нолбря 1828. Что Мліада и что Гнѣдичь?»

Къ новому 1829 году, Пушкинъ явился въ Петербургъ, но здѣсь опять покидаетъ его то расположеніе духа, въ какомъ видимъ его въ деревнѣ. Черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ, утомленіе и какал-то нравственная усталость снова нападаютъ на Пушкина. Онъ начинаетъ томиться жаждой физической дѣятельности, которая всегда являлась у него, какъ вѣрный признакъ отсутствія дѣятельности духовной. Единственной и постоянной мыслію его дѣлается уже въ это время изданіе Годунова. Онъ пишетъ тогда извѣстныя свои письма о немъ и сильно занятъ планомъ и сущностію предисловія, которое, кажется ему совершенно необходимо для объясненія хроники. Мысль эта занимаетъ его круглый годъ и не покидаетъ въ самомъ Арзрумѣ, какъ увидимъ. Борисъ Годуновъ явился однакожь только черезъ годъ, къ 1 Января 1831. Затѣмъ Пушкинъ вдругъ весьма круто и неожиданно отрывается отъ общества и, въ Мартѣ 1829 г., уѣзжаетъ изъ Петербурга на Кавказъ, не испросивъ даже разрѣшенія на поѣздку у кого слѣдовало. Въ бумагахъ его

сохранился только видъ, данный ему отъ Спб. Почтъ-Директора 4 Марта 1829 г., на получение лошадей, по подорожной безъ-задержанія, до Тифлиса и обратно. Видъ этотъ на оборотъ листа носитъ свидѣтельство, что былъ заявленъ на Горячихъ минеральныхъ водахъ, уже 8 Сентября того же года, на возвратномъ пути поэта.

Въ Москвѣ останавливался онъ въ это время, большею частью, у одного изъ самыхъ короткихъ ему людей П. В. Н. . .на. Чрезвычайно любопытны рассказы послѣдняго объ образъ жизни поэта нашего во время его прїѣздовъ въ Москву, въ послѣдніе годы его холостой жизни и во все продолженіе женатой. Изъ словъ П. В. Н. . .на можно видѣть, какъ измѣнились привычки Пушкина; какъ страсть къ свѣтскимъ развлечениямъ, къ разнорѣчивому говору многолюдства, смягчилась въ немъ потребностями *своего угла* и семейной жизни. Пушкинъ казался домо-сѣдомъ. Цѣлые дни проводилъ онъ въ кругу домашнихъ своего друга, на диванѣ, съ трубкой во рту и прислушиваясь къ простому разговору, въ которомъ дѣла хозяйственнаго быта стояли часто на первомъ планѣ. Надобны были даже усилія со стороны заботливаго друга его, чтобъ заставить Пушкина не прерывать своихъ знакомствъ, не скрываться отъ общества и выѣзжать. Пушкинъ слѣдовалъ совѣтамъ П. В. Н. . .на, нехотя: такъ уже нужда отдохновенія начинала превозмогать всѣ другія склонности. Но въ 1829 году наслажденія семейственности еще смутно представлялись ему. Цѣль была впереди, а запасъ страстей, еще не покоренный правильному теченію жизни, утихалъ только на короткое время. Изъ дома Н. . .а, Пушкинъ выѣхалъ въ Тифлисъ и 15 Мая былъ уже въ Георгіевскѣ, гдѣ впервые началъ извѣстный свой журналъ, приведенный въ порядокъ только въ 1835 году и напечатанный уже въ Современникѣ 1836 года, подъ заглавіемъ: *Путешествіе въ Арзрумъ, во время похода 1829 года.*

Нѣсколько пояснительныхъ словъ къ этому, равно драгоценному и по содержанію, и по изложенію своему, документу, не будутъ лишними. Въ черновой рукописи его, Пушкинъ изясняетъ первую причину своего путешествія слѣдующимъ обра-

зомъ: «Въ 1829 году отправился я на Кавказъ, лечиться на водахъ. Находясь въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей и съ братомъ, служившимъ тогда въ Нижегородскомъ Драгунскомъ полку. Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я уже никого изъ нихъ не нашель: армія выступила въ походъ. Желаніе видѣть войну и сторону малоизвѣстную, побудило меня просить позволенія пріѣхать въ армію. Такимъ образомъ видѣлъ я блестящую войну, конченную въ нѣсколько недѣль и увѣчанную переходомъ черезъ Саганъ-Лу и взятіемъ Арзрума.» Слова эти взяты изъ предисловія въ то время, какъ уже Пушкинъ началъ приводить журналъ свой въ порядокъ (1835). Журналъ этотъ, какъ видѣли, начатъ былъ въ Георгіевскѣ; Александръ Сергѣевичъ возвратился къ нему во второй разъ въ Владикавказъ 22 Мая. Въ Іюнь, переѣхавъ Кавказъ, онъ уже былъ въ Тифлисъ, гдѣ прожилъ около двухъ недѣль, ожидая позволенія явиться въ дѣйствующую противъ Турокъ армію. Получивъ его, онъ тотчасъ же выѣхалъ и, 13 Іюня, прибылъ въ Русскій лагерь, расположенный за хребтами Саганъ - Лу, на берегу Карса - Чаа. Тифлисскія Вѣдомости разнорѣчатъ съ этимъ показаніемъ самого поэта, говоря, что онъ прибылъ только 16-го Іюня въ лагерь нашъ при Исканъ - Су: какъ - бы то нибыло, но съ этого времени онъ раздѣлялъ труды и походы арміи, находился при разбитіи Сераскира Арзрумскаго, при пораженіи Гаки-Паши и при взятіи самого Арзрума, 27 Іюня. Онъ былъ одинъ во всемъ лагерѣ въ статскомъ платьѣ и довольно забавно писалъ въ Москву, что солдаты величаютъ его пасторомъ, когда онъ проѣзжаетъ мимо ихъ верхомъ. 19 Іюля покинулъ онъ Арзрумъ, начертивъ, въ тотъ же самый день, строки, выразившія основную мысль, которую должно было развить будущее предисловіе къ Борису Годунову. Послѣ долгихъ разсужденій съ пріятелями, онъ опять еще пишетъ для себя въ Арзрумѣ: «Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будутъ имѣть вліяніе на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственныя ея недостатки не замедлили хода...» 1-го Августа находимъ Пушкина

снова въ Тифлисъ, на возвратномъ пути въ Россію; онъ выѣзжаетъ оттуда 6-го Августа, а 10-го нападаетъ, во Владикавказѣ, на Русскій журналъ, разбиравшій его Полтаву въ томъ духѣ, какъ мы показали. Онъ съ горечью замѣчаетъ: «Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.» 8-го Сентября онъ уже находится на Горячихъ минеральныхъ водахъ, по свидѣтельству Почтамтскаго вида; въ Ноябрь, въ деревнѣ, гдѣ 2-го Ноября написано стихотвореніе: «Зима! Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю» между-тѣмъ, какъ *Дорожныя жалобы* обозначены еще числомъ 4-го Октября въ рукописи и, если судить по первоначальному ихъ заглавію, *Дорожныя стихи*, можетъ быть, писаны въ повозкѣ или на станціи. Въ Петербургъ онъ является въ половинѣ Ноября мѣсяца (*).

Въ дополненіе къ этимъ замѣткамъ, да позволятъ намъ привести нѣсколько журнальныхъ извѣстій о путешествіи поэта. Мы начнемъ прямо съ мѣстныхъ Тифлисскихъ Вѣдомостей, которыя содержатъ довольно любопытныя извѣстія о пребываніи поэта въ столицѣ Грузіи. Вотъ что заключалъ въ себѣ № 29 (28 Іюня 1829, Пятница) Тифлисскихъ Вѣдомостей:

«Надежды наши исполнились. Пушкинъ посѣтилъ Грузію. Онъ не долго былъ въ Тифлисъ: желая видѣть войну, онъ испросилъ дозволеніе находиться въ походѣ при дѣйствующихъ войскахъ и

(*) Весьма трудно опредѣлить теперь, гдѣ находился Пушкинъ съ 8-го Сентября, дня отъѣзда изъ Горячеводска, до 16 Ноября, вѣроятнаго дня прибытія его въ Петербургъ. Нѣкоторый свѣтъ даетъ слѣдующая приписка Пушкина къ одной главѣ Онегина (восьмой, выпущенной): «*Моск. Павл. Болдино. 1829.*» Въ Москвѣ онъ былъ, какъ знаемъ, въ Мартъ мѣсяцъ; мѣсто, обозначенное словомъ: *Павл.* намъ совершенно неизвѣстно, а Болдино—есть названіе села, Нижегородской губерніи (Лукояновскаго уѣзда), принадлежавшаго его отцу и о которомъ будемъ еще много говорить. Такимъ образомъ можно полагать, что Пушкинъ проѣхалъ съ Кавказа въ Болдино. На возвратномъ пути въ Петербургъ изъ деревни, онъ пробылъ въ Москвѣ только нѣсколько дней и почти нигуда не показывался. Пребываніе на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ извѣстно намъ по темнымъ слухамъ. Онъ тамъ лечился, былъ въ обществѣ друзей, игралъ... Стихотворенія, связанныя съ Кавказомъ и съ его природой, написаны имъ въ теченіе Сентября и Октября мѣсяца 1829—стало быть, посреди безпокойной, странствующей жизни и въ самыхъ хлопотахъ вояжа. Пьеса: *Зима! Что дѣлать намъ въ деревнѣ?* и за тѣмъ: *Зимнее утро* уже проникнуты поэзіей домаш-

16 Юня прибылъ въ лагерь при Исканъ-Су. Первокласный поэтъ нашъ пребываніе свое въ разныхъ краяхъ Россіи означилъ произведеніями славнаго его пера: съ Кавказа далъ онъ намъ Кавказскаго Пѣнника, въ Крыму написалъ Бахчисарайскій Фонтанъ, въ Бессарабіи—Цыганъ, во внутреннихъ провинціяхъ писалъ онъ прелестныя картины Онѣгина. Теперь читающая публика наша соединяетъ *самыя пріятныя надежды* съ пребываніемъ А. Пушкина въ станѣ Кавказскихъ войскъ и вопрошаетъ: чѣмъ любимый поэтъ нашъ, свидѣтель кровавыхъ битвъ, подаритъ насъ изъ стана военнаго? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихіи моря, мы просимъ судьбу сохранить нашего поэта среди ужасовъ брани.»

32 № Тифлисскихъ Вѣдомостей, (9 Августа 1829) въ томъ же тонѣ извѣщалъ о вторичномъ посѣщеніи Тифлиса Пушкинымъ:

«6 Августа А. Пушкинъ, возвратившійся изъ Арзрума, выѣхалъ изъ Тифлиса къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Любители изящнаго должны теперь ожидать прелестныхъ подарковъ, коими геній Пушкина, возбужденный воспоминаніями о за-Кавказскомъ краѣ, безъ сомнѣнія, надѣлитъ нашу литературу.»

Корреспондентъ Сѣверной Пчелы писалъ ей изъ крѣпости Владикавказа, отъ 10 Августа (Сѣверная Пчела № 110, 12 Сентября 1829 года).

няго очага и сѣверной природы. Во второмъ стихотвореніи, помѣченномъ 3-имъ числомъ Ноября, сдѣлана Пушкинымъ замѣчательная поправка. Конецъ четвертой его строфы читается въ рукописи:

. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная кечь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣтъ ли въ санки
Коня Черкаскаго запрець?

Пушкинъ измѣнилъ послѣдній стихъ, при печати, въ другой:

Кобылку бурую запрець,

и такимъ образомъ изъ довольно пышнаго образа сдѣлалъ простую сельскую тихую картинку. Онъ всегда такъ исправлялъ свои стихотворенія. Что касается до стихотворенія: *Стамбуль Глуры нынѣ славятъ*, находящагося въ текстѣ «Путешествія въ Арзрумъ», и тамъ приписаннаго Пушкинымъ какому-то небывалому янычару, Амлю—Оглу, то оно принадлежитъ къ 1830 году и мы упомянемъ о немъ при описаніи жизни Пушкина въ селѣ Болдино.

«Сего числа былъ здѣсь проездомъ А. С. Пушкинъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ изъ Арзрума и на другой день отправился далѣе, съ намѣреніемъ побывать на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ и, потомъ отправиться черезъ Моздокъ и Кизляръ, въ Астрахань.» (?)

Почти въ одинаковомъ тоиѣ и одинаковыми словами, какъ и Тифлисскія Вѣдомости, извѣщала Сѣверная Пчела о пріѣздѣ Пушкина въ Петербургъ (Сѣверная Пчела № 138, 16 Ноября):

«А. С. Пушкинъ возвратился въ здѣшнюю столицу изъ Арзрума. Онъ былъ на блистательномъ поприщѣ побѣдъ и торжествъ Русскаго воинства, наслаждался зрѣлищемъ, любопытнымъ для каждаго, особенно для Русскаго. Многіе почитатели его Музы надѣются, что онъ обогатитъ нашу Словесность какимъ нибудь произведеніемъ, вдохновеннымъ подъ тѣнью военныхъ шатровъ, въ виду неприступныхъ горъ и твердынь, на которыхъ мощная рука Эриванскаго Героя водрузила Русскія знамена.»

Пушкинъ не обманулъ ожиданія; онъ написалъ: *Донъ*, *Делбаши* (7 Сентября), *Монастырь на Казбекѣ* (20 Сентября), *Кавказъ* (тогожъ числа и мѣсяца), *Обвалъ*, съ Французскимъ поясненіемъ заглавія въ скобкахъ: *Avalanche* (29 Октября): всѣ эти необычайно-свѣжія и вмѣстѣ смѣлыя картины природы, составляющія драгоцѣнные перлы описательной поэзіи. Природа вообще отражалась удивительно полно и ясно въ душѣ художника и на его произведеніяхъ. Онъ не ловилъ впечатлѣній ея съ усиліемъ, съ боязнью недосмотрѣть или недосказать чего-либо. Картины природы у Пушкина не многословны, но всегда рождаются вмѣстѣ съ впечатлѣніемъ, и даже въ стихахъ отражаютъ характеръ каждаго явленія, возбудившаго ихъ. Стихъ пьесы *Донъ* исполненъ блеска и радости; онъ сжатъ и суровъ въ *Обвалѣ*, мѣрень и торжественно спокоенъ въ *Кавказѣ*. Чудная пѣснь: *Олеговъ Щитъ* была патриотической пѣснью Пушкина, довершившей эту вдохновенную передачу впечатлѣній славной войны, гремѣвшей вокругъ него; но довольно странно, что всѣ эти произведенія стали появляться уже спустя два года послѣ своего созданія, именно въ 1831 году и притомъ отдѣльно и въ разныхъ изданіяхъ, какъ то: въ

Сѣверныхъ Цвѣтахъ, Литературной Газетѣ и Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Причину этой медленности и разрозненности появленія должно преимущественно искать въ самихъ воззваніяхъ газетъ, какія сопровождали путешествіе нашего поэта. Поэтъ сдѣлалъ на-перекоръ ожиданіямъ ихъ. Онъ не терпѣлъ посторонняго вмѣшательства въ дѣло творчества, какъ мы уже знаемъ, и обращенія газетъ къ его Музѣ, производили на него непріятное впечатлѣніе. Онъ никакъ не могъ понять, а еще менѣе допустить права распоряжаться его вдохновеніемъ, назначать предметы для труда и преслѣдовать жизнь его такимъ образомъ, до самыхъ тайныхъ ея помысловъ и побужденій. Мысль эту перевелъ онъ, по обыкновенію, на поэтическій свой языкъ и выразилъ, въ 1850 году, въ превосходномъ своемъ стихотвореніи: *Отвѣтъ Анониму (О, кто бы ни былъ ты)*, о которомъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ. Въ самомъ описаніи своего Путешествія, онъ посвятилъ ей еще нѣсколько строкъ: *Искать вдохновенія*, говоритъ онъ въ предисловіи, всегда казалось мнѣ смѣшной и цѣлѣпой причудою: вдохновенія не същещь; оно само должно найти поэта.» Еще свободнѣе изъяснялся онъ объ этомъ предметѣ въ дружескихъ разговорахъ: «Чего нельзя сказать ни о комъ, утверждалъ онъ, то можно сказать о поэтѣ. Вѣдь ни кто не позволитъ себѣ написать: мы думали, что такой-то поѣхалъ на Кавказъ за отличіемъ, а онъ вывезъ оттуда одну лихорадку? Почему же можно сказать въ печати: мы думали, что поэтъ напишетъ такое-то стихотвореніе, а онъ написалъ совсѣмъ другое?»

Нѣсколько бѣглыхъ мыслей, навѣянныхъ случаемъ, встрѣчей, минутной вспышкой вдохновенія, сохранились въ тетрадахъ поэта отъ этой эпохи. Къ числу такихъ произведеній, какъ извѣстно, принадлежитъ посланіе къ *Калмыккѣ (Прощай, любезная Калмыкка)*, о которой Пушкинъ говоритъ еще въ рукописи своей, что она имѣла довольно пріятный голосъ и смуглое, темно-румяное лице. На обратномъ пути изъ Арзрума въ Тифлисъ, 50 человекъ линейныхъ казаковъ, сопровождавшихъ Пушкина и возвращавшихся на родину, встрѣтили казачій полкъ, шедшій имъ на смѣну. Привѣтственные выстрѣлы изъ пистоле-

товъ загремѣли съ обѣихъ сторонъ въ знакъ радости, а потомъ земляки на-скоро обмѣнялись новостями, которые внушили Пушкину нѣсколько строчекъ:

Былъ и я среди Донцевъ,
Гналъ и я Османовъ шайку;
Въ память боевъ и пировъ,
Я привезъ домой нагайку.
Дома . . . въ тишинѣ
Сохранилъ я балалайку —
Съ нею рядомъ, на стѣнѣ
Я повѣшу и нагайку . . .
Что таится отъ друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней
И берегъ свою нагайку.

Въ самомъ Арзрумѣ, 14 Іюня, промелькнула въ головѣ его мысль, не оставившая потомъ никакого слѣда:

Критонъ, роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Аеинъ,
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія . . .
Однажды — слушайте друзья!
Онъ по Керамику скитался,
И вдругъ изъ роци вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась Нимфа молодая . . .

По сю-сторону Кавказа, онъ встрѣчаетъ гдѣ-то бюсть Завоевателя — и пишетъ къ нему:

Напрасно видишь тутъ ошибку:
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Не даромъ ликъ сей двуязыченъ.
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ
Въ лицѣ и въ жизни арлекинъ.

Все это походить какъ-будто на поэтическую бесѣду съ самимъ собой, которой вообще Пушкинъ часто предавался. Подобныя стихотворныя замѣтки превращались у него иногда въ полныя, художественныя созданія. Кстатѣ уже будетъ привести здѣсь и стихотвореніе, порожденное внезапнымъ звукомъ военной зори, поразившимъ поэта.

Зорю бьютъ Изъ рукъ моихъ
 Ветхій Данте выпадаетъ;
 На устахъ начатый стихъ
 Недочитанный затихъ
 Звукъ далече улетаетъ.
 Звукъ привычный, звукъ живой!
 Сколь ты часто раздавался
 Тамъ, гдѣ тихо развивался
 Я давнишнею порой!

По возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ, Пушкинъ приступилъ къ новой поэмѣ: *Галубъ* (*). Правда, въ это время набросалъ онъ только программу ея и первый очеркъ; онъ принялся снова за поэму, послѣ долгаго промежутка времени, который съ достовѣрностію опредѣлить нельзя, но который полагать можно въ 3 или 4 года, да и тогда еще оставилъ онъ новое произведеніе

(*) Заглавія нѣкоторыхъ произведеній Пушкина, особенно тѣхъ, которыя явились послѣ смерти его, придуманы издателями его сочиненій. Къ числу такихъ принадлежатъ: *Галубъ* и *Русалка*, не имѣвшія у автора нашего никакого обозначенія. Названіе: «Галубъ» дано Современникомъ 1837 года, и, по нашему мнѣнію, не совсемъ счастливо. Поэма должна бы назваться скорѣе «Газитомъ», именемъ настоящаго своего героя. Въ позднѣйшихъ лирическихъ произведеніяхъ, встрѣчается тоже. Стихотвореніе: *Лицейская Годовщина* (*Была пора: наши праздники молодой*) названо такъ Современникомъ 1837 г. по отсутствію заглавія у самого автора, но пьеса должна бы скорѣе именоваться: «19 Октября 1836 года». Притомъ же она причислена журналомъ къ тремъ послѣднимъ стихотвореніямъ Пушкина, вмѣстѣ съ пьесами: *Опытъ на родинѣ* и *Молитва*. Тутъ есть важная ошибка. Стихотвореніе «Опытъ на родинѣ» въ рукописи имѣетъ пометку: «26 Сентября 1835 года,» стало быть, написано за 16 слѣдующимъ мѣсяцевъ до смерти автора, къ послѣднимъ стихотвореніямъ принадлежать не можетъ и нарушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ истину всего заглавія, даннаго Современникомъ (См. Примѣчанія къ пьесѣ).

свое безъ окончанія и отдѣлки. Все это объясняется теперь направлениемъ, какое стала принимать творческая способность Пушкина, въ послѣдніе годы его жизни. Галубъ былъ первымъ и еще не совсѣмъ яснымъ проблескомъ эпического настроенія духа, поражающаго въ Пушкинѣ, особенно съ 1833 года. Поэма осталась въ отрывкѣ, потому - что не вполне еще установилось самонаправленіе автора. Изложеніе ея программы пояснить наши слова, но скажемъ напередъ, что Кавказъ и въ это время былъ поводомъ къ новымъ соображеніямъ для поэта, какъ за 9 лѣтъ передъ тѣмъ.

Поэма навѣяна историческимъ горнымъ хребтомъ, но въ этотъ разъ Пушкинъ взялъ героя изъ самой среды племени, населяющаго его. Тазитъ, можетъ быть, одной бѣглою чертой связывается съ Европейскимъ міромъ: поэтъ вскользь упоминаетъ, что это ребенокъ, неизвѣстно гдѣ найденный; но за тѣмъ герой поэмы уже составляетъ часть того народа, съ которымъ вскорѣ начинаетъ расходиться въ характерѣ и въ требованіяхъ нравственной природы. Поэтъ даже и не описываетъ, какъ это случилось, какой цѣпью мыслей приведенъ онъ былъ къ разпорѣчю съ своимъ племенемъ:

Какъ знать? Незрима глубь сердець!

Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ

Какъ вѣтеръ въ небѣ

Но отецъ

Уже Тазитомъ недоволенъ.

Такое молчаніе есть замѣчательная черта силы творческаго соображенія. Пушкинъ не останавливается надъ тайной работой духа, неуловимой какъ подземная, скрытая работа природы. Онъ тотчасъ переходитъ къ описанію трехъ дней отсутствія Тазита изъ отцовскаго дома и, съ первыхъ стиховъ, уже вполне выражаетъ, въ чудной картинѣ, неспособность Тазита, къ такъ-называемымъ, доблестямъ племени: мщенію, жаждѣ корысти, и наконецъ: отвращеніе его отъ всей нравственной основы народнаго существованія единокровныхъ. Сцены между Тазитомъ и отцемъ принадлежатъ къ разительнѣйшимъ сценамъ драматическаго искусства. Отвергнутый отцемъ, Тазитъ ищетъ любви и сватается за дочь одного

Чеченца. На этомъ мѣстѣ отрывокъ кончается, но уже читатель предвидитъ неуспѣхъ дѣла: Тазитъ выступилъ изъ принятаго круга понятій и войти снова въ общую жизнь народа не можетъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ поэма, читатель остается въ совершенномъ недоумѣніи, гдѣ и какой истокъ найдетъ вся эта тревога мощной души, пробужденной къ истинѣ, чѣмъ и когда можетъ завершиться эта неожиданная драма? Программа отвѣчаетъ на вопросъ и сообщаетъ настоящее слово поэмы, ея истинную мысль: вся драма должна была объясниться и закончиться Христіанствомъ. Вотъ какъ составлена программа у Пушкина:

«Обрядъ похоронъ.»

«Узденъ и меньшей сынъ.»

«I день (отсутствія Тазита). Лань—почта—грузинскіе купцы.»

«II день. Орель — козакъ.»

«III день. Отецъ его гонить.»

По обыкновенію, Пушкинъ въ точности слѣдуетъ своей программѣ, измѣнивъ только нѣкоторыя событія въ дняхъ отсутствія Тазита изъ отцовскаго дома, что читатель легко замѣтитъ, но за тѣмъ уже программа говоритъ:

«Юноша и монахъ.»

«Любовь отвергнута.»

«Битва и монахъ.»

Оба раза слово, означающее инока, проводника мира и благовѣстія, подчеркнуто въ рукописи: онъ и дѣйствительно долженъ былъ завершить благодатное дѣло сердца и обстоятельствъ. Къ нему-то, исподоволь, но съ замѣчательной твердостью руки, ведетъ поэтъ героя своего, съ самаго начала. Здѣсь останавливаемся изъ опасенія впасть въ произвольныя толкованія и догадки; но полагаемъ, что немногихъ словъ нашихъ достаточно для показанія, какой обширный кругъ должна была захватить поэма, навѣянная Пушкину Кавказомъ, и чѣмъ она могла кончиться. Если принять въ соображеніе одну жаркую страницу, написанную Пушкинымъ въ своемъ Путешествіи въ Арзрумъ, и выпущенную неизвѣстно почему, гдѣ онъ говоритъ о значеніи вообще христіанской проповѣди для дикихъ племенъ, то даже представляется возможность думать, что просвѣтленный и умиротворен-

ный Тазитъ является снова между народомъ своимъ въ качествѣ учителя и, по всемъ вѣроятіямъ, искупительной жертвы. . . Начиная съ Шатобриана, Европейскія литературы нерѣдко представляли намъ развитіе той же мысли, какая преобладаетъ въ поэмѣ Пушкина; по вѣрность характеру мѣстности и нравственнымъ типамъ края, истина и трагическое величіе сдѣлали бы ее, вѣроятно, явленіемъ совершенно другаго рода и не похожимъ на предшествовавшіе образцы (*).

Въ Петербургѣ же начата и первая строфа 8 главы Онѣгина, именно 24 Декабря 1829 г. Строфы Онѣгина писались въ - разбивку, и ложились въ естественный свой порядокъ, уже по окончаніи каждой главы. Этимъ обстоятельствомъ изъясняется множество пропущенныхъ строкъ въ Онѣгинѣ, обозначенныхъ только Римскими цифрами. Нѣкоторыя изъ

(*) Въ тетрадахъ Пушкина отыскана еще и вторая программа Галуба, которая показываетъ, что Тазитъ былъ уже христіаниномъ, еще въ аулѣ своего отца. Иногда кажется, изъ сличенія обиль программъ, что поэтъ имѣлъ двойное намѣреніе въ отношеніи своего героя. По первой можно предполагать, что онъ хотѣлъ сдѣлать *инока* орудіемъ его просвѣтленія; по второй, что самъ инокъ, или миссіонеръ, упоминаемый въ ней, есть Тазитъ, рѣшившійся на распространеніе христіанства въ собственной своей родинѣ.

1. Похороны.
2. *Черкесъ — христіанинъ.*
3. Бупецъ.
4. Рабъ.
5. Убийца.
6. Изгнаніе.
7. Любовь
8. Сватовство.
9. Отказъ.
10. Миссіонеръ.
11. Война.
12. Сраженіе.
13. Смерть.
14. Эпилогъ.

Довольно любопытно, что, по мѣрѣ исполненія программы, Пушкинъ зачеркивалъ въ ней нумера, соответствовавшіе частямъ поэмы, уже написаннымъ. Такъ зачеркнуты были семь первыхъ цифръ программы. Остались нетронутыми семь другихъ. Цифры эти и слѣдовало еще обратить въ живую рѣчь и поэтическіе образы.

нихъ дѣйствительно были выкинуты, но не мало есть и такихъ, которыя совсѣмъ не были написаны, а если и существовали, то единственно въ памяти поэта. Пустыя мѣста, оставаемые ими въ романѣ, обозначались Римскими цифрами и цифры эти служили, такимъ-образомъ, скрытой связью между строфами. Много примѣровъ подобной работы въ-разбивку находимъ въ рукописяхъ Пушкина. Рукописи же его дополняютъ и тотъ небольшой, но весьма занимательный листокъ, гдѣ самъ авторъ дѣлаетъ обзоръ своему роману, съ показаніемъ времени происхожденія главъ, и порядка, какой онъ хотѣлъ сообщить имъ при полномъ изданіи. Порядокъ былъ, однакожъ, измѣненъ въ 1833 г., когда Онѣгинъ дѣйствительно вышелъ вполнѣ. Вотъ листокъ нашъ:

«Онѣгинъ.»

«Часть первая. Предисловіе.

- I пѣснь. — *Хандра*. Кишиневъ. Одесса.
- II ——— — *Поэтъ*. Одесса. 1824.
- III ——— — *Барышня*. Одесса. Михайловское. 1824.

Часть вторая.

- IV пѣснь. *Деревня*. Михайловское. 1825.
- V ——— — *Имянины*. Мих. 1825. 1826.
- VI ——— — *Поединокъ*. Мих. 1826.

Часть третья.

- VII пѣснь. *Москва*. Москва. Мих. С.-Пб. Маленники. 1827. 1828.
- VIII ——— — *Странствіе*. Москва, Павл. Болдино. 1829.
- IX ——— — *Большой свѣтъ*. Болдино. *Примѣчанія*.»

Извѣстно, что въ Болдинѣ, въ 1830 году, кончена послѣдняя глава (девятая) Онѣгина, и Пушкинъ, въ концѣ своего листка, помѣчаетъ весь итогъ времени, употребленный на его созданіе:

«Кишиневъ 1823 года, 9 Мая.

«Болдино 1830 года, 25 Сентября.

7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней.»

Какъ ни положительно указаніе цифръ въ этомъ документѣ, но онъ еще не можетъ быть принятъ безъ оговорки. Составляя его, Пушкинъ имѣлъ въ виду изданіе романа для публики и

сообщилъ главамъ хронологическую послѣдовательность, какой онѣ не имѣютъ въ рукописяхъ. Сличая послѣднія съ печатнымъ текстомъ, мы видимъ, что всѣ пѣсни пополняются одна другой: строфы 1825 года, переходятъ въ строфы 1826, и т. д. Одинъ примѣръ изъ этой разстановки поэтическаго труда, уже послѣ его окончанія, будетъ достаточенъ для читателей. Нынѣшняя осьмая глава романа была девятой въ рукописи, а настоящая осьмая: *Странствіе Онѣгина*, выпущена авторомъ. Строфы этой главы, однакоже, составили порядочную часть нынѣшней 8-й главы или *Большаго Свѣта*. Такимъ образомъ указаніе документа, приведеннаго нами, что *Странствіе Онѣгина* написано въ 1829, а *Большой Свѣтъ* въ 1830 году — не имѣетъ строгой математической точности. Переходя къ отдѣльнымъ строфамъ, мы замѣчаемъ тоже. Строфа, напримѣръ, печатной 8 главы:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ. . . .

написана, какъ было уже сказано, 24 Декабря 1829, а послѣдующія за ней строфы x, xi, xii помѣчены въ рукописяхъ тремя мѣсяцами ранѣе, именно: 2-мъ числомъ Октября; другими словами, онѣ написаны еще прежде первой строфы. Поэтъ, какъ видимъ, предоставилъ совершенную свободу вдохновенію своему и заключалъ его въ опредѣленную раму, уже по соображеніямъ, являвшимся затѣмъ. Даже время окончанія Онѣгина, показанное Пушкинымъ въ Болдинѣ, 1830 года, несовсѣмъ точно: онъ дополнял или, можетъ быть, переправлялъ послѣднюю главу Онѣгина еще въ 1831 году, въ Царскомъ Селѣ. Письмо Онѣгина къ Татьянѣ помѣчено въ рукописи: «5 Октября 1831.» Правда, въ Болдинѣ написаны годомъ ранѣе, 25 Сентября, четыре окончательныя строфы Онѣгина, но тутъ мы опять видимъ работу на-изворотъ. Спустя годъ, Пушкинъ создалъ звено, которое должно было предшествовать имъ. Всего любопытнѣе, что нѣкоторые мѣста Онѣгина перенесены въ другія сочиненія его, или сдѣлались черновыми оригиналами отдѣльныхъ стихотвореній. Намъ уже извѣстно, въ какихъ близкихъ, родственныхъ отношеніяхъ находится пьеса: *Демонъ* съ Кавказскимъ Плѣнникомъ, но объ ней есть намекъ и въ первой главѣ Онѣгина. При описаніи

своего знакомства съ героемъ романа въ Петербургѣ, Пушкинъ прибавляетъ въ рукописи:

Мнѣ было грустно, тяжело, больно...
 Но одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
 Онъ сочеталъ меня невольно
 Своей таинственной судьбѣ;
 Я сталъ взирать его очами:
 Съ его печальными рѣчами
 Мои слова звучали въ ладъ...

Синтаксическая ошибка въ четвертомъ стихѣ доказываетъ, что это не болѣе, какъ бѣглая, черновая замѣтка, но она содержитъ основную мысль «Демона» и важна еще для насъ сознаниемъ Пушкина, что представляемый имъ идеалъ, дѣйствовалъ болѣзненно на него самого. Дѣйствительно, въ жизни поэта вліяніе подобной личности могло быть только минутнымъ, скоропреходящимъ случаемъ. Въ той же первой главѣ, мы находимъ одно недописанное четверостишіе, перенесенное потомъ въ Графа Нулина:

Такъ рѣзвый баловень служанки,
 Анбара стражъ, усатый котъ
 За мышью крадется съ лежанки,
 Протянется..... и деть....

мѣсто относится къ xi строфѣ. Мы еще будемъ говорить подробно о черновомъ, рукописномъ Онѣгинѣ. Есть даже *печатное* свидѣтельство этого способа созданія. Пѣсколько строфъ выпущенной 8 главы напечатаны были въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 года, № vi, подъ названіемъ: *Одесса*. Такимъ образомъ «Странствіе Онѣгина», можетъ быть, написано еще въ 1826 году, вмѣстѣ съ 6-й главой романа. Замѣтка къ этой выдержкѣ изъ романа, не менѣе любопытна. Въ журналѣ было оговорено въ скобкахъ: «изъ 7 главы Онѣгина.» Такъ Пушкинъ въ это время еще не зналъ даже о содержаніи будущихъ пѣсенъ своей поэмы: седьмая глава Онѣгина наполнена портретомъ Татьяны, отъѣздомъ ея въ Москву и описаніемъ Москвы. Кромѣ всѣхъ другихъ качествъ, Евгенийъ Онѣгинъ есть еще, по истинѣ, изумительный примѣръ способа созданія, противорѣчащаго начальнымъ правиламъ всякаго сочиненія. Только необычайная вѣрность взгляда и

особенная твердость руки, могли, при этихъ условіяхъ, довершить первоначальную мысль въ такомъ единствѣ, въ такой полнотѣ и художнической соразмѣрности. Не смотря на извѣстный перерывъ (выпущенную главу), нѣтъ признаковъ насильственнаго сщѣпленія разсказа въ романѣ, нѣтъ мѣста, включеннаго для механической связи частей его. Изъ всѣхъ произведеній Пушкина, Евгений Олѣгинъ наиболѣе понятенъ иностранцамъ, которыхъ поражаютъ прелесть его развязки, теплота его чувства и, особенно, мастерство и грація основнаго его рисунка. Последнее дѣлается для насъ вдвойнѣ замѣчательнымъ, послѣ всего сказаннаго. Оставляемъ на время знаменитое произведеніе Пушкина; мы скоро возвратимся къ нему, еще съ другими подробностями.

Замѣчательно, что въ средѣ всей этой живой дѣятельности, въ цвѣтѣ силъ и таланта, мысль о смерти стала мелькать передъ глазами Пушкина съ неотвязчивостію, которая такъ превосходно выражена въ стихотвореніи: *Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ*. . . и проч., написанномъ: «26 Декабря 1829 года.» Оно имѣетъ помѣтку: «С.-Петербургъ, 3 часа, 5 минутъ.» и одна строфа его, выпущенная вполѣдствіи, еще сильнѣе подтверждаетъ общую мысль пьесы:

«Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбѣжной
Вездѣ близка, всегда со мной.»

Въ серединѣ самаго стихотворенія, есть еще одна недодѣланная строфа, изъ которой ярко выходятъ два стиха, содержащіе темное предчувствіе:

Но не вотще меня знакомить
Съ могилой ясная мечта. . .

Извѣстно, что эта пьеса кончается радостнымъ примиреніемъ съ законами, положенными природѣ и человѣку, но предчувствія обманули Пушкина. Еще цѣлыхъ 8 лѣтъ жизни съ ея наслажденіями и съ ея горемъ, назначала ему судьба, но стихотвореніе само по себѣ остается, какъ памятникъ особеннаго душевнаго состоянія поэта. Часто и часто возвращался онъ къ самому

себѣ въ эту эпоху, и всегда съ грустной мыслию. Усталое, неудовлетворенное чувство, жизнь, разобранная на множество цѣлей, безпрестанно откидывали его къ прошлому и къ собственному сердцу. Голосъ, которымъ онъ говорилъ въ эти минуты тайнаго расчета съ самимъ собою, поразителенъ скорбію, жаромъ и глубокой поэзіей души. Одной изъ такихъ чудныхъ пѣсень проводилъ онъ и 1829 годъ, предпоследній годъ холостой своей жизни.

Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ неутомимый ходокъ и иногда дѣлалъ прогулки пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село. Онъ выходилъ изъ города рано по утру, выпивалъ стаканъ вина на Средней Рогаткѣ и къ обѣду являлся въ Царское Село. Послѣ прогулки въ его садахъ, онъ тѣмъ же путемъ возвращался назадъ. Можетъ быть, въ одно изъ такихъ путешествій задуманы были *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, помѣщенные въ тетради его: . . . «Декабря 1829 года, С. П. Б.» Только значительный навыкъ, пріобрѣтенный нами въ разборъ его рукописей, помогъ намъ списать въ точности и сохранить это драгоценное, во многихъ отношеніяхъ, стихотвореніе.

Воспоминанія въ Ц. С.

Воспоминаніями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Какъ отрокъ Библіи—безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаянья фіаль,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель
Главой поникъ и зарыдалъ!

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часо утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думать о тебѣ, пріюгъ благословенный,
Воображать сія сады!

Воображалъ сей день счастливый,
 Когда средь нихъ возникъ Лицей
 И слышалъ (*) снова шумъ игривый,
 И видѣлъ вновь семью друзей!
 Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнливымъ,
 Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
 Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ. . . .
 Поэтомъ. забывался я!

И славныхъ лѣтъ передо мною
 Являлись вѣчные слѣды:
 Еще исполнены Великою Женою
 Ея любимые сады!
 Стоять населены чертогами, столпами,
 Гробницами друзей, кумирами боговъ,
 И славой мраморной, и мѣдными хвалами
 Екатерининныхъ орловъ!

14 Декабря 1829. С.-Петербургъ.

Уже написавъ стихотвореніе, Пушкинъ снова возвращается къ нему и добавляетъ его новой строфой:

Садятся призраки Героевъ
 У посвященныхъ имъ столповъ;
 Глядите: вотъ Герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
 Перунъ Кагульскихъ береговъ!
 Вотъ, вотъ могучій вожь полунощнаго флага,
 Предъ кѣмъ морей пожаръ, и плавалъ, и леталъ!
 Вотъ вѣрный братъ его, Герой Архипелага,
 Вотъ Наваринской Ганнибалъ!

Вся строфа эта дѣйствительно необходима была для завершения пьесы, но и съ ней еще оно представляетъ, какъ легко замѣтить, первый, невыправленный очеркъ — слабую тѣнь того, чѣмъ оно могло бы сдѣлаться, если бы художественскій рѣзецъ прошелъ еще разъ по немъ. Однакоже, и въ томъ видѣ, въ какомъ имѣемъ его, оно еще дорого по истинѣ чувства, по задушевному голосу, пробѣгающему въ первыхъ двухъ его строфахъ.

(*) Точки вездѣ замѣщаютъ неразобранные стихи. Просимъ читателей не забывать этого и при другихъ выпискахъ нашихъ. .

Такъ провожалъ Пушкинъ послѣдній годъ молодости своей: ему уже было 30 лѣтъ и три четверти жизни для него промчались.

Совсѣмъ другіе звуки, совсѣмъ другое настроеніе духа является въ стихотвореніяхъ Пушкина слѣдующаго, 1830 года. Вспомнимъ превосходную его пьесу: *Отвѣтъ Анониму*:

О кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,

которое съ глубокой жалобой на участь поэта, покупающаго вниманіе публики цѣною собственныхъ горькихъ думъ и страданій, содержитъ намекъ на обстоятельство, пережившее какъ жизнь Пушкина, такъ и теченіе его мыслей. «Но счастье поэта», говоритъ онъ въ концѣ своего превосходнаго стихотворенія:

Межъ ними не найдеть сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно. . . .

Для Пушкина наступило то счастье, о которомъ, по свидѣтельству покойнаго Льва Сергѣевича Пушкина, всегда мечталъ поэтъ нашъ—счащеніе семейной жизни. Кстати сказать здѣсь, что дружеское расположеніе поэта къ Льву Сергѣевичу началось весьма рано и долго продолжалось. Какъ старшій въ семьѣ, Александръ Сергѣевичъ часто обращался къ брату съ совѣтами, дѣятельною помощью, иногда выговорами и упреками, въ которыхъ чувство нѣжности и любви, можетъ быть, выражалось еще сильнѣе, чѣмъ въ положительномъ изъявленіи его. Для брата своего, при вступленіи его въ свѣтъ, Александръ Сергѣевичъ написалъ длинное наставленіе, которое, можетъ быть, составляетъ лучшую характеристику, какъ нравовъ времени, такъ и его собственнаго душевнаго состоянія, въ эпоху пребыванія на Югѣ Россіи. Тогда же, именно изъ Кишинева, умолялъ онъ Дельвига принять молодого Льва Сергѣевича подъ свое покровительство, какъ мы уже знаемъ изъ письма къ первому, отъ 23 Марта 1821 года. Но такъ какъ почти ни одно чувство не проходило въ душѣ Пушкина безъ поэтическаго отзвука, то въ бумагахъ его сохранилось небольшое стихотвореніе, можетъ быть, и оконченное позднѣе, но намъ доставшееся въ отрывкѣ:

Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной;
 Въ разлукѣ протекли медлительные годы:
 Теперь ты юноша и полную душой
 Цвѣтешь для радостей, для свѣта, для свободы.
 Какое поприще отверзлось предъ тобой!
 Какъ много для тебя восторговъ, наслаждений,
 И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблуждений

Да позволено намъ будетъ остановиться на нѣсколько минутъ. Въ жизни Пушкина струна братской привязанности звучала сильно и нельзя покинуть ее безъ вниманія; но для изложенія дѣла слѣдуетъ возвратиться опять къ страннической жизни поэта на Югѣ Россіи и къ пребыванію его въ деревнѣ въ 1824—25 годахъ.

Мы можемъ привести нѣсколько строкъ изъ того дружескаго письма, о которомъ упомянули выше, и которымъ Александръ Сергѣевичъ напутствовалъ брата при вступленіи его въ свѣтъ. Оно писано по-Французски и въ цѣломъ представляетъ систему, изложенную очень остроумно, но весьма мало сходную съ правилами самого автора ея, когда установился его взглядъ на предметы. Система эта просто была модный лоскъ того времени, которымъ прикрывались старые и молодые люди для эффекта. Вотъ что извлекаемъ изъ письма:

«Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir. Je vous ai dit les raisons, pourquoi l'état militaire me parait préférable à tous les autres. En tous cas votre conduite va décider pour longtemps de votre réputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire à des hommes que vous ne connaissez pas encore. . . . Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon, et qui de plus est encore jeune. . . . Soyez froid avec tout le monde. La familiarité nuit toujours, mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. . . . Point de petits soins. . . . Défiez-vous de la bienveillance, dont vous pouvez être susceptible. Les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger les autres par eux-mêmes. . . . N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart du temps est une perfidie. Point de protection, car elle asservit et dégrade. J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. . . . N'oubliez jamais l'offense volontaire. . . . Peu ou point de paroles

et ne vengez jamais l'injure par l'injure. . . Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettront pas de briller, ne tachez pas de pallier vos privations. Affectez plutôt l'excès contraire. Le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent ridicule et méprisable. N'empruntez jamais; souffrez plutôt la misère. Croyez qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on la peint et surtout que la certitude, où l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couler à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m'arrêterait lorsqu'il s'agit de l'intérêt de votre vie.»

Письмо это было послано изъ Кишинева въ Петербургъ, гдѣ тогда находился Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, и замѣчательно, что не только мысли, изложенныя въ немъ, были чужды природѣ самого поэта, какъ скоро увидимъ, но онъ даже не любилъ Французской формы въ братской и дружеской перепискѣ. Вотъ что писалъ онъ изъ того же Кишинева къ молодому брату, отъ 24 Января 1822 года:

«Сперва хочу съ тобой побрашиться. Какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо: ты не Московская кузина. Во-вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки: ты или не хочешь, или не можешь мнѣ говорить откровенно обо всемъ. Жалю. Болтливость братской дружбы была бы мнѣ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружескій голосъ, что друзья мои, какъ нарочно рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію — и это состояніе неспосно. . .» Вѣроятно еще ранѣе, Пушкинъ уже обращалъ вниманіе брата на непріятную смѣсь языковъ въ его письмахъ: «Здравствуй Левъ! Не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь. Я называю дѣльнымъ все то, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ, покажѣсь я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможною болтливостію и пиши мнѣ по-Русски, потому что, слава Богу, съ моими. . . друзьями, я скоро позабуду Русскую азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ). Пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей Словесности. Что такое *Сотвореніе міра* Милонова? Что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ Сынѣ Отечества

прошлаго года? Кто на ны? *Черная шаль* тебѣ нравится — ты правъ, но ее ч. . . знаетъ какъ напечатали (*). Кто ее такъ напечаталъ? . . .» Послѣ этихъ двухъ писемъ полученъ былъ новый отвѣтъ Льва Сергѣевича, который, какъ видно, остался недоволенъ замѣчаниями брата. Поэтъ возражаетъ шутливо и снисходительно, но вмѣстѣ съ признаками горячей, истинно братской любви къ молодому человѣку: «Ты на меня дуешься милый: не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно — хоть на шести языкахъ: ни слова тебѣ не скажу. Мнѣ безъ тебя скучно. Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей-Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери. Если упустишь время, послѣ будешь тужить. . . . Тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. Конечно я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда какъ . . . , да ты и самъ не захочешь. Чтеніе — вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

«Скажи мнѣ — выросъ - ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ; найду молодымъ человѣкомъ. Скажи — съ кѣмъ изъ моихъ приятелей ты знакомъ болѣе? Что ты дѣлаешь? Что ты пишешь? . . . Что мой Русланъ? Не продается? Дай знать. Если же Сленинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? А мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Б.? Читалъ ли ты мои стихи, ему посланные? Что Пльнникъ? Радость моя! Хочется мнѣ съ вами увидѣться: мнѣ въ Петербургѣ дѣло есть; незнаю — буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался — быть нельзя. Уничтожь это вранье. . . . Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь — и по скорѣе. Пригласи Дельвига и Баратынскаго. . . .»

Оставляя въ сторонѣ смѣшеніе языковъ, которому не чуждъ былъ и самъ Александръ Сергѣевичъ въ своихъ замѣткахъ для памяти, какъ мы видѣли, скажемъ, что молодой Левъ Пушкинъ имѣлъ еще родственную черту съ поэтомъ. Онъ обладалъ счастливой памятью и хорошимъ почеркомъ. Оба эти качества сдѣлали его привилегированнымъ комиссіонеромъ поэта по части переписки стихотвореній, исправленія ихъ и отдачи въ журналы и альманахи. Въ такой должности и находился онъ дѣйстви-

(*) Смотри въ примѣчаніяхъ нашихъ къ атому стихотворенію.

тельно съ 1821 по 1825 годъ, живя почти постоянно въ Петербургѣ, между тѣмъ какъ другой братъ его былъ вдалекѣ отъ столицы. Мы уже имѣли случай много разъ, въ продолженіи нашего труда, черпать свѣдѣнія и подробности изъ тогдашней переписки ихъ. Приведемъ здѣсь еще нѣсколько выдержекъ изъ нея для лучшаго показанія тѣхъ дружескихъ, короткихъ отношеній, какія установились между обоими братьями, съ самаго начала жизни.

По полученіи альманаха Полярная Звѣзда 1823, гдѣ помѣщено было стихотвореніе Александра Сергѣевича: *Къ Овидію*, помѣченное тамъ только двумя звѣздочками, его же пьеса *Мечта воина*, элегія Гнѣдича: *Тарентинская Дѣва* и нѣсколько пьесъ Дельвига, поэтъ нашъ бесѣдуетъ изъ Кишинева съ братомъ о себѣ и другихъ, въ такомъ удивительно-простодушномъ и нѣжномъ тонѣ:

«*Благоразумный Левинька!* Благодарю за письма. Жалко, что прочія не дошли. Пишу тебѣ окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами — и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенкѣ Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому Пльннику. Б*.. прислалъ мнѣ Звѣзду... Каковы стихи «Къ Овидію?» Душа моя! И Русланъ и Пльнникъ — все дрянъ въ сравненіи съ ними. Ради Бога, люби двѣ звѣздочки: онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Па...ву, знаменитому... и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. «Мечта воина» привела въ задумчивость *воина*, что служить въ Иностранной Коллегіи и находится нынѣ въ Бессарабской области (*). Эта Мечта напечатана съ ошибочнаго списка: *призванье* вмѣсто *взыванье*, *тревожныхъ*

(*) Пушкинъ говоритъ о себѣ. Далѣе слѣдуютъ у него замѣтки объ ошибкахъ альманаха. Дѣйствительно, тамъ было напечатано: «Огни враговъ, ихъ чуждое призванье» вмѣсто *взыванье*; «ничто не заглушитъ моихъ *тревожныхъ* думъ» вмѣсто... *привыжныхъ* думъ. Стихъ: «*Воспоминаніе и брата и друзей*» напечатанный въ альманахѣ такъ: «*Воспоминанье и братьевъ и друзей*» показываетъ, что въ эпоху сочиненія пьесы: *Воина* (1821), Пушкинъ думалъ о братѣ, какъ о предметѣ дорогомъ его сердцу, наравнѣ съ священнымъ сердца жаромъ, высокими стремленіями и волненіями творческихъ думъ. Дальнѣйшее развитіе нашего языка не подтвердило мнѣнія Пушкина о нелѣпости *тревожныхъ* думъ.

думъ, слово, употребляемое знаменитымъ Р*, но которое по Русски ничего не значить, *воспоминаніе и брата и друзей* — стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ просто плоской. Но все это не бѣда, были бы деньги. Я радъ, что Глинокъ полюбились мои стихи: это была моя цѣль. . . . Гнѣдичъ перебиваетъ у меня лавочку:

Увы! Напрасно ждалъ тебя женихъ печальный (*). . . .

непростительно-прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на парнасѣ. Дельвигъ, Дельвигъ! Пиши ко мнѣ, и прозой, и стихами; благословляю и поздравляю тебя. Добился ты наконецъ до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало. *En avant! Marche!* 30 Генваря (1823).»

Препорученія всѣхъ возможныхъ родовъ сыпались градомъ на Льва Сергѣевича, отъ странствующаго брата его: «*Mon père a eu une idée lumineuse*, пишетъ онъ ему изъ Кишинева въ 1823 году — *c'est celle de t'envoyer des habits; rappelez la lui de ma part*. Еще слово; скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ прислалъ. . . . Сына Отечества вторую половину года. Можетъ вычестъ что стоитъ изъ своего долга.» Сленинъ, какъ извѣстно, купилъ первое изданіе Руслана; но выплачивалъ деньги по частямъ и даже книгами. «Другъ мой, повторяетъ Пушкинъ изъ Кишинева въ томъ же 1823 году, попроси М. В. Сленина, чтобъ онъ, за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ два экземпляра Людмилы, 2 экземпляра Пльнника, одинъ Шильонскаго узника, книгу Греча и Цертелева древнія стихотворенія — поклонись ему отъ меня.» О книгахъ вообще шла переписка весьма жаркая. Такъ въ 1824 году изъ Михайловскаго, Пушкинъ пишетъ: «Братъ! Ты мнѣ перешлешь Нѣмецкую критику Кавказскаго Пльнника (спросить у Греча), да книгъ, ради Бога книгъ! Если П. Б. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою альманаховъ, то скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и Талію Булгарина. . . . Стиховъ, стиховъ, стиховъ! . . . *Conversations de Byron, Walter Scott*: это пища для души. Чтожъ Чухонка (***) Баратынскаго? Я жду. . . .» Всѣ эги комиссіи не

(*) Стихъ изъ Тарентинской Дѣвы, Гнѣдича.

(**) Эда, поэма Баратынскаго, вышедшая только въ 1826 г.

такъ скоро исполнялись, какъ желалъ бы поэтъ. О Чухонкѣ онъ повторяетъ свою просьбу нѣсколько разъ, одинъ за другимъ, хотя она еще не выходила изъ печати. «Торопи Дельвига (*), присылай мнѣ Чухонку Баратынскаго — *не то, проклянѣ тебя*» (1824). «Пришли же мнѣ Эду Баратынскаго. Ахъ, онъ Чухонецъ! Да если она милѣе моей Черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду» (1824); а разъ поэтъ вышелъ даже изъ терпѣнія: «Да пришли же мнѣ Старину(**) и Талію. Господи помилуй, не допросишься!» Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ Александръ Сергѣевичъ излагаетъ уже свои порученія стихотворно: «Братъ, здравствуй! Писалъ тебѣ на дняхъ, съ тебя довольно. Пришли мнѣ Цвѣтовъ (***) да Эду, да поѣзжай къ Энгельгартову обѣду. Кланяйся господину Жуковскому, заѣзжай къ П — ну и Малиновскому. Поцалуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина (Декабрь 1825).» Получивъ наконецъ Эду и Талію, альманахъ г. Булгарина, онъ пишетъ о первой то письмо къ Дельвигу, которое уже намъ извѣстно, а о второй упоминаетъ въ приводимомъ нами теперь. (1825) «... Между тѣмъ пришли мнѣ тотъ N^о Вѣстника Европы, гдѣ напечатанъ второй разговоръ Дмитріева (****). Это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстникъ и Дамскій журналъ).»

«Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его (****) прелестъ. Сердись онъ, не сердись, а *хотѣлъ простить — простить не могъ*» достойно Байрона. Видѣніе, конецъ — прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы: крайней-мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затѣніе, останется вѣчнымъ образомъ мучительной поэзіи. Хочется

(*) На счетъ выдачи Сѣверныхъ Цвѣтовъ — первой книжки.

(**) Русская Старина, альманахъ Калайдовича 1824 — 1825.

(***) Первую книжку Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1825 г.

(****) Извѣстный разговоръ по поводу статьи Бнязя Вяземскаго, приложенной къ первому изданію Бахчисарайскаго Фонтана. О полемикѣ между г. Дмитріевымъ и Бн. Вяземскимъ мы уже прежде упоминали.

(*****) Чернецъ, Кіевская повѣсть Козлова. 1825.

отвѣчать ему стихами. Если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ (*).»

«Если можно пришли мнѣ *Child-Harold* — Ламартина. Это чепуха должна быть! Да вообще что нибудь новенькаго, да и Старину. Талію получилъ и письмо отъ издателя. Не успѣлъ еще пробѣжать. *Ворожея* (**) показалась мнѣ *du bon comique*. А Хмѣльницкій — моя старинная любовница. Я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ, въ первую пѣснь Онѣгина. Да кой ч. . . , говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ, какъ о драматическомъ писателѣ! . . . » Коммиссіи относились иногда и къ весьма обыкновеннымъ вещамъ: «Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, пишетъ Пушкинъ, если вина, такъ и сыру; и (говоря по Делилевски) *виную сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки*, т. е. штопоръ» (1824); иногда также очень дѣльные коммиссіи перемѣшаны бывали съ обыкновенными, и притомъ весьма оригинальнымъ образомъ: «№ 3. Пришли мнѣ: 1) *Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc*: найдешь у *St. Florent*. 2) Сѣрныя спички, 3) Карты, т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ: пусть онъ ихъ и держитъ и продаетъ). 4) Жизнь Е. Пугачева. 5) Путешествіе по Тавридѣ Муравьева. 6) Горчицы и сыру, но это ты мнѣ и самъ привезешь. . . . » Въ другой разъ Пушкинъ начинаетъ лаконически: «Фуше, *Oeuvres dram. de Schiller, Schlegel, Don Juan* (последнія 6 и проч. пѣсни), новаго *Walter Scott*, Сибирскій Вѣстникъ весь — и все это черезъ *St. Florent*, а не чрезъ Сленина. Вино, вино, ромъ (12 бутылокъ), горчицы, *Fleur d'orange*, чемоданъ дорожный, сыру Лимбургскаго, книгу объ верховой ѣздѣ, хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное

(*) Поэтъ дѣйствительно отвѣчалъ ему изъ Михайловскаго стихами. См. стихъ *Козлову (Пивецъ, когда передъ тобой).*

(**) Въ Русской Таліи, драматическомъ сборникѣ г. Булгарина (1825), было напечатано нѣсколько явленій изъ комедій-водевилей Кн. Шаховскаго: «Ворожея или танцы духовъ» и отрывки изъ трехъ произведеній Н. И. Хмѣльницкаго, изъ перевода его: «Школа женщинъ» изъ комедій: «Нерѣшительный или семь пятницъ на недѣлѣ» и куплеты изъ водевиля: «Суженаго конемъ не объѣдешь».

подражаніе *Alfieri* и Байрону» (1825). Бывали, однакожь, коммисіи у Александра Сергѣевича, которыя, по существу своему, стояли несравненно выше всѣхъ другихъ порученій. Такъ, при полученіи извѣстія о наводненіи въ Петербургъ, онъ предается, и серьезнымъ размышленіямъ, и шутовости, но вдругъ прерываетъ и то и другое слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ. Онъ вовсе не такъ забавенъ.... Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ, но, прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго.... (8 Декабря 1824).» Въ другой разъ онъ дѣлаетъ такую приписку къ брату: «PS. Слѣпой Священникъ перевелъ Сираха (см. Инвалидъ № какой-то), издаетъ по подпискѣ; подпишишь на нѣсколько экземпляровъ» (1825). Эта коммисія родилась уже безъ всякаго вызова или побужденія съ какой-либо стороны.

По отношенію къ литературѣ весьма важны хлопоты Пушкина о собственныхъ своихъ произведеніяхъ. Мы уже видѣли прежде, какихъ трудовъ стоило ему первое его собраніе стихотвореній. Не менѣе заботъ доставило ему изданіе первой главы Евгенія Онѣгина въ 1825 г., которое препоручено было Льву Пушкину, вмѣстѣ съ П. А. Пл...вымъ. Онъ безпрестанно пишетъ объ этихъ изданіяхъ, о перемѣнѣ въ нихъ стиховъ, о расположеніи пьесъ и строфъ, о скорѣйшемъ окончаніи дѣла и проч. Вотъ выдержки изъ этой переписки, «Что Онѣгинъ? Перемѣни стихъ: *звонокъ раздался*. Поставь: *Швейцара мимо онъ стрѣлой* (*). Въ разговорѣ, послѣ *искалъ вниманія красоты*, пусти непременно:

Глаза прелестные читали
 Меня съ улыбкою любви,
 Уста волшебные шептали
 Мнѣ звуки сладкіе мои (**).

«Не забудь *Фонъ-Визина* писать *Фонвизинъ*. Что онъ за не-

(*) Этотъ стихъ дѣйствительно и находится въ XXVIII строфѣ первой главы Онѣгина.

(**) Эти стихи и попали, по указанію поэта, въ разговоръ между повтомъ и книгопродавцемъ, которымъ открывается Ев. Онѣгинъ.

христь? Онъ Русскій, изъ перерусскихъ Русскій (1824)...»
 «Прошу скорѣе выгнать Онѣгина изъ... Долго не торгуйся
 за стихи: рѣжь, рви, крамсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ,
 ради Бога!»

«NB. г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава

Немножко стойтъ вамъ присѣсть (*).

«Понимаете? Да нельзя ли еще подъ разговоромъ поставить число 1823 г. Стихъ: *Вся жизнь одна ли, двѣ ли ноги*, надобно бы выкинуть, да жаль хорошъ. Жаль еще, что поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего книгопродавца: *Mes arrières—peuex me devraient cet ombre*. Съ журналистами дѣлай, что угодно. Дарю тебѣ мои мелочи на пряники; продавай или дари, что упомнишь, а переписывать мочи нѣтъ.» (**) (1824). Въ томъ же году хотѣлъ онъ составить и второе изданіе Кавказскаго Пльнника, указалъ даже перемѣны въ стихахъ, которыя впоследствии и введены были въ поэму (***) , назначилъ цѣну, за жакую уступалъ его книгопродавцамъ — 2000 р., но неожиданное появленіе Нѣмецкаго перевода съ полнымъ Русскимъ текстомъ, какъ уже говорили мы, помѣшало предпріятію. Такъ точно въ слѣдующемъ 1825 году, по выходѣ первой пѣсни Онѣгина, Пушкинъ думалъ о второмъ изданіи ея, которое тоже не состоялось: «Читалъ объявленіе объ Онѣгинѣ въ Пчелѣ. Жду шума. Если изданіе раскупится, то приступи тотчасъ къ изданію другому или условься съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ. Отпиши о впечатлѣніи, имъ произведенномъ.» Наконецъ Пушкина сильно занимала мысль издать въ 1825 году *Цыганъ* своихъ, столь долго ожидаемыхъ публикой, но мысль могла быть приведена въ исполненіе только гораздо позднѣе — черезъ два года.

(*) Такъ эти стихи и напечатаны въ разговорѣ между повтомъ и книгопродавцемъ.

(**) Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ отстраняетъ критическое вниманіе брата въ новую поэму очень добродушно: «Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей дунѣ—чтожь дѣлать? А напечатай уже такъ.»

(***) См. примѣчанія къ Кавказскому Пльннику.

Большая часть этихъ остановокъ происходила отъ свойствъ молодаго комиссіонера, которому Пушкинъ ввѣрилъ литературныя свои дѣла. Комиссіонеръ былъ безпеченъ отъ природы, и никакъ не могъ принудить себя смотрѣть серьезно на порученія брата своего. Они служили ему средствомъ къ сообщенію интересныхъ новостей пріятелямъ, къ веселому препровожденію времени, къ пріобрѣтенію новыхъ знакомствъ, къ шуму, къ дружескимъ преніямъ и проч. Разумѣется, Александръ Сергѣевичъ смотрѣлъ иначе на цѣль своихъ произведеній и крѣпко сердился, видя, что поэтическіе труды его обращены въ забаву. Легкое пониманіе обязанностей своихъ, приводило иногда комиссіонера къ нескромностямъ, весьма досаднымъ. Такъ мы можемъ разсказать анекдотъ, переданный намъ П. А. Плетневымъ и въ которомъ онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Въ 1821 году, П. А. Плетневъ напечаталъ въ Сынѣ Отечества № VIII, стихотвореніе, подъ названіемъ: «Б... овъ изъ Рима,» въ которомъ описывалъ участь какого-то поэта, потерявшаго вдали отъ родины друзей, жаръ и вдохновеніе. Подозрительный и уже больной Батюшковъ, находившійся тогда въ Римѣ, принялъ стихотвореніе на свой счетъ и горько жаловался на тайныхъ враговъ, распускающихъ объ немъ непріятныя слухи. А. С. Пушкинъ взялъ его сторону и въ письмѣ къ брату ѣдко и съ негодованіемъ разобралъ какъ мысль стихотворенія, такъ и форму его. Письмо это было показано Львомъ Сергѣвичемъ автору разобранной пьесы. Тогда П. А. Плетневъ отвѣчалъ извѣстнымъ своимъ посланіемъ къ Пушкину:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ

На немъ печать твоей открытой силы и проч.,

гдѣ такъ благородно и прямо высказалъ свое оправданіе. Для Александра Сергѣевича достаточно было откровеннаго объясненія, чтобъ онъ призналъ вину свою и постарался загладить ее. Съ посланія Плетнева образовалась между нимъ и поэтомъ нашимъ тѣсная дружеская связь, но вотъ что замѣтилъ послѣдній о поступкѣ брата: «Если бы ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. За чѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь

*

рѣзкимъ и необдуманнѣмъ сужденіямъ. Они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Т...мъ происходитъ отъ нескромности Кн. Шаховскаго. Впрочемъ посланіе Плетнева, можетъ быть первая его піеса, которая вырвалась отъ полноты чувства: она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ: тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему... 6 Октября 1823; Кишиневъ.»

Изъ переписки, разбираемой нами теперь, оказывается всего яснѣе, что Левъ Сергѣевичъ имѣлъ неодолимую страсть къ чтенію новоприсылаемыхъ произведеній брата на вечерахъ и ужинахъ и за этимъ упражненіемъ часто забывалъ объ выпускѣ ихъ въ свѣтъ правильнымъ образомъ. Мы видѣли уже какъ сердился поэтъ за преждевременное распространеніе въ публикѣ Бахчисарайскаго Фонтана; тоже самое случилось и съ Цыганами. Левъ Сергѣевичъ передавалъ ихъ цѣликомъ, на-память и въ рукописи, всѣмъ почитателямъ таланта своего брата, а почитателемъ его тогда былъ—весь свѣтъ. Поэтъ принужденъ былъ перенести порученіе издавать свои сочиненія на одного П. А. Плетнева. Шутливо писалъ онъ къ Дельвигу изъ Михайловскаго, отъ 8 Декабря 1825 г. «Кстати: скажи Плетневу, чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи, а не на комиссіи мои, потому что это напрасно. Такова безсовѣстнова комиссіонера нѣтъ и не будетъ.» Такъ еще, отъ 23 Юля 1825, онъ прибавляетъ къ тому же лицу: «Если братъ захочетъ переписать мои стихи вмѣсто того, чтобы читать ихъ на ужинахъ и украшать ими альбомъ В—вой, то я ему буду благодаренъ; если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ, а ты ужъ похлопочи съ Плетневымъ» Последняя замѣтка касается изданія стихотвореній Пушкина 1826. Мы видѣли прежде, что рукопись стихотвореній была переслана изъ Михайловскаго 18 Марта 1825 г. въ Петербургъ, но до 28 Юля 1825 поэтъ не получалъ отъ комиссіонера своего никакого извѣстія объ участи ея, а также и объ участи другихъ своихъ предпріятій. Въ этотъ день онъ написалъ брату выговоръ, который оправдываетъ его предшествовавшія замѣтки къ друзьямъ. «Если бы Пл—въ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы понялъ мое

положеніе. Теперь пишу изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался какъ на брата; между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячъ 15.

«Ты взялъ отъ Пл — ва для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500; заплатилъ ли остальные 500? и осталось ли что нибудь отъ остальной тысячи?»

«Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ Мартъ. Онѣ еще не собраны, не ценсурованы. Ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до того, что они наизусть передаютъ ихъ моей нублнкѣ. Благодарю.

«Дельвига письма до меня не доходятъ. Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

«Словомъ, мнѣ нужны деньги. . . . Ты знаешь это, ты обѣщаль мнѣ капиталъ прежде году, а я на тебя положился.

«Упрекать тебя не стану, а благодарить — ей-Богу не-за-что. 28 Юля.

«При семъ письмо Заикина. Не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполнѣ истолковать П. мои обстоятельства. Полагаюсь на его дружбу. Если ты захочешь продиктовать Цыгановъ для отдачи въ цензуру, покаместъ не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ» . . . (*)

Такимъ образомъ только въ 1825 г. открылась совершенная неспособность Льва Сергѣевича къ обязанности комиссіонера,

(*) Въ Новостяхъ литературы, журн. Воейкова, 1825 г., книжка XI, была повѣсть г. Погорьльскаго: «Лафертовская маковница,» гдѣ одно дѣйствующее лицо «бабушкинъ Коть»; привело Пушкина въ восторгъ. Немного перанѣе укоризненнаго письма своего, Александръ Сергѣевичъ еще писалъ къ брату: «Душа моя, что за прелесть «Бабушкинъ Коть»; я прочелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть; теперь только и брежу Тр. Фал. Мурлыкинымъ, выступаю плавно, повертывая голову и выгибая спину. Погорьльскій вѣдь Перов—ій. Не правда ли? Отъ Вяземскаго получилъ извѣстіе. Перешли ему, душа моя, все что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости своего тене-бѣял.»

которую онъ исполнялъ съ 1821 года. Дальнѣйшее описаніе сношеній между братьями уже не можетъ относиться къ нашему труду, такъ какъ въ нихъ, по большей части, уже нѣтъ ничего, касающагося литературы и много такого, что исключительно принадлежитъ семейному кругу. Къ концу жизни голосъ Александра Сергѣевича становился все строже и строже. Безпечность и отдача самого себя теченію жизни, какъ пришлось, не пропадали съ годами въ братѣ его. Прежніе и новые совѣты оставались безъ дѣйствія, но въ замѣнъ Александръ Сергѣевичъ принималъ на себя нѣсколько разъ устройство дѣлъ своего любимца, какъ денежныхъ, такъ и жизненныхъ вообще. Во всѣхъ кризисахъ своего существованія (а ихъ было не мало), Левъ Сергѣевичъ тотчасъ же обращался къ надежной своей опорѣ, къ брату, и даже писалъ ему при одномъ изъ такихъ случаевъ: «Нравоученія, если я ихъ заслуживаю, могутъ быть и послѣ, а теперь — надобно пособить.» И никогда не обманывала его надежда. Александръ Сергѣевичъ платилъ его долги, очищалъ ему дорогу и приводилъ въ движеніе всѣ свои обширныя связи и сношенія въ обществѣ, чтобъ выпутать его изъ ожидаемой или неожиданной бѣды. Онъ предоставлялъ себѣ только право, въ видѣ вознагражденія, прочесть ему добрую *нотацію* въ сухомъ, часто весьма остроумномъ письмѣ (большею частію на Французскомъ языкѣ), да шутливо сообщалъ друзьямъ о своихъ новыхъ хлопотахъ. . . . Даже и эта небольшая доля строгости пропадала еще, когда судьба сталкивала ихъ опять вмѣстѣ. По разсказамъ свидѣтелей, Александръ Сергѣевичъ напрасно старался сохранить, при личныхъ свиданіяхъ съ братомъ, серьезное выраженіе: шутка, веселость, даже просто шалость одолевали его. И Левъ Сергѣевичъ уже сошелъ съ земнаго поприща: онъ скончался въ Одессѣ, въ Юль мѣсяцѣ 1852 г.

Возвращаемся къ ~~покинутой~~ нами пьесѣ: «*Отвѣтъ Анониму.*» Признаніе о блаженствѣ, къ которому по собственнымъ его словамъ, возрождався Пушкинъ, было вызвано стихотворнымъ посланіемъ неизвѣстнаго автора, въ которомъ многіе отгадываютъ ученаго нашего Египтолога, Г-на И. А. Гульянова. Онъ написалъ къ Пушкину довольно длинное стихотвореніе, гдѣ блавородная мысль

и жаркое сочувствіе къ таланту поэта замѣняютъ всякое другое достоинство. Приводимъ двѣ строфы этого стихотворенія, породившаго чудный отвѣтъ Пушкина. Слѣдуетъ сказать, что это не единственныйъ еще примѣръ того, какъ поэтъ нашъ своимъ прикосновеніемъ возвышалъ до себя, до собственнаго генія чужую мысль. Вотъ стихи Г-на Гулянова:

Олимпа дѣвы вострепнулись!
Сердца ихъ въ горести сомкнулись
И гулъ ихъ вопли повторилъ:
«Поэтъ высокій, знаменитый
Взглянулъ на свѣтлыя ланиты—
И дѣвъ сердце покорилъ.»

«Не будетъ больше вдохновеній!
Не будетъ умственныхъ пареній!
Прошли свободные часы.
Какъ отблескъ утреннихъ сіяній
Блеснула радость ожиданій
У ногъ возлюбленной красы!»

Уйдите духъ вашъ сокрушенный,
О, Музы! Другъ вашъ вождѣльный
Небеснымъ пламенемъ горить.
Источникъ новыхъ откровеній
Залогомъ будетъ вдохновеній —
И снова геній воспарить!

15 Іюня 1830. Москва.

Число, выставленное подъ этимъ анонимнымъ посланіемъ, соотвѣтствуетъ эпохѣ той Московской жизни Пушкина, которая завершилась его бракомъ и которой посвятилъ онъ нѣсколько лирическихъ пѣсень, исполненныхъ тихаго, сосредоточеннаго чувства. Оно указываетъ намъ грань, откуда успокоенныя страсти его нашли въ предметѣ, исполненномъ молодости, граціи и красоты, свой тихій, свѣтлый и ровный истокъ. Вспомнимъ чудныя стихотворенія поэта: *Мадонна*, *Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье* и проч. Необходимо, однакожь, прибавить, что первая половина этого года, столь замѣчательнаго въ жизни Пушкина характеромъ своимъ далеко не походила на вторую. Начало 1830

года застало поэта въ Петербургѣ, и носитъ еще общій характеръ жизни, какъ она опредѣлилась для него въ послѣднее время. Тоже исканіе цѣли для своего существованія, выхода изъ обыкновенной вседневности, какое мы замѣтили и прежде, и таже невозможность избѣжать волненій жизни, которыя, и томили, и привлекали его. Естественнымъ слѣдствіемъ этого колебанія мысли и воли, были неисполнимыя предположенія и замыслы. Такъ, въ Генварѣ 1830 года, онъ просилъ дозволенія ѣхать за границу, или, въ случаѣ невозможности заграничнаго вояжа, сопровождать нашу Миссію въ Китай. Заботливость Начальства о судьбѣ его отклонила оба плана съ тѣмъ снисходительнымъ добродушіемъ, съ какимъ оно всегда вело и сдерживало порывы Пушкина. На поѣздку за границу, которая разстроила бы его денежные обстоятельства, всегда запутанныя и отвлекла бы его отъ обыкновенныхъ занятій, не воспослѣдовало согласія, а путешествіе въ Китай отклонено по причинѣ полнаго комплекта чиновниковъ въ нашей миссіи. Въ Мартѣ мѣсяцѣ, можетъ быть, даже обрадованный отказомъ, онъ быстро собрался и уѣхалъ въ Москву, намѣреваясь еще посѣтить стараго своего друга Н. Р. въ Полтавѣ; но въ Москвѣ нашелъ онъ разгадку своихъ волненій и разрѣшеніе своихъ порывовъ въ чистой любви и семейной жизни, вскорѣ послѣдовавшей за ней. Нельзя умолчать, что въ стихотвореніяхъ Пушкина, этой поэтической біографіи его самого, есть нѣса, сохранившая даже и черту изъ жизни, о которой сейчасъ говорили:

Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножью ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи. . и проч.

Такъ, по большей части, мотивы Пушкинскихъ стихотвореній даны ему были самой жизнью и дѣйствительностію (*).

(*). Не говоря уже о Лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, гдѣ сохранены многія личныя обстоятельства автора, остающіяся теперь почти безъ возможности

Къ началу того же 1830 года и къ Петербургской жизни относится дѣятельное участіе Пушкина въ основаніи Литературной Газеты, предпринятомъ Дельвигомъ. Появленіе этой газеты, совпадающее съ прекращеніемъ журнала Московскій Вѣстникъ, объясняется потребностію новаго органа для литературной дѣятельности Пушкина и друзей его, что подтвердила и сама редакція въ одномъ изъ своихъ №№, сказавъ прямо, что Газета издается для тѣхъ литераторовъ, которые не могутъ участвовать ни въ одномъ изъ Петербургскихъ и Московскихъ журналовъ. Основная мысль ея вѣрнѣе выражена въ рукописной замѣткѣ Пушкина, гдѣ онъ изъясняетъ право публики требовать уже отъ извѣстныхъ писателей: Жуковского, Баратынскаго, Князя Вяземскаго и друг. оцѣнки произведеній литературнаго міра. Кромѣ прямой пользы молодымъ талантамъ, они, по мнѣнію Пушкина, могли бы вырвать критику изъ рукъ судей, положившихъ въ основаніе своему призванію только собственный произволъ и личныя отношенія къ писателямъ. Состояніе критики въ его время, онъ объяснялъ слѣдующей, довольно забавной эпиграммой, похожей, впрочемъ, на извѣстную шутку Пеллиссона: *Les trois sourds.*

поясненія, но и въ другихъ его произведеніяхъ безпрестанно слышится живой голосъ событія и, сквозь поэтическую призму ихъ, безпрестанно мелькаетъ настоящее происшествіе. Въ разныхъ мѣстахъ нашего труда, мы уже привели доказательства этому и пояснили нѣкоторыя изъ его стихотвореній чертами и анекдотами изъ жизни. Подобнымъ комментаріямъ, современемъ, могутъ быть подвергнуты почти всѣ лирическія пѣсни Пушкина. Приводимъ здѣсь, на удачу, еще нѣсколько примѣровъ близкаго родства Пушкинской поэзіи съ явленіями общественнаго быта и съ личными обстоятельствами автора. Стихотвореніе: *Метателю* (Ты въ страсти горестной), напечатанное въ Сынѣ Отечества 1818 г. съ подписью: Св . . . ч. к. (Сверчокъ) вызвано было любовью одного молодого человѣка, утверждавшаго, что онъ не ищетъ взаимности и доволенъ чувствомъ своимъ. Пушкинъ не понималъ этого изворота сердца, ищущаго успокоенія въ обманѣ, и отвѣчалъ на него своимъ стихотвореніемъ. Въ другой разъ, знаменитый композиторъ, хорошо извѣстный публикѣ нашей, игралъ на фортепьяно Грузинскую мелодію, съ свойственнымъ ему выраженіемъ и искусствомъ. На замѣчаніе присутствующихъ, что ей недостаетъ стиховъ или романа для всеобщей извѣстности, Пушкинъ написалъ стихотвореніе.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузинъ печальной.

Глухой глухова звалъ къ суду судьи глухова.
 Глухой кричалъ: «моя имъ сведена корова.»
 — «Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ,
 Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ.» —
 Судья рѣшилъ: «Почто идти вамъ братъ на брата?
 Не тотъ и не другой, а дѣвка виновата!»

Подавая самъ примѣръ наставленію, Пушкинъ высказалъ свое мнѣніе о «Юрій Милославскомъ,» романъ покойнаго М. Н. Загоскина (Литерат. Газета 1830, № 5-й); написалъ замѣчаніе о новооткрытой тогда драматической сценѣ изъ Фонъ-Визина (Литер. Газета 1830 годъ, № 7); съ восторгомъ привѣтствовалъ появленіе *Иліады*, въ переводѣ Гнѣдича (Литер. Газета 1830 годъ № 2 и 12) и, наконецъ, уже прозрѣвая безобразныя произведенія Французской Словесности 30-хъ годовъ, не замедлившія появиться, встрѣтилъ рѣзкимъ, энергическимъ осужденіемъ два журнальныхъ Парижскихъ объявленія о выходѣ Записокъ Самсона и Записокъ Видока (Литер. Газета 1830 года, № № 5 и 10). Кромѣ всего этого, много отдѣльныхъ замѣтокъ, мѣткихъ, исполненныхъ остроумія, было помѣщено на листкахъ новой газеты, но мы уже не можемъ указать ихъ читателямъ. Онѣ не были имъ подписаны и не сохранились, къ сожалѣнію, въ рукописяхъ поэта, а завѣренія и свидѣтельства его друзей, какъ преданія словесныя, не придаютъ дѣлу той юридической

Подробности, находящіяся въ стихотвореніи: *Онъ между нами жилъ*, всѣ взяты изъ дѣйствительности. Лице, къ которому оно написано, отличалось даромъ импровизаціи и разъ въ самой квартирѣ Пушкина, въ Демутовомъ трактирѣ, долго и съ жаромъ говорило о любви, которая нѣкогда должна связать народы между собою. Чудная пьеса: *Въ часы забавъ или праздной скуки* была только отвѣтомъ на укоризненное опроверженіе нѣкоторыхъ мыслей въ другомъ Пушкинскомъ произведеніи; опроверженіе, сдѣланное духовнымъ лицомъ высокаго сана. За тѣмъ всѣ стихотворенія Пушкина, имѣющія форму посланій, или обращенія къ лицамъ, неизмѣнно связаны съ какимъ-либо характеристическимъ поводомъ, съ какой-либо замѣчательной чертой его жизни, или съ особенностію его душевнаго состоянія. Даже антологическія его пьесы 20—22 годовъ не лишены этой близости къ ходу дѣйствительности. Она можетъ быть усмотрѣна наконецъ и въ такихъ пьесахъ, которыя, по глубокому вдохновенному своему содержанію, кажется, совершенно отдѣляются отъ обычнаго теченія жизни, каковы: *H** (Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ), *Туга*, *Пиръ Петра Великаго*, и проч.

достоверности, которая необходима для опредѣленія литературной собственности. Статьи Пушкина чрезвычайно важны въ біографическомъ отношеніи: онѣ носятъ тотъ характеръ уваженія къ заслугамъ людей, противодѣйствія личному, произвольному мнѣнію, и стремленія къ образованію общественнаго вкуса посредствомъ избранныхъ представителей въ наукѣ и словесности, какой отражается на всѣхъ послѣдующихъ его сужденіяхъ. Направление газеты встрѣтило сильное противодѣйствіе въ журналахъ того времени: никто не хотѣлъ признавать непогрѣзительность избранныхъ судей тамъ, гдѣ судьей была публика. Въ увлеченіи спора, подверглась разбору даже и система обозначенія періодовъ старой отечественной Словесности нашей, именами главныхъ дѣятелей. Противники Литературной Газеты отказывали однимъ именамъ въ правѣ представительства, а вліяніе другихъ объясняли совокупнымъ участіемъ многихъ, менѣе извѣстныхъ, лицъ. Споръ, какъ всегда бываетъ, обратился въ простую журнальную полемику и, наконецъ, въ намеки и въ разборъ личностей. Къ несчастію, вмѣсто молчанія, которымъ слѣдовало бы отвѣчать на этотъ новый видъ, принятый журнальной критикой, Пушкинъ полагалъ, что зло должно быть истреблено его же собственнымъ оружіемъ: «Нѣкоторые писатели, говорилъ онъ, ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гнушаются своимъ братомъ—литераторомъ? . . . Если они принадлежать хорошему обществу, какъ благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается. . . Одинъ писатель извинялся тѣмъ, что де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться челоуѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница де между споромъ и дракой, что наконецъ, никто де не въ правѣ требовать, чтобъ челоуѣкъ разговаривалъ, съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на *сходку*, то не прогнѣвайся—какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью, то смѣшно вызывать его биться на шпагахъ а не поколотить его просто, а если ты будешь молчать съ челоуѣкомъ, который съ тобой заговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гор-

доть»... Со всѣмъ тѣмъ неосновательность этого мнѣнія и его парадоксальный характеръ оказались на самомъ дѣлѣ. Не смотря на огромную долю остроумія, ѣдкости и ядовитаго сарказма, расточенныхъ Пушкинымъ въ эпиграммахъ, принудившихъ противниковъ его къ молчанію, вся дѣятельность его на этомъ поприщѣ разнорѣчитъ съ обыкновеннымъ изяществомъ его произведеній. Сатирическія статьи его, какъ тѣ, которыя напечатаны были въ *Телескопъ* 1831 г. №№ 13 и 14, подъ именемъ *Феофилакта Косишкина*, не искупаютъ своей веселостью нѣкоторой жесткости въ формѣ и въ языкѣ. Спѣшимъ, однакожь, оставить весь этотъ періодъ страсти и увлеченія, побуждаемые къ тому и хронологическимъ порядкомъ, которому слѣдуемъ. Почти съ первыхъ номеровъ *Литературной Газеты*, Пушкинъ находился уже въ Москвѣ. Нѣтъ никакой надобности подтверждать слова наши выписками изъ самыхъ журналовъ, начавшихъ это долгое, бесполезное преніе: поводовъ къ объясненію убѣжденій и мыслей тутъ уже нѣтъ, а сказаннаго достаточно для предостереженія будущихъ писателей отъ дурнаго примѣра, остающагося на страницахъ исторіи литературы, какъ поученіе и какъ заслуженное наказаніе. Въ полномъ разгарѣ полемики въ 1831 году, Пушкинъ слышалъ предостерегательныя слова, которыя, казалось, произносимы были самой мудростію: «Всякая брань безчеститъ того, кто произноситъ ее, а не того, на кого направлена она. Оружіе противъ нее — презрѣніе. Въ сатирахъ Пушкина можно найти умъ, но еще болѣе желчи. Для чести его пера, а особенно для чести его *разсудка* — лучше было-бы, еслибы остались они въ неизвѣстности.»

Возвращаясь къ литературному отдѣлу газеты, упомянемъ, что сверхъ уже поименованныхъ статей, да отрывка изъ романа: *Арапъ Петра Великаго*, подъ названіемъ *Ассамблея при Петрѣ I-мъ* (*Литер. Газ.* 1830, № 13) и еще отрывка изъ *Путешествія въ Арзрумъ*, подъ названіемъ: *Военная Грузинская дорога, изъ путевыхъ записокъ А. С. Пушкина* (*Литер. Газ.* 1830, № 8), въ ней было помѣщено много стихотвореній его, и съ подписью имени, и съ помѣткой ихъ одними буквами *Крс.* Буквы эти составляютъ сокращенную анаграмму сго Арзамаска-

го прозвища: сверчокъ. Почти всѣ стихотворенія Литературной Газеты, принадлежащія Пушкину, находятся въ сборникахъ его сочиненій съ нѣкоторыми вариантами (*). Между ними блеститъ Посланіе къ К. Н. Б. Ю. (*Вельможѣ*), написанное уже въ Москвѣ — образецъ мастерской живописи историческихъ лицъ и эпохъ, гдѣ часто, въ одномъ двустииши, полно и опредѣленно выражается вся сущность ихъ. При появленіи своемъ, оно, какъ и многія другія произведенія поэта, возбудило недоумѣніе. Въ свѣтъ считали его недостойнымъ лица, къ которому писано: въ журналахъ, на оборотъ, недостойнымъ автора, котораго обвиняли въ намѣреніи составить панегирикъ. Любопытно сужденіе одного повременнаго изданія объ этой пьесѣ, одинаково поражающей, и совершенствомъ формы, и совершенствомъ содержанія. При разборѣ Бориса Годунова, журналъ (Московскій Телеграфъ 1833, часть 49, № 1) замѣчалъ: «Мы увѣрены, что со временемъ самъ Пушкинъ выброситъ изъ собранія своихъ сочиненій многое, какъ - то: Загадку, Собраніе насѣкомыхъ, Дорожныя жалобы, *Посланіе къ Вельможѣ*—все это недостойно его». Пониманіе эстетическихъ произведеній, связывающее журналъ 1833 г. съ журналами 1820 г.! Столько же, если не болѣе представляетъ странности и форма, въ которую облекалась самая похвала. Журналъ «Славянинъ» (1830 г. часть 14), перепечатавая стихотвореніе изъ Литературной Газеты, сдѣлалъ къ нему слѣдующее примѣчаніе: «Въ семъ классическомъ Посланіи Протей Пушкинъ являетъ намъ *Шолье* и *Вольтера*. Оно напоминаетъ намъ посланіе нашего блестящаго Батюшкова къ И. М. Муравьеву - Апостолу и взято нами изъ № 30 Литературной Газеты. . . и проч.» Понятно, отъ чего Пушкинъ въ послѣднее время съ одинаковымъ равнодушіемъ встрѣчалъ и укоры и одобренія журналовъ.

Мы достигли того времени, которое составляетъ переломъ въ существованіи Пушкина. Прежде чѣмъ пойдемъ далѣе, находимся въ необходимости остановиться на одной подробности,

(*) Они указаны въ нашемъ изданіи, въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ.

весьма важной въ его жизни. До сихъ поръ мы видѣли вдохновенную поэтическую дѣятельность Пушкина, и дѣль обстоятельствъ, въ которыхъ она вращалась. Кабинетный трудъ автора Годунова намъ еще неизвѣстенъ, но онъ гораздо ранѣ трудовъ по сбору историческихъ матеріаловъ для эпохи Петра Великаго, составлялъ уже часть его дѣятельности и не можетъ оставаться въ неизвѣстности. Забѣтки, мысли, соображенія, выписки изъ сочиненій были невидимымъ, подземнымъ основаніемъ, на которомъ созидались, и образъ его мыслей, и пониманіе предметовъ, и само настроеніе духа, направлявшее поэтическій даръ его.

Прежде всего является тутъ постоянное изученіе Русскаго языка. Какъ прежде служили для этого сказки, такъ теперь выступаютъ народныя пословицы, фразы и термины старой нашей литературы. Вотъ записка Пушкина по первому предмету, заключающая собственныя его поясненія и забѣтки:

«Не твоя печаль чужихъ дѣтей качать, т. е. не твоя работа.»

«Бодливой коровѣ, Богъ рогъ не даетъ.» Пословица Латинская.

«Нужда научить калаки псть, т. е. нужда мать изобрѣтенія и роскоши.»

«Кто въ дѣль, тотъ и въ отвѣтъ.» Въ дѣль. т. е. въ должности; въ отвѣтъ т. е. въ посольствѣ.

«Не суйся среда прежде четверга.» Смыслъ ироническій и относится къ тѣмъ, которые хотятъ оспаривать явныя, законныя преимущества; вѣроятно выдумана во время мѣстничества.

«Горе лыкомъ подпоясано.» Разительное изображеніе нищеты; см. др. стихъ:

«Иже не вриже, его же пригоже.» Насмѣшка надъ книжнымъ языкомъ: и въ старину надъ этимъ острились.» и проч.

Можно полагать, что эти забѣтки, теперь не новыя, но свидѣтельствующія о скромномъ уединенномъ занятіи поэта, будутъ занимательны для читателей. Между прочимъ, забѣтка о пословицѣ: *«Кто въ дѣль, тотъ и въ отвѣтъ,»* помогла Пушкину указать М. Н. Загоскину одну обмолвку въ его романъ: Юрій Милославскій (См. Литер. Газ. 1830, № 5). Не менѣ живые впечатлѣнія производятъ и выписки терминовъ соколиной охоты,

изъ которыхъ большая часть принадлежитъ книгѣ Царя Алексѣя Михайловича: «Урядникъ или новое уложеніе и устройство чина Сокольничья пути» (1668), а другія — лѣтописямъ и актамъ. Вотъ поясненія Пушкина:

«Семеновской потѣшной Дворъ.

«Свѣтлица для выдерживанія птицъ.

«Челигъ — самецъ, *дикомыть* — самка.

«Обносцы — ремешекъ олений, съ краснымъ сукномъ.

«Кречеть больше и сѣрѣ сокола. Соколъ по сизѣ.

«Должикъ — въ два аршина ремень сыромятный.

«Вобилъ, *вобила* — гусиныя крылья, съ сырымъ мясомъ.

«Шалгахъ — мѣшокъ для живой птицы, на ремнѣ.

«Вертлугъ желѣзный, на немъ вертится вобила.

«Стуль — гдѣ сначала сидятъ кречеты.

«Толунбасы — родъ барабана для пуганья птицъ.

«Помцы } Сѣти.» и проч. (*)
«Тайникъ }

Можетъ быть эти сухіе комментаріи имѣли еще другую цѣль у Пушкина, кромѣ изученія самаго предмета. Картина старой соколиной охоты нашей въ поэтическомъ описаніи, вѣроятно, уже носилась передъ его глазами, когда онъ составлялъ свои выписки, и трудъ его былъ, статья можетъ, только ступенью для вдохновенія. Мы скоро увидимъ, что самыя строгія занятія разрѣшались художественными произведеніями у Пушкина: натура поэта въ немъ никогда не ослабѣвала и поэтическая струя не изсякала, даже и въ кропотливомъ сборѣ и провѣркѣ ученыхъ матеріаловъ.

Къ числу замѣтокъ его о языкѣ, уже извѣстныхъ публикѣ, принадлежитъ еще слѣдующая, не изданная:

«Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ

(*) Двѣнадцать приведенныхъ терминовъ этой выписки находятся въ «Урядникѣ» Царя Алексѣя Михайловича въ разныхъ мѣстахъ, но преимущественно въ послѣдней статьѣ его «Роспись охотничьему снаряду», гдѣ они всѣ собраны. «Урядникъ», съ своимъ церемонаіаломъ посвященія въ должность Нововыборнаго Начальнаго Сокольника, представляетъ такую превосходную картину, что можно удивиться, какъ ни одинъ изъ нашихъ писателей не воспользовался ею для

введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: *трогательной* отъ слова *touchant* (см. справедливое о томъ разсужденіе Г. Шишкова.) *Хладнокровіе*. Это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе Французское есть *Sens froid* — хладномысліе, а не *Sang froid*. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія: *Dans son assiette ordinaire*. *Assiette* значитъ — положеніе, отъ слова *asseoir*, но мы перевели каламбуромъ — *не въ своей тарелкѣ*.

Любезнѣйшій ты не въ своей тарелкѣ.

Горе отъ ума.

Весьма важнѣйшій отдѣлъ Пушкинскихъ замѣчаній представляютъ его разборы книгъ и статей, почему либо казавшихся ему замѣчательными. Мы уже знаемъ его привычку читать съ перомъ въ рукѣ и приводить на книгѣ свои собственныя мысли и соображенія. Множество остатковъ этой работы за чтеніемъ теперь утеряны, но послѣдніе образчики ея, разбросанные по разнымъ тетрадямъ его и въ разныхъ клочкахъ, тѣмъ драгоцѣннѣе становятся для собирателя. Критику вообще, мы уже видѣли, Пушкинъ понималъ весьма строго. Онъ не любилъ въ ней характера диллетантизма, легкаго пониманія вещей и требовалъ отъ нея спеціальнаго знакомства съ предметомъ и серьезнаго изложенія. Для критики художественныхъ произведеній и вообще произведеній искусства онъ прибавлялъ къ этому еще другое качество — чистую любовь къ искусству. «Гдѣ нѣтъ любви къ искусству — тамъ нѣтъ и критики,» говорилъ онъ. Но въ короткихъ своихъ замѣткахъ о книгахъ и статьяхъ, онъ отстранялъ требованія науки и являлся безъ претензій только съ своей мыслию. Существенными качествами такихъ замѣтокъ остаются пронизательность, остроуміе и, особенно, способность чувствовать невѣрность всякой

исторической сцены или другаго художественнаго произведенія. Почти съ достоверностію можно сказать, что Пушкинъ имѣлъ въ виду — дать поэтическую жизнь старому литературному памятнику и представить, вмѣстѣ съ тѣмъ, картину любимой забавы Царей и Бояръ Какъ не пожалѣть, что мысль не была приведена въ исполненіе? Но мы еще найдемъ много такихъ, неосуществленныхъ мыслей у нашего поэта.

абстрактной идеи, какъ бы она блестяща ни была. Онъ всегда старался отыскать, въ замѣнъ ея, истину практическую, приложимую къ дѣлу, сторону предмета, которой онъ наиболѣе связывается съ жизнью—качества, не всегда сопутствующія и спеціальному знанію! Переступая на этотъ разъ хронологическій порядокъ, скажемъ, что въ такомъ духѣ набросаны были Пушкинымъ замѣтки о трехъ повѣстяхъ Павлова, которыя упрекалъ онъ за *идеализацію челядинства*; о комедіи М. Н. Загоскина: «Недовольные», въ которой не находилъ веселости и любви, безнаго прямодушія другихъ его произведеній. Замѣтка его о Драмѣ Г. Погодина: «Марфа Посадница» напечатана была только въ 1842 году въ 10 № Москвитянина. Даже большая часть всѣхъ напечатанныхъ критическихъ статей его принадлежатъ къ непосредственнымъ впечатлѣніямъ чтенія и сдѣланы, такъ сказать, въ самомъ пылу его. Таковы статьи «Вольтеръ», «Баратынскій», «Лордъ Байронъ», о «Θракійскихъ Элегіяхъ» Теплякова и проч. Это не болѣе, какъ собственноручныя отмѣтки Пушкина и характеръ ихъ проявляется столько же въ ихъ сжатой формѣ, сколько и въ содержаніи, прямо излагающемъ одну мысль безъ отступленій и осмотра ее со всѣхъ сторонъ, какъ бываетъ въ настоящемъ критическомъ разборѣ. Таковъ былъ вообще способъ чтенія у Пушкина.

Сберегая все, что осталось послѣ нашего автора, мы соединяемъ уже къ извѣстнымъ и напечатаннымъ его отрывкамъ еще слѣдующіе, не менѣе первыхъ важныя для опредѣленія его взгляда на предметы.

Возражая на статью одного журнала 1824 года (Мнемозина, часть II, статья: *О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе*), гдѣ поэзія Русская дѣлилась на Лирическую и Элегическую и первой отдавалось преимущество, какъ содержащей болѣе силы и признаковъ восторга, главнаго зиждителя поэзіи — Пушкинъ отвергалъ важность, какую вообще придаютъ послѣднему въ дѣлѣ творчества. Замѣтка эта особенно любопытна въ устахъ Пушкина.

«Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему припятію впечатлѣній

и соображенію посплѣтъ, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи (*). Восторгъ исключаетъ *спокойствіе* — необходимое условіе *прекраснаго*. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ не продолжителенъ, не постояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, Комедія, Сатира, всѣ болѣе ея требуютъ творчества, *fantaisie*, воображенія, знанія природы. И *плана* не можетъ быть въ одѣ! Единный *планъ* Дантова Ада есть уже плодъ высокаго генія! Какой планъ въ одахъ Пиндара? какой планъ въ Водопадѣ, лучшемъ произведеніи Державина?»

Строки эти имѣютъ въ глазахъ нашихъ особенную важность: онѣ принадлежатъ къ разряду автобіографическихъ матеріаловъ: такъ Пушкинъ выразилъ въ нихъ характеръ собственнаго таланта, и даже исторію будущаго его развитія! Спокойствіе и обсужденіе, какъ условія прекраснаго, положены имъ были въ основу многихъ собственныхъ произведеній и сроднили ихъ съ типами изящнаго, оставленными классической древностію. Значеніе труда въ его произведеніяхъ мы уже видѣли и еще не разъ будемъ видѣть, а удивленіе его передъ гениальнымъ планомъ объяснится еще впоследствии для читателей тѣми долгими, глубокими соображеніями, какія предшествовали у него самого изложенію предмета. Въ замѣткахъ Пушкина открывается даже, по нашему мнѣнію, и то расположеніе къ эпическому роду произведеній, которому онъ подчинился уже такъ полно, не задолго до смерти своей.

Въ отвѣтъ на мнѣніе другаго журнала 1825 года (Московскій Телеграфъ), дѣлившаго Европу на классическую, къ которой принадлежали, по его опредѣленію, народы Латинскаго юга, и романтическую, которой предоставлены были Германскія племена, Пушкинъ замѣчалъ: «Побѣда будетъ несомнѣнно при-

(*) Мысль эта повторена Пушкинымъ въ статьѣ его, напечатанной въ Сѣвер. Цвѣт. на 1828 г., подъ названіемъ: Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія.

надлежать классицизму, благодаря неожиданной помощи, доставленной журналомъ. Данте (*il gran padre Alighieri*), Аріосто, Лопецъ, Кальдеронъ, Сервантесъ попали въ классическую фалангу.»

Къ книжнымъ замѣткамъ Пушкина принадлежитъ еще и слѣдующая:

«Французскіе критики имѣютъ свое понятіе объ романтизмѣ. Они относятъ къ нему всѣ произведенія, носящія на себѣ печать унынія или мечтательности. Иные даже называютъ романтизмомъ неологизмъ и ошибки грамматическія. Такимъ образомъ Андрей Шенье — поэтъ, напитанный древностью, коего даже недостатки проистекаютъ отъ желанія дать Французскому языку формы Греческаго стихосложенія, попалъ у нихъ въ романтическіе поэты.»

Опроверженіе не вполне справедливое: Шенье, не смотря на форму свою, ничего общаго не имѣлъ съ классическою поэзіей и самъ выразилъ это въ четырехъ замѣчательныхъ стихахъ своей поэмы: *L'Invention*:

Changeons en notre miel leurs plus antiques fleurs,
Pour peindre notre idée empruntons leurs couleurs,
Allumons nos flambeaux à leurs feux poétiques,
Sur des pensees nouveaux faisons des vers antiques.

Но извѣстно, что Пушкинъ, во избѣжаніе недоразумѣній, судилъ о родѣ произведенія по одной формѣ его, хотя это, какъ видимъ, не было вѣрнымъ средствомъ избавиться отъ ошибокъ. Впрочемъ, недосмотръ еще маловаженъ въ сравненіи съ запутанностію тогдашнихъ сужденій о романтизмѣ. Мы уже видѣли нѣсколько примѣровъ тому и увеличивать число ихъ нѣтъ надобности. Были и у насъ критики, не уступавшіе французскимъ: трагикъ Озеровъ, напримѣръ, причислялся нѣкоторыми изъ нихъ къ романтикамъ за изображеніе томленій страсти и любви. *Suum cuique!*

Въ 1827 году вышла драма Г. В. Олина подъ заглавіемъ *Корсаръ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ хоромъ, романами и двумя пѣснями: Турецкою и Аравійскою, заимствованная изъ англійской повѣи Лорда Байрона, подъ названіемъ: The Corsair*. Пушкинъ, по обыкновенію, написалъ о драмѣ свою замѣтку. Она особенно важна тѣмъ, что выражаетъ уже ясный взглядъ на

*

Байрона и спокойное, твердое обсужденіе образца, вліяніе котораго было въ 1827 году совѣмъ побѣждено.

«Ни одно изъ произведеній Лорда Байрона не сдѣлало въ Англіи такого сильнаго впечатлѣнія, какъ его поэма Корсаръ, не смотря на то, что она достоинствомъ уступаетъ многимъ другимъ: *Гяуру* въ пламенномъ изображеніи страстей, *Осада Коринѳа*, *Шильонскому Узнику* въ трогательномъ развитіи сердца человѣческаго, *Паризинъ* въ трагической силѣ, *Чайльдъ Гарольду* въ глубокомысліи и высотѣ паренія лирическаго, и въ удивительномъ Шекспировскомъ разнообразіи—*Д. Жуану*. Корсаръ неимовѣрнымъ своимъ успѣхомъ былъ обязанъ характеру главнаго лица, таинственно напоминающаго намъ человѣка, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней-мѣрѣ англійскіе критики предполагаютъ въ Байронѣ сіе намѣреніе, но вѣроятно, что поэтъ и здѣсь вывелъ на сцену лицо, являющееся во всѣхъ его созданіяхъ и которое наконецъ принялъ онъ самъ на себя, въ Ч. Гарольдѣ. Какъ бы то ни было, поэтъ никогда не изъяснилъ своего намѣренія: сближеніе съ Наполеономъ нравилось его самолюбію!

«Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколько сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ. Что же мы подумаемъ о писателѣ, который изъ поэмы Корсаръ выбираетъ одинъ только плавъ, достойный нелѣпой повѣсти, и по сему дѣтскому плану составляетъ длинную трагедію, замѣнивъ очаровательную и глубокую поэзію Байрона прозой надутой и уродливой, достойной нашихъ несчастныхъ подражателей покойному Коцебу? Спрашивается: что же въ Байроновой поэмѣ его поразило? Неужели планъ? *О Miratores!*»

Весьма любопытна, въ отношеніи здраваго пракческаго смысла, замѣтка Пушкина о толкахъ, возбужденныхъ требованіями народности, показавшимися у насъ вмѣстѣ съ понятіемъ о романтизмѣ. Вопросъ еще былъ теменъ. Вотъ что говорилъ Пушкинъ:

«Съ пѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновение говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣтъ онъ подъ словомъ народность.

«Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи (*). Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-Русски, употребляютъ русскія выраженія (**).

«Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполне можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый Нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; Французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это однакожъ носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій; есть тма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную фizioномію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи»

Пушкинъ не окончилъ своей замѣтки, но легко видѣть, что народность онъ полагалъ естественнымъ, природнымъ качествомъ всякаго истинно-замѣчательнаго писателя. Только посредственный талантъ или выбравшій ложную почву дѣятельности ненароденъ, потому что заимствуетъ или поддѣлываетъ свой взглядъ, чувство, языкъ. Самъ Пушкинъ былъ, именно въ этомъ смыслѣ, народенъ, безъ сознанія, оставаясь народнымъ и въ то время, какъ переносился въ Испанію, въ рыцарскій замокъ и проч. Въ дальнѣйшемъ развитіи своей мысли онъ говоритъ, что Шекспиръ народенъ въ Отелло и Гамлетѣ; Вега и Кальдеронъ во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ дѣйствуютъ ихъ герои; Аріостъ въ описаніи Китайскихъ своихъ красавицъ; но мысль эта передана имъ такъ коротко и неразборчиво, что здѣсь выражена ея сущность, а собственныхъ словъ автора не возможно было выписать, безъ лишнихъ и непозволительныхъ прибавокъ.

Постоянное изученіе отечественной Словесности и вниманіе къ живому, современному вопросу о романтизмѣ, подъ которымъ

(*) Здѣсь встрѣчается въ рукописи пустое мѣсто, оставленное Пушкинымъ для выписки мнѣнія.

(**) То же.

онъ подразумѣвалъ, какъ уже мы знаемъ, весьма многое, чего въ немъ не могло заключаться, приводило его не разъ къ мысли: изложить свой взглядъ и понятіе объ этихъ предметахъ подробно. Свидѣтелями несостоявшагося намѣренія остаются многочисленныя, разрозненныя замѣтки, предуготовительныя объясненія, отдѣльныя мысли. Постараемся собрать всѣ эти матеріалы, затерянные доселѣ въ массѣ его бумагъ, и сообщить нѣкоторую цѣлость, нѣкоторое единство труда, хотя отрывочному, развитому на множество неровныхъ частей, но постоянному, и, какъ видно, сильно занимавшему его умъ.

Прежде всего долженъ слѣдовать отрывокъ, въ которомъ Пушкинъ говоритъ о скудости *свѣтской* литературы въ древнемъ нашемъ отечествѣ. Литературу летописей, юридическія памятники, тогда еще не собранныя попеченіями Правительства въ такомъ изобиліи, и высокое развитіе литературы духовной — онъ отстраняетъ изъ разсужденія. Вотъ слова его:

1) «Долго Россія оставалась чуждою Европѣ. Великая эпоха **возрожденія** не имѣла на нее никакого вліянія, рыцарство не одушевило чистыми восторгами и благотѣльное потрясеніе, произведенное Крестовыми походами, не отозвалось въ нравахъ. Но Россіи опредѣлено было высокое предназначеніе . . . Ея необозримыя равнины поглотили силу Монголовъ и остановили ихъ **нашествіе** на самомъ краю Европы. Варвары, не осмѣлясь оставить у себя въ тылу **порабощенную** Русь, возвратились на степи своего востока. Образующееся просвѣщеніе было спасено растерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали Европейскіе журналы; но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна. Духовенство, пощаженное удивительною смѣтливостію Татаръ, одно, въ теченіи двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искру образованности. Въ безмолвіи монастырей, иноки вели свою непрерывную лѣтопись; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ Князьями и Боярами, утѣшая сердца въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Татары не походили на Мавровъ. Они, завоевавъ Россію, не подарили ей ни Алгебры, ни Аристотеля: нѣсколько сказокъ и пѣсень, безпрестанно поновляемыхъ изуст-

нымъ преданіемъ, сохранили драгоценныя, полуизглаженныя черты народности и *Слово о Полку Игоревѣ* возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынь нашей Словесности.»

Мысль этого отрывка изложена Пушкинымъ предварительно въ замѣткѣ, имѣющей почти одинаковое содержаніе съ нимъ. Прилагаемъ этотъ черновой отрывокъ для сличенія съ первымъ и лучшаго поясненія его.

2) «Приступая къ изученію нашей Словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ этою бездной поэмъ, романсовъ ироическихкихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихкихъ, коими наводнены Европейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ пріятно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ Мавровъ. Мы бы увидѣли разницу между простодушною сатирою Французскаго трувера и лукавой насмѣшливостію скомороха, между площадной, полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но къ сожалѣнію старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь — и на ней возвышается единственный памятникъ: «Пѣснь о Полку Игоревѣ.»

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ сожалѣніе объ отсутствіи такихъ явленій, которыя въ условіяхъ древняго нашего быта и существовать не могли; но ключъ для объясненія этого требованія находится въ практическомъ смыслѣ Пушкина. Онъ весьма любилъ сличенія и повѣрки одного предмета съ другимъ. Такимъ путемъ старался онъ достигнуть ясныхъ выводовъ, избѣгая, сколь возможно, системы отвлеченнаго толкованія, посредствомъ идеи, случайно явившейся или заготовленной прежде. Мы имѣемъ еще одинъ примѣръ его расположенія къ аналогическому способу изслѣдованій, о которомъ скоро будетъ говорить, а теперь продолжаемъ наши выписки:

3.) «Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль: при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. По войны, предпріятыя Петромъ Великимъ, были благотѣльны и плодотворны. Успѣхъ народнаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы и

Европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

«Петръ I не успѣлъ довершить многое, начатое имъ. Онъ умеръ въ порѣ мужества, во всей силѣ творческой своей дѣятельности. Онъ бросилъ на Словесность взоръ разсѣянный, но прощительный. Онъ возвысилъ Теофана, ободрилъ Копѣвича, не поладилъ съ Татищевымъ за его легкомысліе, угадалъ въ бѣдномъ школьникѣ вѣчнаго труженика — Тредьяковскаго. Сынъ Молдавскаго Господаря воспитывался въ его походахъ, а сынъ Холмогорскаго рыбака, убѣжавъ отъ береговъ Бѣлаго моря, стучался у воротъ Законодательскаго училища.

«Въ началѣ 18 столѣтія Французская литература обладала Европою. Она должна была имѣть на Россію долгое, рѣшительное вліяніе. И такъ, прежде всего, надлежитъ намъ ее изслѣдовать.»

Отсюда начинается у Пушкина цѣпь короткихъ и сильно перемаранныхъ замѣтокъ, которыя видимо составляютъ только программу будущаго труда, первыя вѣхи, показывающія уже опредѣленное направленіе пути, но не составляющія еще самый путь.

4) «Когда въ XII столѣтіи, подъ небомъ полуденной Франціи, отозвалась рифма въ Прованскомъ парфѣи — ухо ей обрадовалось: Трубадуры стали играть ею, придумывать для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, окружили ее самыми затруднительными формами. Такимъ образомъ изобрѣтены Рондо, Вирле, Баллада и Триолеть. (Балладой называлось небольшое стихотвореніе, въ коемъ рифма сочеталась извѣстнымъ образомъ и которое начиналось и оканчивалось тѣми же словами).

5) «Разсматривая безчисленное множество мелкихъ стихотвореній, коими наводнена была Франція въ концѣ 16 столѣтія, нельзя не сознаться въ безплодной ничтожности сего мнимаго изобилія. Трудность, искусно побѣжденная, счастливо подобранное повтореніе (*refrain*), легкость оборота, простодушная шутка, искреннее изрѣченіе рѣдко вознаграждаютъ усталаго изслѣдователя.

6) «Труверы обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія: Аллегорія сдѣлалась любимою формою вымысла. Церковныя празднества и темныя преданія о древней трагедіи породили мистеріи. Явились Лѣ, Романъ, Фаблю.

7) «Романтическая поэзія, коей изобразили мы смиренное рожденіе, пышно и величественно расцвѣтала во всей Европѣ. Италія имѣла свою тройственную поэму, Португальцы — Луизиаду, Испанія — Лопе де-Вега, Кальдерона, Сервантеса, Англія—Шекспира, а у Французовъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки, и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣдникъ его Маротъ, жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камозэнсомъ, *rime des triolets, fit fleurir la ballade.*

8) «Проза имѣла рѣшительный перевѣсъ: Скептикъ Монтань, Циникъ Рабле, были современники Тассу.»

9) «Люди, одаренные талантами, будучи поражены *никтожностью* Французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древняго Греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ Славяно-руссовъ, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія, ему чуждаго и пошелъ опять своей дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостію оцѣпенной великимъ критикомъ Буало:

Enfin Malherbe vint et le premier en France

Fit sentir dans les vers une juste cadence . . . etc.

Но Малербъ нынѣ забыть подобно Ронсару. Сія два таланта истожили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли — истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!

10) «Какимъ чудомъ, посерединѣ общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно-великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка! Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, покровительство ли Людовика XIV — причиною такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣздіе гениевъ вдругъ является, блескитъ и исчезаетъ. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной Французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало,

Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ. И владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра гораздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе!

11) «У другихъ Европейскихъ народовъ поэзія существовала прежде появленія геніевъ, одарившихъ человечество своими со-зданіями. Сии геніи шли по дорогѣ уже проложенной, но возвышенные умы 17-го столѣтія застали у Французовъ народную поэзію въ пеленкахъ, справедливо презрѣли ея безсиліе и обратились къ образцамъ классической древности. Буало-поэтъ, одаренный мощнымъ талантомъ, рѣзкимъ умомъ, обнародовалъ свое уложеніе, и словесность ему покорилась. Старый Корнель одинъ остался представителемъ романтической трагедіи, которую такъ славно вывелъ онъ на Французскую сцену.

12) «Между тѣмъ великій вѣкъ миновался. Новыя мысли, новое направленіе отъзывалось въ умахъ, алкавшихъ новизны. Пренебрегая цвѣты и благородныя игры воображенія, словесность. . .»

Здѣсь прекращаются отрывки. Позднѣе мы увидимъ, что Пушкинъ называлъ Французовъ народомъ анти-поэтическимъ, оставляя за ними только качество положительнаго народа. Особенно къ новымъ поэтамъ ихъ не имѣлъ онъ никакого расположенія, но для писателей Франціи 17-го столѣтія было у него исключеніе. Его уваженіе къ Расину и Буало, которые такъ мало имѣли сходнаго съ собственнымъ его направленіемъ, и въ творчествѣ и въ критикѣ, свидѣтельствуетъ уже это достаточнымъ образомъ. Легкомысленное презрѣніе къ этимъ людямъ было у насъ тогда въ общемъ ходу; но Пушкинъ и здѣсь сохранилъ основную черту характера своего — не останавливаться на крайностяхъ и не подчиняться опредѣленіямъ исключительнымъ и потому невѣрнымъ, которую онъ только покидалъ въ минуты своихъ порывовъ. . . Ксгати сказать, что программы, о которыхъ такъ часто упоминаемъ здѣсь, служили Пушкину не только указателями для разнаго рода трудовъ, но онъ прибѣгалъ къ нимъ даже для направленія своихъ чтеній. Одинъ такой обращикъ мы имѣемъ въ слѣдующей запискѣ:

«Что нынѣ называется Малороссія? Что составляло прежде Малороссію? Когда отторгнута она отъ Россіи? Долго ли на-

ходилась подъ владычествомъ Татаръ? Отъ Гедимина до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго до Хмѣльницкаго, отъ Хмѣльницкаго до Мазепы, отъ Мазепы до Разумовскаго?»

Что же касается вообще до краткихъ плановъ, какими очерчивалъ онъ, такъ сказать, размѣры своихъ будущихъ занятій, не можемъ покинуть отрывковъ безъ одного замѣчанія. Пусть читатель вспомнитъ о программѣ обзорѣнія *Русской* Словесности, которую мы видѣли гораздо прежде. Приведенная нами теперь программа обзорѣнія *Французской* словесности составляетъ только часть первой. Любимая критическая система Пушкина, какъ сказано, была система сближеній и повѣрки подражанія на образцы, или разбора двухъ произведеній, навѣянныхъ однимъ направлениемъ: тутъ открывалась обильная пища его мѣткому уму и практическому смыслу. — Программа обзорѣнія *Русской* Словесности, вмѣстѣ съ изложеніемъ хода *Французской* ея предшественницы, показываетъ намѣреніе автора опредѣлить характеристическія особенности каждой и, сравненіемъ источника съ поддѣлкой, пояснить обоихъ въ существеннѣйшихъ качествахъ ихъ. Таково было намѣреніе Пушкина. Переходимъ къ программамъ чисто-историческаго содержанія. Тоже самое намѣреніе усматривается и здѣсь, хотя и въ другой сферѣ изысканій. Вотъ какой отрывокъ представляется тутъ прежде всего:

«Феодальное право, основанное на правѣ завоеванія.

Что были предводители?

Что былъ народъ?

Гѣлохранители.

Власть Королевская.

Продажа вольности городамъ.

Парламенты.

Vénalité des charges.

Ришелье.

Споры Аристократіи съ Парламентами.

Уничтоженіе Феодализма.»

Затѣмъ Пушкинъ развиваетъ свою программу еще подробнѣе:

1) «Феодальное правленіе — система простая и сильная, была основана на правѣ завоеванія. Побѣдители, присвоивъ себѣ землю

и собственность побѣжденныхъ, обратили ихъ самихъ въ рабство и раздѣлили все между собою. Предводители получили большіе участки. Слабые прибѣгнули къ покровительству сильнѣйшихъ, и Феодальная Іерархія установилась.

2) «Каждый владѣлецъ управлялъ въ своемъ участкѣ по своему, устанавливая свои законы, соблюдая свои выгоды и старался окружить себя достаточнымъ числомъ приверженцевъ, для удержанія въ повиновеніи своихъ вассаловъ или для отраженія хищныхъ сосѣдей. Для сего избирались большею частію вольные люди, составлявшіе нѣкогда войско завоевателей. Со временемъ они смѣшались съ побѣжденными, и такимъ образомъ установились взаимныя обязательства между владѣльцами и вассалами.

3) «Короли, избираемые въ началѣ владѣльцами, были властителями только въ собственномъ своемъ участкѣ. Въ случаѣ войны съ непріятелемъ, новыхъ налоговъ или споровъ между двумя могущими сосѣдями, они созывали сеймы. Сеймы сіи составляли сначала одни знатные владѣльцы и военные люди: духовенство было призвано въпослѣдствіи властолюбивыми Палатными мерами (*Maire du Palais*), а народъ гораздо позже, когда Королевская власть почувствовала необходимость противопоставить новую силу дворянству, соединенному съ духовенствомъ.

4) «Судопроизводство находилось въ рукахъ владѣльцевъ. Для записыванія ихъ постановленій избирались грамотѣи изъ простолюдиновъ, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умѣли читать. Когда же война призывала Бароновъ къ защитѣ королевскихъ владѣній или собственныхъ замковъ, то въ ихъ отсутствіи сіи грамотѣи чинили судъ и расправу, съ начала отъ имени бароновъ, а въпослѣдствіи сами отъ себя. Продолжительныя войны дали имъ время основать свою самобытность. Такимъ образомъ родились Парламенты.

5) «Нужда въ деньгахъ заставила Бароновъ и Епископовъ продавать вассаламъ права, нѣкогда присвоенныя завоевателями. Сначала откупились рабы отъ вассаловъ, затѣмъ общины приобрѣли привилегіи. Въпослѣдствіи времени, Короли, для уничтоженія власти сильныхъ владѣльцевъ, непрестанно покровительствовали общины, и когда мало по-малу народъ откупился, владѣль-

цы обѣднѣли и стали проситься на жалованье Королей. Они выбрались изъ феодальныхъ своихъ вертеповъ. . . .

6) «Короли почувствовали всю выгоду новаго положенія. Дабы покрыть новыя, необходимые расходы, они прибѣгнули къ продажѣ судебныхъ мѣстъ, ибо доходы отъ правъ, покупаемыхъ городами, начали истощаться и казались уже опасными. Сія мѣра утвердила независимость гражданскихъ чиновниковъ (*de la Magistrature*) и сіе сословіе вошло въ соперничество съ дворянствомъ, которое возненавидѣло его.

7) «Продажа гражданскихъ мѣстъ упрочила вліяніе достаточной части народа, слѣдовательно столь же благоразумна, какъ и другіе законы. Напрасно вопили противъ сей мѣры, будто-бы варварской и нелѣпой.

8) «Но вскорѣ замѣтили до какой степени сія мѣра укрѣпила независимость чиновниковъ. Ришелье установилъ Коммиссаровъ, т. е. временныхъ сановниковъ, уполномоченныхъ Королемъ. Законники возроптали, какъ на нарушеніе правъ своихъ и злоупотребленіе общественной довѣренности. Ихъ не послушали и могущество министра подавило и ихъ, и феодализмъ.»

Этотъ очеркъ видоизмѣненной феодализма былъ сдѣланъ Пушкинымъ не для одного сохраненія идей и фактовъ, почерпнутыхъ въ книгахъ, но еще и съ другой цѣлью, какъ оказывается по бумагамъ. Не задолго до 1850 года появилась у насъ система приложенія мыслей западныхъ историковъ къ событіямъ отечественной Исторіи. Книга, надѣлавшая въ свое время много шума: *Исторія Русскаго народа*, явилась представительницею направленія, которое не могло выдержать повѣрки, что было почувствовано и самимъ авторомъ ея, въ послѣднихъ частяхъ его труда. Хотя замѣтки Пушкина не имѣли въ виду этой книги, но онъ уже встрѣчалъ ими первые признаки ошибочнаго взгляда на Русскую Исторію. Изъ сближенія основныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ на западъ, съ причинами, породившими у насъ рядъ историческихъ явленій, намѣревался онъ вывести различіе ихъ и несостоятельность мысли—переносить ихъ съ одной почвы на другую. Выписки Пушкина помогли ему почувствовать эту несообразность весьма полно и опровергать ее съ энергіей, когда появилась книга,

особенно грѣшившая ею. Вотъ что писалъ онъ въ 1830 году, послѣ выхода II Тома Истории Русскаго народа:

«Г. П—й предчувствуетъ истинну, но не умѣетъ ее отыскать. Онъ чувствуетъ, что Россія была совершенно отдѣлена отъ Западной Европы. Онъ предчувствуетъ тому причину, но вскорѣ желаніе принаровить систему повѣйшихъ историковъ къ Россіи увлекаетъ его. Онъ видитъ опять феодализмъ (называетъ его *семейнымъ*) и полагаетъ его необходимымъ для развитія силъ новой Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Россіи *еще не было феодализма*, а были удѣлы, Князья и ихъ дружина, что Россія *не окрѣпла* и не развилась въ удѣльныя междоусобія, но напротивъ *ослабѣла* и сдѣлалась легкою добычею Татаръ, что боярство не есть феодализмъ:

«Феодализмъ — *частность*, Боярство — *общность*.

Бояре жили въ городахъ при дворѣ Княжескомъ,

Не укрѣпляя своихъ помѣстій,

Не сосредоточивался въ маломъ семействѣ,

Не враждуя противу Королей,

Не продавая своей помощи городамъ;

но

Они были вмѣстѣ придворные и товарищи,

Составили союзы,

Считались старшинствомъ,

Соперничали.

«Вы поняли великія достоинства Французскаго историка, поймете жъ и то, что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи Христіанскаго Запада. Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историкъ былъ бы астрономъ и событія жизни человѣческой были бы предсказаны въ календаряхъ, какъ и затмвнія солнечныя. Но провидѣніе—не Алгебра; умъ человѣческій, по простонародному выраженію—не *пророкъ*, а *угадчикъ*. Онъ видитъ общій ходъ вещей и можетъ выводить изъ онаго глубокія предположенія, часто оправданныя временемъ, но невозможно предвидѣть ему *случая*.

Одинъ изъ остроумныхъ людей прошлаго столѣтія предсказалъ могущество Россіи, но *Наполеона* никто не могъ предсказать.»

Таковъ былъ постоянный кабинетный трудъ поэта нашего. Нѣкоторыя изъ замѣтокъ его имѣютъ уже все значеніе первыхъ соображеній важнаго ученаго изслѣдованія. Разборъ начальныхъ стиховъ *Слова о Полку Игоревѣ*, памятника Русской Словесности, о которомъ съ такимъ удивленіемъ отзывался всегда Пушкинъ, принадлежитъ уже къ этому роду. По обширности и значенію своему, онъ долженъ былъ составить отдѣльную статью въ нашемъ изданіи, а необходимость разъясненія его текста, вообще сбивчиваго и часто недописаннаго, заставила насъ приложить къ нему довольно многочисленныя примѣчанія (смотри приложеніе ихъ къ матеріаламъ). Скажемъ еще здѣсь, что статья: *О Драмѣ*, напечатанная въ смѣси посмертнаго изданія его сочиненій, относится также къ замѣткамъ Пушкина. Передъ разборомъ *Марфы Посадницы*, трагедіи Г. Погодина, онъ набросалъ въ отрывкахъ своихъ взглядъ на *драму* вообще. Отрывки эти были напечатаны въ посмертномъ изданіи, съ искаженіемъ во многихъ мѣстахъ настоящаго ихъ смысла, что требовало уже не примѣчаній, а приложенія почти совсѣмъ новой статьи. Въ дополненіе скажемъ, что рядъ статей Пушкина, озаглавленныхъ въ настоящемъ изданіи такъ: *«Мысли на дорогѣ»* (Шоссе, Москва, Ломоносовъ, и проч.)—представляетъ еще другой примѣръ книжныхъ замѣтокъ его. Онѣ, дѣйствительно, вызваны были чтеніемъ, написаны въ позднѣйшіе годы его жизни и превосходно выражаютъ твердое, установившееся, совершенно зрѣлое мнѣніе автора о предметахъ. Сообразивъ все сказанное, читатель получить довольно полную картину, какъ непрерывныхъ ученыхъ и умственныхъ занятій поэта, такъ и самаго способа, какимъ онъ осуществлялъ ихъ.

Переходимъ къ литературнымъ соображеніямъ: отдѣльныя замѣтки и тутъ встрѣчаются въ изобиліи. Иногда являются онѣ совершенно неожиданно. Такъ читаемъ мы замѣтку карандашемъ на боку одного черноваго стихотворенія: «Переводчики суть подставныя лошади просвѣщенія» Въ другой разъ Пушкинъ, на

заглавномъ листѣ статьи о Байронѣ, дѣлаетъ выписку: «*Ma chi cerca sinceramente la verità, invece de lasciarsi spaventare del ridicolo, deve far un oggetto di esame del ridicolo stesso.*» (Но кто чистосердечно отыскиваетъ истину, тотъ не долженъ отступать передъ смѣшнымъ, а напротивъ, смѣшное сдѣлать предметомъ своего изслѣдованія). Одинъ клочекъ бумаги носитъ строки: «Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины, прочіе бываютъ едва замѣчены. Такъ въ началѣ сраженія первый раненый производитъ болѣзненное впечатлѣніе, и истощаетъ состраданіе наше». На оборотѣ листка съ неконченнымъ стихотвореніемъ читаемъ: «*On a admire le Cynique, qui marcha devant celui qui niait le mouvement. Le soleil fait tous les jours la même chose que Diogène, mais ne persuade personne*» (Удивлялись цинику, который вздумалъ пройти предъ тѣмъ, кто опровергалъ движеніе; но солнце дѣлаетъ каждый день тоже, что Діогенъ, и никого не убѣждаетъ.) (*) На оторванномъ листкѣ начертано: «Мнѣніе М. Пл. — о Дмитріѣ Самозванцѣ, будто бы воспитанъ у Езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякой былъ годенъ, чтобъ разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ» и проч. и проч. и проч.

Не обинуясь, относимъ мы къ замѣткамъ поэта и нѣсколько отрывковъ повѣствовательнаго рода. Эти бѣглые, мимолетные образы составляютъ также программы его и особенно важны тѣмъ, что указываютъ родъ предметовъ и идей, занимавшихъ его въ извѣстныхъ эпохи. Между бумагами Пушкина сохранился недоконченный романъ въ 10 письмахъ, которыя не могутъ быть сообщены по безсвязности ихъ, безчисленнымъ пропускамъ цѣлыхъ періодовъ, обозначенныхъ иногда только первымъ словомъ и вообще перепутанному изложенію. Для возстановленія смысла во многихъ мѣстахъ и какого-либо порядка въ цѣломъ, необходимы уже придѣлки и произвольныя измѣненія, на которыя нельзя рѣшиться. Мы должны ограничиться посильнымъ изложніемъ содержанія романа, которое еще и добыто нами не безъ труда. Романъ начинается перепиской двухъ пріятельницъ, одной при-

(*) Эта мысль породила небольшое стихотвореніе: *Движеніе.*

надлежащей къ свѣтскому обществу, а другой — бѣдной компаніонки, настоящей героини романа. Остроумныя описанія столичной жизни и мѣткія картины деревенской жизни, которыми исполнены письма пріятельницъ, вмѣстѣ съ чертами, выражающими ихъ собствешные характеры, начинаютъ живописный контрастъ, который все болѣе и болѣе развивается. Въ деревню, гдѣ живетъ компаніонка, является герой романа, тоже свѣтскій человекъ, и начинаетъ рисовать въ письмахъ къ другу свои впечатлѣнія, рожденныя противоположностію быта, привычекъ, понятій съ тѣмъ, что онъ видѣлъ досель. Картина становится полнѣе, но на этомъ и прерывается. По отдѣльнымъ чертамъ, едва обозначеннымъ, можно судить, какъ глубоки и вѣрны были бы всѣ замѣтки романа и какъ оригинальна сама его завязка. Но обращаясь къ тому, что можетъ быть приведено въ извѣстность, прежде всего укажемъ на продолженіе *Рославлева*, хотя и не обдѣланное, и писанное съ чрезвычайною скоростію, но представляющее уже достаточную степень ясности для разбора. Читатель найдетъ его въ нашемъ изданіи вслѣдъ за этимъ матеріалами, въ приложеніи VIII. Затѣмъ приводимъ здѣсь два новыхъ отрывка неконченныхъ повѣстей Пушкина, которые, кажется, должны быть раздѣлены довольно значительнымъ пространствомъ времени. Вотъ первый изъ нихъ, рисующій впечатлѣнія молодости:

«4 Мая 18 . . . произведенъ я въ офицеры и получилъ повелѣніе отправиться въ полкъ, въ мѣстечко В. Давно ли я былъ еще кадетомъ? Давно ли будили меня въ 6 часовъ утра, давно ли твердилъ Нѣмецкій урокъ при вѣчномъ шумѣ корпуса? Теперь я прапорщикъ, имѣю въ сумкѣ 475 руб., дѣлаю что хочу и скачу на перекладныхъ въ мѣстечко В., гдѣ буду спать до 8 часовъ и гдѣ уже никогда не промолвлю ни единого Нѣмецкаго слова. Въ ушахъ моихъ все еще отзываются шумъ и крики играющихъ кадетовъ, и однообразное жужжаніе прилежныхъ учениковъ, вторяющихъ вокабулы: *le bluet, le bluet* — василекъ; *amaranthe амантъ, amaranthe, amaranthe*. Теперь одинъ стукъ тележки, да звонъ колокольчика . . . я все еще не могу привыкнутьъ къ этой тишинѣ.

«Дорогою при мысли о моей свободѣ, объ удовольствіяхъ пути

и приключеніяхъ, меня ожидающихъ, чувство несказанной радости наполняло мою душу. . . . Утомясь мало по-малу, принялся я наблюдать движеніе переднихъ колесъ и дѣлать математическія исчисленія. Занятіе нечувствительнымъ образомъ меня утомило, и путешествіе уже показалось не столь пріятнымъ, какъ сначала. Я попытался было завести рѣчь съ моимъ ямщикомъ, но онъ какъ будто избѣгалъ порядочнаго разговора. На вопросы мои отвѣчалъ одними: «не можемъ знать В. Благородіе, а Богъ знаетъ, а ни что.» Пріѣхавъ на станцію, я отдалъ кривому смотрителю свою подорожную, но съ неизъяснимымъ неудовольствіемъ услышалъ, что лошадей нѣтъ. Я заглянулъ въ почтовую книгу. Генеральша Б*, съ *будущимъ* взяла 12 лошадей, двѣ тройки пошли съ почтою, нашъ братъ прапорщикъ взялъ остальные двѣ лошади: на станціи стояла одна курьерская тройка. Нечего дѣлать: я покорился необходимости.

«Не угодно ли чаю или кофею?» спросилъ меня смотритель. Я благодарилъ и занялся разсмотрѣніемъ картинъ, украшающихъ это смиренную обитель. Въ нихъ изображена была исторія блуднаго сына. Почтенный старецъ въ колпакъ и въ шафрокъ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который принимаетъ поспѣшно его благословіе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой изображено яркими чертами развратное поведеніе молодаго человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе промотавшійся юноша во Французскомъ кафтанѣ и въ треугольной шляпѣ пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу. Въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе: онъ воспоминаетъ о домѣ отца своего, *гдѣ послѣдній рабъ* etc. . . . Наконецъ представлено возвращеніе его къ отцу своему. Добрый старикъ, въ томъ же колпакѣ и шафрокѣ, выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу. Блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ—вдали поваръ убиваетъ тельца, а старшій братъ съ досадой вопрошаетъ о причинѣ таковой радости. Подъ картинками напечатаны Нѣмецкіе стихи. Я прочелъ ихъ съ удовольствіемъ и списалъ, чтобы на досугахъ перевести.

«Прочія картины не имѣютъ рамъ и прибиты къ стѣнѣ гвоздиками. Они изображаютъ погребеніе кота, споръ краснаго лоса

съ сильнымъ морозомъ и въ нравственномъ, какъ и въ художественномъ отношеніи, не стоить вниманія образованнаго чело-вѣка.

«Я сѣлъ подь окно. Виду никакого. Тѣсный рядъ однообразныхъ избъ, прислоненныхъ одна къ другой, кое-гдѣ двѣ - три яблони, двѣ - три рябины, окруженные худымъ заборомъ, отпряженная телега съ моимъ чемоданомъ и погребцомъ, развалившійся колодець около и мѣлкая лужица: въ ней рѣзвятся желтенькіе утята подь надзоромъ глупой утки, какъ балованныя дѣти при Французской мадамъ. Какая скука! Пойду въ поле.

«Я пошелъ по большой дорогѣ. Справа тощій озямъ, слѣва кустарники и болото. Кругомъ плоское пространство, на встрѣчу однѣ полосатыя версты, на небѣ кое - гдѣ облако и медленное солнце. Какая скука! Дошедъ до 3-й версты, иду назадъ и удостовѣряюсь, что до слѣдующей станціи оставалось еще: 22.

«Я сѣлъ опять подь окномъ. День жаркій. Ямщики разбрелись; на улицѣ златовласые, замаранные ребятишки играютъ въ бабки, противъ меня старуха сидитъ передъ избою подгорюнившими, изрѣдка поютъ пѣтухи, собаки валяются на солнцѣ или бродятъ, высунувъ языкъ и опуствя хвостъ, да поросята съ визгомъ выбѣгаютъ изъ подь воротъ и бросаются въ сторону, безъ всякой видимой причины.

«Я спросилъ у толстой работницы, которая бѣгала поминутно мимо меня то въ заднія сѣни, то въ чуланъ: «Нѣтъ ли чего почитать?» Она принесла мнѣ нѣсколько книгъ. Я обрадовался и сталъ съ жадностью ихъ разбирать, но вскорѣ охладѣлъ и успокоился, увидѣвъ затасканную азбуку и ариметику, изданную для народныхъ училищъ. Сынъ смотрителя — буянъ лѣтъ 9, обучался по нимъ, какъ говорила она, всѣмъ наукамъ, да выдралъ затверженные листы, за что, по закону справедливаго возмездія, подрали его за волосы. . . .»

Отрывокъ писанъ или въ 1825 году, или вскорѣ послѣ того. Кисть Пушкина, вообще тонкая, легко узнается въ немъ. Также затѣчательнъ и слѣдующій теперь отрывокъ. Онъ естественнымъ образомъ ставится въ параллель съ предшествующимъ, по тону и способу разказа и писанъ уже, вѣроятно, около 1830 г.

*

«Съ Французскаго»

«Участь моя рѣшена. . . . Та, которую любилъ я цѣлые два года, которую вездѣ первую отыскивали глаза мои, съ которой встрѣча казалась мнѣ блаженствомъ, она, она—почти моя! Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей. Ожиданіе замѣшкавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ передъ поединкомъ — все это ничего не значить. . . .

«Большая часть людей видятъ въ женитьбѣ шали, взятыя въ долгъ, новую карету и розовый плафрокъ; другіе—приданое и степенную жизнь, третьи женятся — такъ, потому что всѣ женятся, потому что имъ 30 лѣтъ. . . .

«Я никогда не хлопоталъ о счастіи. Я могъ обойтись и безъ него. Теперь его мнѣ нужно на двоихъ, а гдѣ я возьму его?

«Что значатъ мои обязательства? Есть у меня больной дядя, котораго почти никогда не вижу. Заѣду къ нему, онъ очень радъ; нѣтъ, такъ онъ извишитъ меня: «Повѣса мой молодецъ: ему не до меня.» Я ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Долги свои выплачиваю каждый мѣсяць. Утромъ встаю, когда хочу; принимаю, кого хочу. Вѣдую гулять, мнѣ сѣдлаютъ мою умную, смирную Женни. Ёду переулками, смотрю въ окна низенькихъ домиковъ. Здѣсь сидитъ семейство за самоваромъ, тамъ слуга мететь комнаты, далѣе дѣвочка учится за фортепяно. Подлѣ нея ремесленникъ — музыкантъ. Она поворачиваетъ ко мнѣ разсѣянное лицо, учитель ее бранитъ, я шагомъ ёду мимо. Приѣду домой, разбираю книги, бужаги, привожу въ порядокъ мой туалетный столикъ. Одѣваюсь небрежно, если ёду въ гости; со всевозможной старательностію, если обѣдаю въ рестораціи, гдѣ читаю или новый романъ, или журналы. Если Валтеръ-Скоттъ и Куперъ ничего не написали, а въ газетахъ нѣтъ какого нибудь уголовного процесса, то требую бутылку шампанскаго, смотрю какъ рюмка стынеть отъ холода, пью медленно, радуясь, что обѣдъ мнѣ стоитъ 17 рублей, и что могу позволить себѣ эту шалость. Вечеромъ ёду въ театръ, отыскиваю въ какой-нибудь ложѣ замѣчательный нарядъ, черные глаза: я занятъ до самаго разъѣзда. Вечеръ провожу или въ мужскомъ обществѣ, гдѣ тѣснится весь городъ, гдѣ я вижу всѣхъ и гдѣ меня никто не замѣчаетъ, или

въ любезномъ избранномъ кругу, гдѣ я говорю про себя и гдѣ меня слушаютъ. Возвращаюсь поздно, засыпаю, читая хорошую книгу. На другой день опять ѣду верхомъ переулками, мимо дома гдѣ дѣвочка играла на фортепьяно; она твердитъ на фортепьянахъ вчерашній урокъ. Она взглянула на меня, какъ на знакомаго и засмѣялась. Я кланяюсь и проѣзжаю мимо. Вотъ моя холостая жизнь — счастья тутъ не нужно. . . .»

Въ заключеніе представляемъ еще драматическій этюдъ Пушкина и на немъ покидаемъ выписки того, что осталось изъ замѣтокъ и программъ поэта. Трудъ нашъ можетъ дать приближительное понятіе читателю о богатствѣ и значеніи тѣхъ мыслей и предположеній его, которыя уже утеряны навсегда или еще скрываются.

« — И ты тутъ былъ? Расскажи какъ это случилось? — Изволь; я только расплатился съ хозяиномъ и хотѣлъ уже выдти, какъ вдругъ слышу страшный шумъ; и Графъ сюда входитъ со всею своею свитою. Я скорѣе снялъ шляпу, и по стѣнкѣ сталъ пробираться до дверей, но онъ увидѣлъ меня и спросилъ, что я за человѣкъ: Я кровельщикъ, Гаспаръ Дикъ, готовый къ вашимъ услугамъ, милостивый Графъ, отвѣчалъ я съ поклономъ, и сталъ пятиться къ дверямъ, но онъ опять со мной заговорилъ и безъ всякаго ругательства. «А сколько ты вырабатываешь въ день, Гаспаръ Дикъ?» — Я призадумался: за чѣмъ этотъ вопросъ? На всякой случай я отвѣчалъ ему осторожно: милостивый Графъ, день на день не похожъ; въ иной вырабатываешь пять и шесть копѣекъ, а въ другой и ничего. «А женатъ ли ты Гаспаръ Дикъ?» Я тутъ опять призадумался: за чѣмъ ему знать, женатъ ли я? Однако отвѣчалъ ему смѣло: жепатъ. — «И дѣти есть?» — (Я рѣшился говорить всю правду, ничего не утаивая). Тогда Графъ оборотился съ своей свитѣ и сказалъ: — «Господа! Я думаю, что будетъ ненастье; моя Абервильская рана что-то начинаеть ныть. Поспѣшимъ до дожда доѣхать; велите скорѣе сѣдлатъ лошадей.»

Пушкинъ познакомился съ семействомъ Н. Н. Гончаровой еще въ 1828 году, когда будущей супругѣ его едва наступила шестнадцатая весна. Онъ былъ представленъ ей на балѣ и тогда же сказалъ, что участь его будетъ на-вѣки связана съ молодой особой, обращающей на себя общее вниманіе. Два года однакожь протекли для Пушкина въ тѣхъ непрерывныхъ трудахъ и разъѣздахъ, какіе мы старались описать. Въ 1830 г., прибытіе части Высочайшаго Двора въ Москву оживило столицу и сдѣлало ее средоточіемъ веселій и празднествъ. Наталья Николаевна принадлежала къ тому созвѣздію красоты, которое въ это время обращало вниманіе и, смѣемъ сказать, удивленіе общества. Она участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, которыми встрѣтила древняя столица Августѣйшихъ своихъ Посѣтителей и между прочимъ въ великолѣпныхъ живыхъ картинахъ, данныхъ Г. Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ Княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голцинымъ. Молва объ ея красотѣ и успѣхахъ достигла Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. По обыкновенію своему онъ стремительно уѣхалъ въ Москву, не объяснивъ никому своихъ намѣреній и возобновилъ прежнія свои исканія. Въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенья, 21-го Апрѣля 1830 года, онъ сдѣлалъ предложеніе смейству Натальи Николаевны, которое и было принято. Вѣроятно Пушкинъ уже могъ надѣяться на успѣхъ въ первомъ дѣлѣ, гдѣ сердце его испытывало чувство живое и благотворное вмѣстѣ. Еще до предложенія своего, онъ уже писалъ къ собственному семейству, оставленному имъ въ Петербургѣ, прося его благословенія и извѣщая о происшествіи, пзмѣняющемъ жизнь его.

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ отвѣчалъ ему изъ Петербурга отъ 16-го Апрѣля 1830 года письмомъ, выражавшимъ живую радость: «Véni soit mille et mille fois le jour d'hier, mon cher Alexandre, pour la lettre, que nous avons reçue de toi. Elle m'a pénétré de joie et de reconnaissance. Oui, mon ami, c'est le mot. Depuis longtemps j'avais oublié la douceur des larmes, que j'ai versées en la lisant. Que le ciel répande sur toi toutes ses bénédictions et sur l'aimable compagne qui va faire ton bonheur. J'aurais désiré lui écrire, mais je n'ose encore le faire, crainte de n'en avoir pas le droit....

Mon bon ami, прибавлялъ Сергѣй Львовичъ, далѣе въ письмѣ, j'attends ta réponse avec la même impatience que tu pourrais éprouver en entendant l'assurance de ton bonheur de la bouche de Mlle Гончаровъ elle-même, car si je suis heureux — c'est de votre bonheur, fier de vos succès, calme et tranquille, quand je vous crois tels. Adieu. Puisse le ciel te combler des ses bénédictions, mes prières journalières ont été et seront toujours pour implorer de lui votre bien-être. Je t'embrasse bien tendrement et te prie, si tu le juge à propos de me recommander à Mlle Гончаровъ, comme un ami bien et bien tendre.»

Судьба опредѣлила Сергѣю Львовичу пережить сына, котораго онъ такъ трогательно и такъ краснорѣчиво благословлялъ на счастье и длинный путь радостей.

Между тѣмъ въ исходѣ лѣта, А. С. Пушкинъ самъ отправился въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ и личнаго переговора съ Сергѣемъ Львовичемъ, касательно основанія будущаго своего дома и состоянія. Друзья его едва успѣли встрѣтить и поздравить съ новымъ переворотомъ въ жизни, какъ Пушкинъ покинулъ Петербургъ. Въ Августѣ 1830 года, онъ отправился изъ столицы, черезъ Москву, въ Нижегородскую губернію, въ родовое имѣніе отца своего, село Болдино, для принятія и оцѣнки той части его, которая была отдана ему Сергѣемъ Львовичемъ во владѣніе. Краткое пребываніе въ Петербургѣ осталось въ памяти Пушкина весьма долго. Тутъ въ послѣдній разъ видѣлся онъ съ Дельвигомъ, который при отъѣздѣ провожалъ его за заставу. Ни тотъ, ни другой не могли и подумать, что дружеское разставанье ихъ, еще исполненное разговоровъ о литературѣ — будетъ вѣчнымъ. Вотъ что писалъ Пушкинъ объ этой послѣдней бесѣдѣ ихъ:

«Я ѣхалъ съ В* изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10-го Августа по утру мы вышли изъ города. В* долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ.

«Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно — и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ осьмомъ часу и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ вразвтракалъ. Мы пошли далѣе.

Ему стало легче, головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ.

«Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мѣлкія. *La raison de ce que Delvig a si peu écrit tient à sa manière de composer.* Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны, но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченныя въ звучные гекзаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ Русская его Идиллія, напечатанная въ самый годъ его смерти (*), была въ первый разъ рассказана мнѣ еще въ Лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса.»

Москва уже опустѣла, когда Пушкинъ посѣтилъ ее на пути въ деревню. Прекратились веселья и замолкли праздники ея. Слухи о тяжелой болѣзни, еще въ первый разъ явившейся тогда въ Россіи и въ Европѣ, распространяли всеобщій страхъ, который теперь уже не имѣетъ прежнихъ поводовъ, а съ усиліями науки, вѣроятно, сдѣлается и вполне неосновательнымъ. Но тогда холера занимала всѣ умы и какъ бываетъ обыкновенно съ неожиданными явленіями въ мірѣ физическомъ и нравственномъ, получала толкованія пессимичныя, преувеличенныя и пелѣпыя. Самъ Пушкинъ смотрѣлъ на дѣйствіе болѣзни съ недоумѣніемъ и страхомъ, много думалъ и писалъ о ней, и вообще удостоивалъ ее вниманія, которое теперь, при частомъ ея появленіи, уже истощилось у современниковъ нашихъ. Едва пріѣхалъ онъ въ деревню, какъ очутился будто на островѣ, отдѣленный отъ города и столицъ карантинными. Вотъ что писалъ онъ, нѣсколько времени спустя, о болѣзни, поразившей его воображеніе, какъ и воображеніе почти всѣхъ его современниковъ. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательный отрывокъ изъ записокъ его:

«Въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ Дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ Гусарской офицеръ и промѣнялъ свои

(*) Отставной солдатъ (Русская Идиллія), Сѣверные Цвѣты на 1830 годъ. Дельвигъ скончался, однакожъ, 14-го Генваря 1831 года.

Нѣмецкія книги, свое пиво, свои поединки на гнѣдую лошадь, на Польскія грязи). Онъ много зналъ, чему научаются въ Университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важень. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ копейку матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: *Холера—morbus* подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ. О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 году, старая Молдаванская княгиня, набѣленная и парумяненная, умерла при мнѣ въ этой болѣзни. Я сталъ его спрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей, но и животныхъ, но и самыя растенія, что она желѣзною полосой стелется вверхъ по теченію рѣкъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, она зараждается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее — все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

«Такимъ образомъ въ дальнемъ уѣздѣ *** губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно одни во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ пять лѣтъ сдѣлалось мыслию всей Европы.

«Спустя 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непременно моего присутствія въ Нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъездомъ В* показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное: ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астрахани въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не безпокоились). Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между Азіятцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстные предосторожности. Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

«На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Бѣдная ярмарка! Она бѣжала, разбросавъ въ половину

свои товары, не успѣвъ пересчитать свои барыши. Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушѣемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ, можетъ быть, случилось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадою и большой неохотою.

«Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантинныя. Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдямъ. Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и беспокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 Октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ. . . . Я тотчасъ собрался въ дорогу и поспекалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава!

«Нѣсколько мужичковъ съ дубинами — охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ спрашивать ихъ, и доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мною согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.»

Этотъ листокъ записокъ еще не вполне досказываетъ происшествіе: если дѣйствительно Пушкинъ выѣхалъ изъ Болдина вскорѣ послѣ 2 Октября, то онъ вернулся съ дороги назадъ, потому что въ Ноябрь и Декабрь мѣсяцахъ, мы находимъ его, по другимъ бумагамъ, все еще въ Нижегородской деревнѣ (*). Какъ бы то ни было, но взоры Пушкина постоянно устремлены были на Москву.

Когда Государь Императоръ соизволилъ въ самомъ разгарѣ повѣтрія, собственнымъ личнымъ присутствіемъ въ Москвѣ, утѣшить и ободрить опечаленный народъ, Пушкинъ измилъ свое восторженное удивленіе въ извѣстномъ стихотвореніи: *Герой*, которое послалъ въ Москву при письмѣ къ М. П. Погодину. Письмо это, отъ Декабря 1830 года, сдѣлалось извѣстнымъ только послѣ смерти поэта: Пушкинъ хотѣлъ, чтобы глубокое чувство удивленія было сбережено какъ святыня его сердца.

(*) Замѣчаніе это подтверждается письмами къ М. П. Погодину, изъ которыхъ видно, что Пушкинъ еще два раза пробовалъ уѣхать въ Москву и всякій разъ возвращался назадъ.

Между тѣмъ отдѣленный отъ всѣхъ близкихъ людей, Пушкинъ предался творчеству съ жаромъ и постоянствомъ, которые по истинѣ могутъ привести въ изумленіе. Ни одна еще осень въ его жизни не породила столько разнородныхъ произведеній, и это обстоятельство само - по - себѣ свидѣтельствуетъ уже о свободномъ состояніи его духа. Безпокойство о положеніи особъ, драгоценныхъ его сердцу, въ Москвѣ, одно нарушало гармонию его. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ образѣ жизни поэта нашего въ Болдинѣ. Полагаемъ, что глухое уединеніе, на которое онъ обрекъ себя въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, еще развило его обыкновенныя привычки по осени: долгія прогулки верхомъ, поздній обѣдъ, ночи, отданныя чтенію и творческіе часы утра, проведенныя въ постелѣ или по крайней мѣрѣ въ спальнѣ, съ перомъ и бумагой! Какъ бы то ни было, но Пушкинъ самъ удивлялся своей производительности. Извлекаемъ изъ краткой біографіи поэта, напечатанной въ Современникѣ 1838 года, томъ х, стр. 45, письмо его къ П. А. Плетневу, тамъ помѣщенное и писанное уже по возвращеніи Пушкина въ Москву:

«Скажу тебѣ за тайну, что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами (Домикъ въ Коломнѣ); нѣсколько драматическихъ сценъ: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозою (весьма секретное!) пять повѣстей (Повѣсти Бѣлкина).»

Мы имѣемъ другое письмо Пушкина къ Барону Дельвигу съ выраженіемъ, можетъ быть, сильнѣйшаго довольства самимъ собою. Писано оно 4 Ноября изъ Болдина и дополняетъ первое въ отношеніи извѣстій о литературныхъ его занятіяхъ:

«Посылаю тебѣ, Баронъ, вассальскую мою подать, именуемую цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ Ноябрь, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему Владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ Сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками,

то въ замкѣ моемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ. Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получалъ журналовъ, *отсталъ отъ вѣлка* и не знаю въ чемъ дѣло. Отецъ мнѣ ничего про тебя не пишетъ, а это беспокоитъ меня, ибо я все таки его сынъ, т. е. мнителенъ и хандрливъ (каково словечко?). Скажи Плетневу, что онъ расцѣловалъ бы меня, видя мое осеннее прилежаніе. Прощай, душа моя; на другой почтѣ я, можетъ быть, еще что нибудь тебѣ пришлю. 4 Ноября. P. S. Я живу въ деревнѣ, какъ въ островѣ, окруженный карантинми. Жду погоды, чтобъ жениться и добраться до Петербурга, но я объ этомъ не смѣю еще подумать.»

Въ перечетѣ своихъ произведеній, Пушкинъ пропустилъ только *«Летопись села Горохна»* и едва намекнулъ на весь тотъ переборъ журнальныхъ миѣній, который содержитъ собственное его воззрѣніе на нихъ, и такъ необходимъ для пониманія литературнаго образа мыслей поэта. Вскользь упомянулъ онъ и о мелкихъ стихотвореніяхъ, но нѣкоторыя изъ нихъ сами по себѣ представляютъ большія поэмы по внутреннему содержанию своему. Дѣятельность, по истинѣ, удивляющая разнообразіемъ мыслей, тоновъ, красокъ и рѣсмовъ своихъ!

Намъ предстоитъ еще объяснить и дополнить ее подробностями изъ черновыхъ рукописей Пушкина. Начинаемъ съ драмъ:

Скупой, Моцартъ и Сальери, Донъ - Жуанъ принадлежатъ къ ряду небольшихъ, но удивительно изящныхъ по формѣ и необычайно живыхъ по содержанию драмъ, которыхъ у Пушкина было гораздо болѣе, чѣмъ сколько напечатано. Мы имѣемъ несомнѣнное доказательство тому. На оборотной страницѣ стихотворенія: *«Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей»* мы нашли перечетъ всѣхъ драмъ, написанныхъ имъ, изъ которыхъ только половина намъ извѣстна; другая или была истреблена авторомъ, или изложена чернѣ и затеряна потомъ. Пушкинъ никогда не дѣлалъ перечета произведеній, еще не существующимъ. Любопытный реестръ, о которомъ говоримъ, написанъ карандашомъ рукой Пушкина, и здѣсь представляется читателямъ:

«Скупой.

Ромуль и Ремъ.

Моцартъ и Сальери

Допъ-Жуанъ.

.....
Берольдъ Савойской.

.....
Влюбленный бѣсъ.

Дмитрій и Марина.

Курбскій.»

Къ реестру должна бы принадлежать и одна переводная сцена: *Пиръ во время чумы* (четвертая сцена 1-го акта Уильсоновой трехъ-актной драмы: *The city of the Plague*), но и тутъ пѣсня Мери и пѣсня Президента принадлежатъ Пушкину, который покидаетъ своего автора, еще до окончанія сцены его. У Англійскаго поэта, Мери поетъ длинную пѣсню на Шотландскомъ нарѣчїи, не имѣющую ничего общаго съ простодушной и сердце - раздирающей пѣсню, вложенной Пушкинымъ въ ея уста. Неизмѣримая разница въ талантахъ и крѣпости поэтическаго генія между обоими авторами, открывается особенно въ пѣснѣ Президента. Уильсонъ начинаетъ ее описанїями двухъ кораблей, сражающихся на морѣ, и двухъ армїй, бьющихся на землѣ, бѣдствїя и страсти которыхъ противопологаются ощущенїямъ заразы. Ни одного признака, подобнаго *придумыванья* мотивовъ и искусственнаго распространенїя ихъ у Пушкина. Свободно и сильно вылетаетъ лирическая пѣснь его, полная отваги, безъ примѣненїй и исканїй по сторонамъ, хотя и сберегаетъ нѣкоторыя черты подлинника (*):

Есть упоенїе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравїйскомъ ураганѣ. . . .

Это единственная переводная сцена Пушкина. Что касается до другой, то она требуетъ особеннаго поясненїя. Пушкинъ, какъ

(*) Любопытные могутъ повѣрить наши слова въ Сборникѣ, изданномъ въ Парижѣ въ 1829 году подъ названїемъ: *The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall.*

известно, приписалъ и «Скупой», какъ прежде называлась драма Ченстону и указалъ на трагедію: «*The cavetous Knight*» какъ на первую мысль своего произведенія, но до сихъ поръ всѣ справки наши для отысканія этого источника остались безуспѣшны. Въ списокѣ предшественниковъ и современниковъ Шекспира на драматическомъ поприщѣ, обыкновенно прилагаемомъ къ полнымъ изданіямъ твореній его, въ числѣ 39 именъ не находится ни имени Ченстона, ни трагедіи, ему приписываемой Пушкинымъ. Въ концѣ 17 столѣтія послѣ перерыва, произведеннаго реформаціей, являются опять въ Англіи трагики Шекспировской школы, но между именами Драйдена, Роу, Конгрева, Отвая, etc., напрасно стали бы искать имени и трагедіи Ченстона. Съ Адиссона наступаетъ подражаніе Французскимъ классикамъ, и объ этомъ періодѣ Англійской словесности говорить нечего. Точно такое же молчаніе въ отношеніи Ченстона сохраняютъ и всѣ дикціонеры: *Conversations Lexicon*, *Biographie universelle* и проч. (*) Самъ Пушкинъ въ бумагахъ своихъ никогда не обозначалъ драму свою, какъ переводъ, между тѣмъ какъ «Пиръ во время чумы» онъ постоянно называетъ по-Англійски въ сокращенномъ видѣ: «*The Plague.*» Не маловажно для разъясненія дѣла и то, что Пушкинъ сочинялъ, придумывалъ названіе Ченстоновой трагедіи, чего, разумѣется, не могло бы случиться, если бы трагедія дѣйствительно существовала. Такъ онъ написалъ на заглавномъ листѣ послѣ титла: «Скупой» и эпиграфа изъ Державина, слѣдующую фразу въ скобкахъ: «*The cavetous Knight* безъ имени Ченстона. Не довольствуясь этимъ, онъ зачеркнулъ прилагательное «*cavetous*», однакожъ при печатаніи драмы въ Современникъ 1836 г. (томъ первый) прилагательное снова очутилось, но съ другимъ правописаніемъ «*The caveteous Knight.*» Всего этого, разумѣется, не могло бы случиться, если бы нужно было только списать просто заглавіе подлинника. Тогда же явилось и имя Ченстона, да и самый Скупой сдѣлался уже «Скупой Рыцарь.» Такого рода проба заглавія ука-

(*) Въ Англійской литературѣ есть имя, похожее на имя, выдуманное Пушкинымъ—это Шенстонъ (Schenstone), авторъ довольно приторныхъ идиллій, жившій въ прошломъ столѣтіи. Лучшимъ его произведеніемъ, и весьма справедливо, считается пьеса, подъ названіемъ: «Школьная Учительница.» (*The school-mistress.*)

зываетъ на соображеніе и придумываніе источника уже послѣ созданія, особенно когда вспомнимъ, что рукопись наша, помѣченная числомъ: «23 Октября 1830. Болдино,» есть послѣдняя перебѣленная рукопись, съ которой драма уже печаталась въ журналѣ. Причину, понудившую Пушкина отстранить отъ себя честь первой идеи, должно искать, какъ мы слышали, въ боязни примѣненій и неосповательныхъ толковъ, что у него часто было поводомъ къ неизялспимому потворству толпѣ, которую съ другой стороны онъ такъ много презиралъ въ стихахъ своихъ. . . . Мы уже видѣли нѣсколько примѣровъ подобной суевѣрной робости въ литературныхъ его произведеніяхъ. Вотъ еще новыя: Рославлева своего, написаннаго просто изъ негодовавія на вялую передачу Г-мъ Загоскинымъ происшествія, весьма живаго и романическаго въ самомъ себѣ, онъ назвалъ: «Отрывокъ изъ записокъ одной дамы» и еще прибавилъ: съ Французскаго (см. Современникъ 1836 года, томъ III); къ извѣстной, прекрасной своей пьесѣ «Цыганы:» (*Надъ лѣсистыми брегами*) сдѣлалъ также указаніе «съ Англійскаго,» хотя она принадлежитъ къ поэтическимъ воспоминаніямъ изъ его собственной жизни. Мы имѣемъ одно неизданное стихотвореніе Пушкина, гдѣ объясняется его манера произвольныхъ указаній очень ясно и наивно. Сверху пьесы своей Пушкинъ написалъ сперва: «Изъ *Alfred Musset*», а потомъ замѣнилъ это другимъ указаніемъ: «Изъ *VI Пиндемонте*», но стихотвореніе все-таки не имѣетъ ничего общаго съ обоими выбранными и столь противоположными между собой авторами (*).

«*Моцартъ и Сальери*» явился въ альманахѣ: Сѣверные Цвѣты на 1832, съ помѣткой: 26 Октября 1830, однакоже безъ обманчивой ссылки на источникъ, хотя это было еще первая драматическая сцена Пушкина, съ которой знакомилась публика, если исключимъ: «Новую сцену къ Фаусту,» напечатанную прежде Московскій Вѣстникъ 1828 г.). Ключекъ бумажки, оторванный

(*) Для окончательнаго объясненія дѣла, мы сносились посредствомъ одного изъ нашихъ знакомыхъ съ издателями «*Athenaeum*» въ Англии, прося у нихъ свѣдѣній объ загадочномъ Ченстонѣ. Ответъ былъ таковъ вкратцѣ: «Вашъ великій поэтъ подшутилъ надъ своей публикой, сославшись на небывалаго въ Англии писателя.»

отъ частной и совершенно незначительной записки, сохранилъ нѣсколько словъ Пушкина, касающихся до сцены. Любопытно видѣть на какомъ не значительномъ основаніи созданъ былъ этотъ превосходный драматическій отрывокъ.

Въ первое представленіе *Донъ-Жуана*, пишетъ Пушкинъ, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистью.

«Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ. (*) Нѣкоторые Нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ будто-бы въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта.

«Завистникъ, который могъ освистать *Донъ-Жуана*, могъ отравить его творца.»

Слова эти, можетъ быть, начертаны въ видѣ возраженія тѣмъ изъ друзей его, которые безпокоились на счетъ клепа, взведеннаго на Сальери въ новой пьесѣ. (**) Только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить рѣзкій приговоръ Пушкина о Сальери, не выдерживающій ни малѣйшей критики. Вѣроятно къ спору, тогда возникшему, должно относиться и шуточное замѣчаніе Пушкина: «Зависть сестра соревнованія—стало быть изъ хорошаго роду.» Не входя теперь въ разборъ вопроса, о степени предположаній, дозволенныхъ автору при выводѣ историческаго лица, скажемъ, что если со стороны Пушкина было какое-либо преступленіе передъ Сальери, то преступленія такого рода совершаются безпрестанно и самыми великими драматическими писателями. Такъ Елизавету Англійскую сдѣлали они типомъ женской ревности и преимущественно одной этой страстью объясняли погибель Маріи Стюартъ, едва упоминая о всѣхъ другихъ поводахъ къ тому. Если тутъ есть порокъ, то онъ уже скрывается

(*) Въ 1825 году 7 Мая (Изъ *Conversations L.*)

(**) Въ числу ихъ принадлежалъ напр. П. А. Катенинъ. Въ запискѣ своей онъ смотритъ на драму Пушкина съ чисто юридической стороны. Она производила на него точно такое же впечатлѣніе, какое производитъ краснорѣчивый и искусный адвокатъ, поддерживающій несправедливое обвиненіе.

въ сущности исторической драмы вообще, которая, взявъ лице изъ исторіи или изъ дѣйствительной жизни, принуждена заниматься развитіемъ только одной основной черты его характера и пренебечь всѣмъ прочимъ. Пушкинъ, какъ будто чувствуя это, колебался въ выборѣ заглавія для своей пьесы. Первоначально онъ назвалъ ее просто: «*Зависть*,» словно желая отстранить или ослабить историческую провѣрку лицъ, въ ней дѣйствующихъ. Вѣроятно, понявъ бесполезность уловки, онъ далъ уже ей настоящее ея заглавіе: «*Моцартъ и Сальери*.»

Почти несомнѣнно, что *Каменный Гость* или *Донъ Гуанъ*, по правописанію Пушкина, употребленному только въ этотъ разъ, былъ выведенъ на свѣтъ мыслию о Моцартѣ, съ именемъ котораго такъ неразлучно онъ связанъ. Драма эта окончена Пушкинымъ въ Болдинѣ 4-го Ноября 1830, а не 1836 года, какъ указано прежними издателями, что произошло отъ ошибочнаго чтенія послѣдней цифры. Въ 1836 году Пушкинъ не былъ въ Болдинѣ. Между прочимъ въ посмертномъ изданіи его сочиненій пропущена одна строфа изъ монолога Донъ Гуана, находящаяся какъ въ рукописи Пушкина, такъ и въ альманахѣ книгопродавца Смирдина 1839 года: «*Сто русскихъ Литераторовъ*», гдѣ драма впервые была напечатана, уже два года спустя послѣ смерти ея автора. Дальнѣйшія замѣчанія о различныхъ редакціяхъ этого произведенія читатель найдетъ въ нашихъ примѣчаніяхъ къ нему. Что касается до самой драмы, то по правилу, принятому нами, мы удерживаемся отъ оцѣнки и разбора ея, но не можемъ не сказать, что глубокое, поэтическое проникновеніе автора въ жизнь и нравы Испаніи затемнило въ глазахъ читателей другихъ понятій и другаго неба существенную часть ея красоты. Быстрый переходъ Доны Анны отъ недовѣрчивости къ забвенію своего долга и къ примиренію, притворная любовь героя, еще выражающаяся мелодическимъ, увлекательнымъ языкомъ истинной страсти, все это было ново. Пушкинъ видѣлъ въ Донъ Гуанѣ почти тоже, что Моцартъ: гениальнаго человѣка, обратившаго только всѣ свои дары въ одну сторону, Рафаэля любви и пѣжныхъ связей, если смѣемъ такъ выразиться. Изящный, вкрадчивый и вдохновенный въ минуты исканій и замысловъ сво-

ихъ, Дѣнь Гуанъ Пушкина принадлежить ему одному и ничего общаго съ другими созданіями, извѣстными подъ этимъ именемъ, не имѣеть.

Читатель уже замѣтилъ, что Скупой Рыцарь носитъ помѣтку: 23-го Октября 1830 года, Моцартъ и Сальери: 26-го Октября 1830, Каменный Гость: 4-го Ноября 1830 года. Все это небо-лѣе, какъ помѣтки, означающія время окончательнаго исправленія рукописей и писколько не указывающія настоящей эпохи созданія. Иначе приходилось бы три дня труда для Моцарта, восемь дней для Каменнаго Гостя, что при извѣстномъ, долгомъ осмотрѣ своихъ произведеній у Пушкина, допустить нельзя. Время настоящаго созданія могли бы только указать черновыя рукописи его, но ихъ нѣтъ въ бумагахъ поэта, а сохранились одни уже перебѣленные копии ихъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ ключъ для поясненія многообразной производительности Пушкина въ Болдинѣ, которая безъ того была бы не понятна. Нѣкоторыя части драмъ, статья можетъ, написаны были имъ вчерѣ ранѣе 1830 года; къ Болдинскому пребыванію относится только ихъ окончательное исправленіе. Съ полнымъ убѣжденіемъ можно, по крайней мѣрѣ, утверждать, что планъ и содержаніе ихъ заготовлены прежде и на долю осени 1830 года приходилъ только ихъ художественное исполненіе. Самый реестръ драмъ, недавно приведенный нами, кажется составленъ не только ранѣе 1830, но даже ранѣе 1829 года. Въ немъ пропущенъ одинъ драматическій отрывокъ «Русалка», вѣроятно потому, что не было и мысли о немъ, но первые стихи, первые зачатки Русалки мы нашли въ тетрадахъ поэта, принадлежащихъ къ 1829 году. Такъ самый реестръ, по нашему мнѣнію, долженъ предшествовать этому году и тѣмъ правдоподобіе становится это заключеніе, что мысль о *«Димитріѣ и Маринѣ»* и о *«Курбскомъ»* должна была занимать Пушкина вскорѣ послѣ Бориса Годунова. Все это не покажется страннымъ если мы вспомнимъ, что Пушкинъ призналъ въ себѣ драматическій талантъ еще съ *«Цыганъ»*. Онъ говорилъ друзьямъ своимъ, что послѣ Цыганъ, ему самому вдругъ открылась новая дорога, о которой онъ и не помыслилъ прежде. Цѣль драмъ, созданныхъ имъ съ 1825 по 1830, была естественнымъ результатомъ этого вдохновеннаго откры-

тія и 'ограничивать ея однимъ годомъ нѣтъ уже никакой возможности.

Съ 1831 являются у Пушкина признаки другаго направленія. Драма была уже пережита и ея мѣсто мало-по-малу начинаетъ заступать эпопея, на что укажемъ еще въ своемъ мѣстѣ, но драмы Пушкина остаются по прежнему однимъ изъ многихъ правъ его на нашу благодарность. Въ каждой изъ нихъ заключена основная поэтическая мысль, къ которой стремятся, какъ къ путеводной звѣздѣ, всѣ сцены и лучи которой проникаютъ всѣ частности, мысли и замѣтки произведенія. Простая, весьма несложная постройка ихъ обдуманна изумительно и составляетъ особенное наслажденіе для тѣхъ, которые умѣютъ наслаждаться *планами* сочиненій, такъ высоко цѣнимыми и самимъ Пушкинымъ. Въ 1830 году онъ думалъ собрать драматическія отрывки и издать ихъ отдѣльной книжкой. Онъ уже приготовлялъ заглавный листокъ для нихъ, разукрашенный, по извѣстному его обыкновенію разрисовывать свои рукописи — изображеніемъ рыцаря въ доспѣхахъ и головы пожилаго мушкетера. На листкѣ этомъ мы читаемъ слова, которыми Пушкинъ принаровнялся къ оглавленію и, такъ сказать, пробовалъ его; «Драматическія сцены, Драматическіе очерки, Драматическія изученія, Опытъ Драматическихъ изученій.» Невольно представляется вопросъ: какъ было бы принято тогда нежданное появленіе драмъ Пушкина вполне, если бы намѣреніе его состоялось?

Переходимъ къ тѣмъ сценамъ или отрывкамъ реестра нашего, которые утеряны для насъ, чему, можетъ -статься, причиною былъ и самъ Пушкинъ. Нельзя не подумать, что онъ самъ истребилъ опыты, которыми былъ не доволенъ, выбравъ въ Болдинѣ, для окончательной отдѣлки, только такіе, которые удовлетворяли собственному его взыскательному чувству. Остается сказать не много по поводу этихъ, уже не существующихъ произведеній. Замѣтимъ на-примѣръ, что между заглавіями ихъ встрѣчается одно необъяснимое: *Берольдъ* или *Беральдъ* Савойскій. Имя это намъ совершенно незнакомо. Предоставляемъ людямъ, болѣе насъ опытнымъ и библіофиламъ объяснить его, что напрасно старались сдѣлать мы сами и пока остаемся при мнѣніи, что герой предполагавшейся сцены — лицо выдуманное. Прожеть написать драма-

тическую сцену: Димитрій и Марина былъ уже извѣстенъ и до открытія еписпа драмъ. Вспомнимъ обѣщаніе, изложенное Пушкинымъ во Французскихъ письмахъ 1829 года, по поводу Годунова: тамъ онъ говоритъ, что намѣренъ еще возвратиться къ обѣимъ этимъ личностямъ, которыя сильно занимали тогда его воображеніе. Весьма жалко, что при имени Курбскаго, Пушкинъ не объяснилъ, котораго Курбскаго имѣлъ онъ въ виду: историческаго ли изгнанника, или того молодаго красавца, который является въ хроникѣ: Борисъ Годуновъ, и съ Европейскимъ образованіемъ, съ западнымъ воспитаніемъ своимъ, долженъ былъ составлять лицо трагическое въ настоящемъ своемъ отечествѣ. Вотъ все, что можно замѣтить по поводу неизвѣстныхъ драмъ Пушкина.

Драмы были настоящимъ, высокимъ трудомъ этой осени; а отдохновеніемъ поэта можно считать: *Повѣсти Бѣлкина, Лѣтописи села Горохина, Домикъ въ Коломнѣ*, написанные въ тоже время. Повѣсти Бѣлкина должно разбирать теперь только со стороны слога, изложенія, а не содержанія, которое отъ качествъ того и другаго заимствовало все свое значеніе. Такъ понималъ ихъ и самъ авторъ. Тонкая иронія, лукавый и вмѣстѣ добродушный юморъ ихъ, простота языка и средствъ, употребляемыхъ авторомъ для сдѣянія и развитія происшествій — заслуживаютъ и теперь вниманія. Очерки и краски повѣстей Бѣлкина чрезвычайно нѣжны и послѣ яркой живописи Гоголя, надо уже вниманіе и зоркость любителя, чтобъ оцѣнить ихъ по достоинству. Въ Лѣтописи села Горохина, начатой 31-го Октября, они замѣтно крѣпчаютъ, особливо съ перехода къ разсказу о баснословной эпохѣ Горохина. Для насъ эта, къ сожалѣнію, неконченная повѣсть еще замѣчательна и тѣмъ, что въ ней поэтъ обратился къ простой дѣйствительности и къ быту, въ которыхъ прежде, да и потомъ, искалъ только родниковъ поэзіи и тайнъ живописнаго языка. Прозаическая сторона этого быта нашла въ лѣтописи Горохина, не смотря на веселый, насмѣшливый ея тонъ, истинное сочувствіе, какъ и должно было ожидать отъ человѣка съ многостороннимъ умомъ и сердцемъ, по въ повѣсти особенно замѣтно, что авторъ осматриваетъ свой предметъ свысока, описываетъ его и глядитъ на

него постоянно съверху внизъ. Иронія его добродушна и благородна, но это еще не юморъ, порождаемый тѣсною, родственной жизнію съ предметомъ. Читая изображеніе деревенскаго быта у Пушкина, невольно вспоминаешь превосходныя строфы Онягина, въ которыхъ съ такимъ сожалѣніемъ замѣчаетъ поэтъ нашъ, что мысль его уже клонится къ простымъ, непышнымъ картинамъ, къ дѣйствительности скромной и не мечущейся въ глаза.

Иныя нужны мнѣ картины,
Люблю песчаный косорогъ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ и проч.

Съ какимъ горькимъ чувствомъ подмѣтилъ онъ, что быть, далеко противоположный поэзіи Байрона и Шенье, тянетъ его къ себѣ невѣдомой силой:

Порой дождливою намедни
Я завернулъ на скотный дворъ
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?
Скажи фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навель твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ

Тоже самое чувство, по нашему мнѣнію, сквозитъ и въ самой веселости Пушкина, когда чертитъ онъ картины, подходящія къ пестрому сору Фламандской школы. Мы полагаемъ даже, что тайное раскаяніе поэта и особенно опасеніе злыхъ сближеній, были причинами — почему Лѣтопись села Горохлина, пренебреженная и забытая самимъ авторомъ, явилась уже послѣ смерти его въ томъ неоконченномъ видѣ, какой знаемъ (*). Нельзя не пожалѣть искренно объ этомъ обстоятельствѣ. По довольно запутанной программѣ ся, которую затѣмъ и не прилагаемъ, видно, что Пушкинъ хотѣлъ заставитьъ владѣтеля Горохина,

(*). Лѣтопись Села Горохина написана впервые въ 1837 г. Современникъ, томъ VII.

Г. Бѣлкина, разсказать жизнь и хозяйство своего прадѣда, дѣда и отца. Всѣмъ извѣстно, какъ дорожилъ Пушкинъ извѣстіями о нравахъ и бытѣ старины, съ какой любовью и вниманіемъ собиралъ черты для характеристики прошлыхъ временъ и какъ мастерски воспроизводилъ ихъ. Пренебреженіе, въ которомъ оставилъ онъ свою Лѣтопись, лишила насъ вѣроятно и тутъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, нѣсколькихъ мастерскихъ страницъ, которыя являлись у него тотчасъ, какъ переходилъ онъ на почву историческаго романа. Ранѣе своей Лѣтописи и Повѣстей Бѣлкина, Пушкинъ написалъ еще стихотворную Повѣсть: «Домикъ въ Коломнѣ», которая кончена въ Болдинѣ 9-го Октября. Каждый день Октября мѣсяца, по видимому, преисполненъ былъ неистощимаго вдохновенія. Домикъ въ Коломнѣ, впрочемъ, начатъ былъ еще въ предшествующемъ году, а напечатанъ въ альманахѣ: «Новоселье» (1833 г.), съ выпускомъ 13-ти октавъ (*). Надъ этими выброшенными строфами, Пушкинъ надписалъ въ рукописи: «Сии октавы служили вступленіемъ къ шуточнѣйшей поэмѣ, уже уничтоженной.» Изъ этихъ словъ можно заключить, что онъ хотѣлъ подѣлиться ими съ публикой, но обязанность эта уже выпала на нашу долю. (**). Въ нихъ Пушкинъ представляется намъ съ новой стороны. Не заботясь о достиженіи художественной цѣли, онъ отдается вполне теченію мыслей и перу своему, но какая тонина и беззлобность шутики, какой превосходный, нравственный профиль прикрыты этой сѣтью октавъ, едва набросанныхъ и какъ они свѣтятся въ этомъ стихѣ на распахнутой. Тотъ же характеръ отражается и въ самой повѣсти. Когда въ сокращенномъ видѣ напечатана она была въ Новосельѣ 1833 года, то почти всѣмъ принята была за признакъ конечнаго паденія нашего поэта. Даже въ обществахъ старались не упоми-

(*). Первая мысль объ этомъ стихотвореніи должна быть отнесена даже ко времени прибытія автора изъ Царскаго Села въ Петербургъ, тотчасъ по выпускѣ изъ Лицея. Онъ тогда жилъ дѣйствительно у Покрова, въ сосѣдствѣ той пышной красавицы, которая, какъ онъ выразился въ стихотвореніи,

«Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!).»

(**) См. Приложение VII къ матеріаламъ.

нать объ ней въ присутствіи автора, щадя его самолюбіе и покрывая происхожденіемъ печальный фактъ преждевременной потери таланта. Пушкинъ все это видѣлъ, но уже не сердился и молчалъ. Толки и мнѣнія онъ предоставилъ тогда собственной ихъ участи — повѣркѣ и дѣйствию времени.

Но въ 1830 году онъ еще не такъ думалъ и рѣшился на досугъ, въ деревнѣ, пересмотрѣть все, что объ немъ было писано въ журналахъ нашихъ литературнаго и нелитературнаго. Плодомъ этого занятія остались тѣ замѣтки, которыя въ посмертномъ изданіи его сочиненій напечатаны подъ рубрикой: «Отрывки изъ записокъ Пушкина» и притомъ напечатаны довольно безпорядочно: оглавленія статей вошли тамъ въ текстъ, замѣтки о двухъ разныхъ предметахъ сбиты вмѣстѣ, собственные имена перепутаны и проч. Приведенныя въ нѣкоторый хронологическій порядокъ и проверенныя съ рукописями, замѣтки эти составляютъ теперь довольно любопытную картину современныхъ поэту толковъ и мнѣній, и драгоценны какъ матеріалъ для исторіи литературы, и какъ матеріалъ для біографіи. Правда, они далеко еще не исчерпали всего, что произвела отечественная критика въ отношеніи произведеній нашего поэта, оставивъ безъ вниманія самый любопытный отдѣлъ ея: поводы и причины ея восторга при первыхъ опытахъ его. Пушкинъ обратилъ преимущественно вниманіе только на двѣ яркія черты современной ему критики: филологическія прицѣпки къ словамъ и на требованіе *гннности*, преслѣдовавшія его съ самаго вступленія на литературное поприще. Мы говоримъ *гннности*—въ отличіе отъ *приличія*, которое есть первый долгъ каждаго писателя и которому Пушкинъ съ умысломъ никогда не измѣнялъ, какъ только выходилъ передъ публикой. Трѣбованія *гннности* или лучше *копорности*, начавшіяся съ появленія Руслана и Людмилы, за тѣмъ уже не умолкали: они не оставили въ покоѣ, какъ уже видѣли, самую Полтаву и не отступили даже передъ Борисомъ Годуновымъ. Въ одномъ изъ довольно дѣльныхъ разборовъ Бориса Годунова, которому только вредить его противуэстетическая форма (см. Журналъ Телескопъ 1831, часть 1, критика, стр. 571), сцена свиданія Самозванца съ Маринной еще найдена испривич-

ной. *Возрастающее безуміе Самозванца и возрастающая наглость Марини* выводить критика изъ терпѣнія, который восклицаетъ наконецъ: *Ну на что это похоже?* и проч. — Около 1830 года легкая ежедневная рецензія уже почти только и производилась во имя *дамъ высшаго круга, молодыхъ людей*, и проч., но это была только уловка полемики, потому что никакихъ основательныхъ поводовъ къ защитѣ ихъ не было и не могло быть, особенно у Пушкина. Въ своемъ широкомъ, ясномъ и благородномъ творествѣ онъ былъ доступенъ всѣмъ чтецамъ и вотъ что писалъ, въ томъ же 1830 году: «Хорошее общество можетъ существовать не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные. Жеманство и папыщенность болѣе оскорбляютъ, чѣмъ простонародность. Откровенныя, оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую улыбку. Незабавно ли видѣть нашихъ опекуновъ высшаго общества?» Въ словахъ этихъ, извлеченныхъ изъ неоконченной полемической статьи, хорошо виднѣтъ чловѣкъ, пораженный соединеніемъ гениальности съ простотой характера, обращенія и языка.

Въ 1830 году Пушкинъ встрѣтилъ первыя произведенія Альфреда-де-Мюссе съ особеннымъ участіемъ. Находя возможность сказать по поводу Французскаго автора нѣсколько словъ о своихъ отношеніяхъ къ тогдашней полемикѣ, онъ написалъ въ Болдинѣ слѣдующія строки, съ которыми, конечно, нельзя согласиться во всемъ. Они порождены досадой на журнальныя придирки и принадлежать скорѣе къ плану косвеннаго отраженія ихъ, чѣмъ къ настоящему обсужденію предмета, но и въ этомъ видѣ еще замѣчательны: «Между тѣмъ какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартишъ готовилъ новыя, благочестивыя размышленія, подъ заслуженнымъ названіемъ *Harmonies religieuses*; между тѣмъ какъ важный *Victor Hugo* издавалъ свои блестящія, хотя и натянутыя Восточныя стихотворенія (*Les Orientales*); между тѣмъ какъ бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неозита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей Французской литературѣ—вдругъ явился молодой поэтъ, съ книжеч-

кой сказокъ и пѣсенъ и произвелъ *недоумные*. . . . Какъ приня- ли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь не- годованіе журналовъ и всѣ феулы, поднятыя на него. Ни чуть не бывало. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійць, даже не имѣя цѣлю объяснить, сколь не похвально это ремесло — и быть добрымъ и честнымъ челове- комъ, что вѣроятно семейство его, читая его стихи, не станетъ раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга, что, однимъ словомъ, поэзія — вымыселъ и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣетъ. Давно бы такъ Мм. Гг.» (*)

Можно удивляться, по прошествіи уже довольно долгаго про- межутка времени, тому, что неосновательная молва способна была такъ сильно занимать Пушкина, но при этомъ не слѣдуетъ упу- скать изъ вида пылкого, сангвиническаго характера его, на кото-

(*) Пушкинъ еще продолжаетъ въ отрывкѣ разборъ сочиненій Альфреда де Мюссе: «Итальянскія и Испанскія сказки Мюссе отличаются живостію необык- новенной. Изъ нихъ *Portia*, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства: сцена ночнаго свиданія, картина ревнивица, посѣдывшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это прелесть. Драматическій очеркъ: *Les marrons du feu* общааетъ Франціи *романтическаго* трагика. А въ повѣсти *Mardoche*, Musset, первый изъ Французскихъ поэтовъ, умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ пони- мать слова Горация: *Difficile est propria communia dicere*, какъ понялъ ихъ Англійскій поэтъ въ эпиграфѣ къ Донъ-Жуану, то мы согласимся съ его мнѣніемъ: *трудно прилично выразить обыкновенные предметы. Communia* значить не *обыкновенные* предметы, но *общіе всѣмъ*. (Дѣло идетъ о предме- тахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ въ противоположность предме- тамъ вымышленнымъ) . . . Такимъ образомъ извѣстный стихъ Горация въ его по- сланіи къ Пизону (*Art poët.*) выражаетъ, по мнѣнію Пушкина, не то, чтобы тяжело было говорить о маловажныхъ предметахъ, а мысль, что тяжело гово- рить о предметахъ общезвѣстныхъ.

Кстати уже изложить здѣсь мнѣніе поэта о современныхъ писателяхъ Фран- ции вообще. Съ 1831 года становится въ немъ замѣтно нерасположеніе къ представителямъ ся поэтической дѣятельности. «Всѣмъ извѣстно, пишетъ онъ около этого времени въ видѣ программы для статьи, что Французы народъ самый антипоэтической. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и поло- жигельнаго народа: *Монтанъ, Монтелье, Вольтеръ*, доказали это. Монтанъ, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Микель-Анджело, ни о Ра-

рый горько и глубоко ложились всё жизненные, даже ничтожные противоречія. Съ удивительнымъ добродушіемъ выразилъ онъ самъ эту способность принимать къ сердцу и такія стрѣлы, которыя не должны были бы, по видимому, касаться его. «Будучи Русскимъ писателемъ, говорилъ онъ, я всегда почиталъ долгомъ слѣдовать за текущей Литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня, какъ явные и вѣроятно, искренніе знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы самые непріязненные, смѣю сказать, что всегда старался войти въ образъ мыслей моего противника и слѣдовать за его сужденіями, не отвергая оныхъ съ самолюбивымъ истерпѣніемъ. Къ несчастію замѣчалъ я, что по большей части, мы другъ друга не понимали. Что касается до критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлю оскорбить меня, какимъ бы то нибыло образомъ, скажу только, что они очень сердили меня, по край-

ѣзавъ; Монтескье смѣется надъ Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горация, кажется, не понялъ ни одного поэта... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народъ и принятые за литературныя аксіомы, то мы изумимся ихъ бѣдности...» По статьѣ Пушкина «О Мильтонѣ», мы уже знаемъ его мнѣніе о Викторѣ-Гюго и объ Альфредѣ-де-Виньи. Вотъ что писалъ онъ о Ламартинѣ: «Ламартинъ скучнѣе Юнга и не имѣетъ его глубины. Не знаю, признались ли они въ тощемъ однообразіи, въ вялой безцвѣтности своего Ламартина, но тому лѣтъ 10 — его ставили наравнѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ.» Всего замѣчательнѣе, что Пушкинъ не признавалъ поэтомъ и Беранже, по причинѣ, весьма характеристической. Онъ ставилъ въ упрекъ веселому и остроумному пѣсеннику, произведенія котораго цѣнилъ ниже «грелестныхъ шалостей Коле» особенно то обстоятельство, что «не имѣетъ ничего страстнаго, вдохновеннаго.» Присутствіе этихъ качествъ было такъ важно въ глазахъ Пушкина, что, предполагая ихъ въ Делормѣ, онъ считалъ произведеніе С. Бева чуть ли не самымъ замѣчательнымъ явленіемъ во Французской литературѣ, послѣ сочиненій Мюссе. Черта, много объясняющая и самого Пушкина какъ писателя. Кстати сказать: Литературная Газета 1830 и 1831 года заключаетъ двѣ статьи, подписанныя буквою: Р, какой были подписаны впоследствии: Скупой Рыцарь Пушкина и Шиковая Дама. Первая статья есть разборъ Исторіи Русскаго народа Г. Полеваго (Лит. Газ. 1830 № 4). Вторая есть рецензія произведеній С. Бева: *Vie, poésies et pensées de J. Delorme* и *Les Consolations* (Лит. Газ. 1831, № 32). Мы не приписываемъ ихъ Пушкину, не имѣя для этого никакихъ данныхъ, но находимъ въ нихъ сходство съ его образомъ мыслей. —

ней мѣрѣ въ первыя минуты, и что слѣдственно сочинители оныхъ могутъ быть довольны, *удостовѣрясь, что труды ихъ не пропали.* Еще сильнѣе и можетъ быть, еще добродушнѣе выразилось это качество пріимчиваго и необычайно чувствительнаго сердца въ слѣдующей откровенной замѣткѣ: «Въ одной газетѣ объявили, что я собою весьма не благообразенъ и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, *хотя она меня глубоко тронула.*» И наконецъ общую мысль всѣхъ напечатанныхъ его замѣтокъ, которыми теперь занимаемся и въ которыхъ читатель долженъ особенно замѣтить отсутствіе всякаго раздраженія и мелкой злобы, очень хорошо выражаетъ эпиграфъ изъ Соутэ, какимъ хотѣлъ начать ихъ Пушкинъ. Вотъ онъ: «Сколько удаленъ я моими привычками и правилами отъ полемики всякаго рода, но еще не отрекся я совершенно отъ права самозащиты. *Southey.*» Прибавимъ, что затѣтки начаты въ Болдинѣ 2 Октября, стало быть, вмѣстѣ съ рядомъ всѣхъ художественныхъ произведеній, написанныхъ или доконченныхъ въ томъ же мѣсяцѣ.

Въ отношеніи филологическихъ указаній и изслѣдованій критики, Пушкинъ подвелъ имъ общій итогъ и благодарилъ за указаніе 5-ти грамматическихъ ошибокъ въ его сочиненіяхъ. Вся груда журнальныхъ разсужденій, весьма любопытныхъ, какъ мы видѣли уже изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, сводится, по мнѣнію поэта, на эту скромную цифру и самъ онъ въ рукописи прилагаетъ перечень своимъ недосмотрамъ: «1., *Остановлялъ взоръ на отдаленныя громады,* 2., *На темъ горъ,* вм. теменѣ, 5, *Воилъ* вм. вылъ, 4, *Быль отказанъ* вм. ему отказали и 5, *Игумену* вм. Игумну (*).» Таковъ результатъ многихъ годовъ

(*) Въ Кавказскомъ Пльбникѣ, въ первомъ изданіи, находился стихъ:

Остановлялъ онъ долго взоръ

На отдаленныя громады,

который замѣненъ былъ впоследствии такимъ:

Вперляъ онъ неподвижный взоръ etc.

Въ стихотвореніи *Буря* попался странный стихъ: «И вѣтеръ *воилъ* и леталъ,» исправленный потомъ такъ: «И ветеръ *билъ* и леталъ.» Въ примѣчаніяхъ къ Подгавѣ была совершенно неправильная фраза: «*Мазена сватала свою крестницу, но быль отказанъ.*» Посмертное изданіе исправило вторую половину фразы такъ: «но ему отказали,» а первую оставило по прежнему. При появле-

нисьма, многого шума и многихъ соображеній тогдашней филологіи: онъ все-таки значительнѣе того, что осталось послѣ эстетической критики этого времени!

Въ одно время съ замѣтками, Пушкинъ составлялъ извѣстную родословную своей фамиліи и писалъ ту стихотворную повѣсть своего дома, о которой покойный библіофилъ Безсоновъ такъ вѣрно говорилъ, что она, кажется, подслушана у Исторіи. Пьеса эта, извѣстная подъ названіемъ *«Моя родословная»*, отличается, по замѣчанію того же критика, спокойнымъ, свѣтлымъ состояніемъ духа, не смотря на обманчивые полемическіе приемы свои. Дѣйствительно, первая ея мысль принадлежитъ проэктору отраженіи какого то намѣка, стало быть безплоднымъ и темнымъ отношеніямъ эпохи, но въ процессъ творчества, поэтической элементъ одолѣлъ первое побужденіе и совершенно уничтожилъ его въ собственной своей мысли. Основная причина, породившая пьесу, до того пропадаетъ изъ глазъ, что поэту надо упоминать объ ней отдѣльно отъ своей пьесы. Такъ онъ писалъ въ Болдинѣ: «Гдѣ-то сказано было, что прадедъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (*какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II,*) Генералъ-Аншефъ, отецъ Ганнибала, покоровшаго Наваринъ и проч. былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому. Прадедъ мой, если былъ купленъ, то вѣроятно дешево, но достался онъ Шкиперу, коего имя всякой Русской произносить не всеу. . . .» На другомъ листкѣ, носящемъ помѣтку: «16 Октября 1830 года, Болдино» онъ повторяетъ тоже самое замѣчаніе въ четверостишіи, но въ слѣдующихъ за нимъ строфахъ, совершенно освобождается отъ всякаго полемическаго направленія и переходитъ въ область чистой поэзіи:

ни сцены Лѣтописца изъ Бориса Годунова, въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 г. въ ней былъ стихъ: *«Онъ говорилъ Игумену и братьи.»* Этотъ стихъ измѣненъ Пушкинымъ въ 1831 г., при полномъ изданіи хроники, въ слѣдующій: *«Онъ говорилъ Игумену и всей братьи.»* Кстати объ ошибкахъ. Самая странная была сдѣлана Современникомъ 1837 года, при передачѣ Мѣднаго Всадника. Въ примѣчаніяхъ къ нему, у Пушкина было сказано, что описаніе памятника Петру Великому заимствовано было однимъ Польскимъ поэтомъ изъ Рубана. Современникъ 1837 — напечаталъ: «изъ *Рыбака,*» что не имѣло смысла. Такъ перешло и въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина.

«Сей Шкиперъ былъ тотъ Шкиперъ славный,
 Кѣмъ наша двигнулась земля,
 Кто придалъ мощно бѣгъ державный
 Кормѣ роднаго корабля.

* *
 *

Сей Шкиперъ дѣду былъ доступенъ
 И сходно купленный Арапъ
 Возросъ усердень, не подкупень,
 Царя наперсникъ, а не рабъ.
 И былъ отецъ онъ Ганнибала,
 Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
 Громада кораблей вспылала
 И палъ *впервые* Наваринъ!

Такъ и написана была вся эта пьеса, принадлежащая, по первому замыслу, къ заносчивымъ спорамъ того времени, по исполненію—міру свѣтлаго искусства.

Здѣсь покидаемъ на нѣсколько минутъ нашъ сборъ біографическихкихъ матеріаловъ, чтобъ представить читателямъ любопытный документъ, упоминаемый Пушкинымъ: копію съ письма Императрицы Екатерины II къ А. П. Ганнибалу. Письмо во-первыхъ объясняетъ значеніе Ганнибала, какъ сподвижника Петра I-го и его отношенія къ великому Преобразователю Россіи, а вторыхъ само по себѣ принадлежитъ исторіи и, можетъ быть, не всѣмъ извѣстно. Копія найдена въ бумагахъ Пушкина; мы не знаемъ, въ чьихъ рукахъ находится теперь подлинникъ его.

Копія съ письма

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

«Абрамъ Петровичъ! Мнѣ не безызвѣстно, что многіе чертежи въ сохраненіи вашемъ находились, когда блаженные памяти Государь Петръ Великій, по способности вашей, употреблялъ васъ по многимъ дѣламъ; почему я думаю, что вы, сохраняя память сего Великаго Государя и своей тогдашней при Немъ службы, сберегли въ своихъ рукахъ всѣ любопытства достойныя бумаги. А какъ мнѣ извѣстно же, что Онъ помышлялъ о строеніи канала отъ Москвы до Петербурха и ктому уже и проектъ здѣланъ былъ, то вы мнѣ особливую благодарность

здѣлаете, ежели, чертежъ тому отыскавъ (когда онъ у васъ былъ), пришлете ко Мнѣ со всѣми принадлежащими къ нему бумагами, хотя бы онъ въ чернѣ только былъ здѣланъ. Но ежели вы ничего о семъ дѣлѣ въ рукахъ своихъ не имѣли, то по крайней мѣрѣ укажите Мнѣ, гдѣ оный отыскать можно, который Я съ нетерпѣніемъ видѣть хочу.

Собственноручно.

Также естли вы о семъ проектѣ отъ Его Величества разсужденіи слышали, прошу сколь вы о томъ вспомните, ко Мнѣ отписать. Остаюсь вамъ доброжелательная.

ЕКАТЕРИНА.

2-го Сентября 1765 года. Царское Село.

Отмѣтка: «собственноручно» и скобка при ней сдѣланы рукой А. С. Пушкина.

Возвращаемся къ предмету нашему. Отъ стихотворной пьесы: «Моя родословная,» къ извѣстной статьѣ Пушкина въ прозѣ, содержащей краткую повѣсть о Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ, переходъ былъ естественъ, особливо у человѣка, который почти всякое изслѣдованіе пояснялъ еще поэзіей, и на-оборотъ. Мы уже знаемъ, что Пушкинъ уважалъ справедливую гордость родомъ и происхожденіемъ, вездѣ гдѣ она дѣлается источникомъ нравственнаго достоинства и сочувствія къ прошлому своего отечества. Уваженіе къ предкамъ считалъ онъ единственной платой, на какую имѣютъ заслуженное право лица, исчезнувшія съ земли. Съ другой стороны Пушкинъ былъ весьма далекъ отъ мысли гордиться даже пороками своихъ предшественниковъ, что иногда бываетъ отъ неправильнаго пониманія достоинства исторіи и своего собственного. Это доказывается самой «Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ,» гдѣ такъ откровенно и просто разсказалъ онъ, безъ всякой утайки, все что зналъ о ближайшихъ своихъ предкахъ. «Родословная» эта подъ названіемъ: «Отрывки изъ дневника А. С. Пушкина» напечатана была впервые послѣ смерти автора въ Сынѣ Отечества (1840, № 7.) и нѣкоторые ошибочныя показанія ея выпудили извѣстное опроверженіе отца поэта, Сергѣя Львовича, опроверженіе, напечатанное въ Современникѣ 1840, № 3. По изъ-

явленному тогда Сергѣемъ Львовичемъ убѣжденію въ несправедливости нѣкоторыхъ анекдотовъ, касающихся Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ, они были выпущены при перепечаткѣ статьи въ посмертномъ изданіи 1838—41 года. Совсѣмъ тѣмъ «Родословная» остается образцомъ яснаго взгляда на предметъ и образцомъ мастерскаго историческаго изложенія нашего автора.

Здѣсь представляется возможность сказать нѣсколько словъ вообще объ отношеніяхъ его къ историческимъ изслѣдованіямъ и трудамъ той эпохи.

По свойству своего ума и особенно по свойству своего таланта, преобладавшаго надъ всѣми другими способностями, Пушкинъ искалъ вездѣ ясныхъ образовъ и положительныхъ результатовъ: отсюда его безграничное уваженіе къ свѣтлому труду Н. М. Карамзина и равнодушное отношеніе къ критической школѣ, появившейся за нимъ. Кто знаетъ, что Пушкинъ во всю свою жизнь никогда не былъ скептикомъ, тотъ пойметъ эту черту его жизни. Онъ не могъ долго стоять на полпути и предпочиталъ всякое объясненіе продолжительному недоумѣнію спора и запутанности его. Къ Карамзину приведенъ онъ былъ и требованіями эстетическаго рода. Теперь уже ясно, что нѣтъ никакой возможности созидать образы изъ недосказанныхъ намековъ критики, неразрѣшенныхъ опредѣленій и вообще изъ всего тяжелаго, предуготовительнаго труда ся. Для поэта необходимо лице, совсѣмъ обдѣланное или исторіей, или преданіемъ: только тогда начинается онъ свою работу открытія въ немъ психическихъ сторонъ, дополняющихъ и ту и другое, и только тогда избѣгаетъ онъ ошибки тѣхъ драмъ и романовъ, которые написаны съ цѣлью представить собственныя соображенія авторовъ на запутанныя историческія темы. Такимъ образомъ требованія нравственной природы, практической по преимуществу, и требованія таланта равно привели Пушкина къ Карамзину. Ими же отчасти поясняются и всѣ прочія его предпочтенія и наконецъ даже его ученія вражды (*).

(*) Не лишнимъ будетъ упомянуть здѣсь, что замѣтка о II томѣ Исторіи Русскаго Народа г. Полеваго, приведенная нами выше, написана тоже осенью 1830 года, въ Волдыгѣ.

Пушкинъ высоко цѣнилъ труды извѣстнаго историка нашего М. П. Погодина, съ которымъ паходился въ дружескихъ сношеніяхъ. Уваженіе его къ точному смыслу и къ еамой буквѣ лѣтописей было, въ глазахъ Пушкина, ручательствомъ за истинну и достовѣрность выводовъ, хотя съ другой стороны Александръ Сергѣевичъ любилъ спорить съ ученымъ Профессоромъ о данныхъ, представляемыхъ лѣтописями, толковать ихъ по своему и объяснять съ своей точки зрѣнія лица и происшествія. Какъ бы то ни было, но онъ писалъ ему, приглашая въ 1834 году раздѣлить съ собой труды по сбору матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. «Съ вашей вдохновенной дѣятельностію, съ вашей чистой добросовѣстностію — вы произведете такіа чудеса, что мы и потомство наше будетъ за васъ Бога молить, какъ за Шлецера и Ломоносова.» Историческіа драмы заслуженнаго Профессора нашего цѣнились имъ чрезвычайно высоко, почти наравнѣ съ его учеными трудами — и по одной и той же причинѣ, имѣвшей въ глазахъ Пушкина нсобыкновенную важность: они представляли характеры и лица, которыхъ можно распознать и о которыхъ потому судить можно; словомъ существенность, которой онъ добивался во всякомъ произведеніи. Онъ писалъ къ М. П. Погодину въ 1832 году. «Мнѣ сказываютъ, что васъ гдѣ то разбрашили за Посадницу: надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что меня лѣтъ 10 сряду хвалили, Богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика ниже даже и публки, не только самой литературы; сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было — непростительная слабость. Ваша «Марфа», вашъ «Петръ» — исполнены истинной драматической силы и если когда шибудь могутъ быть на сценѣ, то иредрекаю вамъ такой народный успѣхъ, кокого мы холодные, сѣверные зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидловыхъ балетовъ и представить себѣ не можемъ.» Драма Г. Погодина: «Марфа Посадница» была переслана авторомъ ея въ Болдино, осенью 1830, по просьбѣ самого Пушкина, писавшаго оттуда: «Изъ Московскихъ вѣдомостей, единственнаго журнала, доходящаго до меня, вижу, любезный и почтенный М. П., что вы не оставили Матушки нашей. Дважды порывался я къ

вамъ, и опять *возвращался* на мой неспособной островокъ, откуда простираю къ вамъ руки и вопію гласомъ велиимъ: пошлите мнѣ слово живое, ради Бога. . . . Никто мнѣ ничего не пишетъ. Ради Бога отпишите мнѣ въ Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ пришлете мнѣ вѣщевую свою трагедію, то вы будете мнѣ благодѣтелемъ, истиннымъ благодѣтелемъ: я бы на досугъ васъ раскритиковалъ, а то ничего не дѣлаю» (*). Пушкинъ не раскритиковалъ трагедію, но написалъ разборъ ея, впервые напечатанный по смерти его въ Москвитянинъ, 1842, № 10: онъ очень любопытенъ, какъ образецъ пониманія Пушкинымъ прилпчій и эффектовъ Русской драмы. За разборъ Марфы Посадницы онъ взялся чрезвычайно серьезно и хотѣлъ предпослать ему полную теорію драмы — почти тоже, что предполагалъ онъ сдѣлать для собственнаго Бориса Годунова. Изъ замѣтокъ его, набросанныхъ для будущей статьи, составилаь та статейка о драмѣ, о которой мы уже упоминали. Въ рукописи она кончается словами: «Но передъ нами лежитъ опытъ народной драмы» . . . т. е. Марфа Посадница г. Погодина.

Имя Бориса Годунова напоминаетъ, что въ печатныхъ литературныхъ замѣткахъ Пушкина находятя эти слова. «Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня

(*) Оба отрывка эти извлечены изъ переписки Пушкина съ М. П. Погодинымъ, о которой уже было говорено. Вотъ въ дополненіе къ нимъ (еще третій, гдѣ восторгъ Пушкина, послѣ чтенія Марфы, доходитъ до необыкновенныхъ размѣровъ: «Я было опять къ Вамъ попытался; доѣхалъ до перваго карантинна, но на заставѣ смотритель протурилъ назадъ въ мое Болдино. Какъ быть! Въ утѣшеніе нашель я Ваше письмо и Марфу и прочель ее два раза духомъ. Ура! . . . Я было, признаюсь, боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ — я все-таки при томъ же мнѣніи. Марфа имѣетъ Европейское, высокое достоинство. Я разберу ее какъ можно пространнѣе. Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе. Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его, усѣченій, сокращеній — тма. Но знаете ли? И это бѣда не бѣда. Языку нашему надобно дать воли болѣе. Разумѣтся сообразно съ духомъ его. И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу чѣмъ чопорная маша правильность. Не посылаю вамъ замѣчаній. . . . Покамѣстъ скажу вамъ, что антидраматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто: разговоръ Борейскаго съ Иоанномъ. Иоаншъ не сохраняетъ величія (не въ

озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены уже напечатаны, или искажены въ подражаніяхъ.» Слова эти требуютъ поясненія. Когда писались они осенью въ Болдинѣ, трагедія Пушкина печаталась въ Петербургѣ и вышла въ свѣтъ 1-го Января 1831 года, безъ предисловія, которое замышлялъ онъ присоединить къ ней и даже безъ обозначенія: трагедія ли это, драма или хроника. Заглавный листъ носитъ только имя: Борисъ Годуновъ, и послѣ помѣтки мѣста печатанія, года и типографіи, слова: «Съ дозволенія Начальства.» Борисъ Годуновъ вышелъ при всеобщемъ молчаніи. Общественное мнѣніе, ни къ кому не направляемое, притихло. Лучшій современный разборъ Бориса Годунова, какъ уже мы сказали, въ Телескопѣ 1831 года, принадлежалъ перу стараго противника Пушкина, критика, разбиравшаго Графа Нулина и Полтаву въ Вѣстникѣ Европы и дѣйствительно произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе тѣмъ, что прежній хулитель обратился, съ нѣкоторыми оговорками, въ поклонника его, между тѣмъ, какъ всегдашніе поклонники Пушкина мало по малу отходили отъ него и скрывались*).

Переходимъ къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ:

«Въ замкѣ твоемъ, Литературной газетѣ, пѣсни трубауровъ не умолкнутъ круглый годъ» — пишетъ Пушкинъ другу своему, съ

образъ рѣчи, но въ отношеніи къ предателю). Борецкій (хотя и Новгородецъ) съ нимъ слишкомъ за-панібрата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ съ бояриномъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ... Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогомъ, нѣсколько надуться. Вотъ главная критика моя.... О слогѣ упомяну я вкратцѣ... Для васъ же пришлю я подробную критику надстрочную... Что за прелесть сцена послѣвъ! Какъ вы поняли Русскую дипломатику! А Вѣче? А Посадникъ? А Князь Шуйскій? А Князя удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства Шекспировскаго.»

Кромѣ причины, указанной выше, восторгъ Пушкина еще поясняется и дѣйствіемъ, какое производили на него сочиненія, отличавшіяся живою страстію, нафосомъ. Такова была и трагедія Г. Погодина. Участіе личныхъ отношеній въ сужденіи людей, столь впечатлительныхъ, каковы были вообще Пушкинъ, тоже не должно быть забыто. Отвлеченная критика, почти всегда выпускающая изъ вида это обстоятельство, тѣмъ самымъ и лишена возможности оцѣнить правильно образъ мыслей писателя.

(*). Впрочемъ это относится только къ литературнымъ мнѣніямъ. Матеріальная

чувствомъ гордости указывая на вдохновенную дѣятельность свою въ деревнѣ. И дѣйствительно, въ это время перепробоваль онъ множество разнообразѣйшихъ тоновъ своей лиры. Глядя на изобиліе мотивовъ въ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ къ его осенней Болдинской жизни, на безпрестанную перемѣну метровъ ихъ, на чудные переходы къ самымъ противоположнымъ мыслямъ и настроеніямъ поэтическаго духа, кажется, видишь художника, безгранично предающагося въ уединеніи многосложной импровизаціи своей. Тутъ есть даже аккордъ, напоминающій Альфреда де-Мюссе, какъ напримѣръ, въ неопочтенномъ стихотвореніи «Пажъ или пятнадцатый годъ», названномъ въ посмертномъ изданіи: *Пажъ или 15-ти лѣтній Король*. Затѣмъ являются его пѣсни, исполненныя глубокаго и вмѣстѣ бодратаго чувства, какъ: «*Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье*» (8-го Сентября), «*Разлука: Для береговъ отчизны дальней*», *Разставанье: Въ послѣдній разъ твой образъ милый*» (5-го Октября), «*Мадонна: Не множествомъ картинъ*». Рядомъ съ этими нѣжными, изумительно-чистыми созданіями блистають фантастическіе рисунки, въ которыхъ своевольно запутаны черты народной жизни и фантазіи, стихотворенія: «*Капризъ: Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой*» (1-го Октября), и «*Блѣсъ: Мчатся тучи, вьются тучи*» (7-го Сентября), изъ которыхъ надъ послѣдней Пушкинъ написалъ: «шалость» — замѣтка, не сохраненная посмертнымъ изданіемъ. Въ замѣчательной противоположности съ этими фантастическими созданіями, возвышается картина природы, переданная Пушкинымъ въ пѣснь:

сторона предмета не испытала ущерба. Борися Годуновъ раскупался хорошо — можетъ быть, по причинѣ любопытства, возбужденнаго долгимъ его ожиданіемъ. Почти въ самый мѣсяцъ его выхода, Пушкинъ былъ въ Москвѣ и сказалъ въ одной частной запискѣ: «Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Годуновъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня диковинка!» Черезъ полгода одинъ изъ друзей, заведывавшій его литературными доходами, писалъ Пушкину въ Царское Село (отъ 25 Юля 1831 года), что за Бориса выручено 10000 р. ассигн. Наконецъ мы находимъ въ Литературной газетѣ 1831 г. томъ III № 1, въ смѣси, слѣдующія слова. «Бориса Годунова соч. А. С. Пушкина въ первое утро раскуплено было, по показаніямъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, до 400 экземпляровъ. Это доказываетъ, что непривѣтливые журналисты напрасно винятъ нашу публику за равнодушіе къ истинно-хорошему въ нашей литературѣ, и вообще ко всему отечественному.»

«Осень: Октябрь ужъ наступилъ», написанной вчернѣ тогда же. Евгений Онѣгинъ, неразлучный спутникъ поэта въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и здѣсь не покидаетъ его. 25-го Сентября, какъ уже знаемъ, окончены въ Болдинѣ 4 послѣднія прощальныя строфы VIII главы, между тѣмъ, какъ предшествующія имъ строфы додѣланы, по обыкновенію Пушкина, годъ спустя, въ Октябрь 1831 года и уже въ Царскомъ Селѣ. Въ серединѣ всѣхъ этихъ созданій набросано нѣсколько антологическихъ отрывковъ, какъ будто для пробы своего таланта, но между ними встрѣчается превосходная пьеса: «Трудъ: Мигъ вождельный насталь» и наконецъ въ эту же эпоху появляются совершенно новые, еще неслыханные доселѣ звуки: мы говоримъ о тѣхъ спокойныхъ, поэтическихъ разказахъ, которые въ невозмутимомъ своемъ теченіи открываютъ мысли читателя далекое, необозримое пространство. . . .

Высокій образецъ такихъ разказовъ мы имѣемъ въ стихотвореніи «Странникъ: Однажды странствуя въ долину дикой», принадлежащемъ къ 1833 году. Отъ Болдинскаго пребыванія Пушкина сохранился въ бумагахъ его замѣчательный листокъ. На одной сторонѣ своей онъ носитъ крупныя слова: *Зависть* — (прежнее оглавленіе драмы: Моцартъ и Сальери), а на другой вчернѣ написаны извѣстные стихи, сочиненные Пушкинымъ ночью во время безсонницы, тоже въ Болдинѣ: «*Мнѣ не спится, нѣтъ огня*» (Октябрь). Рядомъ съ этими стихами начинается разказъ:

«Вначалѣ жизни школу помню я,
Тамъ маленькихъ дѣтей насъ было много.
Какъ на грядѣ одной — цвѣтовъ семья,
Росли не ровно мы, за нами строго
Смотрѣла пѣкая жена

Разказъ пропадаетъ здѣсь въ безчисленныхъ помаркахъ, но изъ него вышло то самое повѣствованіе, которое у Пушкина начиналось потомъ уже слѣдующимъ образомъ:

«Вначалѣ жизни школу помню я,
Тамъ насъ дѣтей безпечныхъ было много:
Неравная и рѣзвая семья!

Смирная, одѣтая убого,
Но вѣдомъ величавая жена,
Надъ школою надзоръ хранила строго.

Концъ этого сочиненія утерянъ, или педописанъ, да и вообще оно не получило послѣдней художнической обдѣлки. Это не мѣшаетъ усмотрѣть въ немъ, вмѣстѣ съ глубокими чертами поэзіи, и первый проблескъ того эпическаго настроенія, которое впослѣдствіи развилось у Пушкина и опредѣлило всю поэтическую его дѣятельность, о чемъ мы будемъ еще имѣть случай говорить подробнѣе. Съ 1830 года мысль автора начинаетъ преимущественно выбирать *повѣствованіе* для проявленія своего и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняется величавому, строгому, спокойному изложенію, которое поработаетъ читателя невольно, неудержимо и непрекословно. Таковы стихотворенія: *Полководецъ*, *Онъ между нами жилъ*, *Съ Гомеромъ долго ты бѣдствовалъ одинъ* и проч. и проч. Эпическій тонъ этихъ стихотвореній ясенъ для слуха, наименѣе изощреннаго. Сочетаніе въ одномъ *поэтическомъ* *разказѣ* картинъ поразительнаго величія съ строгою мыслью, положенной въ основаніе ихъ — обличаетъ самые законы, по которымъ могла бы создаться современная эпопея, въ отличіе отъ народной, имѣющей другія требованія и условія. Стремленіе Пушкина къ эпосу, по всей вѣроятности, бессознательное, обнаруживается впервые съ 1830 года и за тѣмъ уже не оставляетъ его до конца поприща, какъ увидимъ.

Стихотвореніе, сейчасъ покинутое нами (*Въ началѣ жизни школу помню я*), напечатано было въ посмертномъ изданіи вмѣстѣ съ другой пьесой подъ общимъ оглавленіемъ: «Подражанія Данту», чего совсѣмъ нѣтъ у Пушкина. Эта вторая пьеса, начинающаяся стихомъ: *«И далъ мы пошли и страхъ обняли меня»* написана, по всѣмъ вѣроятіямъ, позднѣе своей предшественницы, можетъ быть, въ 1832 году. Она останавливаетъ особенно вниманіе наше тѣмъ, что можетъ служить разительнымъ свидѣтельствомъ, какъ артистической способности Пушкина усвоить всѣ формы, такъ и подвижности его таланта. Для простой шутки, какую предполагалъ онъ написать, Пушкинъ избралъ форму Дантовскаго разказа и такъ овладѣлъ ею, что шутка совсѣмъ пропала въ изложеніи. Всякій согласится, что печеный ростовщикъ, лопающійся на огнѣ и испускающій сѣрный запахъ, уже не имѣетъ признаковъ пародіи: онъ ярко освѣщенъ лучами поэзіи. Немного

яснѣе выражается она въ жепѣ съ ея сестрой, выведенныхъ на страшную казнь, даже безъ поясненія ихъ преступленій, но здѣсь опять удивительное описаніе казни ихъ отводитъ глаза и устраняетъ всякое подозрѣніе о первомъ поводѣ стихотворенія. Совѣмъ тѣмъ рукопись свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что все стихотвореніе порождено скорѣе сатирической мыслію, чѣмъ какой либо другою, но въ развитіи своемъ необычайная поэтическая мощь автора, подавила первое намѣреніе и вмѣсто насмѣшки, произвела картину превосходную, исполненную величія и ужаса. Такъ обыкновенно гениальный талантъ измѣняетъ самому себѣ (*).

Мы уже видѣли прежде, что всякій незначительный въ самомъ себѣ случай, всякое явленіе жизни будили творческой духъ Пушкина и доставляли матеріалъ для его вдохновенія. Вотъ еще примѣръ. На рукописи извѣстнаго стихотворенія: «*Стамбуль: Гяуры нынѣ славятъ*» названнаго, Богъ знаетъ по какимъ причинамъ, въ посмертномъ изданіи: «*Началомъ поэмы*» мы находимъ слова: «17 Октября 1830 года, *передъ раз. ст.*» которыя должно, кажется, читать: «передъ разбитой статуей.» Стихотвореніе это въ исправленномъ видѣ помѣщено авторомъ гораздо позднѣе, въ его Путешествіи въ Арзрумъ—и читатель можетъ смичить въ нашемъ изданіи первую мысль пьесы съ послѣдней отдѣлкой ея. Сближенія подобнаго рода весьма поучительны. Изъ нѣсколькихъ такихъ образцовъ, собранныхъ нами въ изданіи, внимательный изслѣдователь можетъ извлечь предметъ для эстетическихъ соображеній и для статьи о законахъ, какіе художникъ долженъ полагать самому себѣ. Та же самая артистическая способность останавливаться на одной чертѣ, принимать и развивать ее по-своему, не оставляла Пушкина и въ чтеніи. Одинъ стихъ писателя, одна мысль его, порождали стихотвореніе, ко-

(*) Посмертное изданіе напечатало эту превосходную пьесу небрежно, съ однимъ неконченнымъ стихомъ въ третьемъ терцетѣ: «жиръ должниковъ сосаль сей злой. . . .» пропущено слово *старикъ*, отчего терцетъ лишился рѣзны, а стихъ мѣры. См. Томъ IX, стр. 175. Въ рукописи пьеса раздѣлена на два стихотворенія. Второе начинается со стиха: «*Тогда я демоновъ увидѣлъ черныхъ рой.*»

торое въ дальнѣйшемъ ходѣ покидаетъ обыкновенно подлинникъ и къ концу уже не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Въмѣстѣ съ Кольриджемъ, Уордсворсомъ, Пушкинъ читалъ въ деревнѣ поэта Берри Корнуоля (псевдонимъ Г. Уаллера, проктора). Онъ остановился на начальныхъ стихахъ двухъ его стихотвореній и создалъ двѣ извѣстныя пьесы: «*Пью за здравіе Мери*» (*Here's a health to thee, Mary*) и «*Я здѣсь Инезилья*» (*Inesilla! I am here*). Первая сохраняетъ тонъ подлинника до конца, хотя и разнится въ содержаніи, но во второй сбереженъ только начальный стихъ его и сама она кажется художнической поправкой его. Подобныя творческія созданія Пушкинъ обыкновенно называлъ своими подражаніями (*). Даже въ раннюю эпоху дѣятельности, въ 1820 - 23 г., мы видимъ совершенно одинаковыя отношенія Пушкина къ Андрею Шенье. За исключеніемъ двухъ, чисто переводныхъ пьесъ, остальные подражанія его Французскому поэту имѣютъ тотъ же характеръ. Одинъ стихъ изъ элегіи послѣдняго: *Tel j'étais autrefois et tel je suis encor*, раждаетъ стихотвореніе: «*Каковъ я прежде былъ,*

(*) Въ подтвержденіе нашихъ словъ, рѣшаемся привести изъ сборника Англійскихъ поэтовъ, выпедшаго въ Парижѣ, о которомъ уже говорили, самую пьесу Корнуоля: «*Серенада*» (стр., 177 и 178). Вотъ ея подстрочный переводъ:

СЕРЕНАДА.

«Инезилья, я здѣсь! Внизу твоего рѣшетчатого окна поетъ кавалеръ твой; что же ты медлишь?»

«Много миль проскакалъ онъ, чтобъ видѣть твою улыбку. Юный свѣтъ дня уже блеститъ на цвѣтахъ, но кавалеръ твой ропщетъ.

«Что ему утренняя звѣзда, когда нѣтъ любви его? Что ему благоуханіе цвѣтовъ, когда горитъ его сердце?»

«Милая дѣва! зачѣмъ скрываешься ты? Красота обязана показываться ранѣ очей утра и не заботиться о своемъ нарядѣ.

«Теперь, когда всѣ звѣздные блестящіе духи ждутъ появленія твоего, чтобъ отъ тебя занять блеска, зачѣмъ медлишь ты?»

Переводъ этотъ достаточно показываетъ нѣкоторую ухищренность манеры, что происходило вообще у Корнуоля отъ старанія какъ можно ближе держаться образцовъ Шекспировой школы, но у послѣднихъ она являлась, какъ результатъ обилія страсти и обилія мыслей. Пушкинъ поступилъ иначе съ Серенадой и тѣмъ охотнѣе выписываемъ мы здѣсь стихотвореніе его, что, извѣстное всѣмъ на память, оно пропущено было послмертнымъ изданіемъ его сочиненій:

таковъ и нѣтъ я», которое едва - едва напоминаетъ содержаніе подлинника. Въ другой разъ Пушкинъ отымаетъ изъ довольно длинной элегіи Шенье одинъ только стихъ: *Et des noms caressants la mollesse enfantine* (и ласковыхъ именъ младенческая нѣжность), и созидаетъ на немъ легкій, граціозный образъ (см. стихотвореніе «Доридъ»). Въ эпоху мужества и крѣпости таланта, подражанія Пушкина значительно расширяютъ образы и мысли подлинника; таково его подражаніе сонету Франческо Джіани: «*Sopra Giuda*» извѣстное подъ названіемъ: Подражаніе Итальянскому: (*Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ*). Картина Пушкина пріобрѣтаетъ энергію, которая затмѣваетъ превосходный образецъ, лежавшій передъ нимъ. Заключительные стихи Итальянскаго поэта исполнены силы и красокъ:

Poi fra le braccia si reco quel tristo,
E con la bocca fumigante e nera
Gli rese il bacio, che avea dato a Cristo.

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь подъ окномъ!

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется ли старый --
Мечомъ уложу.

Шелковыя петли
Къ окошку привѣсь ...
Что жъ медлишь? ... Ужъ нѣтъ ли
Соперника здѣсь?

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

(«И принявъ несчастнаго въ свои объятія, дымящимися, черными устами онъ (Сатана) возвратилъ ему поцѣлуй, данный имъ Христу»).

Пушкинъ воспроизвелъ картину художника такъ:

«И Сатана, привставъ, съ веселиемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ на сквозъ прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшій Христа.»

Ничего не можемъ сказать объ антологическихъ его подражанійхъ, по незнанію Греческаго языка и самихъ переводовъ, съ которыхъ они взяты Пушкинымъ; по между ними есть пьеса: «*Кобылица молодая*», принадлежащая, кажется, къ тому же отдѣлу творческихъ передѣлокъ, о которыхъ говоримъ. Характеры самобытныхъ произведеній носятъ и пьеса: «*Не пльняйся бранной славой*», взятая съ Арабскаго, и подражанія Пушкина Корану. Полный образецъ какъ способа передѣлки, такъ и геніальныхъ добавленій подлинника, представляютъ знаменитыя его подражанія, извѣстныя подъ именемъ: *Пѣсни Западныхъ Славянъ*, но объ нихъ мы будемъ говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Здѣсь кончаемъ описаніе дѣятельности нашего поэта осенью

Пушкинъ до послѣдняго времени сохранялъ особенное расположеніе къ Вагу Cornwall, вѣроятно, столько же за энергію его произведеній, сколько и за его подражанія стилю и приемамъ старыхъ драматурговъ Англій. За два дня до трагической смерти своей, въ полномъ спокойствіи духа, онъ писалъ къ А. О. Ишимовой, сочинительницѣ извѣстной «Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей.» «Мнѣ хотѣлось бы познакомиться публику съ произведеніями Вагу Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ Вамъ его книгу». Наканунѣ своей смерти, онъ посылаетъ самую книгу А. О. Ишимовой и въ томъ же самомъ состояніи духа, помышляя о своемъ журналѣ, пишетъ къ ней: «Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе. Покаместъ честь имѣю препроводить къ Вамъ Вагу Cornwall. Вы найдете въ концѣ книги пьесы, отмѣченныя карандашемъ, переведите ихъ, какъ умѣете—увѣряю васъ, что переведете, какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу Исторію въ разсказахъ и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать.» Исполняя завѣщаніе поэта, А. О. Ишимова, перевела пять драматическихъ очерковъ Корнуоля, вѣроятно тѣхъ самыхъ, которые были отмѣчены Пушкинымъ. Они помѣщены, вмѣстѣ съ небольшимъ вступленіемъ Англійскихъ издателей Корнуоля, въ Современникъ 1837, томъ 3, когда Современникъ издавался уже друзьями покойнаго нашего поэта.

1830 года въ Болдинѣ. Картина требовала бы и заслуживала большаго развитія. Какъ будто передъ началомъ строгаго эпическаго направленія, Пушкинъ въ послѣдній разъ отдался, въ уединеніи своей деревни, всему упоенію творчества, безъ цѣли и преднамѣреннаго плана. Трехмѣсячное пребываніе его въ Болдинѣ остается памятникомъ артистической импровизаціи, безграничнаго наслажденія своимъ талантомъ, гибкости, многосторонности и неистощимости средствъ его.

Наконецъ, только въ Декабрѣ мѣсяцѣ Пушкинъ успѣлъ пробраться въ Москву со свидѣтельствомъ для залога въ Опекунскомъ Совѣтѣ части имѣнія, выдѣленнаго ему въ Болдинѣ Сергѣемъ Львовичемъ. Новый 1831 годъ засталъ его въ приготовленіяхъ къ женитьбѣ, но за мѣсяцъ до свадьбы онъ получилъ неожиданное извѣстіе о смерти Дельвига, скончавшагося 14 Января 1831 года. Трогательное письмо его по этому случаю къ П. А. Плетневу сообщено въ Современникѣ 1838 года (томъ ix, стр. 63, статья: Александръ Пушкинъ) «21 Января 1831 года, Москва. «Что скажу тебѣ, мой милый! Ужасное извѣстіе получилъ я въ Воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову (*) объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подѣ коонецъ былъ мнѣ чуждъ: я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ Русскій; но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ: сколько насъ? Ты, я, Б — й — вотъ и всѣ. Вчера провелъ я день съ Н*, который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ и этотъ эпитетъ былъ столько же страннымъ, какъ и страшнымъ. Нечего дѣлать! Согласимся: покойникъ Дельвигъ — быть такъ: Б — й боленъ съ огорченія. Мнѣ не такъ то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ и постараемся быть живы.»

(*) М. А. Салтыковъ — тестъ Барона А. А. Дельвига.

Письмо это, какъ видно, оканчивается характеристической чертой. Какая то особенная бодрость духа не покидала Пушкина въ минуты самыхъ тяжелыхъ ударовъ. Она не измѣнила ему и въ мукахъ смертнаго одра, какъ извѣстно, и всегда находила истокъ болѣзненному чувству, возбраняя жалобу, уныніе и нравственную слабость. Черезъ мѣсяць съ небольшимъ, именно 31 Генваря, Пушкинъ писалъ, вѣроятно къ тому же лицу, слѣдующія строки, уже отличающіяся тихой грустію: «Я зналъ его (Дельвига) въ Лицеѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ, *что душу волнуетъ, что сердце томитъ*. Жизнь его богата не романтическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами. . . .» Въ третьемъ письмѣ по поводу Дельвига, отъ 24 Февраля, чувство Пушкина перераждается уже въ воспоминаніе: «Я женатъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился. Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія.»

Пушкинъ былъ обвинчанъ съ Н. Н. Гончаровой Февраля 18 дня 1831 года, въ Москвѣ, въ церкви Стараго Вознесенья, въ Среду. День его рожденія былъ тоже, какъ извѣстно, въ самый праздникъ Вознесенья Господня. Обстоятельство это онъ не приписывалъ одной случайности. Важнѣйшія событія его жизни, по собственному его признанію, всѣ совпадали съ днемъ Вознесенья. Незадолго до своей смерти, онъ задумчиво рассказывалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей и передалъ ему твердое свое намѣреніе выстроить, современемъ, въ селѣ Михайловскомъ, церковь во имя Вознесенія Господня. Упомянувъ о таинственной связи всей своей жизни съ однимъ великимъ днемъ духовнаго торжества, онъ прибавилъ: «Ты понимаешь, что все это произошло недаромъ и не можетъ быть дѣломъ одного случая.» Въ концѣ своей жизни Пушкинъ былъ проникнутъ весьма живымъ и теплымъ религіознымъ чувствомъ.

Новобрачные жили еще въ Москвѣ до весны, но послѣ Свя-

той недѣли выѣхали въ Петербургъ. Пушкинъ остановился, по обыкновенію, въ Демутовомъ трактирѣ. Довольно долгое время употребилъ онъ на выборъ и пріисканіе себѣ дачи. Не желая тратить денегъ на временный наемъ квартиры въ городѣ, онъ переѣхалъ съ супругой своей въ Царское Село прямо изъ Демутова трактира и поселился тамъ на все лѣто. 26 Марта онъ уже писалъ оттуда въ Петербургъ къ П. А. Плетневу: «Мысль благословенная! Лѣто и осень такимъ образомъ я проведу въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и *тому подобныхъ удобностей*; съ тобою буду видѣться всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также. Петербургъ подъ бокомъ. Жизнь дешевая; экипажа ненадобно. Чего лучше?» Жуковскій вскорѣ, однакожъ, самъ прибылъ въ Царское Село. Развитіе повѣтрія въ столицѣ вслѣдъ затѣмъ затруднило сношенія съ городомъ. Пушкинъ предоставленъ былъ небольшому обществу друзей, великолѣпнымъ садамъ дворца, молодой семейной жизни и уединенію. Онъ чувствовалъ себя довольнымъ, хотя письма его отъ этого времени носятъ слѣды мысли, сильно занятой устройствомъ своихъ дѣлъ и будущности. Новыя тяжелыя обязанности лежали на немъ, да и наступила та пора расчета съ прошлой жизнью, поправокъ ся промаховъ и увлеченій, которая рано или поздно наступаетъ для всякаго. Онъ начиналъ ликвидацію своихъ молодыхъ годовъ и притомъ съ безпокойствомъ и часто съ неопытностію, которая, по временамъ, выражалась весьма простодушно. Для залога своего имѣнія, что препоручено было, вмѣстѣ со многими другими дѣлами, одному изъ самыхъ близкихъ ему людей въ Москвѣ, онъ не могъ составить довѣренности и писалъ: «До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не съумѣю. Перешли поскорѣ.» По совершеніи залога и полученіи 40,000 р. асс. онъ пишетъ къ тому же лицу: «Да растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ платятъ въ ломбардъ? Самому ли мнѣ пріѣхать? Довѣренность ли кому прислать? Или но почтѣ отослать деньги?» Любопытны его замѣтки о мелкихъ подробностяхъ домашней жизни, которыя такъ близко выводятъ людей передъ глаза наши: «Теперь кажется все уладилъ и буду жить

потихоньку безъ экипажа, слѣдовательно безъ большихъ расходовъ Прощай, пиши и неслишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: если я теряю друга, то ѣду въ клубъ и беру себѣ другаго. Мы съ женой тебѣ всякій день поминаемъ. Она тебѣ кланяется. Мы ни съ кѣмъ еще незнакомы, и она очень по тебѣ скучаетъ. 1 Юня.» «Жду дороговизны, прибавляетъ онъ въ другомъ письмѣ, и скупость наслѣдственная и благопріобрѣтенная во мнѣ тревожится.» «Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской: на силу до насъ и вѣсти доходятъ.» — «Холера прижала насъ и въ Царскомъ Селѣ оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все таки уходятъ.» — и проч. (*). Не малую сумму заботъ и безпокойства доставляли ему Московскіе его кредиторы, о которыхъ онъ безпрестанно сносится съ тѣмъ же лицомъ, принявшимъ на себя трудъ устройства его дѣлъ: имъ посвящена и добрая часть всей его переписки изъ Ц. Села.

Въ Юль мѣсяцѣ, однако же, онъ извѣщаетъ своего Московскаго корреспондента, что ему дозволенъ входъ въ Государственные архивы для собиранія матеріаловъ къ исторіи Петра Великаго, прибавляя: «нынче осенью займусь литературою, а зимой зарююсь въ архивы»; а въ Сентябрѣ мѣсяцѣ сообщаетъ ему извѣстіе о

(*) Очень забавенъ шуточныйъ рассказъ Пушкина о хозяйственныхъ дѣлахъ своихъ. «У меня, слава Богу, все тихо, жена здорова . . . Дома произошла у меня перемена управленія. Бюджетъ Алекс. Григорьевича оказался ошибоченъ — я потребовалъ отчетовъ; засѣданіе было столь же бурное, какъ и то, въ коемъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевичъ; въ слѣдствіе сего Алекс. Григорьевичъ сдалъ управленіе Василью (за конемъ блохи другаго рода). Въ тотъ же день поварь мой явился съ требованіемъ отставки; сего управляющаго хотять отъдать въ солдаты и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву — вѣроятно явится къ тебѣ. Отсутствіе его мнѣ будетъ ощутительно, но можетъ быть все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать, что Алекс. Григорьевичъ, при отставкѣ, получилъ отъ меня въ родѣ аттестата плюху, за что онъ было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ, но это обратилось ему же во вредъ, ибо лавочники, провѣдавъ обо всемъ, засадили было его въ тюрьму, отъ коей по своему великодушію избавилъ я его . . . Мои дѣла идутъ по-маленьку, печатаю incognito мои повѣсти (*); первый экземпляръ перешлю тебѣ. Прощай, душа. Да не забудь о ломбардѣ пораспросить. 3-го Сентября»

(*) Повѣсти Бѣлкина.

своемъ опредѣленіи на службу. 14-го Ноября 1831 года, онъ дѣйствительно зачисленъ былъ снова на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, по съ особенною Высочайшею милостію — жалованьемъ по пяти тысячъ рублей ассиг. въ годъ, которая была предтечей многочисленныхъ щедротъ и благодѣяній, излившихся потомъ какъ на самого поэта, такъ и на все семейство его.

Но жизнь въ Царскомъ Селѣ не могла пройти у Пушкина безъ минутъ, отданныхъ вдохновенію, не смотря на преимущественныя занятія по устройству своей будущности, не смотря на силу первыхъ наслажденій семейной жизни, которая, можетъ статья, и была причиной сравнительно меньшей литературной его дѣятельности въ этотъ годъ. Въ виду смущенной Европы и укрощенія Польскаго мятежа въ предѣлахъ самой Имперіи, Пушкинъ возвысилъ патріотическій голосъ, исполненный энергіи. Съ Державина Россія не слыхала столь мощныхъ звуковъ. 5-го Августа написано было въ Царскомъ Селѣ стихотвореніе: *«Клеветникамъ Россіи»* за которымъ вскорѣ послѣдовала: *«Бородинская Годовщина»* (*). Съ вершины патріотическаго одушевленія, онъ сошелъ къ безразличному свосму труду — Евгению Онѣгину и 5-го Октября написалъ извѣстное письмо Онѣгина къ Татьянѣ, уже блестящей свѣтской женщиной.

(*) Оба эти стихотворенія, вмѣстѣ съ патріотической пьесой Жуковскаго: *«Русская Слава»* напечатаны были тогда же отдѣльной книжкой, подъ названіемъ: *«На взятіе Варшавы, три стихотворенія В. Жуковскаго и А. Пушкина. С-Петербургъ. 1831 года.»* Пушкинъ гораздо позднѣе, въ 1836 году, выразилъ во Французскомъ письмѣ (отъ 10 Ноября) къ Князю Н. Б. Голицыну (переводчику по Французски Чернеца Бозлова и пьесы: *Клеветникамъ Россіи*), чувства, одушевлявшія его во время созданія самаго стихотворенія: *Merci mille fois, говоритъ онъ, cher Prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers, lancée contre les ennemis de notre pays... Quene traduisites-vous pas cette pièce en temps opportun? Je l'aurais fait passer en France pour donner sur le nez à tous ces vociférateurs de la Chambre des députés.* (Тысячу разъ благодарю васъ, любезный Князь, за вашъ несравненный переводъ моей пьесы, устремленный на враговъ нашей земли.... Зачѣмъ не перевели вы ее во время — я бы тогда переслалъ ее во Францію, какъ урокъ всѣмъ этимъ крикунамъ Палаты. .) Въ концѣ письма, Пушкинъ дѣлаетъ замѣчаніе о трудности, предстоящей переводчику Русскихъ стиховъ по-Французски: *«A mon avis rien n'est plus difficile que de traduire de vers russes en vers francais, car vù la concission de notre*

Предвижу все — васъ оскорбить

Печальной тайны объясненье и проч.

Наконецъ въ это же время, по какому-то дружелюбному со-
стязанію, Пушкинъ и Жуковскій согласились написать каждый
по Русской сказкѣ. Кому принадлежитъ первая мысль этого по-
этического турнира, мы можемъ только догадываться. Пушкинъ
уже ознакомился съ міромъ народныхъ сказаній, какъ было го-
ворено, и много думалъ объ немъ про себя. Онъ владѣлъ уже
значительной коллекціей народныхъ песенъ, переданныхъ имъ
И. В. Кирѣевскому, но до сихъ поръ приступалъ къ этому но-
вому источнику творчества только урывками, какъ на-примѣръ
въ стихотвореніяхъ: Женихъ, Утопленникъ, Бѣсы. Первая пол-
ная Русская сказка, написанная имъ «Сказка о Царѣ Салтанѣ»
тотчасъ выказала давнишнее знакомство его съ народной рѣчью
и поразила многихъ развязностью, такъ сказать, своихъ пріемовъ,
подмѣченныхъ у народа. Со всѣмъ тѣмъ это была только мастерская
поддѣлка. Насмѣшливое выраженіе, которое постоянно проглядыва-
етъ на физиономіи самого сказочника, проницательная беззаботность,
съ какой кладетъ онъ чудеса на чудеса, скорѣе свидѣтельство-
вали о гибкости авторскаго таланта, чѣмъ выражали настоящій
духъ народной сказки. Одинъ стихъ былъ чисто и неподдѣльно
Русскій. Послѣ сказки о Салтанѣ, Пушкинъ, особенно замѣчав-
шій и любившій юморстическую сторону народныхъ разсказовъ,
написалъ сказку «О Купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ»
которая такъ смѣшила В. А. Жуковскаго и друзей его (*). Можетъ

langue, on ne peut jamais être assez bref. («По моему мнѣнію чрезвычайно
трудно переложить Русскіе стихи на Французскіе. Языкъ нашъ сжатъ и кратко-
сти его выраженія достигъ мудрено»). Переводъ Кн. Голицына напечатанъ въ
Москвѣ въ 1839 г.

(*) Вообще пребываніе поэта въ Царскомъ Селѣ было цѣлью дружескихъ
веселыхъ бесѣдъ, въ которыхъ царствовало постоянно одинаковое, равное состо-
яніе духа. Случалось, что В. А. Жуковскій спрашивалъ въ этомъ кругу совѣта,
не разсердиться ли ему на то или на другое обстоятельство. Пушкинъ почти
всегда отвѣчалъ одно: испремѣнно разсердиться, но ни самъ онъ, ни искавшій
его совѣта не слѣдовали приговору. Пушкинъ былъ любезенъ, дубродушенъ и
радовался всякому счастливому слову отъ души. Такъ онъ пришелъ въ восторгъ
отъ замѣчанія одной, весьма умной его собесѣдницы, что стихъ въ пьесѣ: *Подъ-
лзжала подъ Изжоры* какъ будто въ самомъ дѣлѣ *ѣдетъ подбогемля* и проч.

быть ловкость Пушкина въ переимкѣ народнаго жеста и ухватки правилась ему: онъ написалъ въ духѣ первой своей сказки еще: «О Мертвой Царевнѣ», «О Золотомъ Пѣтушкѣ»; но въ 1833 году создалъ сказку «*О Рыбакѣ и Рыбкѣ*», гдѣ уже нашель рѣчь до того безыскусственную, что трудно замѣтить въ ней малѣйшій признакъ сочинительства и рассказъ до того простой и добродушный, что нѣтъ въ немъ и тѣни подозрѣнія о собственномъ достоинствѣ, и ни тѣни щегольства самимъ собою. Нельзя не подивиться этой мастерской стихотворной передачѣ, не имѣющей почти ни размѣра, ни версификаціи и сохраняющей одинъ только свободный ритмъ народнаго языка, съ его созвучіями и оборотами. Но первая сказка еще далеко не походила на послѣднюю, хотя можетъ быть произвела болѣе восторга въ публикѣ. За ней послѣдовали безчисленныя подражанія. Иначе было съ двумя произведеніями Жуковскаго. Его «Спящая Царевна» и «Берендей» не произвели впечатлѣнія, какое слѣдовало бы ожидать отъ ихъ прекрасныхъ, гармоническихъ стиховъ. Причина понятна. Они совершенно покинули мѣстный, сказочный колоритъ и скорѣе принадлежали Германской легендѣ и романтической поэзіи, чѣмъ Русскому міру. Между прочимъ, сказка о Берендеѣ взята Жуковскимъ изъ рассказовъ Арины Родіоновны, вѣроятно, переданныхъ ему Пушкинымъ. Въ дополненіе можно сказать, что «Салтанъ» Пушкина породилъ особенное впечатлѣніе въ кругу литераторовъ, мечтавшихъ о народной поэзіи изъ кабинета, и писателей, преимущественно занимавшихся изученіемъ иностранныхъ словесностей. Въ «Салтанѣ» находили они зародышъ новаго періода въ литературѣ, возможность новаго въ ней направленія. Много толковъ, шума и споровъ произвела между ними первая сказка Пушкина. Памятикомъ живаго участія, возбужденнаго ею, осталось неизданное посланіе Н. И. Гнѣдича къ Пушкину. Авторъ известной Русской Идилліи: «Рыбаки» былъ однимъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ новаго произведенія. Онъ послалъ къ Пушкину стихи, съ надписью: «Пушкину по прочтеніи сказки про Царя Салтана» которые мы здѣсь и выписываемъ: .

Пушкинъ, Протей

Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопвнй!

Уши закрой отъ похвалъ и сравненй

Добрыхъ друзей!

Пой, какъ поешь ты, родной соловей!

Байрона генй, иль Гете, Шекспира —

Генй ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ;

Ты же, постигнувшй тайнства Русскаго духа и міра,

Ты нашъ Баянъ!

Небомъ роднымъ вдохновенный,

Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный!

Такъ высоко цѣнился первый опытъ Пушкина въ народной поэзій.

Въ Октябрѣ и именно 22-го числа, Пушкинъ покинулъ Царское-Село и переѣхалъ въ Петербургъ (*). «Вотъ я въ Петербургъ, гдѣ былъ принужденъ перемѣнить нанятый домъ, увѣдомляеть онъ Московскаго своего корреспондента, пиши мнѣ: на Галерной, въ домъ Брискорнъ. Все это очень измѣнить мой образъ жизни и обо всемъ надо подумать. Не знаю, не затѣю ли чего нибудь литературнаго, журнальнаго альбома или тому подобнаго: лѣнь! Кстати, я издаю Сѣверные Цвѣты для братьевъ покойнаго

(*) Пушкинъ часто перемѣнялъ квартиры. Въ Царскомъ-Селѣ жилъ онъ въ домѣ Китаева. По прїездѣ въ Петербургъ, онъ съѣхалъ съ квартиры почти тотчасъ же какъ нанялъ (она была слишкомъ высока), и поселился въ Галерной въ домъ Брискорнъ. Въ 1832 году онъ жилъ на Фурштатской, у Таврическаго Дворца, въ домѣ Алымова, гдѣ его нашло посланіе Графа Хвостова, подъ заглавемъ Соловей въ Таврическомъ Саду, изъ котораго выписываемъ послѣдній куплетъ:

Любитель Музъ съ зарею Майской

Спѣши къ источникамъ ключей;

Ступай подслушать на Фурштатской,

Поеть гдѣ Пушкинъ соловей.

Пѣсенка положена была и на музыку. Пушкинъ отвѣчалъ на нее учтивымъ письмомъ въ прозѣ (см. стих. Гр. Хвостова томъ 7, при. 151). Оттуда онъ переехалъ въ Октябрѣ 1832 въ Морскую, въ домъ Жадимировскаго. Въ 1833 и 34 онъ жилъ на Дворцовой Набережной въ домѣ Балашовой, у Прачечнаго моста; въ 1834 же — у Лѣтняго Сада, въ домѣ Оливьера; въ 1836 у Гагаринской пристани, въ домѣ Баташева и въ 1836 же у Пѣвческаго моста, въ домѣ Болонской, гдѣ и умеръ.

Дельвига — заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонь твоимъ: обнимаю тебя отъ сердца.»

Вскорѣ за письмомъ этимъ, но уже приготовивъ альманахъ «Сѣверные Цвѣты» къ печатанію (альманахъ, семь лѣтъ пользовавшійся живымъ, неослабнымъ вниманіемъ публики и въ продолженіе этого времени помѣстившій до 56 стихотвореній нашего поэта), Пушкинъ наскоро уѣхалъ въ Москву, куда призывали его дѣла, никакъ не укладывавшіяся въ должный порядокъ. Онъ пробылъ тамъ недолго, и къ 1-му Генваря 1832 года былъ уже снова въ Петербургъ, откуда 5-го числа увѣдомлялъ о своемъ пріѣздѣ П. В. Н — а, которому вообще отдавалъ подробный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и помыслахъ. Переписка Пушкина съ нимъ между прочимъ открываетъ, такъ сказать, обратную сторону жизни, иногда столь живой и блестящей съ виду. «Да сдѣлай одолженіе, прибавляетъ Пушкинъ въ концѣ своей записки 1832 г., перешли мнѣ Опекунскій билетъ, который я оставилъ въ секретномъ твоемъ комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь, и ее перешли. Ты ихъ счастьемъ не вѣруешь, а я вѣрую.» Прибавимъ къ этой простодушной и весьма живой чертѣ, что другъ Пушкина, не вѣровавшій счастьемъ серебряной копѣечки, вѣрилъ въ оберегательную силу колець. Незадолго до смерти поэта, онъ заказалъ для него золотое кольцо съ бирюзой, которое долженствовало предохранить его отъ внезапной бѣды и просилъ носить, не скидывая. Пушкинъ повиновался, и перстень былъ снятъ уже съ мертвой руки его К. К. Д — мъ, какъ дорогой и незамѣнимый памятникъ о товарищѣ и человѣкѣ.

Мы видѣли, что 1831 годъ ознаменованъ былъ появленіемъ Бориса Годунова и повѣстей Бѣлкина. Слѣдующій за тѣмъ годъ принесъ послѣднюю VIII главу Онѣгина. Романъ былъ конченъ, и хотя полное изданіе его уже относится къ 1833, но мы здѣсь остановимся, чтобъ обозрѣть, по черновымъ рукописямъ поэта, исторію его созданія. Читатель, слѣдившій вмѣстѣ съ нами за отдѣльнымъ появленіемъ каждой главы, найдетъ дополнительныя свѣдѣнія въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ роману. Тамъ собраны варианты различныхъ редакцій его и всѣ указанія, нужныя

для опредѣленія вида и времени измѣненій, полученныхъ имъ. Здѣсь будемъ говорить только о способѣ, какимъ онъ созидался.

Тройное значеніе романа, какъ художественнаго произведенія, какъ картины нравовъ нашихъ и какъ взгляда на предметы самого автора — дѣлаетъ его, по истинѣ, драгоценнымъ достояніемъ литературы. Въ 1833 году публика имѣла его вполнѣ и могла любоваться всѣмъ ходомъ его, весьма строго разсчитаннымъ, не смотря на одну пропущенную главу и на манеру писать строфы въ-разбивку. Во все продолженіе труда нашего слѣдили мы за романомъ по первымъ чертамъ измаранныхъ и перекрещенныхъ рукошисей Пушкина и сколько находили мыслей, еще въ жесткой формѣ, еще въ дикой энергіи начального замысла, разбитой и смягченной потомъ искусствомъ, и сколько, на-оборотъ, видѣли легкихъ, едва внятныхъ намековъ, получившихъ затѣмъ содержаніе и сильный ударъ кисти, обратившій ихъ въ крупныя, поэтическія черты. Немалое количество отдѣльныхъ мыслей разбросано было Пушкинымъ въ теченіе своего разсказа и не поднято имъ: они остаются въ тетрадахъ его, какъ быстрые, неопредѣленные этюды художника, и романъ указываетъ на мѣста, имъ назначенныя, только Римскими цифрами. (Въ числѣ послѣднихъ есть, какъ было сказано, и такія, которыя выражаютъ одно намѣреніе автора, мысль, оставшуюся безъ исполненія). Довольно странное дѣйствіе производятъ однакожь эти покинутыя строфы Пушкина. Ни на чемъ нельзя остановиться въ нихъ, хотя въ каждой чувствуется зародышъ превосходнаго стихотворенія. Въ первой главѣ романа выпущены строфы XIII и XIV; они относились къ Онѣгину и набросаны были такъ (точки замѣняютъ у насъ вездѣ стихи, не разобранные нами или недописанные авторомъ):

XIII.

Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взоръ,
И съ нею скромной и смущенной
Начать, краснѣя, разговоръ.

.....

Такъ хищный волкъ, томясь отъ глада,
 Выходитъ изъ глуши лѣсовъ
 И рыщетъ близъ безпечныхъ псовъ,
 Вокругъ неопытнаго стада.

.....

XIV.

Насъ пыль сердечный рано мучить,
 Какъ говорить Шатобріанъ.
 Не женщины любви насъ учать,
 А первый пакостный романъ.
 Мы алчны жизнь узнать заранъ,
 И узнаемъ ее въ романъ:

.....

Уйдетъ горячность молодая,
 Лѣта пройдутъ, а между тѣмъ,
 Прелестный опытъ упреждая,
 Не насладились мы ничѣмъ.

Все это недоделано и было брошено, можетъ быть, самимъ по-
 этомъ, какъ не заслуживающее обдѣлки, но онъ сберегъ воспомина-
 ніе о первой своей мысли въ Римскихъ цифрахъ, обозначающихъ
 пропускъ ее въ самой главѣ. Почти вслѣдъ за тѣмъ находимъ
 мы тамъ же примѣръ, какъ растянутое мѣсто рукописи обраща-
 лось, при поправкѣ, въ легкую черту. Въ строфѣ xxv мы читаемъ:

Быть можно дѣльнымъ человекомъ
 И думать о красѣ ногтей;
 Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ;
 Обычай — деспотъ межъ людей.

Но въ рукописи это мѣсто еще очень слабо и растянуто:

По всей Европѣ въ наше время,
 Между воспитанныхъ людей,
 Не почитается за бремя
 Отдѣлка нѣжная ногтей;
 И нынче воинъ, и придворный,
 И журналистъ задорный,
 Поэтъ и сладкій дипломатъ
 Готовы

Пушкинъ не дописалъ стиха и самой строфы, почувствовавъ готчасъ же недостатокъ содержанія въ нихъ, но подобныхъ мѣстъ, совершенно измѣненныхъ послѣдующей отдѣлкой, много находится въ рукописяхъ его (*).

Со второй главы начинается портретъ Ленскаго. Не смотря на легкій оттѣнокъ насмѣшливости, съ какимъ авторъ иногда говоритъ о молодомъ восторженномъ поэтѣ, но видно, что Пушкинъ любилъ своего Ленскаго и притомъ любовью чловѣка, уважающаго высокое нравственное достоинство въ другомъ. Иногда кажется, будто Пушкинъ ставитъ Ленскаго неизмѣримо выше настоящаго героя романа и всѣ странности перваго, какъ и всѣ его заблужденія, считаетъ почтеннѣе, такъ называемыхъ, истинъ Онѣгипа. Покрайней мѣрѣ въ едва набросанныхъ и недодѣланныхъ строфахъ, онъ обращается къ Ленскому съ жаркимъ выраженіемъ любви и удивленія. Черта, въ нравственномъ отношеніи, замѣчательная и которой біографія пренебречь не можетъ. Мы знаемъ почти все, что Пушкинъ отдалъ свѣту по расчету и своимъ соображеніямъ и мало знаемъ, что думалъ онъ про себя. Такъ въ 7-й строфѣ 2 главы, вмѣсто нынѣшнихъ послѣднихъ стиховъ ея, рукопись сохраняетъ еще слѣдующіе:

И міра новый блескъ и шумъ
 Обворожили юный умъ.
 Онъ вѣдалъ трудъ и вдохновенье
 И освѣжительный покой.
 Къ чему то жизни молодой
 Незьяяснимое влеченье
 Страстей кипящихъ ниръ
 И бури ихъ, и сладкій міръ.

Но особенно проявляется сочувствіе Пушкина къ Ленскому въ 10 строфѣ, посвященной его поэтическому таланту. Вся эта сжатая и отчасти ироническая строфа въ печати, отличается, на оборотъ, многословіемъ и лирическимъ характеромъ въ рукописи:

(*) Кстати замѣтить, что строфы IX, XXXIX, XL, XLI первой главы, процуценныя въ печати, кажется, совсѣмъ не были написаны поэтомъ; покрайней мѣрѣ ихъ нѣтъ въ черновой рукописи.

Не пѣлъ порочный онъ забавы,
 Не пѣлъ презрительныхъ цирцей:
 Онъ оскорблять гнушался нравы
 Прелестной шпроу своей.
 Поклонникъ истиннаго счастья,
 Не славиль нѣги, сладострастья,
 Какъ тотъ, чья хладная душа,
 Постыдной нѣгою дыша,

 Преслѣдуетъ, въ тоскѣ своей,
 Картины тайныхъ наслаждений,
 И свѣту въ пѣсняхъ роковыхъ
 Безумно обнажаетъ ихъ.

Напрасно шалюстей молодыхъ
 Передаете впечатлѣнье
 Вы намъ въ элегіяхъ своихъ!

 Напрасно вѣтренная младость
 Васъ любить славить на пирахъ;
 Хранить и въ сердцахъ, и въ устахъ
 Стиховъ изнѣженную сладость,
 И на ухо стыдливыхъ дѣвъ
 Ихъ шепчетъ, робость одолевъ!

Пустыми звуками, словами
 Вы свѣте развратно зло. . . .
 Пѣвцы любви, скажите сами
 Какое ваше ремесло?
 Передъ судилищемъ Паллады
 Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды.

Замѣчательно, что вторая глава Онѣгина, какъ извѣстно, окончена 8-го Декабря 1823 года; къ этому времени относится и самая строфа (*).

(*) Кстати упомянемъ, что въ одномъ старомъ и забытомъ журналѣ: Сѣверный Меркурій 1830 № 54, мы нашли стихотвореніе, подписанное буквами А. П. и помѣченное 1827 годомъ. Пьесы этой нѣтъ въ рукописяхъ нашего автора, но мы выписываемъ ее, какъ имѣющую сходство съ основной мыслью, изложенной въ неизданныхъ отрывкахъ Онѣгина:

Живое участіе къ Ленскому и еще разъ является весьма значительнымъ образомъ у Пушкина. Ленскій, какъ извѣстно, читалъ Онѣгину отрывки Сѣверныхъ поэмъ.

И снисходительный Евгений,
Хоть ихъ немного понималъ,
Прилежно юношѣ внималъ

(Глава II строфа XVI)

Въ рукописяхъ находимъ, что вмѣсто этихъ послѣднихъ стиховъ, Пушкинъ вздумалъ приложить и образчики самихъ поэмъ, въ двухъ отрывкахъ, которые уже покидали стихотворный размѣръ, принятый для Онѣгина и выходили изъ рамы, такъ сказать, самого романа. Оба отрывка ничто иное какъ шуточное подражаніе Макферсону, роду поэзіи, къ какому особенно склонна была муза Ленскаго, по мнѣнію Пушкина. Они, разумѣется, недописаны, лишены во многихъ мѣстахъ необходимыхъ стопъ и подходятъ скорѣе на замѣтку въ стихотворной формѣ, чѣмъ на стихотворенія:

Прійдетъ ужасный мигъ. . . . Твои небесны очи
Покроются, мой другъ, туманомъ вѣчной ночи,
Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста —
Ты навсегда сойдешь въ тѣ мрачныя мѣста,

Поэтамъ

Блаженъ, кто принялъ отъ рожденья
Печать священную Харитъ,
Въ комъ есть порывы вдохновенья,
Въ комъ огонь поэзіи горитъ!
Онъ стройной арфѣ повѣряетъ
Богинь завѣтныхъ мечты,
И жизни лучшіе цвѣты
Въ вѣнокъ свой гордо заплетаетъ . . .
Блаженный тотъ, кто посвящалъ
Пѣвцамъ великимъ дни досуга,
Бто жаръ къ высокому питалъ;
Но снисходительнаго друга
Своимъ стихомъ не искушалъ.

Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почиють мощи хладны;
 Но я, дотолѣ твой поклонникъ безотрадный,
 Въ обитель скорбную сойду печально за тобой
 И сяду близъ тебя, недвижный и нѣмой. . . .

Далѣ нельзя разобрать. Такъ точно и во второмъ отрывкѣ можно сберечь только нѣсколько стиховъ:

Надеждой сладостной младенчески дыша,
 Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
 Могилу переживъ, уносить мысли вѣчны,
 И память, и любовь въ пучины безконечны —
 Клянусь! давно бы я покинулъ грустный мѣръ. . . .

Узналъ бы я предѣлъ восторговъ, наслажденій,
 Предѣлъ, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
 Гдѣ мысль одна живегъ въ небесной чистотѣ;
 Но тщетно предаюсь плѣнительной мечтѣ!

Мнѣ страшно. . . и на жизнь гляжу печально вновь
 И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милый
 Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой (*).

Оба отрывка содержатъ, какъ видно, пародію на тяжелыя шестистопныя элегіи, бывшія нѣкогда въ модѣ и вмѣстѣ лукавую насмѣшку надъ туманными произведеніями Ленскаго. Замѣчательно однакожь, что точно въ такомъ же духѣ есть нѣсколько Лицейскихъ стихотвореній самого Пушкина, такъ, что онъ могъ набросать свои отрывки по одному воспоминанію. Читатель вѣроятно уже замѣтилъ, что поэтъ нашъ сообщилъ отрывкамъ Ленскаго, полагаемъ, не безъ намѣренія, искру чувства и души и тѣмъ отличилъ ихъ отъ подражаній другаго рода, столь же тяжелыхъ и притомъ лишенныхъ уже всякой теплоты, отъ подражаній анакреонтическихъ, какія являлись у насъ вмѣстѣ съ Оссіановскими элегіями и какими также обнаружилась впервые авторская дѣятельность самого Пушкина. Не безъ удивленія видимъ

(*) Не нужно указывать читателю, что этотъ отрывокъ есть карикатура на Макферсоновскаго Оссіана и видимо написанъ съ цѣлью осмѣять всѣ подобныя философствованія.

мы вмѣстѣ съ тѣмъ, что Пушкинъ гораздо позднѣе возвратился къ стихамъ Ленскаго и взялъ отъ нихъ отчасти мысль, которая является въ знаменитой пьесѣ: «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье.»

Но не хочу, о други, умирать. . . .

Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,

но уже какое необъятное пространство лежитъ между первымъ опытомъ Ленскаго и послѣдней формой, данной его мысли Пушкинымъ, въ 1830 году.

Прибавимъ, что оба приведенные отрывка, набросанные въ самомъ ходу сочиненія, замѣнены въ хvi строфѣ шестью стихами, но что поэтъ нашъ только въ vi главѣ (строфа хxi), передъ дуэлью Ленскаго, рѣшилъ дать новый, настоящій обрачикъ поэзіи его. Это уже романтическая, журнальная элегія двадцатыхъ годовъ, писанная ямбами, какъ и Онѣгинъ.

Есть еще нѣсколько мѣстъ во второй главѣ, уже не оставившихъ ни малѣйшаго слѣда въ самомъ романѣ. Это всѣ тѣ невольные и незамѣтные приросты въ созданіи, которые Пушкинъ отсѣкалъ тотчасъ же при появленіи ихъ, но и въ нихъ еще легко усмотрѣть его руку и свойства его таланта. Послѣ хvii строфы:

Блаженный тотъ, кто ихъ не зналъ

.

И дѣдовъ вѣрный капиталъ

Коварной тройкѣ не вѣрять,

Пушкинъ пишетъ еще двѣ строфы съ шуточнымъ изображеніемъ волненій азартной игры, которое заключается стихами:

Мѣлокъ оставилъ я въ покоѣ:

«Атанде» — слово роковое

Мнѣ не приходится на языкъ.

Отъ рѣшмы тоже я отвыкъ.

Что буду дѣлать? Между нами

Всѣмъ этимъ утомился я.

На дняхъ попробую, друзья,

Заняться бѣлыми стихами.

Такъ еще въ 1823 году Пушкинъ шутилъ надъ бѣлыми стихами, которыми чрезъ два года написалъ Бориса Годунова. Далѣе за строфой хxii, встрѣчается портретъ Ольги:

Ни дура Англійской породы,
 Ни своенравная мамзель
 (Благодаря уставамъ моды
 Необходимыя досель)
 Не баловали Ольги милой.
 Фадѣевна рукою хилой
 Ея качала колыбель...;
 Она жъ за Ольгою ходила,
 Стлала ей дѣтскую постель,
 «Помилуй мя» читать учила,
 Бову средь ночи говорила,
 По утру наливала чай —
 И баловала невзначай.

Все это отброшено въ романъ и замѣнено совсѣмъ другою мыслію:

. Но любой романъ
 Возьмите, и найдете вѣрно
 Ея портретъ: онъ очень милъ;
 Я прежде самъ его любилъ,
 Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно
 (Глава II, стр. XXIII.)

Само окончаніе главы еще сильно разнится съ черновой рукописью поэта. вмѣсто задушевнаго голоса, вмѣсто благородной надежды, теперь уже превратившейся въ существенность, какія слышатся въ этой строфѣ:

Но отдаленныя надежды
 Тревожатъ сердце иногда.
 Безъ непримѣтнаго слѣда
 Мнѣ было бъ грустно свѣтъ оставить.
 Живу, пишу не для похвалъ;
 Но я бы, кажется, желалъ
 Печальный жребій свой прославить,
 Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
 Напомнилъ хоть единый звукъ...

вмѣсто этого прекраснаго конца, вторая глава завершается въ рукописи шуткой, какъ любилъ оканчивать Пушкинъ свои сердечныя изліянія, по извѣстной своей пугливости передъ толками и пересудами людей.

Но можетъ быть (и это даже
 Правдоподобнѣе сто разъ)
 Изорванный, въ пыли и сажѣ,
 Мой недочитанный рассказъ,

 Съ . . . изгнанъ изъ уборной,
 Въ передней кончить вѣкъ позорной,
 Какъ Инвалидъ, или Календарь,
 Или затасканный букварь.
 Ну чтожь? въ гостинной или передней

 (Не я первой, не я послѣдней)
 Равны читатели —

 Надъ книгой ихъ права равны

Пушкинъ недоделалъ и выбросилъ строфу, побѣдивъ на этотъ разъ свою осторожность и врожденную уклончивость.

Третья глава открывается въ рукописи помѣткой: 8 février, la nuit. 1824. Въ ней также есть выпущенное мѣсто, особенно характеристическое въ отношеніи Онѣгина. Послѣ отправленія извѣстнаго письма Татьяны къ Онѣгину со внукомъ няни (стр. xxv.), слѣдуетъ еще строфа:

. . . Внукъ няининъ воротился.
 «Ну чтожь сосѣдь?» — «Верхомъ садился
 И положилъ письмо въ карманъ,
 Татьяна.» — Вотъ п весь романъ!
 Теперь какъ сердце въ ней забилось!
 О Боже, страхъ и стыдъ какой!
 Въ груди дыханіе стѣснилось. . . .

 На мать она глядѣть несмѣеть:
 То вся горить, то вся блѣднѣеть,
 При ней, потупя взоръ, молчить
 И чуть не плачетъ

Въ посмертномъ собраніи сочиненій Пушкина 1838 — 41 было приложено подъ названіемъ: «Новыя строфы изъ Евгенія Онѣгина» — нѣсколько обращиковъ подобныхъ выпускковъ. Всѣ

они относятся къ III главѣ и притомъ указаны въ изданіи, какъ принадлежащія къ строфамъ 10, 25 и 26. Строфы эти, однакожь, замѣщены въ текстѣ романа другими, такъ что приложенія эти уже составляютъ не черновую, а двойную работу поэта: на нѣкоторыя строфы приходилось у него по двѣ редакціи, и вѣроятно даже по нѣсколько редакцій. Всего замѣчательно, что ихъ нѣтъ въ оставшихся бумагахъ его. Этимъ уже доказывается существованіе другой, полной копіи Евгенія Онѣгина, которую, не смотря на старанія наши, мы уже не могли видѣть (*).

Четвертая глава романа начинается въ печати прямо съ пропуска шести строфъ (стр. I, II, III, IV, V, VI), но читатель можетъ замѣстить ихъ въ умѣ своемъ тѣми строфами Онѣгина, которыя извѣстны подъ заглавіемъ: «Женщины.» По нашему мнѣнію они принадлежатъ къ этому мѣсту. Мы уже выписали прежде изъ IV главы романа нарядъ Онѣгина, не попавшій въ печать, можетъ быть и потому, что, говорятъ, онъ очень походилъ на тотъ, который усвоилъ себѣ самъ Пушкинъ въ Кишиневѣ. Это, кажется, единственное мѣсто въ главѣ, откинутое авторомъ при исправленіи.

Съ VI главы мы уже теряемъ нить романа. Онъ писался, вѣроятно, съ этой поры въ особенной тетради, не сохранившейся въ бумагахъ, гдѣ остаются только отдѣльные клочки и этюды его. Но и тутъ попадаются безпрестанно подробности, за-

(*) Эти строфы третьей главы перешли въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина изъ Современника 1838, томъ 12-й, гдѣ также носили заглавіе: Новыя строфы изъ Евгенія Онѣгина. Въ томъ же журналѣ (1838, томъ II-й) помѣщенъ былъ и неизданный отрывокъ Онѣгина: «Сокровище роднаго слова,» но онъ сопровождался примѣчаніемъ издат., которое уже несомнѣнно свидѣтельствуеетъ о существованіи полной рукописи Евг. Онѣгина, къ сожалѣнію, не бывшей подъ глазами составителя этихъ матеріаловъ. Вотъ примѣчаніе: «Веселья и граціозныя шутки, составляющія отличительность этой поэмы покойнаго Пушкина, не всегда, какъ увидать читатели въ новыхъ строфахъ, приходили прямо подъ перо поэта. Онъ писалъ и въ расположеніи строже сатирическомъ, но такъ умѣлъ владѣть своимъ предметомъ, что обрабатывалъ его долго, прежде нежели оканчивалъ трудъ совершенно. Приводимыя здѣсь строфы *писаны въ его оригиналь* особо противъ XXVII и XXVIII строфъ, главы III.

служивающія полного вниманія; такъ въ VII главѣ есть мѣсто, гдѣ какъ будто начиналась картина, брошенная на половинѣ. Въ смутныхъ ея краскахъ видны всѣ пробы, такъ сказать, художнической кисти и въ этомъ отношеніи она особенно любопытна. Послѣ описанія уединенной гробницы Ленскаго и выхода замужъ Ольги, предмета его поэтическихъ восторговъ, слѣдуетъ отрывокъ неконченный и необдѣланный, который въ печати замѣненъ одними Римскими цифр: VII, IX. Эти Римскія цифры выражаютъ черновую работу, покинутую авторомъ:

Разъ, вечернею порою,
 Одна изъ дѣвъ сюда пришла;
 Казалось тайною тоскою
 Она встревожена была.
 Объятая невольнымъ страхомъ (*),
 Она въ слезахъ, предъ милымъ прахомъ,
 Стояла голову склонивъ
 И руки съ трепетомъ сложивъ;
 Но тутъ поспѣшными шагами,
 Красуясь черными усами,
 Ее наступъ молодой уланъ,
 Затянуть, степенъ и румянъ.

Здѣсь слѣдуютъ отдѣльные стихи, которыхъ иначе нельзя считать, какъ слѣдами фантазіи, предоставленной себѣ самой, чтобъ имѣть случай провѣрить ходъ ея впослѣдствіи.

Нагнувъ широкія плеча,
 И гордо шпорами звуча

 Она на воина взглянула:
 Горѣлъ досадой взоръ его,

 И тихо руку протянула,
 Но не сказала ничего.

(*) Въ подлинникѣ: *объятила невольными* зачеркнуто и замѣнено фразой, недоступной разбору.

Затѣмъ уже описаніе снова продолжается:

И молча, Ленскаго невѣста,
Отъ сиротьющаго мѣста
Съ нимъ удалилась, и съ тѣхъ поръ
Ужъ не являлась изъ-за горъ.

Изъ такихъ, еще перепутанныхъ линій составлялись потомъ у Пушкина тѣ граціозныя и трогательныя картины, которыми наполнены страницы романа. Нѣтъ сомнѣнія, что и приведенный отрывокъ, если бы удостоенъ былъ отдѣлки, превратился бы въ картину, столь же простую и изящную, какъ эта:

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ,
Надъ этой урною смиренной,
Качаль таинственный вѣнокъ;
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилъ, при лунѣ,
Обнявшись, плакали онѣ.

(Глава VII стр. VII.)

Такъ точно въ XI строфѣ той же главы, послѣ стиховъ:

Или надъ Летою усыпленной
Поэтъ, безчувствіемъ блаженный,
Ужъ не смущается ничѣмъ
И міръ ему закрыть и нѣмъ.

Пушкинъ еще рисуетъ:

Покрайней-мѣрѣ, изъ могилы
Не вышла въ сей печальный день
Его ревнующая тѣнь
И въ поздній часъ, Гимену мильй,
Не испугали молодыхъ
Слѣды явленій гробовыхъ . . .

Но эту подробность онъ уже просто выбрасываетъ, не обозначая ни Римскими цифрами, ни точками.

Въ седьмой же главѣ романа, при осмотрѣ кабинета Опѣгина, Татьяна встрѣчаетъ и альбомъ его. Выдержки изъ этого альбома, описаніе котораго, не бывшее въ печати, уже приведено нами

прежде — были приложены къ послѣдному посмертному изданію сочиненій Пушкина, но мы имѣемъ поводъ думать, что дѣйствительнаго альбома Онѣгина не существовало. То, что подъ этимъ именемъ оставалось у автора въ бумагахъ, есть только собраніе отдѣльныхъ мыслей и замѣтокъ, большая часть которыхъ предназначалась войти въ составъ самого романа. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ альбомѣ стихи, повторенные и исправленные романомъ. Такъ первый отрывокъ альбома:

«Меня не любятъ и клеветуютъ»

есть только черновой оригиналъ одной изъ строфъ (ix) восьмой главы самого романа, гдѣ сохранены почти и всѣ его стихи; такъ еще послѣдній его отрывокъ:

Часы бѣгутъ, она забыла
 Что дома ждуть ее давно:
 Уже ль загадку разрѣшила,
 Уже ли слово найдено? . . . ,

Отрывокъ, неимѣющій отдѣльно почти никакого смысла, есть буквальное повтореніе стиховъ седьмой главы (стр. xxv), только въ другомъ порядкѣ — и въ главѣ они имѣютъ настоящее значеніе. Все это мало похоже на дѣйствительный альбомъ, но если подъ этимъ именемъ собрать отрывчатая замѣтки Пушкина, падавшія съ пера его во время труда надъ романомъ, то альбомъ Онѣгина можетъ быть значительно расширенъ. Много этихъ блесковъ, этихъ поэтическихъ искръ разсыяно по всѣмъ его тетрадамъ и какъ примѣръ, сообщаемъ теперь же нѣкоторыя изъ нихъ:

I.

Когда бы грузъ меня гнетущій
 Былъ страсть несчастье —
 Такъ напряженьемъ воли твердой
 Мы страсть безумную смиримъ,
 Буду снесемъ душою гордой,
 Печаль надеждой усладимъ
 Но скуку? чѣмъ ее смиримъ?

Эта стихотворная замѣтка Онѣгина съ недописанными стихами и съ дважды повторенными приемами, принадлежитъ къ ряду подобныхъ же быстрыхъ замѣтокъ, брошенныхъ безъ всякаго осмотра, почти безъ малѣйшаго вниманія къ нимъ. Вотъ другія:

II.

Вчера былъ день довольно скучный;
Чего же такъ хотѣлось ей?
Сказать ли первыя три буквы:
Клю клю Возможно ль?—Клюквы!

III.

Конечно презирать не трудно
Отдѣльно каждаго глупца,
Сердиться также безразсудно
И на отдѣльнаго срамца;
Но чудно!
Всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно.

IV.

Строгій свѣтъ
Смягчилъ свои предубѣжденья
Или простилъ мнѣ заблужденья,
Давно минувшихъ темныхъ лѣтъ

Къ такому же роду можетъ относиться и сатирическое обращеніе Онѣгина къ женщинамъ.

V.

Смѣшонъ, конечно, важный модникъ,
Систематическій Фоблазъ,
Красавицъ записной угодникъ
(Хоть по-дѣломъ онъ мучить васъ);
Но жалокъ тотъ, кто безъ искусства
Души возвышенныя чувства,
Прелестной вѣруя мечтѣ,
Приноситъ въ жертву красоту!

Слѣдующее посланіе уже гораздо болѣе носить признаковъ отдѣлки:

VI.

Т... правъ, когда такъ вѣрно васъ
 Сравнилъ онъ съ радугой живою:
 Вы милы, какъ она для глазъ
 И, какъ она, премѣнчивы душою.
 И съ розой схожи вы, блеснувшюю весной:
 Вы также, какъ она предъ нами
 Цвѣтете пышною красой
 И также колетесь — Богъ съ вами!
 Но болѣ всего сравненіе съ ключемъ
 Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно!
 Да, чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ, и умомъ
 И также холодны конечно!
 Сравненья прочія не столько хороши:
 Поэтъ не виновать — сравненья неудобны.
 Вы прелестью лица и прелестью души,
 Къ несчастью, безподобны.

Льстивая замѣтка, Онѣгина, можетъ быть вызвана была пьесой
 В. Туманскаго: «Къ Ней», изъ которой выписываемъ нѣсколько
 стиховъ:

Не цвѣта небснаго очи твои;
 Не розы уста твои дѣва;
 Не лиліи — перси и плечи;
 Но чтобъ за весна въ сторонѣ той была,
 Гдѣ бь розы такія, лилеи
 Цвѣли на зеленыхъ лугахъ? и проч.

Наконецъ вотъ еще примѣръ сатирическихъ наблюденій Онѣ-
 гина надъ нравами, которымъ и кончаемъ выписки изъ его
 альбома, еще далеко неистощеннаго:

VII.

Увы! . . . Языкъ любви болтливый,
 Языкъ невинный и простой,
 Своею прозой перадивый
 Тебѣ докучень, ангель мой!
 Ты любишь мѣрные напѣвы,
 Ты любишь рифмы гордый звонъ,
 И сладокъ уху милой дѣвы
 Честолюбивый Аполлонъ!

Тебя страшить любви признанье:
 Письмо любви ты разорвешь,
 Но стихотворное посланье
 Съ улыбкой нѣжною прочтешь!

Мы знаемъ, что одна глава, по сознанию самого Пушкина, выпущена и только нѣсколько отрывковъ ея, содержавшихъ описаніе вояжа Онѣгина по Россіи, приложены были къ послѣдней 8-й главѣ романа, вышедшей въ 1832 году, но какіе отрывки! Это превосходныя картины разныхъ мѣстностей и вмѣстѣ это поэтическія записки (мемуары) самого автора. По нѣкоторымъ признакамъ мы полагаемъ, однакожъ, не смотря на увѣренія самого автора и даже на таблицу главъ, видѣнную нами прежде, что собственно отдѣльнаго описанія «Странствій Онѣгина» въ полномъ, оконченномъ видѣ не существовало. Въ черновой рукописи, странствованія Онѣгина начинаются съ XII строфы нынѣшней 8-й главы и этому *эпизоду* ея Пушкинъ хотѣлъ дать отдѣльную и самостоятельную форму; но, по нашему мнѣнію, не исполнилъ намѣренія, а только выбросилъ эпизодъ свой цѣликомъ изъ поэмы. Теперь весьма мало остается прибавить къ тому, что уже сообщено самимъ авторомъ изъ эпизода. Рукопись въ этомъ мѣстѣ исполнена помарокъ непобѣдимыхъ. Вотъ одно четверостишіе, касающееся до Москвы, которое еще выступаетъ изъ общаго хаоса:

Москва Онѣгина встрѣчаетъ
 Своей всечасной суетой,
 Старинной кухней угощаетъ,
 Стерляжей подчуетъ ухой....

Затѣмъ вся добыча прилежнаго разбора уже ограничивается нѣсколькими словами, обломками стиховъ, не вяжущимися между собою. Одно только мѣсто эпизода успѣли мы разобрать въ рукописи, но оно особенно замѣчательно. Судя по этому мѣсту, Онѣгинъ долженъ былъ встрѣтиться съ самимъ Пушкинымъ въ Одессѣ! Извѣстно, что выдержки изъ пропущенной главы кончаются у Пушкина стихомъ:

«И такъ я жилъ тогда въ 'Одессѣ'....»

Послѣ этого стиха начиналось у него описаніе встрѣчи съ Онѣгинымъ. Нельзя не пожалѣть о потерѣ этого описанія. Тутъ должны мы были видѣть бесѣды героя романа съ своимъ лѣтописцемъ, тутъ должны они были сойтись на короткой ногѣ. Пушкинъ зналъ Онѣгина еще въ Петербургѣ (глава 1, стр. xlvі, xlvii, xlviii). Вторая встрѣча, послѣ довольно долгой разлуки, вѣроятно, много измѣнила взглядъ историка на главное дѣйствующее лице романа и на нравственную физиономію его. Не развиваемъ далѣе предположеній нашихъ. Въ какомъ видѣ, въ какомъ душевномъ состояніи нашелъ Пушкинъ утомленнаго и уже старѣющаго Онѣгина въ Одессѣ — остается не извѣстнымъ и вѣроятно такъ и останется навсегда. Приводимъ отрывокъ, составляющій конецъ утеряннаго описанія ихъ встрѣчи:

Недолго вмѣстѣ мы бродили
 По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
 Судьбы насъ снова разлучили
 И намъ *назначили походъ*.
 Онѣгинъ очень охлажденный,
 И тѣмъ, что видѣлъ пресыщенный,
 Пустился къ Невскимъ берегамъ,
 А я отъ милыхъ Южныхъ дамъ
 Отъ . . . устриць Черноморскихъ,
 Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ

 Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ
 Въ далекій Сѣверный уѣздъ —
 И былъ печалень мой пріѣздъ (*).

Намъ остается еще сказать по поводу 8-й главы — самое замѣчательное. Кто не знаетъ чуднаго лирическаго порыва, которымъ она начинается? Въ этой картинѣ, объемлющей воспоминанія первыхъ томленій творческой силы, богатство, роскошь кисти приводятъ въ изумленіе:

(*) Не можемъ пропустить забавной фразы, встрѣченной въ эпизодѣ « странствійхъ Онѣгина, послѣ стиха: «Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной. Вотъ она:

. Я жилъ поэтомъ
 Безъ дровъ зимой, безъ дрожекъ лѣтомъ

«Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
 Я безмятежно расцвѣталь,
 Читаль охотно Апулея,
 А Цицерона не читаль,
 Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
 Весной, при кликахъ лебединыхъ,
 Близъ водъ сіявшихъ въ тишинѣ,
 Являться Муза стала мнѣ».

Слѣдующія затѣмъ строфы содержатъ изображеніе самаго хода и развитія творческихъ замысловъ поэта, но до этой полной картины Пушкинъ восшелъ черезъ низшую ступень созданія, сохранившуюся въ его бумагахъ, какъ новый примѣръ сочетанія труда и вдохновенія. Одну часть этой первой пробы стихотворенія мы уже знаемъ. Она приведена была нами въ описаніе его Лицейской жизни, и читатель вспомнитъ, что тамъ отрывокъ еще имѣетъ форму простаго разсказа, только въ концѣ окрашеннаго фантазіей и живительнымъ лучемъ поэзіи. Двѣ другія строфы, прилагаемыя теперь, уже гораздо болѣе освѣщены ею, но вдохновеніе еще не вполне ровно лежитъ на всѣхъ частяхъ этого этюда.

Евгеній Онѣгинъ.

I.

II.

III.

Въ тѣ дни, во мглѣ дубравныхъ сводовъ,
 Близъ водъ, текущихъ въ тишинѣ,
 Въ углахъ Лицейскихъ переходовъ,
 Являться Муза стала мнѣ.
 Моя студенческая келья,
 Досель чуждая веселья,
 Вдругъ озарилась! Муза въ ней
 Открыла пиръ своихъ затѣй.
 Простите хладныя науки!
 Простите игры первыхъ лѣтъ!
 Я измѣнился, я поэтъ. . . .
 Въ душѣ моей едины звуки
 Переливаются, живутъ,
 Въ размѣры сладкіе бѣгутъ.

IV.

Вездѣ со мной, неутомима
 Мнѣ Муза пѣла, пѣла вновь
 (*Amorem canat aetas prima*) (*).
 Все про любовь, да про любовь. . . .
 Я вторилъ ей; молодые,
 Въ освобожденные досуги,
 Любили слушать голосъ мой.
 Они пристрастною душой,
 Ревнуя къ братскому союзу,
 Мнѣ первый поднесли вѣнецъ,
 Чтобъ имъ украсилъ ихъ пѣвецъ
 Свою застѣнчивую Музу.
 О торжество невиданныхъ дней:
 Твой сладокъ сонъ душѣ моей!

Отсюда уже Пушкинъ перешелъ къ той великолѣпной, поэтической картинѣ, которую мы знаемъ и которая по блеску и яркости вездѣ выдержаннаго, въ одинаковой степени, колорита не имѣетъ подобной себѣ какъ въ самомъ романѣ, такъ и въ Русской литературѣ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о письмѣ Онѣгина къ Татьянѣ. Пушкинъ не пожалѣлъ выкинуть изъ него всѣ мѣста, которыя носили печать неопредѣленности, неясности, можетъ быть и оправдывасмой свойствомъ самой страсти, какую испытывалъ Онѣгинъ, но Пушкинъ ни въ чемъ не любилъ смутныхъ представленій и образовъ. Вотъ что отбросилъ онъ въ разныхъ мѣстахъ письма:

Я позабылъ вашъ образъ милый,
 Рвчей сгдливыхъ нѣжный звукъ
 И жизнь сокрылъ въ душѣ унылой,
 Какъ искупительный недугъ. . . .

Такъ я безумецъ — и уже
 Я слишкомъ многого прошу?
 Когда бъ хоть тѣнь вы разумѣли
 Того, что въ сердцѣ я ношу. . . .

(*) «Юность поетъ про любовь». Эгого стихъ Проперція имѣлъ у Пушкина еще другою, такъ сказать, подставной стихъ. Сверху отрывка карандашемъ написано: «И первой нѣжностью томима».

И что же? Вотъ чего хочу:
 Пройду немного съ вами рядомъ,
 Упьюсь по капль сладкимъ ядомъ
 И, благодарный, замолчу. . . .

Такъ создавался Онѣгинъ, любимое дитя Пушкина, въ которомъ сберсгъ онъ добрую часть своей собственной мысли, своего чувства и даже своей жизни.

И еще долго послѣ окончанія Онѣгина, Пушкина влекло къ нему противъ воли. Поэту нашему, какъ будто не доставало своего постоянного труда, съ которымъ онъ сжился въ продолженіи столькихъ лѣтъ. Онъ жалѣлъ о романѣ и скучалъ по немъ. Возвратиться къ нему и связать опять свое вдохновеніе съ его строгимъ и вмѣстѣ свободнымъ ходомъ не было возможности. Онѣгинъ кончился совершенно и трудно было выискать благовидную причину, чтобъ начать новыя придѣлки къ нему. Пушкинъ чувствовалъ это невольно и потому отъ всѣхъ его порывовъ къ старому и любимому труду, сохранилась только добродушная шутка, гдѣ онъ слагаетъ даже съ себя отвѣтственность за мысль возстановить опять Онѣгина и ссылается на друзей. Вотъ она:

Вы за Онѣгина совѣтуете други
 Опять приняться мнѣ въ осеніе досуги;
 Вы говорите мнѣ: «Онъ живъ и не женатъ —
 И такъ еще романъ не конченъ: это кладъ!
 Въ его свободную, вмѣстительную раму
 Ты вставишь рядъ картинъ, откроешь діораму:
 Прихлынетъ публика, платя тебѣ за входъ,
 Что дастъ тебѣ еще и славу и доходъ».
Пожалуй, я бы радъ.

Послѣднія слова зачеркнуты Пушкинымъ въ рукописи, но они свидѣтельствуютъ о тайной наклонности его къ прежнему труду своему, которую онъ побѣдилъ не безъ усилій, какъ видно (*).

(*) Выписываемъ здѣсь еще двѣ черновыя строфы этого отрывка. Можетъ быть ни онъ даже хотѣлъ начать снова романъ свой, но потомъ одумался и покіннулъ намѣреніе. . . .

Приведенные отрывки составляютъ часть тѣхъ многочисленныхъ стихотворныхъ замѣтокъ, какія разбросаны по всѣмъ тетрадямъ поэта. Онѣ напоминаютъ намъ обязанность познакомить читателя со всѣми этими матеріалами, заготовленными Пушкинымъ, изъ которыхъ многіе остались безъ употребленія. Всякій пойметъ, какъ важно и какъ любопытно собрать и сохранить первые проблески поэтическихъ мыслей его, образы и стихотворныя фразы, набѣгавшія мимолетомъ, такъ сказать, на способность воображенія и фантазію его. Богатство поэтическихъ средствъ, обиліе творческаго матеріала не мѣшали Пушкину постоянно записывать мотивы, зарождавшіеся сами собой, звуки, мгновенно возставшіе въ душѣ его.

I.

Въ мои осенніе досуги,
 Въ тѣ дни, какъ любо мнѣ писать —
 Вы мнѣ совѣтуете други
 Разсказъ забытой продолжать.
 Вы говорите справедливо,
 Что странно, даже неучтиво
 Романъ, не конча, прерывать

 Что долженъ своего героя,
 Какъ бы то ни было, женить,
 По крайней мѣрѣ — уморить,
 И лица прочія пристроя,
 Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
 Изъ лабиринта выслать вонъ.

II.

Вы говорите: «Слава Богу!»
 Покаместъ твой Онѣгинъ живъ,
 Романъ не конченъ. По немногу
 Пиши жъ его — не будь лѣнивъ.
 Со славы, внявъ ея призванью,
 Сбирай оброкъ хвалой и бранью.
 Рисуй и франтовъ городскихъ,
 И милыхъ барышень своихъ,
 Войну, и балъ
 Чердакъ, и келью, и хоромы —
 И съ нашей публики за то
 Вери умѣренную плату:
 За книжку по пяти рублей —
 Налогъ негостный ей!»

Вѣроятно онъ считалъ себя не въ правѣ бросать безъ вниманія эти невольныя проявленія зиждущей способности, даже въ минуты ея наружнаго покоя. Звуки, по собственному его выраженію, безпрестанно переливались и жили въ немъ, но слѣдуетъ прибавить, что онъ внимательно прислушивался къ нимъ, что онъ наслаждался ими почти безъ перерыва. Это было важное дѣло его жизни, не смотря на всѣ усилія его скрыть тайну свою отъ свѣта и увѣрить другихъ въ равнодушіи къ поэтической своей способности. Отдѣльные листки и страницы его тетрадей, поражаютъ этими стихотворными нотами разныхъ метровъ и разныхъ ключей, возникшими мгновенно и сбереженными самимъ художникомъ въ минуту ихъ рожденія. Постараемся разобрать ихъ.

Прежде всего останавливаютъ здѣсь вниманіе обломки, такъ сказать, впечатлѣній, данныхъ природой, краски и черты, подобраемые на-скоро, чтобъ сохранить явленія, быстро и мгновенно скользнувшія по фантазіи поэта:

I.

Надо мной въ лазури ясной
Свѣтитъ звездочка одна;
Справа западъ темнокрасный,
Слѣва блѣдная луна.

II.

Стою печально на кладбищѣ,
Гляжу — крутомъ обнажено
Святое смерти пепелище,
И степью лишь окружено.
И мимо вѣчнаго ночлега
Дорога сельская лежитъ:
. телега
. стучить.

III.

Стрекотунья бѣлобока
Подъ калиткою моей,
Скачетъ пестрая сорока
И пророчить мнѣ гостей.

Колокольчикъ небывалый
 У меня звенить въ ушахъ
 Лучъ зари сіяетъ алой
 Серебрится снѣжный прахъ!

Фантастическій, едва уловимый образъ этого стихотворенія особенно могъ бы поддаться переложенію на музыку. Оно имѣетъ нѣкоторое сходство по духу съ тѣмъ, которое слѣдуетъ ниже, но въ послѣднемъ уже капризно и свободно замѣшано явленіе дѣйствительнаго быта, какъ это не разъ дѣлалъ Пушкинъ:

IV.

Колокольчики звенятъ,
 Барабанчики гремятъ,
 А люди - то, люди —
 Ай люшеньки-люди! —
 А люди - то, люди
 На цыганочку глядятъ.
 А цыганочка-то пляшетъ,
 Въ барабанчики - то бьетъ,
 И шириночкой - то машетъ,
 Залвается поетъ:
 «Я пѣвунья, я пѣвица,
 Вoroжить я мастерица!»

Мы могли бы увеличить еще выписки, если бы не останавливала насъ совершенная невозможность уловить иногда мысль и стихъ во многихъ изъ нихъ. Замѣтки эти авторъ только писалъ для самого себя и одинъ, зналъ настоящій смыслъ и форму ихъ.

Вотъ одинъ примѣръ этихъ гіероглифовъ, остающихся еще въ значительномъ количествѣ между рукописями его:

V.

Только что на проталинахъ весеннихъ
 Показались ранніе цвѣточки,
 Какъ изъ царства восковая,
 Изъ душистой келейки медовой
 Вылетаетъ первая пчелка.
 Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
 О красной веснѣ развѣдать:

Скоро ль будет гостя дорогая?
 Скоро ль луга зазеленѣютъ...
 Распустятся клейкіе листочки....
 Зацвѣтетъ черемуха душиста?...

Ко второму отдѣлу замѣтокъ должно уже отнести всё чисто лирическіе звуки, въ которыхъ заключенъ одинъ порывъ души, одна мысль, тревожно мелькнувшая въ головѣ поэта. Они писаны въ разное время и въ цѣпи стихотвореній, настоящее мѣсто ихъ извѣстно было только самому автору. Теперь уже нѣтъ возможности опредѣлять ихъ порядокъ и сообщать какую-либо классификацію.

VI.

Тамъ на берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный,
 Твое я имя повторялъ,
 Тамъ часто я бродилъ уединенный
 И въ даль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

VII.

И чувствую, душа
 Твоей любви, тебя достойна;
 Зачѣмъ же не всегда
 Чиста, печальна и покойна?...

VIII.

Все въ жертву памяти твоей:
 И голосъ лиры вдохновенной,
 И слезы дѣвы воспаленной,
 И трепеть ревности моей.

IX.

Счастливъ тотъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный,
 Безъ томной робости твой ловить свѣтлый взоръ,
 Движенъя милья, игривый разговоръ
 И слѣдъ улыбки незабвенной.

X.

Два чувства дивно близки къ намъ,
 Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
 Любовь къ родному пепелищу,
 Любовь къ отеческимъ гробамъ.

XI.

Забьль и роцу, и свободу,
 Невольникъ — чижикъ надо мной:
 Зерно клюеть, и брызжетъ воду,
 И пѣсню тѣшитъ живой.

XII.

«Все кончено; межъ нами связи нѣтъ».
 Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣна,
 Произносмъ я горестныя пени:
 «Все кончено» — я слышу твой отвѣтъ.

Читатель вѣроятно замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ нами стихотворныхъ фразъ, принадлежать уже къ извѣстной поэтической дѣятельности автора; такъ обозначенная цыфрой ихъ къ ряду антологическихъ его произведеній, писанныхъ въ Крыму, а XII—можетъ быть, къ тѣмъ лирическимъ пѣснямъ, въ числѣ которыхъ считается: «Заклинаніе». Но есть между ними и такія, которыя не тронуты съ минуты ихъ изложенія. Пушкинъ, вѣроятно, забьль объ нихъ, вмѣстѣ, можетъ быть, съ чувствами, возбуждившими поэтическую мысль. Поблеклыя отъ времени и пренебреженныя самимъ авторомъ, они сохранились въ бумагахъ его, какъ сохраняется у знаменитаго художника старый рисунокъ его, на который, при случаѣ, онъ броситъ взглядъ съ участіемъ. . . .

Къ третьему отдѣлу замѣтокъ мы относимъ всѣ стихотворныя фразы, записанныя Пушкинымъ на лету, для печати. Они уже не относятся къ какому-либо впечатлѣнію извнѣ или къ душевной его повѣсти, а представляютъ только подробности, орнаменты, части созданій, замышленныхъ въ типѣ кабинета. Работающая фантазія поэта тотчасъ помѣчала оборотъ или идею, мелькнувшіе въ головѣ, для употребленія ихъ въ дѣло, когда наступитъ часъ творчества. Къ нѣкоторымъ онъ самъ приложилъ указанія, куда слѣдуетъ отнести ихъ, а другихъ очертилъ кругомъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ всего написаннаго рядомъ. Значительное количество такихъ замѣтокъ разсыяно по разнымъ мѣстамъ всей его кипы бумагъ.

(По расчисленію философическихъ таблицъ.

«Евгеній Онѣгинъ. Пѣснь VII.»)

Какъ нянька бѣдная
За вами я слѣжу.

Порой воспоминае
Какъ тѣнь опять бѣжить ко мнѣ . . .

.
Грызеть мнѣ сердце въ тишинѣ.

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читаль я сладостный коранъ;
Внезапно ангелъ утѣшенья
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.

Безъ труда можно было бы увеличить объемъ этого отдѣла, въ которомъ записаны первые проблески поэтическихъ идей или оборотовъ, развитыхъ впоследствии авторомъ ихъ, но цѣль, какую имѣли въ виду, достигается и этими не многими приложеніями.

Весьма значительную часть въ отрывкахъ составляютъ всѣ тѣ переводы иностранныхъ поэтовъ, всѣ тѣ подражанія имъ, посредствомъ которыхъ Пушкинъ любилъ испытывать свою способность усваивать чуждые приемы и принимать, по произволу, различныя формы и оттѣнки стихотворства. Это была, такъ сказать, его поэтическая забава. Къ этому отдѣлу должно отнести и переводъ изъ Орlando, о которомъ уже говорено. Такъ точно онъ въ шуточномъ видѣ перенималъ Александрійскій, важный стихъ Буало, послѣ него старался поддѣлаться подъ ребяческую сантиментальность трубадура, затѣмъ переходилъ къ риторической торжественности Альфieri и, наконецъ, даже пробовалъ передать безцвѣтную текучесть свѣтскаго разговора во Французской комедіи. По всему этому остались образцы въ тетрадяхъ его. Вотъ подражаніе Буало.

XIII.

Французскихъ рифмачей суровый судія,
О классикъ Депрео, къ тебѣ зываю я!
Хотя постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ свосмъ отечесгвѣ престалъ ты быть пророкомъ,

Хоть дерзкихъ умниковъ простерлася рука
 На лавры твоего густаго парика,
 Хотя растрепанный новѣйшей вольной школой,
 Къ ней въ гнѣвъ обратилъ ты свой затылокъ голый;
 Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой,
 Будь мнѣ вожааемъ! Дерзаю за тобой
 Занять каедру ту, съ которой въ прежни лѣта
 Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
 Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
 Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ поръ!
 Новѣйшіе врази вразей старинныхъ стоятъ
 И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни беспокоятъ!
 Уже ли все молчать, да слушать? . . . О бѣда!
 Нѣтъ все имъ выскажу однажды навсегда.
 О вы, которые восчувствовавъ отвагу,
 Хватаете перо, мараете бумагу,
 Тисненью предавать труды свои спѣша,
 Пойдите! Напередъ узнайте чѣмъ душа
 У васъ исполнена. . . .

Надо прибавить, что отрывокъ этотъ, какъ и отрывокъ изъ комедіи, едва набросанъ карандашемъ. Вотъ романсъ трубадура:

XIV.

«Съ Португальскаго: Gonzago».

Тамъ звѣзда зари взошла,
 Пышно роза процвѣла:
 Это время насъ, бывало,
 Другъ ко другу призывало.

На постель пуховой
 Дѣва сонною рукой
 Протирала темны очи,
 Удаляя грезы ночи.

И являлася она
 У дверей, иль у окна
 Ранней звѣздочки свѣтлѣе,
 Розы утренней свѣжѣе.

Лишь ее завидю я,
 Мнилось, легче вокруг меня
 Воздухъ утренній струился;
 Я вольнѣе становился.

Я красавицы моей,
 Межь овецъ деревни всей,
 Знала любимую овечку
 И водила ее на рѣчку.

На тѣнистые брега,
 На зеленые луга;
 Я поилъ ее, лелѣяль,
 Передъ ней цвѣточки сѣяль.

И пѣвалъ, бывало, ей
 Предъ красавицей моей;
 Она пѣсни улыбалась,
 Но блаженство миновалось!

Гдѣ красавица моя?
 Одинокій плачу я.
 Замѣнили пѣсни нѣжны
 Стонъ и слезы безнадежны.

Отъ этихъ дѣтски-томныхъ изліяній переходимъ къ отрывку изъ Альфieri. Это переводъ монолога Изабеллы, изъ лучшей его трагедіи: «Филиппъ II», но здѣсь останавливаетъ насъ весьма любопытная подробность. Мы можемъ опредѣлить время изложенія отрывка. Въ 1827 году, Пушкинъ перечитывалъ трагедію Альфieri, въ переводѣ Адмирала Шишкова и остановился на первомъ явленіи ея, содержащемъ, какъ извѣстно, монологъ Изабеллы. А. С. Шишковъ передалъ бѣлые стихи Итальянскаго драматурга такъ:

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

ИЗАБЕЛЛА.

«Желаніе, страхъ, сомнительная и преступная надежда, ступайте изъ груди моей! — Филиппова сына, невѣрная Филиппу жена, дерзаю я любить? я! — Но кто можетъ видѣть его и не

любить? Смѣлое, исполненное чловѣколюбія сердце, благородная гордость, высокой умъ и въ прекрасномъ тѣлѣ прекраснѣйшая душа — ахъ! для чего природа и небо сотворили тебя таковымъ? . . . Увы! что я говорю? Такъ ли сладкой образъ его вырываю изъ глубины моего сердца? О! ежели бы о семъ пламени кто-нибудь изъ живущихъ на землѣ былъ извѣстенъ! О! ежели бы могъ онъ самъ подозрѣвать его! Онъ всегда печальну меня видитъ. . . . печальну, правда, но въ то же время и убѣгающую отъ лица его; и знать, что всякое веселіе изгнано изъ Гишпаніи — а въ сердцѣ у мня кто можетъ прочитать? Ахъ! когда бы сама я, что происходитъ въ немъ, столько же, какъ и другіе, не знала! о! есть-ли бы могла обманывать себя, убѣгать отъ себя самой также, какъ отъ другихъ! . . . Несчастливая! слезы одна мнѣ отрада; но и слезы преступленіе. — Сокроемъ далѣе внутрь хранишь моихъ печаль мою; тамъ свободнѣе. . . . Что я вижу? Карлъ? Ахъ! уйдемъ: каждое слово мое, каждый взглядъ, могутъ мнѣ измѣнить: о небо! уйдемъ».

Въ паралель съ этимъ переводомъ и почти слѣдуя за всѣми его выраженіями, съ нѣкоторыми измѣненіями въ концѣ — Пушкинъ передалъ въ пятистопныхъ бѣлыхъ стихахъ монологъ Альфиери. Это столько же прямой переводъ съ Итальянскаго, сколько и обращеніе прозы А. С. Шишкова въ метръ и стопы.

х v.

(Изъ *Alfieri.*)

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
 Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
 Невѣрная супруга Филиппу —
 И сына я его любить держу!
 Но какъ же зрѣть его и не любить?
 Нравъ пылкій, добрый, гордый, благородный,
 Высокій умъ съ наружностью прелестной. . . .
 Прекрасная душа! . . . Зачѣмъ природа
 И небеса такимъ тебя создали?
 Что говорю? Ахъ, такъ ли я успѣю
 Изъ глубины сердечной милой образъ
 Искоренить? О, если пламень мой

Подозрѣвать онъ станетъ! Передъ нимъ
 Всегда печальна я; но избѣгаю
 Я встрѣчи съ нимъ. Онъ знаетъ, что веселье
 Въ Испаніи запрещено. Кто можетъ
 Въ душѣ моей читать? Ахъ, и самой
 Не должно мнѣ!... И онъ, какъ и другіе,
 Обманется — и станетъ, какъ другіе,
 Онъ убѣгать меня... Увы мнѣ, бѣдной! . .
 Другаго нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшенья
 Окромя слезъ и слезы — преступленья!
 Иду къ себѣ; тамъ буду на свободѣ...
 Что вижу? Карль! Уйдемъ. Мнѣ измѣнить
 И рѣчь и взоръ — все можетъ. Ахъ, уйдемъ.

Подражаніе тону Французской комедіи и притомъ еще въ при-
 ложеніи ея къ Русскому быту также принадлежитъ, по нашему
 мнѣнію, къ капризу художника и къ мысли посмотрѣть, какъ со-
 ставляются подобныя произведенія у насъ. Можетъ быть и этотъ
 любопытный отрывокъ порожденъ какой нибудь ближайшей при-
 чиной, которая уже для насъ потеряна.

Все жалобы, упреки, слезы — мочи нѣтъ;
 Откланяюсь пока, она мнѣ надоѣла;
 Къ тому жъ и безъ нее мнѣ слишкомъ много дѣла:
 Я отыскалъ за Каменнымъ мостомъ
 Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ
 Подъ видомъ будто бы невиннаго гулянья.
 Ахъ, матушка! Предвижу увѣщанья!
 А, здравствуйте, тамап. — «Куда же ты? постой.
 Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
 О дѣлѣ говорить.» — Я зналъ. — «Имѣй терпѣнье,
 Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведеніе...»
 А въ чемъ же? — «Да во всемъ; во первыхъ ты жены
 Не видишь никогда — точь-въ-точь разведены:
 Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
 На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
 Или нельзя никакъ съ женою посидѣть?...»

Такъ забавлялся про себя поэтъ нашъ всѣми видами стихо-
 творчества и бросалъ нѣкоторыя черты, наиболѣе остановив-
 шія его вниманіе, на бумагу, какъ скиццы или очерки. Между

прочимъ къ этому отдѣлу принадлежатъ почти всѣ его позднѣйшія подражанія древнимъ. Собранныя посмертнымъ изданіемъ его сочиненій безъ порядка и безъ всякой оговорки, они давно уже поражали читателей слабостію стиха и отдѣлки, не имѣвшихъ ничего общаго съ обыкновенными признаками его произведеній: силой содержанія и оконченностью внѣшней формы. Дѣло въ томъ, что апологическія пьесы Пушкина есть точно такіе же отрывки, записанные наскоро и безъ особеннаго вниманія, какъ и тѣ, которые приведены здѣсь. Это опять программы произведеній, но не произведенія; результатъ перваго впечатлѣнія отъ чтенія древнихъ поэтовъ и артистической потребности воспроизвести содержаніе и манеру ихъ. Таковы: VII *Ода Анакреона*, *Отрывокъ изъ Анакреона*, *Богъ веселый винограда*, *Юноша скромно пируй*, *Мальчикъ*, *Юноша горько рыдая*, *Отъ меня вечеръ Лемла*, *Не розу Пафосскую*, *Подражаніе Арабскому*. Всѣ эти пьесы найдены нами въ особенномъ пакетѣ, куда вложены были, вѣроятно, самимъ Пушкинымъ. Можно бы присоединить къ отрывочнымъ стихотвореніямъ и такія какъ: «*Пажъ или 15-й годъ*», романсъ: «*Предъ Испанкой благородной*» и нѣсколько другихъ. Они стоятъ теперь рядомъ со всѣми изящнѣйшими произведеніями его, и по качествамъ своимъ сильно отличаются отъ этихъ полныхъ и обдуманыхъ созданій (*).

Послѣдній отдѣлъ отрывковъ составляетъ наконецъ стихотворенія, обозначенныя единственно рифмами, которыя такимъ обра-

(*) Въ бумагахъ Пушкина сохранилось еще нѣсколько отрывковъ изъ посланій къ друзьямъ, нигдѣ не напечатанныхъ: лица, имѣющія ихъ въ рукахъ своихъ, въ полномъ и оконченномъ видѣ, вѣроятно, сообщать публикѣ эти весьма любопытныя произведенія нашего поэта. Мы не имѣемъ возможности приводить здѣсь урывки, которые, статья можетъ, со всѣмъ не похожи на настоящія стихотворенія. Вотъ примѣръ такого посланія къ одному изъ товарищей поэта:

Къ М*.

Завидую тебѣ питомецъ моря смѣлый,
 Подъ снѣгу парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
 Спокойной пристани давно ли ты достигъ?
 Давно ли тишины вкусилъ оградный мигъ?
 И снова ты бѣжишь Европы обетшалою....

Въ Москвитинѣхъ 1841 года № 10, г. II. Добр — нѣ, въ письмѣ къ издателю

зомъ походить какъ будто на раму, заготовленную для пріянія поэтической мысли. Нужно ли говорить, что стихотвореніе у Пушкина не цѣплялось за рифмы, изготовленные прежде, чтобъ вытти на свѣтъ, какъ это дѣлается у тружениковъ стихотворства, а что рифмы были у него такія же помѣтки для сбереженія мысли въ цѣлости, какія представляютъ намъ всѣ его программы? Изъ многихъ примѣровъ этого способа созданія, находящихся у насъ подъ руками, приведемъ одинъ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ знаменитаго произведенія К. П. Брюлова: *Послѣдній день Помпеи*, Пушкинъ началъ поэтическую картину изверженія Везувія и гибели древняго города, съ яснымъ намѣреніемъ итти не только паралельно съ живописнымъ рассказомъ художника, но и передать его одушевленіе, его энергію и краски. И вотъ какъ записалъ Пушкинъ свою собственную картину, которая должна была соперничать, въ другомъ родѣ изящнаго, съ созданіемъ Художника:

Везувій зѣвъ открылъ — дымъ хлынулъ клубомъ, пламя
Широко развилось какъ боевое знамя
Земля волнуется съ колоннъ
Кумиры падаютъ! стонъ
. народъ, гонимый страхомъ
(Подъ каменнымъ дождемъ)
И воспаленнымъ прахомъ
Бѣжитъ пожаръ блестя

его о сочиненіяхъ Пушкина, приводитъ неизданное стихотвореніе Пушкина: Циклопъ.

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ.
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда бъ судьбы того хотѣли,
Когда бъ имѣлъ я сто очей:
То всѣ бы сто на васъ глядѣли.

Г. Добръ—въ сопровождаетъ это стихотвореніе замѣчаніемъ, которое остается для насъ необъяснимымъ. «Оно (стихотвореніе) напечатано, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ другими Французскими и Нѣмецкими стихами, сдѣланными на тотъ же случай въ немногихъ экземплярахъ. Я имѣлъ удовольствіе видѣть одинъ изъ нихъ и читалъ между ними Русскіе стихи И. А. Крылова, которыхъ, къ сожалѣнію, не могу припомнить.» Такихъ отдѣльныхъ произведеній, тающихся въ рукахъ знакомыхъ и пріятелей поэта, вѣроятно еще много.

Съ опасеніемъ докучныхъ повтореній скажемъ, что изъ такихъ безсвязныхъ намековъ, гдѣ только слышатся окончанія стиховъ, создавалъ Пушкинъ картины высокаго пластическаго совершенства и сейчасъ же приводимъ замѣчательный примѣръ этому.

Перебирая бумаги поэта, мы встрѣтили одно стихотвореніе его, принадлежащее къ тому же отдѣлу черновыхъ отрывковъ, которыми теперь занимаемся, но уже въ немъ заключенъ образъ столь яркій и смѣлый, что, кажется, недостаетъ только самой легкой отдѣлки для превращенія его въ полную и превосходную поэтическую картину, въ классическомъ родѣ. Можно подивиться, какъ пьеса эта затерялась въ бумагахъ Пушкина и не заслужила его вниманія. Представляемъ здѣсь первыя три ея строфы:

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
 Единный изъ съдыхъ орловъ Екатерины.
 Въ крыяхъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
 И Пизда острыя вершины.

Въ то время ты вставалъ: твой лучъ его согрѣлъ:
 Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья и зѣнцы —
 И съ шумной радостью выгралъ и полетѣлъ
 Во срѣтенье твоей денницы.

М....! Не вотще Петровъ тебя любилъ:
 Тобой гордится онъ и на брегахъ Копыта.
 Ты лиру оправдалъ: ты вѣкъ не измѣнилъ
 Надеждамъ вѣщаго Пшита!....

Отрывокъ этотъ, писанный, вѣроятно, въ 1825 году, кромѣ своего достоинства и интереса, связаннаго съ исторіей его происхожденія, имѣетъ еще интересъ по отношенію къ старой литературѣ нашей. Угасавшій орелъ Екатерины, поэтъ Петровъ, на 60 году своей жизни написалъ извѣстную свою оду: Его Высокопревосходительству Адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову 1796 г. (см. сочиненія Петрова, часть 2. стр. 182, изд. 1811 года.), которая блеститъ если не изяществомъ внѣшней отдѣлки, то глубокимъ чувствомъ дружбы и расположенія. Они дѣлаютъ ее трогательною, не смотря на отсутствіе поэтическихъ

красокъ. . . . Теплота и одушевление оды Петрова становится тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ труднѣе уже старцу - поэту справиться съ непокорнымъ матеріаломъ, съ версификаціей строфы. Вся пьеса есть образецъ истиннаго чувства, не обрѣтающаго поэтической формы для выраженія своего. Стихотвореніе Пушкина указываетъ не только на посланіе Петрова, но еще какъ будто особенно связано съ одной строфой его, которую здѣсь выписываемъ:

Твоя, о другъ, еще во цвѣтѣ раннемъ младость,
 Обильный обѣщая плодъ,
 Дала во мысли мнѣ живу, предвѣстну радость:
 Ты будешь отчества оплоть!
 Свершеніе надежды,
 Моими зря днесъ вѣжды
 И славу сбытія,
 Не возыграю ль я!

Пушкинъ, подхвативъ мысль поэта-старца, развиваегъ ее въ духѣ стремленія къ пластической передачѣ явленій, что составляетъ отличительное качество, такъ называемой, классической поэзіи. Строфа, изображающая пробужденіе стараго орла есть какъ будто дополненіе строфы Петрова, сдѣланное спустя 30 лѣтъ и поэтомъ, въ которомъ идеи предшественниковъ обнаруживаютъ только новую сторону творческой силы. Слѣдующія за ней уже пять не болѣе, какъ стихотворныя замѣтки и характеръ этотъ обнаруживается даже въ самомъ механизмѣ ихъ:

Какъ славно ты сдержалъ пророчество его,
 Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
 Въ совѣтахъ недвижимъ у мѣста своего
 Стоишь ты новый Долгорукій!

Такъ. . . . съ вершины горы скатяся,
 Стоить съдой утесъ. Вотще брега трепещуть,
 Вотще грохочетъ громъ и волны вкругъ мутяся
 И увиваются, и плещуть!

Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ
 Ты зорко бодрствуешь надъ Царскою казною!
 Вдовицы бѣдный лептъ, и дань Сибирскихъ рудъ
 Равно священны предъ тобою. . . .

На этомъ замѣчательномъ произведеніи кончаемъ пересмотръ отрывковъ. Мы видѣли прежде кабинетную дѣятельность поэта; теперь покидаемъ вмѣстѣ съ читателемъ обширную мастерскую художника, гдѣ навалены груды разнородныхъ матеріаловъ съ неясными помѣтками его и гдѣ со всѣхъ сторонъ бросаются въ глаза рисунки, модели, частности и обломки произведеній, вполнѣ возбуждающіе вниманіе, но ипогда не вполнѣ удовлетворяющіе его.

Возвращаемся назадъ къ 1832 году. Существованіе Пушкина въ это время расширилось все болѣе и болѣе и жизнь начинала принимать размѣры, для поддержанія которыхъ требовалась постоянная дѣятельность и усиленная работа. Продавъ полное изданіе Онегина книгопродавцу Смирдину, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выдалъ третью часть собранія стихотвореній своихъ (первыя двѣ явились въ 1829 г., а четвертая, послѣдняя, въ 1835). Въ поискахъ своихъ для обезпеченія новыхъ потребностей жизни и покрытія старыхъ недочетовъ, онъ остановился на мысли основать политико-литературную газету, на подобіе тѣхъ, какія уже существовали у насъ. На все это дѣло онъ смотрѣлъ преимущественно съ коммерческой стороны и въ поводахъ, изложенныхъ имъ для осуществленія своей мысли, она же стоитъ на первомъ планѣ. Мы имѣемъ вчернѣ весьма любопытный документъ, прилагаемый здѣсь.

«10 лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородно упражненіе, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатываніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

«Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на Русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ (какъ и во всемъ) былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя.

«Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе т. е. торговое. Нынѣ составляетъ она часть частной промышленности, покровительствуемой законами.

«Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе

принести выгоды и чѣмъ разнообразіе по содержанию, тѣмъ болѣе расходятся.

«Одна «Газета», издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3,000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

«Всякій журналъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о ново-вышедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. «Газета» пользуется симъ правомъ и хорошо дѣлаетъ.

«Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ, но журналы чисто литературные, вмѣсто 3,000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 500 — слѣдственно голосъ ихъ въ его пользу былъ бы вовсе не дѣйствителенъ.

«Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ «Газеты.»

Неопытность Пушкина въ собственномъ дѣлѣ обнаружилась здѣсь сильнѣе, чѣмъ когда либо, хотя мы имѣемъ и кромѣ того, множество другихъ доказательствъ, что результаты его финансовыхъ предпріятій почти всегда были въ обратномъ отношеніи съ надеждами и первой пылкой мыслію, ихъ поражающей. Практическій смыслъ Пушкина, о которомъ мы часто упоминали, проявлялся въ мірѣ умственныхъ требованій весьма ясно, но часто измѣнялъ ему, когда дѣло шло о требованіяхъ другаго рода. Никогда не могъ быть поэтъ вангъ издателемъ журнальнаго листка. Необходимость ежедневнаго выхода передъ публикой, отдачи своей мысли по мелкимъ частямъ, все это было уже противно его природѣ. Не говоримъ о томъ, что Пушкинъ не могъ бы приобрести, даже съ помощію долгаго времени, той сноровки издателя газеты, которая замѣняетъ ему часто знаніе и размышленіе и такъ необходима въ его спѣшной работѣ. Однако же просьба и домогательства его увѣнчались успѣхомъ. Онъ получилъ дозволеніе на изданіе газеты, но почти на другой же день писалъ съ досадою къ друзьямъ, отвѣчая на ихъ любопытные распросы: «Какую программу хотите вы видѣть? Извѣстіе о курсѣ, о пріѣз-

жающихъ и отъѣзжающихъ: Вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію. . . . Остальное мало меня интересуетъ.» и проч. Въмѣстѣ съ тѣмъ, откладывая день за день исполненіе своего предпріятія, Пушкинъ наконецъ со всѣмъ потерялъ его изъ виду и забылъ объ немъ, какъ и слѣдовало ожидать. Нѣкоторое время еще оставались въ рукахъ его друзей статьи, приготовленныя имъ для газеты въ видѣ обращика. Эти послѣдніе свидѣтели намѣренія его теперь сохраняются въ бумагахъ его, какъ примѣры мастерскаго изложенія событій.

Другаго рода занятія, болѣе строгія и болѣе плодотворныя, ожидали поэта въ ту же эпоху. Съ зимы 1832 года, онъ сталъ посвящать все свое время работѣ въ Архивахъ, куда доступъ былъ ему открытъ еще въ прошломъ году. Изъ квартиры своей въ Морской (домъ Жадимеровскаго) отправлялся онъ каждый день въ разныя вѣдомства, предоставленныя ему для изслѣдованій. Онъ предался новой работѣ своей съ жаромъ, почти со страстью. Такъ протекала зима 1832. 7-го Генваря слѣдующаго 1833 года, онъ былъ принятъ въ число членовъ Императорской Россійской Академіи и дипломъ, выданный ему на званіе это 13-го числа того же мѣсяца, скрѣпленъ подписью тогдашняго Президента ея, Адмирала Александра Семеновича Шишкова. Въ остальную часть зимы Пушкинъ прилежно посѣщалъ засѣданія Академіи по субботамъ: онъ вообще весьма серьезно смотрѣлъ на труды и обязанности ученаго сословія, что доказывается и нѣкоторыми статьями его, каковы: «Россійская Академія» и «О мнѣніи М. А. Лобанова» (*). Весной 1833 года онъ переѣхалъ на дачу, на Черную рѣчку и отправлялся пѣшкомъ оттуда каждый день въ Архивы, возвращаясь такимъ же образомъ назадъ. Какъ только истощались его силы отъ усиленнаго физическаго и умственнаго труда, онъ шелъ купаться и этого средства уже достаточно было,

(*). Мы еще не упомянули, что весной 1830 Пушкинъ былъ выбранъ также Членомъ и Общества любителей Россійской Словесности, существовавшаго тогда въ Москвѣ. Известно, что въ періодическомъ изданіи этого Общества появились нѣкоторыя изъ первыхъ его произведеній. Однакожъ Пушкинъ ни разу не присутствовалъ въ засѣданіяхъ Общества и шутя говорилъ о немъ, что оно уже до излишества выказываетъ отличительное свойство Москвы — гостепріимство.

чтобъ снова возвратить ему бодрость и способности. При такой непрерывной и страстной дѣятельности не мудрено, что къ осени 1833 года были у него готовы матеріалы для Исторіи Пугачевского бунта, написана вчернѣ Капитанская дочка и въ портфеляхъ лежали почти совсѣмъ обдѣланные — Русалка и Дубровскийъ.

Скажемъ, по обыкновенію, нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ произведеній, начиная съ перваго. При собираніи документовъ для исторіи Петра Великаго, Пушкинъ встрѣтился съ матеріалами, которые показали ему столь важными, что онъ положилъ ихъ въ основаніе побочнаго изслѣдованія, ни сколько не упуская изъ вида главнаго предмета своихъ розысковъ. Второстепенный, эпизодическій трудъ этотъ породилъ Исторію Пугачевского бунта, вышедшую въ 1834 году. Здѣсь кстати будетъ перечислить всѣ мѣста, съ которыми Пушкинъ вошелъ въ сношенія послѣ Всемилостивѣйшей довѣренности, облекшей его правомъ пользованія сокровищами Государственныхъ Архивовъ. Вслѣдъ за первымъ дозволеніемъ, онъ получилъ Высочайшее согласіе на разсмотрѣніе библіотеки Вольтера, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ (29 Февраля 1832); за тѣмъ получилъ право сноситься съ С.-Петербургскимъ Архивомъ Инспекторскаго Департамента и съ Московскимъ Отдѣленіемъ его, препроводившимъ къ нему три книги, касавшіяся до исторіи Графа Суворова-Рымникскаго, вмѣстѣ съ донесеніями и реляціями Фельдмаршала во время компаній 1794, 1799 и частію 1800 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему открытъ былъ Главный Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которому, между прочимъ, посвятилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ 1836 года — послѣдняго года своей жизни. Съ сокровищами Государственнаго Архива онъ ознакомился подъ руководствомъ и наблюденіемъ Его Сіятельства Графа Димитрія Николаевича Блудова. Такъ разнообразны были археологическія занятія Пушкина. Во всемъ этомъ особенно изумительно распоряженіе его своимъ временемъ, способность сохранять неослабно строгую задачу жизни въ средѣ обширнаго знакомства, какое онъ имѣлъ и между разнообразнѣйшими требованіями и наслажденіями общества, которыми никогда не пренебрегалъ. Мысль его сберегалась,

безъ ущерба, въ шумѣ заботъ и во всемъ ходѣ великолѣпной столичной жизни. Не смотря на непрерывную дѣятельность свою, онъ еще находилъ время и много времени для исполненія условий и необходимостей личнаго своего положенія. Рѣдко измѣняла ему нравственная сила, необходимая для того, чтобы сохранять равновѣсіе между противоположными впечатлѣніями такой жизни и не допускать развитія менѣе важной стороны ея на счетъ другой. Эти рѣдкія минуты наступали особенно тогда, когда, по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, разсѣянія и заботы слишкомъ выдавались впередъ. Никогда не слѣдовалъ онъ, да и не могъ слѣдовать, афоризму, произнесенному имъ въ статьѣ о Вольтерѣ: «настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ». Правда онъ жаловался, если на нѣкоторое время одна сторона жизни его перемогала другую, но это принадлежало къ минутнымъ случайностямъ жизни. Такъ въ 1833 году писалъ онъ въ Москву: «заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать, но нѣтъ у меня досуга... необходимаго для писателя... Кручусь въ свѣтѣ... все это требуетъ денегъ: деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія». Послѣ такихъ жалобъ, Пушкинъ снова возвращался къ обыкновенному теченію жизни и старался возстановить равновѣсіе между ея противоположными элементами. Въ такой рамѣ заключена была его поэтическая и ученая дѣятельность. Рядомъ съ своимъ историческимъ трудомъ Пушкинъ началъ, по неизмѣнному требованію артистической природы, романъ: Капитанская дочка, который представлялъ другую сторону предмета — сторону нравовъ и обычаевъ эпохи. Сжатое и только по наружности сухое изложеніе, принятое имъ въ исторіи, нашло какъ будто дополненіе въ образцовомъ его романѣ, имѣющемъ теплоту и прелесть историческихъ записокъ. Оба произведенія были кончены въ одно время и когда въ Августѣ 1833 г. собрался онъ посѣтить Оренбургъ и Казань, то въ числѣ причинъ, побуждающихъ его къ этой поѣздкѣ, представлялъ и необходимость довершить романъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ его дѣйствіе. Коммерческія соображенія занимаютъ тутъ, какъ и всегда, свою долю. Все это можно видѣть изъ черноваго отрывка, съ котораго, вѣроятно, составлена была просьба

объ отпускъ, поданная имъ своему начальству по службѣ. «Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ прожить въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани и вотъ почему хотѣлось бы мнѣ посѣтить объ сіи губерніи. . . . 30 Іюля. Черная рѣчка».

Русалка, мы уже знаемъ, не имѣла оглавленія у Пушкина. Въ рукописяхъ его сохраняется одна перебѣленная копія ея, съ помѣткой послѣ первой сцены: «12 Апрелья 1832», хотя первыя неясныя черты драмы встрѣчаются уже въ тетрадахъ 1829 года. Это превосходное созданіе особенно поражаетъ соединеніемъ фантастическаго сказочнаго содержанія съ истинно-драматическимъ положеніемъ лицъ, отъ чего въ одно время и въ удивительной гармоніи развивается чудное и сверхъестественное о бокъ съ самымъ опредѣленнымъ содержаніемъ и съ картиной стараго Русскаго быта. Изящество отдѣлки въ этомъ отрывкѣ достаточно извѣстно публикѣ, но прямое участіе фантастическаго міра въ дѣлахъ земли, обѣщавшее новое развитіе страстей и положеній, новыя откровенія человѣческаго сердца, внезапно прерывается съ появленіемъ молодой Русалочки и со словами Князя: «Откуда ты прекрасное дитя?» Программа не открываетъ намъ ничего далѣе. Вотъ въ какомъ видѣ находится она въ бумагахъ:

Мельникъ и его дочь.

Свадьба.

Княгиня и мамка.

Русалки.

Князь старикъ и Русалочка.

Охотники.

Только «охотники» еще не тронуты были авторомъ, но теперь они ничего не выражаютъ и не даютъ ни малѣйшей пищи любопытству изслѣдователя. Дальнѣйшее развитіе фантастической драмы должно искать не тутъ, а въ Чешскомъ сказаніи: *Яньшиъ Королевичъ*, которое переведено было Пушкинымъ и помѣщено въ «Пѣсняхъ Западныхъ Славянъ». Въ пьесѣ Яньшиъ Королевичъ находимъ первую мысль Русалки и замѣчательно, что Пушкинъ перевелъ изъ сказанія столько, сколько переложилъ въ драму, а объ остальной части вскользь упомянулъ въ примѣчаніяхъ къ Пѣснямъ Западныхъ Славянъ: «Пѣсня о Яньшиъ Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю». Перебѣленная рукопись Пушкина сохраняетъ еще множество помарокъ и исправленій карандашемъ, изъ которыхъ одни вошли въ текстъ при печатаніи драмы, а другія не могли войти, будучи только непонятными намеками на поправки (*). Между прочимъ и въ ней встрѣчается одно мѣсто, зачеркнутое Пушкинымъ крестъ на-крестъ и которое дѣйствительно принадлежитъ къ уклоненіямъ фантазіи, принявшей незамѣтно боковой, неправильный ходъ. По обыкновению приводимъ это мѣсто для поученія молодымъ писателямъ. Во второй сценѣ драмы, послѣ свадьбы Князя и укорительныхъ словъ Дружки дѣвушкамъ за несвадебную пѣсню ихъ, въ рукописи сцена еще продолжается:

Дружко.

Ужъ эти дѣвушки! Никакъ нельзя имъ
Не попроказать. Статочное ли дѣло

(*) «Капитанская дочка» напечатана была при жизни автора въ Современникѣ 1836 года, томъ четвертый. «Русалка» — въ Современникѣ 1837, послѣ смерти поэта, томъ шестой, а «Дубровский» уже сообщенъ былъ посмертнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина въ 1841 году. Такимъ образомъ первое произведеніе оставалось неизвѣстнымъ публикѣ 4 года, второе 5 лѣтъ, третье почти 9. Кстати сказать, что и Арапъ Петра Великаго не имѣетъ оглавленія у Пушкина. Онъ былъ написанъ въ 1827—1828 году, напечатанъ послѣ смерти автора въ Современникѣ же 1837 года, томъ шестой и пролежалъ въ тетрадахъ Пушкина тоже слишкомъ 9 лѣтъ.

Мутить нарочно княжескую свадьбу.

Ба! это что? Да это голось князя....

(Дѣвушка подъ покрываломъ переходитъ черезъ комнату.)

Ты видѣла?

СВАХА.

Да, видѣла.

Князь *(выбѣгаетъ.)*

Держите!

Гоните со двора ее долой!

Вотъ слѣдъ ея — съ нее вода течеть.

Дружко.

Юродивая, можетъ статья. Слуги,

Смѣясь надъ ней, ее, знать, окатили.

Князь.

Ступай прикрикни ты на нихъ. Какъ смѣи

Надъ нею издѣваться и ко мнѣ

Впустить ее? *(уходитъ.)*

Дружко.

Ей Богу это странно.

Кто тамъ? *(входятъ слуги.)* Зачѣмъ пустили эту дѣвку?

СЛУГА.

Какую?

Дружко.

Мокрую.

СЛУГА.

Мы мокрыхъ дѣвокъ

Не видали.

Дружко.

Куда жъ она дѣвалась?

СЛУГА.

Не вѣдаемъ.

СВАХА.

Охъ, сердце замираеть.

Нѣтъ, это не къ добру.

Дружко.

Ступайте вонъ,

Да ни кого, смотрите, не выпускайте.

Пойти-ко мнѣ садиться на коня.

Прощай кума.

СВАХА.

Охъ, сердце не на мѣстѣ.

Не въ пору сладили мы эту свадьбу.

Въ замѣнѣ, обаятельныя пѣсни Русалокъ въ 4 сценѣ драмы имѣютъ еще у Пушкина двойную редакцію. Рядомъ съ первымъ текстомъ, принятымъ всѣми изданіями:

Поздно. Волны охладѣли,
Пѣтухи вдали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна,

у Пушкина еще стоитъ другой:

Поздно. Роши потемнѣли,
Холодѣетъ глубина,
Пѣтухи въ селѣ пропѣли,
Закатилася луна.

Въ первой пѣснѣ Русалокъ, послѣ стиховъ:

И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать,

Пушкинъ съ боку, словно намѣреваясь еще продолжать ее, написалъ:

«Слушать ухомъ ненасытнымъ
Шумы разные земли

Слѣдующій за тѣмъ речитативъ Русалокъ, начинающійся во всѣхъ изданіяхъ такъ:

Тише! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ,

можетъ быть читанъ еще и такъ:

Тише, тише! подъ кустами
Что - то дрогнуло во мглѣ.

Намъ кажется даже, что эти вторыя редакціи еще лучше первыхъ. По нѣкоторымъ рассказамъ, сообщеннымъ недавно публикѣ, можно заключить, что Пушкинъ смотрѣлъ на Русалку свою, какъ на либретто для оперы. Въ такомъ случаѣ ни одна страна Европы не имѣетъ либретто, болѣе исполненнаго чудной поэзіи, болѣе близкаго къ гениальному воспроизведенію въ искусствѣ народныхъ

представлений. Намъ кажется, однакожь, что Русалка Пушкина есть вмѣстѣ и его лебединая пѣснь, которой онъ прощался съ вольнымъ артистическимъ взглядомъ своимъ на предметы, переходя къ опредѣленному, строгому направленію, гдѣ артистъ уже подчиняется идеи, имъ самимъ избранной для себя.

Повѣсть: «Дубровскій» тоже не имѣла заглавія у Пушкина, мѣсто котораго занимаетъ помѣтка «21-го Октября 1832 года». За тѣмъ уже авторъ помѣчалъ каждую главу до послѣдней (см. примѣчанія къ роману), конченной 3 Января, такъ, что вся повѣсть была написана съ небольшимъ въ три мѣсяца и притомъ еще карандашемъ для скорости. Эта быстрота сочиненія объясняетъ нѣкоторые перерывы и отчасти романическій конецъ ея, который разнорѣчитъ съ сущностію всего остальнаго содержанія, замѣчательнаго строгой вѣрностію съ дѣйствительнымъ бытомъ и правами описываемаго общества. Пушкинъ нарисовалъ свою картину съ особенной энергіей, а въ характерѣ Троекурова явился глубокимъ психологомъ. Вся повѣсть его и теперь поражаетъ соединеніемъ истины и поэзіи. Въ Русской литературѣ мало разсказовъ, отличающихся такимъ твердымъ выраженіемъ фізіономіи: это живопись мастера. Весьма важно для литературныхъ соображеній и то, что Дубровскій написанъ ранѣе произведеній Гоголя изъ Русскаго быта, веденъ иначе, чѣмъ они и совсѣмъ въ другомъ тонѣ; но мысль поставить современную жизнь на главный планъ, сохраняя ей тѣ черты поэзіи, драмы и особенностей, какія она заключаетъ въ себѣ, имъ обща.

Въ концѣ 1832 года, Н. В. Гоголь жилъ неподалеку отъ Пушкина, въ Малой Морской. Онъ издалъ тогда вторую часть своихъ Вечеровъ на хуторѣ, за которыми послѣдовали: Миргородъ, Арабески и Ревизоръ. Все это выходило подъ глазами, такъ сказать, Пушкина и друзей его (*). Такимъ образомъ со многими изъ произведеній, заключавшимися въ сборникахъ Гоголя, Пушкинъ знакомъ былъ еще до появленія ихъ: Н. В. Гоголь чи-

(*) Изданіе «Вечеровъ» и самое заглавіе этой книги (какъ нынѣ извѣстно) задумано и совершено по совѣту П. А. Плетнева, который говорилъ тогда не умѣвшимъ цѣнить этотъ талантъ: «Въ его произведеніяхъ хранятся цѣльные куски золота.»

талъ ему предварительно свои рассказы. Мы уже видѣли съ какимъ живымъ одобреніемъ встрѣтилъ онъ Вечера на Хуторѣ; дальнѣйшее развитіе Гоголя только увеличивало надежды его на будущность молодаго писателя. Онъ понуждалъ его къ начатию какого-либо большаго созданія и Н. В. Гоголь сохранилъ намъ слова поэта въ одной изъ неизданныхъ своихъ записокъ, слова, которыя мы буквально переписываемъ здѣсь.

«..... Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьёзно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и наконецъ, одинъ разъ послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, по которое, однакожь, поразило его больше всего, мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «какъ съ этой способностью угадывать чловѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, съ этой способностью, не приняться за большое сочиненіе: это просто грѣхъ!» — Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за Дон-Кихота, никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями; и въ заключеніе всего отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы, котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому ни кому; это былъ сюжетъ Мертвыхъ душъ. (Мысль Ревизора принадлежитъ также ему).»

И такъ, по сознанию самого Гоголя, и Ревизоръ и Мертвыя души принадлежали къ вымысламъ Пушкина. Въ 1835 году, когда Гоголь знакомилъ Петербургскихъ друзей своихъ съ первымъ изъ сихъ произведеній и довольно часто читалъ комедію на вечерахъ у разныхъ лицъ, Пушкинъ не уставалъ слушать его. Наклонность поэта къ веселости (самому драгоценному и самому рѣдкому свойству въ писателѣ, по его мнѣнію), нашла здѣсь полное удовлетвореніе, какъ прежде въ рассказѣ о ссорѣ Ивана Ивасовича съ Иваномъ Никифоровичемъ — и надъ обоими произведеніями смѣхъ его былъ почти неистощимъ. Серьезную

сторону въ талантѣ Гоголя постигаль онъ, однакожь, съ замѣчательной вѣрностью. Отъ считаль одно время «Невскій проспектъ» лучшею повѣстью его. Въ ней находилъ онъ замѣчательный шагъ отъ идиллической, комической и даже героической живописи Малороссійскаго быта къ болѣе близкой намъ дѣйствительности, которая подъ своею ровною поверхностію таитъ множество источниковъ поэзіи и разработка которой дѣлается тѣмъ почетнѣе, чѣмъ она труднѣе. Взглядъ Гоголя на способъ созданія, его манера представленія лицъ и образовъ прямо, безъ оговорокъ и умствованій, совпадала съ мыслями, какія имѣлъ Пушкинъ о сущности и достоинствѣ разсказа. Даже неправильность языка, иногда такъ сильно бросающаяся въ глаза, особенно въ первыхъ произведеніяхъ Гоголя, находила оправданіе у чловека, который писалъ къ Погодину: «надо дать языку нашему болѣе воли», а про себя говорилъ: «прозой пишу я гораздо неправильнѣе (*), а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь.» Все это показываетъ несомнѣнно одно: съ раннихъ поръ Пушкинъ прозрѣваль въ Гоголь дѣятеля, призваннаго дать новую жизнь той отрасли изящнаго, которую онъ самъ пробоваль съ славой, но для которой потребенъ былъ другой талантъ, способный посвятить ей одной всѣ усилія свои и подарить ее созданіями, долго и глубоко продуманными. На это и указываль онъ Гоголю, представляя тѣмъ самымъ еще разъ подтвержденіе мысли, что въ нравственномъ, какъ и въ физическомъ мірѣ, нѣтъ внезапныхъ перескоковъ. То, что кажется явленіемъ, отрѣзаннымъ отъ всего прошедшаго, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается естественнымъ слѣдствіемъ предшествующаго развитія (**).

Съ другой стороны (и это весьма важно для большаго поясненія

(*) Т. е. стиховъ. Замѣтка, однакожь, не подтверждаемая прозаическими сочиненіями Пушкина.

(**) Не можемъ удержаться, чтобъ не привести здѣсь забавнаго разсказа самаго Гоголя о попыткахъ его познакомиться съ Пушкинымъ, когда онъ еще не имѣлъ права на это въ своемъ званіи писателя. Впослѣдствіи онъ былъ представленъ ему на вечерѣ у П. А. Илетнева, но прежде и тотчасъ по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ (кажется въ 1829 году), Гоголь, движимый потребностью видѣть поэта, который занималь все его воображеніе еще на школьной скамьѣ, прямо изъ дома отправился къ нему. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ квартирѣ

самой личности нашего поэта), онъ не могъ быть вполне доволенъ всѣмъ содержаніемъ Гоголя въ эту эпоху его развитія. Отъ зоркости Пушкинскаго взгляда не могли укрыться и рѣзкое, по временамъ, изложеніе мысли и еще жесткое проявленіе силы, не покоренной искусствомъ. И та и другая, часто еще у Гоголя вырывались наружу, по-мимо эстетическихъ условій, ограничивающихъ и умѣряющихъ ихъ. При томъ же Гоголь не обладалъ тогда и необходимою многосторонностію взгляда. Ему недоставало еще значительнаго количества матеріаловъ развитой образованности, а Пушкинъ признавалъ высокую образованность, какъ извѣстно, первымъ, существеннымъ качествомъ всякаго истиннаго писателя въ Россіи. Но мысли свои о людяхъ Пушкинъ высказывалъ чрезвычайно осторожно, цѣня всего болѣе лицевую сторону ихъ жизни, какъ знаемъ. На единѣ, однакожь, съ особами, которымъ хотѣлъ показать признаки всей своей довѣренности, онъ любилъ представлять образцы своего мѣткаго опредѣленія характеровъ и наблюдательной способности. Отсюда и причина нѣкоторыхъ недоразумѣній, какъ въ отношеніи самого Гоголя, такъ и въ отношеніи другихъ его знакомыхъ. Люди, слышавшіе довѣрчивыя его сужденія, принимали ихъ за нѣчто противоположное съ тѣми, какія высказывалъ онъ передъ свѣтомъ, публично, когда собственно никакого противорѣчія между ними не существовало и одни не исключали другихъ. Пишущій эти строки самъ слышалъ отъ Гоголя о томъ, какъ разсердился на него Пушкинъ за легкомысленный приговоръ Мольеру: «Пушкинъ», говорилъ Гоголь, далъ мнѣ порядочный выговоръ и крѣпко побранилъ за Мольера. Я сказалъ, что интрига у него почти одинакова и пружины схожи между собой. Тутъ онъ меня поймалъ и объяснилъ, что писатель, какъ Мольеръ,

Пушкина, тѣмъ болѣе овладѣвала имъ робость и наконецъ у самыхъ дверей квартиры развилась до того, что онъ убѣжалъ въ кондитерскую и потребовалъ рюмку ликера . . . Подкрѣпленный имъ, онъ снова возвратился на приступъ, смѣло позволилъ, и на вопросъ свой: «дома ли хозяинъ?» услышалъ отвѣтъ слуги: «почиваютъ!» Было уже поздно на дворѣ. Гоголь съ великимъ участіемъ спросилъ: «вѣрно всю ночь работалъ.»—«Какъ же, работалъ, отвѣчалъ слуга, въ картишки игралъ.» Гоголь признавался, что это былъ первый ударъ, нанесенный школьной идеализаціи его. Онъ иначе не представлялъ себѣ Пушкина до тѣхъ поръ, какъ окруженнаго постоянно облакомъ вдохновенія.

надобности не имѣетъ въ пружинахъ и интригахъ, что въ великихъ писателяхъ нечего смотрѣть на форму и что куда бы онъ ни положилъ добро свое — бери его, а не ломайся.» И таково было обаяніе личности поэта нашего, что когда за три мѣсяца до смерти Гоголя, составитель этихъ матеріаловъ напомнилъ ему о Пушкинѣ, то могъ видѣть, какъ перемѣнилась, просвѣтлѣла и оживилась его фізіономія (*). . . .

Мы видѣли, что съ дачи своей на Черной рѣчкѣ, гдѣ между прочимъ, написанъ былъ 26 Іюня: Странникъ (Однажды странствуя. . .), къ которому скоро возвратимся — Пушкинъ просилъ позволенія ѣхать въ отпускъ, въ Казань и Оренбургъ. Онъ получилъ разрѣшеніе на поѣздку 12-го Августа, но началъ свое путешествіе, кажется, съ Дерпта, гдѣ тогда жила К. А К — а. Въ концѣ этого мѣсяца мы уже находимъ его въ Нижегородской губерніи, въ селѣ Болдинѣ, откуда онъ и предпринялъ дальнѣйшее путешествіе по губерніямъ. 6-го Сентября Александръ Сергѣевичъ прибылъ въ Казань и на другой день рано утромъ отправился за 10 верстъ отъ города къ Троицкой мельницѣ, гдѣ Пугачевъ стоялъ лагеремъ, а вечеромъ посѣтилъ купца Крупеникова, бывшаго въ плѣну у самозванца. А. В. Фуксъ, супруга

(*) Въ 1832 году, Пушкинъ еще оторвался отъ всѣхъ важныхъ своихъ занятій и уѣхалъ въ Москву на 28 дней (съ 12-го Сентября), для приведенія въ порядокъ тамошнихъ дѣлъ, которыя сильно беспокоили его. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ написалъ къ И. В. Нащокину письмо, которое вкратцѣ передаетъ почти все, что гораздо подробнѣе рассказано нами прежде: «. . . . Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ, пишетъ онъ, въ неакуратности. Приѣхавъ сюда, нашелъ большіе беспорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ нанимать новую квартиру и слѣдственно употреблять суммы, которыя въ другомъ случаѣ остались бы неприкосновенными. . . . Долгъ получишь въ Генварѣ, какъ я уже распорядился, продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. Sur se — поговоримъ о дѣлѣ. Честь имѣю тебѣ объявить, что первый томъ Осіровскаго конченъ и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подѣ критику Г. К. Я написалъ его въ двѣ недѣли, но остановился по причинѣ жестокаго ревматизма, отъ котораго пристрадалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо и не могъ связать двѣ мысли въ головѣ. Что твои меморіи? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче — незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой. Мой журналъ остановился, потому что долго не приходило разрѣшенія. Пылнѣйшій годъ

К. О. Фукса, замѣчательнаго чловѣка, оставившаго такую благодарную память по собѣ въ Казани, рассказала намъ пребываніе Пушкина въ городѣ и въ ея домѣ (Казанскія вѣдомости 1844 г., № 2). Пушкинъ говорилъ съ ней о значеніи магнетизма, которому вѣрилъ вполне, передалъ анекдотъ о сдѣланномъ ему предсказаніи одной гадалщицей въ Петербургѣ, разбиралъ и оцѣнялъ современныхъ ему литераторовъ и людей, прибавивъ по обыкновенію: «смотрите: чтобъ все осталось между нами — сегодня была моя исповѣдь.» Онъ хвалилъ также стихи самой хозяйки и, какъ будто скучая заботами, сопряженными съ ученымъ трудомъ — замѣтилъ: «какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать прозой; признаюсь, ежели бы я не былъ вынужденъ обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнулъ пера въ чернила.» Всего замѣчательнѣе, что онъ два раза возвращался къ портрету Гаврилы Петровича Каменева, находившемуся въ кабинетѣ хозяйки и просилъ свѣдѣній о немъ, обѣщаясь написать его біографію: «это замѣчательный чловѣкъ», сказалъ онъ и сдѣлалъ бы многое, ежели бы не умеръ такъ рано. Онъ первый отступилъ отъ классицизма и мы, Русскіе романтики, обязаны ему благодарностію.» Извѣстно, что означали эпитеты классическій и романтическій у Пушкина. Съ живою благодарностію покинулъ онъ

онъ издаваться не будетъ. . . Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовить, покамѣстъ буду жаться понемногу. Мою статую я еще не продалъ, но продамъ во что бы то нистало. Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. . . . Я такого мнѣнія, что Петербургъ былъ бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія. Скажи Баратынскому, что Смирдинъ въ Москвѣ и что я говорилъ съ нимъ объ изданіи полныхъ стихотвореній Евгенія Баратынскаго. Я говорилъ о 8 и 10 тысячахъ, а Смирдинъ боялся, что Баратынскій не согласится, слѣдственно Баратынскій можетъ съ нимъ сдѣлаться; пускай онъ попробуетъ. Что Вельтманъ? Каковы его обстоятельства и что его опера? Прощай! 1832 года 2-го Октября. С.-Пб.» Письмо это требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Во первыхъ «Дубровский» названъ въ немъ «Островскимъ», а во вторыхъ мѣсто о статуѣ совсемъ не относится къ «Мѣдному Всаднику», какъ замѣчено въ Москвитинѣ 1851 (№ 23) въ выноскѣ, а къ дѣйствительной бронзовой статуѣ, которой владѣлъ Пушкинъ и собирався продать. Опера Г. Вельтмана, носила названіе, если не ошибаемся: «Лѣтняя ночь.»— Содержаніе авторъ заимствовалъ, вѣроятно, изъ извѣстной пьесы Шекспира. Она писалась для молодаго музыканта А. П. Есаулова, замѣчательнымъ способностямъ котораго отдають справедливость всѣ знавшіе его коротко. Пушкинъ самъ принималъ въ немъ живѣйшее участіе и мы

★

и Казань и семейство Фукса. На другой день, 8-го Сентября, онъ до свѣта еще уѣхалъ въ Симбирскъ и 12-го числа былъ въ селѣ Языковѣ (Симб. губер.), принадлежавшемъ поэту Н. М. Языкову. 14-го числа выѣхалъ онъ изъ Симбирска по направленію въ Оренбургъ и возвратился опять назадъ съ третьей станціи, выбравъ другой трактъ для путешествія, чему причиною была случайная задержка въ лошадяхъ. Заяцъ, перебѣжавшій ему дорогу и котораго, по его словамъ, хотѣлось бы ему затравить на мѣстѣ — накликалъ ему эту помѣху. 19-го Сентября прибылъ онъ въ Оренбургъ. Тамъ останавливался онъ, какъ мы слышали, въ домѣ самого Генераль-Губернатора и вмѣстѣ съ В. Н. Далемъ объѣхалъ Оренбургскую линію крѣпостей, ища вездѣ живыхъ преданій и свидѣтельства очевидцевъ. Подобно тому, какъ онъ провелъ полтора часа у купца Крупеникова въ Казани, такъ въ Оренбургской губерніи онъ разговаривалъ со старикомъ Дмитріемъ Пьяновымъ, сыномъ того Пяпова, о которомъ упоминается въ Исторіи Пугачевского бунта, а въ селеніи Берды встрѣтилъ старую казачку, помнившую происшествія того времени очень живо. Онъ пишетъ, что чуть-чуть въ нее не влюбился, не смотря на мало привлекательную паружность. Въ Уральскѣ Пушкинъ былъ принятъ съ необычайнымъ радушіемъ

думаемъ, что, не смотря на оперу Г. Вельмана, онъ для А. П. Есаулова началъ свою «Русадку.» Онъ хотѣлъ вывести въ люди неизвѣстнаго композитора . . . Романическая жизнь А. П. Есаулова заслуживала бы описанія. Отъ него извѣстенъ намъ одинъ только романсъ на слова Пушкина «Разставаніе» (Въ послѣдній разъ твой образъ милый), свидѣтельствующій о глубинѣ чувства, дарованіи автора и его познаніяхъ въ гармоніи. Вѣроятно объ этомъ романсѣ Пушкинъ писалъ въ Москву: «Что жъ не присылаешь ты Есауловскаго романса, исправленнаго во второмъ изданіи. Мы бы его въ моду пустили между Фрейлихами.» Не знаемъ, что помѣшало дальнѣйшему развитію и успѣхамъ музыканта, покровительствуемаго Пушкинымъ. Въ письмахъ послѣдняго, напечатанныхъ въ Москвитинѣхъ 1851, есть еще характеристика художника, неизвѣстно къ кому относящаяся: «NN умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума. SS и я — мы помогали ему деньгами скупю, увѣщаніями щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ — капельмейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и привычкахъ, т. е. безпеченъ, нерыщительнъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимость. По вѣдъ и нищій независимѣе поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ Нѣмецкихъ гениевъ, преодолевшихъ столько горя, дабы добиться славы и куска хлѣба . . .»

всѣмъ обществомъ города, соединившимся въ одномъ общедѣ, данномъ въ честь поэта. 23-го выѣхалъ онъ изъ Оренбурга и черезъ Саратовъ и Пензу возвратился въ Болдино, гдѣ былъ 2-го Октября. Такимъ образомъ на поѣздку въ Оренбургъ, на тамошнія изслѣдованія и на возвращеніе къ себѣ въ Нижегородскую губернію, Пушкинъ употребилъ не болѣе одного мѣсяца. Съ начала Октября до самаго Ноября мѣсяца, Пушкинъ уже не оставлялъ деревни и 28-го числа послѣдняго мѣсяца прибылъ въ С.-Петербургъ къ мѣсту служенія, какъ обозначено въ его формулярѣ. Въ этотъ промежутокъ времени написано имъ въ глухомъ уединеніи Болдина нѣсколько произведеній, которыя по характеру своему составляютъ новый видъ творчества, въ какомъ уже застала его и смерть (*).

Прежде всего является тутъ *Сказка о Рыбакѣ и Рыбкѣ*, написанная въ Болдинѣ 14 Октября 1833 и имѣющая помѣтку: «18 пѣсня Сербская». Въ Болдинѣ же конченъ *Мѣдный всадникъ* и на первой перебѣленной его рукописи подписано: «31 Октября 1833. Болдино.» Наконецъ Исторія Пугачевского бунта была тогда же приведена въ окончательный порядокъ. Предисловіе къ ней помѣчено у Пушкина: «2 Ноября 1833. Болдино.» Ограничиваясь одними поэтическими произведеніями, мы видимъ, что село Болдино имѣетъ въ жизни поэта свою долю поэтическаго вліянія. Если въ Михайловскомъ написанъ Борисъ Годуновъ, то въ Болдинѣ обдуманъ и завершёнъ *Мѣдный Всадникъ*.

«Рыбакъ и Рыбка, 18-я пѣсня Сербская» сама собою свидѣтельствуешь, что «Пѣсни Западныхъ Славянъ» написаны были Пушкинымъ ранѣе осени 1833 и по всѣмъ вѣроятіямъ лѣтомъ этого года, на дачѣ Черной рѣчки. Другія, какъ Янышъ Королевичъ можетъ написаны еще и ранѣе—въ 1832 г. Известно, что нѣкоторая часть этихъ пѣсенъ взята изъ книги Г. Мериме: «*La Guzla, ou choix de poésies illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et la Herzégowine. Paris. 1827.*» но поэтъ нашъ, какъ видно, нисколько не соблюдалъ критическаго раздѣленія народныхъ Славянскихъ про-

(*) Еще съ дороги во свояси Пушкинъ писалъ въ Петербургъ: «Рифмы и стихи не даюгъ мнѣ покоя въ кабинетѣ. Что же будетъ, когда очучусь дома и въ постелѣ?»

изведсній по племенамъ. Онъ давалъ общее генерическое названіе Сербскихъ—всѣмъ пѣснямъ Южнаго Славянскаго происхожденія.

Книга Г. Мериме надѣлала въ Европѣ шума между учеными и остается памятникомъ ловкой, остроумной и вмѣстѣ весьма явной поддѣлки народныхъ мотивовъ. Довольно странно, что немногіе замѣтили тогда весьма важное обстоятельство. Почти всѣ примѣчанія книги Мериме взяты цѣликомъ, а иногда слово въ слово изъ Путешествія по Далмаціи Аббата Форти (*Voyage en Dalmatie par l'Abbé Fortis, traduit de l'Italian, 2v. Berne. 1778.*) (*), а также и всѣ названія горъ, рѣкъ, деревень и даже собственныхъ имена. Это могло бы навести и на тайну ея происхожденія. Самымъ положительнымъ доказательствомъ подлога служить манера автора возводить каждую черту народнаго характера, встрѣченную въ книгѣ Форти, до образовъ и легенды, между тѣмъ какъ въ настоящей народной поэзіи они проходятъ легкими намеками, никогда не имѣютъ самостоятельности и брошены невзначай, безъ вниманія и разработки. Такъ у Мериме есть пѣсни на *дурной глазъ*, на *свадебные обряды*; да и самое *вурдалаки* или *вукодлаки*, въ извѣстномъ Сербскомъ сборникѣ Вука Стефановича, не имѣютъ отдѣльныхъ пѣсней, какъ представленіе низшее, не выросшее до пѣсни. Подобное замѣчается и въ Русскихъ пѣсняхъ, гдѣ Лѣшій, Домовой еще иногда входятъ, какъ подробность въ пѣсню, но никогда не составляютъ главныхъ лицъ ея, на которыхъ сосредоточена мысль произведенія. Въ замѣчу лучшій и совершенно обработанный образъ Южной Славянской поэзіи—*Вилы*, совершенно упущенъ изъ вида Мериме, потому что объ немъ едва упоминаетъ и Аббатъ Форти. Вся біографія Маглановича удивительно ловко составлена изъ этнографическихъ данныхъ, почерпнутыхъ въ томъ же путешествіи, но пѣсни, названная Мериме: *Improvisation de Maglanovich* совершенно терлетъ мѣстный колоритъ. Хвастовство стараго гуслара своими поэтическими способностями—не можетъ никакъ принадлежать Славянскому міру. Вообще же на всѣхъ лицахъ, выведенныхъ Мериме, весьма ясны, при внимательномъ наб-

(*) Мы не могли достать Итальянскаго подлинника этой книги; примѣчанія Мериме переданы въ сокращеннн и Пушкинымъ.

людени, слѣды раскраски и притомъ съ ученымъ пониманіемъ эффекта и освѣщенія, рѣдкимъ въ простыхъ соображеніяхъ народа. Въ одной пѣснѣ (*Maxime et Zoe*), Мериме вывелъ даже челоѵка съ *дурнымъ глазомъ*, распѣвающаго вечеромъ на гусяхъ, подѣ окномъ Зои, какъ настоящій Испанецъ, и самъ принужденъ былъ оговориться въ примѣчаніи: *Cette bellade peut donner une idée du goût moderne. On y voit un commencement de prétention qui se mêle à la simplicité des anciennes poésies illyriques, etc.* По всѣмъ этимъ причинамъ зоркій глазъ Гёте не былъ обманутъ мастерскимъ подлогомъ, да и Пушкинъ никогда не вѣрилъ подлинности пѣсенъ Мериме: просьба къ пріятелю снестись объ этомъ съ авторомъ Гузлы, вызвавшая извѣстный отвѣтъ послѣдняго, скорѣе доказываетъ его сомнѣніе, чѣмъ что либо другое. При второмъ изданіи Гузлы, Мериме, съ простительнымъ самодовольствомъ исчисляя людей, обманутыхъ его произведеніемъ, упоминаетъ: 1-е объ англичанинѣ Боурингѣ, издавшемъ въ 1825 году Русскую Антологію, который просилъ у Мериме подлинниковъ его подражаній; 2-е, объ нѣмцѣ Герхардѣ, который увѣдомлялъ Мериме, что въ его прозѣ открылъ даже самый метръ иллирійскихъ стиховъ и 3-е, о Пушкинѣ. Вотъ его слова о послѣднемъ: *Enfin M. Pousckine a traduit en russe quelques-unes de mes historiettes et cela peut se comparer à Gil Blas, traduit en espagnol et aux Lettres d'une religieuse portugaise, traduites en portugais.*

Въ словахъ Мериме, можетъ, заключается болѣе истины, чѣмъ сколько онъ самъ предполагалъ (*). Мы сейчасъ это увидимъ.

Пушкинъ взялъ изъ сборника Мериме 11 пѣсенъ, включая

(*) Впрочемъ при второмъ изданіи Гузлы, самъ Мериме хорошо объясняетъ свою книгу, называя ее слѣдствіемъ того стремленія къ мѣстнымъ краскамъ, *couleur locale*, которое завладѣло Французской Литературой около 1825 года. Дѣйствительно книга его есть только эта завѣтная *couleur locale*, разбитая на много пѣсень, болѣе или менѣе остроумныхъ. Вместе съ тѣмъ нужно замѣтить, что кромя Аббата Форти могли быть у Мериме и другіе источники — напримѣръ изустные рассказы Славянскихъ путешественниковъ и эмигрантовъ. Можетъ быть въ книгѣ его таится и нѣсколько дѣйствительныхъ преданій или былей, не облеченныхъ въ пѣсню, но живущихъ въ средѣ племени, которому принадлежать. Разобрать и отличить ихъ предоставляемъ тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые знакомы лично съ Славянскими національностями, разумеется, если они трудъ этотъ считаютъ полезнымъ для литературы нашей.

сюда и пьссу: *Конь* («*Что ты ржешь, мой конь ретивой?*»), напечатанную сперва отдѣльно отъ пѣсень Западныхъ Славянъ. За тѣмъ двѣ перевелъ онъ изъ сборника Сербскихъ пѣсень Вука Стефановича (*Сестра и Братья, Соловей*); одну изъ Чешскихъ народныхъ сказаній (*Яньшиъ Королевихъ*) и двѣ почерпнулъ изъ современной Сербской Исторіи (*Пѣсня о Георгіиъ Черномъ, Воевода Милошъ*). Источника послѣднихъ мы не знаемъ и весьма склонны думать, что они принадлежатъ самому Пушкину безраздѣльно.

При передачѣ 11 пѣсень Мериме, дѣйствительно лучшихъ изъ всей его книги (содержащей 29 подражаній), Пушкинъ наложилъ на нихъ печать Славянской народности, въ которой основная идея каждой, откуда бы ни взята она была первоначально, получила общій племенный обликъ, близкій всякому, кто его знаетъ и въ себѣ носить (*). Подъ рукой его образовался рядъ небольшихъ народныхъ эпосей и каждое звено этой цѣпи могло бы быть понятно для всякой Славянской группы, которая еще не утратила воспоминанія о своемъ происхожденіи. Складъ ихъ, приемы, способъ выраженія, передавалъ иногда буквально образъ или мысль Французской поддѣлки — вмѣстѣ съ тѣмъ отходятъ къ общему Славянскому источнику слова и мысли. Не говоримъ о пьесахъ съ рифмами, каковы: *Вурдалакъ, Похоронная пѣснь Маглановича, Бонапартъ и Черногорцы, Конь*; здѣсь у нашего поэта, вышедшаго совсѣмъ изъ роли своей переводчика, начертаны яркіе образы, между тѣмъ какъ у подлинника они обозначены только слабыми намеками (**). Гораздо труднѣе уяснить себѣ какимъ об-

любопытно было бы знать, похоже ли напримѣръ: «Видѣніе Короля» на настоящее Южно-славянское преданіе, или создано Мериме на мученической смерти Короля Томы II, которая есть историческій фактъ.

(*) Въ изданіи 1840 г., Мериме присоединилъ къ нимъ еще три пѣсни поддѣльныхъ и одну настоящую Сербскую, найденную, какъ онъ говоритъ, въ библіотекѣ Арсенала въ Парижѣ.

(**) Вотъ напримѣръ пьеса «Конь» у Мериме.

LE CHEVAL DE THOMAS II.

Pourquoi pleures-tu mon beau cheval blanc? Pourquoi hennis-tu douloureusement? N'es-tu pas harnaché assez richement à ton gré? N'a-tu pas des fers d'argent avec des clous d'or? N'a-tu pas des sonnettes d'argent à ton cou? Et ne portes-tu pas le roi de la fertile Bosnie? — Je pleure, mon maître, parceque

разомъ, слѣдуя неотступно за книгой Мериме въ другихъ пьесахъ, Пушкинъ расходится въ тонѣ и разсказѣ съ нею такъ, что близкій переводъ уже дѣлается нисколько не похожимъ на свой оригиналь. Тутъ все дѣло въ оборотѣ рѣчи, въ постановкѣ мысли и образа, словомъ въ томъ неуловимомъ проявленіи творчества, которое чувствуется, но мало поддается разбору и критикѣ.

Можно только замѣтить систему обширнаго упрощенія подлинника. Такъ въ лучшей пьесѣ Мериме, въ легендѣ: «Видѣніе Короля» (у Мериме она названа: *La vision de Thomas II, Roi de Bosnie, par H. Maglanovich*), Пушкинъ встрѣчаетъ при описаніи ужаса Короля, отправляющагося ночью въ Божию церковь, слѣдующую фразу: «*il a pris de sa main gauche une amulette d'une vertue éprouvée et plus tranquille alors il entra dans la grande église de Kloutsch*». (Въ переводѣ: «тогда онъ взялъ лѣвой рукою амулетъ испытаннаго свойства и уже спокойнѣе вошелъ въ большую церковь Ключа — города»). Этотъ амулетъ есть опять черта нравовъ, вычитанная въ путешествіи Форти и довольно хитро

l'infidèle m'ôtera mes fers d'argent et mes clous d'or et mes sonnettes d'argent. Et je hennis, mon maître, parceque avec la peau du roi de Bosnie le mécréant doit me faire une selle.

Пусть читатель потрудится сравнить это со стихотвореніемъ Пушкина. Вотъ еще три куплета Мериме изъ Похоронной пѣсни Маглановича.

V.

Dis à mon père que je me porte bien, que je ne me ressens plus de ma blessure et que ma femme Hélène est accouché d'un garçon.

VI.

Je l'ai appelé Wladin comme lui. Quand il sera grand je lui apprendrai à tirer le fusil, à se comporter comme doit le faire un brave guerrier.

VII.

Chrusich a enlevé ma fille aînée et elle est grosse de six mois. J'espère qu'elle accouchera aussi d'un garçon beau et fort.

Это соответствуетъ стихамъ Пушкина:

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила, и проч.

Вся пѣсня у Мериме порождена замѣчаніемъ Аббата Форти, что Морлаки даютъ умершимъ комиссіи на тотъ свѣтъ и наполнена разными подобранными чертами ихъ нравовъ, (какъ напр: *Chrusich a enlevé ma fille aînée*), отъ которыхъ Пушкинъ ее освободилъ.

введенная въ разсказъ, но Пушкинъ минуетъ ее, замѣчая другою и совершенно пародной подробностью:

Ужасомъ въ немъ замерло сердце,
Но великую творить онъ молитву
 И спокойно въ церковь Божію входить.

Такъ еще въ разсказѣ Федоръ и Елена, Мериме всю половину первой части (*La belle Hélène*) своего повѣствованія занимаетъ грубымъ разговоромъ Елены со Стамати, чтобъ сказать только потомъ: какъ сильно Елена толкнула навязчиваго любовника. Это было опять воспроизведеніемъ замѣчанія путешественниковъ, что женщины Морлаковъ высоки и сильны, и иногда свосручно расправляются съ обидчикомъ, но Пушкинъ всю эту половину сжалъ въ 6 стиховъ, такъ пародно оканчивающихся:

Но дѣломъ тебѣ старій безстыдникъ!
 Ай да баба! Огдѣлалась славно!

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ двухъ частей Меримеевскаго разсказа онъ составилъ одну, притомъ еще небольшую, пѣсню и выпустилъ лице самого пѣсепника. У Французскаго автора именно, гусярь *Иванъ Битко* (*Jean Bietko*), передъ началомъ своего повѣствованія, обращается къ публикѣ съ привѣтствіемъ, а въ серединѣ его, на замѣтательномъ мѣстѣ, прерываетъ повѣствованіе, прося доброхотнаго подаянія. Эготъ чисто сценическій эффектъ, можетъ быть, даже въренъ и въ жизни, но ложенъ, искусствененъ въ пѣснѣ. Такъ исправлялъ Пушкинъ свой образецъ. Много и другихъ подобныхъ замѣтокъ можно было бы представить, но всѣ они еще не дадутъ понятія о томъ живительномъ дѣйствіи таланта, который преобразуетъ и то, что хочетъ сохранить по видимому. Это его сущность и вмѣстѣ его тайна.

О буквальной и вмѣстѣ удивительно поэтическомъ переводѣ двухъ настоящихъ Сербскихъ пѣсепъ намъ ничего не остается сказать. У Пушкина есть еще и пѣсня Чешскаго происхожденія: «Яньшъ - Королевичъ». Ей мы обязаны, между прочимъ, идеей Русалки, которая приняла въ себѣ уже элементы чисто Русскіе, при осуществленіи своемъ. Сохраняя, какъ намъ извѣстно, общее имя Сербскихъ всѣмъ 16-ти пѣснямъ своимъ, взятымъ изъ разныхъ источниковъ, Пушкинъ хотѣлъ присоединить къ нимъ

17-ю и 18-ю Сербскую пѣсню. Семнадцатую должна была составлять известная Южно-славянская эпопея, изъ сборника Вука Стефановича: *Жалобная пѣснь о благородной женѣ Ассанъ-Аги*, которой такъ посчастливилось въ Европѣ. Форти перевелъ ее по-Итальянски еще въ прошломъ столѣтїи, Французы имѣютъ два ея перевода (Гг. Нодье и Мериме), Нѣмцы нѣсколько и самый лучший изъ нихъ переводъ Гёте. Послѣдній передалъ, согласно съ Итальянскимъ переложенїемъ Аббата Форти, первый стихъ пѣсни такъ: «что тамъ бѣлѣтся въ *рощѣ зеленой?*» (*Was ist Weisses dort am grünen Walde*). Нодье, передавая первый стихъ ея, со всѣмъ искажилъ его смыслъ. Онъ уже говоритъ: что бѣлѣтся въ *зеленой равнинѣ?* Мериме, замѣтивъ промахъ соотечественника, исправляетъ его, но не вполне основательно. По его мнѣнію стихъ Сербской пѣсни: «*Što se bjeli na gorie zelenoi?*»—долженъ быть переведенъ: что это бѣлое *на зеленой горѣ?* Толкованію Мериме послѣдовалъ и Пушкинъ въ своемъ опытѣ переложенія Сербской эпопеи, но гора по-Сербски означаетъ возвышенное мѣсто, *покрытое лѣсомъ*. Такимъ образомъ и Гёте и Аббатъ Форти были правы, и вотъ почему А. Х. Востоковъ (*), подобно имъ, передалъ первый стихъ пѣсни такъ: что бѣлѣтся у *рощи*, у *зеле-*

(*) А. Х. Востоковъ напечаталъ впервые свой переводъ въ Сѣверныхъ цвѣтахъ на 1827 годъ съ замѣчанїемъ: «Изъ перваго изданія Сербскихъ пѣсень: Мала простонародна Словено-Сербска песнарица, у Виѣни. 1814 стр. 113....» Вотъ переложеніе Востокова для сличенія съ Пушкинскимъ:

Что бѣлѣтся у рощи—у зеленыя?
 Снѣгъ ли то, или бѣлые лебеди?
 Кабы снѣгъ, онъ скоро растаялъ бы;
 Кабы лебеди были, улетѣли бы прочь.
 Не снѣгъ-то, не бѣлые лебеди,
 А бѣлѣтся шатеръ Ассанъ-Аги,
 Гдѣ онъ лежитъ тяжело раненый.
 Его мать и сестра посѣщали тамъ;
 Молода жена придти постыдилася.
 Когда легче ему стало отъ тяжкихъ ранъ,
 Онъ послалъ сказать молодой женѣ.
 Не жди меня больше въ дому моемъ,
 Ни въ дому, ни во всемъ роду племени!
 Видна жсна таковы слова ж прочь.

ныя. Наконецъ подъ сказкой о Рыбакѣ и Рыбкѣ мы видѣли под-писъ: 18-я пѣсня Сербская. Такимъ образомъ онъ зачислилъ въ одинъ разрядъ съ ними народный апологъ, принадлежащій столь-ко же Русскому міру, сколько Славянскому вообще и Герман-скому, потому что корень его скрывается уже въ Индѣйскихъ представленіяхъ. Мысль поэта о пристройкѣ сказки къ ряду Сербскихъ пѣсенъ, могла только родиться изъ убѣжденія, что она приняла подъ рукой его родовые признаки Славянской по-эмы, какъ и многія другія пьесы, взятыя имъ, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ.

За тѣмъ приводимъ отрывокъ Пушкина (17-ю Серб. пѣсню), превосходно сохраняющій духъ подлинника и заставляющій со-жалѣть невольно о томъ, что онъ не имѣетъ продолженія.

Что бѣльется на горѣ зеленой?

Снѣгъ ли то, али лебеди бѣлы:

Бѣль бы снѣгъ—онъ давно бѣ растаялъ,

Были бѣ лебеди—они бѣ улетѣли:

То не снѣгъ и не лебеди бѣлы,

А шатеръ Аги Ассанъ - Аги:

Онъ лежитъ въ немъ весь израненъ.

Посѣтили его сестра и мать:

Его *люба* не пришла, застыдилася.

Какъ ему отъ боли стало легче,

Приказалъ онъ своей вѣрной женѣ:

Ты не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,

Въ бѣломъ домѣ—ни во всемъ моемъ родѣ. . . .

Такъ уже развилась эпическая сторона Пушкинскаго таланта въ 1833 году, но пониманіе особенностей народнаго творчества еще не исчерпывала всего, что составляетъ сущность эпической поэмы, какъ она представляется критическому соображенію. Худо-жественное, и потому уже искусственное произведеніе въ этомъ родѣ, кажется, должно сверхъ того заключать и историческій взглядъ поэта на прошедшее и его религіозное созерцаніе. Первобытная, чисто-народная поэзія можетъ обойтись безъ заявленія этихъ каче-ствъ, потому что она сама есть и самая исторія и младенчески гвердое убѣжденіе. Для поэта высшей образованности это уже пріобрѣтеніе, въ которомъ онъ и себѣ и другимъ отдастъ отчетъ,

увеличивая тѣмъ значеніе своихъ произведеній и созидая мощно-поэтическіе образы на глубокомъ изученіи и обсужденіи ихъ.

Переходимъ теперь, по порядку, къ Мѣдному Всаднику. «Мѣдный Всадникъ» составлялъ вторую половину большой поэмы, задуманной Пушкинымъ ранѣе 1833 года и имъ не конченной. Отъ первой ея половины остался отрывокъ, извѣстный подъ названіемъ: «Родословная моего героя», напечатанный еще при жизни автора въ Современникѣ 1836, томъ III. Сама поэма: «Мѣдный Всадникъ» явилась уже послѣ смерти его. Какъ отрывокъ, такъ и поэма родились вмѣстѣ или лучше составляли одно цѣлое до тѣхъ поръ, пока Пушкинъ, по своимъ соображеніямъ, не разбилъ ихъ на-двое. Свидѣтельство рукописей въ этомъ отношеніи не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. «Родословная моего героя» пачинается тамъ описаніемъ бурнаго вечера надъ Петербургомъ, которое впослѣдствіи, дополненное и измѣненное, перешло въ поэму. Начало это здѣсь и приводимъ:

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ;
Дышало небо влажнымъ хладомъ;
Нева шумѣла; бился валъ
О пристань набережной стройной,
Какъ челобитчикъ безпокойный
Объ дверь судейской. Дождь въ окно
Стучалъ печально. Ужь темно
Все становилось. Въ это время
Ивагъ Езерскій, мой сосѣдъ,
Вошелъ въ свой тѣсный кабинетъ.
Однако жъ родъ его и племя,
И чинъ, и службу, и года
Вамъ знать не худо, господа!
Начнемъ ab ovo: Мой Езерскій и проч. (*).

(*) По обыкновенію Пушкина, стихамъ этимъ еще предшествовалъ начальный опытъ, который тоже выписываемъ здѣсь:

Надъ Петербургомъ омраченнымъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ,
Нева въ теченіи возмущенномъ,
Шумя неслась. Угрюмый валъ,

Ивапъ Езерскій обратился просто въ Евгенія при переходѣ своемъ въ Мѣднаго Всадника. Его родословная, такъ мастерски изложенная въ отрывкѣ, едва-едва отсвѣчивается въ поэмѣ легкимъ намекомъ:

Прозванье намъ его не нужно,
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало
И, подъ перомъ Карамзина,
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало, и проч.

Даже самые стихи эти еще представляютъ отзвукъ одной строфы «Родословной», выпущенной въ печати, которую приво-
димъ:

Могучихъ предковъ правнукъ бѣдной,
Люблю встрѣчать ихъ имена
Въ двухъ-трехъ строкахъ Карамзина.
Огъ этой слабости безвредной

Какъ бы проситель безпокойный
Шлескалъ въ гранитъ ограды стройной
Ея широкихъ береговъ.
Среди бѣгущихъ облаковъ
Вечернихъ звѣздъ не видно было.
Огонь свѣтился въ фонаряхъ;
На улицахъ взвивался прахъ,
И буйный вихорь вилъ уныло,
Клуба капоты дѣвъ ночныхъ
И заглушая часовыхъ.

Порой той поздней и печальной
Въ томъ домѣ, гдѣ стоялъ и я,
Неся огарокъ свѣчи сальной
Въ канурку 5-го жилья,
Вошелъ одинъ чиновникъ бѣдной,
Задумчивой, худой и блѣдной;
Вздохнувъ, свой осмотрѣлъ чуланъ,
Постелю, пыльный чемоданъ,
И столъ бумагами покрытый,
И шкапъ со всѣмъ его добромъ;
Нашелъ въ порядкѣ все — потомъ,
Дымкомъ своей сигарки сытый,
Раздѣлся самъ и легъ въ постель
Подъ заслуженную шинель.

Какъ ни старался—видить Богъ —
Отвыкнуть я никакъ немогъ.

Разчленивъ такимъ образомъ на два состава поэму свою, Пушкинъ преимущественно занялся отдѣлкой втораго звена, забывъ первое или оставивъ его только при томъ, что было уже для него сдѣлано. Само собой разумѣется, что дѣйствующее лице въ поэмѣ *Евгеній* или *Иванъ Езерскій* должно было при этомъ утерять много въ ясности и въ тѣхъ основныхъ чертахъ, которыя составляютъ портретъ лица. Дѣйствительно, Евгеній Мѣднаго Всадника окруженъ полусвѣтомъ, гдѣ пропадаютъ и сглаживаются родовыя, характерныя черты фizioномiи. Иначе и быть не могло. Во второй части своей поэмы или Мѣдномъ Всадникѣ, Пушкинъ уже приступаетъ къ описанiю катастрофы, которая одна должна занимать, безъ всякаго развлеченiя, вниманiе читателя. Всякая остановка на частномъ лицѣ была бы тутъ примѣтна и противухудожественна. По глубокому пониманiю эстетическихъ законовъ, Пушкинъ даже старался ослабить и тѣ легкiя очертанiя, которыми обрисовалъ Евгенiя. Такъ онъ выпустилъ въ Мѣдномъ Всадникѣ всѣ мечтанiя Езерскаго наканунѣ роковаго дня:

«... Что врьдъ еще черезъ два года
Онъ чинъ получить; что рѣка
Все прибывала, что погода
Не унималась, что едва ль
Мостовъ не снимутъ, что конечно
Парашѣ будетъ очень жаль...
Тутъ онъ развѣжился сердечно
И размечтался какъ поэтъ:
«Женится! чтожъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
И въ самомъ дѣлѣ? — Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ
И въ немъ Парашу успокою.
Кровать, два стула, щей горшокъ,
Да самъ большой... чего мнѣ болѣ?
Не будемъ прихотей мы знать:
По Воскресеньямъ, лѣтомъ, въ полѣ
Съ Парашей буду я гулять;
Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
Препоручу хозяйство наше

И воспитаніе ребятъ —
 И станемъ жить . . . и такъ до гроба
 Рука съ рукой дойдемъ мы оба
 И внуки насъ похоронятъ.»
 Такъ онъ мечталъ . . .

Со всѣмъ другое дѣло въ «Родословной.» Тамъ онъ занимается Езерскимъ чрезвычайно подробно, съ любовью, съ теплымъ сочувствіемъ къ нему. Изъ напечатанныхъ уже строфъ и тѣхъ, которыя еще не изданы, видно, что потомокъ стариннаго и, какъ говорилось нѣкогда, *захудалаго* рода приковывалъ весьма сильно его поэтическое вниманіе. Прежде чѣмъ представимъ эти остатки поэмы, мы обязаны сдѣлать замѣчаніе касательно одного стиха «Родословной», нарушающаго весь ея тонъ. Особенно неприятенъ онъ тѣмъ, что противорѣчитъ тому сочувствію къ предмету описанія, какое мы вездѣ замѣчаемъ у Пушкина.

Но каюсъ: новый Ходаковской,
 Люблю отъ бабушки Московской
 Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.

Кому бы ни принадлежала эта поправка, хотя бы самому автору, но она невѣрна и въ отношеніи къ нему, и въ отношеніи къ созданію. Рукопись поэта въ этомъ мѣстѣ ясно и безъ помарки говоритъ:

. . . толки о роднѣ,
Объ отдаленной старинѣ.

Вотъ затѣмъ неизданныя строфы «Родословной» еще въ первоначальной формѣ, какую приводили мы не разъ и прежде:

Какой вы строгой литераторъ!
 Вы говорите критикъ мой,
 Что ужъ Коллежскій Регистраторъ
 Никакъ не долженъ быть герой,
 Что выборъ мой всегда ничтоженъ,
 Что въ немъ я страхъ неостороженъ,
 Что долженъ брать себѣ поэтъ
 Всегда возвышенный предметъ,
 Что въ спискахъ цѣлаго Парнаса
 Героя нѣтъ такого класса. . .

Вы правы! . . . Но божиться радъ
И я совсѣмъ не виновать.

Скажите: *экой вздоръ!* или *bravo!*
Иль не скажите ничего —
Я въ томъ стою: имѣлъ я право
Избрать сосѣда моего
Въ герои повѣсти смиренной,
Хоть малой онъ обыкновенной,
Не второкласный Донъ-Жуанъ,
Не Демонъ, даже не цыганъ,
А просто гражданинъ столичной,
Какихъ встрѣчаемъ всюду тму,
Ни по лицу, ни по уму,
Отъ нашей братьи не отличной.

Въ бумагахъ есть еще одна недоконченная строфа, съ исторической картиной, столь же яркой какъ и другія этого рода, заключающіяся въ «Родословной.»

Во время смуты безначальной,
Когда то Ляхъ, то гордый Шведъ
Одолъвалъ нашъ край печальной
И гибла Русь отъ разныхъ бѣдъ,
Когда въ Москвѣ сидѣли воры,
А съ Крулемъ велъ переговоры
Предатель хитрый Салтыковъ,
И средь озлобленныхъ враговъ
Посольство Русское гладало,
И за отчизну сталъ одинъ
Нижегородскій мѣщанинъ,
Въ тѣ дни Езерскій. . . .

Наконцѣ нѣсколько строчекъ, набросанныхъ карандашемъ, представляютъ много отдѣльныхъ фразъ, но выписка ихъ потребовала бы еще объясненій, которыя такъ легко переходятъ въ произвольныя толкованія и отъ которыхъ по этому удерживаемся.

Сообразивъ все сказанное, читатель легко соединитъ въ умѣ своемъ отрывокъ, извѣстный подъ именемъ: «Родословная моего Героя,» съ поэмой: «Мѣдный Всадникъ.» Нѣтъ сомнѣній, что пополненные такимъ образомъ одинъ другимъ, оба произведенія

представляются воображенію въ особенной цѣлости, которой теперь имъ недостаетъ. Изъ соединенія ихъ возникаетъ идея объ обширной поэмѣ, имѣющей уже очертанія и сущность настоящей эпопеи.

Религіозное настроеніе духа въ Пушкинѣ начинаетъ проявляться особенно съ 1833 года тѣми превосходными пѣснями, основаніе которымъ положило стихотвореніе: *Странникъ*, написанное лѣтомъ того же года, какъ знаемъ. Стихотвореніе это, составляющее поэмѣ само по себѣ, открываетъ то глубокое духовное начало, которое уже проникло собой мысль поэта, возвысивъ ее до образовъ, принадлежащихъ, по характеру своему, образамъ чисто-эпическимъ. Что это не было въ Пушкинѣ отдѣльной поэтической вспышкой, свидѣлствуютъ многія послѣдующія его стихотворенія, какъ: «Молитва», «Подражаніе Итальянскому» и нѣсколько еще неизданныхъ. Лучшимъ доказательствомъ постояннаго, опредѣленнаго направленія служатъ опять рукописи поэта. Въ нихъ мы находимъ, что онъ прилежно изучалъ повѣствованія Четьи-Миней и Пролога, какъ въ формѣ, такъ и въ духѣ ихъ. Между прочимъ онъ выписалъ изъ послѣдняго благочестивое сказаніе, имѣющее сильное сходство съ самой пьесой: *Странникъ*. Осмѣливаемся привести его здѣсь:

«Вложи (дѣволъ) убо ему мысль о родителяхъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминаючи велию отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаше ему помысль: что нынѣ творять родители твои безъ тебя, колико многую имуть скорбь и тугу и плачь о тебѣ, яко невѣдающимъ имъ отшелъ еси. Отецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ сродницы и ближній жалѣютъ по тебѣ и весь домъ отца твоего въ печали естъ, тебе ради. Еже воспоминаше ему лукавій богатство и славу родителей, и честь братій его, и различная мірская суетствія во умъ его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущаше его яко уже изнемощи ему тѣломъ, и еле живу быти. Ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ изше яко скудель крѣпость его и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема.»

Въ другой разъ Пушкинъ переложилъ на простой языкъ, доступный всякому человѣку, даже весьма мало искушенному въ грамотѣ — повѣствованіе Пролога о житіи Преподобнаго Саввы Игумена. Записка эта сохраняется въ его бумагахъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Декабря 3, Преставленіе Преподобнаго отца нашего Саввы, Игумена Святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожехъ, поваго Чудотворца. (Изъ Пролога).» Въ 1835 году, онъ участвовалъ и совѣтомъ и, если не ошибаемся, самимъ дѣломъ въ составленіи «Словаря историческаго о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви», который предпринялъ тоже одинъ изъ бывшихъ Лицейскихъ воспитанниковъ. Когда вышла книга (въ 1836 году), онъ отдалъ отчетъ объ ней въ своемъ журналѣ Современникъ, гдѣ удивляется, между прочимъ, людямъ, часто не имѣющимъ понятія о жизни того Святаго, имя котораго носятъ отъ купели до могилы. Всѣ эти свидѣтельства совершенно сходятся съ показаніями друзей поэта, утверждающихъ, что въ послѣднее время онъ находилъ неистощимое наслажденіе въ чтеніи Евангелія и многія молитвы, казавшіяся ему наиболѣе исполнешьими высокою поэзію — заучивалъ наизусть.

Легендарная поэзія Запада сама собой должна была обратить его вниманіе, потому что всякій предметъ, представившійся его уму, Пушкинъ любилъ осматривать со всѣхъ сторонъ. Конечно въ ней изучалъ онъ не романтическій элементъ, уже исчерпанный до него Жуковскимъ, а преимущественно способъ созданія картинъ и представленийъ религіознаго содержанія. Это оказывается изъ выбора, который онъ сдѣлалъ между многочисленными образцами, какіе были у него подъ рукой. Онъ перевелъ старый Испанскій романсъ: *Родригъ (На Испанію родную)* и другой: *Жилъ на свѣтъ Рыцарь бѣдный*, помѣщенный посмертнымъ изданіемъ въ такъ называемыхъ: «*Сценахъ изъ Рыцарскихъ временъ*» (*). Вообще всякаго рода изученіе отражалось въ фантазіи Пушкина поэтическимъ представленіемъ или картиной: это свойство его природы не терлось никог-

(*) Мы еще до сихъ поръ ничего не сказали о драматической пьесѣ Пушкина: «Сцены изъ Рыцарскихъ временъ.» По бумагамъ его видно, что это собственно не настоящее произведеніе, а только планъ произведенія. Сверху рукописи написано: «*Планы*» и за тѣмъ вмѣсто того, чтобъ изложить программу

да, даже, какъ уже мы видѣли, при историческихъ и ученыхъ изысканіяхъ. Тѣмъ менѣе могло оно измѣниться или ослабѣть въ предметъ, столь сильно возбуждающемъ вообще вдохновеніе. Такимъ образомъ имѣемъ мы нѣсколько отрывковъ, ясно свидѣтельствующихъ, что пораженное воображеніе его крѣпло и приобрѣтало особенную мощь вмѣстѣ съ ходомъ его направленія и по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ него. Вотъ одинъ изъ нихъ:

«Когда Владыко Ассирійской
 Народы казню казнилъ,
 И Олофернъ весь край Азійской
 Его денницѣ покорилъ, —
 Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
 И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
 Передъ Сатрапомъ горделивымъ
 Израиль выи не склонилъ.
 Во всѣ предѣлы Іудеи
 Проникнулъ трепеть. . . . Іереи
 Одѣли вретисцемъ олтарь;
 Главу покрывъ золой и прахомъ,
 Народъ завылъ, объятый страхомъ,
 И внялъ ему Всевышній Царь.

Пришелъ Сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
 И зрить: ихъ узкія врата
 Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
 Грозой грозитъ высота,
 И надъ тѣсниной торжествуя,
 Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
 Стоитъ, бѣдѣясь, Ветилуя
 Въ недостижимой вышинѣ!

Сатрапъ смутился.»

О другихъ отрывкахъ послѣ, а здѣсь скажемъ только, что повѣствовательная форма сдѣлалась любимой поэтической фор-

драмы въ описаніи, Пушкинъ прямо началъ сцены и разъ начавъ, дописалъ ихъ. Такъ составились они, не получивъ послѣдующаго развитія и представляя еще одинъ остовъ произведенія и сухость, свойственную плану вообще, хотя бы онъ былъ и въ драматической формѣ.

мой для Пушкина съ этого времени и что въ ней заключено качество настоящаго эпоса: строгая мысль, порожденная двойнымъ вдохновеніемъ историческаго и религіознаго свойства. Пушкинъ не успѣлъ выразить послѣднее свое направленіе въ одномъ цѣломъ, образцовомъ созданіи, но оставилъ глубокіе и многозначительныя слѣды его въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, какъ мы уже сказали, писанныхъ съ 1833: Странникъ, Къ Н., Полководецъ, Пиръ Петра Великаго, М*, Подражаніе Итальянскому, Молитва, Лицейская Годовщина (*).

По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ представилъ (Декабрь 1833) на разсмотрѣніе начальства свою Исторію Пугачевского бунта и получилъ дозволеніе на напечатаніе ея, вмѣстѣ съ двумя наградами: 31 Декабря 1833 года, Всемилостивѣйше пожалованъ онъ въ Камеръ-Юнкеры Двора Его Императорскаго Величества и на печатаніе книги дано ему заимообразно 20 тысячъ руб. асс., съ правомъ избрать для сего одну изъ казенныхъ типографій. Осенью 1834 г. Исторія отпечаталась и поступила въ продажу. Черезъ три мѣсяца Пушкинъ шуточно писалъ къ П. В. Нащокину: «Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка Денегъ принёсъ онъ мнѣ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего не остается у меня за пазухой и все идетъ на расплату.»

Весной 1834 года, Александръ Сергѣевичъ отправилъ семейство свое къ роднымъ, въ Калужскую губернію, проводивъ его до Ижоры. Здѣсь попадаетъ намъ листокъ изъ семейной переписки его. Благоуханіе тихой домашней жизни, которымъ онъ проникнуть, вѣроятно, оправдаетъ сообщеніе этой тайны. «Вторникъ. Благодарю тебя, мой ангель, за письмо изъ подъ Торжка. Ты умна,

(*) До сихъ поръ многіе критики еще затрудняются опредѣленіемъ намѣреній поэта при переложеніи въ разсказъ Шекспировой драмы: *Measure for measure* (Мѣра за мѣру). Разсказъ «Анжело» написанъ Пушкинымъ тоже въ 1833 году. Только однимъ обстоятельствомъ и поясняется мысль Пушкина — именно послѣднимъ направленіемъ его. Эпическій разсказъ сдѣлался столь важнѣе и такъ завладѣлъ всей творческой способностью его, что, можетъ бытъ, хотѣлъ онъ видѣть, какъ одна изъ самыхъ живыхъ драмъ новаго искусства оградится въ повѣствованіи. Сознаемъ, что предположеніе это имѣетъ для насъ уже очевидность, не подлежащую сомнѣнію.

ты здорова, ты дѣтсей кашей кормишь; ты подѣ Москвою. Все это меня очень порадовало и успокоило, а то я былъ самъ не свой. У насъ Святая недѣля, шумная, бурная. Вчера былъ у К—ой. Сегодня поѣду къ теткѣ съ твоимъ письмомъ. Завтра напишу тебѣ много. Покамѣстъ цалую тебя и всѣхъ васъ благословляю.» Все лѣто пробылъ Пушкинъ въ Петербургѣ, сдѣлавъ только новое изданіе повѣстей Бѣлкина и написавъ 10 Августа стихотвореніе: *М** (*Онъ между нами жилъ*). Въ половинѣ этого мѣсяца онъ поѣхалъ самъ за своимъ семействомъ. Въ Москвѣ пробылъ онъ тогда всего на-все нѣсколько часовъ. «Потомъ отправился въ Калугу — говоритъ онъ въ одной запискѣ, на перекладныхъ, безъ человека. Въ Тарутигѣ пьяные ямщики чуютъ меня не убили, но... я поставилъ на свосмъ. Въ Зав. (*) прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Нат. Ник. въ Москву, а самъ съѣздилъ въ Нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и кажется неудачно (**).» 14 Ноября Пушкинъ уже возвратился къ мѣсту служенія, а по письму къ А. А. Фуксъ видно, что въ городъ прибылъ онъ еще ранѣе, именно 18 Октября. Посѣщеніе Болдина въ 1834 г. напоминаетъ намъ, что въ это время Пушкинъ принялъ уже на

(*) Село, гдѣ проживало его семейство.

(**) Все это черты добродушія, которыя иногда идутъ рядомъ съ обыкновенной его рѣшимостію и пылкимъ характеромъ, а иногда рядомъ съ самымъ простосердечнымъ выраженіемъ благороднаго характера, ясной и любящей души. Мы имѣемъ еще три письма 1834 года къ Пашокину, въ которыхъ качесва эти обнаруживаются съ особенной силой.

Первое письмо: «Vous êtes éminemment un homme de passion—и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ... какъ нѣкогда переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на тоже похоже.... Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благополучно.. При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ, и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало; я подумалъ о тебѣ. Вели-ка своему Гаврилу.... слѣзть съ козелъ — полно ему воевать. Дома нашелъ я все въ порядкѣ.... Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я ихъ думаю распутать. 24 Ноября 1834.»

Второе письмо:... Все лѣто рыскалъ я по Россіи и нигдѣ тебя не заставаъ; изъ Тулы выгнавъ ты былъ пожарами, въ Москвѣ не застааъ я тебя

себя распоряженіе всѣмъ достояніемъ своей фамиліи, которая видѣла въ немъ теперь главу свою и человѣка, способнаго поправить дѣла, довольно запутанныя долгимъ небреженіемъ. Все это присоединяло еще новыя обязанности къ тѣмъ, которыя уже лично до него касались и такъ много озабочивали его. Вотъ почему неудивительно, что въ томъ же 1834 году, онъ помыслилъ о необходимости поселиться на нѣкоторое время въ деревнѣ. Одно только неизбежное слѣдствіе этого плана—выходъ въ отставку и съ тѣмъ вмѣстѣ потеря права на посѣщеніе Архивовъ, что такъ дорого было ему, мѣшало исполненію предпріятія и уничтожало всю рѣшимость Пушкина.

Но здѣсь, какъ и всегда въ затруднительныхъ случаяхъ жизни, вызванныхъ или имъ самимъ, или порожденныхъ обстоятельствами, Высочайшая милость снова обращена была на Пушкина, уже столько разъ испытаннаго Ея дѣйствіе. Августа 16 дня 1835 пожаловано было ему въ ссуду 30 тысячъ руб. асс., безъ процентовъ, съ обращеніемъ въ уплату этой суммы получаемаго имъ по 5000 руб. жалованья въ годъ. Вмѣстѣ съ прежнимъ долгомъ, вновь пожалованная сумма представляетъ цифру въ 50,000 руб. асс. Черезъ годъ, въ Ноябрь 1836, за

недѣлю, въ Торжкѣ никто не могъ о тебѣ дать извѣстіе. Радъ я твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная терпѣливая снисходительность не измѣнились ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда бы намъ съ тобой увидѣться? Много бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ талого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ Пиши мнѣ, если можешь, почаще на двор. набереж. въ домъ Балашева у Прачек. моста (гдѣ жилъ Вяз). Съ любопытствомъ взглянулъ бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя всегда подъ бурей и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? Видѣлъ ли ты лошадей, выпруженныхъ на С. П. Биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то ли и съ тобою?»

Третье письмо: «Ты не можешь вообразить, милый другъ, какъ обрадовался я твоему письму. Во первыхъ получаю отъ тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствіе, и охота со мною болтать Говорягъ, что несчастіе хорошая школа; можетъ быть. Но счастье есть лучший университетъ. Оно довершаетъ воспиганіе души, способной къ добру и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тѣбѣ извѣстно»

вычетомъ въ первый разъ годоваго жалованья Пушкина, она уменьшилась до 45,000 руб. асс. Въ это время онъ просилъ частнымъ письмомъ бывшаго Министра Финансовъ, Его Сіятельства Графа Егора Францовича Канкринна, содѣйствія его на принятіе въ окончательную уплату этого долга 220 душъ, принадлежащихъ лично ему, Пушкину, въ Нижегородской губерніи, изъ коихъ 200 были уже заложены въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшая смерть Пушкина, остановила дальнѣйшій ходъ этого дѣла, но при кончинѣ его весь долгъ былъ снятъ съ имѣній наслѣдниковъ, да сверхъ того Всемиловѣйше пожаловано было 50,000 руб. асс. на напечатаніе его сочиненій, сборъ съ которыхъ уже опредѣленъ на составленіе отдѣльнаго капитала для дѣтей покойнаго. Тогда же и два сына его зачислены были въ Пажескій Корпусъ и какъ имъ, такъ и вдовѣ поэта назначены пенсіи. Отечественное покровительство, начавшееся съ 1826 года, не оставлявшее Пушкина во всю его жизнь, продолжастся и по смерти его до настоящей минуты, перенесенное на лица, которыя такъ дороги были его сердцу.

Въ 1835 году, Пушкинъ еще разъ уѣзжалъ въ отпускъ въ Москву, на 28-мь дней, по своимъ дѣламъ (съ Мая 3 по 24 Мая), а осенью отправился, по обыкновенію, въ Михайловское для довершенія плановъ и трудовъ предшествующихъ мѣсяцевъ, взявъ увольненіе съ 27 Августа по 23 Декабря, но изъ этой поѣздки возвратился онъ ранѣе предположеннаго срока въ городъ, по болѣзни матери своей, Надежды Осиповны. Онъ написалъ только въ деревнѣ (26 Сентября) послѣднюю, чудную пѣснь свою, обращенную къ Михайловскому и извѣстную подъ заглавіемъ: «Опять на родинѣ,» которое между прочимъ врядъ-ли принадлежитъ Пушкину. Надежда Осиповна скончалась въ слѣдующемъ 1836 году. Александръ Сергѣевичъ положилъ тѣло ея въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ и тутъ же сдѣлалъ вкладъ обители на собственную свою могилу, которая не долго и ожидала его. Михайловское, какъ собственность Надежды Осиповны, доставалось всѣмъ законнымъ наслѣдникамъ ся. Александръ Сергѣевичъ хотѣлъ оставить любимую деревню свою за собою, но условія исключительнаго пріобрѣтенія тяжело было согласить

и тяжело было вынести. По смерти поэта опека, Высочайше утвержденная надъ имуществомъ покойнаго, скупила всѣ части Михайловскаго и такимъ образомъ отдала потомству Александра Сергѣевича деревню, имъ любимую и прославленную.

Въ письмѣ къ П. В. Н—у, уже изъ Петербурга, А. С. Пушкинъ, радуясь, что тотъ не собрался къ нему въ деревню, гдѣ бы не засталъ его, опять увѣдомляетъ о стѣснительномъ положеніи своихъ дѣлъ и о намѣреніи издавать въ будущемъ году журналъ. Онъ прибавляетъ еще, что Смирдинъ уже даетъ ему 15,000 руб. асс. для возвращенія его снова къ сотрудничеству въ журналъ: Библіотека для Чтенія. Послѣднія строки письма особенно замѣчательны: . . . «Желалъ бы я взглянуть на твою семейную жизнь и ею порадоваться: вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку на свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя молодбы поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость, его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились. . . .»

До основанія журнала: Современникъ, Пушкинъ два года печаталъ почти непрерывно произведенія свои въ журналъ Библіотека для Чтенія, появившемся, какъ извѣстно, въ 1834 году. За первое произведеніе его, «Гусаръ», помѣщенное тамъ вмѣстѣ съ стихотвореніями Жуковскаго и Козлова, издатель журнала А. Ф. Смирдинъ, говорятъ, заплатилъ ему 2,000 р. асс. Послѣ того въ Библіотекѣ для Чтенія явились: *Пѣсни Западныхъ Славянъ*, три сказки (*о Мертвой Царевнѣ, о Золотомъ Пѣтушкѣ, о Рыбакѣ и рыбкѣ*), два подражанія древнимъ, написанныя 1-го и 12-го Января 1833, двѣ баллады изъ Мицкевича, написанныя въ Болдинѣ 28-го Октября 1833, пьесы: *Красавица* и *Элегія (Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье)*, изъ которыхъ послѣдняя написана въ Болдинѣ же, но 8 Сентября 1830 года. Всѣ эти стихотворенія вошли въ составъ четвертой части стихотвореній А. Пушкина, выданной имъ въ 1835 году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Кромѣ поэтическихъ своихъ произведеній, Пушкинъ помѣстилъ

въ журналѣ г. Смирдина и два разсказа въ прозѣ: *Пиковая Дама* и *Кирджали*. Наконецъ, въ 1835 же году, написалъ онъ и *Египетскія ночи*, явившіяся уже послѣ смерти его, въ *Современникѣ* 1837 года.

Пиковая дама произвела при появленіи своемъ въ 1834 г. всеобщій говоръ и перешивалась, отъ пышныхъ чертоговъ до скромныхъ жилищъ, съ одинаковымъ наслажденіемъ. Общій успѣхъ этого легкаго и фантастическаго разсказа особенно объясняется тѣмъ, что въ повѣсти Пушкина есть черты современныхъ нравовъ, которыя обозначены, по его обыкновенію, чрезвычайно тонко и ясно. Тоже самое видимъ и въ *Египетскихъ ночахъ*, но они уже здѣсь подчинены глубокой поэтической мысли. Впечатлѣніе, производимое Египетскими ночами такъ полно и сильно, что должно возбудить само собой изслѣдованіе читателя, отдающаго отчетъ въ своихъ чувствахъ. Всякій, кто внимательно разсматривалъ это небольшое образцовое произведеніе, вѣроятно замѣтилъ, что всѣ его краски и всѣ его очертанія необычайно глубоко продуманы, строжайше взвѣшены и оцѣнены предварительно и потомъ уже воспроизведены въ минуту вдохновенія, сообщившую всѣмъ имъ свѣжесть, блескъ перваго впечатлѣнія. Дѣйствительно такова исторія созданія Египетскихъ ночей.

Для того, чтобы ввести стихотвореніе свое: «*Чертогъ сіяль: гремяли хоромъ*» — или лучше поэтическое изображеніе древняго преданія въ современную эпоху, столь противоположную нравамъ языческаго міра, Пушкинъ начиналъ много повѣстей. Изъ противоположности понятій, какая должна была оказаться между взглядомъ древнихъ на извѣстный предметъ и нынѣшними требованіями вкуса и приличій, хотѣлъ онъ извлечь сильный романическій эффектъ. Онъ началъ повѣсть изъ свѣтской жизни, которая напечатана была въ альманахѣ: «Сто Русскихъ литераторовъ 1839 г.» подъ заглавіемъ: «Одна глава изъ неоконченнаго романа» и въ посмертное изданіе его сочиненій не попала. Не докончивъ своей повѣсти, Пушкинъ перешелъ къ разговору, который сохраняется въ бумагахъ его и не можетъ быть приведенъ здѣсь по сбивчивости и запутанности рукописи. — Вотъ его начало:

Мы проводили вечеръ на дачѣ у Княгини Д.

Разговоръ коснулся какъ-то до *M-me de Stael*. Баронъ***, на дурномъ Французскомъ языкѣ, очень дурно разсказалъ извѣстный анекдотъ — вопросъ ея Бопланарту: «кого почитаетъ онъ первую женщиною въ свѣтѣ» и забавный его отвѣтъ: ту, которая народила болѣе дѣтей: *celle qui a fait le plus d'enfants*.

Какая славная эпитаграмма! замѣтилъ одинъ изъ гостей.

— И по дѣломъ ей! сказала одна дама. Какъ можно такъ не ловко напрашиваться на комплименты.

— А мнѣ такъ кажется, сказалъ Сорохтинъ, дремавшій въ Гамбсовскихъ креслахъ, мнѣ такъ кажется, что ни *M-me de Stael* не думала о мадригалѣ, ни Наполеонъ объ эпитаграммѣ. Одна сдѣлала вопросъ изъ единого любопытства, очень понятнаго, а Наполеонъ буквально выразилъ настоящее свое мнѣніе. Но вы не вѣрите простодушію Геніевъ.

Гости начали спорить, а Сорохтинъ задремалъ опять.

— Однако въ самомъ дѣлѣ, сказала хозяйка, кого почитаете вы первую женщиною на свѣтѣ?

— Берегитесь, вы напрашиваетесь на комплименты.

— Нѣтъ, шутки въ сторону.

Тутъ пошли толки. Иные называли *M-me de Stael*, другіе Орлеанскую Дѣву, третьи — Елисавету Англійскую Королеву, *M-me de Maintenon*, *M-me Roland* и проч.

Молодой человѣкъ, стоявшій у камина (потому что въ Петербургѣ каминъ никогда не лишній), въ первый разъ вмѣшался въ разговоръ:

— Для меня, сказалъ онъ, женщина самая удивительная — Клеопатра.

— Клеопатра! сказали гости, . . . да, конечно. . . . однако почему? . . .»

Можно прибавить къ этому, сколько позволяетъ состояніе рукописи, что изъ толковъ о Клеопатрѣ, Пушкинъ хотѣлъ извлечь именно тотъ контрастъ, о которомъ задумалъ, но онъ бросилъ разговоръ свой неконченнымъ, какъ и отрывокъ, напечатанный въ альманахѣ: Сто Русскихъ литераторовъ, да вскорѣ бросилъ онъ и самую мысль, подавшую поводъ къ сочиненію ихъ. Онъ перешелъ къ другому и болѣе художественному роду

противопоставленія картинъ, именно къ огненной импровизаціи бѣднаго, заѣзжаго Итальянца, въ виду блестящаго общества его спокойныхъ и взыскательныхъ слушателей. Самый переходъ этотъ былъ сдѣланъ, однакожь, не безъ одного посредствующаго звена. «Египетскимъ ночамъ» предшествовалъ еще одинъ опытъ, именно мастерское изображеніе писателя — свѣтскаго человѣка, нѣкоторыя черты котораго приняты были потомъ и въ повѣсть. Опытъ этотъ подъ именемъ «Отрывка» и съ объяснительнымъ примѣчаніемъ П. А. П. напечатанъ былъ въ посмертномъ изданіи. Такъ наконецъ образовались «Египетскія ночи» — въ ихъ изумительной оконченности и отдѣлкѣ.

Замѣчанія наши, однако же, относятся къ мысли Пушкина о *современной* повѣсти, и о превращеніяхъ, какія она получала у него до полного своего выраженія, но кромѣ того у поэта было еще и другое намѣреніе по поводу Египетскихъ ночей. Оно, можетъ, еще и предшествовало всѣмъ описаннымъ здѣсь. Мы видимъ, что Пушкинъ началъ повѣствованіе изъ быта *древняго міра*, съ намѣреніемъ выразить его ложное, языческое понятіе о смерти. Отрывки этого повѣствованія, безсвязные и набросанные по разнымъ листкамъ, весьма любопытны. Одна подробность, являющаяся въ программѣ повѣсти, объясняетъ много самую сущность ея. Пушкинъ хотѣлъ ввести въ рассказъ свой лице раба — христіанина, который долженъ былъ, вѣроятно, служить живымъ осужденіемъ равнодушія или упоенія, съ какимъ языческой міръ встрѣчалъ смерть, оскорбляя тѣмъ величество и значеніе ея, и живымъ опроверженіемъ потѣхъ язычества и лжемудрствованій его философовъ. Къ сожалѣнію Пушкинъ набросалъ только первую половину, да и та представляется намъ въ такомъ необдѣланномъ и отрывочномъ видѣ, что едва сохранена въ ней необходимая связь рассказа. Приводимъ эти клочки, такъ сказать, его мысли—по порядку. Одно объясненіе: главное дѣйствующее лицо въ рассказѣ Пушкина — есть тотъ знаменитый Петроній, который былъ и поэтомъ, и блестящимъ человѣкомъ вѣка Нерона и кончилъ жизнь тѣмъ же родомъ смерти, какъ и Сенска. Онъ открылъ себѣ жилы, избѣгалъ зависти и подозрѣній Нерона.

I.

«Цесарь путешествовалъ; мы съ Титомъ Петроніемъ слѣдовали за нимъ издали. . . . По захожденіи солнца намъ разбивали шатеръ, разставляли постели — мы ложились пировать и весело бесѣдовали. На зарѣ снова пускались въ дорогу и сладко засыпали каждый въ лектикѣ своей, утомленные жаромъ и ночными наслажденіями.

Мы достигли Кумъ и уже думали пуститься далѣе, какъ явился къ намъ посланный отъ Нерона. Онъ принесъ Петронію повелѣніе Цезаря возвратиться въ Римъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи, въ слѣдствіе обвиненія. Мы были поражены ужасомъ: одинъ Петроній выслушалъ равнодушно свой приговоръ; отпустилъ гонца съ подаркомъ и объявилъ свое намѣреніе остановиться въ Кумахъ. Онъ послалъ своего любимаго раба выбрать ему домъ и сталъ ожидать его возвращенія въ Кипарисной рошѣ, посвященной Евменидамъ.

Мы окружали его съ беспокойствомъ. Флавій Аврелій спросилъ его: долго ли думаетъ онъ оставаться въ Кумахъ и не страшится ли раздражать Цезаря ослушаніемъ?

— Я не только не думаю ослушаться его, отвѣчалъ Петроній съ улыбкою, но даже намѣренъ предупредить его желанія. Но вамъ, друзья мои, совѣтую возвратиться: путникъ въ ясный день отдыхаетъ подъ тѣнію дуба, но во время грозы отъ него благоразумно удаляется, страшась ударовъ молніи.

Мы всѣ изъявили желаніе съ нимъ остаться и Петроній ласково насъ благодарилъ. Слуга возвратился и повелъ насъ въ домъ, уже выбранный. Онъ находился въ предмѣстьи города. . . .»

—

Второй отрывокъ начинается у Пушкина программой, которая важнѣе всего, что имъ сдѣлано было для своей повѣсти, потому что она только и сообщаетъ настоящее значеніе ея чертамъ, неяснымъ и пропадающимъ изъ глазъ. Программа изложена такъ:

«Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ, онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти — избираетъ теплыя

вапны. Греч. Философъ исчезъ. Петроній улыбається и ска-
зываетъ *оду*. Описаніе приготовленій, онъ перевязываетъ рану
и начинаются рассказы. *Первый вечеръ*: о Клеопатрѣ — наши
разсужденія о томъ. *Второй вечеръ*: Петроній приказываетъ раз-
бить драгоценную чашу — диктуетъ *Satyricon* — разсужденіе о
паденіи челоѵка — о паденіи Боговъ, о общемъ безвѣрїи — о пре-
вращенїяхъ Нерона. *Рабъ* — *Христїанинъ*. . . .»

Затѣмъ набросанъ у Пушкина второй отрывокъ:

II.

«. . . Имъ управлялъ старый отпущенникъ въ отсутствїи хо-
зяина, уже давно покинувшаго Италію. Нѣсколько рабовъ подъ
его надзоромъ заботились о чистотѣ комнатъ и садовъ. Въ ши-
рокихъ сѣняхъ наши кумиры десяти музъ; у дверей стояли
два кентавра. Петроній остановился у мраморнаго порога и прочелъ
начертанное на немъ привѣтствїе: здравствуй! Печальная улыбка
изобразилась на лицѣ его. Старый управитель повелъ его въ
библіотеку, гдѣ осмотрѣли мы нѣсколько свитковъ и вошли потомъ
въ спальню хозяина. Она убрана была просто. Въ ней находи-
лись только двѣ семейныя статуи: одна изображала матрону, си-
дящую въ креслахъ, другая дѣвочку, играющую мячемъ. На сто-
ликѣ подлѣ постели стояла маленькая лампада. Здѣсь Петроній
остался и отпустилъ насъ, пригласивъ вечеромъ къ нему собраться.

Я не могъ уснуть. Печаль наполняла мою душу. Я видѣлъ
въ Петронїѣ не только благодѣтеля, но и друга, искренно ко
мнѣ привязаннаго. Я уважалъ его обширный умъ, любилъ его
прекрасную душу. Въ разговорахъ его почерпалъ я знанїе свѣта
и людей, извѣстныхъ мнѣ болѣе по умозрѣніямъ божественнаго
Платона, нежели по собственному опыту. Его сужденія обыкно-
венно были быстры и вѣрны: равнодушїе избавляло его отъ
пристрастія. Искренность въ отношенїи къ самому себѣ дѣлала
его пропитательнымъ. Жизнь не могла представить ему ничего
новаго: чувства его дремали, притупленные привычкою, но умъ
его хранилъ удивительную свѣжесть. Онъ любилъ игру мыслей,
какъ и гармонїю словъ, охотно слушалъ философическія разсу-
жденія и самъ писалъ стихи не хуже Катутла.

Я сошелъ въ садъ и долго ходилъ по излучистымъ его тропинкамъ, осыпаннымъ старыми деревьями. Я сѣлъ на скамейку подъ тѣнь широкаго тополя, у котораго стояла статуя молодого сатира, прорѣзывающаго тростникъ. Желая развлечь какъ-нибудь печальныя мысли, я вынулъ записныя дощечки и перевелъ одну изъ одъ Анакреона, которую и сберегъ въ память этого печальнаго дня.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри — честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ не много
Провожать осталось дней:
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него же нѣтъ исхода:
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.»

Эго не изданное стихотвореніе Пушкина написано имъ 6-го Января 1835-го отдѣльно, съ заглавіемъ: «Ода LVІ (изъ Анакреона)» Въ повѣствовательномъ отрывкѣ находится только ссылка на него; такъ точно и всѣ стихотворенія, введенныя Пушкинымъ въ отрывокъ, теперь слѣдующій, обозначены въ немъ только ссылками.

III.

«... Солнце клонилось къ западу: я пошелъ къ Петронію: Онъ расхаживалъ въ библіотекѣ, съ нимъ былъ его домашній лекарь Септимій. Петроній, увидя меня, остановился и произнесъ шутливо:

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ тавраамъ,
Узнаемъ Парфянъ кичливыхъ
По высокимъ клубукамъ:
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ.

— Не скромничай, продолжалъ Петроній — вынимай изъ подъ тоги свои дощечки и прочти. Ты угадалъ, отвѣчалъ я Петронію и подаль дощечки. Онъ прочиталъ мои стихи. Облако задумчивости прошло по его лицу и тотчасъ разсѣялось. Когда читаю подобныя стихотворенія, сказалъ онъ, мнѣ всегда любопытно знать, какъ умерли тѣ, которые такъ сильно были поражены мыслию о смерти. Анакреонъ увѣряетъ, что Тартаръ его ужасаетъ, но не вѣрю ему, также какъ не вѣрю трусости Горація. Вы знаете оду его:

.....
 Ты помнишь часъ ужасной битвы
 Когда я трепетный квиритъ,
 Бѣжалъ, нечестно брося щитъ,
 Творя обѣты и молитвы?
 Какъ я боялся! Какъ бѣжалъ!
 Но Эрміи самъ незапной тучей
 Меня покрылъ и вдалъ умчалъ
 И спасъ отъ смерти неминучей.....

Хитрый стихотворецъ хотѣлъ разсмѣшить Августа и Мецената своею трусостию, чтобъ не напомнить имъ о драгомъ....»

Здѣсь кончаются начальные отрывки повѣсти или лучше начальнѣйшій планъ ея. Читатель, вѣроятно уже замѣтилъ, что изъ стихотвореній, тамъ помѣщенныхъ, только одно пропущено по смертнѣмъ изданіемъ: (*Портбѣли, побѣлѣли*), но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ напечатанныхъ послѣднее, извѣстное подъ заглавіемъ: «*Горацій*» отнесено имъ къ числу *Лицейскихъ стихотвореній* Пушкина. Пьеса есть переводъ или лучше превосходное подражаніе одѣ Горація: Къ Помпею (*Ad Pompeium*, ода VII, кн. II) и написана какъ видимъ въ послѣднихъ годахъ жизни поэта нашего. Что касается до самихъ отрывковъ, то пусть вспомнятъ читатели, что мысль о Египетскихъ ночахъ родилась у Пушкина еще въ 1825 году. Она обрѣла себѣ настоящую форму только спустя 10 лѣтъ. Въ числѣ пробъ и очерковъ, ей предшествовавшихъ, мы видимъ, находился и такой, который, судя по намѣренію автора, долженъ былъ поднять предметъ до

философско-поэтическаго значенія. Теперь, когда мы имѣемъ произведеніе въ художественной полнотѣ и оконченности, трудно и представить себѣ видъ, который могло бы оно имѣть съ другою идеей въ основаніи и въ другой формѣ. Намъ остается только замѣтить, что черновая подготовка матеріаловъ длилась у Пушкина ипогда чрезвычайно долго. Затѣмъ уже вдохновеніе скоро обращало ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства. Такъ оправдывается глубокая истина любимой поговорки самого Пушкина: «вдохновеніе нужно въ поэзіи также точно, какъ и въ геометріи».

1834 и 1835 годы замѣчательны въ жизни поэта нашего еще и развитіемъ его сношеній въ обществѣ. Даже по однимъ бумагамъ можно судить о томъ, какой обширный кругъ дѣятельности нашла его наблюдательность и какой широкой горизонтъ представлялся вообще его глазу. Почти ни одно явленіе жизни не ускользаетъ отъ него. Онъ собираетъ историческіе анекдоты отъ очевидцевъ или отъ людей, близкихъ къ очевидцамъ и помѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякое слово или мысль, какъ только вышли они, по своему значенію, изъ безразличнаго говора людей. Еще важнѣе для него были сами люди. Мы знаемъ, что въ это время находился онъ въ сношеніяхъ почти со всѣми знаменитостями свѣтскаго, дипломатическаго, военнаго и административнаго круга. Гораздо рѣже и не совсѣмъ охотно спускается онъ въ кругъ литераторовъ: разнородныя требованія и стремленія ихъ уже не имѣютъ для него важнаго значенія, но онъ не остается равнодушнымъ къ нападкамъ и выходкамъ, которыя еще показываются въ это время, хотя уже и робко, хотя и съ замѣтнымъ чувствомъ недовѣрія къ успѣху попытокъ. Неравнодушно встрѣчаетъ онъ и противоположное явленіе въ литературѣ, именно—*постоянное изученіе его собственныхъ созданій*, которое тоже начинается выказываться въ эту эпоху, рядомъ со стремленіемъ отыскать въ самыхъ этихъ созданіяхъ живые эстетическіе законы. . . . Онъ уже могъ тогда прозрѣть свое значеніе, какъ воспитателя художческаго чувства въ отечествѣ. . . . Это было естественнымъ результатомъ его дѣятельности. Никогда великій иностранный образецъ, если бы даже и былъ понятенъ всему кругу читателей,

не дастъ и въ половину того, что даетъ современникамъ художникъ роднаго слова, творящій, такъ сказать, передъ ними и передъ ними поправляющій себя въ каждомъ новомъ созданіи. Съ мыслию производителя растетъ и мысль читателей. Кстати приводимъ здѣсь двѣ отдѣльныя замѣтки Пушкина, касающіяся тогдашнихъ литературныхъ явленій. «Моя Пиковая Дама, говоритъ онъ разъ, въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза». Въ другой разъ онъ замѣчаетъ: «вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Тимофѣичемъ — очень оригинально и очень смѣшно.» Мы сохранили ошибку Пушкина въ названіи сказки. Вслѣдъ за этими строками Пушкинъ прибавляетъ: «Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію Русской критики (*).» Замѣтки Пушкина выражены чрезвычайно просто, откровенно и отличаются ясностью сердца и ума, какъ вообще и всѣ его поступки до минуты, когда пылкіе порывы темнили все въ глазахъ его и сбивали съ дороги. Имъ не чужда была и эта эпоха его жизни. Не надо забывать однакожъ, что изъ смѣшенія противоположностей состоитъ весь поэтической обликъ Пушкина. Какъ еще ни старались мы изложить въ послѣднемъ описаніи эти необычайно-подвижныя черты его характера, но онъ не поддается описанію и требуютъ для объясненія и примиренія своего уже творческой кисти настоящаго художника. Прибавимъ къ этому, что поэтъ, чувствуя слабость свою, зналъ цѣну *нравственнаго принужденія*, вызваннаго участіемъ и охотно подчинялся ему; оно возвращало ему душевное спокойствіе, безъ котораго нѣтъ труда и творчества. Снова уходилъ онъ тогда въ кабинетъ свой, гдѣ совокуплялись, такъ сказать, всѣ нити, которыми связанъ онъ былъ съ окружающими и гдѣ разрѣшались всѣ его наблюденія, поступки и пріобрѣтенія мыслями, замѣтками, поэзіей. Тамъ копимся также и матеріалы для исторіи Петра Великаго; важнѣйшій трудъ Пушкина въ эти года,

(*) Гоголь, если и принялся за Исторію Русской критики, то вскорѣ покинулъ ее. Изъ критическаго его труда осталась только статья: О движеніи Журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ, написанная имъ для перваго № Современника 1836 года, гдѣ она и помѣщена.

къ описанію котораго приведены мы теперь хронологическою послѣдовательностію біографическихъ матеріаловъ.

Какое значеніе придавалъ Пушкинъ труду своему — можно видѣть изъ этихъ строкъ письма его къ М. П. Погодину, отъ 7-го Апрѣля 1834: «Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической кафедрѣ». Поэтъ однакожъ еще не приступалъ собственно къ Исторіи. Въ бумагахъ его остались только матеріалы для нея, о которыхъ и говоритъ В. А. Жуковский въ описаніи послѣднихъ минутъ Пушкина въ примѣчаніи: «Если напечатать все найденное въ рукописяхъ Пушкина, то конечно составитъ два хорошихъ тома или и *пять*, если присоединить къ литературнымъ отрывкамъ всѣ матеріалы, приготовленные для Исторіи Петра Великаго. Ж. Эти матеріалы дѣйствительно были переписаны и собраны для печати еще въ 1840 году. Шестъ тетрадей ихъ одобрены Цесаремъ для тисненія тогда же (съ 30-го Мая по 19-е Іюля 1840). Причина несвыхода ихъ доселѣ, заключается въ нихъ самихъ.

То, что у Пушкина называется матеріалами для Исторіи, не представляетъ собственно матеріаловъ, но только выписки изъ нихъ и ссылки. Это черновая работа, свидѣтельствующая о добросовѣстности, съ какою приступалъ онъ къ задачѣ своей: Пушкинъ употребилъ 5 лѣтъ на одинъ первый, подготовительный трудъ. Конечно не менѣе времени потребовала бы и полная разработка его. Способъ работы, употребленный Пушкинымъ, замѣчательный. Съ рожденія Преобразователя до объявленія Его Единодержавнымъ Самодержцемъ Россіи, то есть, съ 1672 по 1689 годъ, Пушкинъ дѣласть сводъ всѣмъ лѣтописямъ, запискамъ и документамъ, какіе находились у него въ рукахъ, не прибавляя ничего. Это послѣдовательный рассказъ матеріаловъ, который долженъ былъ находиться подъ глазами его въ эпоху настоящей исторической работы. Само собой разумѣется, что въ пылѣшнемъ видѣ онъ не можетъ имѣть ни значенія исторической картины, ни критической оцѣнки документовъ, будучи только основаніемъ для той и другой. Въ срединѣ этого рассказа, иногда подробнаго, иногда сжатаго и прерывающагося, стоятъ вопросы

тельные знаки и замѣтки для привлеченія мысли при будущемъ обсужденіи труда. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «Онъ подружился съ иностранцами; Женевецъ Лефортъ, 23-мя годами (?) старше его, научилъ его Голландскому (?) языку.»—«Хованскому послана была особая *похвальная* грамота, въ коей повелѣвалось ему и сыну немедленно, для нужныхъ совѣтовъ, отправиться къ Государямъ (куда?)» — «Вины Князей Голицыныхъ сказаны были: что они безъ указа Великихъ Государей имя Сестры ихъ установили писать Самодержицею и что въ Крымскомъ походѣ пользы никакой не учинили (тутъ есть несообразности).» Подобными замѣтками испещренъ весь рассказъ и они лучше всего свидѣлствуютъ сущность его, какъ памятной записки, которая безъ повѣрки не могла быть представлена публикѣ.

Начиная съ 1689 года своего историческаго труда, Пушкинъ припимаетъ другую систему. Подъ каждымъ годомъ излагаетъ онъ сводъ событій, ознаменовавшихъ его и потомъ еще присоединяетъ къ нему перечень указовъ, изданныхъ въ теченіи его. Эта система продолжается уже черезъ всѣ 5 съ половиною тетрадей до года самой смерти Великаго Императора—1725 года. Описаніе ея, какъ и все прочее лаконическими, краткими указаніями, имѣетъ видъ программы. Вотъ послѣднія слова его: «8-го Марта возвѣщено народу погребеніе. Черезъ два дня оно совершилось. См. Голикова.» Подъ этими словами стоитъ помѣтка: «15-го Декабря 1835.» Въ этотъ день кончился для Пушкина первый черновой сводъ извѣстій писателсеи своихъ и чужестранныхъ о Петрѣ Великомъ.

Но при этомъ новомъ порядкѣ труда, уже почти нѣтъ страницы, которая могла бы обойтись безъ поправки. Безпрестанно встрѣчается вы съ недоумѣніемъ или вопросомъ самого собирателя, знавшаго гдѣ найти разрѣшеніе имъ, но не оставившаго тайны своей въ бумагахъ. Къ этому присоединяется еще неправильное названіе лицъ или мѣстъ, сдѣланное первыми источниками и вездѣ обозначенное знаками вопрошенія у Пушкина. Въ самое время переписки Пушкинскихъ матеріаловъ, въ 1840 году, тогдашняя редакція обозначила сомнительныя мѣста отмѣтками: *справ.* (справиться), но по многочисленности своей,

справки эти требуютъ уже почти всѣхъ средствъ и всѣхъ трудовъ настоящаго историка.

Въ отношеніи указовъ, собиратель поступалъ также точно, какъ и въ отношеніи матеріаловъ: онъ выписывалъ сущность ихъ и имѣлъ предъ собой важнѣйшую часть законодательства каждаго года вполнѣ, а менѣе важную отбрасывалъ словами: «и проч. и проч.» Будущія объясненія и выводы и здѣсь обозначены вопросительными знаками, помѣтками *NB.*, и иногда съ тѣмъ опредѣленіемъ въ скобкахъ, какъ: «*Монополія казнь*» — *Cour de Cassation*— а передъ положеніемъ о компаніяхъ купеческихъ, слѣдующей выпиской: «*Въ супрядкѣ не пряжа, въ складкѣ не торгъ*» и проч. Все это отрывки мыслей, которые трудно теперь и пояснить. Представляемъ опять одинъ образецъ изложенія указовъ у Пушкина, какъ прежде сдѣлали для историческаго разсказа. Тогда же (1699) состоялся указъ всѣмъ Русскимъ подданнымъ, кромѣ крестьянъ (?) и духовныхъ, брить бороду и носить платье Нѣмецкое: сперва Венгерское, а потомъ мужескому полу верхнее—Саксонское и Французское, а нижнее и камзолы—Нѣмецкіе (?), (съ ботфортами?), женскому полу (Нѣмецкое). Съ ослушниковъ брать пеню въ воротахъ (Московскихъ улицъ), съ пѣшихъ 40 к., съ конныхъ по 2 р. Запрещено было купцамъ продавать, а портнымъ шить Русское платье подъ наказаніемъ (какимъ?). Къ этимъ чертамъ, уже требующимъ отдѣльнаго и обширнаго труда для ихъ поясненія, надо еще присоединить и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ листы мѣшаются и одинъ разсказъ повторяется два раза, затрудняя читателя, къ которому году отнести событіе и иногда затемняя самый ходъ повѣствованія.

Послѣ всего сказаннаго, понятно, отъ чего такъ долго ожидаемые матеріалы Исторіи Петра Великаго до сихъ поръ не были изданы и еще не скоро могутъ явиться въ свѣтъ. Не говоря уже о новомъ трудѣ, который они вызываютъ и который дѣлается почти равнымъ спеціальному, обширному труду настоящей исторической задачи, но теперь уже потеряна и своевременность ихъ выхода. Исторія Петра Великаго приводится къ окончанію однимъ изъ нѣвѣстныхъ нашихъ ученыхъ. Даныя,

собранныя Пушкинымъ только для будущаго развитія ихъ, должны скоро явиться въ полной критической разработкѣ. Тяжелый трудъ исправителя не можетъ имѣть никакого значенія передъ трудомъ Историка, вооруженнаго и всобъятными средствами, и долгимъ изученіемъ предмета. Вмѣстѣ съ матеріалами для Исторіи Петра Великаго въ бумагахъ Пушкина должны остаться и такъ называемыя *Камчатскія дѣла* — другой памятникъ его дѣятельности. Это также сводъ всѣхъ сказаній и данныхъ о приобрѣтеніи Камчатки и укрѣпленіи тамъ Русскаго владычества, съ тѣми случайностями завоеванія и казачьихъ походовъ, какими исполнена исторія этой отдаленной земли. Они тоже требуютъ повѣрокъ, объясненій и дополненій, хотя и менѣе обширныхъ, чѣмъ эпоха преобразователя, почему и могутъ быть сообщены публикѣ вполнѣ вѣрными, вмѣстѣ съ половиной первой тетради самой Исторіи Петра, которая наиболѣе отдѣлана у Пушкина. Ограничиваясь здѣсь пока вмѣстѣ общимъ описаніемъ ученаго труда нашего автора, мы въ дополненіе къ тому, что сказано, приводимъ два большіе отрывка изъ тетрадей. Первый изъ II тетради касается основаній Петербурга (1703), второй изъ VI тетради описываетъ кончину Великаго Императора (1725 г.). Читатель легко замѣтитъ, что оба отрывка не имѣютъ вида пастоящаго историческаго разсказа, а только, какъ и все прочее у Пушкина, представляютъ одну программу его, но да позволено намъ будетъ сказать здѣсь, что не смотря уже на ихъ характеръ, кажется, достаточно объясненный нами, всѣ эти замѣтки вмѣстѣ, начинающіяся со дня рожденія Преобразователя и кончающіяся смертію его — исполнены еще интереса, привлекательности и поученія. Въ нихъ видишь модель огромнаго, истинно великаго произведенія. Значеніе ихъ еще возвышастся короткими, отрывочными словами Пушкина, обнаруживающими его собственное сужденіе и взглядъ на предметы, но оторвать ихъ теперь же отъ тѣла, къ которому принадлежатъ — нѣтъ никакой возможности.

1703.

•Посреди самаго пьму войны, Петръ Великій думалъ объ основаніи гавани, которая открывала бы ходъ торговли съ Сѣве-

розападною Европою и сообщеніе съ образованностію. Карль XII былъ на высотѣ своей славы; удержать завоеванныя мѣста, по мнѣнію всей Европы, казалось невозможно. Но Петръ Великій положилъ исполнить великое намѣреніе и на островѣ, находящемся близъ моря, на Невѣ, 16 Мая заложилъ крѣпость С.-Петербургъ (*одной рукою заложивъ крѣпость, а другой ее защищал.* Голик.). Онъ раздѣлилъ и тутъ работу. Первый болверкъ взялъ самъ на себя, другой поручилъ Меншикову, 3-й Графу Головину, 4-й Зотову (? *Канцлеру* пиш. Голик.), 5-й Князю Трубецкому, 6-й Кравчому Нарышкину. Болверки были прозваны ихъ именами. Въ крѣпости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близъ оной, на мѣстѣ, гдѣ стояла рыбацья хижина, деревянный же дворецъ на 9 саженьхъ въ длину, и 3-хъ въ ширину, о 2 покояхъ съ сѣнями и кухнею, съ холстинными выбѣланными обоями, съ простой мебелью и кроватью. Домикъ Петра въ семь видѣ сохраняется и по нынѣ.

Въ крѣпости опредѣленъ Комендантомъ Полковникъ Ренъ. Меншикову, какъ Генераль-Губернатору завоеванныхъ городовъ и земель, поручено надзираніе надъ новоначиавшимся городомъ. Отведено мѣсто для гостинаго двора, пристани, присутственныхъ мѣстъ, адмиралтейства, Государева дворца, саду и домовъ знатныхъ господъ. Городъ Нейшанцъ былъ *упраздненъ*, и жители онаго переведены, и были первые Петербургскіе поселенцы.

Петръ послалъ Шереметьева взять крѣпость Копорье, а Генераль-Маіора Ф. Вердена подъ Ямы. Обѣ крѣпости вскорѣ сдались на капитуляцію; гарнизоны выпущены въ Нарву.

Когда народъ встрѣчался съ Царемъ, то, по древнему обычаю, падалъ передъ нимъ на колѣна. Петръ Великій въ Петербургѣ, коего грязныя и болотистыя улицы не были вымощены, запретилъ колѣнопреклоненіе, а какъ народъ его не слушался, то Петръ Великій запретилъ уже сіе *подъ жестокимъ наказаніемъ, дабы, пишетъ Штелинь, народъ ради его не марался въ грязи.*

Петръ ѣздилъ въ Ямы и Копорье, наименовалъ первый Ямбургомъ, и повелѣлъ его укрѣпить. Тамъ узналъ онъ, что Крошторгъ изъ Лифляндіи идетъ съ 12,000 т., въ намѣреніи напасть на Петербургъ. Петръ его предупредилъ съ полками своєї

Гвардіи и 4 драгунскими и, нашедъ его въ крѣпкихъ мѣстахъ у рѣки Сестры, прогнавъ его до Выборга, положивъ 2,000. Въ то же время подѣ Ямбургъ подступалъ Нарвск. ком., Генералъ-Маіоръ Горнъ, но прогнавъ съ урономъ отъ Шереметьева; въ разныхъ мѣстахъ сверхъ того Шведы были побиваемы.

«Вслѣдъ за симъ на Олонцкой верфи, въ присутствіи Петра, заложены 6 фрегатовъ; отправлено къ Шереметьеву четыре наставленія, между прочимъ о вымѣреніи Ладожскаго устья и какъ подымается полая вода, *понеже згло нужны и тамъ нѣкоторыя суда*. Къ Апраксину писалъ Онъ, чтобъ къ веснѣ *исправляя ихъ пушками* и заготовлялъ *сіе* для кораблей, но не зачиналъ ихъ стропть.

Изъ Олонца прибылъ Государь на новопостроенномъ фрегатѣ Шгандартъ съ 6-ю мастовыми судами въ Петербургъ, куда вскорѣ пришелъ первый корабль Голландскій съ товарами, напитками и солью. Обрадованный Петръ велѣлъ отвести шхиперу и матросамъ постой въ домъ Мешникова; они обѣдали за его столомъ, и Петръ сидѣлъ съ ними (*С.-Петербургскія вѣдомости*, 1703 года Декабря 15), подарилъ шхиперу 500 черв. а каждому матросу 300 сѣм.; второму кораблю впередъ обѣщано тоже (300 черв. шхиперу). Товары, по приказанію Государя, тотчасъ были раскуплены.

«Петръ всегда посѣщалъ корабельщиковъ на ихъ судахъ. Они угощали его водкой, сыромъ и сухарями. Онъ обходился съ ними дружески. Они являлись при его дворѣ, угощаемы были за его столомъ.... Ихъ уважали и вѣроятно не любили. (Апскдотъ объ аладьяхъ. Кухмистеръ Государевъ звался Фелтенъ. Лѣтній дворець. См. *Штелина* и *Голикова*).

1-го Октября, въ третій разъ Петръ заключилъ условія съ Августомъ, обзавшись усилить его Саксонцевъ 12,000 пѣхоты, да дать 300,000 руб.. Все было исполнено. Деньги посланы съ Оберъ-Коммиссаромъ Кн. Дм. Голицынымъ.

«Петръ видѣлъ еще нужду въ пространной гавани, въ кою могли бы входить большіе корабли, и крѣпость для прикрытія Петербурга. Въ Октябръ, когда шелъ уже ледъ, Онъ ѣздилъ осматривать островъ Котлинъ, лежащій въ Финскомъ заливѣ, въ

30 верстахъ отъ Петербурга. Онъ вымѣрилъ фарватеръ между симъ островомъ и мѣлю, противъ него находившеюся; на той мѣли, въ морѣ, опредѣлилъ построить крѣпость, а на острову сдѣлать гавани и оныя укрѣпить и самъ сдѣлалъ тому *планъ и проспектъ*.

«Потомъ Государь съ Шеремтьевымъ отправился въ Москву, оставя у Ямбурга Окольниковъ П. Апраксина съ 5-ю полками.

«Въ Москву выѣхалъ Онъ торжественно. По указу Его сдѣланы были три Триумфальныхъ воротъ. Четвертыя выстроилъ Меншиковъ. Потомъ занялся гражданскимъ устройствомъ Государства, особенно финансами. *Доходы не составляли и 6 или 7 миллионъ (?). Бееръ и другіе (?), Щербатовъ. НВ*»

1725.

«1-го Января, Теофанъ говорилъ проповѣдь въ присутствіи Петра Великаго.

«1-го же изданъ указъ о снятіи лишнихъ карауловъ.

«Король Испанскій Филиппъ V заключилъ торговый союзъ съ Императоромъ Австрійскимъ Карломъ VI и женилъ Дона-Карлоса на Эрцгерцогини Маріи Терезіи.

«Георгій I былъ недоволенъ. Онъ подозрѣвалъ тайныя статьи въ пользу претендента. Франція завидовала выгодамъ торговымъ Австріи.

«Фридерикъ-Вильгельмъ неохотно платилъ Австріи Люгдебургскія пошлины. Отселъ Ганноверскій договоръ, оборонительный.

«Франція и Англія обязывались поддерживать права на *Бергское* наслѣдство Короля Прусскаго.

«Швеція, Данія и Голландія приступили къ тому же союзу.

«Австрія вступила въ союзъ съ Россією. Петръ началъ переговоры съ Пруссіей. . . .

«Петръ послалъ, въ Архангельскъ, корабельному мастеру Баженову приказъ строить три корабля *Груландскихъ*, 3 бота и 18 шлюбокъ.

Онъ назначилъ *Беринга* (Капитана) для открытія пути въ Восточную Индію, черезъ Ледовитый Океанъ. Петръ получилъ извѣстіе отъ Матюшкина.

«Шамхаль, собравъ 30,000 войска, осадилъ крѣпость Св. Креста. Генераль-Маіоръ Кропотовъ его разбилъ и землю его разорилъ. Петръ Великій уничтожилъ званіе Шамхала (см. Ежен. сочин. 1760, II—38 и проч.).

«Петръ (по свидѣтельству Катофора) на Иорданѣ простудился и занемогъ горячкою.

«Петръ повелѣлъ сало, юфть, воскъ и проч. въ чужіе края сухимъ путемъ не возить.

«Изданъ полицейскій указъ о продажѣ съѣстныхъ припасовъ.

«О размѣщеніи солдатъ, гдѣ есть пустыя строенія въ городахъ.

«Объясненъ указъ о утайкѣ душъ.

«О сборахъ.

«16-го Января Петръ началъ чувствовать предсмертныя муки. Онъ кричалъ отъ рѣзы.

«Онъ близъ своей спальни повелѣлъ поставить церковь походную.

«22-го исповѣдывался и причастился.

«Всѣ Петербургскіе врачи собрались у Государя. Они молчали; но всѣ видѣли отчаянное состояніе Петра. Онъ уже не имѣлъ силы кричать и только стоналъ. . . .

«При немъ дежурили три или четыре Сенатора.

«25-го сошлись во дворецъ весь Сенатъ, весь Генсралитетъ, Члены всѣхъ Коллегій, всѣ Гвардейскіе и Морскіе Офицеры, весь Синодъ и знатное Духовенство.

«Церкви были отворены: въ нихъ молились за здравіе умирающаго Государя, народъ толпился передъ Дворцомъ.

«Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала въ обморокъ; она не отходила отъ постели Петра, и не шла спать, какъ только по его приказанію.

«Петръ Царевенъ не пустилъ къ себѣ.

«26-го утромъ Петръ повелѣлъ освободить всѣхъ преступниковъ, сосланныхъ на каторгу (кромя 2-хъ первыхъ пушкетовъ и убійць), для здравія Государя.

«Тогда же данъ имъ указъ о рыбѣ и клѣбѣ (*казенные товары.*)

«Къ вечеру Ему стало хуже, Его муропомазали.

«27-го данъ указъ о прощеніи не явившимся дворянамъ на

смотря. Осужденныхъ на смерть по Артикулу по дѣламъ Военной Коллегіи (*кромя* и проч.), простить — дабы молили они о здравіи Государевомъ.

Тогда то Петръ потребовалъ бумаги и перо и начерталъ нѣсколько словъ неясственныхъ, изъ коихъ разобрать было можно только сіи: *ѡдайте все*. . . перо выпало изъ рукъ его. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ Цесаревну Анну, дабы ей продиктовать. . . Она вошла — но Онъ уже не могъ ничего говорить.

Архіерси Псковскій и Тверскій и Архимандритъ Чудова Монастыря стали Его увѣщевать. Петръ оживился — показалъ знакъ, чтобъ они Его приподняли, и возведши очи вверхъ, произнесъ засохлымъ языкомъ и свнвятнымъ голосомъ: *сіе едино жажду мою утоляетъ; сіе едино услаждаетъ меня*.

Увѣщающій сталъ говорить Ему о милосердіи Божіемъ безпредѣльномъ. Петръ повторилъ нѣсколько разъ *вѣрую и уповаю*.

Увѣщающій прочелъ надъ нимъ причастную молитву: Вѣрую, Господи и исповѣдую, яко ты еси и прочее. Петръ произнесъ: Вѣрую, Господи и исповѣдую; вѣрую, Господи: помози моему невѣрію и *сіе все, что весьма дивно* (сказано въ рукописи свидѣтеля) *съ умиленіемъ, лице къ веселію елико могъ устроявая, говорилъ — по семъ замолкъ*. . .

Присутствующіе начали съ нимъ прощаться. Онъ привѣтствовалъ всѣхъ плохимъ взоромъ; потомъ произнесъ съ усиліемъ: *Посль*. . . Всѣ вышли, повинувъсь въ послѣдній разъ Его волѣ.

Онъ уже не сказалъ ничего. 15 часовъ мучился Онъ, стоналъ, безпрестанно дергалъ правую свою руку — лѣвая была уже въ параличѣ. Увѣщающій отъ него не отходилъ. Петръ слушалъ его, и нѣсколько разъ силился перекреститься.

Троицкій Архимандритъ предложилъ Ему еще разъ причаститься. Петръ въ знакъ согласія, приподнялъ руку: его причастили опять. Петръ казался въ памяти до 4 часа ночи. Тогда началъ онъ охладѣвать, и не показывалъ уже признаковъ жизни. Тверской Архіерей на ухо ему продолжалъ свои увѣщанія и молитвы объ отходящихъ. Петръ пересталъ стонать, дыханіе остановилось; въ 6 часовъ утра 28-го Января, Петръ умеръ на рукахъ Екатерины. Екатерина провозглашена Императрицей.

«Въ тотъ же день обнародованъ манифестъ.

«Полкамъ въ Петербургѣ роздано жалованье. Генераль-Маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ посланъ въ Москву къ Сенатору Графу Матвѣеву.

«2-го Февраля напечатана присяга и разослана по всему Государству.

«Тѣло Государя вскрыли и бальзамировали. Сняли съ него гипсовую маску.

«Тѣло положено въ меньшую залу. 30-го Января народъ допущенъ къ Его рукѣ.

«4-го Марта скончалась 6-ти лѣтняя Царевна Наталія Петровна. Гробъ ея поставленъ въ той же залѣ.

«8-го Марта возвѣщено народу погребеніе. Черезъ два дня оно совершилось (*См. Голик.*).

15 декабря (1835 г.)

Въ началѣ 1836 года (Февраля 26), Пушкинъ какъ объяняется въ формулярномъ его списокѣ — командированъ въ Московскій Главный Архивъ для занятій по дѣламъ службы. Занятія эти были—дополнительный сборъ историческихъ матеріаловъ, не смотря на то, что онъ полагалъ его оконченнымъ въ прошломъ году. Мы увидимъ, что Александръ Сергѣевичъ и еще разъ въ теченіи этого года посѣтилъ Москву съ тѣмъ же намѣреніемъ, но оба раза пробылъ въ ней не долго. Изъ Февральской поѣздки онъ возвратился въ Мартъ мѣсяцъ назадъ въ Петербургъ: 25 Марта написано въ Петербургѣ стихотвореніе: *Художнику*. Первый томъ Современника, журнала, который долженъ былъ состоять всего изъ четырехъ томовъ, и матеріалы для котораго заготовилъ онъ прежде, уже печатался. Одобреніе цензора на первомъ появившемся номерѣ его имѣетъ помѣтку: 31 Марта 1836.

Причины основанія этого журнала или обзорнія, какъ называлъ его Пушкинъ, должно прежде всего искать въ противодѣйствіи тому насмѣшливому, парадоксальному взгляду на литературу нашу, который высказался въ послѣднихъ годахъ и поддерживав-

мый съ остроуміемъ и замѣчательною діалектической ловкостію, имѣлъ сильное вліяніе, особенно на людей полуобразованныхъ, изъ которыхъ вездѣ и состоитъ большинство читателей. Пушкинъ думалъ, вмѣстѣ со многими изъ друзей своихъ, что не смотря на безобразіе многихъ отдѣльныхъ явленій, литература наша въ общности всегда была сильнымъ орудіемъ образованности, что легкое, постоянно шутливое обращеніе съ ней лишено и основанія и цѣли, если не полагать цѣль въ доставленіи одной забавы праздному чтенію. Какъ будто для показанія важнаго значенія литературы нашей, Пушкинъ въ первомъ же томѣ своего обозрѣнія помѣстилъ: Пиръ Петра Великаго, Скупой Рыцарь, Изъ А. Шенье, а въ прозѣ Путешествіе въ Арзрумъ и разборъ сочиненій Георгія Конисскаго! Не говоримъ уже о стихахъ Жуковскаго, о повѣсти, статьѣ и сценахъ Гоголя, о разборѣ Парижскаго математическаго Ежегодника Кн. Козловскаго и Хроники Русскаго А. Тургенева.

Еще книжка Современника не выходила изъ печати, какъ Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Михайловское. Поводомъ къ этой поѣздкѣ въ необычное весеннее время года была кончина матери его Надсжды Осиповны. Онъ провожалъ тѣло ея до могилы, заготовленной ей рядомъ съ родителями ея Осипомъ Абрамовичемъ и Марьей Алексѣевной (сконч. 1819) Ганибалами, въ Святогорскомъ Успенскомъ Монастырѣ. 14 Апрѣля Пушкинъ собрался опять въ Петербургъ. Въ самый день отъѣзда своего изъ Михайловскаго, онъ написалъ два письма: одно къ М. П. Погодину, другое къ Н. М. Языкову. Послѣднее особенно любопытно. Приводимъ ихъ по порядку.

1) *Къ М. П. Погодину.*

«Пишу къ вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ въ слѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ. Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно вы его ужъ получили. Статья о вашихъ Афоризмахъ писана не мною, и я не имѣлъ времени, ни духа ее порядочно разсмотрѣть. Не сердитесь на меня, если вы ею не довольны. Не войдете ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговныя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить безъ обиняковъ ваши

требованія. Если увидите Н. . . . благодарите его отъ меня за Телескопъ. Пошлю ему Современникъ. Сегодня ѣду въ СП., — а въ Москву буду въ Маѣ — порыться въ Архивъ и свидѣться съ вами. 14 Апрѣля. Михайловское.»

2) Къ Н. М. Языкову.

«Отгадайте откуда пишу къ вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ? Изъ той стороны, гдѣ ровно тому десять лѣтъ пировали мы втроемъ: вы, В** и я, гдѣ звучали ваши стихи, и бокалы, гдѣ теперь вспоминаемъ мы васъ и старину. — Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Е. Н. . . , у которой я въ гостяхъ. Поклонъ вамъ ото всего и ото всѣхъ вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью. Алексѣй В. здѣсь же, по прежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ. Пребываніе мое въ Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ . . . , но оно такъ живо мнѣ васъ напомнило, что я не могъ не написать вамъ пѣсколько словъ въ ожиданіи, что и вы откликнетесь. Вы получите мой Современникъ; желаю, чтобы онъ заслужилъ ваше одобреніе. Изъ статей критическихъ моя одна: о Конисскомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непременно. Ваши стихи — вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили Современника: опрыските его вавими кипучими каплями. Посланіе къ Давыдову — прелесть! Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдшу, замазавъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ, опять его вымылъ — и правъ. Прощайте, пишите мнѣ, да и кстати ужъ, напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его Посланіе, напечатанное въ Новосельи (помнится), и о которомъ вы и слова ему не молвили. Будьте здоровы и пишите, то есть: *живи и жить давай другимъ*. 14 Апрѣля. P. S. Пришлите мнѣ, ради Бога, *Стихъ объ Алексѣй Бож. человекъ* и еще какую нибудь легенду — *нужно*.»

Послѣднее слово: «нужно» намъ уже понятно Направленіе Пушкина въ эти года дастъ ему значеніе и смыслъ

Но изъ критическихъ статей Пушкина, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ Современника, не одна только о сочиненіяхъ Ко-

ипскаго, какъ онъ утверждаетъ, принадлежитъ ему. Въ извѣстіяхъ о новыхъ книгахъ есть напримѣръ двѣ замѣтки, уже несомнѣнно составленныя имъ и двѣ другія, которыя, по нѣкоторымъ внѣшнимъ и внутреннимъ признакамъ, могутъ быть отпесены на его счетъ, хотя положительныхъ доказательствъ ихъ принадлежности издателю мы не нашли въ бумагахъ. Начинаемъ съ замѣтокъ перваго рода:

1) *Вастола или желанія, повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланда, издалъ А. Пушкинъ. С. Пб. въ тип. Д. Внѣш. Торг., 1856, въ 8, стр. 96.*

«Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія съ согласія или по просьбѣ автора, до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ другаго не придумано.

«Въ томъ же журналѣ сказано было, что «Вастола переведена какимъ то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и что лучше бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей.»

«Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ небогатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого-бы то ни было.

«Послѣ таковаго объясненія, не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить, могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.»

Не видя никакой существенной надобности изъяснять теперь происшествіе, о которомъ говорится въ замѣткѣ, мы только прибавимъ, что право Пушкина издать поэму могло основываться и на томъ, что онъ пересмотрѣлъ ее и вѣроятно исправилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Подъ замѣткой его должна была

стоять и подпись: Изд., выпущенная только отъ типографскаго недосмотра.

Второй отрывокъ касается поваго изданія Вечеромъ на хуторъ Н. В. Гоголя.

2) *Вечера на хуторъ близъ Диканьки. Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Изданіе второе. Двѣ части, въ 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, въ типогр. Д. Виши. Тор.*

«Читатели наши конечно помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ нами появленіемъ «Вечеровъ на хуторъ.» Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картиннамъ Малороссійской природы, этой вселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы Русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со времени Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему перовность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разказовъ, предоставивъ сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое сличеніе. Опъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Опъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Въ слѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутливую, трогательную идилию, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтера-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся, имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ (*).»

Этотъ отзывъ подтверждаетъ все то, что говорили мы прежде о покровительствѣ, какое оказалъ Пушкинъ начинающему писателю и о самихъ поводахъ къ нему. Тутъ уже можно замѣтить мысль, высказанную впоследствии самимъ Гоголемъ по поводу только Ревизора: честное лице въ моей комедіи — есть смѣхъ.

Переходимъ къ замѣткѣ, которая можетъ и не принадлежать

(* На дняхъ будетъ представлена на здѣшнемъ театрѣ его комедія Ревизоръ. Пр. Пушкина.

Пушкину, по удивительно совпадаетъ съ его образомъ мыслей и съ направлениемъ вообще.

Походныя записки Артиллериста, съ 1812 по 1816 годъ, Артиллеріи Полковника И. Р. . . . Москва, 1835 — 1836, въ 8 д. четыре части. Стр. 296 — 348 — 354 — 375.

•Когда возвратились наши войска изъ славнаго путешествія въ Парижъ, каждый офицеръ принесъ запасъ воспоминаній. Ихъ рассказы всѣ безъ исключенія были занимательны, все наблюдаемо было свѣжими и любопытными чувствами новичка, даже постой Русскаго офицера на Нѣмецкой квартирѣ составлялъ уже романъ. До нынѣ, если бывшій въ Парижѣ офицеръ, уже ветеранъ, уже во фракъ, уже съ просѣдью на головѣ, станетъ рассказывать о прошедшихъ походахъ, то около него собирается любопытный кружокъ. Но ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ до сихъ поръ не вздумалъ записать свои рассказы въ той истинѣ и простотѣ, въ какой они изливаются изустно. То, что случилось съ ними, какъ съ людьми частными, почитаютъ они слишкомъ не важнымъ, и очень ошибаются. Ихъ простые рассказы иногда вносятъ такую черту въ Исторію, какой нигдѣ не дороешься. Возьмите напримѣръ, эту книгу: она не отличается блестящимъ слогомъ и замашками опытнаго писателя; но все въ ней живо и вездѣ слышенъ очевидецъ. Ее прочтутъ и тѣ, которые читаютъ только для развлечения, и тѣ, которые изъ книгъ извлекаютъ новое богатство для ума.»

Въ послѣднее время Пушкинъ былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ собирателей записокъ, преданій, изустныхъ историческихъ рассказовъ. Онъ отыскивалъ ихъ всюду, гдѣ только могъ — съ жаромъ и неутомимостію, которыми вообще отличались его предпріятія. Онъ заводилъ переписку по первому слуху о существованіи какого-либо документа въ этомъ родѣ, какого-либо семейнаго сказанія или откровенной повѣсти изъ жизни дѣйствительнаго лица. Пусть вспомнятъ читатели наши участіе, съ которымъ онъ встрѣтилъ записки Н. А. Дуровой, помѣщенные имъ во 2-мъ томѣ Современника, съ объясненіемъ отъ собственнаго лица. Оно сохранено нами въ примѣчаніяхъ къ статьямъ, взятымъ изъ Современника. Такъ точно по первому извѣстію,

что Д. В. Давыдовъ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ Валтеръ-Скоттомъ, Пушкинъ просилъ его разсказать всю исторію его знакомства съ знаменитымъ Шотландцемъ. Отрывокъ изъ отвѣта Д. В. Давыдова сохранился въ бумагахъ Пушкина: онъ любопытенъ.

« Мнѣ писалъ племянникъ мой Владиміръ Петровичъ Давыдовъ, который учится въ Единбургѣ, что онъ часто видится съ Валтеръ-Скоттомъ и часто бываетъ у него въ деревнѣ, что Валтеръ-Скоттъ долго его обо мнѣ спрашивалъ и показывалъ ему портретъ мой, находящійся у него въ кабинетѣ. Это польстило моему самолюбію и я написалъ Валтеръ-Скотту благодарное письмо, на которое онъ немедленно отвѣчалъ. Сверхъ того, онъ, спустя нѣсколько времени, прислалъ мнѣ свой портретъ, съ надписью: Валтеръ-Скоттъ Денису Давыдову. Теперь я ему пишу благодарное письмо за портретъ, а между тѣмъ, узнавъ, что онъ составляетъ себѣ кабинетъ разнаго оружія, на дняхъ посылаю ему Куртинскій дротикъ, Черкесскій лукъ и стрѣлы, и книжалъ. Вотъ вся исторія моего знакомства съ Валтеръ-Скоттомъ».

Наконецъ выписываемъ шутку Пушкина, въ которую отчасти примѣшивается и чувство грусти. Что она принадлежитъ поэту—свидѣтельствуемъ одно обстоятельство. При перечетѣ именъ старыхъ дѣлателей въ литературѣ, пропущено его собственное имя.

Мое новоселье. Альманахъ на 1836 годъ, В. Крыловскаго. Слб. въ типогр. Издат., 296 ст.

«Это Альманахъ! Какое странное чувство находить, когда глядимъ на него; кажется, какъ будто на крышѣ опустѣлаго дома, гдѣ когда-то было весело и шумно, видимъ передъ собою тогощаго мяукающаго кота. Альманахъ! Когда-то Дельвигъ издавалъ благоуханный свой Альманахъ! Въ немъ цвѣли имена: Жуковскаго, Князя Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова, Плетнева, Туманскаго, Козлова. Теперь, все новое, никого не узнаешь: другіе люди, другія лица. Въ оглавленіи; приложенномъ къ началу, стоятъ имена, гт. Куруты, Варгасова, Крыловскаго, Грена; кромѣ того написали еще стихи буква С., буква Ш., буква Щ. Читаемъ стихи — подобные стихи бывали и въ прежнее время; по крайней-мѣрѣ въ нихъ все было ровнѣе, текучѣе, сочинители лепетали вслѣдъ за талантами. Грустно по старымъ временамъ! . . .»

Въ Маѣ мѣсяцѣ А. С. Пушкинъ снова уѣхалъ въ Москву, по-рыться въ Архивахъ, какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ М. П. Погодину, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно и по собственнымъ дѣламъ. Въ это время одно изъ нихъ, кончившееся къ полному его удовольствію, свидѣтельствуешь, что боязнь толковъ и пересудовъ свѣта, начинала уже сильно развиваться въ немъ. Въ Маѣ же мѣсяцѣ вернулся онъ въ Петербургъ и 27-го числа написалъ то доброе, простосердечное письмо, которое, вмѣстѣ съ другими къ П. В. Нащокину, уже напечатано было въ Москвитинѣ 1851 г. № 23.

«Любезный П. В., я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23 въ полночь. Дай Богъ не сглазить, все идетъ хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у себя два порожнихъ экземпляра Современника. Одинъ отдай Князю Гагарину, а другой пошли отъ меня Б. (*тихонько отъ наблюдателей, NB.*), и вели сказать ему, что очень жалю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. *Во вторыхъ*, я забылъ взять съ собою твои записки, перешли ихъ, сдѣлай милость, поскорѣе.

Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но слава Богу — на мѣстѣ, т. е. на станціи, и не долѣе 2-хъ часовъ *en tout*.

Второй № Современника очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣятельно. 27 Мая 1836.

«Вотъ тебѣ анекдотъ о моемъ Сашкѣ. Ему запрещаютъ (не знаю за чѣмъ) просить, чего ему хочется. На дняхъ говоритъ онъ своей теткѣ: Азя! дай мнѣ чаю: я просить не буду».

И такъ, мы видимъ, Пушкинъ съ Мая мѣсяца жилъ уже на дачѣ — на Каменномъ Острове. Въ отсутствіе его, матеріалы, приготовленные имъ для 2-го № Современника, были приведены въ порядокъ и напечатаны людьми, которымъ онъ повѣрилъ эту работу. Онъ нашелъ второй томъ Современника очень хорошимъ. Книжка вышла въ Юнѣ мѣслцѣ. Одобреніе ценсора на ней помѣчено 30 числомъ Юня 1836 года.

Изъ собственныхъ его статей, второй № Современника содержитъ извѣстіе о Россійской Академіи, Предисловіе къ запискамъ П. А. Дуровой и, вѣроятно то объявленіе отъ редакціи жур-

нала, въ которомъ она принимаетъ на себя вину напечатанія хроники Русскаго въ Парижѣ (А. Тургенева), безъ исправленій въ слогъ и отвѣчаетъ на нападки журналовъ, усмотрѣвшихъ въ запискахъ Эоловой Арфы только погрѣшности противъ языка и внѣшней формы. Послѣднія слова этого объявленія, имѣющія совершенно характеръ Пушкинской, выписываемъ:

«... Можно было бы, и по нѣкоторымъ отношеніямъ слѣдовало бы для порядка, дать этимъ разбросаннымъ чертамъ стройное единство, облачить въ литературную форму. Но мы предпочли сохранить въ немъ (*) живой, теплый, внезапный отпечатокъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній, городскихъ вѣстей, бульварныхъ, академическихъ, салонныхъ, кабинетныхъ движеній, такъ сказать, *стенографировать* эти горячіе слѣды, эту лихорадку Парижской жизни; впрочемъ, кажется, мы и не ошиблись въ своемъ предпочтеніи. По всѣмъ отзывамъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, Парижская хроника возбудила живѣйшее любопытство и вниманіе. Даже и тупыя печатныя замѣчанія подтвердили насъ въ убѣжденіи, что способъ, нами избранный, едва ли не лучший. Вкусъ иныхъ людей можетъ служить всегда надежнымъ и неизмѣннымъ руководствомъ: стоитъ только выворотить вкусъ ихъ наизнанку. То, чего они оцѣнить не могли, что показалось имъ неприличнымъ, неумѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, имѣетъ внутреннее многоцѣнное достоинство, слѣдовательно, не ихъ имѣемъ въ виду въ настоящемъ объясненіи. Но мы желали только, по обязанности редакторской, припавъ на себя всю отвѣтственность за произвольное напечатаніе помянутыхъ выписокъ, отклонить ее отъ того, который писалъ ихъ, забывая, что есть книгопечатаніе на бѣломъ свѣтѣ».

Впрочемъ, второй томъ Современника имѣетъ преимущественно критическій характеръ. Онъ наполненъ разборами замѣчательныхъ книгъ и литературныхъ явленій, какъ своихъ, такъ и чужестранныхъ. Въ немъ находимъ отчеты о засѣданіи Французской Академіи, о Наполеонѣ, поэмѣ Кинэ, о войнахъ Цезаря, писанныхъ Маршаномъ подъ диктовку Наполеона, о комедіи Гоголя: Ревизоръ и проч.

(*) Въ журналѣ.

Съ жаромъ принялся Пушкинъ лѣтомъ, на Каменоостровской дачѣ своей, за приготовленіе новаго тома журнала, которымъ еще недавно общался дѣятельно заняться. Первые два № №, хотя и составлены были имъ, но печатались, какъ мы видѣли, безъ личнаго надзора издателя: только третій № вышелъ подъ собственными его глазами (*). Неумоимо работалъ поэтъ - журналистъ надъ матеріалами и содержаніемъ новой книжки. Одинъ изъ друзей, посѣтивъ его въ Воскресенье, засталъ его за статьей: Джонъ Теннеръ. Поэтъ работалъ надъ ней уже цѣлое утро и, встрѣчая пріятеля, сказалъ ему, потягиваясь, полу-шутливо и полу-грустно: «Плохое наше ремесло, братецъ. Для всякаго человѣка есть праздникъ, а для журналиста — никогда.» Отъ пребыванія его на дачѣ Каменнаго Острова осталось, одна-кожъ, и нѣсколько поэтическихъ, послѣднихъ пѣсень его: *Подражаніе Италіанскому*, написанное 22 Іюня, *Молитва*, написанная ровно черезъ мѣсяцъ 22-го Іюля и нѣсколько не изданныхъ. Всѣ онѣ уже ознаменованы тѣмъ особымъ состояніемъ духа, которое въ высокихъ образахъ, граничащихъ съ религіознымъ эпосомъ, ищетъ пищи и удовольствія себѣ. Замѣтно, что воображеніе поэта, обставлено, такъ сказать, картинами историческаго и духовнаго содержанія и безпокойно живетъ между ними, еще выбирая предметъ для полнаго поэтическаго усвоенія. Въ неизданныхъ стихотвореніяхъ можно видѣть, какъ явленія жизни начинаютъ представляться мысли его той стороною, которая чѣмъ либо соприка-

(*) Пушкинъ объяснилъ это самъ въ третьемъ томѣ Современника, увѣдомляя, что обѣщаніе разобрать всѣ книги, помѣченныя въ реестрѣ новыхъ книгъ звѣздочкой, дано было не имъ и не можетъ быть исполнено: «*Обстоятельства, говорить онъ, не позволили издателю лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ номеровъ своего журнала; вкрались нѣкоторыя ошибки, и одна довольно важная, происшедшая отъ недоразумѣнія: публикѣ дано обѣщаніе, которое издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не намѣренъ исполнить — сказано было къ примѣчанію къ статьѣ: Новыя книги, что книги, означенныя звѣздочкой, будутъ современемъ разобраны. Въ спискѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литературы, и другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не пріобрѣлъ.*»

сается съ исторической или религіозной идеей. 5 Іюня Пушкинъ началъ стихотвореніе, первые строки котораго здѣсь приводимъ:

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща Древа —
 Марія-грѣшница и Пресвятая дѣва —
 Стояли двѣ жены
Въ неизмѣримую печаль погружены! . . .

Картина въ 6-ти стихахъ мѣрно и величественно возстающая предъ глазами вашими! . . . Другая, ей подобная, писана въ послѣднемъ мѣсяцѣ лѣта. Въ одну изъ прогулокъ своихъ, Пушкинъ завернулъ на кладбище и 14-го Августа выразилъ впечатлѣнія свои въ стихотвореніи, которое начинается стихами:

«Когда за городомъ, задумчивъ, я брожу
И на публичное кладбище захожу.»

Весь предметъ, возбудившій сначала тяжелое и смутное волненіе въ душѣ его, тотчасъ же освѣщается кроткимъ свѣтомъ религіозной мысли и выходитъ уже преобразованный совершенно идеальнымъ пониманіемъ и представленіемъ его. Исполненный тихой задумчивости, онъ въ новомъ своемъ видѣ приноситъ съ собою умиротвореніе всѣхъ требованій и порывовъ.

«Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ;
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ, и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ —
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колѣблясь и шумя! . . .

14-го Августа 1836. Камен. Остр.

Наконецъ немного ранѣе, 5-го Іюля, набрасываетъ Пушкинъ отрывокъ, гдѣ высказываетъ въ чудныхъ стихахъ всѣ потребности свои, какъ художника. Созерцаніе природы и наслажденіе искус-

ствомъ, признаетъ онъ единственной цѣлью своей жизни, пренебрегая и откидывая всѣ другія, многоразличныя цѣли, которыя волнуютъ его современниковъ. Онъ ставитъ цѣль положительно и твердо:

«По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья,
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья. . . .
Вотъ счастье! вотъ права!

Тоже самое говорилъ онъ и прежде, но теперь мы уже знаемъ, что не прежнее вольное, артистическое наслажденіе всѣми являющимися жизни скрывается въ его словахъ, но сближеніе съ тѣми величавыми образами, которые предчувствовала и по которымъ томилась душа его. . . .

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ вышелъ третій томъ Современника. Постоянная работа лѣта не прошла даромъ и Пушкинъ сдержалъ обѣщаніе. Третій томъ есть чуть ли не лучший томъ всего изданія, по разнообразію и существенности своего содержанія. Въ немъ, вмѣстѣ со стихами О. Т., Давыдова и Виземскаго, помѣстилъ онъ собственныя свои пьесы: Родословная моего героя, Полководецъ, Сапожникъ—причта. Въ прозѣ мы уже находимъ 7 статей Пушкина: О мнѣніи М. А. Лобанова, Объ Исторіи Пугачевского бунта, Вольтеръ, Оракійскія элегіи, Анекдоты, Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы и Джонъ Теннеръ. Въ разборѣ книгъ мы извлекли уже, для напечатанія въ видѣ отдѣльныхъ статей, его замѣтки: Объ обязанностяхъ челоуѣка Сильвіо Пеллико и О словарѣ Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви: они проникнуты тѣмъ же нравственнымъ чувствомъ, какое овладѣло и умомъ его, вмѣстѣ съ творческой его способностію, что въ настоящемъ художникѣ почти всегда неизбѣжно (*). Есть и нѣсколько небольшихъ полемическихъ объ-

(*) Между прочимъ, вслѣдъ за реестромъ новыхъ книгъ было еще въ третьемъ томѣ Современника объявленіе о новомъ романѣ: «Недавно одна рукопись, подъ заглавіемъ: *Село Михайловское* ходила въ обществѣ по рукамъ и произвела большое впечатлѣніе. Это романъ, сочиненный дамою. Говорятъ, въ немъ много оригинальности, много чувства, много живыхъ и сильныхъ изображеній, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его появленія.» Кому могъ принадлежать этотъ романъ, посвящій имя села Пушкиныхъ — намъ неизвѣстно. Въ бумагахъ поэта, по

ясней Пушкина въ томъ же номерѣ. Извѣстный библиографъ И. А. Безсоновъ, прислалъ въ Современникъ свои замѣтки на статью Гоголя: О движеніи Журнальной литературы. Онъ противопоставлялъ нѣкоторымъ обвиненіямъ ея свои соображенія и, называя ее программой журнала, ждалъ отъ Современника исполненія всѣхъ упущеній въ журналистикѣ, какъ то: опредѣленія, что такое Валтеръ-Скоттъ, Французская литература, наши писатели и наша публика? Осторожный Пушкинъ сдѣлалъ такую выноску къ замѣткамъ Г. Безсонова: «Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо Г. А. Б. (*), нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья о движеніи журнальной литературы, напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженные съ такою юношескою живостію и прямодушіемъ, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программой Современника». Въ другой разъ, отвѣчая на догадки журналовъ о программѣ журнала и цѣли его, онъ останавливается при иронической замѣткѣ одной газеты, что Современникъ будетъ только продолженіемъ Литературной Газеты Барона Дельвига. Съ гордостію и чувствомъ уваженія къ другу, Пушкинъ подтверждаетъ слова газеты: «Современникъ, говоритъ онъ, по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, *будетъ* продолженіемъ Литературной Газеты».

Выдавъ книжку Современника, Александръ Сергѣевичъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ переѣхалъ въ городъ, на Мойку, къ Пѣвческому мосту, домъ Волконской. Съ этого времени становится въ немъ замѣтно особенное безпокойство духа; первые признаки неблагонамѣренности и живой молвы, тогда показавшіяся, начинаютъ

крайней мѣрѣ, не осталось никакихъ признаковъ существованія его. Его нѣтъ и въ Русской литературѣ. Не смотря на распросы наши, мы не могли даже узнать намѣренія, понудившаго Пушкина къ такому объявленію или къ допущенію такого объявленія.

(*) Замѣтки были изложены въ письмѣ за подписью: «А. Б. Тверь. 23-го Апрѣля 1836.»

тревожить его. Онъ дѣлается раздражителенъ и наконецъ съ трудомъ таить въ себѣ муку гнѣва и досады, которыя вскорѣ и одолеваютъ его. Какъ будто предчувствуя катастрофу, онъ собирался уѣхать въ концѣ этого года въ Михайловское и пробить тамъ всю зиму съ семействомъ своимъ. Исполненіе плана предотвратило бы, можетъ статья, бѣдствіе, которое поразило его въ первомъ мѣсяцѣ слѣдующаго 1837 года (*).

Между тѣмъ, въ Ноябрь, выдалъ онъ 4-й, послѣдній томъ Современника, имѣющій ценсурное одобреніе отъ 11 Ноября 1836. Существенной частью этой книжки былъ романъ: *Капитанская дочка*, напечатанный въ немъ цѣликомъ, да Хроника Русскаго въ Парижѣ. Отдѣльныхъ стиховъ Пушкина въ немъ не было, но онъ напечаталъ тогда объясненіе по поводу «Полководца», въ которомъ заключилъ три строфы въ честь вождя 12-го года Князя Кутузова, бывшія дотолѣ неизвѣстными. Затѣмъ въ Новыхъ книгахъ, Пушкинъ сдѣлалъ одобрительную замѣтку на Записки Н. А. Дуровой, вышедшія отдѣльно, подъ заглавіемъ: *Кавалеристъ-дѣвица*. «Читатели Современника видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили безъ сомнѣнія прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою пылкая героиня описываетъ

(*) Одинъ изъ лицейскихъ товарищей Пушкина передалъ намъ трогательный анекдотъ. Извѣстно, что воспитанники Лицея всегда собирались 18 Октября — день основанія Лицея, къ одному изъ товарищей, читали стихи, бесѣдовали о прошломъ и *записывали слова и рчи присутствующихъ*, обозначая послѣднихъ школьными именами и указывая, гдѣ находились тѣ изъ нихъ, кого не было на лицѣ. Пушкинъ писалъ къ этому дню всѣ свои пьесы, извѣстныя подъ заглавіями: «19 Октября». По обыкновенію, и въ 1836 году онъ приготовлялъ лирическую пѣснь, но не успѣлъ ее докончить. Въ день праздника онъ извинился передъ товарищами, что прочтетъ имъ пьесу, не вполне додѣланную, развернулъ листъ бумаги, помолчалъ немного и только что началъ, при всеобщей тишинѣ, свою удивительную строфу:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вънчался,

какъ слезы покатались изъ глазъ его. Онъ положилъ бумагу на столъ и отошелъ въ уголокъ комнаты, на диванъ . . . Другой товарищъ уже прочелъ за него послѣднюю лицейскую годовщину.

самыя необыкновенныя происшествія. . . . Другая замѣтка касается труда Г-на Строева: «Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго, 2 части. Москва.» Мы не знаемъ достоверно, принадлежитъ ли она Пушкину, но по мысли своей она совершенно сходна съ тѣмъ, что онъ обыкновенно думалъ и говорилъ.

«Издавъ сіи два тома, Г. Строевъ оказалъ болѣе пользы Русской исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть коренныя верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе Русской Исторіи. «Ключъ» составленъ по второму изданію «Исторіи Государства Россійскаго», *самому полному и исправному*, пишетъ Г. Строевъ. Издатели «Исторіи Государства Россійскаго» должны будутъ поскорѣе приобрести право на перепечатаніе «Ключа», необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина.

Такъ наступилъ 1837 годъ, въ которомъ смерть неожиданно свела Пушкина съ жизненнаго и литературнаго поприща. Причины и обстоятельства, породившія катастрофу, еще всѣмъ памяты. Легкомысленное пониманіе жизни и характеровъ, неосновательный, злорѣчивый говоръ молвы, какой часто бываетъ въ городахъ и исчезаетъ по собственному ничтожеству своему и по презрѣнію, которое рано или поздно наказываетъ его — произвели здѣсь гибельныя послѣдствія. Они встрѣтили пылкій характеръ, который придалъ имъ значеніе гораздо болѣе того, какое они заслуживали и сдѣлалъ ихъ орудіемъ собственной преждевременной и мучительной смерти. Раздраженный упорствомъ клеветы, Пушкинъ не сохранилъ разсудительности и хладнокровія, нужныхъ для предоставленія ее собственному позору. Въ праздно и неблагородной насмѣшкѣ, онъ видѣлъ мнѣніе свѣта, а мнѣніе свѣта было въ его глазахъ дѣломъ первой важности. Энергія, неутомимость и сосредоточенный въ себѣ гнѣвъ, съ какими выступилъ онъ противъ первыхъ легкомысленныхъ проявленій злорѣчія, уже предвѣщали неминуемую катастрофу. Съ ходомъ всего дѣла, Пушкинъ воспламенялся все болѣе и, наконецъ, ослѣпленный гнѣвомъ и негодованіемъ, сдѣлался жертвой столько же чужаго

легкомыслія, сколько и своего огненного, неукротимаго характера. Смертельно раненый на поединкъ съ г. Дантесомъ (Георгъ Гекернъ), 27-го Января 1837 года, онъ скончался безъ малаго черезъ два дня — 29 Января, въ Пятницу, въ три четверти третьяго часа пополудни.

Всѣ попытки друзей отвратить этотъ ударъ остались тщетны. Въ самый день поединка они везли обоихъ противниковъ чрезъ мѣсто публичнаго гулянья, нѣсколько разъ останавливались, роняли нарочно оружіе, надѣясь еще на благодѣтельное вмѣшательство общества, но всѣ ихъ усилія и намеки остались безуспѣшны. Только по окончаніи гулянья на Каменномъ Острову, одна дама, знакомая Пушкину, получивъ извѣстіе, что видѣли его и г. Дантеса, торопившихся другъ за другомъ и опоздавшихъ на общее веселіе, только она догадалась о событіи и воскликнула съ живымъ выраженіемъ страха: «тутъ должно случиться несчастіе. Поѣзжайте за ними». Но уже было поздно.

Пушкинъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ противника, упалъ и нѣсколько мгновений лежалъ безъ чувствъ въ снѣгу. Поднявшись, онъ перемѣнилъ пистолетъ, потребовалъ, чтобъ противникъ, подбѣжавшій къ нему, возвратился опять на свое мѣсто и, собравъ всѣ силы, послалъ ему выстрѣлъ. Извѣстно радостное восклицаніе Пушкина, при видѣ упавшаго соперника, легко пораженнаго имъ въ руку. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельстве, чтобъ показать степень страсти, овладѣвшей всѣмъ существомъ его.

Радость была столько же напрасна, сколько и противна нравственному чувству. Пока мѣстъ противникъ садился въ сани Пушкина и отправлялся домой, самого Пушкина переносили въ карету, заранѣе приготовленную семействомъ его соперника, на случай несчастія. Пушкинъ еще поглядѣлъ вслѣдъ удаляющагося врага и прибавилъ: «Мы не все кончили съ нимъ», но уже все было кончено и другой рядъ болѣе возвышенныхъ и болѣе достойныхъ мыслей, ожидалъ умирающаго въ дому его.

Карета медленно подвигалась на Мойку, къ Пѣвческому мосту. Раненый чувствовалъ жгучую боль въ лѣвомъ боку, говорилъ прерывистыми фразами и мучимый тошнотою, старался пре-

одолѣть страданія, возвѣщавшія близкую, неизбѣжную смерть. Нѣсколько разъ принуждены были останавливаться, потому что обмороки слѣдовали довольно часто одни за другими и сотрясеніе пути ослабляло силы больного. По прибытіи къ дому, Пушкинъ остался въ каретѣ, между тѣмъ какъ спутникъ его сошелъ для исполненія одной изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей — предвѣдомленія домашнихъ о случившемся несчастіи. Камердинеръ Пушкина вынесъ его на рукахъ изъ кареты и раненый ласково спросилъ его: «грустно тебѣ нести меня?»

Супруга поэта, спокойно занимавшаяся въ своей гостиной, при первомъ намекѣ о бѣдствіи, стремительно бросилась къ кабинету мужа. Пушкинъ не допустилъ ее къ себѣ въ первое время, боясь неожиданности впечатлѣнія. Онъ уже лежалъ на диванѣ когда она вошла въ кабинетъ, взялъ ея руки, поднесъ къ губамъ своимъ и молвилъ: «благодарю Бога: я еще живъ и ты возлѣ меня».

Отсюда начинается трогательная драма его кончины, описаніе которой заключено въ письмѣ В. А. Жуковскаго къ отцу поэта Сергѣю Львовичу. Крѣпость духа, борящаяся въ продолженіи 45 часовъ съ нестерпимыми физическими страданіями и часто побѣждающая ихъ; мысль, сохраняющая всю свѣжесть въ горькія минуты распадѣнія организма; мягкость сердца и чувства, идущія рядомъ съ изумительной энергіей характера; наконецъ религіозное одушевленіе, разрѣшающееся полнымъ внутреннимъ примиреніемъ со всѣми врагами своими и благодарственнымъ воззваніемъ къ Монарху, Вѣнценосному Благодѣтелю своему — все это дѣлаетъ кончину Пушкина, по истинѣ, событіемъ, исполненнымъ драматической силы и глубокой нравственной идеи. Письмо В. А. Жуковскаго передаетъ ее въ поразительной картинѣ: къ нему и отсылаемъ читателей нашихъ (*).

Пушкинъ скончался 37 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и трехъ дней. Извѣстіе о смерти его распространилось по всему городу. Люди всѣхъ сословій приходили поклониться гробу того человека, ко-

(*) Вмѣстѣ съ описаніемъ В. А. Жуковскаго, мы прилагаемъ и рассказъ Г. Бантышъ-Каменскаго изъ его біографіи Пушкина, который дополняетъ первое многими подробностями и замѣчательными чертами.

торый такъ много доставлялъ всѣмъ высокихъ духовныхъ наслажденій въ жизни. Домъ его съ утра до вечера наполненъ былъ народомъ, который видѣлъ въ прахъ этомъ — утрату надеждъ своихъ на будущее. . . .

Пушкинъ не оставилъ послѣ себя почти никакого состоянія. Намъ уже извѣстны всѣ щедроты Монарха, излившіяся на семейство поэта, тотчасъ по кончинѣ его. На самыя похороны его было отпущено 10 тысячъ руб. ассигн. и Высочайше повелѣно препроводить прахъ его въ Святогорскій Успенскій монастырь, въ 4-хъ верстахъ отъ Михайловскаго (Псковской губерніи, Опочковскаго уѣзда), при чемъ исполненіе сего повелѣнія возложено было на того человѣка, который открылъ Пушкину первый путь въ жизни опредѣленіемъ его въ Лицей — на А. И. Тургенева. При стеченіи многочисленнаго народа отпѣваніе тѣла умершаго происходило въ придворной Конюшенной церкви, 1-го Февраля. Площадь передъ нею была покрыта толпами, которыя не могли помѣститься въ самой церкви. Тамъ, послѣ разрѣшительнаго благословенія религіи, прахъ Пушкина принялъ послѣднее цѣлованіе родныхъ и друзей. В. А. Жуковскій обнялъ бездыханное тѣло его и долго держалъ его безмолвно на груди своей. Гробъ перенесенъ былъ въ склепъ самой церкви, въ ожиданіи времени отправленія его въ Святогорскій монастырь, что произошло два дня спустя, 3-го Февраля. Тамъ возвышается теперь могила, съ надгробнымъ памятникомъ изъ бѣлаго мрамора и надписью: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ лавровомъ вѣнкѣ. Памятникъ состоитъ изъobelиска на четвероугольномъ основаніи, имѣющемъ видъ древнихъ гробницъ. Онъ находится передъ жертвенникомъ на внѣшней сторонѣ старинной церкви монастыря. Площадка, гдѣ покоится Пушкинъ, всего на-всего имѣетъ 25 шаговъ по одному направленію и около 10 по другому. Она кончается обрывомъ и начинаетъ заростать липами и деревьями. . . . мѣсто молчаливо и строго.

«Современникъ» появился и въ 1837 году, но уже изданный друзьями покойнаго и въ пользу семейства прежняго своего основателя. Тутъ впервые ознакомилась публика со многими произведеніями поэта, нѣсколько лѣтъ уже сберегавшимися въ

тетрадахъ его. Посмертный, загробный голосъ Пушкина, длившійся цѣлый годъ въ новомъ Современникѣ, показалъ окончательно всю великость понесенной утраты и погибшихъ съ поэтомъ надеждъ. Въ Современникѣ 1837 года напечатаны были, кромѣ небольшихъ стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ: Мѣдный Всадникъ, Русалка, Галубъ, Арапъ Петра Великаго, Лѣтопись села Горохина, Египетскія почвы. Будемъ говорить только о произведеніяхъ стихотворной формы. Каждое изъ нихъ, кромѣ своего художническаго значенія, имѣло еще и другой голосъ въ то время. За мощными стихами ихъ, достигшими некрушимой, будто сквозь огонь проведенной формы, за образами ихъ, доведшими до отчетливости исполненія, перерождавшей ихъ въ совершенно живыя явленія—слышалось такое обиліе творческой, неистощимой силы, что они казались скорѣе начатками богатой дѣятельности, чѣмъ окончаніемъ ея. Являясь какъ послѣднее слово поэта, какъ предѣлъ, за который онъ уже не перейдетъ—всѣ эти созданія опровергали собственными качествами характеръ, сообщенный имъ неожиданной и преждевременной смертью.

Но будемъ довольны и тѣмъ, что сдѣлано Пушкинымъ.

Какъ дубъ, предназначенный на долгое существованіе, Пушкинъ вначалѣ развивался тихо, раскидывая вѣтви съ каждымъ годомъ все шире и шире. Въ зачаткахъ его уже можно было видѣть всѣ признаки медленнаго возрастанія, какое бываетъ удѣломъ мощныхъ организацій. Эфемерное поэтическое существованіе, скоро выбѣгающее для изумленныхъ глазъ и скоро пропадающее отъ нихъ — начинается и кончается нѣсколькими произведеніями одинаковаго значенія и равнаго достоинства, но Пушкинъ начиналъ тяжело. Корни его поэзіи постепенно, медленно и глубоко проникали въ глубь жизни и души человѣческой. Онъ и въ послѣднее время еще далеко не достигъ предѣла, какой положенъ былъ собственной его природой и по оставшимся начаткамъ легко видѣть обширные размѣры, какіе могъ бы онъ принять впоследствии. Обозрѣвая всю дѣятельность его вполне — невольно приходишь къ заключенію, что мы имѣемъ только приготовленіе Пушкина къ послѣднему фазису развитія его, который долженъ былъ и опредѣлить все значеніе его, и довершить весь его образъ, но

повторяемъ слова наши: будемъ довольны и тѣмъ, что намъ осталось отъ него.

Намъ осталась вполне сущность его поэзіи. Общій голосъ уже прежде насъ опредѣлилъ ея значеніе, назвавъ ее исключительно художническимъ созерцаніемъ природы и человѣка. Мысль, что Пушкинъ приступалъ ко всѣмъ явленіямъ физическаго и нравственнаго міра, какъ къ предметамъ искусства, сдѣлалась у насъ общимъ мѣстомъ. Будущимъ критикамъ предстоитъ однакожь трудъ вполне опредѣлить способъ, какимъ выражалось это направленіе, потому что способъ выраженія въ художникѣ и есть мѣрило настоящаго его достоинства. Во многихъ изъ нашихъ поэтовъ, предшественниковъ Пушкина, видимъ мы первобытную поэтическую силу еще въ грубомъ своемъ величій, которая иногда смягчается сердечнымъ чувствомъ, иногда особенною настроенностію души, иногда, какъ у Батюшкова, сочувствіемъ къ древнимъ образцамъ, но весьма рѣдко самимъ чувствомъ изящнаго, пониманіемъ красоты формы, требованіями умѣренности и эстетической постройки въ созданіи. Энергія, составляющая отличительную черту всего Русскаго искусства, выступаетъ и послѣ Пушкина съ особенной ясностію, господствуя надъ всѣми другими условіями творчества. Изъ соединенія внутренней силы съ изяществомъ плановъ и всѣхъ очертаній родились поэтическія созданія его. Самый стихъ его, который, по общему, незаготовленному напередъ согласію, называется генерическимъ именемъ «Пушкинскаго стиха» выходитъ изъ того же сочетанія красоты и мощи: отсюда и право Пушкина на имя *народнаго* поэта, которое подтвердилъ онъ и еще другими качествами своими: ясностію всѣхъ своихъ представленій, прямымъ, бодрымъ взглядомъ на предметы и на жизнь. Многосторонность его поэзіи еще болѣе укрѣпляетъ за нимъ почетное названіе, присужденное ему общимъ голосомъ. Онъ не вращался въ ограниченной сферѣ, которая бы завистливо держала его на одного рода представленіяхъ и тѣмъ самымъ умалила призваніе: національная способность пониманія чужихъ идей и образовъ и усвоенія ихъ не имѣла бы въ немъ тогда своего представителя! Крупная черта, отличающая Пушкина отъ предшественниковъ, есть его близость къ дѣйствительной жизни, которая такъ превосходно

соотвѣтствуетъ практическому смыслу, лежащему въ основѣ Русскаго характера. Никогда не забывалъ онъ художественной идеализаціи, безъ которой нѣтъ изящныхъ произведеній, но онъ не имѣлъ понятія о той низшей идеализаціи, которая одной данной краской расписываетъ всѣ предметы. Матеріалы для біографіи Пушкина, представляемые теперь публикѣ, передаютъ только въ слабомъ очеркѣ внутреннюю и внѣшнюю жизнь поэта. Настоящая, полная жизнь его заключается въ самыхъ его произведеніяхъ, порожденныхъ, такъ сказать, ходомъ ея. Въ нихъ читатель можетъ изучать и душу поэта, и обстоятельства его существованія, переходя отъ одного художественнаго образа къ другому: такъ писалъ Пушкинъ свою біографію. По распредѣленію статей, принятому настоящимъ собраніемъ его сочиненій, читатель можетъ имѣть наслажденіе прослѣдить этотъ поэтическій рассказъ о самомъ себѣ, начиная съ первыхъ подражаній поэта нашего эротическимъ писателямъ Франціи, до тѣхъ поръ, пока послѣ ряда могущественныхъ созданій, онъ могъ воскликнуть въ справедливой гордости:

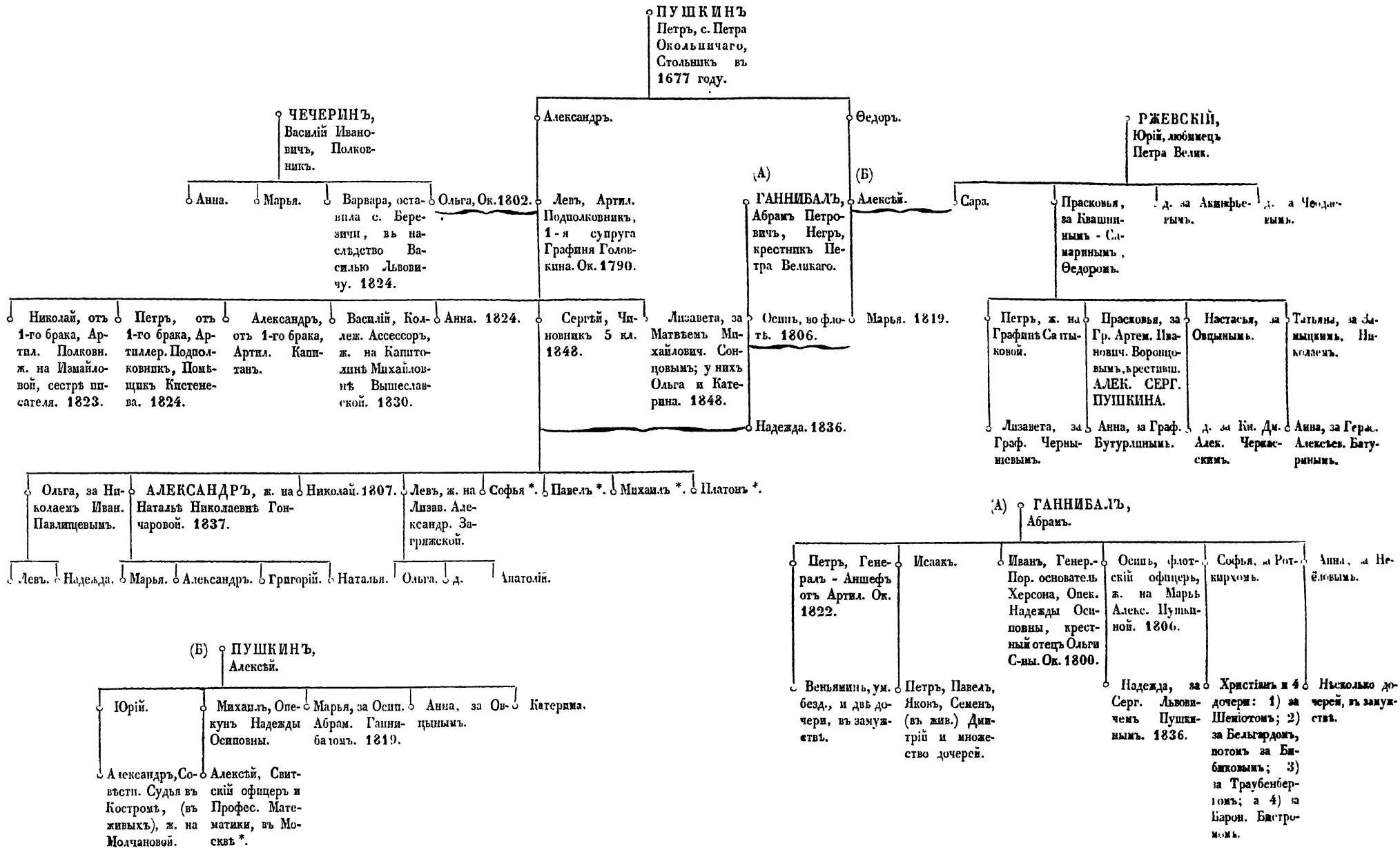
Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный:
Къ нему не заростетъ народная тропа.

П. Анненковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

РОДОСЛОВНАЯ А. С. ПУШКИНА,

СОСТАВЛЕННАЯ СО СЛОВЪ СЕСТРЫ ЕГО О. С. ПАВЛИЩЕВОЙ, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 26 ОКТЯБРЯ (7 НОЯБРЯ) 1854 ГОДА, Н. Ш. ПАВЛИЩЕВЫМЪ.

Объясненіе знаковь: д — дочь, ж — женатъ, с — сынъ, * — умер. (безъ указанія года). Въ года и мѣсяцъ, приведенныя въ таблицѣ, обозначаютъ эпоху кончины лицъ, при которыхъ поставлены

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

СКАЗКИ АРНЫ РОДИОНОВНЫ,

записанныя Пушкинымъ.

I.

*Сказка, послужившая основой для сказки Пушкина
о Царь Салтанъ.*

Нѣкоторый Царь задумалъ жениться, но не нашелъ по своему праву никого; подслушалъ онъ однажды разговоръ трехъ сестеръ. Старшая хвалилась, что Государство однимъ зерномъ накормить, вторая, что однимъ кускомъ сукна одѣнетъ, третья, что съ перваго года родить 33 сына. Царь женился на меньшей, и съ первой ночи она повесла. Царь уѣхалъ воевать. Мачиха его, завидуя своей невѣсткѣ, рѣшилась ее погубить. Послѣ 9-ти мѣсяцевъ царица благополучно разрѣшилась 33 мальчиками — а 34-й уродился чудомъ: ножки по колѣни серебряныя, ручки по локотки золотыя, во лбу звѣзда, въ затылкѣ мѣсяць. Послали извѣстить о томъ царя: мачиха задержала гонца на дорогѣ, наюила его пьянымъ, подмѣнила письмо, въ коемъ написала, что царица разрѣшилась *не мышью, не лягушкой, невѣдомой згрюшкой*. Царь опечалился, но съ тѣмъ же гонцомъ повелѣлъ дожидаться приѣзда его для разрѣшенія. Мачиха опять подмѣнила приказъ и написала повелѣніе, чтобъ заготовить двѣ бочки: одну для 33 царевичей, а другую для царицы съ чудеснымъ сыномъ — и бросить ихъ въ море. Такъ и сдѣлано. Долго плавали царица съ царевичемъ въ засмоленной бочкѣ; наконецъ море выкинуло ихъ на землю. Сынъ замѣтилъ это: матушка *ты моя, благослови ты меня на то, чтобъ рассыпались обручи и вышли бы мы на свѣтъ.*—«Господь благослови тебя, дитяtko.» Обручи лопнули, (*) они вышли на островъ, сынъ избралъ мѣсто и съ благословенія матери выстроилъ городъ и сталъ въ ономъ жить, да поживать. Ёдетъ мимо корабль: царевичъ остановилъ корабельщиковъ, осмотрѣлъ ихъ пропускъ и узнавъ, что ѣдутъ

(*) Царевичъ понатужился, что называется, въ бочкѣ Над.

они къ Султану Султановичу, Турецкому государю, обратидся въ муху и полетѣлъ вслѣдъ за ними (*). Мачиха хочетъ его поймать, онъ никакъ не дается. Гости корабельщики рассказываютъ царю о новомъ государствѣ и о чудномъ отрокъ: ноги серебряныя и проч. Ахъ! говоритъ царь, поѣду посмотрѣть это чудо. Что за чудо, говоритъ мачиха, вотъ что чудо: *у моря Лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ, вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ*. Царевичъ прилетѣлъ домой и, съ благословенья матери, перенесъ передъ дворець чудный дубъ.

Новый корабль. Тоже опять. Тотъ же разговоръ у Султана (**)— царь опять хочетъ ѣхать. Что это за чудо, говоритъ опять мачиха, вотъ что чудо: за моремъ стоитъ гора, и на горѣ два борова, боровы грызутся, а межъ ими сыплется золото да серебро и проч. Третій корабль и проч. также. «Что за чудо, а вотъ чудо: изъ моря выходятъ 30 отроковъ точь въ точь ровны и голосомъ, и волосомъ, и лицомъ, и ростомъ и выходятъ они изъ моря только на единъ часъ (***)».

Тужить Царевна объ остальныхъ своихъ дѣтяхъ. Царевичъ, съ ея благословенія, берется ихъ отыскивать. «Нацѣди ты матушка своего молока, ты замѣси 30 лепешечекъ.» Онъ идетъ къ морю, море сколыхалось и вышли 30 юношей и съ ними старикъ, а царевичъ спрятался и оставилъ одну лепешечку. Одинъ изъ нихъ съѣлъ еѣ: ахъ братцы, говоритъ онъ, до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока, а теперь узнали. — Старикъ погналъ ихъ въ море. На другой день вышли они опять, и всѣ съѣли по лепешечкѣ и познали брата своего. На третій день вышли безъ старика — и царевичъ привелъ всѣхъ братьевъ своихъ къ своей матери. 4-й корабль — тоже самое. Мачихѣ уже болѣе дѣлать нечего. — Царь Султанъ ѣдетъ на островъ, узнастъ свою жену и дѣтей — и возвращается домой, а мачиха умираетъ.

(*) Царевичъ прилетаетъ въ видѣ мухи въ родительской домъ. Изд.

(**) Новые гости видѣли чудный дубъ у волшебнаго царевича, но мачиха опять останавливаетъ царя отъ поѣздки. Изд.

(***) Царевичъ, невидимо присутствовавшій во все время рассказовъ у царя, докладываетъ магушкѣ о чудныхъ отрокахъ. Изд.

II.

Сказка, послужившая основой для сказки В. А. Жуковского о Царь Берендей.

Нѣкоторый Царь ѣхалъ на войну; онъ оставилъ жену свою беременную. Ёдучи зимой, дорогою захотѣлось ему пить: видитъ онъ прорубь и въ прорубь плаваетъ золотой ковшикъ, но только онъ хотѣлъ испить воды, кто-то его хватъ за бороду и не выпускаетъ. Царь взмолился — нѣтъ: «подари мнѣ, чего ты не знаешь!» Задумался бѣдный царь: какъ, чего я незнаю, я все знаю — ну, такъ и быть, дарю. Пріѣзжаетъ домой, къ нему выносятъ молодого Ивана - царевича, безъ него родившагося. Царь догадался, что его-то онъ и подарилъ и весьма опечалился. Иванъ-царевичъ выросъ. Прогуливаясь однажды верхомъ, встрѣтилъ онъ старичка, который сталъ ему пѣнять за то, что онъ еще не явился — и что срокъ его прошелъ. Иванъ-царевичъ удивляется и получаетъ объясненіе отъ отца своего. Три раза является ему старикъ и научаеъ куда идти. Иванъ-царевичъ приходитъ къ морю, гдѣ 30 утокъ полощутся, а одна по-одаль. Онъ беретъ эту платъ (*). Всѣ одѣваются, остается одна. . . Царевичъ выходитъ (**).—Другъ съ другомъ обручаются. Она научаеъ его, какъ умягчить гнѣвъ сердитаго старика — отца ея. Сходятъ они въ подземельное царство. Старикъ, сидя на крыльцѣ, взбѣсилъ, завидя царевича. Сей по совѣту Марьи-царевны становится на колѣни, шапку возноситъ на мечъ выше головы и такимъ образомъ приближается (***). Царь посылаетъ его въ особую комнату и повелѣваетъ ему готовиться отвѣчать на его загадки: повелѣваетъ построить церковь въ одну ночь. Царевна, обратясь въ муху, является къ нему: «не печалься Иванъ-царевичъ, спи, а завтра возьми молоточекъ, ходи около церкви, гдѣ лишнее — отрѣжь, гдѣ не ровно — приколоти.» Царевичъ думалъ, думалъ и наконецъ сказалъ: «а ну же его! Повѣ-

(*) Утки были царевны подземныя и купались, принявъ видъ утокъ и оставя платъ на берегу. Изд.

(**) Изъ засады. Изд.

(***) Подземный Царь рубитъ вмѣсто головы шапку Ивана-царевича, и уже начинаеъ смягчаться отъ этой хлгкости. Изд.

снѣть, такъ повѣснть, голова мнѣ не дорога.» Царевичъ былъ безунывная головушка, легъ и заснулъ. По утру церковь готова. Ну, сказалъ царь послѣ обѣдни, я хитерь, а ты хитрѣе меня. Отдамъ за тебя старшую дочь, по сперва узнай ее между 50-ю прочими. Задумался царевичъ: «ну же его! Повѣснть такъ повѣснть!» Но царевна его надоумила: это немудрено, сказала царевна-муха. Мы завтра будемъ всѣ съ одинаковымъ лицомъ, съ одинаковымъ уборомъ, на которую сядетъ муха, та и старшая. На утро приходитъ онъ къ царю, видитъ всѣхъ царевенъ, у одной муха садится на щеку, она гонитъ ее платкомъ. «Вотъ старшая!» «Правда Иванъ-царевичъ, по всѣ эти хитрости не твои, а послѣ завтра 3-я загадка.» — «Ну, Иванъ-царевичъ, сказала Марья-царевна, тутъ ужъ тебѣ не помогу; дѣло въ томъ, чтобъ ты сшилъ сапоги, пока у него въ рукахъ соломенка будетъ горѣть: убѣжимъ.» Царь посылаетъ за ними въ погоню. «Послушай-ка, Иванъ-царевичъ, сказала Марья-царевна, не гонятся ли за нами?» Тотъ прилегъ къ землѣ: «нѣтъ», Марья-царевна послушала: «близко» и тотчасъ обратила Ивана-царевича въ рожъ, а себя въ пшеницу. Погоня наскakала. Не видя дороги, и не видя ни одного измятаго колоса, они воротились. Новая погоня. Марья-царевна превращаетъ Ивана-царевича въ церковь, а себя въ священника, и церковь такъ ветха, что мохомъ обросла и священникъ такъ старъ, что еле дышетъ. Погоня возвращается. Царь ѣдетъ самъ. Но Марья-царевна разливаетъ между имъ и собою рѣку и царь возвращается со стыдомъ. Иванъ-царевичъ и Марья-царевна вступаютъ въ свое государство. «Забудешь ты меня Иванъ-царевичъ, не цѣлуй ребенка, когда прїѣдешь къ отцу и къ матери, а то забудешь меня.» Иванъ-царевичъ прїѣзжаетъ къ отцу и къ матери, въ восторгѣ цѣлуетъ ребенка и забываетъ Марью-царевну. Между тѣмъ предлагаютъ ему невѣсту, онъ съ нею обручается. — Марья-царевна проситъ у старушки, съ которой живетъ, идти посмотрѣть на царскую свадьбу. Приходитъ въ царскія кухни, съ трудомъ выпрашиваетъ позволеніе испечь пирогъ. Пирогъ подають на царскій столъ, разрѣзываютъ: оттуда выстають голубь съ голубкою, и голубка ходитъ

за голубемъ и зоветъ: голубокъ ты мой, не забудь ты меня, какъ забылъ Иванъ-царевичъ свою Марью-царевну и проч.

III.

*Сказка, послужившая основой для сказки о Купце
Остолопъ.*

Купецъ поѣхалъ искать работника. На встрѣчу ему Балда. Соглашается Балда идти ему въ работники, платы требуетъ только три щелчка въ лобъ купцу. Купецъ радехонекъ, купчиха говоритъ: «Каковъ щелкъ будетъ.» Балда дюжь и работающъ — но срокъ ужъ близокъ, и купецъ начинаетъ беспокоиться. Жена совѣтуетъ отослать Балду въ лѣсъ къ медвѣдю, будто-бы за коровой. Балда идетъ и приводитъ медвѣдя въ хлѣвъ. Купецъ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ собирать. Балда беретъ пеньку, смолу, да дубину—садится у рѣки, ударилъ дубиною въ воду и въ водѣ охпуло: «кого я тамъ зашибъ? стараго иль малаго?»—и вылѣзъ старый: что тебѣ надо?—«Оброкъ собираю.»—А вотъ внука я къ тебѣ пришлю съ переговорами.—Сидитъ Балда, да веревки плететъ, да смолитъ. — Бѣсенокъ выскочилъ. — Что ты Балда? «Да вотъ собираюсь море морщить, да васъ чертей корчить.» Бѣсенокъ перепугался (*). «Тотъ заплатитъ купцу оброкъ, кто вотъ эту лошадь обнесетъ три раза вокругъ моря.» Бѣсенокъ не могъ. Балда съѣлъ верхомъ и объѣхалъ. «Ахъ дѣдушка! онъ не только что въ охапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ.» Новая выдумка. Кто прежде объжитъ около моря? «Куда тебѣ со мной, бѣсенокъ? Да мой меньшей братъ обгонитъ тебя, не только что я.»—А гдѣ твой меньшей братъ?—У Балды были въ мышкѣ два зайца, онъ одного пустилъ. Бѣсенокъ, запыхавшись, объжалъ, а Балда гладитъ ужъ другаго, приговаривая: «усталъ ты бѣдненькой братецъ, три раза объжалъ около моря.» Бѣсенокъ въ отчаяніи. Третій способъ. Дѣдъ даетъ ему трость, кто выше броситъ? Балда ждетъ облака, чтобъ зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку. Купецъ видя Балду, бѣжитъ, и проч.

(*) Начинаются переговоры. Над.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

—
ФРАНЦУЗСКІЯ ПИСЬМА ПУШКИНА,
по поводу Бориса Годунова.

I.

Voici ma tragédie puisque vous le voulez absolument, mais avant que de la lire, j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps là. Il faut les comprendre, *sine qua non*.

A l'exemple de Shakspeare je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théâtraux, le pathétique romanesque etc Le style en est mélangé. Il est trivial et bas là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers. Quant aux grosses indécentes—n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume et disparaîtra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entraine beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрій amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine, mais certes c'était une drôle de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir goûté de la royauté, voyez la, ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier, partager tantôt le lit dégoûtant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus. Voyez la braver la guerre, la misère, la honte; en même temps traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle, mais j'y reviendrai, si Dieu me prête vie. Elle me trouble comme une passion. . . .

Гаврила Пушкинъ est un de mes ancêtres; je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents. Homme de guerre, homme de cour . . . c'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès du Самозванецъ par une audace inouïe. Après, je le retrouve à Moscou—l'un des 7 chefs qui la défendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à côté de Козьма Минин, puis Voévode à Нижній, puis ambassadeur. . . il a été tout. . . il fit brûler une ville, comme le prouve une грамота, que j'ai trouvé à Погорѣлое Городище.

Je compte revenir aussi sur Шуйскій. Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse et de force de caractère. Valet de Godounoff, il est un des premiers Boyards à passer du côté de Дмитрій. Il est le premier qui conspire et c'est lui-même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui-même qui vocifère, qui accuse, qui de Chef devient enfant perdu. Il est prêt à perdre la tête; Дмитрій lui fait grâce déjà sur l'échafaud. Il l'exile et il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. Que fait Шуйскій qui avait frisé de si près la hache? Il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire Tsar, de tomber et de garder dans sa chute plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en eut pendant toute sa vie.

Грибоѣдовъ a critiqué le personnage de Job. . . .

En écrivant Годуновъ, j'ai réfléchi sur la tragédie et si je me mêlai de faire une préface, je ferai du scandale. C'est, peut-être, le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les loix sur la vraisemblance et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du tems, des lieux, etc—quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux, dont l'une est occupée par 2,000 personnes sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches? . . .

2) *La langue.* Par ex. le Philoctète de La Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: «Hélas! J'entends les doux sons de la lange grecque!» Tout

cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention. Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais soucié d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid. Ha, vous voulez la règle des 24 heures! Soit. Et là dessus il vous entasse des événements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'*a parte*. Il le supprime et là dessus allonge le monologue. Quelle puérité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. Gardez-la, je vous prie, car j'en aurai besoin, si le diable me tente de faire une préface.

1829. 30 j. . . .

A. P.

II.

. La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie. Je n'ai pas lu Calderon, ni Véga, mais quel homme que ce Shakespeare! Je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère — et c'est le sien (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse et voilà pourquoi il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère: son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième, etc—et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants—ce n'est pas là de la tragédie!

On a encore une manie. Quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus étrangères en porte essentiellement l'empreinte, comme les pédants et les marins dans les vieux romans de Fielding. Un conspirateur dit: «donnez moi à boire» en conspirateur et n'est que ridicule. Voyez le Haineux de Byron (*ha pagato*). Cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce la nature? De là cette gêne et cette timidité de

dialogue. Et là dessus lisez Shak. Il ne craint jamais de compromettre son personnage; il le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr, en tems et lieu, de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie est-elle une tragédie de caractère ou de costume? J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai tâché de les unir tout deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par dessus. Cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée — je puis créer. . . .

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ ПУШКИНА,

описанныя В. А. Жуковскимъ, въ 1837 г.

Россія потеряла Пушкина въ ту минуту, когда геній его, созрѣвшій въ опытахъ жизни, размышленіемъ и наукою, готовился дѣйствовать полною силою — потеря невозвратная и ничѣмъ не вознаградимая. Что бы онъ написалъ, если бъ судьба, такъ незапно не сорвала его со славной, едва начатой имъ дороги? Въ бумагахъ, послѣ него оставшихся, найдено много начатаго, весьма мало конченнаго; съ благоговѣнною любовію къ его памяти, мы сохранимъ все, что можно будетъ сохранить изъ сихъ драгоценныхъ остатковъ; и они въ свое время будутъ изданы въ свѣтъ. Здѣсь сообщаются читателямъ извѣстія о послѣднихъ минутахъ его жизни. Они описаны просто и подробно въ письмѣ къ несчастному отцу его.

Письмо къ С. А. Пушкину.

15 Февраля 1837.

Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичъ. Что могъ я тебѣ сказать, угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! Это къ несчастію вѣрно; но все еще кажется невѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ обыкновенныхъ, ясныхъ, ежедневныхъ мыслей; еще по привычкѣ продолжаешь искать его; еще такъ естественно ожидать съ нимъ встрѣчи въ нѣкоторые условные часы; еще посреди нашихъ разговоровъ какъ будто отзывается его голосъ, какъ будто раздается его живой, реблещески-веселый смѣхъ, и тамъ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно, ничто не перемѣнилось, нѣтъ и признаковъ бѣдственной утраты, все въ обыкновенномъ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, а онъ пропалъ, и навсегда — непостижимо! Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная генія, свѣтлая надеждами. Не говорю о тебѣ, бѣдный и дряхлый отецъ; не говорю о насъ, горюющихъ

его друзьяхъ. Россія лишилась своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершалось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощальсь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожимой гениемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ Русскихъ съ его смертію не оторвалось что-то родное отъ сердца? Слава нынѣшняго царствованія утратила въ немъ своего поэта, который принадлежалъ бы ему, какъ Державинъ славъ Екатерины, а Карамзинъ славъ Александра.

Первыя минуты ужаснаго горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебѣ все, что было въ послѣднія минуты твоего сына, что я видѣлъ самъ, что мнѣ разсказали другіе очевидцы. Въ среду, 27 числа Января, въ 10 часовъ вечера пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ сказываютъ, что и онъ и княгиня у Пушкиныхъ, а Валуевъ, къ которому я зашелъ, встрѣчаетъ меня словами: получили ли вы записку княгини? За вами давно послали; поѣзжайте къ Пушкину: онъ умираетъ. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣсницы. Пріѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожей, передъ дверями его кабинета, нахожу докторовъ Арендта и Спасскаго; князя Вяземскаго, князя Мещерскаго. На вопросъ: *каковъ онъ?*, Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: очень плохъ; умереть непременно. Вотъ что разсказали мнѣ о случившемся: въ шесть часовъ послѣ обѣда Пушкинъ привезенъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товарищемъ. Камердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и понесъ на лѣсницу. *Грустно тебѣ нести меня?* спросилъ у него Пушкинъ. Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся, и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: *n'entrez pas; il y a du monde chez moi.* Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый. Послали за докторами.

Арендта не нашли; пріѣхали Шольцъ и Задлеръ. Пушкинъ велѣлъ всѣмъ выйти (въ это время у него были Данзасъ и Плетневъ). *Плохо со мною*, сказалъ онъ, подавая руку Шольцу. Его осмотрѣли, и Задлеръ уѣхалъ за пужными инструментами. Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ: *Что вы думаете о моемъ положеніи, скажите откровенно?* — Не могу отъ васъ скрыть, вы въ опасности. — *Скажите лучше, умираю.* — Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышимъ мнѣніе Арендта и Саломона, за которыми послано. — *Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi*, сказалъ Пушкинъ, замолчалъ, потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ: *il faut que j'arrange ma maison.* — Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ? спросилъ Шольцъ. — *Прощайте, друзья!* сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку. Съ кѣмъ онъ простался въ эту минуту, съ живыми ли друзьями, или съ мертвыми, не знаю. Онъ, немного погодя, спросилъ: *Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?* — О нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого нибудь изъ вашихъ. Господинъ Плетневъ здѣсь. — *Да, но я желалъ бы и Жуковского. Дайте мнѣ воды; потить.* — Шольцъ тронулъ пульсъ, нашель, что рука была холодна, пульсъ слабъ и скоръ; онъ вышелъ за питьемъ, и послали за мюю. Меня въ это время не было дома; и не знаю, какъ это случилось, но ко мнѣ не приходилъ никто. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Саломонъ. Шольцъ оставилъ больного, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Скоро потомъ явился Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; это произвело желанное дѣйствіе: больной поуспокоился. Передъ отъѣздомъ Арендта, онъ сказалъ ему: *попросите Государя, чтобъ Онъ меня простилъ.* Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходилъ отъ его постели. *Плохо мнѣ*, сказалъ Пушкинъ, когда подошелъ къ нему Спасскій. Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ заботиться о себѣ и всѣ его мысли обратились на жену. *Не давайте*

излишнихъ надеждъ женѣ, говорилъ онъ Спасскому, не скрываете отъ нея, въ чемъ дѣло; она не притворица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ. Въ это время уже собрались: князь Вяземскій, княгиня, Тургеневъ, графъ Віельгорскій и я. Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; какъ привидѣніе иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; онъ не могъ ее видѣть (онъ лежалъ на диванѣ лицомъ отъ оконъ и двери); но всякій разъ, когда она входила, или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе. *Жена здѣсь?* говорилъ онъ. *Отведите ее.* Онъ боялся допускать ее къ себѣ, ибо не хотѣлъ, чтобъ она могла замѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересиливали. *Что дѣлаетъ жена?* спросилъ онъ однажды у Спасскаго. *Она бѣдная безвинно терпитъ! въ свѣтъ ее заглядѣть.* Вообще съ начала до конца своихъ страданій (кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, въ которые они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія), онъ былъ удивительно твердъ. Я былъ въ тридцати сраженіяхъ, говорилъ докторъ Арендтъ, я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго. И особенно замѣчательно то, что въ эти послѣдніе часы жизни, онъ какъ будто сдѣлался иной; буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстію, исчезла, не оставивъ на ней и слѣда; ни слова, ниже воспоминанія о случившемся. Но вотъ черта чрезвычайно трогательная. Наканунѣ получилъ онъ пригласительный билетъ на погребеніе Гречева сына. Онъ вспомнилъ объ этомъ посреди своего страданія. *Если увидите Греча,* сказалъ онъ Спасскому, *поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.* У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься. Онъ согласился охотно и положено было призвать священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился. То, что отъ него услышалъ умирающій, обрадовало, успокоило и укрѣпило его душу. Исполняя желаніе, уже угаданное, въ которомъ выражалась трогательная заботливость о его судьбѣ и за гробомъ, онъ исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ. До пяти часовъ

утра въ его положеніи не произошло никакой перемѣны. Но около пяти часовъ боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою и сила ея одолѣла силу души; онъ началъ стонать, послали опять за Арендтомъ. По пріѣздѣ его, нашли нужнымъ поставить промывательное; но оно не помогло и только-что усилило страданія, которыя наконецъ дошли до крайней степени и продолжались до семи часовъ утра. Что было бы съ бѣдною женою, если бы она въ теченіе этихъ двухъ вѣковыхъ часовъ, могла слышать его стоны? Я увѣренъ, что ея разумъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она, въ совершенномъ изнуреніи, лежала въ гостиной, у самыхъ дверей, кои одні отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, чтобы съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался въ ту самую минуту, когда раздалось послѣднее стenanіе за дверями. Но въ эти минуты жесточайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобъ ее не испугать. Къ семи часамъ боль утихла. Надобно замѣтить, что во все это время и до самаго конца, мысли его были свѣтлы и память свѣжа. Еще до начала сильной боли онъ подозвалъ къ себѣ Спасскаго, велѣлъ подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставилъ ее сжечь. Потомъ призвалъ Данзаса и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его однако изнурило, и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать никакихъ другихъ распоряженій. Когда поутру кончились его нестерпимыя страданія, онъ сказалъ Спасскому: *Жену! позовите жену!* — Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать. Потомъ потребовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на cadaго оборачивалъ глаза молча, клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь. *Кто здѣсь?* спросилъ онъ у Спасскаго и Данзаса. Назвали меня и Вяземскаго.

Позовите, сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую ко мнѣ руку, поцаловалъ ее: сказать ему ничего я не могъ, онъ махнулъ рукою, я отошелъ. Но онъ опять подозвалъ меня: *Скажи Государю, промолвилъ онъ, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь Его. Скажи, что я Ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я Ему желаю счастія въ Его Сынъ, счастія въ Его Россіи.* — Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно. Потомъ простился онъ съ Вяземскимъ: Въ эту минуту пріѣхалъ графъ Віельгорскій и вошелъ къ нему, и также впослѣдніе подалъ ему живому руку. Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ Спасскому: *смерть идетъ*. Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: *Карамзину!* Ея не было, за нсю немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минутою; но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: *Перекрестите меня*, потомъ поцаловалъ у ней руку. — Между тѣмъ даанный ему пріемъ опіума нѣсколько его успокоилъ; къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ начали прикладывать мягчительныя; это было пріятно страждущему; и онъ началъ безпрескословно исполнять предписанія докторовъ, которыя прежде всѣ отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но тутъ онъ сдѣлался послушенъ, какъ ребенокъ; самъ накладывалъ компрессы на животъ и помогалъ тѣмъ, кои около него суетились. Словомъ, ему повидимому стало гораздо лучше. Такъ нашелъ его докторъ Даль, пришедшій къ нему въ два часа. *Худо мнѣ, братъ*, сказалъ Пушкинъ съ улыбкою Далю. Но Даль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему: *мы всѣ надѣмся, не отчаивайся и ты.* — *Нить!* возразилъ онъ, *мнѣ здѣсь не житье; я умру; да видно такъ и надо.* Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили пивки; пульсъ сталъ ровнѣе,

рѣже и гораздо легче. Я ухватился, говоритъ Даль, какъ утопленникъ за соломинку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обмануль-было и себя и другихъ. Пушкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ поборѣе, взялъ его за руку и спросилъ: *Никого тутъ нѣтъ?* — «Никого.» — *Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру.* — «Мы за тебя надѣмся, Пушкинъ, право надѣмся.» — *Ну, спасибо!* отвѣчалъ онъ. Но повидимому, только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь (на 29-е число; эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели, а я, Вяземскій и Віельгорскій въ ближней горницѣ) онъ продержалъ Даля за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ, и всегда все дѣлалъ самъ: снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ и проч. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезвѣрной тоски. *Ахъ! какая тоска!* иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову, *сердце изнываетъ!* — Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или повертели на бокъ, или поправили ему подушку; и не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: *«ну! такъ, такъ — хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо; или постой — не надо — потяни меня только за руку — ну вотъ и хорошо, и прекрасно!»* — (все это его точныя выраженія). Вообще, говоритъ Даль, въ обращеніи со мною онъ былъ покладливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, чего я хотѣлъ. Однажды онъ спросилъ у Даля: *Кто у жены моей?* — Даль отвѣчалъ: много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и передняя полны съ утра до ночи. — *Ну спасибо,* отвѣчалъ онъ, *однако же поди, скажи жень, что все слава Богу легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ.* — Даль его не обмануль. Съ утра 28 числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ; одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ; другіе и — люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. Число приходящихъ сдѣлалось

наконецъ такъ велико, что дверь прихожей (которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій) безпрестанно отворялась и затворялась; это беспокоило страждущаго; и мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и вмѣсто ее отворили другую, узенькую, прямо съ лѣстницы въ буфетъ; а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты, буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую же входили только знакомые. На лицахъ выражалось простодушное участіе; очень многіе плакали. Такое изъясненіе общей скорби меня глубоко трогало; въ Русскихъ, которымъ дорога отечественная слава, оно было неудивительно; но участіе инопоземцевъ было для меня усладительною нечаянностію. Мы теряли свое, мудрено ли, что горевали! Но ихъ что такъ трогало? Отвѣчать не трудно. Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію всѣ народы родня; и когда онъ безвременно покидаетъ землю, всѣ провожаютъ его съ одинаковою братскою скорбію. Пушкинъ, по своему генію, былъ собственностію не одной Россіи, но и цѣлой Европы; потому-то и многіе инопоземцы приходили къ двери его съ печалію *собственного*, и о *нашемъ* Пушкинѣ пожалѣли, какъ будто о *своемъ*. Возвращаясь къ своему описанію. Пославъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: *Который часъ?* и на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосомъ: *Долго ли... мнѣ... такъ мучиться?... Пожалуста... поскорѣй!*... Это повторилъ онъ нѣсколько разъ послѣ: *скоро ли конецъ?*... и всегда прибавлялъ: *пожалуста поскорѣй!* Но вообще (послѣ мукъ первой ночи, продолжавшихся два часа), онъ былъ удивительно терпѣливъ. Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ, что почти его не могли слышать. Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего, сказалъ ему Даль, но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче. — *Нѣтъ*, отвѣчалъ онъ прерывчиво: *нѣтъ... не надо... стонать;... жена... услышитъ;... смѣшно же... чтобъ этотъ... вздоръ меня... переслилъ, ... не хочу.* — Я покинулъ его въ 5 часовъ утра, и черезъ два часа возвратился. Видѣвъ, что ночь была довольно спокойна, я пошелъ

къ себѣ почти съ надеждою, но возвратясь, пашель иное. Арсидтъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что все кончено, и что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ. Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно: *Позовите жену, пускай она меня покормитъ.* Она пришла, опустилаcя па колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку, другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: *Ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди.* — Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ будто просіявшая отъ радости. Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому, онъ будетъ живъ; онъ не умретъ. — А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Вельгорскимъ у постели въ головахъ; съ боку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ: отходить. Но мысли его были свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытѣе ихъ отуманивало; разъ онъ подаль руку Далю, и пожимая ее, проговорилъ: *Ну подымай же меня, поидемъ, да выше, выше . . . ну поидемъ!* Но очнувшись, онъ сказалъ: *Мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко. . . и голова закружилась.* Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и потянувъ ее, сказалъ: *Ну, поидемъ же пожалуста; да вмѣстѣ.* — Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лице его прояснилось, и онъ сказалъ: *Кончена жизнь!* Даль не разслушавъ, отвѣчалъ: да кончено; мы тебя поворотили. *Жизнь кончена!* повторилъ онъ внятно и положительно. *Тяжело дышать, давить!* были послѣднія слова его. Я не сводилъ съ него глазъ, и замѣтилъ въ эту минуту, что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывчивымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно; ждалъ послѣдняго вдоха; но я его не примѣтилъ.

Тишина, сго объявшая, показала мнѣ успокоеніемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты чрезъ двѣ я спросилъ: «что онъ?» — Кончилось! отвѣчалъ мнѣ Даль (*). Такъ тихо, такъ спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое совершилось передъ нами во всей умиленной святинѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лице. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его лицѣ, я еказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ тоже время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всмотриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И чтобы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лице самой смерти, божественно-тайное; лице смерти безъ покрывала. Какую печать на него паложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и сго тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она конечно таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина. — Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастью я вспомнилъ во-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немедленно; черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго

(*) Въ три четверти грегьяно часа по полудни, 29 Января.

выраженія, которое дала имъ смерть, въ шихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ. Не буду рассказывать того, что сдѣлалось съ бѣдною женою: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. М. Загряжская, графъ и графиня Строгановы. Графъ взялъ на себя всѣ распоряженія похоропъ. Побывъ еще нѣсколько времени въ домъ, я поѣхалъ къ Виейлгорскому обѣдать; у него собрался и всѣ другіе, видѣвшіе послѣднюю минуту Пушкина; и онъ самъ былъ приглашенъ за три дня къ этому обѣду... праздновать день моего рожденія. На другой день, мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, въ вечеру, перенесли его въ Конюшешную церковь. И въ эти оба дня, та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно болѣе десяти тысячъ человекъ перебивало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лице его; было что-то разительное въ его неподвижности, посреди этого движенія, и что-то умирительно-таинственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась посреди этого смутнаго говора. Отпѣваніе происходило 1-го Февраля. Многіе изъ нашихъ знатныхъ господъ и многіе изъ иностранныхъ министровъ были въ церкви. Мы на рукахъ отнесли гробъ въ подвалъ, гдѣ подлежало ему остаться до отправленія изъ города. 3-го Февраля, въ 10 часовъ вечера, собрались мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ оставалось отъ Пушкина; отпѣли послѣднюю панихиду; ящикъ съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись; при свѣтѣ мѣсяца, я провожалъ ихъ нѣсколько времени глазами; скоро они поворотили за уголь дома; и все, что было на землѣ Пушкинъ, навсегда пропало изъ глазъ моихъ.

В. Жуковский.

За тѣломъ слѣдовалъ А. М. Тургеневъ. Пушкинъ не разъ говаривалъ женѣ, что желаетъ быть похороненъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ недавно положили его мать. Этотъ монастырь находится Исковской губерніи въ Опочковскомъ уѣздѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ сельца *Михайловскаго*, гдѣ Пушкинъ про-

вель пѣсколько лѣтъ поэтической жизни своей. 4-го числа, въ девятомъ часу вечера, тѣло привезли во Псковъ, откуда оно, по надлежащемъ распоряженіи со стороны губернскаго начальства, въ ту же ночь на 5-е число Февраля было отправлено черезъ городъ *Островъ* въ Святогорскій монастырь, куда привезли его уже къ 7-ми часамъ вечера. — Мертвый мчался къ своему послѣдному жилищу мимо своего опустѣвшаго сельскаго домика, мимо трехъ любимыхъ сосенъ, имъ недавно воспѣтыхъ. Тѣло поставили на *Святой горѣ* въ соборной Успенской церкви, и отслужили съ вечера панихиду. Всю ночь рыли могилу подлѣ той, гдѣ покоится его мать. На другой день, на разсвѣтѣ, по совершеніи божественной литургіи, въ послѣдній разъ отслужили панихиду, и гробъ былъ опущенъ въ могилу, въ присутствіи Тургенева и крестьянъ Пушкина, пришедшихъ изъ сельца Михайловскаго отдать послѣдній долгъ доброму своему помѣщику. Чудно показалось предстоящимъ изреченіе Библии, сопровождавшее горсть земли, брошенной на Пушкина: *«земля еси.*

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

ВЫПИСКА ИЗЪ БІОГРАФІИ А. С. ПУШКИНА,

составленной Г. Бантышъ-Каменскимъ. (см. Прибавленіе ко второй части Словаря знаменитыхъ Россіянь, 1847 г. стр. 92 — 104, статья Алек. Пушкинъ.)

27-го Января, онъ Пушкинъ, сразился на пистолетахъ съ Геркерномъ и былъ смертельно раненъ (*). Въ шесть часовъ по-полудни, Подполковникъ Данзасъ, лицейскій товарищъ Пушкина, привезъ его домой въ отчаянномъ положеніи. Камердинеръ принялъ раненаго изъ кареты и понесъ на лѣстницу. «Грустно тебѣ нести меня?» — спросилъ его Пушкинъ. Онъ велѣлъ, въ кабинетѣ, подать себѣ чистое бѣлье и сталъ раздѣваться. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но Пушкинъ, боясь испугать ее, закричалъ громкимъ голосомъ: *«n'entrez pas; il y a du monde chez moi.»* Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ на диванѣ. «Какъ я счастливъ» — произнесъ Пушкинъ — «я еще живъ, и ты возлѣ меня!» — Послали за докторами. Арендта не нашли; пріѣхали Шольцъ и Задлеръ. «Плохо со мною» — сказалъ первому Пушкинъ, подавая свою руку. Его осмотрѣли. Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами. «Что вы думаете о моемъ положеніи?» — спросилъ тогда Пушкинъ Шольца — «скажите откровенно.» — «Не могу отъ васъ скрыть, вы въ опасности.» — «Скажите лучше, умираю.» — «Считаю долгомъ не скрывать и того; но услышимъ мнѣніе Арендта и Соломона, за которыми послано.» — *«Je vous remercie —* отвѣчалъ Пушкинъ — *vous avez agi en honnête homme envers moi»* — Потомъ онъ потеръ рукою лобъ и прибавилъ: *«il faut que j'arrange ma maison.»* — «Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближайшихъ?» — спросилъ Шольцъ. — «Прощайте друзья!» — сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку, и, немного по-

(*) Пушкинъ былъ раненъ въ правый бокъ, выше печени: пуля пробила кишку и осталась въ ней. Дуэль эта была четвертая въ его жизни; прочія три кончились смѣхомъ и эпиграммами. Б. К.

года, произнесъ: «Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?» — «О нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого нибудь изъ вашихъ. Г. Плетневъ здѣсь» — «Да, но я желалъ бы и Жуковскаго. Дайте мнѣ воды; тошнитъ.» — Шольцъ тронулъ пульсъ, нашель его слабымъ и скорымъ, руку холодною, онъ вышелъ за питьемъ и послалъ за Жуковскимъ, котораго не застали дома. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Соломонъ; вслѣдъ за ними Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье. Это успокоило больнаго. Передъ отъѣздомъ Арендта, онъ сказалъ ему: «попросите Государя, чтобъ онъ меня простилъ.» Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходилъ отъ него. — «Плохо мнѣ» — сказалъ Пушкинъ Спасскому, когда послѣдній подошелъ къ нему. Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ рукою отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ заботиться о себѣ и всѣ его мысли обратились на жену. «Не давайте излишнихъ надеждъ жепѣ — говорилъ онъ Спасскому — не скрывайте отъ нея въ чемъ дѣло. Она непритворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ.» Въ это время пріѣхали къ нему: князь и княгиня Вяземскіе, Тургеневъ, графъ Віельгорскій и Жуковскій. Княгиня не отходила отъ жены Пушкина, которой состояніе было невыразимо: какъ привидѣніе иногда прокрадывалась она въ кабинетъ, гдѣ умирающій мужъ не могъ ее видѣть, лежа на диванѣ, спиною къ двери; но лишь только она входила въ комнату, или останавливалась у порога, онъ чувствовалъ ея присутствіе и говорилъ: «жена здѣсь? Отведите ее.» — Такъ поступалъ онъ отъ боязни, чтобы она не замѣтила его страданій, кои (исключая двухъ или трехъ часовъ первой ночи, когда онъ превозмилъ всякую мѣру человѣческаго терпѣнія) съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ. «Что дѣлаетъ жена?» — спросилъ онъ также Спасскаго — «она бѣдная безвинно терпитъ! Въ свѣтъ се зафѣдять.» — Среди мукъ, вспомнилъ онъ, что наканунѣ получилъ пригласительный билетъ на погребеніе Гречсва сына.

«Если увидите Греча — сказалъ Пушкинъ Спасскому — поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.» — У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься? Онъ согласился охотно и положено было пригласить священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился съ слѣдующею собственноручною запискою Государя Императора къ Пушкину: *«Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ Мое прощеніе и послѣдній советъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: Я беру ихъ на свои руки.»* — Тронутый до глубины сердца отеческимъ попеченіемъ Монарха, Пушкинъ убѣдительно просилъ Арендта оставить ему эту записку; но Государь велѣлъ ее только прочесть, и немедленно возвратить. «Скажите Государю — произнесъ тогда Пушкинъ Арендту — что жалѣю о потери жизни, потому, что не могу изъявить Ему моей благодарности, что я былъ бы весь Его!» — Немедленно послали за священникомъ, который говорилъ потомъ со слезами о Пушкинѣ и о благочестіи, съ какимъ онъ исполнилъ долгъ Христіанскій. До пяти часовъ утра (28 Января) не произошло въ его положеніи никакой перемѣны; тогда боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою и сила ея одолѣла силу души: онъ удерживался отъ крика, чтобы — какъ говорилъ — жена его не услышала и не испугалась; но сильно стоналъ. Послали снова за Арендтомъ: всѣ старанія докторовъ смягчить жестокою боль остались тщетными: она продолжалась до семи часовъ утра. Въ это время несчастная жена Пушкина, въ совершенномъ изнуреніи, лежала неподвижно въ гостиной, у самыхъ дверей, кои однѣ отдѣляли ее отъ мужа. За минуту до перваго страшнаго крика, тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался съ послѣднимъ стенаніемъ за дверями. Въ семь часовъ боль утихла. Твердость Пушкина удивила докторовъ. Арендтъ говорилъ: «что онъ былъ въ тридцати сраженіяхъ, видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго.» — Среди ужаснѣйшихъ мученій до самой кончины мысли страдальца были свѣтлы и память свѣжа. Еще передъ сильною болью велѣлъ онъ подать какую-го бумагу, его рукою написанную, и заставилъ

Спасскаго съездъ; потомъ призвалъ Данзаса, продиктовалъ записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ и на вопросъ его: «не поручить ли онъ ему чего-нибудь, въ случаѣ смерти, касательно Гекерна?» отвѣчалъ: «требую, чтобъ ты не мстилъ за мою смерть: прощаю ему и хочу умереть Христіаниномъ.» — По-утру, когда кончились страданія, трогательно простился онъ съ женою своею, съ дѣтьми и друзьями. Жуковскій взялъ похолодѣвшую, протянутую къ нему руку его, поцѣловалъ ее, не могъ ничего говорить. Пушкинъ махнулъ рукою, но потомъ снова подозвалъ Жуковского: «Скажи Государю — произнесъ онъ слабымъ, отрывистымъ, но явственнымъ голосомъ — что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь Его. Скажи, что я Ему желаю счастья въ Его Сѣвѣ, счастья въ Его Россіи» — «Смерть идетъ» — сказалъ онъ потомъ Спасскому, взявши себя за пульсъ. — Онъ изъявилъ желаніе проститься и съ Екатериною Андреевною Карамзиною, супругою нашего Исторіографа; просилъ ее, чтобъ она его перекрестила; поцѣловалъ у ней руку. — Между тѣмъ, данный пріемъ опіума нѣсколько его успокоилъ; къ животу, вмѣсто холодныхъ примочекъ, начали прикладывать мягчительныя. Это было пріятно страдающему и онъ безпрекословно сталъ исполнять предписанія докторовъ, которые прежде всѣ отвергали упрямо, будучи испуганъ своими муками и желая смерти для прекращенія оныхъ. «Худо мнѣ, братъ» — сказалъ Пушкинъ пришедшему къ нему, въ два часа, доктору Далю, съ которымъ онъ былъ друженъ. — «Мы всѣ надѣемся, не отчаявайся и ты» — отвѣчалъ ему Даль. — «Нѣтъ — возразилъ онъ — мнѣ здѣсь не житье; я умру, да видно такъ и надо.» Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили пивки: пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче. Замѣтивъ, что Даль превосходилъ въ бодрости другихъ, Пушкинъ взялъ его за руку и спросилъ: «Никого тутъ нѣтъ?» — «Никого.» — «Даль, скажи мнѣ правду, скоро-ли я умру?» — «Мы за тебя надѣемся Пушкинъ, право надѣемся.» — «Ну, спасибо» — отвѣчалъ онъ. Только однажды надежда обольстила его, но послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Тогда всю ночь (на 29 число Даль просидѣлъ у его постели. Жуковскій, князь Вяземскій и графъ Вельгор-

скій находились въ ближней комнатѣ. Пушкинъ продержалъ Даля за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ; снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски. «Ахъ! какая тоска! иногда восклицалъ, закидывая руки на голову, — сердце изнываетъ!» Просилъ Даля, чтобы поднялъ его или поверотилъ на бокъ, или поправилъ ему подушку, и не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: «Ну! такъ, хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо; или «постой — не надо — потяни меня только за руку — ну вотъ и хорошо, и прекрасно!» — «Кто у жены моей?» — спросилъ онъ Даля утромъ, 29 числа. — «Много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе: зала и передняя полны съ утра до ночи. — «Ну, спасибо» — отвѣчалъ Пушкинъ — «однако же поди, скажи женѣ, что все слава Богу, легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорять.» — Даль не обманулъ его. Съ утра 28 Января, лишь только разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ: одни осведомлялись о немъ чрезъ посланныхъ, другіе — и люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство народной общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. Число приходящихъ сдѣлалось наконецъ такъ велико, что дверь прихожей (которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій) безпрестанно отворялась и затворялась. Это беспокоило страждущаго: придумали завереть дверь; задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и отворили другую, узенькую, прямо съ лѣстницы въ буфетъ, а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую входили только знакомые. На лицахъ выражалось простодушное участіе; очень многіе плакали. . . . Пушкинъ ободрялъ жену надеждою, а самъ не имѣлъ никакой! «Который часъ?» — спросилъ онъ Даля прерывающимъ голосомъ: — «Долго-ли. . . . миѣ. . . . такъ мучиться? . . . Пожалуста. . . . поскорѣй. . . .» Это повторилъ онъ нѣсколько разъ; потомъ продолжалъ: «скоро-ли конецъ?» . . . и всегда прибавлялъ:

«пожалуста поскорѣй.» Со всѣмъ тѣмъ онъ оказывалъ удивительное терпѣніе: когда тоска и боль его одолѣвали, дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ, что почти его не могли слышать.—«Терпѣть надо, другъ, дѣлать печего — сказалъ ему Даль — «но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче.»—«Нѣтъ отвѣчалъ онъ прерывчиво—нѣтъ. . . . не надо. . . . стонать; . . . жена услышитъ; . . . смѣшно же. . . . чтобъ этотъ. . . вздоръ меня. . . . пересилилъ; . . . не хочу. . . .» 29 Января, утромъ, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ. Ударило два часа по-полудни: осталось въ Пушкинѣ жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки; когда ее принесла, сказалъ внятно: «Позовите жену, пускай она меня покормитъ.» Она пришла, опустила на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку, другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «Ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди.» — Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла, какъ будто просіявшая отъ радости: «Вотъ увидите — сказала она доктору Спасскому — онъ будетъ живъ; онъ не умретъ.» — А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни. Жуковскій и графъ Вѣльгорскій стояли у дивана въ головахъ; Тургеневъ стоялъ съ боку. Даль шепнулъ Жуковскому: «отходить.» — Пушкинъ сохранялъ свѣжую память; только передъ самою кончиною, подаль руку Далю, и пожимая ее, произнесъ: «Ну, подымай-же меня, пойдемъ, да выше, выше. . . . ну пойдемъ!» — и въ ту же минуту, очнувшись, продолжалъ: «мнѣ было пригрезилось, что я съ тобою лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко. . . . и голова закружилась.» — Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку, и потянувъ ее, сказалъ: «Ну, пойдемъ же, пожалуста; да вмѣстѣ.»—Даль взялъ его подъ мышки и приподнялъ; вдругъ, какъ будто проснувшись, Пушкинъ быстро раскрылъ глаза, лице его прояснилось и онъ сказалъ: «Кончена жизнь!», повторилъ эти слова внятно и положительно; потомъ

произнесъ: «тяжело дышать, давить» . . . Движеніе груди, до того слабое, сдѣлалось прерывистымъ и скоро незамѣтнымъ. Тихо и спокойно удалилась душа его, въ три четверти третьяго часа по-полудни, 29 Января 1837 года. . . 30 Января, друзья умершаго поэта положили его своими руками во гробъ, а на другой день, вечеромъ, перенесли въ Конношенную церковь. Въ оба дня горница, гдѣ онъ лежалъ, была безпрестанно полна народомъ; болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебывало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ-будто хотѣли всмотрѣться въ лице его. «Было, говоритъ Жуковский—«что-то разительное въ его неподвижности, «посреди этого движенія, и что-то умиительно-таинственное «въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась среди смутнаго говора.»—Отпѣваніе происходило 1-го Февраля, въ присутствіи многихъ сановниковъ и иностранныхъ Министровъ. Прахъ Пушкина покоится подлѣ матери его, въ Свяогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ четырехъ верстахъ отъ сельца Михайловскаго, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ поэтической жизни своей. Тургеневъ, тотъ самый, который ввелъ нашего поэта въ святилище наукъ, проводилъ его до жилища смерти и бросилъ горсть земли въ мрачную могилу. . . .

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, средняго роста, худощавый, имѣлъ въ младенчествѣ бѣлокурые, курчавые волосы, сдѣлавшіеся потомъ темнорусыми; глаза свѣтло-голубые; улыбку насмѣшливую и вмѣстѣ пріятную; носылъ на умномъ лицѣ отпечатокъ Африканскаго своего происхожденія, которому соответствовали живость и пылкость характера, раздражительнаго, но добраго, услужливаго, чувствительнаго. Онъ, въ особенности, отличался большими своими бакенбардами и длинными ногтями, которыми щеголялъ. Любезность, острый умъ, необыкновенная память и заманчивый, веселый разговоръ, дѣлали его украшеніемъ, душою обществъ. . . .

—

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

ПУШКИНСКІЙ ПЕРЕВОДЪ ХХІІІ ПѢСНИ АРІОСТОВА

ORLANDO FURIOSO. ОКТАВЫ 100 — 112.

100.

Предъ рыцаремъ блеститъ вода --
Ручей прозрачнѣе стекла.
Природа милыми цвѣтами
Тѣнистый берегъ убрала,
И обсадила дровесами.

101.

Луга палитъ полдневный зной,
Пастухъ убогій спитъ у стада;
Усталъ подъ латами герой:
Его манитъ ручья прохлада.
Здѣсь мыслить онъ найти покой.
О черный день, о день несчастный!
Пріютъ несносный и ужасный
Онъ здѣсь нашель

102.

Гуляя, онъ на деревьяхъ
Повсюду надписи встрѣчаетъ;
Онъ съ изумленьемъ въ сихъ чертахъ
Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
Невольный страхъ его влечетъ:
Онъ руку милой узнаетъ..

И въ самомъ дѣлѣ, въ жаръ полдневный,
Медоръ съ Китайскою царевной,
Изъ хаты пастыря сюда
Самъ-другъ являлся иногда.

103.

Орландъ ихъ имена читаетъ
Соединенны вензелемъ.
Ихъ буква каждая гвоздемъ
Герою сердце пробиваетъ.
Стараясь горестъ усыпить
Онъ самъ съ собою лицемѣритъ,
Не вѣрить хочетъ онъ, хотъ вѣрить:
Онъ силится вообразить,
Что вензеля въ сей роцѣ дикой
Начертаны всѣ, можетъ быть,
Другой, не этой Анджеликой.

104.

Но вскорѣ, витязь, молвилъ ты:
«Однако жъ эти мнѣ черты
Знакомы очень разумью:
Медоръ сей выдуманъ лишь ею.
Подъ этимъ прозвищемъ меня
Царевна славилъ, быть можетъ» . . .
Такъ басней правду замѣня,
Онъ мыслить, что судьбѣ поможетъ.

105.

Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
Чтобъ утупить свое мученье,
Тѣмъ пуще злое подозрѣнье
Возобновляется, горитъ.

Такъ въ сѣткѣ птичка, другъ свободы,
 Чѣмъ больше бѣется, тѣмъ сильнѣй,
 Тѣмъ крѣпче путается въ ней;
 Орландъ идетъ туда, гдѣ своды
 Гора склонила на ручей.

106.

Кривой, бродящей павиликой
 Завѣшенъ берегъ тѣнистыхъ волнъ.
 Медоръ съ прелестной Анджеликой
 Любили здѣсь у свѣжихъ водъ,
 Въ днь жаркой, въ тихой часъ досуга,
 Дышать въ объятіяхъ другъ друга.
 И здѣсь ихъ имена кругомъ
 Древа и камни сохраняли:
 Ихъ мѣломъ, углемъ иль ножомъ
 Вездѣ счастливицы написали.

107.

Туда пѣшкомъ печальный Графъ
 Идетъ, и надъ пещерой темной
 Зреть надпись — въ похвалу забавъ.
 Медоръ ее рукою томпой
 Въ тѣ дни стихами начерталъ —
 Стихи, чувствъ нѣжныхъ вдохновење,
 Онъ по-Арабски написалъ —
 И вотъ ихъ точное значенье:

108.

«Цвѣты, луга, ручей живой
 «Счастливый гротъ, прохладны тѣни —
 «Пріютъ любви, забавъ и лѣни,
 «Гдѣ съ Анджеликой молодой,
 «Съ прелестной дочерью Голофрона,
 «Любимой многими — порой
 «Я зналъ утѣхи купидона! —

«Чѣмъ, бѣдный, васъ я награжу,
 «Такъ часто вами охраненный?
 «Однимъ лишь только услугу —
 «Хвалою и просьбою смиренной!

109.

«Господь любовниковъ молю,
 «Дамъ, рыцарей и вельможныхъ
 «Пришельцевъ здѣшнихъ иль дорожныхъ,
 «Которыхъ въ сторону сію
 «Фортуна заведетъ случайно,
 «На воды, лугъ, на тѣнь и лѣсъ
 «Зовите благодать небесъ:
 «Чтобъ Нимфы ихъ любили тайно,
 «Чтобъ пастухи къ нимъ никогда
 «Не гнали жадныя стада.»

110.

Графъ точно такъ, какъ по-Латышъ
 Зналъ по-Арабски; онъ не разъ
 Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
 Но отъ бѣды не спасся нынѣ!

111.

Два, три раза, и пять, и шесть
 Онъ хочетъ надпись перечестъ;
 Несчастный силится напрасно
 Сказать, что нѣтъ того, что есть
 Онъ правду видитъ ясно.
 И нестерпимая тоска,
 Какъ бы холодная рука,
 Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно —
 И наконецъ на свой позоръ
 Вперилъ онъ равнодушный взоръ.

112.

Готовъ опъ въ горести безгласной
Лишиться чувствъ, оставить свѣтъ:
Ахъ, вѣрьте мнѣ, что муки пѣтъ,
Подобной мукъ сей ужасной!
На грудь опершись бородой
Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
Найти не можетъ рыцарь бѣдный
Ни вопля, ни слезы одной.

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ОКТАВЫ КЪ ПОВѢСТИ:

Домикъ въ Коломнѣ.

(Къ III Октавъ.)

Modo vir, modo foemina.

У насъ война! Красавцы молодые,
Вы хрипуны.
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
Ужь люди! Мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавой:
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
Но мы лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы рифму заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,
И нашихъ дней изгнѣженный поэтъ,
Чуть смыслить свой уравнивать куплетъ!

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ябамъ, мѣрѣ низкой. . . .
Съ Гекзаметромъ. . . . О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ Александрійской? . . .
Ужь не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій
И съ жаломъ даже — точная змія;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

Онъ вышнченъ былъ мамкою не дурой:
 За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
 Шагаль онъ чинно, стянуть былъ цензурой;
 Но пудрепой питикъ на зло
 Растрепанъ онъ свободно цензурой.
 Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Hugo съ товарищи, друзья природы,
 Его гулять пустили безъ цезуры.

О, чтобъ сказалъ поэтъ законодатель,
 Гроза несчастныхъ мелкихъ рифмачей!
 И ты Расинъ, безсмертный подражатель,
 Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
 И ты Вольтеръ, философъ и ругатель,
 И ты Делиль — Парнасскій муравей,
 Чтобъ вы сказали, сей соблазнъ увидя!
 Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ — вашъ стихъ обидя!

У насъ его недавно стали знать.
 Кто первый? можете у Телеграфа
 Спросить и хорошенько все узнать.
 Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
 Да можно имъ порою украшать
 Гробницы или мраморъ кенотафа;
 До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
 Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

(Къ *Октавъ VIII*).

И тамъ себѣ мы возмемся въ грязи,
 Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
 Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
 Кто просто вретъ, кто вретъ сугубо. . . .
 Но Муза никому здѣсь не грози —
 Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
 И вмѣсто лестной общій похвалы
 Поставятъ въ уголь Сѣверной Пчелы!

Иль наглою, безнравственной, мишурной,
 Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
 Или Газетою Литературной
 Ты будешь призвана на барскій судъ.
 Въдъ нынче время споровъ, брани бурной;
 Другъ на друга словесники идутъ,
 Другъ друга рѣжутъ, другъ друга губятъ,
 И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
 И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
 То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ
 Изъ за угла смѣяться надо всѣми!
 Но самъ въ толпу не суйся. . . или смѣхъ
 Плохой ужъ выйдетъ: шутками одними,
 Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
 Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

Тогда давай Богъ ноги. Потому - то
 Здѣсь имя подписать я не хочу.
 Порой я стихъ повертываю круто,
 Все жъ видно — не впервой я имъ верчу!
 А какъ давно? Того и не скажу-то.
 На критиковъ я ѣду, не свищу,
 Какъ древній богатырь — а какъ наѣду. . .
 Чтожъ? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

Покаместъ можете принять меня
 За стараго, обстрѣленнаго волка,
 Иль за молодаго воробья,
 За новичка, въ которомъ мало толка.
 У васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ друзья
 Отведена особенная полка,
 А, можетъ быть, впервой хочу послать
 Свою тетрадку въ мокрую печать.

Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за меня своей указкой,
Другаго строгій критикъ пощелкалъ!
Ужъ того-бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ!

А, вѣроятно, не замѣтятъ насъ,
Меня съ октавами моими купно.
Однакожъ намъ пора. Вѣдь я разскажъ
Готовилъ; — а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой, врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.
Фригійскій рабъ, на рынкѣ взявъ языкъ,

Сварилъ его (у Г-на Копа
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ. . . . Опять, за чѣмъ Езопъ
Я впелъ съ его варенымъ языкомъ
Въ мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
На силу-то, рифмачъ я безразсудной,
Отдѣлался отъ сей октавы трудною! —

Услѣдся муза. . . .

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВѢСТИ РОСЛАВЛЕВЪ,

НАЙДЕННОЕ ВЪ БУМАГАХЪ ПУШКИНА.

Мы пріѣхали въ ** огромное село, въ 20 верстахъ отъ губернскаго города. Около насъ было множество сосѣдей, большею частію пріѣзжихъ изъ Москвы. Всякой день всѣ бывали вмѣстѣ; наша деревенская жизнь походила на городскую. Письма изъ арміи приходили почти каждый день; старушки искали на картѣ мѣстечка бивакъ и сердились, не находя его. Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кромѣ газетъ, Ростопчинскихъ афишекъ, и не открывала ни одной книги. Окруженная людьми, коихъ понятія были ограничены, слыша сужденія, почти нелѣпыя и новости неосновательныя, она впала въ глубокое уныніе. Она не постигала мысли тогдашняго времени, столь великой въ своемъ ужасѣ, мысли, которой смѣлое исполненіе спасло Россію и освободило Европу. Цѣлые часы проводила она, облокотясь на карту Россіи, расчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движеніями войскъ. Странныя мысли приходили ей въ голову. Однажды она мнѣ объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни и явиться въ лагерь. . . . Мнѣ не трудно было убѣдить ее въ безумствѣ такого предпріятія. . . .

Отецъ ея, какъ уже извѣстно, былъ человекъ довольно легкомысленный; онъ только думалъ, чтобы жить въ деревнѣ, какъ можно болѣе по-Московскому, давалъ обѣды, завелъ *Théâtre de société*, гдѣ разыгрывались Французскія *proverbes* и всячески старался разнообразить наши удовольствія. Въ городъ прибыло нѣсколько плѣнныхъ Французовъ. Князь обрадовался новымъ лицамъ — и выпросилъ у Губернатора позволеніе помѣстить ихъ у себя. Ихъ было четверо, трое довольно незначущіе люди, фанатически преданные Наполеону, нестерпимые крикуны — правда, выкупающіе свою хвастливость своими почтенными ранами. Четвертый былъ человекъ чрезвычайно примѣчательный.

Ему было тогда 26 лѣтъ; онъ принадлежалъ хорошему дому. Лицо его было пріятно, тонъ очень хорошій; мы тотчасъ отличили его. Ласки принималъ онъ съ благородной скромностію. Онъ говорилъ мало; но рѣчи его были основательны. Полинѣ онъ понравился тѣмъ, что первый могъ ясно ей истолковать военныя дѣйствія и движенія войскъ. Онъ успокоилъ ее, удостовѣривъ, что отступленіе Русскихъ войскъ было не безсмысленный побѣгъ, и столько же беспокоило Наполеона, какъ и ожесточало Русскихъ. — «Но вы, спросила его Полина, развѣ вы не убѣждены въ непобѣдимости вашего Императора.» — Синекуръ (назову жъ и его именемъ, даннымъ ему Г-мъ Загоскинымъ), Синекуръ, нѣсколько помолчавъ, отвѣчалъ, что въ его положеніи откровенность была бы затруднительна. Полина настоятельно требовала отвѣта. Синекуръ признался, что стремленіе Французскихъ войскъ въ сердце Россіи могло сдѣлаться для нихъ опасно, что походъ 1812 года, кажется, конченъ, но не представляетъ ничего рѣшительнаго. «Конченъ! возразила Полина, а Наполеонъ все еще идетъ впередъ, а мы все отступаемъ.» — Тѣмъ хуже для насъ, отвѣчалъ Синекуръ, и заговорилъ о другомъ предметѣ.

Полина, которой надоѣли и трусливыя предсказанія, и глупое хвастовство сосѣдей, жадно слушала сужденія, основанныя на знаніи дѣла и безпристрастіи. Отъ брата получала она письма, въ которыхъ толку не возможно было добиться; онѣ были наполнены шутками умными и плохими, вопросами о Полинѣ, пошлыми увѣреніями въ любви и проч. Полина, читая ихъ, досадовала и пожимала плечами. «Признайся, говорила она, твой Алексѣй препустой человѣкъ. Даже въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, съ поля сраженія, находитъ онъ способъ писать ничего незначащія письма; какова же будетъ мнѣ его бесѣда въ теченіе тихой семейственной жизни?» Она ошибалась. Пустота братниныхъ писемъ происходила не отъ его собственного ничтожества, но отъ предразсудка, впрочемъ самаго оскорбительнаго для насъ. Онъ полагалъ, что съ женщинами должно употреблять языкъ, принаровленный къ слабости ихъ понятій и что важные предметы до насъ не касаются. Таковое

мнѣніе вездѣ было бы невѣжливо, но у насъ оно и глупо. Нѣтъ сомнѣній, что Русскія женщины лучше образованы, болѣе читаютъ, болѣе мыслятъ, нежели мужчины, занятые Богъ знаетъ чѣмъ.

Разнеслась вѣсть о Бородинскомъ сраженіи. Всѣ толковали о немъ, у всякаго было самое вѣрное извѣстіе, всякій имѣлъ списокъ убитымъ и раненымъ; братъ намъ не писалъ. Мы чрезвычайно были встревожены. Наконецъ одинъ изъ развозителей всякой всячины пріѣхалъ насъ извѣстить о его взятіи въ плѣнъ, а между тѣмъ по-шепту объявилъ Полинъ о его смерти. Полина глубоко огорчилась. Она не была влюблена въ брата и часто на него досадовала, но въ эту минуту видѣла она въ немъ мученика, героя и оплакивала въ тайнѣ отъ меня. Нѣсколько разъ я заставала ее въ слезахъ. Это меня не удивляло; я знала какое болѣзненное участіе принимала она въ судьбѣ страждущаго нашего отечества. Я не подозрѣвала еще, что было причиной ея горести.

Однажды утромъ я гуляла въ саду; подлѣ меня шель Синекуръ. Мы разговаривали о Полинѣ. Я замѣтила, что онъ глубоко чувствовалъ ея необыкновенныя качества, и что ея красота сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Я, смѣясь, дала ему замѣтить, что положеніе его самое романическое. . . . Раненый рыцарь влюбляется въ благородную владѣтельницу замка, трогаетъ ее сердце и наконецъ получаетъ ее руку.—Нѣтъ, сказалъ мнѣ Синекуръ, княжна видитъ во мнѣ врага Россіи и никогда не согласится оставить свое отечество.» Въ эту минуту Полина показалась въ концѣ аллеи, мы пошли къ ней на встрѣчу. Она приближалась скорыми шагами. Блѣдность ея меня поразила.—«Москва взята!» сказала она мнѣ, не отвѣчая на поклонъ Синекура. Сердце мое сжалось, слезы потекли ручьемъ. Синекуръ молчалъ, потупя глаза — «Благородные, просвѣщенные Французы, продолжала она голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія, ознаменовали свое торжество достойнымъ образомъ. Они зажгли Москву—Москва горитъ уже два дня.—«Что вы говорите, закричалъ Синекуръ, не можетъ быть»—«Дождитесь ночи, отвѣчала она сухо, можетъ быть увидите зарево.»—«Боже мой! опъ погибъ,

сказалъ Синекуръ; какъ? развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему Французскому войску, что Наполеону нигдѣ иъчемъ будетъ держаться, что онъ принужденъ будетъ скорѣе отступить сквозъ разоренную, опустѣвшую дорогу, съ войскомъ разстроеннымъ и недовольнымъ! И вы могли думать, что Фрунцузы сами изрыли себѣ адъ: Русскіе, Русскіе зажгли Москву! — Теперь все рѣшено: ваше отечество вышло изъ опасности; но что будетъ съ нами, что будетъ съ нашимъ Императоромъ?» Онъ оставилъ насъ. Полина и я не могли опомниться. «Неужели, сказала она, Синекуръ правъ и пожаръ Москвы — нашихъ дѣло? Если такъ. . . О, мнѣ можно гордиться именемъ Россіянка! Вселенная изумится великой жертвѣ! Теперь и падепіе наше мнѣ не страшно, — честь наша спасена; никогда Европа не осмѣлится уже бороться съ народомъ, который рубить самъ себѣ руки и жжетъ свою столицу.» Глаза ее такъ и блистали, голосъ такъ и звенѣлъ. Я обняла ее, мы смѣшали слезы благороднаго восторга и жаркія моленія за отечество. «Ты не знаешь? сказала мнѣ Полина съ видомъ вдохновеннымъ, твой братъ. . . онъ счастливъ, онъ не въ плѣну — радуйся: онъ убить за спасеніе Россіи.» Я вскрикнула и упала безъ чувствъ въ ея объятія.

ПРИЛОЖЕНИЕ IX.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ

о Полку Игоревѣ (*).

Пѣснь о Полку Игоревѣ найдена была въ библиотекѣ Графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана въ 1800 году. Рукопись сгорѣла въ 1812-мъ году. Знатоки, видѣвшіе ее, оказываютъ, что почеркъ ея былъ полу-уставъ xv вѣка. Первые издатели приложили къ ней переводъ, вообще удовлетворительный, хотя нѣкоторые мѣста остались темны или вовсе невразумительны. Многіе послѣ того силлись ихъ объяснить. Но хотя въ изысканіяхъ такового рода, послѣдніе бывають первыми (ибо ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ), первый переводъ, въ которомъ участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшимъ. Прочіе толкователи наперерывъ затмѣвали неясныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ не основанными. Объясненіями важнѣйшими обязаны мы Карамзину, который въ своей исторіи, мимоходомъ, разрѣшилъ загадочныя мѣста.

Нѣкоторые писатели усомнились въ подлинности древняго па-

(*) Эти замѣчанія нашего поэта на Слово о Полку Игоревѣ, ограничивающіяся 1-ю пѣснію и половиною второй (по раздѣленію г. Сахарова), представлены здѣсь въ той самой сжатой и необработанной формѣ, въ какой они находятся въ рукописи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этихъ замѣчаній не дописаны ссылки на авторовъ и не договорены даже мысли самого составителя статьи; мы, по возможности, старались объяснить такія мѣста въ подстрочныхъ указаніяхъ, оставляя тексту всю неприкосновенность, которая такъ важна при изданіи сочиненій, оставленныхъ авторами безъ окончанія и отдѣлки. Послѣ прилежнаго и внимательнаго разбора рукописи, смѣемъ думать, что мы представили здѣсь вѣрную копію со статьи Пушкина, набросанной, по нашему мнѣнію, въ теченіи 1834 года и, если не ошибаемся, по поводу переложенія Пѣсни, сдѣланному г. Вельтманомъ въ 1835 и изд. подъ заглавіемъ: «Пѣснь Ополченію Игоря, пер. Алекс. Вельтмана. Москва, 1833.»

мятника нашей поэзіи и возбудили жаркія возраженія. Счастливая поддѣлка можетъ ввести въ заблужденіе людей незнающихъ, но не можетъ укрыться отъ взоровъ истиннаго знатока. Вальполь не вдался въ обманъ, когда Чаттертонъ прислалъ ему стихотворенія стараго монаха Cowley (*); Джонсонъ тотчасъ уличилъ Макферсона. Но ни Карамзинъ, ни Ермолаевъ, ни А. Х. Востоковъ никогда не сомнѣвались въ подлинности пѣсни о Полку Игоревѣ. Великій скептикъ Шлецеръ, не видѣвъ еще Слова о Полку Игоревѣ, рѣзко назвалъ оное подлогомъ, но прочитавъ, призналъ подлинно древнее происхожденіе, и не почелъ даже за нужное приводить тому доказательства: такъ очевидна казалась ему истина!

§ 1. Слово о Пльку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова.

Не льпо ли ны бѣшетъ, братіе,

*Начати старыми словесы
Трудныхъ повѣстей о пльку
Игоревѣ, Игоря Святъслав-
лика!*

*Начати же ся тѣмъ пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по замышленію Бояню.*

§ 1-й. Всѣ, занимавшіеся толкованіемъ Слова о Полку Игоревѣ, перевели: «не прилично *ли* будетъ намъ, не лучше *ли* намъ, не пристойно *ли* бы намъ, не славно *ли*, други, братья, братцы — воспѣть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную пѣснь о Полку Игоревѣ, Игоря Святославлича (**)?» Но въ древнемъ Славянскомъ языкѣ частица *ли* не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно Латинскому *ne*. Иногда *ли* значитъ: *только*, иногда *бы*, иногда *же*; до нынѣ въ Сербскомъ языкѣ сохраняетъ она сіи знаменованія. Въ Русскомъ, частица *ли* есть или союзъ раздѣлительный, или вопросительный, если управляетъ ею

(*) Монаха своего Чаттертонъ назвалъ Rowley, а не Cowley.

(**) Въ такомъ смыслѣ переложили начальные стихи Пѣсни — Пожарскій, Грамматинъ и г. Вельтманъ, а первое изданіе Графа Муслина-Пушкина и Шишковъ перевели: «Пріятно намъ, братцы, начать» и «Возвѣстимъ братіе, . . . тѣмъ слогомъ и проч.»

отрицательное *не*. Въ пѣсняхъ она иногда никакого смысла не имѣетъ, и вставляется для мѣры, также какъ и частицы: *и, что, а какъ ужъ, уже какъ* (замѣчаніе Тредьяковскаго).

Въ другомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ *ли* постановлено также, но всѣ переводчики перевели не вопросомъ, а утвердительно (*). Тоже надлежало бы сдѣлать и здѣсь.

Во первыхъ рассмотримъ смыслъ рѣчи. По мнѣнію переводчиковъ, Поэтъ говоритъ: «не воспѣть ли намъ объ Игорѣ по старому? начнемъ же пѣть по былинамъ сего времени (*т. е. по новому*), а не по замышленію Бояню, (*т. е. не постарому*).» Явное противорѣчіе (**). Если же признаемъ, что частица *ли* смысла вопросительнаго не даетъ, то выдетъ: «Не прилично, братья, начать стариннымъ слогомъ печальную пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ. Начать же пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояна».

(*) Въ этомъ мѣстѣ зачеркнута карандашемъ фраза: «рѣшили, что это есть ошибка переводчика.»

(**) Къ этому мѣсту должна относиться слѣдующая выноска, сдѣланная А. С. Пушкинымъ: «Очень понимаемъ, почему А. С. Шишковъ не отступилъ отъ того же мнѣнія. Сочинителю Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ было бы непріятно видѣть, что и во времена сочинителя Слова о Полку Игоревѣ предпочитали былины своего времени—старымъ словесамъ.»

Стихотворцы никогда не любили упреска въ подражаніи и неизвѣстный творецъ Слова о Полку Игоревѣ не преминулъ объявить въ началѣ своей поэмы, что онъ будетъ пѣть по своему, а не тащиться по слѣдамъ стараго Бояна. Глаголь: *блещеть* подтверждаетъ замѣчаніе мое: онъ употребленъ въ прошедшемъ времени (съ неправильностію въ склоненіи, коему примѣры встрѣчаются въ лѣтописяхъ) и предполагаетъ кондиціональную частицу: *бы*. «Не прилично было *бы*». Вопросъ же требовалъ бы настоящаго или будущаго.

§ 2. *Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше плеснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, стрымъ вѣлкомъ по земли, шпымъ орломъ подъ облакъ.*

§ 2. Не рѣшу, упрекаютъ ли здѣсь Бояна или хвалятъ, но, всякомъ случаѣ, поэтъ приводитъ сіе мѣсто въ примѣръ того, *какимъ образомъ слагали плесни въ старину*. Здѣсь полагаю описку, или даже поправку, впрочемъ незначительную: «растѣкашется мыслію по древу» . . . тутъ пропущено *славіемъ*, которое довершаетъ уподобленіе. Г. Вельтманъ перевелъ это мѣсто: «былое воспѣтъ, а не вымысль Бояна, коего мысли текли въ вышину, такъ какъ соки по древу (*)». Удивительно!

(*) Пѣснь Ополченію Игоря, переведенная Александромъ Вельтманомъ, Москва. 1853, стр. 3.

§ 3. *Помянешь бо речь пур-
выхъ время усобіць, тогда пу-
щашеть ꙗ соколовъ на стадо ле-
бедѣй, который дотегаше, та
преди пѣсь пояше: старому Яро-
слову, храброму Мстиславу, иже
зарѣза Редедю предъ пѣлки Ка-
сожьскими, красному Романови
Святѣславлю. Боянъ же, бра-
тіе не ꙗ соколовъ на стадо ле-
бедѣй тѣщаше, нъ своя вѣщія
прѣсты на живая струны въ
складаше; они же сами Княземъ
славу рокоташу.*

§ 3-й. Ни одинъ изъ толковате-
лей не перевелъ сего мѣста удо-
влетворительно. Дѣло здѣсь идетъ
о Боянѣ, все это продолженіе
прежней мысли: «Помяная преданія
о прежнихъ браняхъ (усобица зна-
читъ ополченіе, брань, а не между-
усобіе, какъ перевели нѣкоторые^(*)).
Между - усобіе есть уже слово
составленное), напускалъ онъ и
проч.» Поэтъ изъясняетъ иносказа-
тельной языкъ Соловья стараго
времени и изъясненіе столь же ве-
ликолѣпно, какъ блестящая Ал-
легорія, приведенная имъ въ при-
мѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ
на стадо лебедей, значили 10 паль-
цевъ, возложенныхъ на струны.
Толкованіе Ал. Сем. любопытно
(томъ 7, стр. 45.) «И такъ надле-
житъ паче думать» etc. ^(**) *Г. По-
жарскій* съ симъ мнѣніемъ не со-
гласуется. Ему кажется неприлич-
нымъ для Русскихъ Князей *доказы-
вать первенство свое, кровію прі-
обрѣтенное, полетомъ соколовъ.*

(*) «Междоусобіемъ» — переведено у А. Вельмана. *ibid.*

(**) Ссылка на собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова. Вотъ это мѣсто вполнѣ: «И такъ надлежитъ паче думать, что въ древнія вре-
мена соколиная охота служила не къ одному удовольствію, но такожъ и
къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ
нихъ отдать преимущество. — Можетъ быть отличившіеся въ сраженіяхъ
военачальники или Князья, состязавшіеся въ славѣ, выѣзжали на поле,
каждый съ соколомъ своимъ и пускали ихъ на стадо лебединое съ тѣмъ,
что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить
общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими.»

Онъ полагаетъ, что не Князья, а стихотворцы напускали соколовъ, а причина такого древняго обряда, думаетъ онъ, была *скромность* стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами (*). А. С. Шишковъ въ свою очередь видитъ въ мнѣніи Я. Пожарскаго *крайнюю неосновательность и несчастное самолюбіе* (томъ II, стр. 388 (**)).

(*) Яковъ Пожарскій въ примѣчаніяхъ своихъ къ Слову, изданному имъ въ 1819 году, стр. 31 — 32. Вотъ его слова вполнѣ: «Согласно ли съ истиною, чтобы древніе Россійскіе Князья, изъ коихъ одинъ менѣе, другой болѣе оказалъ геройства въ военныхъ подвигахъ и тѣмъ заслужили преимущество на полѣ брани, могли еще первенство свое, кровію прибрѣтенное, доказывать полетомъ соколовъ; ибо въ подобныхъ обстоятельствахъ Русскому Князю для прибрѣтенія славы и первенства надъ прочими не настояло бы надобности подвергать себя опасности въ сраженіяхъ, а стараться бы только имѣть удалаго сокола? . . . Какъ по сему разсужденію, такъ и по словамъ подлинника, не Князья, но стихотворцы пускали соколовъ, что доказывается послѣдующею рѣчью . . . Причиною таковаго древняго обряда была, можетъ быть, скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами.»

(**) Другая ссылка на собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шипкова. Выписываемъ опять цѣликомъ опроверженіе А. С. Шипкова: «Простительно любилъ свое дитя, хотя бы и дурное, лучше другихъ дѣтей, но находить ихъ уродами предъ нимъ, есть крайнее ослѣпленіе. Можно оспаривать мысль другаго и утверждать свою; но видѣть нелѣпымъ образомъ нелѣпицу въ другомъ, есть крайняя неосновательность и несчастное самолюбіе. . . . Положимъ, что прежній ошибся, но сей послѣдній лучше ли растолковалъ? Какая нужда стихотворцамъ (и еще мнимымъ, ибо ихъ нѣтъ въ подлинникѣ) спорить между собою и пускать соколовъ, кому изъ нихъ первому пѣть? Кромѣ того, что соколиная охота всегда была Царская, а не стихотворческая, можно ли себя представить, чтобы Ломоносовъ сталъ кидать жеребій съ Тредьяковскимъ, кому изъ нихъ пѣть Елисавету. Предположеніе, ни мало неудовлетворительное, и ежели первый толкователь не заслуживаетъ вѣротія, то и второй тоже; надобно третьяго.»

Къ крайнему сожалѣнію Г. Пожарскій не возразилъ. (*)

а) *«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря.»* Здѣсь опредѣляется эпоха, въ которую написано слово о Полку Игоревѣ.

б) *«Иже истягну умъ крѣпостію своею.»* Истягнуль — вытянулъ, натянулъ, извѣдалъ, попробовалъ (Пожарскій: препоясалъ умъ крѣпостію; первые толкователи: напрягли умъ крѣпостію своею). *Натянулъ какъ лукъ, изострилъ какъ мечъ* — метафоры, заимствованныя изъ одного источника.

с) *«Наплъннися ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половтыцкую за землю Русскую. Тогда Игорь възръ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! лице-жъ бы потяту быти, неже полонену быти.»* Лучше быть убиту, нежели полонену. Въ Русскомъ языкѣ сохранилось одно слово, гдѣ ли послѣ не, не имѣетъ силы вопросительной: *нежели*. Слово *неже* употреблялось во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается и въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

д) *«Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступы, искусити Дону Великаго.»* Слова запутаны (**). Первые издатели перевели: «пришло Князю на мысль пренебречь (худое) предвѣщаніе и извѣдать (счастія на) Дону великомъ.» «*Заступить*» имѣетъ нѣсколько значеній — омрачить, *lumen impedio*, помѣшать, удержатъ. «Спали Князю въ умъ — желаніе и печаль.

(*) Все это мѣсто есть тонкая иронія надъ спорами двухъ ученыхъ, которую Пушкинъ еще яснѣе выразилъ зачеркнутой фразой: «Всѣ сіи толкованія крайне любопытны.» По толкованію самого Пушкина смыслъ спорныхъ стиховъ Пѣсни долженъ быть слѣдующій: «Боянъ начиналъ тѣмъ, что напускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, а это у него значило, братіе, что онъ десять пальцевъ на живыя струны возлагалъ. . . .» и проч. Послѣ этого мѣста въ рукописи Пушкина являются однѣ бѣглыя и часто недописанныя замѣтки, которыя здѣсь собираемъ со тщаніемъ и въ томъ порядкѣ, какъ нашли.

(**) Въ рукописи зачеркнутаго слова: «*смысль ясенъ.*»

Ему знаменіе мѣшало, запрещало искусити Дону великаго. Такъ хочу же, сказалъ. . . .» *Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шелономъ Дону.»*

e) «О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пѣлкъ щецкоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полья сего времени,» т. е. «сплетая хвалы на всѣ стороны сего времени.» Если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу.

f) *Рица въ тропу Трояню хресь поля на горы.»*

(«Четыре раза» говорятъ первые издатели. . . . 5 стр. изд. Шишкова) (*). Прочіе толкователи не послѣдовали скромному примѣру. Они не хотѣли оставить безъ рѣшенія то, чего не понимали.

Черезъ всю Бессарабію проходитъ рядъ кургановъ, памятникъ Римскихъ укрѣпленій, извѣстный подъ названіемъ *Троянова вала*. Вотъ куда обратились толкователи и утвердили, что неизвѣстный Троянъ, о коемъ 4 раза упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, есть ни кто иной, какъ Римскій Императоръ. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объясненіе? Но и тропа Троянова можетъ ли быть принята за Трояновъ валъ, когда нѣсколько ниже опредѣляется: «*вступилъ дѣвою на землю Трояню. . . . на синьмъ моръ, у Дону»* (стр. 14, изд. Шишкова). Гдѣ же тутъ Бессарабія? «Слѣды Трояна. . . .» говоритъ Вельтманъ (**). Почему же?

(*) Эта фраза въ скобкахъ есть памятная замѣтка автора о томъ, что первые издатели Слова сосчитали, что имя Трояна упоминается тамъ 4 раза, но объясненія стиху: «рица въ тропу Трояню» — не приложили. Вотъ подлинныя слова ихъ изъ примѣчанія: «четыре раза упоминается въ сей пѣсни о Троянѣ, т. е. тропа Трояна; вѣчи Трояни, земля Трояни и седьмый вѣкъ Трояновъ: но кто сей Троянъ — догадаться ни почему невозможно.» (см. Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ и проч. 1800 г. стр. 6) Г. Пожарскій въ 1819 году проходитъ молчаніемъ загадочнаго Трояна.

(**) Вотъ это мѣсто изъ примѣчаній А. Ѡ. Вельтмана, приложенныхъ имъ къ своей Пѣсни Ополченію: «Слѣды Трояна въ Дакии, видимые по сіе время, должны были быть извѣстны потомкамъ Дунайскихъ Славянъ. Прим. 3-с.» Пушкинъ искалъ объясненія темному мѣсту Пѣсни весьма усердно. Онъ обращался много разъ къ нашимъ ученымъ, предлагая имъ свои догадки и вызывая на разысканія. Такъ еще въ 1836 г.

г) *Пѣти было пѣть Игорю, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, etc.* Поэтъ повторитъ опять изображенія Бояновы и, обращаясь къ Бояну, вопрошаетъ. «или не такъ ли пѣть было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: *Комони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новгородѣ, стоятъ стязи въ Путивль; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.*»

Теперь поэтъ говоритъ самъ отъ себя—не по вымыслу Бояну, а по былинамъ сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описаніе стоитъ иносказаній Соловья стараго времени!

h) *И рече ему Буй—Турь Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвъ Святъславимья: съдлай, брате, свои брѣзвы комони, а мои ти готови.* (*) Готовы значать здѣсь извѣстны; значеніе сіе сохранилось въ Иллирійскомъ Славянскомъ нарѣчій. Ниже мы увидимъ, что Половцы бѣгутъ

онъ говорилъ объ этомъ предметъ съ П. И. Кеппеномъ. Въ бумагахъ его сохранилась слѣдующая записка Академика: «Свидѣтельствуя отличное свое почтеніе Его Высокоблагородію Алек. Сер—чу, Кеппенъ имѣетъ честь препроводить при семь копію со статьи, доставленной къ нему о Троянѣ, о коей было говорено въ Императорской Публичной библиотекѣ. Павловскъ. 17 Іюня 1836.» На оборотѣ записки изложено по-Нѣмецки мнѣніе г. Профессора Кучарскаго (Kucharski) о спорномъ Троянѣ. Профессоръ предлагаетъ его считать не Римскимъ императоромъ, а Константинопольскимъ полководцемъ Трояномъ, который въ царствованіе Валентіана сражался на низовьяхъ Дуная съ Славянами и былъ ими побитъ, въ 367 году по Р. Х. Отсебѣ возможность предполагать, что нѣкоторое время Славяне отъ этого счастливаго событія вели лѣтосчисленіе свое и часто упоминали объ немъ въ своихъ пѣсняхъ. Такимъ образомъ, если принимать полководца Трояна, а не Императора Трояна, то и мѣсто Пѣсни, гдѣ говорится о Всеславѣ, поскакавшемъ къ Киеву и отворившемъ врата Новгорода — *на седьмомъ вѣцѣ Трояни* — будетъ сходно съ хронологіей. Всеславъ завладѣлъ Новгородомъ въ 1067 году, на седьмомъ вѣкѣ, послѣ пораженія Трояна — полководца. Таково въ сокращеніи мнѣніе Г. Профессора. Онъ старается пояснить также мѣсто Пѣсни, гдѣ говорится: «звоня Русскимъ златомъ (Готскія дѣвы), поютъ *время Бусово.*» У Славянъ — Антовъ, Иорданъ упоминаетъ около 373 года о королѣ ихъ *Боксъ*, убитомъ въ сраженіи. Не одно ли это лице?

(*) У А. Θ. Вельтмана переведено: «Мои... готовы.» (Пѣснь Ополченію стр. 7), а также и у Я. Пожарскаго стихъ; *«А Половци неготовыми дорогами побѣгоша»*—переведенъ: «Половцы же неготовыми дорогами побѣжали къ Дону.» Это чтеніе пѣсни и породило вопросъ Пушкина: что же значить готовые лони — осѣданы у Курска?

неготовыми (неизвѣстными) дорогами. Если же неготовыми значило бы «немоощными», то что же бы значило: *готовые кони* — *осёдлани у Курска на переди?*

і) *А мои ти Куряни свѣдоми.*» Сіе повтореніе тогоже понятія другими выраженіями подтверждаетъ предыдущія мои показанія. Это одна изъ древнѣйшихъ формъ поэзіи. Смотри Священное Писаніе (*).

к) *Кмети подъ трубами повити.* «Г. Вельтманъ» . . . «Кметъ» значитъ вообще крестьянинъ, мужикъ: *Kar gospòda stori krivo, kmeti mòrjo plàzhat shivo (**).*»

(* «Готови» и «свѣдоми» — по толкованію Пушкина — синонимы.

(**) Я. Пожарскій и первые издатели, соединивъ два стиха: *А мои ти Куряне свѣдоми къ мети* — переводили: «А мои Курчане искусны въ цѣль стрѣлять.» А О. Вельтманъ — кметъ перевелъ *старостой* и вотъ его слова, на которыя ссылается Пушкинъ: «Кметъ — значитъ *гистный налалникъ, староста.* Въ Сербіи по сіе время есть Кметы: *у сваколь селу имају по два, по три кмета . . .*» (Примѣчаніе 7-е къ пѣсни Оплоченію.) Пушкинъ кметъ передастъ: крестьяниномъ. Здѣсь кончаются любопытныя замѣтки нашего автора, но въ дополненіе къ нимъ, мы еще приводимъ отрывокъ, писанный карандашемъ и сохранившійся въ рукописяхъ. Имъ возражаетъ Пушкинъ на мнѣніе журнала: Библиотека для Чтенія 1834, томъ IV, предполагавшаго въ словѣ о Полку Игоревѣ такую же поддѣлку, какой прославился Макферсонъ, и въ языкѣ Пѣсни обороты XVIII вѣка. Вотъ эта замѣтка: «подлинность самой пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который не возможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ 18 вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Прочіе не имѣли всѣ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло бы въ голову взять въ предметъ пѣсни темный походъ неизвѣстнаго Князя? Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей Пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ Славянскихъ нарѣчійяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало бы знаніе *всѣхъ* нарѣчій Славянскихъ. Положимъ онъ ими бы и обладалъ — неужто таковая смѣсь естественна?» . . .

Замѣтка эта, можетъ быть, должна была составлять начало самой статьи. Мысль, въ ней заключающаяся, дѣйствительно развита во вступленіи къ разбору Пѣсни.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Напечатано:		Слѣдуетъ исправить:	
<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>		
56	20	данный ему	даннымъ ему
81		Въ стихотвореніи «Другъ Дель- вигъ» строка 21: «Какъ мужъ лѣнивый за женою»	«Какъ мужъ лѣнивый за женою»
107	14	шагомъ	числомъ
150	2	Бодуновъ	Годуновъ
155	9	Гораздо позднѣе Пушкина	Гораздо позднѣе, Пушкина»
160	15	Ваугоп	Вугоп
166	13	ею	егимъ
207	3	Но полный образецъ	Но какъ полный образецъ
231		Въ стихотвореніи: «Воспоминанія- ми смущенный»	«Воспомина ^н а ^н н ^н ми смущенный»
273	17	степь	степень.
287		Въ примѣчаніи, строка 2: <i>Athae- nem</i>	<i>Athaeⁿem</i>
308	16	«въ долину дикой»	«среди долины дикой»
326	1	«порочный онъ забавы,	«порочно ^н онъ забавы»
337		Въ стихотвореніи: «Увы, языкъ болтливый, третья строка: «своею прозой нерадивый»	«своею про ^в ой нерадивой»
364		Въ сценѣ изъ Русалки: «мы. . . . не видали»	«мы. . . . не видѣли»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Страницы:</i>
1) Матеріалы для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина.	1 — 432.
2) Приложенія:	
I.) Родословная Пушкиныхъ (таблица)	435.
II.) Сказки Арины Родіоновны, записанныя Пушкинымъ.	437.
III.) Французскія письма Пушкина по поводу Бориса Годунова	442.
IV.) Послѣднія минуты Пушкина, описанныя В. А. Жуковскимъ, въ 1837 г.	446.
V.) Выписка изъ біографіи А. С. Пушкина, составленной г. Бantyшъ-Каменскимъ.	458.
VI.) Пушкинскій переводъ XXIII пѣсни Аріостова: Orlando furioso	465.
VII.) Дополнительныя октавы къ повѣсти: Домикъ въ Коломнѣ.	470.
VIII.) Продолженіе повѣсти: Рославлевъ	474.
IX.) Замѣчанія Пушкина на Пѣснь о Полку Игоревѣ.	478.

Къ первому тому сочиненій Пушкина слѣдуютъ: портретъ Александра Сергѣевича, гравированный на стали Н. Уткинымъ, и семь снимковъ съ почерка и съ рисунковъ поэта:

- 1.) Почеркъ его въ 1815 году (Отрывокъ изъ лицейскихъ записокъ Александра Сергѣевича).
- 2.) Почеркъ его въ 1821 г. (Черновыи оригиналь стихотворенія: Муза).
- 3.) Листокъ изъ тетради, содержащей первый оригиналь Платавы.
- 4.) Тотъ же листокъ, на-чисто переписанный Пушкинымъ.
- 5.) Рисунокъ съ послѣдней страницы сказки: Купецъ Остолопъ.
- 6.) Рисунокъ, сдѣланный Пушкинымъ при повѣсти: Домикъ въ Коломнѣ.
- 7.) Проектъ заглавнаго листа для драмъ и драматическихъ отрывковъ.